

Древняя Русь в свете зарубежных источников

Под редакцией Е.А.Мельниковой

*Рекомендовано
Министерством общего и профессионального образования
Российской Федерации в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений*

Рецензенты:

А.Б.Каменский, Е.И.Пивовар, Б.Н.Флоря

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Взгляды и подходы авторов не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Редакционный совет:

В.И.Бахмин, Я.М.Бергер, Е.Ю.Гениева, Г.Г.Дилигенский, В.Д.Шадриков

Предисловие — Е.А.Мельникова

Часть I — А.В. Подосинов

Часть II — М.В. Бибилов

Часть III — И.Г. Коновалова

Часть IV — А.В. Назаренко

Часть V — Г.В. Глазырина

Т.Н. Джаксон

Е.А. Мельникова

*Памяти
Владимира Терентьевича Пащуто,
Ученого и Учителя*

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУСИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение тысячелетней предыстории и истории Древней Руси домонгольского времени зиждется на двух основных видах источников: древнерусских письменных памятниках и археологических материалах. Однако археологические материалы в силу их специфики могут рассказать нам о хозяйственном укладе общества, быте и культурных традициях, времени происхождения и характере поселений и т.п. Историческая интерпретация памятников материальной культуры позволяет делать некоторые выводы о социальной структуре общества, наконец, восстановить его международные связи (в основном торговые), но ни политическая, ни социальная история общества в полном объеме не могут быть воссозданы с помощью только археологии.

Письменная же культура пришла на Русь довольно поздно — лишь в конце X в., и литературное творчество на Руси, насколько мы можем судить по сохранившимся памятникам, началось не ранее середины XI в. Первые опыты летописания (время создания, характер и содержание древнейших памятников остаются предметом дискуссий) дошли до нас в редакциях начала XII в., но в рукописях конца XIII — начала XV в. Богатые сведениями о событиях начиная со второй половины XI в., летописи все более скупо и фрагментарно освещают события по мере удаления в глубь веков. Более того, рассказывая об истории Руси X и предшествующих столетий, летописец не имел других источников, кроме византийских хроник и местных преданий, дошедших до него в устной передаче. Поэтому реконструкция политической истории Руси IX—X вв. — особенно важного времени в истории восточного славянства, поскольку именно в эти века зарождается и формируется Древнерусское государство, — ненадежна и спорна: ведь таковы сами источники, на которых она строится.

Совершенно очевидно, что в этих условиях любая дополнительная информация о народах Восточной Европы, о восточных славянах и о Руси бесценна для историка. И крупницы, а нередко и целые пласты такой информации находим мы в сочинениях, созданных в странах, соседствовавших с восточноевропейским регионом и издавна обладавших письменностью и литературой.

Греческие колонисты в Северном Причерноморье первыми пришли в соприкосновение с обитателями южнорусских степей. Позднее византийцы оказались лицом к лицу с переселявшимися на Балканский полуостров славянскими племенами. Еще несколько столетий спустя Византии начали угрожать набеги «северных варваров» — росов, и на дальних рубежах империи окрепло мощное государство. Как греков, так и византийцев не могло не интересовать, что происходит в чуждом и опасном для них варварском мире. И потому уже в древнейших письменных памятниках — поэмах Гомера — возникает образ Северного Причерноморья и населяющих его народов. Фантастические, окрашенные мифологическими представлениями предания постепенно сменяются достоверной информацией, объем которой неуклонно возрастает.

По мере укрепления Древнерусского государства все большее число народов вступает с ним в разнообразные контакты, торговые, военные, политические, конфессиональные. И чем интенсивнее становились эти контакты, тем больше информации о Руси проникало на страницы хроник и анналов, писем и документов, географических сочинений и литературных произведений, тем шире был круг стран и народов, а соответственно и письменных традиций, в которых отражены сведения о Руси. В IX в. к античным и византийским источникам присоединяются арабская историко-географическая литература, а также ранние латиноязычные памятники из Восточно-Франкского королевства (позднее — Германии). С самого начала распространения письменности в Скандинавии, с XI в., восточноевропейские сюжеты и темы насыщают памятники древнескандинавской литературы. Наконец, с этого же времени сведения о Древней Руси и связях с ней распространяются по всей Европе и Ближнему Востоку и обнаруживаются в итальянских, английских, французских, армянских, грузинских и многих других источниках.

Разнообразие, подчас уникальность и огромный объем информации о Восточной Европе и Руси в зарубежных памятниках пись-

менности делает их **ценнейшим** источником по **древнейшей** истории нашей страны, многие страницы которой остались бы просто неизвестны, не прояви к ним интереса византийский монах или арабский путешественник.

Так, в «Вертинских анналах», написанных в IX в. на территории современной Германии, под 839 годом впервые упоминается этноним *рос* (см. ниже, а также часть IV, гл. 1.1). Едва ли найдется труд по истории Древней Руси, автор которого не упомянул бы иностранные браки детей князя Ярослава Мудрого. Один из его сыновей, Изяслав, был женат на сестре польского князя Казимира I (ок. 1038—1058 гг.); другой, Всеволод,— на византийской принцессе, родственнице (дочери?) императора Константина IX Мономаха (1042—1055 гг.); три дочери, Елизавета, Анастасия (?) и Анна, были выданы замуж за королей: норвежского Харальда Сурового Правителя (1046—1066 гг.), венгерского Андрея I (1046-1060 гг.) и французского Генриха I (1031-1060 гг.) соответственно. Вероятно, и старший сын Ярослава (от первого брака) Илья был женат на сестре датского (с 1018/1019 г.) и английского (с 1016 г.) короля Кнута Великого (ум. в 1035 г.). В русле брачной политики Ярослава Мудрого находились и матримониальные связи через его сестер, одна из которых была выдана им замуж за польского короля Казимира I, а другая, возможно, за маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда (см.: часть IV, гл. 4.3). Как видим, перечень выглядит весьма внушительно, но в древнерусских источниках есть сведения только о супруге Всеволода и родстве Ярослава с Казимиром. Древнерусский летописец часто знал намного больше, чем считал нужным или возможным сообщить, и нередко зарубежные источники раскрывают то, о чем он умолчал.

Именно поэтому важность собирания, издания и исследования источников по истории Восточной Европы того времени, когда на ее просторах складывались основные этносы, когда возникали первые государства, когда проникало и распространялось христианство, была осознана историками еще на заре исторической науки в России, в XVII в.

И Иннокентий Гизель в «Синописе» (издан в 1674 г.), и Андрей Лызлов в «Скифской истории» (завершена в 1692 г.) широко использовали свидетельства античных авторов о скифах, ко-

торых они отождествляли со славянами. Привлекались ими и некоторые свидетельства византийских писателей (их использование, собственно, началось в середине XI в., поскольку византийская историография послужила одним из важнейших источников русского летописания).

Особое значение византийских источников для русской истории было по-настоящему оценено в начале XVIII в. Уже в 1715 г. в труде А.И. Манкиева («Ядро российской истории», опубликовано позже Г.Ф. Миллером) отмечалась важность привлечения зарубежных источников. В 1726 г. Академией наук был приглашен немецкий филолог и историк Г.З. Байер (G.S. Bayer; 1694—1738 гг.) со специальной целью собрать и исследовать античные и средневековые источники по русской истории. Хотя его занятия завершились публикацией только ряда статей, они заложили основы критического использования зарубежных источников в исторических целях. Со времени издания исторического труда В.Н. Татищева (1686—1750 гг.), опиравшегося наряду с древнерусскими на античные, византийские, западноевропейские, скандинавские памятники, комплексное привлечение разноязычных источников становится обычным для русских историков.

Как первоочередная осознается задача сбора и издания зарубежных источников. В 1764 г. А.Л. Шлёцер (A.L. Schlozer; 1735—1809 гг.) представил в Академию наук записку «Обзор русских древностей в свете греческих материалов», в которой обосновал необходимость создания свода древнейших иностранных свидетельств по истории Руси для сравнения и проверки летописных данных. Результатом предложения Шлёцера была публикация выдержек из византийских источников, подготовленная И. Штриттером (пять томов, вышедших в 1771—1779 гг., на латинском языке и практически сразу же переведенные на русский язык). Значительно большее количество источников было привлечено в трехтомной публикации И. Потоцкого (1761—1815 гг.), который собрал «Фрагменты исторические и географические о Скифии, Сарматии и славянах» из античных, римских, византийских, латиноязычных западноевропейских и славянских памятников. Вместе с переводами на русский язык большого числа произведений античной литературы (Овидия, Юстина, Тацита, Сенеки, Боэция и др.) своды Штриттера и Потоцкого создали базу зарубежных источников по ранней истории Восточной Европы и Древней Руси.

Однако методический и археографический уровень их публикаций был крайне низок — он определялся общим состоянием источниковедения того времени. Доверие к сообщению источника (главным критерием достоверности служила древность текста), использование фрагментов без учета контекста памятника, прямолинейность интерпретаций — все эти особенности были характерны в изучении равно и древнерусских, и зарубежных источников.

Интерес к зарубежной «Россике» резко возрос в середине — второй половине XIX в., когда появились первые научные своды античных (К. Гана, В.В. Латышева), арабских (А.Я. Гаркави, Б.А.Дорна), скандинавских (К. Равна) и других свидетельств о Руси. Хотя в подавляющем большинстве этих сводов комментарию отсутствовали, тем не менее критическое издание текстов с переводами на русский (или, как в издании Равна, — на латинский) язык имело огромное значение. К началу XX в. русские историки получили в распоряжение обширный корпус сведений о древнейшей истории страны по византийским, арабским, немецким, скандинавским источникам. Это позволило приступить к всестороннему изучению содержащейся в них исторической информации в сопоставлении с данными русских источников. Труды В.В. Латышева и М.И. Ростовцева в области антиковедения, В.Г. Васильевского — византиноведения, Ф.А. Брауна — скандинавистики, А.А. Куника, В.Р. Розена, В.Г. Тизенгаузена — востоковедения были посвящены сквозному анализу зарубежных известий о Восточной Европе и Древней Руси. Одновременно выявлялись характерные черты каждой из национальных литературных традиций о Восточной Европе, устанавливались пути проникновения информации в тот или иной регион античного и средневекового мира, определялись особенности и степень достоверности информации. Широко обсуждалась и собственно историческая интерпретация как отдельных сообщений, так и комплексов сведений региональных или посвященных одному событию или явлению. Именно в это время, в конце XIX — начале XX в., появляется ряд исследований связей Восточной Европы и Руси со странами Востока и Запада. Русь предстает в них европейской державой, имевшей тесные и разнообразные политические, экономические и культурные контакты с Византией, Германией, Польшей, Венгрией, скандинавскими странами.

Интенсивная разработка информации зарубежных источников, а также бурное развитие отечественного источниковедения

в первые десятилетия XX в. (см. труды А.А. Шахматова) выявили недостаточность существующих публикаций зарубежных источников. Изданные по различным принципам, с разноязычными переводами и зачастую без комментария, публикации уже не могли удовлетворять возросшие требования и источниковедческого, и исторического плана. Более того, были выявлены и новые **источники**.

Поэтому в 1910-х годах в Академии наук начал разрабатываться проект подготовки всеобъемлющего свода иностранных источников по отечественной истории. Он должен был включить разноязычные источники из всех основных регионов Европы и Переднего Востока. В обсуждении проекта принимали участие А.А. Шахматов, Ф.А. Браун, В.В. Латышев и др. Однако начало первой мировой войны и последовавшая революция сделали невозможным его осуществление.

Упадок классического образования в СССР поставил под угрозу саму идею создания свода зарубежных источников по истории Восточной Европы: ведь для подобного многотомного издания требуется большой коллектив высокопрофессиональных специалистов в области и филологии, и археографии, и источниковедения, и собственно истории. Тем не менее в 1929 г. на заседании группы академиков — историков, социологов и экономистов Отделения общественных наук АН СССР было «доложено мнение Археографической комиссии о желательности приступить к работе по подготовке к изданию памятников византийских, западноевропейских и арабских, имеющих отношение к древнейшей истории Руси» (Пашуто, Рыбаков. 1974а. С. 4). К работе приступили Б.Д. Греков, И.Ю. Крачковский, С.А. Аннинский, Е.А. Рыздзевская. Но и это начинание, приведшее к изданию ряда источников и исследований, оказалось неосуществленным из-за начала второй мировой войны и наступившей затем борьбы с космополитизмом, в условиях которой изучение зарубежных источников было негласно признано непродуктивным. И хотя в 1930-1950-е годы их изучение не остановилось полностью, масштабы исследований существенно сократились. Большая заслуга в введении в научный оборот важнейших для русской истории источников и конкретных сведений принадлежит В.М. Истрину, В.В. Бартольду, И.Ю. Крачковскому, С.А. Аннинскому, Е.А. Рыздзевской и др.

Лишь в 1969 г. при формировании Института истории СССР была поставлена задача наряду с изучением социально-полити-

ческой истории Руси, Кавказа, Средней Азии раннего времени, подготовить и издать корпус иностранных письменных источников по истории Восточной Европы от античного времени до монголо-татарского нашествия (Пашуто, Рыбаков. 1974а; они же. 1974б). Для этой цели в Институте истории СССР был образован сектор истории древнейших государств на территории СССР, который возглавил выдающийся историк Древней Руси и Прибалтики В.Т. Пашуто (1918-1983 гг.). Он создал постоянный коллектив, состоявший по преимуществу из филологов по образованию, который приступил к подготовке издания иностранных свидетельств по истории нашей страны домонгольского времени — свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (ныне — «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).

Принципы издания свода, равно как и основной состав публикуемых источников, были разработаны В.Т.Пашуто при участии Я.Н.Щапова и стали предметом широкого обсуждения (Корпус древнейших источников...; Древнейшие источники. 1976, 1980). В своде исследовательская работа совмещается с публикаторской: изучение текста с филологической и источниковедческой стороны непременно предшествует его изданию. Публикация оригинального текста (целиком или во фрагментах) осуществляется по лучшему его критическому изданию, по возможности производится сличение текста по доступным автору рукописям. В редких случаях текст издается по рукописям («Баварский географ» в кн.: Назаренко. 1993; Бибииков. 1997) или фотокопиям рукописей (Мельникова. 1986). Перевод на русский язык, являющийся одновременно и интерпретацией текста, предполагает точность и адекватность в передаче текста (так, считается недопустимым «прояснение» в переводе темных мест), максимально точное отражение особенностей терминологии и ономастики (поэтому часто применяется транслитерация названий) памятника, сохранение — по возможности — стилистических особенностей произведения. Обширный исследовательский комментарий охватывает все аспекты изучения публикуемого памятника и включает текстологический, источниковедческий, лингвистический, исторический (историко-географический, терминологический и собственно реальный) разделы. Хронологические рамки публикуемых памятников — от момента, когда Восточная Европа попадает на страницы письменных текстов, т.е. с античного времени, и до конца XIII в. Широкий хронологический диапазон позволяет прояснить этнокультурные и социально-по-

литические процессы в их непрерывном единстве и последовательности.

Вышедший в 1977 г. первый том свода (автор — Е.А. Мельникова) под общей редакцией В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова (с 1985 г. свод издается под общей редакцией В.Л. Янина) убедительно показал плодотворность и перспективность начатого. Он содержал обширный комплекс — 120 рунических надписей из Швеции, Дании, Норвегии — практически неизвестных нашей науке сведений о связях скандинавских стран с Прибалтикой и Русью в XI в.

Каждая последующая публикация свода — за 20 лет издано 15 томов — либо приносила новую информацию, либо критически переосмысливала, уточняла и дополняла данные уже известных источников, происходящих из всех регионов Европы и Ближнего Востока. Взаимоотношения античных колоний в Причерноморье с «варварскими» народами освещались в трех выпусках свода, содержащих фрагменты «Истории» Геродота (Доватур, Каллистов, Шишова. 1982), поэтических сочинений Овидия (Подосинов. 1985) и латинской эпиграфики Херсонеса Таврического (Соломоник. 1983). Важнейшие для ближайшей предыстории и ранней истории Древнерусского государства — византийские источники — нашли отражение в трех опубликованных томах, включивших «Хронографию» Феофана и «Бревиарий» Никифора (Чичуров. 1980), «Историю» Иоанна Кинама (Бибиков. 1997) и один из наиболее часто привлекаемых в исторических сочинениях памятников — трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного (Константин Багрянородный. 1989, 1991). Сведениям восточных авторов посвящен один том (Калинина. 1988), в котором были собраны фрагменты арабских географических сочинений IX–X вв. Исследование западнославянских источников завершилось публикацией фрагментов польских латиноязычных памятников (Щавелева. 1990). Западноевропейские источники представлены двумя томами свода. Были изданы все тексты английского происхождения, содержащие данные о Восточной Европе (Матузова. 1979). Ценные новые сведения о связях Руси с Западной Европой и о политической истории Руси представлены в томе, посвященном ранним немецким латиноязычным источникам (Назаренко. 1993). Последняя группа источников, которые занимают пять томов свода, происходит из стран Северной Европы. Это комплекс рунических надписей (Мельникова.

1977), древнескандинавские географические трактаты (Мельникова. 1986), исландские королевские саги (Джексон. 1993; Джексон. 1994) и исландские саги о викингх (Глазырина. 1996).

За 20 лет существования свод создал прочную и обширную источниковую основу, существенно дополняющую и расширяющую данные русских источников. Он ввел в науку целые пласты новой информации о предыстории и истории Древней Руси, открыл новые страницы ее международных связей, позволил реконструировать многие «темные места» нашего прошлого. Однако сделанное — это только начало большого пути. Изучена и издана лишь незначительная часть известных нам сегодня зарубежных источников: десятки, если не сотни памятников еще ждут публикации. Содержащаяся в них информация о народах Восточной Европы и Древней Руси требует пристального внимания, и невозможно сейчас сказать, сколько ценнейших сведений будет добыто следующими поколениями публикаторов свода и исследователями ранней истории Восточной Европы.

Вместе с тем использование зарубежных источников представляет большую сложность — и далеко не только из-за языка. Дело прежде всего в специфике отражения ими событий, происходивших в чужом, а подчас и чуждом для их авторов мире. Интерес к народам Восточной Европы, бесспорно, существовал в окружающих ее странах, но далеко не всегда он носил целенаправленный и систематический характер. И потому сообщения о них, а также о Древнерусском государстве нередко случайны (но оттого не менее ценны). Более того, они отягощены сложившимися в каждом из регионов стереотипами описания Восточной Европы: как «варварского мира» в античной и византийской литературе, как места совершения героических деяний в древнеисландской литературе и т.п. Поэтому непосредственное использование сообщения зарубежного источника без глубокого исследования его контекста, как правило, ведет к его неверной интерпретации и созданию историографических мифов.

Исследуемые в своей совокупности, зарубежные источники освещают кардинальные вопросы отечественной истории и помогают воссоздать целостную картину зарождения и становления Древнерусского государства.

Именно в зарубежных источниках, немецких и византийских, впервые появляется название *русь*, которое в силу его формы не может быть исконно славянским (см.: Назаренко. 1980). Подавляющее большинство исследователей (о других точках зрения см.: Константин Багрянородный. С. 296—307) возводят его к древнескандинавскому корню *rōþ-*, производному от германского глагола **rowan*, «грести, плавать на весельном корабле» (ср. др.-исл. *róa*). Слово **rop(e)R* (др.-исл. *róðr*) означало «гребец, участник похода на гребных судах», а также и сам поход (в последнем значении это слово встречается в самых ранних скандинавских письменных памятниках — шведских рунических надписях XI в.). Так, предполагается, называли себя скандинавы, совершавшие в VII—VIII вв. плаванья в Восточную Прибалтику и в глубь Восточной Европы, в Приладожье, населенные финскими племенами. Именно финны, первыми познакомившиеся со скандинавами, усвоили их самоназвание в форме *ruotsi*, поняв его как этноним (таково значение этого слова и его производных в современных финских языках). Включившиеся в финно-скандинавские контакты восточные славяне заимствовали местное обозначение скандинавов, которое приобрело в восточнославянском языке форму *русь*.

Однако далеко не сразу оно стало названием Древнерусского государства и восточных славян. Его значение претерпело длительную эволюцию, занявшую около столетия. Первоначальное значение «скандинавские воины в Восточной Европе» (ср. определение в сказании о призвании в варягов тех, кого взял с собой Рюрик: «всю русь» — в «Повести временных лет» и «дружину многу» — в Новгородской I летописи) сменилось обозначением военной знати во главе с князем и профессиональных воинов, по преимуществу скандинавского происхождения (именно это значение мы находим в трактате византийского императора Константина Багрянородного в середине X в.), развилось далее в наименование земель и народов (славянских и финских), подвластных «русскому» князю, и, наконец, стало обозначением Древнерусского государства и восточных славян как доминирующего в нем этноса (Мельникова, Петрухин. 1989).

В скандинавских источниках название *русь* не встречается, и древнейшее его упоминание содержится, как уже отмечалось, в «Вертинских анналах» (см. часть IV, гл. 1.1) в описании событий 839 г. Приведенная тут форма *Rhos* является, очевидно, отражением византийского имени *Ῥῶς*, которое впервые в визан-

тийских источниках засвидетельствовано в связи с нападением «северных варваров» — росов на Константинополь в 860 г. (время их упоминания в «Житии Георгия Амастридского» спорно: оно может относиться к 40-м годам IX в. или к середине X в. См.: часть II, гл. 2). В образовании названия *Rosod* в византийской традиции, очевидно, сыграли свою роль несколько факторов. Во-первых, самоназвание нападавших — *rops(menn)*. Видимо, так же называли себя и сами прибывшие в Ингельгейм послы некоего хакана к византийскому императору Феофилу, которые оказались свеонами (шведами). Во-вторых, оно было созвучно имени князя Рош, возглавляющего — согласно греческому переводу Библии (Септуагинте) — дикие народы севера Гог и Магог, которые при конце света нападут на цивилизованные народы. Эсхатологическая легенда была чрезвычайно популярна в Византии, и контаминация обоих значений слова *Rosod* отмечается и в «Житии Георгия Амастридского», и в сочинении Льва Диакона (X в.).

Со второй половины IX в. название все шире встречается в немецких, византийских, а с X в. и в арабских источниках (народ *ar-рус*). При этом его формы, очевидно, имеют разное происхождение. В византийских источниках укореняется слово *Ῥῶς*, от которого уже в середине X в. возникает обозначение Древнерусского государства — *Ῥωσία*. Лишь позднее, в XI в., в Византии станет более употребительной форма *Ῥους* с корневым гласным -у-, производная непосредственно от древнерусского названия *русь*. В немецкие же источники оно проникает в 70-х годах IX в., вероятно, в древнерусской форме: *Ruzzi* в «Баварском географе» (см.: часть IV, гл. 1.3), *Rûzzâra-marcha* в грамоте Людовика Благодетельного и во множестве других форм: *Rus(c)i*, *Ru(s)zi*, *Ru(s)si* и др. (см. часть IV, гл. 1.5). С X в. встречаются и «архаизирующие», заимствованные из позднеантичной традиции этнонимы *rugi*, *ruteni*, и образованные от них названия государства — *Rugia*, *Rutenia*.

Разумеется, происхождение названия *русь* отнюдь не идентично возникновению восточнославянской государственности (как представлялось историкам XVIII–XIX вв. и представляется некоторым современным писателям) — длительного процесса, в котором восточные славяне активно взаимодействовали с окружавшими их народами. Однако развитие формы названия *rops* > *русь* в различных письменных традициях и его распространение являются важным показателем процессов становления государства у восточных славян. При крайней ненадежности

хронологии «Повести временных лет» для IX в. фиксация названия в точно датируемых немецких и византийских источниках позволяет говорить о существенно более раннем, нежели указанная в «Повести» дата (882 г. — приход князя Олега в Киев, после чего его полиэтническая дружина «прозвашася русью»), распространении в Среднем Поднепровье наименования *русь*, т.е. о смене в южном очаге восточнославянской государственности (ср. *Куявия* арабских источников) местной родовой знати скандинавской военной аристократией и о начале нового этапа на пути становления Древнерусского государства.

Восточнославянское общество IX — первой половины X в. — того самого периода, когда русь становилась Русью, наиболее подробно описывается в сочинениях восточных авторов X в., использовавших не дошедшие до нас труды IX в. При всех методических сложностях их интерпретации (см.: часть III, гл. 3—6, 8) они содержат ценнейший материал, еще далеко не в полной мере используемый в отечественной науке. В них представлена картина консолидации нескольких предгосударственных образований в Восточной Европе IX в. с различной социально-политической структурой и экономикой (военизированной и основанной на торговле по Балтийско-Волжскому пути и ограблении окружающих племен в «Славии» и земледельческой и скотоводческой в «Куявии»), с различными культурными традициями (ср. описания обрядов погребения и др.). В совокупности с данными древнерусских и других зарубежных источников они дают основание для реконструкции восточнославянского общества накануне образования Древнерусского государства и в самый ранний период его существования.

Несколько позднее, с середины X в., социально-политическая структура Руси, нового могущественного соседа Византийской империи, начинает привлекать внимание византийских писателей. В сочинениях Константина VII Багрянородного, Льва Диакона и других не только упоминаются различные контакты с Русью [например, посещение княгиней Ольгой Константинополя (см. часть II, гл. 4.2), балканские походы Святослава (см. часть II, гл. 4.3)], но и дается развернутое описание «образа жизни **росов**»: социальной структуры и политической организации общества, системы управления, сбора податей и т.п. Вместе с известиями русских летописей и данными археологии эти сообщения предоставляют возможность более конкретно и детально исследовать начальный период русской государственности.

С рубежа **X–XI** вв. особую ценность для освещения социально-политической истории Древней Руси приобретают скандинавские и немецкие источники. Сообщения исландских королевских саг (наименее беллетризированного вида саговой литературы) и других древнескандинавских источников проливают свет на территориально-политическую структуру Новгородской земли и место в ней Ладоги, административную и фискальную системы. Многочисленные генеалогические сведения немецких и скандинавских источников (о зарубежных браках русских князей и княгинь) в значительной степени восполняют данные русских летописей. Они не только свидетельствуют о широких международных связях и активной внешней политике Руси, но и помогают установить родственные отношения (в частности, порядок рождения сыновей, их происхождение от различных браков) в княжеских семьях и тем самым проливают свет на механизмы междукняжеских отношений в период раздробленности.

Экономическая история Древней Руси в значительно большей степени может опираться на данные археологии. И тем не менее зарубежные источники вносят в нее вклад огромной важности. Из сообщений арабских авторов становятся очевидны различия в хозяйственной ориентации предгосударственных образований в Восточной Европе. Лишь на юге восточнославянского ареала отмечают они развитое производящее хозяйство (земледелие и скотоводство) как экономическую основу общества. В северном регионе значительно большее значение имеют, по их свидетельствам, непродовольственные формы экономики: торговля и военная деятельность.

Особенно подробно, в соответствии с доминирующим интересом арабов к этому региону как рынку мехов и рабов, освещается торговая деятельность народа ар-рус: ее организация и охраняемые меры со стороны местных правителей, обложение товаров пошлиной, источники, особенности и стоимость товаров. В **X–XI** вв. аналогичные сведения можно почерпнуть в византийских источниках, с одной стороны, и в скандинавских — с другой. Именно по их материалам прослеживается постепенная регламентация внешней торговли, вначале всецело сосредоточенной в руках древнерусских великих (киевских) князей; возникновение ранних форм торговых организаций и объединений (включая основание торговых дворов в важнейших центрах: **Новгороде**, **Киеве**, **Смоленске** и в **Константинополе**, **Сигтуне**, **Висбю**); упорядочение торговых отношений с различными странами

путем заключения с ними торговых договоров. Так, в королевских сагах сохранились отголоски договора Новгорода с Норвегией, заключенного в 1025—1028 гг. (см.: часть V, гл. 6.3).

Не менее важны и данные о международных торговых путях, проходивших через Восточную Европу. Изучение немецких источников позволило установить существование сухопутного пути из Восточной немецкой марки в Среднее Поднепровье (через Краков и Прагу) и далее в Хазарский каганат уже со второй половины IX в. Благодаря армянским и грузинским источникам можно ныне с уверенностью говорить об устойчивом пути из Закавказья на Русь в XI в.

Наконец, все без исключения зарубежные источники содержат огромный материал о связях Руси с окружающими ее странами и народами. В их сообщениях представлен весь спектр международных контактов: этнических, политических, торговых, культурных, конфессиональных. Наряду с детализацией хорошо известных связей Руси с Византией, Швецией, Польшей, публикуемые в своде источники дали возможность выявить новые устойчивые направления контактов, обнаружить системность и последовательность во внешней политике Древнерусского государства уже в X в., и не только в ее отношениях с Византией. Важнейшим вкладом в изучение международных связей Древней Руси стало выявление тесных отношений с Германией. Формирование «западного» торгового пути, развитие русско-немецкой торговли, политические союзы и альянсы, закрепляемые в браках между русскими княжескими семьями и германскими правителями, обращение к германской (римской) церкви — таковы основные проявления этих связей. Они занимали существенное место в экономике и культуре Древней Руси. Но особенно важна была их роль в сложных взаимоотношениях Руси и Польши, Руси и Византии. Древнерусские князья уже в X в. обращались к Германии как к естественному союзнику в борьбе с Польшей и как к силе, способной уравновесить давление со стороны Византии. Использование польско-германских и германо-византийских противоречий было чрезвычайно выгодно для Руси и позволяло ей успешно отстаивать свои позиции на международной арене.

Другим регионом, где Русь начала проводить весьма активную внешнюю политику не позднее рубежа X и XI вв., была Балтика. Известные ранее отдельные эпизоды взаимоотношений Ярослава Мудрого со Швецией и Норвегией пополнились ныне

многочисленными данными, которые выявили последовательное стремление Ярослава создать и сохранить прочные позиции в этом регионе. Стало возможным проследить изменения его политики — от альянса с правителем Дании и Англии Кнудом Великим к союзу с его противниками на Балтике, Швецией и Норвегией, сопровождавшимися браками, торговыми соглашениями, возможно, военной помощью.

Первые 20 лет работы публикаторов свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы», таким образом, принесли ощутимые результаты и в установлении основного круга зарубежных источников по истории Восточной Европы, и в источниковедческом исследовании наиболее важных памятников или групп памятников, и в освещении мало или совершенно неизвестных, а также особо спорных моментов в истории Древнерусского государства. Обобщением этих результатов явился курс лекций «Зарубежные источники по истории Древней Руси», прочитанный авторами настоящего пособия на кафедре вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивном институте РГГУ в 1995/1996 учебном году. Именно в процессе разработки этого курса авторы осознали острую необходимость в создании обобщающей работы учебного характера, посвященной зарубежному источниковедению древнерусской истории.

Главная причина заключалась не только в отсутствии подобного рода учебных пособий: в современной литературе нет и научных трудов, где обобщались бы результаты исследования всей совокупности зарубежных источников по истории Восточной Европы или где суммировалась бы содержащаяся в них информация о восточноевропейских народах и государствах.

Настоящее учебное пособие имеет поэтому двоякую цель. Во-первых, оно должно ввести читателя в круг разноязычных зарубежных источников по истории Восточной Европы. Авторы стремились охарактеризовать основные группы источников в том или ином культурном регионе и показать их специфику — ведь некоторые виды источников, как, например, исландские саги, арабские историко-географические сочинения, византийские военные трактаты, не имеют аналогий в других литературах. Особое внимание было уделено освещению особенностей исторической информации, в первую очередь о Руси, в той или иной груп-

пе источников, поскольку от этого зависит методика их привлечения в исторических исследованиях. Во-вторых, оно призвано обобщить важнейшую (но далеко не всю, что потребовало бы многократного увеличения объема книги) информацию о народах Восточной Европы и о Руси, содержащуюся в зарубежных источниках: от первых упоминаний Северного Причерноморья в гомеровском эпосе до конца XIII в.

Двойная задача книги обусловила ее структуру. Выделены основные региональные группы источников, которые — при всей их разнохарактерности и разножанровости — объединяет принадлежность к единой культурной и литературной традиции даже в том случае, если написаны они на разных языках (западноевропейские — на латинском, ниже- и верхненемецком, древнеанглийском, старофранцузском, скандинавские — на древнеисландском, древнешведском, латинском и т.д.). Каждая часть поэтому посвящена источникам, происходящим из определенного региона античного и средневекового мира: древнегреческого и римского, арабского, византийского, западноевропейского и скандинавского.

Во введении к каждой части освещены основные особенности данной группы источников — более или менее подробно в зависимости от их своеобразия: так, наиболее полно охарактеризованы древнескандинавские памятники, рунические надписи, скальдическая поэзия, саги, которые не имеют аналогий в средневековом мире и являются весьма своеобразными видами исторических источников. Основной раздел каждой части посвящен информации о народах Восточной Европы и о Древней Руси в соответствующих источниках. Отбирая те или иные данные, авторы руководствовались не только важностью сведений, что, конечно, играло существенную роль, но и необходимостью показать методику работы с теми или иными видами источников: актами (см.: часть II, гл. 5; часть IV, гл. 1.4 и др.), хрониками, генеалогиями (см.: часть IV, гл. 3.2, 3.3), географической литературой разных жанров (см.: часть I, гл. 2.6; часть III, гл. 1.2; часть IV, гл. 1.3 и др.), разными видами **саг** (см.: часть V, гл. 2-4). Тем самым источниковедческое и историческое исследование составляют неразрывное единство, столь необходимое для достоверной интерпретации сведений зарубежных источников. Генеалогические таблицы, карты и схемы должны помочь читателю нагляднее представить себе рассматриваемый материал. Завершают книгу словарь терминов и указатель личных имен.

Настоящее учебное пособие предназначено в первую очередь для студентов исторических и историко-филологических факультетов вузов, которые уже прослушали курс истории Древней Руси и углубленно изучают историю России и историю средних веков. Пособие расширит их знания собственно древнерусской истории и введет в сложнейшие проблемы изучения и использования зарубежных источников по истории Древней Руси. Немало новых материалов найдет для себя в этой книге и профессиональный историк Древней Руси. Одновременно источниковедческий, исторический и историко-культурный аспекты книги представляют ценность и для значительно более широкого круга специалистов: медиевистов и востоковедов, культурологов и историков религии, а также для всех, кто интересуется прошлым России и ее местом в средневековом мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1997.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1996.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1994.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1982.

Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков по Европейскому региону (Материалы для обсуждения). М., 1976.

Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков. Ч. II (Материалы для обсуждения). М., 1980.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1988.

Константин Багрянородный, Об управлении империей. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989; 2-е изд. - 1991.

Корпус древнейших источников по истории народов СССР. Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР / **В.Т. Пашуто**, **Я.Н. Шапов.** М., 1973.

Матузова В.И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1979.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1977.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1986.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название *русь* в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // *Вопр. истории.* 1989. № 8. С. 24–37.

Назаренко А. В. Об имени *русь* в немецких источниках IX–XI вв. // *Вопр. языкознания.* 1980. № 5. С. 46–47.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. О Корпусе древнейших источников по истории народов СССР (Материалы к обсуждению). М., 1974 (а).

Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. Корпус древнейших источников по истории народов СССР // *Вопр. истории.* 1974 (б). № 7. С. 49–54.

Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1985.

Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1983.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1980.

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1990.

ЧАСТЫ АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

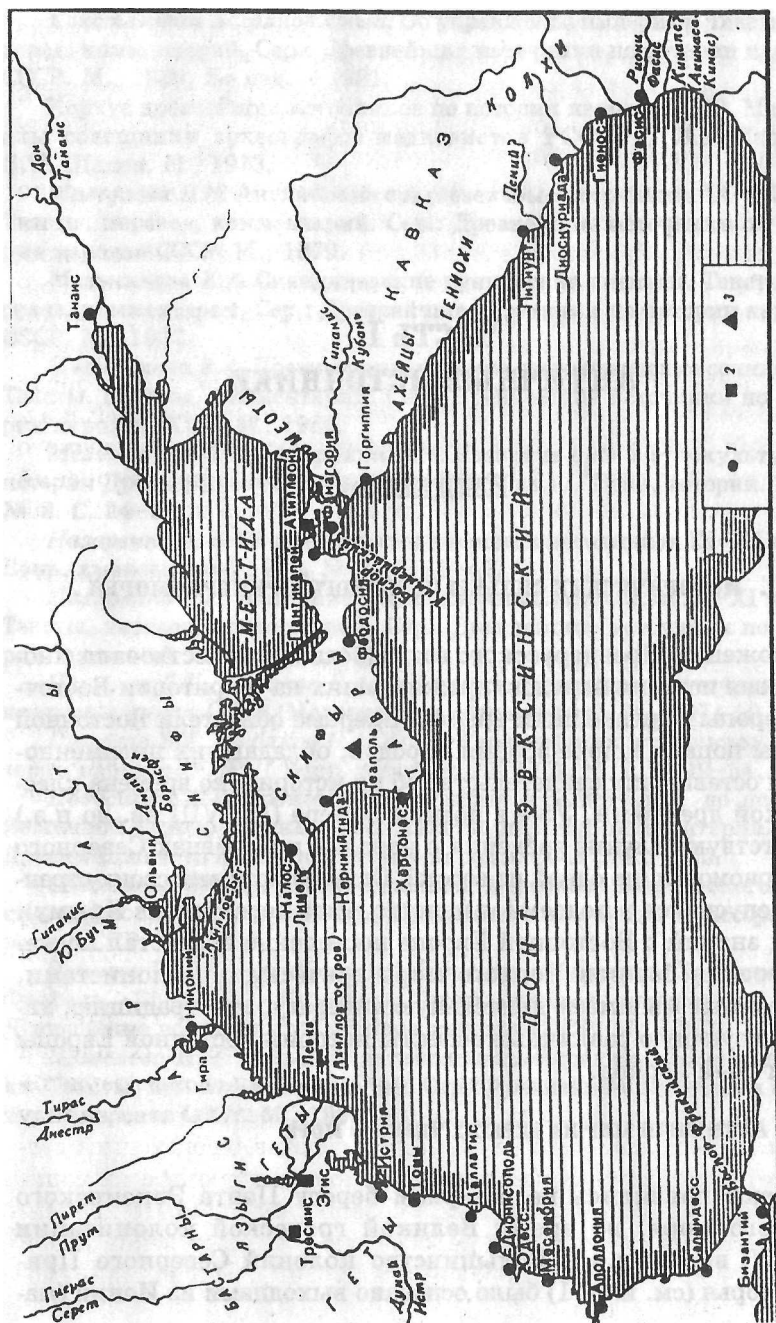
ВВЕДЕНИЕ

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сложению Древнерусского государства предшествовала многовековая история народов, проживавших на территории Восточной Европы с древнейших времен. Впервые обитатели Восточной Европы попали в поле зрения народов, обладавших письменностью и оставивших свидетельства об их истории, во времена классической древности. Уже в поэмах Гомера (IX-VIII вв. до н.э.) присутствуют глухие сведения о народах и племенах Северного Причерноморья (по одной из версий, Одиссей во время своих странствий спускался в подземное царство Аида через вход в Крым). Объем знаний о Восточной Европе постепенно возрастал по мере освоения берегов Черного моря греческими колонистами. В результате мы имеем длительную литературную традицию, характеризующую различные аспекты истории Восточной Европы в античный период.

1.1. АНТИЧНЫЙ МИР НА БЕРЕГАХ ЧЕРНОГО МОРЯ

Греки появились на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) во время Великой греческой колонизации (VIII-VI вв. до н.э.). Большинство колоний Северного Причерноморья (см. илл. 1) было основано выходцами из Ионии (ма-

лоазийской Греции) в VI в. до н.э. Крупнейшими были города Тира (совр. Белгород-Днестровский на берегу Днестровского лимана), Ольвия (на правом берегу Бугско-Днепровского лимана), Херсонес (на окраине совр. Севастополя), Феодосия (сохранившая свое древнее название), Пантикапей (совр. Керчь) — столица Боспорского царства, в территорию которого входило около полутора десятка городов и среди них — Фанагория (совр. станица Сенная на кавказском берегу Керченского пролива), Гермонасса (совр. Тамань, расположенная там же), Горгиппия (совр. Анапа), Танаис (в устье Дона). Выводя колонию, греческие переселенцы обычно сохраняли политическую организацию, уклад и обычаи метрополии, поэтому города Причерноморья являлись в большинстве случаев типичными эллинскими полисами со всеми атрибутами демократического устройства. Начиная с I в. до н.э. в севернопричерноморский регион все активнее проникали римляне, города попадали в политическую и военную зависимость от Рима, в некоторые города был введен римский гарнизон, на монетах стали чеканить портреты римских императоров.

1.2. МЕСТНЫЕ ПЛЕМЕНА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Если прибрежная зона Северного Причерноморья составляла часть, пусть и периферийную, греко-римского античного мира, то степные просторы к северу от побережья населяли так называемые варвары, т.е. народы, находившиеся, с точки зрения «цивилизованных» греков и римлян, на ступени варварства. Со временем местные племена Северного Причерноморья (геты, киммерийцы, скифы, сарматы, аланы, тавры, синды, меоты и некоторые другие) вовлекались в различные взаимоотношения с греческими городами, вели с ними активную торговлю, воевали, заключали мирные договоры, устанавливали свой протекторат. Постепенно все больше представителей местных племен становилось жителями греческих городов, внося свой материальный и культурный вклад в их жизнь. В результате, наряду с известной «варваризацией» греческих городов, происходила «эллинизация» окружающих племен, ускорялся процесс их социально-экономического развития. Особенно наглядно это проявилось в истории Боспорского царства, где с первых веков новой эры цари носили «варварские» имена (Котис, Рескупорид, Реметалк, Савромат и др.).

Крупнейшим племенным объединением Северного Причерноморья были скифы — ираноязычный народ, создавший здесь в VII–III вв. до н.э. мощную державу (сумевшую противостоять в конце VI в. персидскому царю Дарию I Гистаспу) и самобытную культуру. С III в. до н.э. их постепенно вытесняли сарматы, близкие скифам по происхождению и культуре.

Великое переселение народов нанесло сокрушительный удар по сложившейся в Северном Причерноморье этнической и политической ситуации. В середине III в. германские племена готов, а с IV в. гунны, пришедшие из степей Азии, уничтожили большинство греческих городов Северного Причерноморья, смяли и в своем продвижении на запад увлекли за собой остатки сарматских племен, среди которых особенно известны были аланы. В качестве союзников гуннов аланы прошли через всю Европу; поздние римские историки рассказывают об аланской коннице на среднем Дунае и на Рейне, в Галлии и на Британских островах, в Испании и даже в Африке. Прямыми потомками скифо-сарматского населения Северного Причерноморья являются современные осетины.

1.3. ПОЯВЛЕНИЕ СЛАВЯН

Когда через одно-два столетия пришедшие в движение народы осели в своих новых границах, во многом заложивших основы этнополитической карты средневековой Европы, на исторической арене впервые появились славяне, которые стали важным этническим и политическим фактором европейской истории. Начиная с VI в. они широко расселились в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Еще через несколько веков возникли первые славянские государства.

По мнению многих исследователей, история славян уходит в глубь античной истории; их пытались видеть предположительно в некоторых «скифских» племенах Восточной Европы и почти наверняка — в «венетах», о которых рассказывают некоторые источники первых веков новой эры. Проблема континуитета между скифо-иранским и славянским мирами до сих пор является остро дискуссионной. Вот почему история славян и возникновения Древнерусского государства в серьезных исследованиях истории России всегда начинается с рассмотрения античного периода истории Восточной Европы (см. труды В.Н.Татищева, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О. Ключевского, Г.В.Вернадского, «Очерки истории СССР» и др.).

2. Виды источников

Античное источниковедение имеет дело с несколькими видами памятников, образующими источниковую базу любого исторического исследования античного Северного Причерноморья:

- письменные нарративные источники (повествовательные произведения греческих и латинских авторов, писавших об этой территории);
- материалы археологических раскопок, ведущихся в Северном Причерноморье уже с конца XVIII в.;
- греко-латинская эпиграфика Северного Причерноморья (надписи, выбитые на камне, процарапанные на бронзовых таблицах, нарисованные на стенках сосудов, и др.);
- нумизматика Северного Причерноморья (монеты греческих городов).

Три последних вида источников относятся к местным; объектом нашего рассмотрения, в соответствии с задачей книги, будет, в основном, первый вид — письменные нарративные источники.

3. ИСТОРИОГРАФИЯ **ИЗУЧЕНИЯ** И ОСНОВНЫЕ **ПУБЛИКАЦИИ** **АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Начиная с XVII в. русская археография античных источников по истории Северного Причерноморья прошла значительный путь от использования переводов отдельных фрагментов произведений античных авторов в собственно исторических исследованиях до классической публикации источников, выполненной В.В.Латышевым в конце XIX — начале XX в.

Первые памятники научной историографии в России — «Синопсис», обычно приписываемый архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю (1674 г.), и «Скифская история» Андрея Лызлова (1692 г.) — отличает большая зависимость от польской ренессансной традиции, которая возводила славян к эпохе Александра Македонского.

Идея происхождения славян непосредственно от скифов и сарматов разделялась М.В.Ломоносовым (1711—1765 гг.) в его «Кратком Российском летописце» и «Древней Российской истории» (50-е годы XVIII в.). Так, он писал, что «единородство славян с сарматами, чуди со скифами для многих ясных доказательств

не споримо». И хотя уже во времена Ломоносова это положение было анахронизмом, оно долго сохранялось в трудах исследователей русской истории, не бывших специалистами в антиковедении (И.Е.Забелин, Д.И.Иловайский, Д.Я.Самоковасов), в полужанровой, дилетантской среде, звучало в поэтической метафоре (вспомним блоковское «Да, скифы мы, да, азиаты мы»), а иногда дает рецидивы в современной псевдоисторической публицистике или в трудах неантиковедов (например, Б.А.Рыбакова).

Начало подлинно научному **скифоведению** положил в нашей стране Г.З.Байер (G.S. Bayer; 1694-1738 гг.). Серия его статей, опубликованных с 1726 по 1739 г., была посвящена народам, населявшим в древности юг России (скифам, киммерийцам, гиперборейцам). Следуя за Байером, **В.Н.Татищев** (1686—1750 гг.) в своей «Истории Российской» отличал скифов и сарматов от славян, как и А.Л.Шлёцер (A.L. Schlozer; 1735-1809 гг.), который собрал большой материал из древнегреческих, латинских, византийских и других источников о древнейшем периоде истории скандинавов, финнов и славян, но не обнаружил никаких генетических связей между скифо-сарматским и славянским этносами.

Расширению исторического кругозора и знакомству с античными авторами в России способствовала начатая Петром I и продолженная его преемниками работа по переводу и публикации сочинений античных авторов, которые составляли часть **круга** чтения образованного европейца и должны были войти в культурный и научный обиход россиянина. С создания Российской академии наук при ней существовал «переводной **департамент**», задачей которого являлось переводить на русский язык произведения древних и новых писателей.

Одним из первых переводов античных авторов была «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого, царя Македонского. **Переведена** повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 года и напечатана в Москве 1711 года в декабре-месяце». Это произведение римского историка I в. н.э. содержит много ценных данных по истории Северного Причерноморья.

В XVIII в. были переведены на русский язык произведения Курция Руфа, Овидия, Горация, Анакреонта, Юстина, Корнелия Непота, Евтропия, Вергилия, Витрувия, Саллюстия, Тацита, Валерия Максима, Веллея **Патеркула**, Сенеки, Боэция, Апулея, Цезаря, Авла Геллия, Аннея **Флора** и многих других римских авторов. С этого времени историки используют в своих исследованиях античные источники самостоятельно, работая с оригиналь-

ными текстами и русскими переводами. На сегодняшний день не осталось практически ни одного античного автора, не переведенного на русский язык.

Во второй половине XVIII в. после присоединения к России Северного Причерноморья и Крыма было положено начало археологическим раскопкам на месте древнегреческих городов Северного Причерноморья, тогда же начались раскопки скифских курганов. Интерес к античным письменным источникам резко возрастает, начинается целенаправленное собирание свидетельств античных авторов о Северном Причерноморье, их изучение и издание. Одним из первых был труд Иоанна Штриттера «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов» (СПб., 1771—1775. Т. 1—4), охвативший источники от IV до XV в., т.е. сюда включены и некоторые позднеантичные авторы. Правила издания таковы: текст дается только в переводе (иногда пересказе) на русский язык (с латинского перевода, выполненного в Париже, иногда с греческими вариантами текста в примечаниях). В этих же примечаниях сообщаются краткие сведения об авторах. Принцип подбора источников — тематико-хронологический, т.е. сведения располагаются по тематическим рубрикам (в данном случае по племенам и странам), внутри которых они группируются хронологически. Соответственно этому одно и то же произведение дробится на несколько разделов.

По этому же принципу построено собрание источников в трех томах Ивана Потоцкого (1761—1815 гг.). «Фрагменты исторические и географические о Скифии, Сарматии и славянах» (1795 г.) начинались с памятников V в. до н.э. и заканчивались IX в. Подборка (очень, впрочем, неполная) содержала древнегреческие, латинские, византийские, западноевропейские и даже раннеславянские (Нестор, Длугош, Мартин Галл) источники, расположенные по хронологии исторической информации, а не авторов, т.е. и здесь фрагменты одного произведения помещены в разных разделах, если древний автор писал о разных периодах истории. В двух первых томах тексты приведены только во французском переводе, в третьем Потоцкий дает оригинальные тексты на польском, латинском, древнерусском, древнеанглийском, немецком языках.

На протяжении XIX в. задача собирания, издания и комментирования античных источников стала особенно актуальной и к концу века нашла блестящее разрешение. Развитая система

классического школьного образования с преподаванием древних языков давала возможность свободно ориентироваться в оригинальных текстах античных авторов. Бурное развитие античной археологии в Северном Причерноморье в XIX в. вызвало быстрое накопление данных об истории этого региона, причем изучение археологических материалов явно опережало развитие литературного источниковедения.

Исследования российских историков, анализирующие античные источники по Северному Причерноморью (Э.Эйхвальд, Н.И.Надеждин, Ф.К.Брун, П.Н.Кречетов, А.С.Лаппо-Данилевский, Ф.Г.Мищенко и др.), во многом прояснили античную литературную традицию.

Большой интерес к античным свидетельствам о Северном Причерноморье был проявлен в XIX в. и зарубежными учеными, прежде всего немецкими. Так, большую работу по выявлению и комментированию античных текстов, посвященных географии Северного Причерноморья, провел еще Ф.А.Укерт (Ukert. 1846). Анализ географических известий о Северном Причерноморье уделил часть своего труда и известный немецкий историк и филолог К.Мюлленгоф (Müllenhoff. 1890. III. S. 31-100). В 1880—1890-х годах в Петербурге вышла на немецком языке работа Э.Боннеля (Bonnell. 1882—1897. I—II), посвященная обзору античных источников по истории Северного Причерноморья.

В 1880-х годах появилось первое отечественное собрание античных свидетельств о Кавказе, выполненное К.Ганом (Известия. 1884—1890. I—II). Первая часть публикации была посвящена античным авторам от Гомера до VI в. н.э. Однако это издание не удовлетворило научную общественность, так как фрагменты сочинений античных авторов приводились только в русском переводе, совершенно отсутствовали комментарии, да и подборка была весьма неполной. Достоинством издания было то, что впервые в отечественной археографии сочинения античных авторов не дробились по тематическим рубрикам, а давались в порядке общей хронологии жизни их авторов (или времени создания их произведений). Другой особенностью публикации Гана является помещение сочинений греческих и латинских авторов попеременно, что имеет большой смысл ввиду единства греко-римской историко-географической литературы.

Вскоре появилось фундаментальное издание выдающегося российского историка и филолога В.В.Латышева (1855—1921 гг.) «*Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и ла-

тинских о Скифии и Кавказе», сразу же оцененное как научный подвиг составителя и его сотрудников. Издание представляет собой почти исчерпывающую подборку фрагментов сочинений античных авторов, свидетельствующих об истории Северного Причерноморья, при этом были учтены все жанры античной литературы. Параллельно к русскому переводу давался текст оригинала на греческом или латинском языке, что позволило публикации Латышева надолго стать единственным справочным пособием для нескольких поколений историков Северного Причерноморья. Перед текстами сообщались краткие сведения об авторе и времени создания памятника, под текстом приводились разночтения оригинального текста, который давался по лучшим критическим изданиям того времени. Если в греческой части Латышев счел нужным разделить все источники на две большие группы (содержащие специальные описания всего Северного Причерноморья и мелкие случайные заметки), внутри же этих групп материал располагался по хронологии источников, то в латинской части он отказался от такой непоследовательности и всех авторов привел в строго хронологическом порядке. Комментарии, к сожалению, практически отсутствовали; сам Латышев прекрасно понимал необходимость комментированного издания фрагментов, но такая задача тогда ему была не по силам.

Почти одновременно с книгой Латышева вышло исследование Ю.А.Кулаковского (1855-1919 гг.), посвященное античной и византийской традиции изображения одного из севернопричерноморских народов — аланов (Кулаковский. 1899).

Появление систематических сводов известий античных авторов сделало возможным сквозной их анализ и установление особенностей литературной традиции. Такую работу блестяще выполнил в начале XX в. крупнейший российский историк-антиковед М.И.Ростовцев (1870-1952 гг.) в книге «Скифия и **Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических**» (Ростовцев. 1925; книга была написана еще до революции). Этот обзор до сих пор остается единственной попыткой целостного анализа всей литературной традиции о Северном Причерноморье, не утратившего своего значения и сегодня.

Такой же расцвет мы наблюдаем в российском антиковедении конца XIX — начала XX в. и в публикации эпиграфических **источников**.

К концу XIX в. их собирание, изучение и публикация стали повседневым делом целого отряда эпиграфистов (Е.М.Придик, Ю.Ю.Марти,

Э.Р.Штерн, В.В.Шкорпил, Б.В.Фармаковский и др.); вскоре стали появляться сводные публикации: книга И.В.Помяловского (Помяловский. 1881) и классическая работа В.В.Латышева (IOSPE. 1885–1901. Vol. I, II, IV), собравшего и издавшего все известные к тому времени античные надписи Северного Причерноморья.

Также интенсивно изучалась до революции и нумизматика Северного Причерноморья. Это работы П.О.Бурачкова (Бурачков. 1884. I), а также Х.Х.Гиля (90-е годы XIX в.), А.Л.Бертье-Делагарда, А.В.Орешникова (начало XX в.) и других нумизматов.

Работа по изучению и публикации эпиграфических и нумизматических источников по истории Северного Причерноморья успешно продолжалась и в советское время.

В эпиграфике следует отметить труды Б.Н.Гракова (1939), И.И.Толстого (1953), аИ.Соломоник (1964; 1973; 1983), Т.Н.Книпович и Е.И.Леви (1968), Ю.Г.Виноградова (1989), В.П.Яйленко (статьи разных лет) и других историков и филологов.

Много и плодотворно в 50-е — 80-е годы работали в нумизматике А.Н.Зограф (1951; 1957), Д.Б.Шелов (1956), В.А.Анохин (1977), Н.А.Фролова (1979; 1983), а также К.В.Голенко и П.О.Карышковский, оставившие многочисленные статьи и публикации по монетному делу Северного Причерноморья.

В советское время (очевидно, в связи с недостаточным знанием древних языков, которые не изучались в школах) работа с письменными источниками приобрела случайный и угасающий характер. В коллективной статье В.Т.Пашуто, А.П.Новосельцева, И.С.Чичурова, Я.Н.Щапова (1974. С. 71–93) авторы пишут: «В целом положение безотраднo: античная археография Северного Причерноморья являет собой в настоящее время необозримое необработанное пространство, а давняя русская археографическая традиция античности после публикации В.В.Латышева практически прервалась».

В качестве иллюстрации такого положения вещей следует, пожалуй, упомянуть переиздание свода Латышева в «Вестнике древней истории» в конце 40-х — начале 50-х годов, принятое группой ученых-антиковедов (С.П.Кондратьев, Л.А.Ельницкий, О.В.Кудрявцев, Д.Г.Редер) под руководством А.В.Мишулина. В новом издании были добавлены некоторые новые тексты, устранены опечатки и неточности, исправлены устаревшая транскрипция и орфография, составлены указатели и даже сделана попытка дать более подробные вступительные статьи и некоторый комментарий. Однако отсутствие оригинального греческого или латинского текста, а также поверхностность и непоследовательность комментария, изобилующего ошибками, значительно сни-

жают значение этого издания. Впрочем, авторский коллектив рассматривал свою работу как предварительную в деле «подготовки будущего академического издания» (Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 262).

Новый этап изучения античных письменных источников по истории Северного Причерноморья начался с основанием В.Т.Пашуто в начале 70-х годов новой серии «Древнейшие источники по истории народов СССР» (с 1993 г. — «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).

В рамках этой серии изданы произведения Геродота (Доватур, Каллистов, Шишова. 1982), Овидия (Подосинов. 1985), а также латинская эпиграфика Херсонеса (Соломоник. 1983). Издание «Скифского рассказа» Геродота группой петербургских антиковедов стало настоящей энциклопедией мирового скифоведения. В соответствии с программой издания серии готовятся к публикации тома, содержащие произведения античной географии (Страбон, Помпоний Мела, Плиний Старший, Птолемей) и другие **источники**.

Для студентов полезна также изданная в 1990 г. книга «Кавказ и Дон в произведениях античных авторов», представляющая собой подборку из Латышевской «Scythica et Caucasica» (даются только русские переводы). Такой же хрестоматийный характер носит книга, составленная из русских переводов важнейших текстов греческих и римских авторов о Скифии (см.: Скифы. 1992). Хрестоматия снабжена введением, в котором дана краткая история скифов и литературная традиция их изображения с основной библиографией.

Из важнейших работ последних десятилетий, посвященных непосредственно античному источниковедению отечественной истории, назовем работы Д.П.Каллистова и С.А.Жебелева, которые содержат более или менее полные обзоры всей античной традиции; статьи и монографии Л.А.Ельницкого, труды А.В.Подосинова, М.В.Агбунова и М.В.Скржинской, посвященные проблемам географии Восточной Европы, И.В.Куклиной, освещающие этногеографию древней Скифии, и другие.

Библиография работ, посвященных источниковедческим проблемам «Скифского рассказа» Геродота, была исчерпывающе отражена в издании Геродота (Доватур, Каллистов, Шишова. 1982), а также в двух книгах, специально посвященных историографии Геродота как источника по Скифии (Семенов-Зусер. 1947; Нейхардт. 1982).

ГЛАВА 1. АНТИЧНАЯ **ЛИТЕРАТУРНАЯ** ТРАДИЦИЯ О СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1.1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«Историческая традиция о Северном Кавказе, дошедшая до нас в виде отрывочных заметок у древних писателей, страдает большой отрывочностью и неравномерностью..., и дать на основании этой традиции более или менее связную историю Северного Кавказа не представляется возможным», — писал крупнейший исследователь истории Северного Причерноморья С.А. Жебелев (Жебелев. 1953. С. 352) об источниках северокавказской истории, но то же верно и для Северного Причерноморья, да и для всей Восточной Европы.

Тем не менее эти источники остаются главной опорой при реконструкции исторических процессов в указанном регионе.

Большая роль, которую играли в жизни античного мира города-колонии, а вместе с ними и местные кочевые и оседлые народы Восточной Европы (от киммерийцев и скифов до готов и гуннов), определила тот постоянный интерес античных авторов к этому региону, который выразился в огромном числе описаний, упоминаний, аллюзий, относящихся к истории Причерноморья. Практически ни один античный писатель, начиная с Гомера, не обошел своим вниманием северо-восточную окраину известной в то время ойкумены. Более четырехсот авторов — поэтов, философов, географов, историков, ораторов, военных, политиков — оставили известия о народах Северного Причерноморья. Интересующая нас информация содержится в различных видах и жанрах источников: это поэзия (эпос, драма, лирика), художественная проза (например, роман, новелла, диалог), политический трактат, судебная речь, научное произведение (посвященное, скажем, философии, минералогии, астрологии или зоологии), географическое описание, лоция, карта, наконец, исторический труд. Особенно ценны сочинения таких историков, как Геродот, Полибий, Диодор Сицилийский, **Аппиан**, Тацит, Дион Кассий, Аммиан Марцеллин, оставивших ценные сведения о народах Северного Причерноморья. Однако их труды не были посвящены непосредственно Северному Причерноморью, большинство информации об этом регионе сообщается лишь в связи с событиями, имеющими какое-то отношение к нему.

Естественно, поэтому, что не вся информация равноценна по своей значимости и достоверности; существует большое количество авторов, которые лишь пересказывали старые, ставшие легендарными и стереотипными «общие места».

1.2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

1.2.1. Куда ПЛАВАЛ ОДИССЕЙ? (МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП)

Самые ранние сведения о Северном Причерноморье — лишь неясные и случайные данные, в большинстве своем легендарного характера, которые связаны с греческими мифологическими преданиями о северной стране киммерийцев, о блаженных гипербореях, живущих на крайнем севере, о стерегущих золото грифонах и одноглазых аримаспах, о походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном и о колхской царевне Медее, помогшей Ясону, о Прометее, прикованном к скале на Кавказе, и т.д. Эти сюжеты и мотивы были необычайно популярны в греческой и римской литературе и изобразительном искусстве, поэтому они разрабатывались или упоминались в огромном числе литературных произведений на протяжении всей античности [в драме, поэзии, прозе, риторике и других жанрах; ср. трагедию великого греческого драматурга Эсхила (525—456 гг. до н.э.) «Прометей Прикованный», где действие происходит на Кавказе, или драму Еврипида (480—406 гг. до н.э.) «Ифигения в Тавриде», разыгравшуюся в Крыму].

Место действия указанных мифологических преданий постепенно охватывало все более удаленные районы и в процессе освоения Черного моря переносилось на его побережья. При этом нередко мифологический сюжет накладывался и тесно сплетался с реальными знаниями этнографического и географического характера, добытыми ранней греческой наукой. Поэтому рассказываемые античными поэтами и драматургами мифы часто в своей этногеографической части являются ценным историческим источником.

Античная и, следовательно, европейская литература начинается с Гомера (*Ὅμηρος*), который жил, вероятно, в IX—VIII вв. до н.э. Приписываемые ему эпические поэмы «Илиада» (

и «Одиссея» («Ὀδυσσεΐα») содержат первые неясные сведения о северо-восточной окраине тогдашней ойкумены. Так, в «Илиаде» (XIII, 4—6) упоминаются некие северные **гиппемолги** (букв. — «доители кобылиц»), «питающиеся молоком». Последующая традиция, начиная с греческого поэта Гесиода (ок. 700 г. до н.э.), отождествляет гиппемолгов со **скифами-кочевниками**, у которых кобылье молоко составляло основу питания. В «Одиссее» имеется также упоминание киммерийцев, которые были предшественниками скифов в Северном Причерноморье¹:

«Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (Гомер, «Одиссея», XI, 12—19; цит. по: SC, T. I. C. 300).

Впрочем, уже древние комментаторы «Одиссеи» не были уверены (а ученые до сих пор спорят), имеет ли это описание пути Одиссея в преисподнюю отношение к Северному Причерноморью (возможна западносредиземноморская локализация «киммерийской» части путешествия Одиссея). Интересно, однако, что примерно в то же время (VIII—VII вв.) киммерийцы (*Gi-mir-ra-i*, *Gomer*, *Gamirra*) и скифы (*Aškusa*, *Aškenaz*) появляются в библейских и ассирийских источниках как северные кочевники, угрожающие своими **набегами**.

Редкие упоминания севернопричерноморских реалий в VIII—VI вв. до н.э. встречаются исключительно в поэзии — первой литературной форме древних греков (поэты Гесиод, Стасин, Арктин, Эвмел, Каллин, Алкман, Мимнерм, Алкей, Сафо, Аристей Проконнесский, Анакреонт). От большинства их сочинений дошли только небольшие фрагменты, но и в них мы находим упоминания Прометея, реки Истр (Дунай), **колхского** царя Эета и его дочери Медеи, дочери греческого царя Агамемнона Ифигении, перенесенной Артемидой в Таврику (Крым), Ахилла, которого после его смерти мать Фетида поселила на острове Белый в Черном море, а также скифов, исседонов, аримаспов и других полумифических народов Восточной Европы.

¹ Помещенные здесь и ниже фрагменты приведены лишь как иллюстрации повествования авторов и, естественно, не исчерпывают всего содержания их информации о Северном Причерноморье.

Древнегреческая наука — философия, космология, география, естествознание, история — зародилась в среде греков Малой Азии в Ионии. Именно представителям ионийской науки мы обязаны первыми реальными сведениями об истории и географии Северного Причерноморья. Греческая колонизация побережий Средиземного и Черного морей (а в ней активно участвовали ионийцы) принесла много новых сведений о народах Причерноморья, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI—V вв. до н.э. Анаксимандром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Эвдоксом, Дамастом и, наконец, Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской исторической мысли. Все эти сочинения, кроме Геродотова, известны нам по многочисленным фрагментам, сохранившимся в произведениях позднейших авторов.

Работавший на рубеже VI—V вв. до н.э. *Гекатей из Милета* написал большой труд «Землеописание» («Περὶ ὁδῶν»), в котором свел воедино все географические знания греков об ойкумене, добавив сведения, добытые им в результате собственных путешествий (напомним, что большинство колоний Северного Причерноморья было основано именно жителями Милета — родного города Гекатея). Скифский и кавказский материал Гекатея — названия народов, их географическое расположение, этнографические данные, названия греческих колоний и святилищ — является древнейшим источником по истории Северного Причерноморья.

«Каркинитида, город скифский...». «Меланхлены (букв.: черноризцы. — *Авт.*), народ скифский. Гекатей в описании Европы. Названы так по их одежде, как гиппомолги, потому что доят кобыл, а моссины за их жилища...». «Город Фанагория, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: остров Фанагора и Фанагория» (Гекатей, «Землеописание». Фрагменты 153, 154, 164; цит. по: SC. Т. I. С. 1-3).

Из этих фрагментов мы узнаем, что уже во времена Гекатея существовал греческий город Каркинитида, расположенный в Северо-Западном Крыму (в стране скифов), а греческий город Фанагория — один из крупнейших городов Боспорского царства — получил свое имя от некоего Фанагора, который, как показали современные просопографические исследования, засвидетельствован среди жителей Милета и стал, по-видимому, основателем Фанагории. Для историков важно также, что Гекатей помещает скифский народ меланхленов в Европе (Европа, по ан-

тичным представлениям, граничила с Азией по реке Танаису, совр. Дон), в то время как последующая традиция локализует их на Северном Кавказе.

¹ 1.2.3. «СКИФСКИЙ РАССКАЗ» ГЕРОДОТА

«Отцом истории» назвал Цицерон *Геродота* (Ἡρόδοτος, ок. 485 — ок. 425 гг. до н.э.), происходившего из малоазийского города Галикарнаса. С таким же правом его можно было бы назвать отцом географии и этнографии, поскольку в своем главном произведении «История» (Ἱστορίαι), посвященном истории греко-персидских войн, Геродот соединяет элементы всех этих наук, давая подробные описания упоминаемых народов. Так как центральным сюжетом «Истории» были войны греков с персами, Геродот описывает также поход персидского царя Дария против скифов, который датируется ок. 512 г. до н.э. Это дало Геродоту повод в книге IV своей «Истории» подробно рассказать о географии и климате, истории и религии, одежде и вооружении, нравах и языке скифов и других народов Северного Причерноморья. Некоторые данные позволяют ученым предположить, что сам Геродот, путешествуя по всему тогдашнему миру, посетил греческий город Ольвию, расположенный в Бугско-Днепровском лимане, где и собрал большую часть сведений о Скифии и скифах.

«Скифский рассказ» (или «Скифский логос») Геродота содержит обстоятельную информацию о всех сторонах жизни скифов, включая сведения об их государственном строе. Картина оказалась столь яркой и полной, что из сочинений Геродота и его ионийских современников еще много веков, вплоть до средневековья, будут черпать сведения об этой части Земли многие поколения ученых, писателей, поэтов. Вот что рассказывает Геродот о происхождении скифов:

«Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят), Зевс и дочь реки Борисфена (т.е. Днепра. —*Авт.*). Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое.

Этих загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему. От Липокса произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпокса произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются **паралатами**. Все вместе они называются **сколоты** по имени царя; скифами же называли их греки» (Геродот, «История», IV, 5—6; цит. по: Геродот. 101).

В качестве источников своей информации Геродот использует, кроме собственных впечатлений очевидца, труды предшественников (например, Аристия и Гекатея), рассказы и записки людей, побывавших в описываемых районах, а также памятники эпиграфики, архитектуры, прикладного искусства. В его произведении имеются зачатки научной критики источников: сообщая несколько различных версий, автор подвергает их анализу, присоединяясь к одной из них. Археологические раскопки, ведущиеся в Северном Причерноморье, подтвердили достоверность многих сведений «Скифского рассказа» Геродота. Ниже помещен фрагмент, дающий общий обзор этногеографии Скифии, ставший классическим для многих поколений античных географов.

«От Истра (т.е. Дуная. —*Авт.*) идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого **Каркинитидой**. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту (Черному морю. —*Авт.*), населяет племя тавров... Далее — от Таврики (Крыма.) выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, — живут уже скифы к западу от **Боспора** Киммерийского (Керченского пролива. —*Авт.*) и от Меотийского озера (Азовского моря. —*Авт.*) до реки Танаис (Дон. —*Авт.*), которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера. Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и находятся внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, **меланхленами**» (Геродот, «История», IV, 99, **100**; цит. по: Геродот. 139—141).

1.2.4. АФИНЫ И БОСПОР В V—IV ВВ. ДО Н.Э.

В V—IV вв. до н.э. господство скифов в Северном Причерноморье постепенно клонится к упадку, на первый же план, с точки зрения интересов греков, выдвигается Боспорское царство, объединявшее несколько греческих городов и варварскую периферию вокруг Керченского пролива. Тесные связи Боспора с Афинами и позже со всем эллинистическим миром создали основу для нового притока информации о Северном Причерноморье. Ак-

тивная торговля хлебом, которую вело **Боспорское** царство с Афинами, стала поводом и фоном, на котором афинские ораторы IV в. до н.э. Исократ, Эсхин, Динарх и Демосфен в своих публичных речах сообщают некоторые сведения о ситуации на Боспоре. Эти речи резко выделяются на фоне других источников, так как уже не принадлежат литературной традиции, а содержат актуальную информацию и потому более достоверны.

«Вы ведь, конечно, знаете, что к нам (в Афины. —*Авт.*) привозится хлеба гораздо более, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется всему, привозимому с прочих рынков. И понятно: это происходит не только оттого, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что ее правитель Левкой (царь Боспора Левкон I, 387—347 гг. до н.э. —*Авт.*) даровал беспощлинность купцам, везущим хлеб в Афины, и обнародовал приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми... Рассмотрите теперь, как велика эта милость! С купцов, вывозящих из его владений хлеб, он взимает в виде пошлины 1/30 стоимости товара; отсюда ввозится сюда около 400 000 медимнов (1 медимн = ок. 52 литров. —*Авт.*) хлеба... Притом он так далек от мысли лишать нас этого благодеяния, что, устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, не хуже Боспора, — и здесь даровал нам беспощлинность» (Демосфен, «Речь против Лептина о беспощлинности», 355—354 гг. до н.э., 31-33; цит. по: SC. Т. I. С. 364-365).

К IV в. до н.э. относят и так называемый «Перипл Средиземного моря» **Псевдо-Скилака** (Σκύλαξ); слово «перипл» (Περίπλους) означает «плавание вдоль берегов моря», этот жанр географического описания был весьма популярен в античности. В «Перипле» Псевдо-Скилака (настоящий Скилак жил в VI в. до н.э.) наряду с актуальными данными о народах, городах и природных условиях побережья Черного и Азовского морей, отражающими аттические интересы IV в. до н.э., прослеживаются и очень древние пласты информации, восходящие к древнеионийским знаниям времен Гекатея и настоящего Скилака.

«От Истра (Дуная. —*Авт.*) до Бараньего Лба (мыс в Крыму. —*Авт.*) три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое больше, так как там есть залив. В этом заливе есть пустынный остров, по имени Белый (о. Змеиный. —*Авт.*), посвященный Ахиллу. От Бараньего Лба до Пантикапея (Керчи. —*Авт.*) день и ночь пути; от Пантикапея же до устья Меотийского озера (Азовского моря. —*Авт.*) 120 стадиев (1 стадий = ок. 177 м. —*Авт.*); Меотийское озеро, говорят, на половину меньше Понта (Черного моря. —*Авт.*). На Меотийском озере прямо при входе в него по левую руку живут скифы; ибо их область простирается от внешнего моря над Таврической землей (Крымом. —*Авт.*) вплоть до Меотийского озера» (Псевдо-Скилак, «Перипл Средиземного моря», 68; цит. по: SC. Т. I. С. 84).

В IV в. до н.э. ярко проявилась тенденция к идеализации жизни и быта обитателей Северного Причерноморья. Уже в древнеионийской литературе (у Гелланика и Геродота) возникает пред-

ставление о гиперборейцах как о блаженном народе на крайнем севере, не знающем войн, вражды и несправедливости. Историк *Эфор* (*Ἐφορος*) (жил между 405 и 330 гг. до н.э.) в своем историко-географическом труде «История» (*Ἱστορίαι*) (отрывки его сохранились у других авторов) дал пример крайней идеализации скифов в моральном и социальном плане как кочевников, сохраняющих вдали от развращенной цивилизации высокие моральные качества, мудрость и добродетели. Его характеристика оказала мощное влияние на последующие описания скифов, просуществовав до конца античности. В русле этой социально-утопической традиции большое значение и распространение получил образ легендарного скифского мудреца Анахарсиса, которого Эфор делает изобретателем многих «культурных» достижений (например, трута, двузубого якоря и гончарного круга) и причисляет к семи знаменитым греческим мудрецам.

• По словам Эфора, другие писатели рассказывают только об их (скифов. — *Авт.*) дикости, так как знают, что страшное и удивительное внушает страх; однако, говорит он, следовало бы также передавать и противоположные факты и брать их за образец для подражания... Затем Эфор приводит причину, почему они ведут скромный образ жизни, не склонны к стяжательству и не только в отношениях друг с другом соблюдают хорошие обычаи (так как у них все общее, даже женщины, дети и вся семья), но и чужеземцам их не одолеть и не победить: ведь у них нет имущества, ради которого их стоило бы обратить в рабство...» (Эфор, «История»; сохранилось в: Страбон, «География», VII, 3, 9; цит. по: Страбон. С. 277).

1.2.5. Эллинистические источники

Эллинистический период античной истории, начинающийся завоеваниями Александра Македонского (последняя треть IV в. до н.э.) и заканчивающийся подчинением Риму последних эллинистических монархий Востока (I в. до н.э.), принес благодаря расширению географического кругозора (Александр дошел в своих завоеваниях до Средней Азии и Индии) и вовлечению в международную торговлю и политику далеких окраин тогдашнего мира много новых знаний о Восточной Европе и сопредельных землях. Из источников мы знаем, что один из полководцев Александра Зопирион предпринял поход против европейских скифов, но, дойдя до Ольвии, был разбит скифами и погиб.

При дворе Александра существовал целый штат историков и географов, исследовавших народы и местности, через которые проходили войска македонского царя. Возникшая в описаниях пути македонцев на Восток путаница, которая произошла с река-

ми Яксартом (Аму-Дарьей), до которой дошел Александр, и Танаисом (Доном), возле которого жили северночерноморские скифы, приводила к вовлечению в оборот этногеографических — старых и новых — сведений также о Северном Причерноморье. В 80-е годы III в. до н.э. Патрокл, один из военачальников Селевка Никатора, преемника Александра, предпринял исследование побережья Каспийского моря. В середине IV в. до н.э. совершил свое знаменитое плавание вокруг западного и северного побережий Европы Пифей из Массалии (Марселя).

Все эти факторы подготовили почву для небывалого взлета эллинистической географической науки. Выдающиеся географы *Эратосфен* (*Ἐρατοσθένης*, 275 — ок. 196/194 гг. до н.э.), хранитель знаменитой библиотеки в Александрии, и его последователь Гиппарх, живший полстолетием позже, заложили основы математической астрономии, научной географии и картографии (их великим предшественником выступает Аристотель, учитель Александра). Была определена форма Земли, ее размеры, разработана теория зонального членения Земного шара, намечены параллели и меридианы, определена форма и размеры ойкумены. Здесь же дискутировались многие вопросы географии Восточной Европы (например, о существовании на севере Европы Рифейских гор, о течении основных рек Восточной Европы, о гидрографии бассейнов Азовского, Черного и Каспийского морей и др.). Эратосфен написал несколько книг, в том числе «Географию» (*«Γεωγραφία»*) (это название, впервые употребленное Эратосфеном, стало в дальнейшем обычным для сочинений такого рода) и «Об измерении Земли», в которых собрано много материала и по географии понтийского региона; здесь он рассказывает не только о географии, но и о климате, о материальных ресурсах, о племенах и их государственном строе и т.д.

«Эратосфен говорит, что эти места (устье Днепра и Дона. — *Авт.*) состоят от Мероэ (город в Эфиопии. — *Авт.*) немногим больше, чем на двадцать три тысячи стадиев, именно до Геллеспонта (Мраморного моря. — *Авт.*) восемнадцать тысяч и затем пять тысяч до Борисфена (Днепра. — *Авт.*). В местностях же, отстоящих от Византия (совр. Стамбул. — *Авт.*) приблизительно на шесть тысяч триста стадиев и находящихся севернее Меотиды (Азовского моря. — *Авт.*), в зимние дни солнце поднимается не более чем на шесть локтей, а наибольший день равняется семнадцати равноденственным часам» (Эратосфен, «География»; сохранилось у: Страбон, II, 42; цит. по: SC. T. I. C. 105).

Эратосфен оставил целую школу географов; из них черноморским регионом занимались во II в. до н.э. особенно много Диофант, Агатархид Книдский, Деметрий Каллатийский и Артеми-

дор Эфесский, давшие уточненное описание северного побережья Черного моря. В конце II — начале I в. до н.э. появилось стихотворное «Землеописание» («Περὶ ἡπείρου»), приписанное *Скимну Хиосскому* (Σκίμνιος, III–II вв. до н.э.), но созданное явно позже. Эфоровская локализация племен Северного Причерноморья уживается здесь с новыми сведениями, полученными от Деметрия из Каллатиса.

«На Танаисе (Дону. —*Авт.*), который служит границею Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадиев. За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие некогда после битвы при Териодонте (в Малой Азии. —*Авт.*); по ним-то они и получили название *женоуправляемых*» (Псевдо-Скимн, «Землеописание», 874–885; цит. по: SC. Т. I. С. 90).

К эллинистическому периоду относится также писательская деятельность историков *Полибия* (Πολύβιος, ок. 205–123 гг. до н.э.) и *Посидония Апамейского* (Ποσειδώνιος, 128–45 гг. до н.э.), которые продолжили эфоровскую линию идеализации скифов; через Посидония, чьи произведения сохранились только во фрагментах, эта линия была продолжена римской литературой.

1.2.6. Что знали о Восточной Европе римляне?

Римская историко-географическая и этнографическая литература, начиная с I в. до н.э., восприняла большинство идей и представлений о Восточной Европе из греческой литературы. Вместе с тем продолжалось накопление новых данных по мере продвижения римских легионов на северо-восток известной тогда Европы, в Закавказье, Крым и Западное Причерноморье.

Большую роль в знакомстве античного мира с положением в Северном Причерноморье сыграли Митридатовы войны, которые велись римлянами против понтийского царя Митридата VI Евпатора (погиб в 63 г. до н.э. в Пантикапее — Керчи). Поскольку судьба Митридата была тесно связана с судьбами причерноморских городов и местных варварских племен, которые находились с ним многие годы в военно-политическом союзе (Боспорское царство было даже включено в состав Понтийской державы Митридата), много новых сведений из истории этого региона попало в произведения историков, давших описание Митридатовых войн. Такими историками были Феофан Митиленский

и Квинт Деллий, описавшие в I в. до н.э. восточные походы римского полководца Гнея Помпея — победителя Митридата.

Важным источником для реконструкции истории Боспорского царства и скифов является труд греческого историка *Диодора Сицилийского* (*Διόδωρος*, ок. 90—21 гг. до н.э.) «Историческая библиотека» (*Βιβλιοθήκη*), одна из сохранившихся глав которой содержит ценные исторические сведения о боспорских царях, о военной активности скифов, их обычаях и религиозных представлениях. Данные *Диодора* о годах правления некоторых боспорских царей являются для нас основой хронологии древнего периода истории Боспорского царства. Ниже публикуется фрагмент Диодорова труда, так подробно рассказывающий о неизвестном из других источников эпизоде борьбы за власть в Боспорском царстве, что исследователи предполагают использование здесь исторического труда местного, боспорского происхождения:

При архонте Гиеромнемоне в Афинах... «в Понте по смерти Парисада, царя Киммерийского Боспора (ум. ок. 310 г. до н.э. — *Авт.*), сыновья его — *Эвмел*, Сатир и Притан подняли между собой войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет; но Эвмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть; Сатир, узнав об этом, двинулся против него с огромным войском; перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Эвмела был царь фатеев Арифарн с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты...» (*Диодор Сицилийский*, «Историческая библиотека», XX, 22; цит. по: SC. T. I. С. 474-475).

На рубеже нашей эры было создано произведение, которое после Геродотова «Скифского рассказа» является, пожалуй, самым информативным и важным источником по истории Северного Причерноморья. Это «География» (*Γεωγραφικά*) греческого историка и географа *Страбона* (*Στράβων*, ок. 64/63 гг. до н.э. — ок. 20 г. н.э.). Выходец из знатного понтийского рода (его дед был другом Митридата), Страбон многое знал из собственного опыта и многое почерпнул из историко-географической литературы предшествующих веков. Его труд, написанный на греческом языке, но предназначенный для римских правителей, является подлинной энциклопедией по истории, ге-

ографии и этнографии современного Страбону мира. В книге, которая сохранилась почти полностью, Страбон цитирует, иногда дословно, множество своих предшественников, труды которых зачастую не сохранились совсем — Эфора, Эратосфена, Гиппарха, Артемидора Эфесского, Полибия, Посидония и других, всего около 150 авторов. Столь подробной информации о Северном Причерноморье не дает ни один античный автор. В помещаемом ниже фрагменте рассказан важнейший эпизод из истории Херсонеса — крупнейшего греческого города Северного Причерноморья, который в первой половине I в. до н.э. в результате угрозы со стороны крымских скифов потерял самостоятельность и попал в зависимость сначала от Митридата VI Евпатора, а затем от Боспора. Здесь называются также имена скифских правителей, которых победили войска Митридата.

«Этот город (Херсонес. — *Авт.*) прежде пользовался автономией, но потом, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена (Днепра. — *Авт.*) и Адрия (Адриатики. — *Авт.*). Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было пятьдесят, а по свидетельству Аполлониды — восемьдесят. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владелец Парисад. С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора» (Страбон, «География», VII, 4, 3; цит. по: SC. T. I. C. 123-124).

Географическая литература на латинском языке представлена именами Агриппы, Мелы и Плиния Старшего.

Ближайший сподвижник императора Августа Марк Бунсаний Агриппа (М. Vipsanius Agrippa, 63/64—12 гг. до н.э.), имея, в силу высокого положения при императорском дворе, большие возможности для сбора географического и статистического материала, создал труд, который назывался «Хорографией» («Chrographia» — название, почти синонимичное «Географии»); возможно, ему принадлежит также одна из первых карт Римской империи. Собранный здесь материал по Восточной Европе отличается актуальностью и свежестью. Достаточно сказать, что в труде Агриппы впервые встречается название реки Вислы (*Vislta*):

«Дакия и Гетика ограничиваются с востока пустынями Сарматии, с запада — рекой Вистлой, с севера — океаном, с юга — рекой Истром. Простирается в длину на 1200 миль, ширина же там, где есть сведения, — 386. Сарматия, Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада — рекой Борисфен, с севера — океаном, с юга — Пон-

тийской провинцией. Длина — 980 миль, ширина — 715» (Из «Хорографии» Агриппы по поздним изложениям; ср.: SC. Т. II. С. 448).

На географические данные Агриппы ссылаются и их используют многие римские авторы последующих веков.

В 40-х годах I в. н.э. написан небольшой географический трактат «Хорография» («De chorographia»), автор которого *Помпоний Мела* (Pomponius Mela) построил его как перипл, взяв за принцип описания плавание вдоль морского побережья. Наряду с некоторыми актуальными сведениями, почерпнутыми, по-видимому, из *агрипповой* традиции, Мела следует в географической локализации и характеристике народов Северного Причерноморья в основном за эллинистическими авторами, а в ряде случаев фиксирует древнеионийские, и даже иногда догеродотовы представления о расселении племен (см. илл. 2).

Илл. 2. Карта Европы по Помпонию Меле

То же можно сказать о слагаемых труда другого римского ученого, государственного деятеля и полководца *Гая Плиния Старшего* (G. Plinius Maior. 23/24—79 гг. н.э.), написавшего грандиозную энциклопедию всей античной науки под названием «Естественная история» («*Historia naturalis*»). Географическая часть этого труда содержит, как и «География» Страбона, огромное количество отсылок к работам предшественников, позволяющих представить литературную традицию о Северном Причерноморье при утрате большинства произведений античных географов и историков. Многие сведения были получены Плинием от чиновников и военачальников, лично участвовавших в тех или иных событиях, военных экспедициях и поездках в район Черного моря. Пожалуй, труд Плиния во всей римской литературе является самым важным, подробным и всесторонним источником по истории Восточной Европы, с которым могут сравниться только произведения Геродота и Страбона.

«К северу от Истра (Дуная. —*Авт.*), вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или, по-гречески, савроматы, и из их числа гамаксобии, или аорсы, то неблагородные, рабского происхождения скифы, то трогодиты, затем аланы и роксоланы... По словам Агриппы, все это расстояние от Истра до (Северного. —*Авт.*) Окена в длину имеет дважды по десять сотен тысяч шагов, а в ширину — четыре тысячи четыреста шагов от пустынь Сарматии до реки Вистлы (Вислы. —*Авт.*). Имя скифов всюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны и почти неизвестны прочим смертным» (Плиний Старший, «Естественная история», IV, 12, 80—81; цит. по: SC. Т. И. С. 171-172).

В римское время мы располагаем также ценными свидетельствами двух очевидцев, побывавших лично в Северо-Западном Причерноморье. Один из них — великий римский поэт *Публий Овидий Назон* (P. Ovidius Naso, 43 г. до н.э. — 18 г. н.э.), сосланный императором Августом в 8 г.н.э. в низовья Дуная и проводивший там до своей кончины почти десять лет. В поэтических элегиях, названных «Тристиями» (Tristia - печальные песни) и «Посланиями с Понта» («*Epistulae ex Ponto*»), он оставил яркие зарисовки жизни небольшого греческого города в условиях варварского окружения:

«Бесчисленные племена грозят вокруг жестокими войнами: они считают постыдным для себя жить не разбоем. Ничто небезопасно вне стен: самый холм защищен слабыми стенами и своим местоположением. Многочисленные враги, как птицы, налетают, когда их меньше всего ждешь, и едва их успеешь только рассмотреть, как они уже уводят добычу... Нас едва защищает крепость, но и внутри стен вызывает страх толпа варваров,

смешанная с греками, ведь варвары живут с нами безо всякого различия и занимают большую часть домов. Если даже их не бояться, то можно возненавидеть, увидев грудь, прикрытую шкурами и длинными волосами. Да и те кто, как считают, происходит из греческого города, также носят вместо отечественного костюма персидские шаровары. У них есть возможность вести разговор на общем языке, а я вынужден обозначать вещи жестами... Прибавь к этому, что несправедливый суд вершится жестоким мечом и часто прямо посреди форума наносятся **раны...**» (Овидий, «Тристии», V, 10; цит. по: Овидий. С. 116).

Известный греческий оратор и философ **Дион Хрисостом** (**Δίων Χρυσόστομος**, ок. 40 г. — 120 г. н.э.) в своей знаменитой «Борисфенитской речи» (**«Λόγος Βορυσθενικός»**), произнесенной в 100 г., донес уникальные сведения о положении греческого города Ольвии, которую он незадолго до этого посетил:

«Город **борисфенитов** (Ольвия. —*Авт.*) по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн...; последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии (прибрежный город на территории современной Болгарии. —*Авт.*)... О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты... Все это служит явными признаками его разорения, и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках» (Дион Хрисостом, «Борисфенитская речь», II, 48; цит. по: SC. Т. I. С. 172-173).

От времени императора Адриана до нас дошел «Перипл Черного моря» (**«Περίπλους Εὐξείνου Πόντου»**, составленный в 30-е годы II в. н.э. на греческом языке специально для императора наместником провинции Каппадокии **Флавием Аррианом** (**Αρριανός**). Помимо литературной традиции, обильно использованной Аррианом, в перипле представлена и актуальная информация, касающаяся Южного, Восточного и Северного Причерноморья конца I в. н.э. (в частности, об усилении в это время скифотаврского царства):

«От Пантикапея (Керчи. —*Авт.*) до местечка Казека, лежащего при море, — четырехста двадцать стадиев; отсюда — двести восемьдесят стадиев до опустевшего города Феодосии; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках. Отсюда — двести стадиев до покинутого порта скифотавров, а отсюда до Лампады в Таврической земле — шестьсот стадиев...» (Арриан, «Перипл Черного моря», 30; цит. по: SC. Т. I. С. 224).

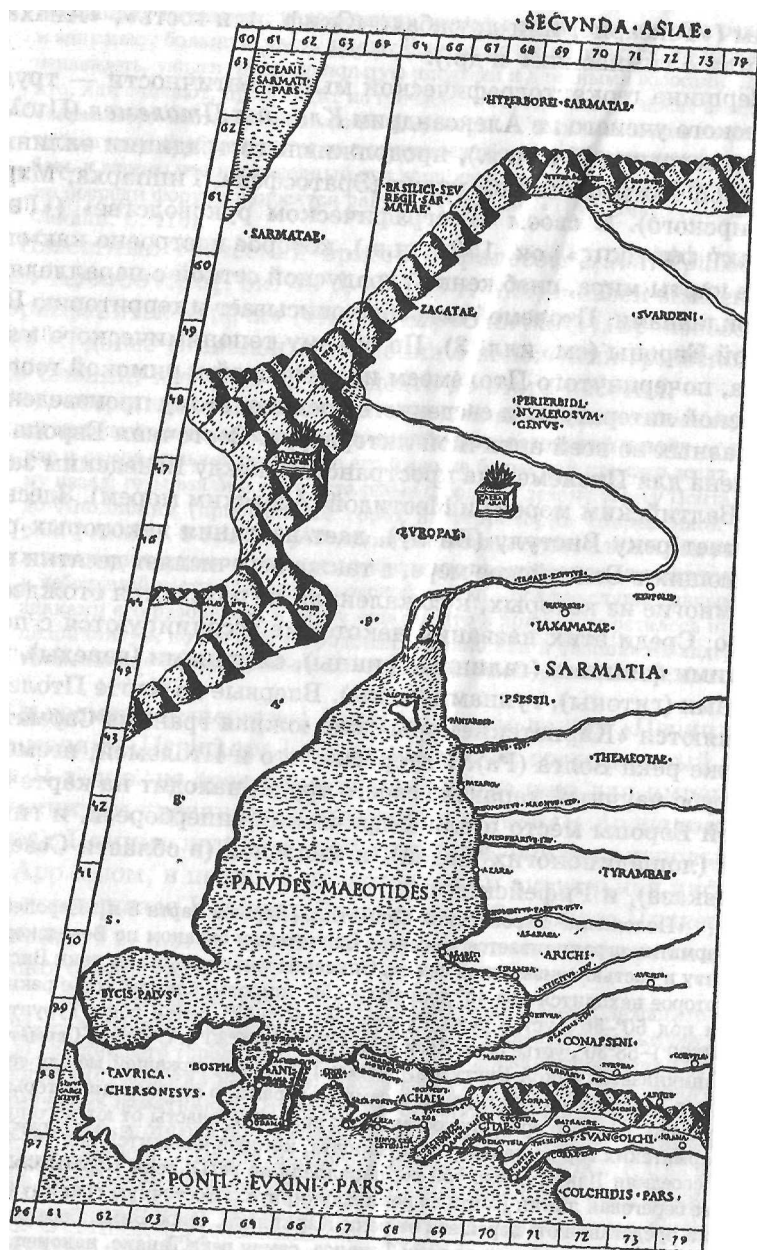
Из неизвестных нам источников черпал свои сведения о скифах замечательный греческий писатель **Лукиан из Самосаты** (**Λουκιανός**, ок. 120 г. н.э. — ок. 190 г. н.э.), посвятивший несколько произведений с морализаторской темой скифским сю-

жетам («Токсарис, или дружба», «Скиф, или гость», «Анахарсис, или о гимнасиях» и др.).

Вершина геокартографической мысли античности — труды греческого ученого из Александрии *Клавдия Птолемея* (*Πτολεμαῖος*, середина II в. н.э.), продолжившего традиции эллинистической географической науки (*Эратосфена*, *Гиппарха*, *Марина Тирского*). В своем «Географическом руководстве» (*Γεωγραφικὴ ὑφήγησις*, ок. 150 г. н.э.), которое построено как описание карты мира, снабженной градусной сеткой с параллелями и меридианами, Птолемей подробно описывает и территорию Восточной Европы (см. илл. 3). По объему топонимического материала, почерпнутого Птолемеем из греческой и римской географической литературы и сведенного воедино, этому произведению нет равных во всей античной литературе. Восточная Европа заключена для Птолемея на пространстве между Венедским заливом (Балтийским морем) и Меотидой (Азовским морем). Здесь он называет реку Вистулу (Вислу), дает названия некоторых рек, впадающих в Балтийское море, а также перечисляет десятки племен, многие из которых, к сожалению, не поддаются отождествлению. Среди этих названий некоторые ассоциируются с позднейшими финнами (галинды, финны), славянами (венеды), германцами (гитоны), гуннами (хуны). Впервые на карте Птолемея появляются «Карпатские горы» как южная граница Сарматии, а также река Волга (Ра). Интересно, что и Птолемей, несмотря на сугубо научный характер своего труда, находит на карте Восточной Европы место и для мифических гипербореев, и гиппоподов (лошадиноногих людей), и амазонок (в области Северного Кавказа), и Рифейских гор.

«Положение Европейской Сарматии. [Европы карта 8-я]. Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы, которое находится под 45° долготы — 56° широты, следует устье реки Хрона под 50°-56°, устье реки Рубона под 53°-57°, устье реки Турунта под 56°(30')-58°30', устье реки Хесина под 58°30'-59°30'... С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками, и Сарматскими горами, и самими горами, о положении которых уже сказано. Южную границу составляют: языги-метанасты от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, которая находится под 46°-48°30', и соседняя Дакия около той же параллели до устья реки Борисфена, и далее береговая линия Понта до реки Каркинита... Восточную границу Сарматии представляют: перешеек от реки Каркинита, озеро **Вика**, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец, меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле» (Птолемей, «Географическое руководство», III, V, 1-3; цит. по: SC. Т. I. С. 228-229).

4\

Илл. 3. Часть карты азиатской Сарматии по Птолемею

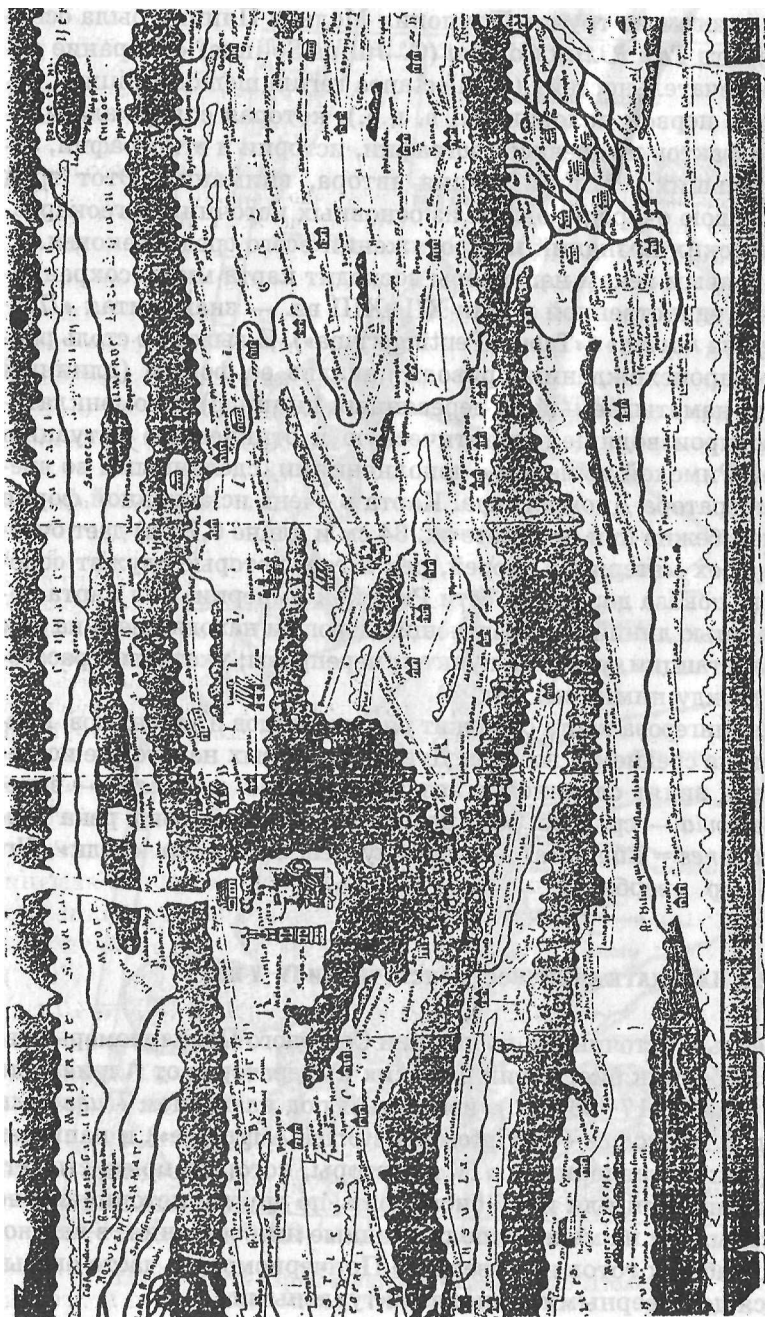
Во многом на трудах Помпония Мелы и Плиния была основана книга *Гая Юлия Солина* (С. Julius Solinus) «Собрание достопримечательностей» («Collectanea rerum memorabilium», написана в первой половине III в. н.э.), которая содержала множество фактов из древней географии, истории и этнографии, заслуживавших, с точки зрения автора, внимания. Этот труд стал, в свою очередь, одним из основных источников геокартографических познаний на протяжении всего средневековья.

К первым векам нашей эры восходит карта мира, сохранившаяся в единственной копии XII–XIII вв. — знаменитая «*Певтингерова карта*» («Tabula Peutingeriana»). К выводу о столь раннем ее происхождении приводит анализ ее формы (длинный свиток, наматываемый на деревянный цилиндр) и номенклатуры, воспроизводящей политическую и этническую ситуацию ранней Римской империи с дополнениями, сделанными во время императора Диоклетиана. Карта в очень искаженной форме (что неизбежно при ее высоте ок. 34 см и длине 6,75 м) дает очертания трех материков, морей, рек и гор, которые служат основой для показа дорожной сети Римской империи. Вся карта покрыта сетью линий, изображающих дороги и находящиеся на них города, станции, узловые пункты, переправы; указаны и расстояния между ними (см. илл. 4).

Певтингерова карта содержит ряд этнонимов и топонимов, в основном на среднем и нижнем Дунае, в которых некоторые исследователи видят славянские названия (*Venadi* и *Venedi* — веныды, *Bersovia* — ср. совр. река Брзава, *Tierna* — ср. совр. река Черна, *Lupiones* — *Lugionesl* — племя лугиев, *Ulca* — ср. «волк», *Urbate* — ср. «верба»).

1.2.7. НА ЗАКАТЕ АНТИЧНОСТИ (ИСТОЧНИКИ IV–V ВВ.)

Ценным источником по истории Северного Причерноморья является сборник биографий римских императоров от Адриана до Нумериана (117–284 гг.), известный под названием *Писатели истории Августов* («Scriptores historiae Augustae») и написанный (или составленный) в IV в. Авторы, которым приписывается создание той или иной биографии, по другим источникам не известны, тем не менее использованные ими сведения, в частности, о набегах готов из Северного Причерноморья, часто оказываются достоверными и вполне актуальными.

«Когда Валериан (в 60-х годах III в. — *Авт.*) был в плену..., **готы** (Gothi), или скифы, имя которых... придано готам, заняли Фракию, опустошили Македонию, осадили Фессалонику, и ниоткуда не видно было даже скромной надежды на спасение... С теми же готами произошло под предводительством Марциана сражение в Ахайе (Греции. — *Авт.*), откуда они отступили, потерпев поражение от ахейцев. Между тем скифы, т.е. часть готов, опустошали Азию. Выл разграблен и сожжен и храм Эфесской Луны, сокровища которого по слухам достаточно известны народам...» (Требеллий Поллион, Двое Галлиенов, 5-6; цит. по: SC. Т. II. С., 298-299).

Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus, ок. 330 — ок. 395 гг.), написавший большой исторический труд о современных ему событиях («Res gestae»), в описании Северного Причерноморья использует как литературные источники, частично входящие к древнеионийскому времени, так и свежие сведения, в частности, о гуннах, недавно вторгшихся в Восточную Европу. Его этнографические экскурсы об аланах и гуннах содержат множество ценных данных об этих народах.

«Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами (Азовским морем. — *Авт.*) у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости... Итак, гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большей уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения [готского царя] Ерменриха (Германариха. — *Авт.*), царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами храбрости навешшего страх на соседние народы...» (Аммиан Марцеллин, «История», XXXI, 2, 1 и 3, 1; цит. по: SC. Т. II. С. 337 и 342).

Со становлением в IV в. христианства как государственной религии начинается новый этап историографии — пересмотр истории с точки зрения христианства и его ценностей. Одним из первых таких трудов на Западе стала «История против язычников» («Historiae adversum paganos») **Павла Орозия** (Paulus Orosius, написана ок. 417 г.). На греческом Востоке это труды по всеобщей, локальной и церковной истории Евсевия (ум. в 340 г.), Филосторгия (368-440 гг.), Сократа Схоластика (380-440 гг.), Созомена (писал ок. 444 г.), Феодорита Киррского (первая половина V в.), Зосима (вторая половина V в.), **Приска Панийского** (ок. 410/420—ок. 475 гг.) и др. Церковные и светские истории, написанные этими и другими историками (церковными охвачен период с 300 по 470-е годы) содержат много новых сведений о борьбе римских императоров против готов и гуннов, о принятии готами и другими причерноморскими народами христианства и т.д. Тем не менее этнографическая и географическая номенклатура, используемая раннехристианскими авторами, долго еще

(вплоть до позднего средневековья) оставалась той же, что и в произведениях языческой античности. В частности, описание Северного Причерноморья у Орозия основывается на материалах, восходящих к трудам Агриппы, хотя автор и доводит историю мира до современных ему событий.

«Европа начинается от Рифейских гор, реки Танаиса и **Меотийских** болот, лежащих на востоке, простирается по берегу Северного океана до Галлии Бельгийской и реки Рейна, который течет на запад, затем до Данувия, называемого и Истром, который направляется с юга на восток и впадает в Понт (Черное море. — **Авт.**); на востоке лежит Аляния, посредине — Дакия, где и Готия, затем Германия, где большую часть занимают свебы; во всех этих странах живут 54 племена... Я умалчиваю о частых раздорах между собой самих варваров, когда по очереди два клана готов, затем аланы и гунны грабили друг друга, производя разные убийства. Радагайс, самый страшный из всех древних и теперешних врагов, внезапно напал и наводнил всю Италию; говорят, что в его народе было более 200 000 готов. Этот, кроме невероятного количества людей и неукротимой доблести, был язычник и скиф...» (Павел Орозий, «История против язычников» I, 2, 52 и VII, 37, 3-5; цит. по: SC. Т. П. С. 395 и 406).

1.2.8. НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ: РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛАТИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ (VI–VII вв.)

Период Великого переселения народов III–V вв., когда огромные этнические массы Северной и Восточной Европы, а также Северной Азии мигрировали из мест обычного расселения, разрушая на своем пути сложившиеся государственные и этнические границы, отразился в некоторых трудах, появившихся в раннее средневековье. Одним из них является книга «О происхождении и деяниях **гетов**» («De origine actibusque **Getarum**») **Иордана** (**Iordanes**, VI в.), происходившего из смешанной гото-аланской среды и поставившего своей целью написать историю готов (**он** называет их именем «геты»). Поскольку ранняя история готов времен царства Германариха была тесно связана с Восточной Европой и Северным Причерноморьем, произведение Иордана является ценнейшим источником позднеантичной и раннесредневековой истории этого региона. Он рассказывает о продвижении готских племен от побережья Балтийского моря к Черному, дает перечень племен, с которыми пришлось столкнуться готам (среди них, помимо традиционных скифов, упомянуты, **возможно**, финно-угорские народы вепсы, чудь, меря), подробно рассказывает о царствовании гуннского царя Аттилы, а также впервые прямо связывает племенное название венедов, встречавшееся у ан-

тичных авторов начиная с I в. н.э., со славянами, которые живут, по Иордану, на Дунае и в Северо-Западном Причерноморье и делятся на венедов и антов.

«У левой стороны их (Карпатских гор. — *Авт.*), которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы на огромных просторах обитает многочисленное племя венетов (*Venethae*). Хотя их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами (*Sclaveni*) и антами (*Antes*). Славяне живут от города Новиетуна (на Дунае. — *Авт.*) и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра (Днестра. — *Авт.*) и на севере до Висклы (Вислы. — *Авт.*); болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское (Черное. — *Авт.*) море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра (Днепра. — *Авт.*)...» (Иордан, «О происхождении и деяниях гетов», 34-35; лит. по: Свод. Т. I. С. 107—109).

О славянских племенах склавинов (склавов) и антов рассказывают также ранневизантийские источники V—VI вв. Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Псевдо-Кесарий, Иоанн Малала, Агафий Миринейский, Менандр Протектор, Маврикий и др. (см. часть II, гл. 1).

Традиционную, основанную на позднеантичных источниках схему расселения племен в Восточной Европе дает в своих «Этимологиях» («*Etymologiae*») испанский епископ и писатель, ревностный собиратель античных знаний *Исидор Севильский* (Isidorus Hispalensis, ок. 570—636 гг.).

Приблизительно 700 годом датируется латиноязычная «Космография» *Анонима из Равенны* (*Cosmographia Ravennatis Anonymi*), которому, по всей видимости, была доступна карта мира, близкая «Певтингеровой», поскольку длинные списки топонимов обоих памятников часто совпадают между собой. Весьма характерно в описаниях Восточной Европы соотношение античных традиционных, ставших уже хрестоматийными, примет страны, таких как скифы, сарматы, роксоланы, амазонки, со сравнительно новыми реалиями, ставшими известными в период переселения народов и позднее — склавины, карпы, готы, даны, **гепиды**, газы (хазары). Кстати, хазары и Хазария (древнейшее государство на территории Восточной Европы, возникшее в VII—VIII вв. в низовьях Волги и на Северном Кавказе) упомянуты Анонимом впервые в латиноязычной европейской литературе, причем о **Хазарии** говорится, что это «чрезвычайно обширная как в длину, так и в ширину страна, расположенная в равнинной местности».

Автор вполне осознает те изменения, которые произошли на карте Европы в ходе Великого переселения народов и стали

причиной путаницы в этногеографической номенклатуре, чему свидетельством его слова из Введения к «Космографии»:

«Итак, как было условлено, я подробно, с помощью Христа, расскажу... обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, возжелав из-за своей чрезмерной дерзости чужих или лучших земель или же, возможно, терпя тяжкие притеснения от других народов, переместились из собственных владений и при этом страны, города или же реки, названные когда-то одним именем, теперь стали называться иначе, как это бывает у варваров» («Космография» Равеннского анонима, I, 1).

1.3. ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Говоря о литературной традиции о Северном Причерноморье, следует выделить ряд общих моментов, которые определяют специфику этой традиции и часто затрудняют использование содержащейся в ней информации.

1. Особенностью античных источников, как и всей литературы, является длительность рукописной традиции. Большинство памятников античной литературы было целенаправленно собрано, классифицировано, переписано и тем самым спасено от гибели (а затем типографски издано) лишь в эпоху Возрождения (XIII–XV вв.); обнаружение все новых памятников продолжается до наших дней. В результате смены культур (от языческой античности к средневековому христианству) менялись приоритеты при переписывании рукописей; многие рукописи были утрачены из-за отсутствия интереса к ним в средние века.

2. Вследствие этого обстоятельства до нас не дошло огромное количество памятников античной письменности, о которых сохранились упоминания у других авторов. Поэтому многие важные звенья информационной цепочки о Северном Причерноморье приходится восстанавливать по скудным фрагментам и отрывкам. Разрозненность и фрагментарность дошедших сведений делает работу историка чрезвычайно сложной.

3. Длительность рукописной традиции является также причиной плохого качества многих текстов, дошедших до нас. Средневековый переписчик, слабо ориентированный в античной географии и истории, часто не понимал текста и допускал ошибки и произвольные исправления в написании тех или иных этнонимов, топонимов, гидронимов и т.д. Ученым часто приходится восстанавливать текст, прибегая к многочисленным конъек-

турам (поправкам). Текстологическая традиция изучения и издания некоторых памятников (например, Помпония Мелы, Плиния Старшего или Птолемея, чьи тексты содержат десятки и сотни имен) насчитывает уже века, и тем не менее часто бывает весьма трудно установить первоначальный авторский текст. Вот почему издание, служащее для исследователя источником исторической информации, непременно должно иметь *apparatus criticus* — указание разночтений по различным рукописям, издательских конъектур и описание рукописной традиции.

4. Стереотипность описаний, заключающаяся в переносе расхожих схем, освященных авторитетом, на сходные ситуации (в этнографии, климатологии и др.). Так, например, Овидий, лично наблюдавший жизнь в низовьях Дуная, парадоксальным образом изображает климат, природу и население этого района, опираясь на знаменитое описание своего великого предшественника Вергилия, который, не будучи лично знаком со здешними местами, перепевал известные всем мотивы «Скифского рассказа» Геродота. Следует принимать во внимание и традиционность этнической номенклатуры, когда новые народы, пришедшие на территорию прежних, носят имена предшественников (так, славян в раннесредневековой историографии еще долго называли скифами или гуннами; ср. также выше затруднения, с которыми столкнулся Аноним из Равенны).

5. Отсюда — вторичность большинства описаний (например, Плиний, спустя шесть веков после Геродота, повторяет его почти дословно); про свидетельства очевидцев (автопсию) можно говорить только в случае с тремя авторами — с Геродотом, побывавшим, по-видимому, в середине V в. до н.э. в Ольвии, с Овидием, сосланным в начале I в. н.э. в устье Дуная, и с Дионом Хрисостомом, посетившим на рубеже I–II вв. Ольвию. Все остальные сведения были получены из вторых рук и носят книжный, компилятивный характер.

6. Тенденциозность в изображении варварского мира Северного Причерноморья, когда скифов пытались представить то как воплощение вселенского зла, жестокости и коварства, то, наоборот, как идеальных, близких к природе и не знающих пагуб цивилизации «природных» людей (взгляды Эфора). «Ученая» поэзия, часто черпавшая свой материал из популярной этнографической литературы, дает много образцов такой тенденциозности.

7. Большую опасность для исследователя может представлять часто непреднамеренная эллинизация варварского мира в исто-

рико-этнографических описаниях греков, а именно, приписывание варварским народам черт, понятий и обычаев, которые были свойственны самим грекам.

8. Большие трудности в определении степени достоверности наших источников обусловлены синкретизмом античного литературного творчества, выразившимся в смешении научного и художественного начал (художественность научной прозы и «ученость» поэзии). Нерасчлененность научного и мифо-поэтического подходов к осмыслению и описанию событий и явлений, риторичность античной культуры наложили своеобразный отпечаток на характер сообщаемых сведений.

9. Многим античным описаниям свойственны параллелизм и симметрия как основа расположения и осмысления этногеографического материала. Так, например, скифский север и ливийский (африканский) юг — излюбленный пример двух противоположностей в климате, условиях жизни, характере народов; сюда же можно отнести симметричность их географического положения, в частности, направления течения Нила и Дуная рассматривались как симметричные относительно Средиземноморья, что проявилось и в симметрии картографического изображения этих двух регионов и т.д.

10. Постепенный перенос мифологических реалий все дальше на периферию ойкумены в связи с освоением новых земель (гипербореи, амазонки, Рифеи, названия Тавр, Борисфен, Боспор и другие реалии, фиксируемые в различных районах Восточной Европы). Так, амазонок — племя воинственных женщин — помещали сначала в Малой Азии на реке Териодонт, но уже при Геродоте их локализация сместилась в Северное Причерноморье, а Птолемей вынужден был размещать их у Северного океана.

11. Своеобразное восприятие географического пространства, предпочтение текстового описания графическому (картографическому) изображению, что выразилось в различных смещениях географических объектов.

12. Наконец, правильной интерпретации источников часто препятствуют различные изменения природно-климатических условий, произошедшие в Северном Причерноморье за более чем две тысячи лет с момента их описания. Имеются в виду потепления и похолодания климата, понижения (регрессии) и повышения (трансгрессии) уровня Черного моря, повлекшие за собой существенные изменения в конфигурации береговой линии, затопление участков суши или обнажение морского дна, а так-

же изменение русла рек, исчезновение лесов и прочие изменения.

Все эти моменты следует иметь в виду при использовании наших источников в историческом исследовании. Между тем нередка практика, когда историки или археологи для подтверждения своей гипотезы произвольно вырывают из контекста то или иное сообщение, не учитывая «внутренней жизни» этого сообщения, не просматривая генетической связи этого сообщения с предшествующими источниками. А ведь, возможно, приведенное сообщение повторяет информацию, которая была получена за много веков до рассматриваемого времени и в данном случае не актуальна. Редко учитывается также тенденция автора, в своих целях упоминающего то или иное событие, образ или имя, относящееся к Северному Причерноморью. Мало того, что сплошь и рядом историки и археологи не знают древних языков и вынуждены пользоваться русским переводом, нередки случаи, когда цитирование идет по поэтическому переводу, который может очень сильно расходиться с оригинальным текстом.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНОСТИ

Суммируя историю литературной традиции о Восточной Европе и Северном Причерноморье, можно следующим образом охарактеризовать образ этого региона, сложившийся к концу античности в представлении образованного человека.

Восточная Европа — это малоизвестная часть ойкумены. Еще Страбон писал, что «**страны** за Альбием (т.е. к востоку от реки Эльбы. —*Авт.*) у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль этих берегов к восточным странам, простирающимся до устья Каспийского моря; также и римляне еще не заходили по ту сторону Альбиа; равным образом и сухим путем никто туда не путешествовал» (Страбон, «География», VII, 2, 4).

Восточная Европа ограничивалась, в представлении античных географов и историков, с севера Ледовитым океаном (чисто умозрительная, хотя и правильная граница, обусловленная теоретическим постулатом об опоясывающем сушу океане), с востока — рекой Танаисом (Доном), затем Меотийскими болотами (Азовским морем) и Киммерийским Боспором (Керченским проливом).

Южной границей ее служил Понт Эвксинский (Черное море). На севере Восточной Европы локализовались так называемые Рифейские (или **Рипейские**) горы, которые тянулись в широтном направлении (возможно, искаженное представление об Урале). Предполагалось (например, Аристотелем), что с этих гор берут свое начало и текут на юг великие реки Танаис (Дон), **Борисфен** (Днепр), Гипанис (Южный Буг) и некоторые другие (позже стала известна Волга — Ра). Впрочем, существовала также «озерная» теория их истоков (Геродот).

Климат в «Скифии» считался чрезвычайно холодным и едва пригодным для проживания. За Рифейскими горами шесть месяцев длится ночь и шесть месяцев день.

Далеко на севере у Рифейских гор греки и римляне размещали мифические народы «блаженных» гипербореев и воинственных амазонок, южнее — одноглазых аримаспов, аримфеев и исседонов. Далее, ближе к Северному Причерноморью живут уже лучше знакомые античному миру скифские и сарматские племена, рано пришедшие в соприкосновение с античной цивилизацией. Понятие «Скифии» как топонима, покрывающего собой всю территорию Восточной Европы, со временем сменилось на «Сарматия» благодаря вытеснению скифских племен сарматскими, произошедшему в последних веках новой эры. Среди скифов различали племена царских скифов, скифов-земледельцев, агафирсов, невров, андрофагов (антропофагов), меланхленов и некоторых других. С сарматским этносом связывали древних савроматов, собственно сарматов, аорсов, сираков, роксоланов, аланов и других. В Крыму (Херсонесе Таврическом) жили тавры, на берегах Азовского моря — меоты, синды и другие племена. Позже в Северном Причерноморье появились готы, гунны и славяне (склавины, венеды, анты).

Скифы как основное племя Северного Причерноморья были известны в античности как кочевой скотоводческий народ, живший в кибитках, питавшийся молоком и мясом скота, имевший жестокие воинственные нравы, позволившие им снискать славу непобедимых. Скифы стали в античности олицетворением варварства (будь то осуждающая или идеализирующая модель отношения к варварам).

Когда в последние века до новой эры в степях Северного Причерноморья скифов сменили сарматы, а затем появились готы и гунны, несущие смерть и разорение северным пределам античного мира, этот регион стал восприниматься как источник появления

на свет все новых и новых враждебных античной цивилизации «варварских» народов. Пришедшие сюда позже славянские, тюркские, финно-угорские, монгольские народы еще долго (вплоть до Нового времени) могли называться скифами или сарматами, что было проявлением архаизирующей традиции.

Античному человеку было известно также о существовании в Северном Причерноморье очагов античной цивилизации — около двух десятков греческих городов, среди которых самыми известными были Фанагория, Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Тира. Эта узкая прибрежная полоска античной культуры казалась далекой периферией ойкумены, подверженной военной и культурной экспансии «скифов». Жителей этих греческих городов считали подверженными сильной варваризации.

С Восточной Европой образованные греки и римляне связывали и целый ряд широко известных в античности мифологических сюжетов, имен и событий. Таковы, например, миф о прикованном на Кавказе Прометее, сказание о походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном, сюжет о крымском царстве таврского царя Тоанта, жрицей которого была дочь Агамемнона Ифигения, и о прибытии в Крым Ореста, брата Ифигении, и его друга Пилада, предание о посмертной жизни Ахилла в Северном Причерноморье и т.д. Эти сюжеты много раз разрабатывались античными писателями, поэтами, живописцами, философами, этнографами и были известны каждому более или менее образованному человеку.

Таким в целом был образ Восточной Европы в сознании античного человека, унаследованный многими поколениями европейцев и с трудом изживавшийся уже в Новое время.

ГЛАВА 3. БЫЛИ ЛИ ВЕНЕДЫ СЛАВЯНАМИ? АНТИЧНЫЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О СЛАВЯНАХ

Античные источники подводят к моменту появления славян на исторической арене; славяне назывались венедами (*Venedi*, *Veneti*, *Venethi*, *Venadi*), склавами или склавенами (*Scлавeni*, *Scлавini*, *Scлаvi*), антами (*Antes*, *Anti*) и др. Два последних этнонима появляются в V в. и, как правило, прилагаются к реальным славянам; сложнее обстоит дело с именем венедов.

Самые ранние источники, фиксирующие «славянские» этнонимы и топонимы, — произведения римских авторов I–II вв. н.э. Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, а также «Певтингерова карта» (см. о них выше в гл. 1.2.6). Эти авторы и карта называют в Восточной Европе племя венедов.

Согласно Плинию, «некоторые передают, что она (таинственный остров в Балтийском море Энингия. — *Авт.*) населена вплоть до реки Висулы (Вислы. — *Авт.*) сарматами, венедями, скирами, хиррами...» (IV, 13, 97). Римский историк Тацит колеблется, «причислить ли народы певкинов, венетов и финнов к германцам или сарматам», и локализует венетов между финнами в Юго-Восточной Прибалтике и певкинами в низовьях Дуная («Германия», 46). Клавдий Птолемей знает также Венедские горы и Венедский залив (Балтийское море), вдоль которого около устья Вислы живут венеды («Географическое руководство», III, 5, 1; 7–9). На «Певтингеровой карте» венеды выступают дважды в районе среднего и нижнего Дуная (см.: Свод. 1991. Т. I. С. 18–80).

Признать упоминаемых в этих памятниках венедов славянами (что было сделано уже в первой четверти XIX в.) побуждают три обстоятельства. Во-первых, это свидетельство историка VI в. Иордана, который прямо подтвердил славянство венедов («они все называются славянами и антами»). Во-вторых, в средние века и новое время этим же этнонимом (*вене, винды*) называли славян германцы, финны и эсты. В-третьих, висленская локализация венедов соответствует тому факту, что именно здесь многие археологи и лингвисты видят древнейшие славянские памятники.

В результате теория славянства ранних венедов стала чрезвычайно популярна среди славистов; ее придерживались такие ученые, как поляки В.Суровецкий, С.Роспонд, Т.Лер-Сплавинский, Г.Ловмянский, К.Тыменецкий, Т.Завадский, Зб.Голомб, чехи П.Шафарик и Л.Нидерле, российские ученые Ф.А.Браун, А.Л.Погодин, А.Д.Удальцов, Г.В.Вернадский, С.Б.Бернштейн, Ф.П.Филин, В.В.Седов, Б.А.Рыбаков и др. Однако недавняя публикация указанных выше фрагментов (см.: Свод. 1991. Т. I. С. 18–80) позволила снова поставить вопрос о состоятельности «прославянской» аргументации. Исследование литературной традиции (наличие более ранних источников у Плиния и других авторов), историко-географического контекста упоминания венедов (размытость и искусственность помещения венедов у Вислы, связь венедского этнонима с Янтарным путем и т.д.), лингвистичес-

тические аргументы (дославянский — иллирийский, кельтский или германский ареал распространения этнонима), а также неопределенность археологической атрибуции ранних славян не позволяют делать прямолинейных и однозначных выводов относительно славянства ранних венедов. Необходима и желательна более глубокая проработка этой проблемы.

Собирание, издание и изучение древнейших источников по истории славян имеет давнюю традицию; первые собрания текстов о славянах появляются в начале XVII в. (подробнее анализ этой традиции см.: Свод. 1991. Т. I. С. 6—10).

В 1837 г. чешский ученый П.Шафарик (E Šafařík в «Славянских древностях» впервые всесторонне проанализировал древнейшие сведения о славянах, привлекая также античные источники; с тех пор многие славянские историографии (польская, югославская, болгарская) обогатились изданиями античных и средневековых источников по ранним славянам. Примером одной из таких публикаций может служить книга польского историка М.Плези, вышедшая в 1952 г. (GLZ) и охватывающая источники от Геродота до византийских авторов IX в. В издании Плези даны переводы с новейших изданий греческих и латинских авторов, сообщается информация об авторе и произведениях, приводится библиография проблемы, но, к сожалению, отсутствуют оригинальные тексты и более или менее подробный комментарий.

В отечественной историографии последнего столетия такая подборка древнейших греческих, латинских и византийских текстов, содержащих сведения о славянах, была составлена А.В.Мишулиным в 1941 г. (см.: Древние славяне. 1941. С. 230—284). Эта публикация также не имеет оригинальных текстов и комментариев, она далеко не полна, поэтому пользование ею затруднено.

Последнее в России издание ранних «славянских» сведений, начинающихся с I в. н.э. (Плиний, Тацит, Птолемей, Певтингерова карта, Иордан, Равеннский Аноним и др.), осуществил коллектив авторов под руководством Л.А.Гиндина и Г.Г.Литаврина (Свод. 1991—1995. Т. I—II). В основу этого капитального и во многом образцового издания были положены те же принципы, что и в своде «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» (см. Предисловие). В нем же дана библиография работ по ранней истории славян (Свод. Т. I. С. 404—441; Т. П. С. 520—554).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники¹

Аммиан Марцеллин — *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. Ю.Кулаковского при участии А.Сонни. СПб., 1994.

Геродот — *Доватура А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы на-
лей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий.
Пер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1982.

Демосфен — *Демосфен*. Речи. М., 1994-1996. Т. 1-3.

Древние славяне — *Мишулин А.В.* Древние славяне в отрывках гре-
со-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древ-
ней истории. 1941. № 1. С. 230-284.

ИВИ — *Стриттер И.* Известия византийских историков, объясня-
ющие российскую историю древних времен и переселения народов.
ЛПб., 1771-1775. Т. 1-4.

Изборник — Изборник источников по культурной истории Восто-
ка, Греции и Рима / Б.А.Тураев, И.Н.Бороздин, Б.В.Фармаковский. М.,
1918. Ч. II: Древний мир на юге России.

Известия — *Ган К.* Известия древних греческих и римских писате-
лей о Кавказе. Тифлис, 1884-1890. Ч. I—II.

Иордан — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов («*Getica*») /
вступ. статья, пер., комм. *Е.Ч.Скрябинской*. 2-е изд., испр. и дополн.
ЛПб., 1997.

Кавказ — Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Рос-
сизм-на-Дону, 1990.

КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

ЛНХ — *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврическо-
го). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по
истории народов СССР. М., 1983.

Материалы — *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в грече-
ских надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник
древней истории. 1939. № 3. С. 231-315.

Мела — *Помпоний Мела*. О положении земли (дерев. *С.К.Апта*) //
античная география / Состав. *М.С.Воднарский*. М., 1953. С. 176—237.

НО — Надписи Ольвии. (1917-1965) / Т.Н.Книпович и Е.И.Леви-
на, 1968.

Овидий — *Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по
истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, коммента-
рии. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1985.

¹ Большая часть письменных источников по Северному Причерноморью
как на языке оригинала, так и в русском прозаическом переводе собрана в сво-
боде В.В.Латышева (см.: SC); переводы многих источников находятся только там.

Писатели истории Августов — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1992.

Плиний — *Скрябинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

Прокопий — *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1966. Т. 1-2.

Птолемей — *Клавдий Птолемей.* Руководство по географии (пер. С.К.Апта и В.В.Латышева) // Античная география / Состав. М.С.Боднарский. М., 1953. С. 281-323.

Сборник — *Помяловский И.В.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.

Свод — Свод древнейших письменных известий о славянах / Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин. М., 1991-1995. Т. I–II.

Скифы — Скифы. Хрестоматия / Сост., введение, коммент. Т.М.Кузнецовой. М., 1992:

Страбон — *Страбон.* География в семнадцати книгах / Пер., статья и комм. Г.А.Стратановского. М., 1994.

Тацит — *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. М., 1969.

Ammianus — Ammiani Marcellini *Rerum gestarum libri* qui supersunt / W.Seyfart. Leipzig, 1978. Vol. I–II.

Demosthenes — *Demosthenes.* Orationes / F.Blass. Lipsiae, 1888–1892. Vol. 1-3.

FGrH — Fragmente der griechischen Historiker / F. Jacoby. Berlin; Leiden, 1923-1958. Bd. I–III.

FHG — Fragmenta historicorum Graecorum / C.Müller. Paris, 1878-1885. Vol. 1-5.

GGM — Geographi Graeci Minores / C.Miiller. Parisiis, 1855-1861. Vol. 1-2.

GLM — Geographi Latini Minores / A.Riese. Heilbronn, 1878.

GLŻ — *Plezia M.* Greckie i łacinskie źródła do najstarszych dziejów Słowian. Poznań; Kraków, 1952. T. I.

Herodotus — Herodoti Historiarum Libri IX / H.Kallenberg. Lipsiae, 1903-1906. Vol. 1-2.

HGM — Historici Graeci Minores / L.Dindorf. Lipsiae, 1870-1871. Vol. 1-2.

IOSPE — *Латышев В.Л.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1885-1901. Vol. I, II, IV; 2-е изд. тома I — 1916 г.

Jordanis — Jordanis Getica / Th.Mommsen. Berlin, 1885.

Mela — Pomponii Melae De Chorographia libri tres / P.Parroni. Roma, 1984.

Orosius — *Pauli Orosii* Historiarum adversum paganos libri VI / C.Zange-meister. Vindobonae, 1882.

Ovidius — *P.Ovidius Naso.* Opera. Patavii, 1970. Т. 1-7.

Plinius — **C. Plinii Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII** / L. Jan et **C. Mayhoff**. 2. Ed. Lipsiae, 1967. Vol. 1.

Procopius — **Procopii Caesariensis Opera omnia**. Lipsiae, 1963-1964. Vol. 1-4.

Ptolemaeus — **Claudii Ptolemaei Geographia** / **C. Müller**. Parisiis, 1883. Vol. 1-2.

Ravennas Anonymus — **Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica** / J. Schnetz // **Itineraria Romana**. Lipsiae, 1940. Vol. 2.

SC — **Латышев В.В.** Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. СПб., 1893-1900. Т. I: Греческие писатели; СПб., 1904. Т. II: Латинские писатели. Перепечатка только русских переводов с комментированием в: Вестник древней истории. 1947. № 1-4; 1948. № 1-4; 1949. № 1-4; 1952. № 2 (указатели); перепечатка из Вестника древней истории: СПб., 1992-1993. Вып. 1-4.

SHA — **Scriptores Historiae Augustae** / E. Hohl. Lipsiae, 1955. Vol. I-II.

Strabo — **The Geography of Strabo** / H. L. Jones. London; New York, 1917-1932. Vol. 1-8.

TP — **Weber E.** Tabula Peutingeriana. Graz, 1976.

Tacitus — **P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt** / **R. Much**. Heidelberg, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Азбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев СР. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.

Алексеева ЕМ. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955.

Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974.

Блаватский ВД. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.

Блаватский В.Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

Болгов Н.Н. Закат античного Боспора: Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996.

Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство: (Итоги и проблемы современной науки). М.; Л., 1949.

Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.

Граков Б.М. Скифы. М., 1971.

Грацианская Л.И. «География» Страбона: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР, 1986 г. М., 1988. С. 6–175.

Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

Жебелев С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.

Жебелев С.А. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I. С. 5–22.

Зограф А.Л. Монеты Тиры. М., 1957.

Зубарев В.Т. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (Экономика и социальные отношения). Киев, 1993.

Иванчик А.М. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.

Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Кадеев В.М. Херсонес Таврический: Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. — V в. н.э. Харьков, 1989.

Каллистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Ист. зап. М., 1945. Т. 16. С. 182–197.

Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира: Историко-археологический очерк. Киев, 1985.

- Кругликова И.Т.** Боспор в **позднеантичное** время. М., 1966.
- Кругликова И.Т.** Сельское хозяйство **Боспора**. М., 1975.
- Крупное Е.М.** Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крушкoл Ю.С.** Древняя Синдика. М., 1971.
- Крыжицкий С.Д.** Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кузнецов В.А.** Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Куклина И.В.** Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Кулаковский Ю.А.** Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Кулаковский Ю.А.** Карта Европейской Сарматии по Птоломею. Киев, 1899-1913. 1-2.
- Латин В.В.** Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Латышев В.В.** Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Леви В.В.** Ольвия: Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Марченко К.К.** Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988.
- Масленников А.А.** Население Боспорского государства в VI-IV вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А.** Население Боспорского государства в первые века н.э. М., 1990.
- Мелюкова А.И.** Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Молев Е.А.** Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Мурзин В.Ю.** Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
- Нейхардт А.А.** Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Петерс Б.Г.** Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.** Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Подосинов А.В.** Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР, 1983 г. М., 1984. С. 8-178.
- Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Пьянков И.В.** Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997.
- Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Ростовцев М.И.** Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М.М.** Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Л., 1986.

Семенов-Зусер С.А. Опыт историографии скифов. Харьков, 1947. Ч. I: Скифская проблема в отечественной историографии.

Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов. Учебное пособие. Волгоград, 1997.

Смирнов А.Л. Скифы. М., 1966.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Соколов Г.И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, живописи и прикладного искусства. М., 1973.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Фармаковский Б.В. Ольвия. М., 1915.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I–II.

Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.

Шелов Д.Б. Античный мир и Северное Причерноморье. М., 1956 (а).

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956 (б).

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984 г. М., 1985. С. 5–187.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Шукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.

Bonnel E. Beitrage zur *Altertumskunde Russlands*. SPb., 1882–1897. Bd. I–II.

Ebert M. *Sudrussland im Altertum*. Bonn; Leipzig, 1921.

Harmatta J. *Studies on the History and Language of the Sarmatians*. Szeged, 1970.

Minns E.H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913.

Mullenhoff K. *Deutsche Altertumskunde*. Berlin, 1890. Bd. III.

Potratz J.A. *Die Skythen in Siidrussland*. Basel, 1963.

Sulimirski T. *The Sarmatians*. New York, 1970.

Ukert F.A. Geographie der Griechen und **Römer** von den **frühesten** Zeiten bis auf Ptolemaus. Weimar, 1846. **Teil. III, 2.** Skythica und das Land der Geten oder Daker nach den Ansichten der Griechen und **Römer**.

Vasmer M. Die Iranier in **Südrussland**. Leipzig, 1923.

Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997.

Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

СПРАВОЧНИКИ

Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: (Малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.

Словарь античности. Пер. с нем. М., 1989.

КР — Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike in **fünf** Banden. **München** 1979.

LAW — Lexikon der **alten** Welt. **Zürich**; Stuttgart, 1965.

RE — Paulys **Real-Encyclopädie** der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894-1980.

Вопросы для контроля и повторения

1. Какие цивилизационные потоки столкнулись в Северном Причерноморье в античную эпоху? Охарактеризуйте кратко историю этого региона в рассматриваемое время.
2. Какими видами источников располагает историк античного Северного Причерноморья?
3. Как шло накопление и обогащение информации о народах Восточной Европы в античности? Какие события мировой истории способствовали оживлению интереса к этому региону?
4. Какие греческие и римские авторы оставили наиболее важные сведения о Северном Причерноморье?
5. Каковы основные особенности античных письменных источников по истории Северного Причерноморья?
6. Почему многие обзоры и курсы русской истории (особенно в **XVIII–XIX** вв.) начинались с античного периода?
7. К какому времени относится появление в России первых научных публикаций античных литературных, эпиграфических и нумизматических **источников**?
8. Каковы основные итоги изучения античных источников в советское время?
9. Как вы сформулируете современные принципы издания античных письменных источников?
10. С какого времени в источниках появляются первые достоверные известия о славянах?

ЧАСТЬ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ВВЕДЕНИЕ

Византийские письменные памятники, с одной стороны, представляют собой самый объемный корпус свидетельств, воспроизводящих непрерывную картину развития восточноевропейского региона с IV по XV в. С другой стороны, эти свидетельства обладают достоинством повествований очевидцев — непосредственных участников исторических событий начальной истории Древнерусского государства (константинопольский патриарх Фотий, император Константин Багрянородный, Лев Диакон, Михаил Пселл и др.). Византийские актовые и нарративные тексты составляют основной фонд сведений о Древней Руси начиная с IX в.

Изучение византийских источников строится на сочетании анализа разножанровых памятников: как повествовательных текстов — хроник и исторических мемуаров, литературных прозаических произведений и исторических поэм и стихов, так и актовых — международных договоров, императорских грамот (хрисовулов), монастырских уставов и описей, сохранивших материалы, касающиеся отечественной истории.

Первостепенное внимание уделяется византийским историографическим памятникам (Бибигов. 1996а). Ранневизантийская историографическая традиция IV–V вв. сочетала в себе элементы развития позднеантичных принципов исторического повествования (Приск Панийский, Зосим и др.) и черты освоения новых категорий исторического мировидения, связанного прежде

всего с церковной историей (Евсевий Кесарийский, Феодорит Кирский, Захария Митиленский и др.). Становление же собственно раннесредневековых принципов историографии связывается с именами **Прокопия** Кесарийского, Агафия, **Феофилакта** Симокатты и др. Именно в этих пространных историографических трудах дошли до нас древнейшие свидетельства о славянских племенах Восточной Европы.

Начало классического периода в развитии византийской исторической мысли (VIII–XII вв.) обычно связывают с анналистикой **Феофана** Исповедника (ок. 760–818 гг.), хрониками **Георгия Синкелла** (ум. вскоре после 810 г.) и патриарха **Никифора** (758–828 гг.). Для древнерусского летописания огромное значение имели памятники IX–X вв., легшие в основу славянских переводов и летописных текстов по начальной истории Руси, славян, всего окрестного мира. Это хроники **Георгия Амартола** (завершена ок. 866/67 г.), **Продолжателя** **Георгия (Логофета)** (доведена до 978 г.), **Псевдо-Симеона** (доведена до 963 г.) и другие хронографические, часто анонимные тексты (например, «О Льве Армянине»).

Историография эпохи «византийского энциклопедизма» X в. представлена сочинениями императора **Константина Багрянородного** (905–959 гг.), хроникой **Продолжателя** **Феофана** (создана ок. 950 г.), включая «Жизнеописание императора **Василия**», «Книгами царств» **Генесия** (середина X в.), «Историей» **Льва** **Диакона** (написана в конце X в.). Почти все они, будучи выдающимися памятниками средневековой мысли, содержат обширные, в основном уникальные — при отсутствии других синхронных источников — сведения по истории Руси, ее политическому устройству, военным кампаниям, просопографии, хозяйственно-экономической жизни, дипломатии и культуре.

Замечательные историософские и литературные памятники XI в., такие как мемуарные записки **Михаила Пселла** (1018 — после 1096/97 гг.) или монументальная хроника **Иоанна Скилицы** (после 1040 — после 1100 гг.) и ее **Продолжателя** (завершена после 1101 г.), также являются важнейшими источниками по истории русско-византийских взаимоотношений этого времени. Своеобразным итогом развития классического периода византийской исторической мысли представляется историография эпохи **Комнинов** (династии византийских императоров, правивших с 1081 по 1185 г.) конца XI–XII в. Свидетельства очевидцев — историка **Иоанна Киннама** (после 1143 — начало XIII в.), мему-

ариста Евстафия Солунского (ок. 1115 — ок. 1196/97 гг.), писателя и ритора Никиты Хониата (ок. 1155—1217 гг.) — касаются истории Руси и ее места в сложной структуре международной политической жизни средневекового мира в самый канун монголо-татарского завоевания.

Поздневизантийские «малые хроники», отдельные хронографические тексты, по большей части не изданные и потому не известные широкому кругу читателей и специалистов, также содержат важные данные о древнеславянской и русской истории, в частности о расселении славян в Европе, о крещении Руси и т.п.

Особое место среди византийских источников по отечественной истории занимают тексты других жанров — риторические сочинения, поэтические произведения исторического содержания, эпистолярные сочинения, (послания, письма), памятники агиографии, специализированные трактаты (географические, воинские, обрядовые, юридические), а также акты — международные договоры, императорские хрисовулы, патриаршие постановления и послания, монастырские уставы и описи, судебные постановления. Все эти категории византийских источников содержат богатейшие материалы по отечественной истории (Биби-ков. 1981). Однако информация в беллетризованных текстах подчас носит не прямой, а скрытый характер, и ее интерпретация нуждается в особой методике. Поэтому в данном случае специальное внимание уделяется методике источниковедческого анализа разнотипных, разножанровых и хронологически достаточно отстоящих один от другого памятников.

Так, важнейшее место в круге источников по начальной русской истории занимают агиографические сочинения — жития святых, деяния мучеников и святителей, чья судьба в той или иной степени оказалась связанной с Северным Причерноморьем, Таврикой, Русью. Своеобразие известий определяется здесь особым характером историзма житий, спецификой отражения апокалиптического сознания в языке (Биби-ков. 1996б).

В отличие от издавна изучаемых исторических трудов византийские риторические сочинения лишь в нынешнем столетии стали привлекать внимание историков. Действительно, сложность языка речей, передача информации в форме иносказаний, цитат, поэтических фигур затрудняют их анализ с исторической точки зрения. Но именно в них в последние десятилетия обнаружены интересные сведения. Например, выясняется, что за общими словами «северный», «далекие варвары» и др. скрывает-

ся упоминание об участниках конкретных событий современной политической жизни. При бедности прямой информации на уровне фактологии эти памятники поддаются анализу в интересующем нас аспекте именно при выявлении их внутренних идейно-художественных авторских тенденций. Так, конкретно-историческое исследование данных византийской риторики позволяет использовать многочисленные материалы, относящиеся к «русской» теме: сочинения Феодора Продрома, Михаила Италика, Никифора Васибеки, Михаила Ритора («Анхильского»), другого ритора Михаила («Солунского»), Иоанна Диогена, Михаила Хониата, Никиты Хониата, Евстафия Солунского, Сергия Коливы, Иоанна Сиропула, Никофора Хрисоверга, Николая Месарита, митрополита Георгия Торника, Димитрия Торника, Георгия Торника — ритора, Константина Стилва и др. Большинство из них вообще не рассматривались в обобщающих работах по отечественной истории, другие оказываются теперь доступными в новых изданиях, дополняющих и уточняющих старые чтения текстов.

Риторичность писем византийских авторов также нередко затрудняет их исторический анализ. Элементы деконкретизации, стереотипы образов и выражений, традиционность тематики и стиля посланий вызваны тем, что византийская эпистолография представляет собой особый жанр литературы и имеет свои законы. Вместе с тем письмо — акт непосредственного сиюминутного общения, и потому оно содержит актуальные свидетельства, переданные в аллюзиях, аллегориях, стандартных **формулах**. Поэтому при анализе данных эпистолярных памятников важно уловить информацию в синтезе непосредственно отражаемого факта и традиционного, **«этикетного»** рассказа о нем. Источниковедческая задача здесь — не препарировать источник, расчленив его и отбрасывая все литературное, этикетное, стереотипное и оставляя для исторического исследования фактологическую часть, но увидеть в этой форме способ мышления и способ описания фактов, распознать стоящую за ними информацию.

Подобным же сложным характером обладают и стихотворные сочинения византийских риторов. Написанные по поводу тех или иных событий общественной жизни так называемые исторические стихотворения также насыщены литературными штампами, образами и формулами, за которыми стоят важные сведения по военной и политической истории, просопографии, **международным связям**.

Необходимость осмысления жанровых особенностей источника, как первой ступени на пути к исследованию исторической информации, в той же мере касается византийского романа, полемических трактатов, схолий, комментариев, содержащих интересующие нас свидетельства.

Наряду с нарративными источниками, ценные материалы по истории Руси и русско-византийским связям содержат акты. Объем сведений византийских актов XI–XIII вв. возрастает по сравнению с более ранним временем: с этого периода документы — императорские хрисовулы, **простагмы** («приказы»), патриаршие послания, синодальные постановления, описи и купчие грамоты — постепенно, особенно с XIII в., становятся важнейшим источником исторических исследований. Интереснейший материал дают акты, хранящиеся в афонских архивах — Русско-го монастыря, монастырей Ксенофонта, Пантократора, Хиландаря, Эсфигмена, Зографа, Филофея, Иверского и др. Акты до начала XIII в. представляют собой древнейший пласт афонского архива.

Особый интерес при изучении актового материала вызывают византийские документы, сохранившиеся лишь в переводах — древнерусских, латинских, древнеармянских и т.п., как и сочинения древнерусских политических и церковных деятелей, сохранившиеся только в греческой версии (Леона Преславского, Иоанна Русского), а также послания на Русь из Византии (императора Михаила VII Дуки, константинопольских патриархов Николая Музалона, Луки Хрисоверга, Германа II).

Наконец, еще одну группу византийских источников, важных для истории Руси, представляют легенды печатей древнерусских князей и церковных иерархов на греческом языке, формулы актов, легенды монет, а также большой корпус мало изученной греческой средневековой эпиграфики. Получаемые данные во многих случаях необходимо сопоставлять и с результатами изысканий нумизматов, археологов и топонимистов.

Итак, перед исследователем встает проблема содержания и формы в историческом источнике. Риторичность, неконкретность, традиционализм формы произведения или документа как бы нивелируют черты активной, **лично** окрашенной политической тенденции, идеологических установок авторов. Однако методика внутреннего имманентного анализа структуры источника предполагает выявление в застывших литературных и формульных «вечных» образах данных личного опыта, конкрет-

ных наблюдений по истории интересующего нас общества и тем самым позволяет выявить и оценить историческую информацию разножанровых источников.

Невозможно строго определить хронологическую грань начала освоения византийских сочинений в России. Эта традиция уходит корнями в памятники истории и публицистики Древней Руси. Византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкела, Георгия Амартола, патриарха Никифора использовались уже составителями «Повести временных лет», «Еллинского» и «Римского летописца», хронографов, «Хронографической Толковой палеи» в качестве источника сведений по древнейшим периодам всемирной истории, раннему христианству, расселению и обычаям различных народов. Переводные сочинения и хронографические памятники Руси опирались в основном на византийские компиляции, причем на материалы, относящиеся главным образом к событиям далекого прошлого.

Иная тенденция характерна для публицистики. Церковно-полемические сочинения (например, «Слово Феодосия Печерского о вере крестьянской и о латыньской»), риторическая и мемуарно-публицистическая литература («Повесть о взятии Богохранимого Константина-града от фряг», «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе» и др.) связаны с проблемами своего времени и опираются на современную им византийскую традицию.

Политические установки, обусловленные задачами укрепления Русского централизованного государства, также обосновывались примерами исторического прошлого, на основе чего и возникали религиозно-политическая теория «Москвы — третьего Рима», концепции мировой истории в «Сказании о Вавилоне-граде», «Сказании о князьях Владимирских», «Повести о Новгородском белом клобуке», идеи о происхождении московских князей от императора Августа.

Семнадцатый век считается временем становления русской исторической науки, когда осмысление исторического материала проникалось элементами рационализма и целесообразности (Бибигов. 1981. С.8 и след.). Задачи избирательно-критического, целенаправленного подхода к источнику отразились и на характере освоения византийских памятников. Византийский матери-

ал, наряду с античным, лег в основу «Василиологиона» Н.Г. Спфария-Милеску, целью которого было доказательство преимущества монархии, что обосновывалось историческим опытом Византии. Нашли свое место византийские источники и в «Учении историческом», созданном по повелению царя **Феодора** Алексеевича с целью «изо всех историков, но и еллинских, и латинских, и польских собрати во единой **исторической** книге» материалы по отечественной истории (Замысловский. 1871. Прил. С.XLIII).

Зарождение византистики в Западной Европе связывается с развитием классических штудий в XIV–XV вв. Важное значение имели переводы Бруни Аретино и Христофоро Персона источников по истории народов Восточной Европы — сочинений Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, издательская деятельность венецианских гуманистов, издания Альда Мануция. В XV–XVI вв. появляются первые опыты изучения византийских источников по истории тюркских народов (8-томная «Туркогредия» Мартина Крузия), а издание Иеронимом Вольфом серии трудов византийских историков — Никиты Хониата, Никифора Григоры, Лаоника Халкокондила — открывало путь для исследований материалов важнейших византийских источников по истории Руси и Причерноморья.

Эти традиции были развиты учеными эрудитской школы в конце XVI–XVII в. Издательская и исследовательская деятельность «мавристов» (Ж. Мабильон, М. Буке, Б. Монфокон) и «болландистов» (Ж. Болланд, Д. Пето), крупнейшее событие — выход с 1645 по 1711 г. под руководством Ф. Лаббе 42 томов Парижского корпуса византийских историков (Иоанна Кантакузина, Кедрина, Феофилакта Симокатты, Никиты Хониата), где впервые были изданы многие тексты (Феофана, Георгия Синкелла, Михаила Глика), подготовили условия для источниковедческих занятий в XVIII в. с целью изучения русских древностей. Эти издания легли в основу русских сводов византийских источников по национальной истории — И. Штриттера и др.

На XVIII в. приходится начало научного исследования византийских источников в России. В.Н. Татишев опирается на таких византийских авторов XII в., как Иоанн Цец, Зонара, Евстафий, Никита Хониат, Михаил Глика. Их свидетельства даны в сопоставлении с русскими летописными известиями. Материалы античных и византийских писателей составляют самостоятельные разделы «Истории Российской», посвященные истории скифов, сарматов, гетов, готов и других народов Причерноморья.

С 1771 по 1779 г. вышло издание выдержек из византийских источников, подготовленное И. Штриттером (*Memoriae*). Его свод до сих пор остается наиболее объемным трудом такого рода, куда включены известия византийцев за весь период существования Византийской империи — с IV до середины XV в. Основная часть свода Штриттера была тогда же переведена на русский язык (см.: ИВИ).

В XVIII в. дальнейшее развитие получает издание византийских источников за рубежом. Это 14 томов «Греческой библиотеки» (1705—1728 гг.) А. Фабрициуса, итальянская серия Л.А. Муратори, Венецианский корпус византийских источников (1722—1733 гг.) и свод соборных актов И. Манси.

Началась систематическая публикация полных переводов важнейших византийских источников, содержащих сведения и о Руси, и о ближайших ее соседях. В середине XIX в. выходят 10 томов переводов византийских историков (серия «Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии», 1858—1863). В 1853 г. Р.И. Минцлов сделал доклад о проекте «соединить все сведения, рассеянные в писателях греческих и римских, до времен византийских, о народах, обитавших по северным берегам Черного моря, в области нынешней России». Откликом на это выступление стала публикация К. Гана, вторая часть которой посвящена византийским писателям. Приведенные свидетельства не ограничиваются Кавказом, а охватывают весь восточноевропейский регион от Дона до Волги.

В самом конце XIX в. появилась и первая собственно византиноведческая работа по рассматриваемой теме. Ю.А. Кулаковский собрал данные классических, главным образом византийских (вплоть до XV в.), источников о народах Северного Кавказа (Кулаковский. 1899). Целью работы было доказать автохтонность аланского (индоевропейского) населения Северного Причерноморья, определить значение христианства для данного региона, выявить международные связи раннесредневекового Аланского государства.

Русская византиноведческая школа была создана В.Г. Васильевским. Его ранние работы — «Византия и печенеги», «Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв.» — посвящены вопросам русско-византийских отношений, истории кочевников, международной политической жизни средневековой Европы. Васильевский не только проводил

детальный анализ вводимых им в научный оборот новых источников, но и на их основе решал крупные проблемы русской истории (Васильевский. 1908-1930). Немалое место рассматриваемая проблематика заняла в творчестве другого русского византиниста — Ф.И.Успенского. В его работах решались проблемы славянской государственности, участия русских и куманов в освобождении Болгарии от византийского господства, византийских традиций на Руси, которые оценивались им с позиций панславизма и православия, истории Трапезунда (Успенский Ф.И. 1913—1948). Обобщению конкретных наблюдений в области истории русско-византийских отношений были посвящены монографии В.С. Иконникова, Ф.А. Терновского и Х.М. Лопарева. События византийской истории рассматриваются в них с точки зрения их значения для Руси. Сводка дополняется данными о путешествиях русских в Византию и греков на Русь.

Развитию источниковедческих исследований способствовали новые публикации византийских источников, появившиеся в конце XIX — начале XX в. В это время в России начинается издание афонских актов (Акты; Успенский П. 1877; Флоринский. 1880). С 1903 по 1913 г. в Приложениях к «Византийскому временнику» Л. Пти, В. Регелем, Э. Курцем и Б. Кораблевым издаются акты шести афонских монастырей, составившие серию «Акты Афона». В. Регель опубликовал также сочинения византийских риторов, содержащие интересующие нас сведения (FRB), и специальную подборку источников по русско-византийским отношениям (Analecta B.-R.).

В Западной Европе XIX в. идея историзма связывается с задачей критики источников, фонд которых значительно пополняется. Византинисты и филологи-классики школы Б.Г. Нибура с 1829 по 1897 г. выпускают 50-томный Боннский корпус писателей византийской истории (CSHB Bonn) — серия, которой ученые пользуются и поныне. В Италии выходят в свет тексты из рукописных коллекций Ватикана (*Script. vet.*; NPB; *Juris ecclesiastici*; *Analecta*). Во Франции также появляются серии публикаций византийских источников К.Б. Газе (*Leo Diac*), Э. Миллера (*Recueil*), а с 1857 г. начинает выходить «Патрология» Ж.-П. Миня — самое объемное (166 томов) серийное издание текстов византийских авторов (PG). На основе материалов этих изданий проводятся источниковедческие изыскания вплоть до сегодняшнего дня (см.: MM; *Zach. Jus.*; *Bibliotheca graeca*; *Mich. Chon.*).

Специальной работой, посвященной изучению византийских источников по истории государства и народов средневековья, стал труд К. Дитериха (Dieterich. 1912). Стремясь представить богатый материал византийских памятников, главным образом по географии и этнографии мира, автор подготовил немецкий перевод около 400 фрагментов почти 60 писателей за тысячелетний период византийской истории с V по XV в. Отдельные разделы посвящены кочевникам, славянам и Руси.

В 1929 г. Отделение общественных наук АН СССР решило приступить к изданию византийских, западноевропейских и арабских текстов, имеющих отношение к древнейшей истории Руси. Оживление дискуссий о Тмутараканском княжестве, о походах Руси на Константинополь (Истрин. 1916), о русско-византийских экономических и культурных связях (Приселков. 1939) вызвало развитие новых конкретно-исторических и обобщающих исследований начиная с 1950-х годов: М.В. Левченко, А.П. Каждана, Г.Г. Литаврина, И.С. Чичурова, М.В. Бибикова. Был введен в научный оборот новый ценный материал по истории Руси. Вместе с тем в работах этих исследователей формировались современные научные принципы источниковедческого анализа, основанного на выявлении внутренней логики памятника и оценке содержащейся в нем информации.

В зарубежной науке разработка тех же проблем проходила на фоне интенсивного освоения новых источников, в первую очередь материалов из афонских архивов (Niland.; Мошин. 1947; Dolger. 1948, а также серийное издание «Архивы Афона» — Archives. 1937—1994), содержащих ценные сведения по истории Руси. Исследования болгарских, румынских, венгерских византинистов (В.Н. Злотарского, И. Дуйчева, Н. Йорги, Д. Моравчика) сопровождались появлением сводов византийских источников по истории народов Восточной Европы и Причерноморья.

Важнейшей вехой стал выпуск томов свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы», включающего византийскую часть (Феофан; Константин; Кинн.), и «Свода древнейших письменных известий о славянах» (Свод). В свете этих изданий поставлены новые задачи исторических исследований — изучение типологии государственного строительства, общественной структуры Руси, форм синтеза, духовного наследия и традиций древнерусской культуры. Изменился и взгляд на средневековый текст в целом. Фактологическое, «потребительское» отношение к источнику уступило место восприятию культуры про-

шлого в категориях, адекватных представлениям изучаемого времени. Перед специалистом встает проблема не столько выборки из источника нужных ему отдельных фактов, сколько критического постижения сложности, многоплановости средневекового слова, передающего сообщение о событии.

ГЛАВА 1. Кто **БЫЛИ** АНТЫ? СЛАВЯНЕ И АНТЫ ГЛАЗАМИ ВИЗАНТИЙЦЕВ. V-VII вв.

Древнейший период славянской истории на территории нашей страны традиционно связывался с племенами венетов/венедов в позднеантичное время и антов в раннее средневековье. Начальный период истории Руси характеризуется как «антский» и во многих научных трудах (Левченко. 1938. С. 23-48; Мишулин. 1939. С. 290-307; Рыбаков. 1939; Греков. 1944. С. 240-241; Рыбаков. 1982. С. 49 и след.). Однако вопрос об антской атрибуции древнейшей отечественной истории сложен.

Известия древних авторов о славянах составляют ограниченный и давно ставший хрестоматийным корпус источников, что привело в отечественной науке к тому, что анализ источника стал подменяться «потребительским» поиском «совпадений» между данными того или иного фрагмента известий о славянах (или даже отдельных слов, будь то этникон или топоним) и материалами археологии, гидрономии, что приводит к бесконечно множимым теориям славянского этногенеза, размещения венедов/венетов и **т.п.**

Сведения античных авторов I–II вв. н.э. (Плиния, Тацита, Птолемея), а также Певтингеровой карты (см.: часть I, гл. 3) и византийского историка Приска Панийского (V в.) о венедах/венетах касаются быта варварских племен первых веков нашей эры. Собственно «славяне» (под своим именем-самоназванием «словене») в данных источниках не упомянуты. Однако позднейшие (Иордан в середине VI в.) отождествления венетов со славянами, а также исследования венетской лексики, передаваемой Приском, со времени П. Шафарика (первая половина XIX в.) позволили связать эти сведения со славянами. Исследовательский метод славистов того времени основывался на сопоставлении и «увязывании» по возможности большего количества фактов с историей славянства. Оправданный для эпохи «славянского возрождения» и ста-

новления славяноведения, сейчас он выглядит прямолинейным и упрощенным.

Приск Панийский (410/420 — ок. 475 гг.) — византийский историк и дипломат, участвовавший в посольствах к гуннскому вождю Атилле (ум. 453 г.), ведший переговоры в Риме, Дамаске, Александрии и описавший как очевидец историю «варварских» завоеваний. Он называл описываемые им племена, находившиеся под властью гуннов, скифами. Этот собирательный этникон обозначает, в соответствии с византийской архаизирующей традицией, северных варваров вообще, как кочевых, так и оседлых, без различия их этнической принадлежности. Описание быта этих скифов и вызывает «славянские» ассоциации: использование одnodеревок-моноксил в качестве судов (характерное для славян от первых балканских походов в VI в. до последнего похода Руси на Константинополь в 1043 г.), посевы проса, употребление «медового» и ячменного напитков и т.п. Правы исследователи, подчеркивающие этническую неопределенность этих «хозяйственно-культурных» характеристик; неясен и язык, которым пользуются эти варвары, неизвестен у славян и обычай «гостеприимного гетеризма», упоминаемый *Приском* у «скифов»:

«Правившая в селении женщина... послала нам пищу и красивых женщин для соития. Это по-скифски знак уважения. Ласково поблагодарив женщин за предложенную еду, мы отказались от сношения с ними» (Prisc. Fr. 8:40.8-41.3; цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 87).

Однако *Л. А. Гиндину* удалось показать вероятность отражения славянского языкового влияния в гидрониме Тиса у *Приска* (Свод. 1991. Т. I. С. 92), а также древнейшую фиксацию у него в греческой транслитерации славянского слова «мед», обозначающего медовый хмельной напиток, что свидетельствует о пребывании славян в Подунавье уже в правление Атилы, т.е. в середине V в. А это позволяет удревнить время первого упоминания собственно славян (у *Прокопия Кесарийского*, см. ниже), пусть под названием «скифы», на полстолетия и, кроме того, внушает определенный оптимизм для поисков славянских археологических памятников гуннского времени (Вернер. 1972. С. 102—115; Славяне. 1990).

Наиболее значительными и по объему, и по разнообразию известий о славянах являются свидетельства «Истории войн» («Υπὲρ τῶν πολέμων λόγος», т.е. «Книги о войнах») *Прокопия Кесарийского*. Прокопий (ок. 500 — ок. 560 гг.) — центральная фигура ранневизантийской историографии, автор многочислен-

ных и пространных сочинений в жанре исторической прозы. Его «Истории», или «Войны», включают в себя два тома описаний войн с Сасанидским Ираном 530—532 и 540—549 гг., два тома — войн с германскими племенами вандалов в Африке 533—534 гг., три — с готами 535—550 гг. и завершаются еще одной книгой (Прокопий. Гот.; Прокопий. Перс). Строительной деятельности Юстиниана посвящено сочинение «О постройках», где сообщается о пограничных войнах со славянами в Подунавье, об укреплениях Таврики. Уникальным явлением в ранневизантийской историографии стала его неофициальная «Тайная история» («*Ἀνέκδοτα*»), история-памфлет о царствовании Юстиниана. На Прокопия ссылаются, его тексты используют, компилируют, цитируют все последующие поколения византийских историков вплоть до XIV—XV вв. Но дело не только в объеме написанного Прокопием и не только в уникальности его исторических свидетельств, имеющих исключительное значение для историка.

Подобно многим ранневизантийским литераторам, Прокопий происходил с Востока: он родился в Палестине, в Кесарии Севастийской, в знатной, по всей видимости, семье, а образование — риторическое и, возможно, юридическое — получил также в одном из главных центров культуры византийского Востока — в Бейруте. Его дальнейшая жизнь — секретаря, советника, посланника — тесно связана с судьбой могущественного полководца Велисария, с которым Прокопию довелось обойти многие земли: Сицилию, Карфаген в Африке, Италию, участвовать в многочисленных войнах и дипломатических переговорах с вандалами, готами, персами.

Существенным для оценки исторической информации Прокопия является то, что описываемые им земли и события он видел сам: принцип личного присутствия автора был для него основой «истины» — главной цели исторического познания, по утверждению автора (I.1,3), противопоставлявшего в духе античной традиции «миф» и «историю»:

«...многие века, которые протекли со времен тех, кто раньше писал об этих вопросах, внося новое в положение дел, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не заниматься расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница. Но я хочу и точно изложить историю названий, и описать материальную культуру и от-

ношения, какие доныне присущи каждой из этих местностей» (Просор. VIII.1,11–13: II. Р. 489.15–490.3; **цит.** по: Прокопий. Гот. Т. 2. С. 12).

Именно личному знакомству автора с изображаемыми событиями обязаны мы пространным описаниям народов, их обычаев, дальних земель; Прокопий донес до нас и уникальные сведения о древних славянах — склавиных и антах.

«...племена эти, склавины и анты (Σκλαβηνοὶ τε καὶ Ἄνται), не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, **можно** сказать, все у тех и у других, и установлено истари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них у ног, схвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же **совершить** богу жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимфы, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамые части, так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как и у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, — впрочем, они менее всего коварны и злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра» (Просор. VII. 22–30:II. Р. 357.9–358.26; **цит.** по: Свод. 1991. Т.I. С.183–185).

Использование архаичной (античной) этнономии и образных стереотипов у Прокопия — дань литературным нормам историописания — не противоречит реальности свидетельства очевидца: этикетность словоупотребления при описании «этнического портрета» варвара лишь оттеняется характерными индивидуальными деталями, подмеченными историком-очевидцем. Так, традиционными при описании «варварского» мира в византийской историографии становится еврипидовская тема вероломства, коварства «скифов» и — одновременно — геродотовский мотив простоты их нравов, наивности, неиспорченности «цивилизацией».

Это видимое противоречие снимается, если принять во внимание культивируемый Прокопием, как ученым литератором, принцип подражания («мимесиса») античным образцам прозы. Многочисленные параллели или скрытые цитаты из Геродота и Фукидида, его стилистическая ориентация на античные памятники не превращают в беллетристическую фикцию, например, описание эпидемии чумы в современной ему Византии, построенное на образах аналогичного описания у Фукидида; идеализация мира «варваров», истоки которой уходят в «Скифский рассказ» Геродота, не менее актуальна и для византийца VI в.

В первом же упоминании у Прокопия склавины и анты объединены с гуннами, причем составляют с ними конное войско: само по себе это сообщение продолжает тему «этносоциального симбиоза» славян и кочевых народов — в данном случае под «гуннами» подразумеваются, видимо, протоболгары. В целом в этнографической характеристике склавинов и антов присутствуют известные стереотипы описаний варваров, но многие черты их быта соответствуют реалиям, известным по археологическим данным. Так, отмеченная Прокопием смена мест поселений характерна для подсечно-огневого способа земледелия. Утверждение Прокопия о едином и «совершенно варварском» языке склавинов и антов представляется существенным, так как сам этникон «анты» неславянский.

Напротив, в сохранившемся фрагменте из сочинения «Ответы на вопросы» Псевдо-Кесария середины VI в. (Свод. 1991. Т. I. С. 251–259), видимо, абсолютно преобладают стереотипы описания «диких» народов, и параллели в рассказах о верованиях и обрядах славян с традиционной славянской атрибутикой скорее относятся к похожим, но общим характеристикам «нечистых» народов и «нечистой силы», чем к реалиям славянского быта.

Анты упоминаются также в титулатуре византийских императоров (533–612 гг.) наряду с прочими «подвластными» Византии народами. Они называются между германцами и аланами, но не восточноевропейскими, а африканскими (Свод. 1991. Т. I. С. 260–264). В «Хронографии» Иоанна Малалы (ок. 491–578 гг.), напротив, упомянуты одни «склавы», которые опять-таки совместно с «гуннами» (здесь — кутигурами) напали на Фракию в 559 г. (Свод. 1991. Т. I. С. 265–275). Об опустошительном походе славян на Фракию в царствование Тиверия свидетельствует сирийский автор VI в., бывший антиохий-

ский патриарх, нашедший затем прием у Юстиниана в Константинополе, Иоанн Эфесский (Свод. 1991. Т. I. С. 276-292). Следующий поход, согласно сирийскому источнику, они совершают, будучи под властью аваров; греки подкупают антов, и те нападают на землю славян. О столкновениях антов и славян сообщал еще Прокопий (*Procop.* VII.14.7; П. Р. 354.22-24 и др.), но более существенным представляется в этой связи их раздельное упоминание в более поздних источниках. В дальнейшем у византийского историка *Агафия Миринейского* (ок. 530 — ок. 582 гг.), жизнь которого была в основном связана со столицей, а также с другими центрами образованности византийского мира — Александрией и Смирной, — также вне всякой связи друг с другом будут фигурировать ант Дабрагез и славянин Сваруна (Свод. 1991. Т. I. С. 292-310).

Славянская принадлежность этих имен дискуссионна, и первое, более или менее определенно славянское («антское») имя Мезамер сохранено у Менандра Протектора (Свод. 1991. Т. I. С. 316—317). Конечно, *ономастикон* не может прямо свидетельствовать об этносе антов, даже при учете этнически смешанного характера пеньковской культуры, которая считается антской. Но в принципе детальное исследование ономастикона значительно расширяет возможности изучения того германо-ирано-тюркского контекста, в котором проходила ранняя история славянства.

«История» (*«Ἱστορία»*: название условно) константинопольца VI в. *Менандра Протектора* сохранилась лишь частично: дошедшие до нас фрагменты текста описывают события с 558 г. до воцарения византийского императора Маврикия (582 г.). Менандр получил юридическое образование, однако судебной практикой не занимался: при Маврикии он служил в императорской гвардии (отсюда и его прозвище — «протектор»).

В центре интересов автора оказываются прежде всего внешнеполитические отношения Византийской империи с аварами, тюрками, славянами, гуннами. Составной частью повествования становятся географические, этнографические, историко-культурные экскурсы о них. Менандр стремится к точности изложения полученной информации, причем не столько опирается на слухи и легенды, сколько прибегает к текстам документов, посланий, договоров, военных и дипломатических донесений. Его информация о славянах и антах (Свод. 1991. Т. I. С. 311-356) особенно ценна своей достоверностью, обилием и точностью непосредственных наблюдений.

Для этнополитических взглядов Менандра характерна терпимость по отношению к иноплеменным народам, редкая для византийца-ортодокса. Так, тюрки не называются в «Истории» **«варварами»**, а иноземный правитель может фигурировать в качестве «брата» (т.е. равного по социальному статусу) византийского василевса (императора). Такое отношение к бывшим противникам раннесредневековой Византии могло бы пониматься как отражение новой ориентации византийской внешнеполитической доктрины в условиях реалий конца VI в., когда на смену гордому имперскому изоляционизму приходило сознание партнерства и соседства с окружающим, политически сильным миром. Однако Менандру свойственны и многочисленные уничижительные оценки варваров:

«...**так** самонадеянно сказали славяне, но и авары продолжали говорить не менее высокомерно. Затем отсюда — оскорбления и грубости, и, как это присуще **варварам**, они из-за своенравного и надменного образа мыслей затеяли ссору друг с другом. И славяне (**Σκλαβηνοί**), не способные обуздать свою досаду, прибывших к ним послов убивают, как это — разумеется, со стороны — стало известно Баяну (правителю аваров). Потому-то Баян, издавна упрекая в этом славян и питая к ним затаенную вражду, вообще гневаясь [на то], что не подчинились ему, а тем более что [он] жестоко от них потерпел, а вместе с тем и желая выказать кесарю благодарность и надеясь также найти страну [славян] весьма богатой, так как издавна [земля] ромеев [опустошалась] славянами, их же собственная [славянская] земля каким-либо другим из всех народов — никоим образом... (фрагмент обрывается)» (Menand, Fr. 48; цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 321).

Это описание включено в рассказ об одном из древнейших периодов славянской истории, датируемом 578 г., — **славяно-аварской войне**, последовавшей за разграблением славянами Греции между 576 и 578 гг.

Менандр передает также важнейшие известия об аварском периоде антской истории, в частности об опустошении аварами земли антов ок. 560 г. После 60-х годов VI в. источники больше не сообщают об антских набегах вплоть до начала VII в. (далее анты упоминаются в титулатуре византийских императоров). Таким образом, очевидно характерное для текстов второй половины VI в. разделение исторических судеб антов и славян — первые прекращают походы на империю, вторые, напротив, начинают заселять Грецию.

В византийском анонимном военном трактате, составленном после 70-х годов VI в. (Свод. 1991. Т. I. С. **361–363**), анты и славяны упомянуты в одном контексте с «сарацинами», что напоминает о традиционном объединении славян и антов с кочевниками в ранних источниках, если бы не дальнейшее противопостав-

ление их «скифам» (аварам и «туркам» у Маврикия, который пользовался тем же источником, что и аноним).

Важнейшие сведения по военной истории антов и славян содержатся в выдающемся памятнике византийской военной литературы — «Стратегиконе», автором которого ныне, кажется без сомнений, считается император *Маврикий* (582—602 гг.). Эта своего рода энциклопедия военно-теоретической мысли предназначалась и для обучения воинов и военачальников, и для практического применения в качестве руководства по ведению военных операций, по стратегии и тактике.

Примеры хода кампаний приводятся из арсенала исторических свидетельств о битвах византийцев с неприятельскими армиями, прежде всего «варварскими», а также, возможно, и из собственного воинского опыта автора или его информаторов. Этим объясняется и важная роль в структуре текста памятника многочисленных этнографических экскурсов о соседних народах и государствах. Помимо военно-технической стороны дела — описания приемов атаки и обороны «персов», «скифов», «гуннов», склавинов или антов, Маврикия интересует и политический строй, обычаи, нравы, внешний облик иноземцев. Так в византийской традиции создавался и закреплялся определенный этикетный стереотип описания мира варваров. Судьба народа, его история, военные и политические успехи и неудачи определяются, по мысли Маврикия, моральными качествами нации, ее правителей и носителей культуры, общим уровнем цивилизации этноса.

Четвертая глава XI книги «Стратегикона» специально посвящена славянам («склавам») и антам:

«(1) Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиняться, особенно в собственной земле. (2) Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. (3) К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что, если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. (4) Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. (5) У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. (6) Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не счи-

тая жизнью существование во вдовстве. (7) Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей; (8) все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. (9) Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки... (12) Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают... (14) Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если и соглашались, то решенное тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому... (30) Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии» (Maur. XI.4; цит. по: Свод. 1991. Т. I. С. 369-375).

Итак, в «Стратегиконе» Маврикия в конце VI в. склавы и анты вновь объединены и характеризуются часто в соответствии с традиционными описаниями варварских народов (отсутствие «порядка» и власти, «вероломство в соглашениях» и т.п.). Справедливо отмечается, что, «в отличие от Прокопия, Маврикий нигде не говорит о каком бы то ни было этническом родстве склавов и антов, указывая лишь на единство их нравов» (Свод. 1991. Т. I. С. 380). «Актуальными», относящимися к реалиям славянского быта являются известия о хозяйстве, скотоводстве и земледелии; в принципе они соответствуют археологическим данным, но в литературе существует некоторая путаница в определении «хозяйственно-культурного типа» славян — подсечно-огневой способ подготовки пашни не является альтернативой пашенному земледелию. Неясно, насколько соответствует реалиям представление о самоубийстве вдовы на похоронах мужа: сходные известия содержат позднейшие восточные источники о славянах и русах, в языческой Руси действительно практиковались парные погребения в X в., но подобный обычай у славян археологически не известен. Описание поселений в целом соответствует синхронным археологическим памятникам (пражская культура VI—VII вв. и др.).

В целом несомненно положительным моментом современного подхода к антской проблеме является осторожность в вынесении исторических вердиктов, отказ от упрощенных атрибуций, демонстрация в ряде случаев спорности предлагаемых различ-

ными учеными решений. Так, в связи с анализом текста Приска **отмечается** неясность вопроса об отношениях гуннов со славянами и о вхождении славян в гуннский союз ввиду отсутствия прямого свидетельства об этом. Тем более важным и деликатным делом оказывается этимологический анализ слов **στράβα, μέδος, κάμων** («страва», «мед», «камон») при решении проблемы о месте славян в структуре гуннского государственного образования. Равным образом открытым следует считать и вопрос о статусе первых известных славянских наемников в византийской армии.

Это же касается и оценки главных атрибутов этнопсихологического стереотипа славян. Так, указание Приска на использование придунайскими жителями моноксил (лодок-однодеревок), о чем упоминается еще у Платона, Аристотеля, Ксенофонта и Страбона, само по себе не может определять принадлежность к славянскому этносу населения описываемых в текстах областей: однодеревки именно у славян зафиксированы в источниках более поздних, VII–X вв., — у Феофилакта Симокатты, в «Пасхальной хронике», у Константина Багрянородного и др. Таким же образом свидетельство Приска об употреблении проса придунайскими жителями не может служить само по себе аргументом в пользу славянской атрибуции, ибо о распространении проса в Причерноморье и на Балканах свидетельствовали в свое время и Геродот, и Плиний, и Дион Кассий и многие другие; об употреблении проса именно славянами расскажет почти через полтора столетия после Приска лишь «Стратегикон» Маврикия. Вместе с тем верно, что почерпнутые из античного арсенала образы и словесные формулы, характеризующие «варваров», охотно применялись средневековыми историками при описаниях современного им мира, в частности славянского. Например, выражение «скифская пустыня», известное со времен Аристофана, использовано Прокопием и затем более поздними византийскими авторами.

Итак, оживление интереса в современной византистике и славистике к изучению образа одного народа в историческом сознании другого тесно связано с тенденциями развития самой историографии и, в частности, источниковедения последних лет. Перед византистами встала задача восстановления изучаемой ими культуры в категориях, адекватных ей. В анализе византино-славянских отношений это выразилось в стремлении охарактеризовать структуру образа «чужого мира», формировавшего-

ся на страницах средневековых текстов. В центре интересов исследователей оказались представления средневековых народов различных, подчас противостоящих друг другу культур. Научной задачей стало не только воссоздание преломленного в специфических категориях и видениях образа чужого мира, но и выяснение того, был ли этот образ предпосылкой или результатом реальных исторических контактов, оказывали ли средневековые стереотипы влияние на направление развития международных контактов или сами трансформировались и чем в данном случае подобные изменения диктовались.

Понятие «чужого» («иногo») мира возникает при условии утверждения принципа своетождества, обоснования понятий «своего», самобытного. Границы между обеими категориями как культурно-историческими явлениями подвижны. «Чужой мир» представляется как «неведомая земля»: это или пустыня, или непроходимые горы, пространство «без образа», открытое и неконкретное в своих очертаниях. Выделяется несколько принципов описания «чужого мира» как мира неведомого: он полон аномалий; он всегда удел меньшинства — этнического, религиозного, расового; он полон «варварства» и отталкивающе чужд. Еще со времен Геродота грекоязычной историографии свойственно представление о «варварских» народах как обществах «без истории».

Историческая подвижность границ понятия «своеотождества» отражается на всей системе общественных отношений, что хорошо иллюстрирует история распространения христианского мирозерцания. В IV в. постепенное превращение христианского общества из общества маргинального, «отчужденного» в социально и политически «признанное», а к концу века — в общество господствующее — привело к тому, что понятие римско-языческого своетождества трансформировалось в главенство византино-христианского принципа. В дальнейшем под этим углом зрения будут оцениваться и перемены в византино-славянских и византино-русских взаимоотношениях. Таким образом, исторически динамичной предстает вся система координат социальных взаимоотношений изучаемых культур, в том числе византийской и «варварской» — христианской и языческой, греческой и славянской.

Византийские авторы постоянно сетовали на враждебное окружение. Христианизация «варваров» вносила изменения как в отношение византийцев к бывшим врагам, так и в положение некогда враждебных народов в иерархической системе государств,

выработанной византийскими идеологами. Христианские народы включались ими в орбиту византийского культурного мира, не отождествляясь, однако, с византийцами в этносоциальном отношении.

В данной связи важен анализ механизма формирования образа «иноного» мира в византийской идеологии. Образ славянина в Византии сформировался с учетом представлений византийцев о самих себе, с одной стороны, и образа Византии у славян — с другой. Сам образ не оставался неизменным, но подвергался эволюции: так, если на первом этапе несомненно престижное положение Константинополя у славян (Преслав и Киев олицетворяли в своих землях образ Царьграда), то затем происходит снижение образа византийской столицы; с падением Константинополя возрастут национальные тенденции в славянской публицистике и, наконец, все отчетливее ощутятся антивизантийские мотивы.

ГЛАВА 2. «ПЛЕМЯ НЕВЕДОМОЕ, ПЛЕМЯ БЕСЧИСЛЕННОЕ... ПЛЕМЯ ОТ КРАЯ ЗЕМЛИ». **Имя** РУСИ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ IX - СЕРЕДИНЫ X В.

Непрекращающиеся до сих пор споры ведутся по поводу первого упоминания «росов» в византийских текстах. В источниках IX в. самое раннее зафиксированное в греческом памятнике сообщение о нашествии на византийский город в Малой Азии Амастриду **«варваров-росов**, народа, как все знают, жестокого и дикого» содержится в «Житии Георгия Амастридского» (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 643—644). Там говорится, что этот народ «двинулся от озера Пропонтиды», под которым в данном случае нередко понимают Азовское море, хотя *Пропонтида* — обычное название Мраморного моря:

«Было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный **и** на деле, и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отчества святого (Георгия, т.е. Амастриды. -*Авт.*), посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех **одина-**

ково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...» (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 64).

Автор жития сразу возбуждает литературные ассоциации, причем как библейские, так и классические античные. Имя *рос* (Ρῶς) ассоциируется им с князем Рош из «Книги пророка Иезекииля» (подробнее см. ниже), а тавроскифское «гостеприимство» стало нарицательным благодаря известному мифу, отраженному в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», о жителях Таврики (Крыма), убивающих иноземцев.

Далее агиограф повествует, как пораженный чудесными знамениями у гробницы Георгия предводитель росов прекращает насилие, чинимое его воинами, и склоняется к правой вере:

«Варвар, пораженный этим, обещал все сделать как можно скорее. Дав волюность и свободу христианам, он поручил им и ходатайство перед Богом и пред святым. И вот устраивается щедрое возжжение светильников, и всенощное стояние, и песнопение; варвары освобождаются от божественного гнева, устраивается некоторое примирение и сделка их с христианами, и они уже более не оскорбляли святыни, не попирали божественных жертвенников, уже не отнимали более нечестивыми руками божественных сокровищ, уже не оскверняли храмы кровью. Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести [людей], более свирепых, чем волки, к кротости овец и заставить тех, которые поклонялись рощам и лугам, уважать Божественные храмы. Видишь ли силу гроба, поборовшего силу целого народа?» (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 64).

Издатель текста «Жития Георгия Амастридского» В.Г.Васильевский пришел к выводу, что автором памятника был известный агиограф диакон Игнатий (770/780 — после 845 гг.). Это позволило датировать памятник и тем самым упоминание в нем о нашествии росов периодом иконоборческой деятельности Игнатия, т.е. временем до 842 г. (Васильевский. 1915. Т. 3. С. 14–67).

Византинисты школы А. Грегуара пересмотрели выводы Васильевского, отнеся пассаж жития о нашествии росов к походу Игоря на Византию 941 г. (Gregoire. 1952. P. 280–287; Da Costa-Louillet. 1954. P. 479–492). Эта точка зрения была поддержана А. Васильевым (Vasiliev. 1946. P. 70–89), но и встретила критику (Левченко. 1956. С. 46–55). Однако в византиноведческой литературе на время укрепилось мнение о неправомочности атрибуции жития Игнатию (Beck. 1977. S. 512).

В настоящее время дискуссия о датировке первого упоминания Руси в византийских текстах продолжается.

Исследовательская традиция, идущая от Васильевского, позволяет считать «Житие Георгия Амастридского» сочинением Игнатия, написанным до 842 г.; тем самым сведения о росах в нем являются их первым упоминанием в византийских источниках. Современные ученые, придерживающиеся этой точки зрения, прежде всего И. Шевченко (Sevčenko. 1977. P.121–127), пишут о стилистической близости жития к другим произведениям Игнатия и органичности пассажа о росах в тексте, пусть стоящего композиционно как бы постфактум по отношению ко всему тексту памятника. Отметим важность методической установки Шевченко исследовать текст не в виде отдельных фраз, находящихся аналогии в других памятниках, а изучать его в традиции византийской агиографии этого времени.

Вторая группа исследователей считает фрагмент о **рос** позднейшей интерполяцией, относя его данные к событиям 860 г. или даже 941 г. (последователи А. Грегуара). М. Нистазопуло (Nystazopoulou. 1960. P.106), Э.Арвейлер (Ahrweiler. 1971. P.55), А. Маркопулос (Markopoulos. 1979. P.75–82) видят фразеологическое и идейное сходство этого текста с сочинением Фотия. Невозможность датировать описанное в житии нашествие временем до 842 г., по их мнению, объясняется дружественным характером русско-византийских отношений ок. 840 г., определяемым свидетельством «Вертинских анналов» под 839 г. Отметим, однако, локальность события, описанного в памятнике: нападения русских на византийский город (в данном случае — Амастриду) в другом регионе — в Причерноморье. Молчание византийских источников о русско-византийском конфликте до 842 г. также не может служить аргументом.

Следует указать, что других, кроме «Жития Георгия Амастридского», упоминаний **народа рос** в грекоязычной литературе до середины IX в. не существует. В настоящее время категорически отвергнуты попытки связать название **рос** в византийских памятниках с сирийским наименованием народа Hros в «Церковной истории» Псевдо-Захарии VI в. (Marquart. 1903. S. 355; Пигулевская. 1952. С.42–48). Сирийский источник имеет в виду библейское имя *рош* из «Книги пророков» (Иез. 38.2–3; 39. 1. См.: Dvornik. 1949. P. 307–309; Петрухин. 1990. С. 99–103) и называет им мифический «чудовищный» народ мужчин, противостоящий амазонкам. Ошибочно и понимание фразы Феофана **ῥούσια χελάδια** как упоминание «русских кораблей», которые по «Хронографии» Феофана (810–814 гг.) составляли часть

флота Константина V в 774 г. (Theophan. Vol.1. P.446; см.: Мишулин. 1941. С. 280: здесь к тому же ошибочно указан 765 г.). Прилагательное **ποῦσιος** имеет значение «пурпурный», «багряный», а не «русский» и обозначает, таким образом, цвет кораблей (Феофан. С. 143-144).

По-настоящему известными в Византии народ *рос* и его название становятся после 860 г., когда войско росов осадило Константинополь. Описание осады сохранилось в нескольких произведениях, среди которых наиболее ценные принадлежат патриарху *Фотию* (ок. 810 — после 886 гг.), свидетелю и участнику этого события. Выдающийся деятель византийской образованности, литератор, знаток античности, полемист и канонист, Фотий оставил две гомилии (речи-беседы), в заглавиях которых говорится о нашествии росов (правда, заглавия не обязательно принадлежат автору). Семью годами позже, в 867 г., Фотий направляет «Окружное послание» «восточным патриархам», где снова говорится о нападении в 860 г. на Константинополь «народа, ставшего у многих предметом частых толков, превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам, — так называемого [народа] рос...» (Photius. Ep. P.50, № 2. С. 293-296). Это первое актовое упоминание Руси. Однако теперь, в 867 г., народ *рос*, по Фотию, стал «подданным и дружественным» Византии (о значении этих терминов см.: Литаврин. 1960. С. 256—263). В дальнейшем Фотий неоднократно упоминает имя *рос*: в сочинении, называемом «Амфилохии» (PG. T. CL. Col.285), и в письме № 103 то же имя упоминается в качестве антропонима (Photius. Ep. 143, № 103, С. 125, 129).

Близким по содержанию и по форме к свидетельствам патриарха Фотия является небольшой текст о нашествии росов в близком по времени агиографическом памятнике. *Никита Пафлагон*, родившийся ок. 885 г., в «Житии патриарха Игнатия» так описывает известный поход Руси на византийскую столицу:

«В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (т.е. Константинополя. — *Авт.*) острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гнев захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами» (N.Paphl. 21. 14-19).

С росами, обитавшими в южной Таврике, связывается обычно упоминание «скифов», ведущих торговлю в византийской Амастриде. Так, тот же Никита Пафлагон восклицает:

«О, Амастрида, око Пафлагонии, а лучше сказать — почти всей вселенной! В нее стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары» (PG. Т. 105. Col.421; История Византии. 1967. Т. 2. С. 226; Ahrweiler. 1971. P. 64).

Если идентификация скифов с росами верна, то в данном случае зафиксированы древнейшие торговые контакты между Византией и Русью.

Большинство памятников исторической мысли X в. так или иначе связано с именем императора *Константина VII Багрянородного* (905—959 гг.), номинально ставшего василевсом в 913 г. после смерти своего отца Льва VI, но начавшего править самостоятельно лишь в 945 г. В одних случаях император был вдохновителем и инициатором исторического сочинения, в других, вероятно, редактором, наконец, в третьих Константин выступает как самостоятельный автор.

Основной тенденцией культурного развития этой поры стала систематизация: права («Василики»), лексики языка («Суда»), сельскохозяйственного опыта («Геопоники»), военных знаний (различные «Тактики»), житийной литературы («Менологий» Симеона Метафраста). Наиболее объемным трудом историографического характера, связанным с именем Константина, стали сборники эксцерптов (выдержек) из античных и невизантийских памятников, объединенные тематически в 53 раздела и представляющие не только литературно-антикварный интерес, но и практическую значимость. До нас дошли лишь немногие эксцерпты — «О посольствах», «О полководческом искусстве». В них использован богатый историографический материал, причем ряд исторических текстов (*Евнапия*, *Приска*, *Малха*, *Петра Патрикия*, *Менандра*) нам известны лишь благодаря компендиуму Константина Багрянородного. Не только историко-военные или историко-дипломатические проблемы, но и вопросы идеологии и морали решаются с помощью историографических сочинений (например, «История» *Диона Кассия* занимает значительную часть сборника «О добродетели и пороке»).

Такой же характер — отчасти справочно-энциклопедический, отчасти познавательно-дидактический — носят и три основных сочинения Константина Багрянородного, известные под условными названиями «Об управлении империей» («*De adminis-*

trando imperio», ок. 950 г.), «О церемониях византийского двора», или «Книга церемоний» («De ceremoniis...») и «О фемах» («De thematibus»). Каждый из этих трактатов, не являясь непосредственно ни хроникой, ни исторической монографией, основан на историческом материале, отчасти почерпнутом из античных источников, отчасти отражавшем результаты политической практики времени Константина и его предшественников.

Первое произведение, написанное в 948—952 гг. и адресованное сыну императора Роману, дает практические наставления по внешнеполитическим вопросам, приводит сведения о «варварских» народах, с которыми Византия имела те или иные контакты, — о печенегах, хазарах, русских, болгарх, «тюрках»-венграх и др.; трактат содержит ряд историко-географических и этнографических экскурсов — об арабах, Испании, Италии, Далмации, о хорватах и сербах, Северном Причерноморье и Кавказе. «Об управлении империей» не было произведением для широкой публики: политические рекомендации будущему императору не предназначались для общественного оглашения. Трактат и дошел в единственном списке, изготовленном, вероятно, с оригинала в 1059—1081 гг. по заказу кесаря Иоанна Дуки, т.е. произведение не покидало придворных кругов. На него нет ссылок ни у его современников, ни у историков более позднего времени.

Примером византийской внешнеполитической доктрины является глава о русско-печенежско-византийских отношениях:

«О печенегах и росах. [Знай], что печенеги стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб, [посему] и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с печенегами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с печенегами, так как печенеги имеют возможность — в то время, когда росы удалятся от своих [семей], — напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

[Поскольку] и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с печенегами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа печенегов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню» (Константин. С. 37—39).

Константин Багрянородный терминами — несклоняемым и склоняемым **Ῥωσία** (Константин. П.4, 8; VI. 5; IX. 1, 3, 5, 67; XXXVII. 42, 43, 47; XLII. 4, 62), а также **Ῥωσιστί**, т.е. «по-росски», обозначает в трактате «Об управлении империей» народ *рос*, его территорию и его язык. Можно полагать, что во времена Константина этноним *рос* стал привычным в византийской традиции и постепенно «втягивался» в греческие грамматические и орфографические нормы. Дополнительным подтверждением этому является употребление Константином парадигматически корректного термина **Ρωσία** (Константин. П. 4), который употреблен им и в «Книге церемоний» (Const. Сег. 594. 18; 691. 1). Этот термин для обозначения Руси впервые встречается именно у Константина Багрянородного.

Сопоставимыми с терминами «Русская земля» и «страна русская» древнерусских летописей стали в византийских источниках выражения «страна Росии» у Константина (Константин. XXXVII, 43) и «Российская земля» у Феодора Продрома (Theod. Prodr. № 59. 191). Термин закрепился и в документах константинопольского патриархата. В южнославянских памятниках именование государства *Рос(с)ия* появляется с 1387 г., в самой России — со второй половины XV в. (Соловьев. 1957. С.134–155). Ставшая регулярной в новое время форма с двумя *-сс-* (*Россия*), в греческих текстах встретится лишь в XIV в. — в «Исторических записках» византийского гуманиста Никифора Григоры (Gregoras. 199. 12; 511. 18); в русских же источниках, согласно М.Н. Тихомирову (1953. С. 93-96), — с XV в.

Трактат «Об управлении империей» содержит важнейшие свидетельства, касающиеся древнерусской истории. В главе IX описывается плавание караванов судов росов по пути «из варяг в греки». При этом перечисляются древнерусские города по пути следования: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, («Ольгин град» в «Повести временных лет»), Киев, Витичев, являвшиеся важными центрами Древнерусского государства. Константин упоминает также русских князей, называя их на византийский манер «архонтами Росии» — Игоря (**Ἰγῶφ**) и Святослава (**Σφενδοσθλάβος**).

Очень важны свидетельства Константина Багрянородного о взаимоотношениях росов и славян. Судя по приводимому ниже тексту, византийцы еще в X в. отчетливо разделяли росов и славян как в этнолингвистическом, так и в политическом отношении. Славянские племена, перечисленные в трактате, являются

данниками («пактиотами») росов. Свидетельства языка, отраженные в передаваемых в памятниках названиях днепровских порогов — «по-росски» и «по-славянски», подтверждают, что словом *рос* Константин обозначает скандинавов: славянские наименования, передаваемые Константином, «переводят» соответствующие скандинавские топонимы (Const. DAI. P. 180; Toynbee. 1973. P. 348; подробнее см.: Константин. С. 319–321).

Немаловажны материалы и о судах росов, их оснастке и названиях: в этих сообщениях переплетаются актуальные наблюдения очевидцев-информаторов Константина со ставшими уже традиционными стереотипами «этнического портрета» славян.

Наконец, в ряду упоминавшихся уже ранее славянских языковых заимствований в греческом находит свое место термин *полюдь*, транслитерируемый византийским автором, который сообщает ценные сведения об этом важнейшем институте социально-экономической и политической жизни Древней Руси:

«О росах, отправляющихся с однодеревками из России в Константинополь ... приходящие из внешней России в Константинополь моносилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниси, из **Телиуцы**, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой **Самватас**. Славяне же, их **пактиоты**, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моносилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] вхожи в эту самую реку и отправляются в Киаву. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моносилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витечеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому **Эссупи**, что означает по-росски и по-славянски «**Не спи**». Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, извергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестью, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что означает «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и труднопроходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как

и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый **Геландри**, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов (печенегов. — *Авт.*). А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также, одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносылы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-русски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моносылы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог». Затем достигают так называемой переправы Краприя, через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы — насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить **их живыми**.

От этого острова росы не боятся пачинакита...

Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас архонты выходят со всеми росами из Киавы и оправляются в полюдия, что именуются «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севернее и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносылы, они оснащают [их] и отправляются в Романию» (Константин. С. 45—51).

Показательна точность передачи некоторых древнерусских технических терминов и обозначения институтов в сочинении Константина Багрянородного. Это, помимо полюдия (IX. 107), очевидная калька с древнерусского «вся Русь» (πάντων τῶν Ῥως — IX. 106) и указание на институт кормления (διατρεφόμενοι — IX. 104—113).

Константин выделяет «Внешнюю Росию» (ἡ ἔσω Ῥωσία), под которой скорее всего подразумевалась Северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском. Собственно же Русь ограничивалась, вероятно, территорией, освоенной полюдем киевского князя. Таким образом, если обратиться к назван-

ным в византийском трактате русским городам, то Русью в узком смысле слова следует считать, согласно Константину, Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли, т.е. территории Приднепровья.

Древнерусское общество делится Константином на дружину [«все росы» — выражение известно также из «Повести временных лет» (ПВЛ. С. 13, 18)] и славянские племена — кривичей, лендзян, а также «вервиан»-древлян, «другувитов»-дреговичей, северян и др., находившихся в отношении союзного данничества («пактиоты») по отношению к князю и «росам». Русского князя византийский источник называет «архонтом» — официальным греческим термином, обычным в Византии для именовании иноземных правителей.

Только Константин Багрянородный сохранил свидетельство о том, что Святослав «сидел» в Новгороде во время княжения в Киеве Игоря. Это известие — самое раннее подтверждение обычая направления великим киевским князем своего сына на новгородский престол.

Наконец, в трактате описан языческий ритуал жертвоприношений, совершаемый росами по пути в Византию на острове Св. Григория (Хортице). Культовые реалии, описанные Константином, позволяют искать их корни как в скандинавской, так и славянской традициях (Константин. С. 327—328).

Изучение происхождения и значения названия **Ῥῶς** в византийских источниках X в. имеет длительную историю (подробный анализ проблемы см.: Константин. С. 293—307). К настоящему времени существует три основные теории относительно этимологии названия. Первая из них возводит его к древнерусскому слову *русь*. Несоответствие корневых гласных, -о- в греческом и -у- в древнерусском, объясняется или их фонетической близостью и взаимозаменяемостью в северногреческих диалектах или возможным тюркским, например хазарским, посредничеством при проникновении в греческий язык названия Руси. Второе объяснение остается лишь гипотезой; что же касается чередования -о-/-у-, то оно действительно свойственно греческому языку византийского периода, причем не только его северным диалектам.

Следы бытования в византийской среде этнонима *рус* с огласовкой -у- говорят о возможной связи греческого имени Руси с исконным русским термином. Однако показательно, что этноним с корневым гласным -у- встречается в случаях передачи самоназвания: **Лиутпранд**, называя «русов», воспроизводит самоназва-

ние народа из наемного корпуса в Византии; более поздние акты Русского монастыря на Афоне, неоднократно упоминающие «русские книги», «русскую» церковную утварь, сам монастырь «русов» (см. гл. 5), скорее всего отражают речь ктиторов (жертвователей) — носителей русского языка. Но преобладающей формой в X в. была форма **Ῥῶς**, и ее объяснение чередованием *-o-* / *-y-* оказалось не полностью убедительным.

Другая точка зрения на происхождение греческого названия **Ῥῶς** предполагает его чисто книжную основу. Речь идет о применении для обозначения русских библейского названия *Roш*, известного по «Септуагинте» (греческому переводу Библии) в форме **Ῥῶς**. *Roш* трижды фигурирует в «Книге пророка Иезекииля» в выражении «...к Гогу в земле **Marog**, князю Роша, Мешеха и Фувала» (Иез. 38.2; 38.3; 39.1). Народы Мешех и Фувал, идентифицируемые с землями Табал и Муски ассирийских надписей и Тибаренами и Мосхами Геродота (Herod. III. 94; VII. 78), локализируются в соответствии с библейской **этногенетической** легендой на севере Малой Азии. Сближение византийского названия Руси **Ῥῶς** с библейским *Roш* основано на понимании последнего как этнонима, обозначающего северных варваров, главой которых был Гог. Однако более вероятно, что слово *Roш* в «Септуагинте» употреблено в его исконном древнееврейском значении «глава», т.е. фразу Иезекииля следует понимать как «...архонта-рош Фувала и Мешеха», что находит соответствие в Вульгате (латинском переводе Библии) и других текстах.

Эсхатологическая легенда о Гоге и Магоге, которые во главе бесчисленных войск сатаны подойдут к «священному граду» (Откровение Иоанна. XX. 7—8), была широко распространена в Византии. Контаминацию значения *roc* как скандинавского самоназвания с библейским именем *Roш* можно отметить уже в IX в. в «Житии Георгия Амастридского». Показательно, что и византийский историк X в. Лев Диакон воспринял нападение русских на Константинополь в 860 г. как исполнение пророчества Иезекииля (Leo Diaс. 150. 15—19). Однако упоминание Гога и Магога в связи с нашествием «северных варваров» на Византию могло иметь место и без какой-либо связи с народом (?) Рош, как, например, в повествовании о нашествии «скифов и гуннов» у Андрея Кесарийского (PG. T. 106. Col.416), а также в анонимной «Истории Авар» (редакция А).

Итак, в вопросе о влиянии библейского термина на бытование византийского этнонима **Ῥῶς** следует различать два аспек-

та: языковой, генетический (возникновение этнонима как книжного заимствования) и литературно-образный (контаминация представлений об эсхатологическом нашествии библейских племен с образной характеристикой «варваров» — современников).

Влияние библейской образной системы на непосредственные впечатления византийцев несомненно. Обыгрывание термина-этнонима, подобно тому, как это имеет место у Льва Диакона, — явление, характерное для византийских этимологических построений. Так, этноним понтийцы (жители) и созвучное слово **ποντικοί** — «мыши» обыгрываются Феодором Продромом (Hunger. 1968, 86.12), а термин «скифы» производится Евстафием Солунским от **σκύζεσθαι** — «гневаться» (Eust. **Thess.** Comm. 723.42 и след.); этноним «тавры» (жители Таврики — Крыма) воспринимается как омонимичный названию животного «бык» (Там же. 259.7 и след.). При этом характерна уничижительная окраска подобных византийских **этимологий** (Бибигов. 1978. С.99–100). В лингвистическом же плане влияние библейского термина не обуславливает только книжный характер появления этнонима в византийских текстах.

Наконец, третья гипотеза о происхождении греческого **Ῥῶς** связывает его с широко распространенным в топо- и этнонимике среднеазиатского, северокавказского и севернопричерноморского ареала иранским по происхождению корнем *рос-* с вариантами *аорс-*, *рокс-* и др. Однако она не является достаточно обоснованной. **Корни** *рос-* и *рус-* не являются родственными, как полагали многие советские историки и археологи (Тихомиров. 1947; Рыбаков. 1982 и многие другие), поскольку древнерусские гласные у и о < ѡ восходят к различным индоевропейским гласным.

Комплексное рассмотрение содержания этнонимов *рос* и *славяне* Константина с привлечением лингвистических и археологических данных позволяют сделать определенные выводы о происхождении имени Руси в Византии. Допустимо предположить, что византийское наименование отрядов «северных **варваров**», нападавших на владения Византии, а с 860 г. и на Константинополь, как и позднейшее наименование древнерусских дружин (**Ῥῶς**) и Древнерусского государства (**Ῥωσία**), непосредственно восходит не к древнерусскому *русь*, а к исходному для него древнескандинавскому самоназванию участников похода на восток от Балтийского моря *roper*, *rops-men*, «гребцы».

На исконное значение слова *рос* как самоназвания скандинавов, связанного с обозначением плаваний на гребных судах,

возможно, указывает их обозначение как «дромитов» (от названия дромонов — больших византийских кораблей) в хрониках Псевдо-Симеона и Продолжателя Феофана (см. ниже). О скандинавском происхождении росов прямо говорят и «Вертинские анналы» (см.: часть IV, гл. 1.1), и византийские источники X в.: Константин Багрянородный, хроника Псевдо-Симеона, Георгий Амартол (по Ватиканскому списку), Продолжатель Феофана. Славянские переводы соответствующих хронографических пассажей меняют этноним *франки* в греческом оригинале на *варяги*. Наряду с Константином различает росов и славян и Продолжатель Феофана.

Значение термина *рос*, близкое к профессионализму, зафиксировано в византийских военных и морских трактатах X в., где «росы» представляют собой воинский контингент, сопоставимый с называемыми в текстах в одном ряду лучниками, «малартиями», пехотинцами и всадниками (Three Treat. P. 280, 294, 312).

Эти же памятники свидетельствуют и об особенностях судов — быстрых и легких, — используемых росами. В данном контексте можно по-новому оценить и понимание термина *дромиты*, относимого к росам, у Псевдо-Симеона и Продолжателя Феофана. Если греческая народная этимология термина объясняет его происхождение тем, что росы «быстро бегают», то славянский переводчик памятника каким-то образом (по аналогии с дромонами) связывал *дромитов* с судами: «иже скеди глаголем».

К славянскому имени Руси следует возводить другой этноним, известный в византийских текстах — *frovaSiv* (с корневой огласовкой -у-), зафиксированный у Продолжателя Феофана, в актах афонских монастырей, Русского, Дохарского и Эсфигмена, а также актах монастыря Марии Мессины. Учитывая контекст употребления этого этнонима, можно оценить его появление как отражение самоназвания.

ГЛАВА 3. КОГДА БЫЛА КРЕЩЕНА РУСЬ? Взгляд из ВИЗАНТИИ

Крещение Руси в 988 г., несомненно, придало мощный импульс тесному культурному взаимодействию Византии и Руси. Однако это событие имеет глубокую предысторию, относящую-

ся еще ко второй трети IX в. Тогда, судя по одному из посланий константинопольского патриарха Фотия, росы приняли христианство, и к ним направили византийского иерарха. Таким образом, появление греческого клира в русской среде произошло более чем на сто лет раньше христианизации Руси князем Владимиром. Представление о Руси как христианской, дружественной Византии державе укрепилось с конца IX в. не только в греческих памятниках, но отчасти, если судить по «Уставу князя Владимира» в составе «Софийской кормчей» XIII в. и по предисловию к «Киево-Печерскому патерику» и «Минеем-Четьим», и в русской традиции, восходящей к греческим источникам.

Византийское «Жизнеописание императора Василия», составленное в середине X в. при непосредственном участии Константина Багрянородного, хорошо знавшего Русь (см.: гл. 2), сохранило известие о направлении на Русь греческого архиепископа патриархом Игнатием (подробнее об этом ниже) в 70-х годах IX в. Если обратиться к легенде анонимного сказания (так называемого «Анонима Бандури») об изобретении славянской азбуки «Кириллом и Афанасием», то, согласно ей, они были посланы на Русь по просьбе князя Владимира византийским императором Василием I Македонянином. Все это говорит о том, что представление о пребывании в Киеве греческих иерархов и просветителей относится ко времени до официального крещения Руси в 988 г. и имеет традицию более чем на столетие древнее, чем крещение Руси князем Владимиром.

О крещении Руси вслед за событиями похода на Константинополь в 860 г. сообщает хроника Продолжателя Феофана. Анонимное сочинение было создано, вероятно, ок. 950 г. в кругах императора Константина Багрянородного и освещает период с 813 по 961 г. В книге, посвященной правлению Михаила III, сообщается о набеге росов в момент церковного противоборства в византийской столице сторонников патриарха Фотия и будущего патриарха Игнатия. В этой связи и сообщается о нападении росов на Константинополь 18 июня 860 г. и их последующем обращении:

«Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом **Божиим**, они вернулись домой — правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их божьему крещению. Что и произошло» (*Theoph. Cont.* 196.6—15; цит. по: Продолжатель Феофана. С.84).

Если на основании произведений самого патриарха Фотия мы восстанавливаем последовательность событий, несколько условно и общо описываемых в риторических памятниках, то Продолжатель Феофана ставит оба события в непосредственную связь между собой: нападение росов, последующее их мирное посольство и принятие христианства.

Пятую книгу хроники Продолжателя Феофана составляет памятник, имеющий определенную самостоятельность, — *«Жизнеописание императора Василия»*. Его сочинение до последнего времени приписывалось на основании слов заглавия памятника самому императору Константину VII Багрянородному, поставившему образ своего деда — основателя Македонской династии Василия I в центр повествования всей хроники и создавшего своеобразное светское житие, сочетавшее в себе черты античной биографии с агиографической риторикой. «Жизнеописание» датируется временем после 943—950 гг., т.е. оно создавалось после других книг хроники.

Героизированный образ Василия I наделяется чертами мудрого политика, философа, ревнителя православия. Именно ему отводится роль просветителя славян, распространителя христианства среди других племен и народов, в том числе болгар (крещение болгарского царя Бориса относится к 864/68 гг., а в 870 г. по назначению константинопольского патриарха Игнатия в Болгарию утверждается архиепископство) и росов.

Здесь повествуется об учреждении архиепископии на Руси, созданной заботами императора Василия I и патриарха Игнатия. Описывается своего рода ритуал «выбора веры», подкрепленного чудом с неопалимым Евангелием. Вслед за крещением (части) русской дружины ок. 860 г. при императоре Михаиле III и патриархе Фотии новый этап христианизации Руси, судя по данным Продолжателя Феофана, относится к периоду правления Василия I и патриарха Игнатия, возможно, ко времени ок. 874 г.

«Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он (Василий. — *Авт.*) склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку их подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил

им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: "Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках и печи, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим". А он, веря в истину рекшего: "Если что попросите во имя мое, то сделаю" и "Верующий в меня, дела, которые творю я, и он сотворит и больше сих сотворит, когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения душ", сказал им: "Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны". И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к **Богу**, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза и руки к Богу и рек: "Прославь имя твое, Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени", — и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповороти книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению» (Theoph. Cont. 342.20-344.18; **цит.** по: Продолжатель Феофана. С. 142-143).

Представление о том, что с тех пор в глазах византийцев Русь была страной христианской, входящей в византийское «содружество» христианских народов, стало в науке общераспространенным. Более того, нередко считается, что Византия даже «не заметила» крещения Руси Владимиром.

Однако это не совсем так. Помимо известных хронографических данных о распространении христианства на Руси в последние годы были обнародованы новые материалы неизданных рукописных текстов. Они позволяют по-новому подойти к вопросу о взгляде византийцев на крещение Руси (Шрайнер. 1991. С. 154 и след.).

В целом можно понять, почему исследователи, опираясь в своих изысканиях на повествования византийских хронистов или авторов монументальных исторических трудов, пренебрегали краткими записями историко-хронологического характера. Последние, как правило, кратки, фрагментарны, рассыпаны по различным, часто случайным, местам рукописей; они с трудом поддаются датировке, так как содержатся в кодексах значительно более позднего времени, чем описываемые в них события; наконец, очевидны и трудности их атрибуции, ибо, разумеется, подобные справки-заметки не имеют никакой рукописной традиции.

Вместе с тем именно в этого рода источниках можно обнаружить максимально точные сведения хронологического и просопографического содержания. Так, в известном брюссельском ко-

дексе Cod. Brux. gr. 11376, переписанном в Константинополе между 1280 и 1300 гг. и содержащем стихотворную хронику Константина Манасси (XII в.), статьи о Вселенских соборах, каталог патриархов, доведенный до середины XI в., и т.п., находится краткая императорская хроника (**л.165 об.—170**) с заметкой о первом походе Руси на Константинополь (Cumont. 1894. Р. 15). Заметка этой хроники важна тем, что является единственным источником, сообщаящим точную дату похода.

Хроника, охватывающая более чем тысячелетнюю эпоху — от Юлия Цезаря до Романа III (1028-1034 гг.), состоит из трех неодинаковых частей: если первая, компилятивная, и последняя, датируемая XI в., представляют собой лишь списки имен и годы правлений, то вторая, от Константина I Великого до царствования Михаила III и Василия (867 г.), пространна и содержательна. Именно в ней, в самом конце, находится интересующее нас сообщение:

«**Михаил**, сын Феофила, [правил] со своей матерью Феодорой четыре года и один — десять лет, и с Василием — один год четыре месяца. В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето **6368**, на 5-й год его правления пришли Росы на двухстах кораблях, которые предательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены» (Шрайнер. 1991. С. 153).

Итак, дата 18 июня 860 г., удостоверяемая полным соответствием всех хронологических указаний — дня, месяца, индикта, года от сотворения мира и года царствования, приводится с редкой для византийской историографии столь давнего времени точностью. Это позволяет предположить, что вторая часть рассматриваемой краткой хроники была создана именно в конце IX в. на основе местного анналистического источника (Шрайнер. 1991. С. 152-153), скорее всего, если судить по последней фразе, церковного происхождения (в качестве места создания хроники предполагается столичный Студийский монастырь). На древность текста (по крайней мере, до середины X в.) указывает и несклоняемый вариант написания **этнонима** *рос*, аналогичный словопотреблению памятников доконстантиновской поры.

Таким образом, в сравнительно поздней рукописи, в отредактированном в XI в. памятнике содержатся достоверные и точные свидетельства, записанные по горячим следам или вскоре после описываемых событий.

В заметке ничего не говорится о крещении росов. Также ничего не сообщает о ранней христианизации Руси и другая рукописная запись, из парижского кодекса Cod. Paris. gr. 2303,

о походе Руси 941 г., после которого, как известно из «Повести временных лет», был заключен русско-византийский мир князя Игоря 944 г., причем часть посланников, представлявших Русь, как следует из текста договора (см. гл. 4), давала клятву в храме Св. Ильи, т.е. была христианизирована:

«В 14-й индикт, в июне 6449 [года] произошло нашествие на город (т.е. Константинополь. —*Авт.*) десяти тысяч кораблей русского флота, в царствование Романа Старого, который царствовал с Константином — сыном Льва, сына Василия Македонянина» (Шрайнер. 1991. С.154).

Данный текст отличается от известного свидетельства хроники Продолжателя Феофана, сообщающей день нападения на византийскую столицу — 11 июня: «Четырнадцатого индикта, июня месяца, одиннадцатого [числа], пришли Росы на Константинополь с десятью тысячами кораблей» (*Theoph. Cont.* 423.14–426.2). Именно к этому источнику восходит текст хроники Продолжателя Георгия (*Ibid.* 914.10—916.16).

Однако заметка парижского кодекса ближе свидетельству хрониста XI в. Иоанна Скилицы («Четырнадцатого индикта, в июне месяце, произошло нашествие на город русского флота, десяти тысяч». — *Scyl.* 229.90—230.24), которому в XII в. следует и историк Иоанн Зонара (*Zon.* III. 476.15—477.16). Правда, принятая в парижском тексте отличная от Скилицы хронологическая система (от сотворения мира) и точность в генеалогических указаниях на царствующих императоров (что отсутствует в других источниках) заставляет отнести датировку рассматриваемой заметки ко времени правления (или после него) Романа II (959–963 гг.) — сына Константина Багрянородного (именно ему адресовал свой труд «Об управлении империей» венценосный отец), ибо Роман I (920–944 гг.) назван здесь «Старым», т.е. Старшим. Скорее всего, парижская заметка и хроника Скилицы восходят к одному общему источнику анналистического типа.

Таким образом, в данном случае, как и в первом, поздняя рукопись (вторая половина XV в.), по-видимому, венецианского происхождения, содержит текст, восходящий к ранней традиции, близкой по времени к важнейшим моментам в истории русско-византийских отношений.

Этот вывод оказывается тем более важным, что в том же кодексе, рядом с указанной выше записью о походе русского флота (л.5 об.), сохранилось другое, единственное в византийской традиции, свидетельство о крещении Руси: «В царствование императора Василия Македонянина, в 6390 году, был крещен народ Рос».

Близость этого сообщения предыдущему позволила предположить существование некогда какой-то «(Малой) Хроники русских событий», лишь следы которой, по П.Шрайнеру, и сохранились в виде парижских заметок. 6390 год от сотворения мира, по византийской хронологии, — это период между 1 сентября 881 г. и 31 августа 882 г. (новый год в Византии начинался в сентябре). Дата крещения 881/82 г., видимо, неслучайна, так как под этим годом в «Повести временных лет» значится убийство Аскольда и Дира. Поэтому, возможно, под пером византийского анналиста, составлявшего хронику «русских событий», могли совместиться две даты, восходящие к древнерусскому источнику, — крещения Руси и смерти известных князей. Древность формы этнонима *рос*, отнесение события к правлению императора Василия I (а не Михаила) говорят о возможном происхождении данной хроники из среды хронистов эпохи Македонской династии.

Вопреки распространенному мнению, византийская традиция сохранила и сведения о крещении Руси при князе Владимире. Причем эти тексты дошли в рукописных списках того же века, что и рассмотренный выше парижский кодекс. Речь идет о повествовании, получившем в науке условное название «Аноним Бандури» — по имени его издателя (A. Banduri), представившего текст из парижского списка Cod. Paris. gr. 3025 середины XV в. Примерно к этому же времени относится, вероятно, и другой список аналогичного текста, однако более полный — патмосский (№ 634, л. 71—75: *Analecta B.-R.*). Событие датируется автором временем правления императора Василия, что выдает македонское происхождение текста (или его непосредственного источника). Уже известный по Продолжателю Феофана эпизод с неопалимым Евангелием здесь связывается с князем Владимиром, собирающим информацию о существующих в мире религиях и осуществляющим на этой основе свой выбор. Известное по «Повести временных лет» повествование о выборе веры, таким образом, находит аналог, а скорее всего, и свой источник.

Гипотетически восстанавливаемое «Повествование об обращении русских», по В.Регелю, было распространено в Византии и до XV в. киевскому митрополиту кардиналу Исидору, участнику Ферраро-Флорентийского собора по поводу унии церквей, принадлежал кодекс, ныне хранящийся в Ватиканской библиотеке (Cod. Vatic. gr. 840). Среди заметок, в каких-то случаях более, в каких-то случаях менее лаконичных, находится следующее указа-

ние: «В году 6496 был крещен Володимер, который крестил Ро-сию» (л. 244 об.).

Указанный год крещения Руси — 988 совпадает с датой, принятой в древнерусском летописании. Текстуальное же совпадение данного повествования в предшествующем этой фразе рассказе о христианизации болгар с «Повестью временных лет» (под 858 г.) заставляет думать, что ватиканская хроника представляет собой греческий сокращенный, но точный перевод древнерусского памятника. Дополнительным подтверждением такого мнения служит то, что сам ватиканский кодекс был создан в XIV в. на Руси.

Однако крещение Руси в византийской рукописной традиции не ограничивается отнесением его ко времени правления то Михаила III, то Василия I Македонянина, то Василия II Болгаробойцы. Одна из кратких византийских хроник, продолжающая «Летописец вкратце» патриарха Никифора (IX в.), но доводящая список василевсов до года падения Византии — 1453, сохранилась в дрезденской рукописи (Dresd. gr. A 187) начала XVI в. Там интересующие нас события христианизации Руси отнесены к ... XII в.: в части о правлении императора Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) читаем: «Иоанникий, его сын, багрянородный, [правил] 24 года, 7 месяцев, 23 дня. При нем крестились Росы» (л. 9).

Позднее происхождение и рукописи, и текста, неточности хронологического и просопографического характера не позволяют, разумеется, согласиться с датировкой христианизации Руси временем правления династии **Комнинов** и заставляют задуматься о единственно возможном объяснении происхождения данного свидетельства. Здесь, вероятно, произошла путаница с именами императоров: в источнике позднего анналиста, возможно, был упомянут василевс Иоанн, но Цимисхий (969–976 гг.), при котором шли знаменитые войны Святослава и который заключил последний из известных в древнерусской летописной версии мирный договор Византии с Русью в 971 г. Идентификация событий, хронологически близких к поражению Святослава, произошедших при Иоанне I Цимисхии, со временем другого императора Иоанна — II Комнина может объясняться как неосведомленностью поздневизантийского хрониста, так и порчей текста его более древнего источника, относившего крещение Руси к последней трети X в. Текст в нем, согласно гипотезе П.Шрайнера, мог читаться как «Иоанн Цимисхий [правил] 7 лет, 1 месяц» и иметь

характер записи на полях, столь типичных для византийских рукописных хроник. В отличие от всех выше рассмотренных хронологических записей, цифры дрезденской заметки переданы цифрами, а не словами, что также создает дополнительные возможности для ошибок переписчика. Позже, при составлении Малой хроники, эта запись с соответствующими изменениями была включена в текст, повествующий о событиях XII в.

Хорошо известна роль в деле распространения христианства и просвещения на Руси византийской принцессы, ставшей русской княгиней, Анны — сестры императора Василия II Болгаробойцы и жены киевского князя Владимира. Брак Владимира и Анны тесно связан с условиями крещения Руси в 988 г. Последние искусствоведческие исследования выявили выдающееся место гречанки в деле христианского строительства, создания первого храма в Киеве, разработки программы фресковых композиций св. Софии.

Между тем сведений о ней очень мало — и в древнерусских, и в византийских памятниках. Из византийцев лишь Скилица сообщает о рождении Анны — сразу после известия о смерти ее отца, императора Романа II: «Его власть наследуют дети его Василий и Константин вместе с матерью Феофано, родившей ему за два дня до смерти и дочь, которую называли Анной» (Scyl. 525.37–39). Зная, что Роман II скончался 15 марта 963 г., рождение Анны следует отнести к 13 марта. Этот текст использовал в XII в. в своей стихотворной композиции Михаил Глика (Mich. Glyc. 567.4–6).

Тот же Скилица сообщает и о бракосочетании Анны с русским «архонтом Владимиром», объясняя брак необходимостью получить военную помощь русских дружин: «Он ведь призвал их на помощь в войне, сделав архонта Владимира зятем благодаря своей сестре Анне» (Scyl. 336.89–90). Это свидетельство также попадает в византийскую историографию XII в., дословно переданное Иоанном Зонарой (Zon. III. 553.1–2).

У того же Скилицы сохранилось упоминание и о смерти Анны: при описании событий, случившихся между 1022 и 1025 гг., он замечает, что «Анна, сестра императора, умерла в России, до нее же — ее муж Владимир...» (Scyl. 367.71–72). В «Повести временных лет», напротив, о смерти Анны сообщается в 1011 г., тогда как Владимир княжил до 1015 г.

В поздневизантийских источниках, даже в компиляциях, мы не найдем свидетельств об Анне. Единственным упоминани-

ем ее станет поствизантийский каталог членов императорского дома, сохранный кембриджской рукописью конца XVI в. (Trinity College, 0.2.36, л. 166). Там, после упоминания императрицы Феодоры и императора Иоанна Цимисхия, следует: «Анна, дочь багрянородного Романа». Этот каталог вообще указывает много женщин — императриц и принцесс, что было большой редкостью для византийской историографии, в том числе и для кратких хроник. Кембриджский список был составлен Иоанном, известным копиистом, по другим выполненным им кодексам; книга была изготовлена в Константинополе, в монастыре Паммакаристос, бывшим в то время резиденцией патриарха.

Итак, даже отдельные заметки, краткие и фрагментарные, потерявшиеся среди листов часто забытых манускриптов, могут дать существенные уточнения и дополнения, помочь разгадать исторические загадки и проститься пусть с распространенными, но нередко ложными или неточными представлениями. Это касается и вопроса об освещении в Византии христианизации Древней Руси.

ГЛАВА 4. ВОЙНА И МИР В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ X — НАЧАЛА XIII В.

4.1. РУСЬ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ДОГОВОРЫ РУСИ С ГРЕКАМИ X В.

Древнейшими документальными памятниками русско-византийских отношений являются договоры Руси с греками 907, 911, 944 и 971 гг. Они сохранены «Повестью временных лет» и известны тем самым только в древнерусской версии: ведь междunarодные договоры, по практике тех лет, заключались как на греческом языке, так и на языках византийских контрагентов. Составлению дипломатических документов всегда предшествовали походы русских князей на Византию — Олега, затем Игоря и, наконец, Святослава. Правовые акты были призваны юридически закрепить результаты кампаний.

Русско-византийские договоры, будучи древнейшими дипломатическими актами Древней Руси, в этом смысле не являют-

ся, конечно, в строгом смысле «**византийскими** источниками» по истории Руси. Однако детальный текстологический, дипломатический и правовой анализ (Лавровский. 1853; Sorlin. 1961; Malingoudi. 1994; Каштанов. 1996) показал, что тексты дипломатического протокола, актовых и юридических формул, сохраненные в древнерусских версиях трех последних договоров (в 907 г. не было, по всей видимости, выработано реального документа с необходимым набором дипломатических атрибутов, но было заключено лишь общее соглашение), являются либо переводами классических византийских канцелярских стереотипов, известных по сохранившимся греческим подлинным актам, либо парафразой памятников византийского права.

Все три текстуально известных договора дошли до нас в древнерусской версии, отмеченной некоторыми русизмами, однако все они имеют византийские дипломатические прототипы. Сохранившиеся тексты являются переводами, сделанными с аутентичных (т.е. обладавших силой оригинала) копий актов из специальных **копийных книг**.

Договоры с Византией следует считать древнейшими письменными источниками русской государственности. Вместе с тем, будучи международными договорными актами, они зафиксировали нормы международного права, а также правовые нормы договаривающихся сторон, что означает вовлечение каждой из них в орбиту другой культурно-юридической традиции.

К нормам международного права можно отнести те статьи русско-византийских договоров, аналоги которым обнаруживаются в текстах ряда других договоров Византии. Это относится к ограничению срока пребывания иноземцев в Константинополе, отмеченному соглашениями 907 и 944 гг., к нормам берегового права, отраженным в договоре 911 г. Аналогом положений того же текста о беглых рабах могут быть пункты византийско-болгарских соглашений. Ограничение на вывоз шелка, зафиксированное в договоре 944 г., также было характерно для юридических документов того времени, причем не только Византии. Византийские дипломатические соглашения включали в себя пункты о термах (банных), сходные с соответствующими условиями договора 907 г. Наконец, международной нормой являются отмеченные текстом 944 г. протокольные требования наличия печатей у послов и купцов.

Дипломатическое оформление русско-византийских договоров, как неоднократно отмечалось исследователями, во многом обяза-

но византийскому канцелярскому протоколу. Поэтому важно обобщить отраженные в текстах греческие протокольные и юридические нормы, канцелярские и дипломатические стереотипы, нормы, институты. К ним относится обычное для византийских актов упоминание соправителей наряду с правящим монархом: Льва, Александра и Константина в договоре 911 г., Романа, Константина и Стефана в договоре 944 г., Иоанна Цимисхия, Василия и Константина в договоре 971 г. Эта особенность была чужда как летописным текстам, так и кратким византийским хроникам, являясь элементом формуляра официальных документов.

Определяющее влияние византийских норм сказалось в использовании византийских весовых и денежных мер, литр, в тексте 911 г., а также византийской системы летосчисления и датировки акта в договорах 911 и 944 гг., индиктовой датировки договора 971 г. Цена раба в договоре как 911 г., так и 944 г. (вдвое меньшая) близка к вилке средней цены невольника в Византии. Выявляемое по договору Игоря превосходство ранга послов над рангом купцов соответствует данным трактата Константина Багрянородного «О церемониях», где выплаты в столице послам вдвое превосходят купеческие. Требование третьего пункта того же договора о необходимости специальной регистрации иноземных торговцев, прибывающих в Константинополь, находит свое подтверждение в «Книге епарха», а в следующем параграфе этого документа отражен византийский обычай выкупа пленных за шелковые ткани. Некоторые определения рассматриваемых договоров сопоставимы с положениями юридических памятников.

Можно указать и славянские кальки с греческих типичных для византийской дипломатии формул. В договорах выражение «цесарство наше» передает общераспространенное греческое βασιλεία μου как эпоним императорской персоны, а «цесарев муж» передает наименование византийской придворной должности василика. Формула договора 911 г. — «равно другого свещания» отражает греческое ἴσον, т.е. это аутентичный экземпляр, дубликат официального актового текста. «По первому убо слову» — обычное греческое вступление документов (κατὰ οὖν πρῶτον λόγον); «суть яко понеже» сопоставимо с аналогичной фразой известного византино-персидского мира 562 г., текст которого сохранился во фрагментах «Истории» Менандра Протектора.

Обнаруживаемые параллели как юридических норм русско-византийских договоров с нормами византийских юридических

текстов, прежде всего X в., так и протокольных форм являются важным датирующим моментом, противоречащим гипотезе о позднем происхождении текстов договоров, синхронном времени написания «Повести временных лет», в составе которой договоры дошли до нас.

Учет византийской концепции политической иерархии в мире и дипломатической практики империи в отношениях с другими государствами помогает оценить русско-византийские договоры и взаимоотношения обоих государств. Принципы и методы византийской дипломатии во взаимоотношениях с «варварскими» государствами включали в себя, прежде всего, установление межгосударственных договорных отношений, введивших международную политику в правовое русло, теоретически препятствовавшее совершению неожиданных набегов, разгрому городов, оказанию военного давления.

Международно-политическая концепция Византии, ее отношения с другими странами и народами, в том числе и с Русью, была обусловлена традиционализмом идеологических установок. Они заключались в римском имперском универсализме, в эллинистическом противопоставлении греков и «варваров», в христианском экуменизме с идеей общей церкви и в библейском представлении об избранном народе, сочетавшемся с византийской идеей самодержавия. Одновременно нельзя не отметить удивительную пластичность и гибкость византийской дипломатии в балансировке между традиционной теорией и учетом политических реалий современности.

Вся история русско-византийских отношений после первого крупного военного конфликта в 860 г. и, вероятно, первых шагов к христианизации Руси, — это история войн и перемирий, конфликтов и союзов, заключения брачных контрактов и ведение скрытых войн без оружия, выражавшихся в организации дипломатической изоляции, протокольных унижениях, в проведении политики «разделяй и властвуй».

Изучение русско-византийского договора 907 г. осложняется не только отсутствием оригинального текста, но и, как считается донныне, молчанием византийских источников о самом походе Олега на Царьград. Подробных свидетельств о походе в историографических сочинениях действительно нет. Правда, временем ок. 905 г. мы можем датировать упоминание о «скифских ладах» в морском трактате, приписываемом традицией императору Льву VI (886-912 гг.), «Навмахика» (Naumachica. P. 32).

В другом трактате Льва — «Тактике» упоминаются сражения на море с флотом арабов и росов (PG. Т. 107. Col. 1011; Vasiliev. 1951. P. 183—184). Существует ли какая-то связь этих ремарок с походом Олега?

Примерно к этому времени относится и сообщение хроники *Псевдо-Симеона* (последняя треть X в.) об участии росов в войне Византии против арабского флота Льва Триполитанского. О росах, относимых в **другом** случае тем же автором к «франкам», т.е., в свете сказанного выше, к скандинавам, говорится:

«Росы, или еще **дромиты**, получили свое имя от некоего могущественного Роса, после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать. — **Авт.**)» (Ps.-Sym. 707. 3-6).

В упоминаемом вожде некоторые комментаторы текста готовы видеть князя Олега. Правда, весь этот фрагмент *Псевдо-Симеона* представляет собой сложную контаминацию чуть ли ни с эллинистическими географическими трактатами (Карпозилос. 1988. С. 112-118), что затрудняет его историческую интерпретацию. Однако полностью отвергать на этом основании достоверность свидетельств хроники *Псевдо-Симеона* было бы поспешно: византийская историческая традиция знает немало случаев описания реальных событий средневековой истории, используя (подчас почти дословно) античные тексты с рассказами о войнах, осадах или эпидемиях (Бибиков. 1996а. С. 30—31, 42 и др.).

Самый полный и подробный текст русско-византийского соглашения представляет нам договор князя Игоря 944 г. Заключение данного акта являлось следствием военного конфликта между Русью и Византией, завершившегося заключением перемирия и дипломатическими переговорами. Византийские хроники, наряду с «Повестью временных лет», записками Лиудпранда Кременского и арабским писателем ал-Мас'уди, сохранили свидетельства о походе Руси на Константинополь, начавшийся 11 июня 941 г. Полки росов ошеломили византийцев, ведя успешные боевые действия и опустошая окрестности столицы и близлежащие острова и предместья. 15 сентября они пустились в обратное плавание, в ходе которого потерпели поражение в новой битве. Об этом сообщают две другие хроники X в.: Продолжателя Феофана и *Псевдо-Симеона*. Продолжатель Феофана так повествует о событиях 941 г.:

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков. Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указующий путь идущим в ночи), патрикий, расположившийся у входа в Евксинский понт (он назван "гостеприимным" по противоположности, ибо был прежде враждебен для гостей из-за постоянных нападений тамошних разбойников; их, однако, как рассказывают, уничтожил Геракл, и получившие безопасность путешественники переименовали понт в "гостеприимный"), неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища, сооруженного аргонавтами во время похода. Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сторе (место на вифинском побережье. - *Авт.*). И послан был тогда по суше им наперехват из стражников патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший доместик схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена (т.е. Босфора. — *Авт.*), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось удовольствие, они боялись наступающего войска доместика схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патриkiem Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном **паракимомена**» (Theoph. Cont. VI.39; цит. по: Продолжатель Феофана. С. 175-176).

Автор хроники Продолжателя Феофана называет росов «дромитами» и указывает на их «франкское», т.е. западноевропейское, происхождение.

4.2. Княгиня ОЛЬГА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Войны между Русью и Византией чередовались с мирными, причем довольно продолжительными паузами. Эти периоды отмечены усилением дипломатических **акций** двух государств — обменом посольств, торгово-купеческих караванов, посланий, направлением клириков, художников и архитекторов из Византии, а позже и из Руси: монахов на Афон, паломников в Палестину.

Очень важное место в отношениях с чужеземцами уделялось церемониям приемов, торжественных обедов, официальных и неофициальных бесед. Ритуал подобных представлений был строго дифференцирован в зависимости от ранга гостя, последовательность «мизансцен» досконально расписывалась в руководствах по приемам послов и режиссировалась. Прекрасным образцом такого памятника является трактат-обрядник, автором которого до последнего времени считали императора Константина VII Багрянородного (ср.: Шевченко. 1993. С. 6–38).

В произведении, обычно называемом «О церемониях византийского двора» («*De ceremoniis Aulae Byzantinae*»), детально расписана режиссура приемов, в частности иностранных посольств, в соответствии с рангом приезжающих. Исторический материал касается правлений Льва I, Анастасия I, Юстина I, Льва II и Юстиниана I. Для историков Руси огромное значение имеет подробное описание приема княгини Ольги в Константинополе, устроителем которого был сам Константин.

В предисловии автор пишет об историографическом значении своего произведения:

«Множество событий забывается и ускользает за большой промежуток времени, и если бы пренебрегали великим и почетным занятием — описанием царских обрядов, если бы это, так сказать, обрекли на вымирание, на царскую власть можно было бы смотреть как на будничное и поистине лишенное красивой внешности явление» (Const. Cer. I. 4.2–7).

Весь рассказ основан на собственных авторских наблюдениях, а события прошлого **описываются** по литературным произведениям и, возможно, архивным документам. Константин так формулирует принципы своей работы:

«...мы решили все то, что самими нами видено и в наши дни принято, тщательно выбрать из множества источников и представить для удобного обозрения в этом труде тем, кто будет жить после нас; мы покажем забытые обычаи наших отцов, и, подобно цветам, которые мы собираем на лугах, мы прибавим их к царской пышности для ее чистого благолепия» (Const. Cer. I. 4.15–21).

В произведении встречаются, однако, и вставки более позднего времени: так, подробный рассказ о государственном перевороте 963 г., выдержанный в благоприятных для Никифора Фоки тонах, мог быть составлен, вероятно, уже после убийства Никифора в 369 г. на основе реконструируемого памятника X в. — так называемой «Истории Фок», послужившей источником для целого ряда исторических сочинений (Продолжатель Феофана, Лев Диакон, Иоанн Скилица и др.).

Среди разноязычных источников о поездке княгини Ольги в Константинополь и ее крещении, к числу которых относятся и древнерусские «Повесть временных лет» и «Память и похвала князю Владимиру», и латинская «Хроника Продолжателя Регинона», и византийские хроники Иоанна Скилицы (XI в.) и Иоанна Зонары (XII в.), сочинению Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» принадлежит особая роль. Описание приема Ольги в Константинополе в 15-й главе книги II является не только единственным свидетельством современника, очевидца, даже участника событий, но и главного их организатора и постановщика (Литаврин. 1981. С. 41). Как верно отметил Г.Г. Литаврин, данная часть трактата «О церемониях» в значительно большей степени, чем другие сочинения, дошедшие под его именем, является трудом непосредственно самого правителя Византии. К тому же это сочинение было создано как официальное руководство с изложением принципов и норм византийской дипломатии. Наконец, при подготовке текста Константина или его помощники использовали официальные документы своей канцелярии, протоколы приемов Ольги, регистрационные записи.

Описание Константина — самый полный и подробный отчет о пребывании Ольги в Византии. Так, Иоанн Скилица лишь кратко сообщает о рассматриваемом событии:

«И жена некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь. Крещенная и открыто сделавшая выбор в пользу истинной веры, она удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой» (Scyl. 240. 77—81).

Текст же Константина доносит детальные подробности приемов Ольги, которую он называет архонтиссой (ср. «архонты родов» в сочинении «Об управлении империей»), в византийской столице:

«Другой прием — Эльги Росены (т.е. «русской». — *Авт.*). Девятого сентября, в четвертый день [недели], состоялся прием... по прибытии Эльги архонтиссы России. Сия архонтисса вошла с близкими, архонтиссами-родст-

венницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет (т.е. логофет дрома — начальник ведомства почт и внешних связей. — *Авт.*) обычно задает вопросы. За ней вошли послы и купцы архонтов Росии и остановились позади у занавесей. Все дальнейшее было совершено в соответствии с вышеописанным приемом.

Выйдя снова через Анадендрарий (оранжерея. — *Авт.*) и Триклин кандидатов (зал дворца. — *Авт.*), а также триклин, в котором стоит камелавкий (вид императорского венца. — *Авт.*) и в котором посвящают в сан магистра, она прошла через Онопод и Золотую руку, т.е. портик **Августия**, и села там. Когда же василевс обычным порядком вступил во дворец, состоялся другой прием следующим образом.

В Триклине Юстиниана (зал Юстиниана II. — *Авт.*) стоял помост, украшенный порфирными дионисийскими тканями, а на нем — большой трон василевса Феофила, сбоку же — золотое царское кресло. За ним, позади двух занавесей, стояли два серебряных органа двух партий, ибо их трубы находились за занавесями. Приглашенная из Августия, архонтисса прошла через Аспиду, ипподром и внутренние переходы самого Августия и, придя, присела в Скалах (строение, примыкающее к Триклину Юстиниана. — *Авт.*). Деспина (императрица Елена. — *Авт.*) между тем села на упомянутый выше трон, а ее невестка — в кресло. И [тогда] вступил весь кувуклий (дворцовые евнухи. — *Авт.*), и препозитом (начальник евнухов. — *Авт.*) и остиарием (привратник. — *Авт.*) были введены вилы (вельможи различного ранга. — *Авт.*): вила первая — зост, вила вторая — магистриссы, вила третья — патрикиссы, вила четвертая — протоспафариссы-оффициалы, вила пятая — прочие протоспафариссы, вила шестая — спафарокандидатиссы, вила седьмая — пафариссы, страториссы и кандидатиссы (перечислены жены всех титулярных особ. — *Авт.*).

Итак, лишь после этого вошла архонтисса, введенная препозитом и двумя остиариями. Она шла впереди, а родственные ей архонтиссы и наиболее видные из ее прислужниц следовали за ней, как и прежде было упомянуто. Препозит задал ей вопрос как бы от лица августы (императрицы. — *Авт.*), и, выйдя, она [снова] присела в Скалах.

Деспина же, встав с трона, прошла через Лавсиак и Трипетон (путь через вестибюль Хрисотриклина. — *Авт.*), и вошла в Кенургий («новое строение» во дворце. — *Авт.*), а через него в свой собственный китон (покои императрицы). Затем тем же самым путем архонтисса вместе с ее родственницами и прислужницами вступила через [Триклин] Юстиниана, Лавсиак и Трипетон в Кенургий и [здесь] отдохнула.

Далее, когда василевс с **августой** и его багрянородными детьми уселись, из Триклина Кенургия была позвана архонтисса. Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала.

В тот же самый день состоялся клиторий (званный обед. — *Авт.*) в том же Триклине Юстиниана. На упомянутой выше трон сели деспина и невестка. Архонтисса же стояла сбоку. Когда трапезит (распорядитель пира. — *Авт.*) по обычному чину ввел архонтисс и они совершили проскинесис (ритуальное простираание ниц перед императором. — *Авт.*), архонтисса, наклонив немного голову, села к апокопту (стол для высших персон. — *Авт.*) на том же месте, где стояла, вместе с зостами, по уставу. Знай, что певчие, апостолиты и агиософиты (т.е. певчие храмов св. Апостолов и св. Софии. — *Авт.*) присутствовали на этом **клитории**, распевая василикии (па-

негирики в честь василевса. — *Авт.*). Разыгрывались также и всякие театральные игрища.

А в Хрисотриклине («золотой зал» дворца. — *Авт.*) [в то же время] происходил другой клиторий, где пировали все послы архонтов Росии, люди и родичи архонтиссы и купцы. [После обеда] получили: анепсий (племянник или двоюродный брат. — *Авт.*) ее — 30 **милиарисиев** (серебряная монета, одна тысячная золотого фунта. — *Авт.*), 8 ее людей — по 20 **милиарисиев**, 20 послов — по 12 **милиарисиев**, 43 купца — по 12 **милиарисиев**, священник Григорий — 8 **милиарисиев**, 2 переводчика — по 12 **милиарисиев**, люди Святослава — по 5 **милиарисиев**, 6 людей посла — по 3, переводчик архонтиссы — 15 **милиарисиев**.

После того как василевс встал от обеда, состоялся десерт в Аристирии (зал для завтрака. — *Авт.*), где стоял малый золотой стол, установленный в Пентапиргии (зал, где выставлялись сокровища. — *Авт.*). На этом столе и был сервирован десерт в украшенных жемчугами и драгоценными камнями чашах.

Сидели [здесь] василевс, Роман — багрянородный василевс, багрянородные их дети, невестка и архонтисса. Было вручено: архонтиссе в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше — 500 **милиарисиев**, 6 ее женщинам — по 20 **милиарисиев** и 18 ее прислужницам — по 8 **милиарисиев**.

Восемнадцатого сентября, в воскресенье, состоялся клиторий в Хрисотриклине. Василевс сидел [здесь] с росами. И другой клиторий происходил в Пентакувуклии св. Павла, где сидели деспина с багрянородными ее детьми, с невесткой и архонтиссой. И было выдано: архонтиссе — 200 **милиарисиев**, ее анепсию — 20 **милиарисиев**, священнику Григорию — 8 **милиарисиев**, 16 ее женщинам — по 12 **милиарисиев**, 18 ее рабыням — по 6 **милиарисиев**, 22 послам — по 12 **милиарисиев**, 44 купцам — по 6 **милиарисиев**, двум переводчикам — по 12 **милиарисиев**» (Const. Cer. 594.15-598.12; цит. по: Литаврин. 1981. С. 42-44).

В последнее время развернулась оживленная дискуссия о датировке посольства (или посольств) княгини Ольги. Литаврин (1981; 1989) доказывает, что Ольга ездила в Константинополь дважды. Первый визит, датируемый 946 г., был связан с утверждением договора Руси и Византии 944 г. и направлен на получение более благоприятных торговых условий и на укрепление политических связей с империей. Второй — это упомянутая летописцем поездка под 954/55 г. по приглашению византийского двора, увенчавшаяся большим успехом, в том числе крещением Ольги. Посольство укрепило союз двух государств, вслед за чем возросла военная помощь Византии со стороны Киева. В ходе поездки Ольга приняла христианство.

Таким образом, в русских летописях слились не только две версии рассказа о путешествии Ольги — «императорская» и «патриаршая», но и два путешествия Ольги. Константин Багрянородный после посещения Ольги 946 г. выступает в своем труде «Об управлении империей» как русофоб. «Патриаршая» же версия связана в основном с событиями второго путешествия и по-

вествует о благоприятных результатах вояжа — о крещении, о почестях, оказанных княгине императором. Тогда же, по мнению Литаврина, скорее всего, и был заключен новый русско-византийский договор, предусматривавший значительное повышение оплаты воинской помощи Руси со стороны Византийской империи.

А.В. Назаренко (Назаренко. 1989), возражая Литаврину, приходит к заключению, что на основе имеющихся данных гипотезу о датировке приемов Ольги в Константинополе 946 г. «нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Она возможна, так же как и гипотеза о 957 г.» Решающее значение придается данным «Повести временных лет», противоречащим, по мысли исследователя, предположению о поездке Ольги в 946 г. и указывающим лишь на 957 г.

В книге Константина приводятся примеры организации приемов различных иноземных послов. Обращает на себя внимание эстетическое, эмоциональное воздействие на гостей увиденного в византийской столице: им обычно демонстрировались императорские и церковные сокровища, памятники искусства, драгоценности. Этой же цели служили и богатые, часто ошеломляющие подарки визитерам, поднесение которых сопровождалось особым ритуалом.

Сакральная важность церемоний, внимание к каждому слову и даже жесту, движению, местонахождению во время приемов в византийской дипломатической практике сказалось в том, что центральными фигурами императорского ведомства международных отношений были специальные должностные лица очень высокого ранга — логофет дрома («министр»), магистр оффикиев и магистр церемоний.

Для принципов и методов византийской дипломатии был характерен определенный дуализм: это было всегда сочетание консерватизма мышления и чуткой гибкости в практике, агрессивного империализма и политического благородства. Поэтому на первый план при анализе русско-византийских дипломатических отношений этого времени выдвигается исследование соотношения между политико-идеологической доктриной, использовавшейся Византией, и реальностью военно-политических планов, стоявших перед правителями крепнущего Древнерусского государства.

Важным для Византии результатом заключавшихся русско-византийских соглашений было участие русских войск в боевых операциях византийской армии. На сохранение союза двух го-

сударств после дипломатических акций княгини Ольги указывает участие русских соединений в войнах Византии в конце **950—960-х** годах при императорах Романе II (959—963 гг.) и Никифоре Фоке (963—969 гг.). Продолжатель Феофана так повествует об отвоевании Крита у **арабов**:

«Самодержец Роман, узнав о нужде, затруднениях и недостатке провианта в войске, тотчас по доброму совету паракимомена Иосифа отправил им продовольствие. Наши немного воспряли духом. Уже почти восемнадцать месяцев, а то и больше вели они осаду, критяне израсходовали запасы продовольствия и деньги и, доведенные до крайности, ежедневно перебегали к магистру; и вот domestик сходил в марте шестого индикта по велению всем управляющего Бога призвал войско к битве и приготовил к сражению отряды, щиты, трубы. Приготовив все это, он приказал начальникам **тагм** и фем, армянам, росам, славянам и фракийцам наступать на крепость. Одни теснили, другие оттесняли, схватились друг с другом, метали камни и стрелы, а когда продвинулись к стенам и бойницам гелеполы (осадные орудия. — *Авт.*), напали на нагнецов страх и ужас. И после короткого сражения наши взяли город» (Theoph. Cont. 480.18—481.11; цит. по: Продолжатель Феофана. С. 198).

В дальнейшем, уже в правление Никифора Фоки, у арабов отвоевывается Кипр, Киликия, Антиохия (969 г.). Дружина росов участвовала и в неудачной экспедиции византийского флота на Сицилию в 964 г.

4.3. ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Последний из известных по русским летописям договор Руси и Византии связан с итогами войны князя Святослава в византийских дунайских провинциях в 970—971 гг. Наиболее полную информацию о ходе этих событий мы черпаем из «Истории» византийского писателя *Льва Диакона*. Она была написана, вероятно, после 992 г. в пору правления Василия II и охватывала царствование трех его предшественников: Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, т.е. 959—976 гг. (в повествование вставлены и эпизоды из первых лет правления Василия II). Родившийся ок. 950 г. в малоазиатском селении Калой, Лев приехал учиться в столицу империи, там стал диаконом, и в правление Василия II состоял в придворном клире. В этом качестве он и сопровождал василевса в окончившийся неудачей болгарский поход 986 г.: участие в политических событиях последней трети X в., видимо, и дало историку право говорить в своем историческом труде об описании событий на основании собственного личного опыта, а не по литературным источникам. Впрочем, Лев Диакон,

как это теперь выяснено, подобно другим своим современникам, воспользовался и так называемой «Историей Фок», и, возможно, документальными материалами.

Конец книги VII и вся книга IX «Истории» Льва Диакона посвящены описанию сражений армии Святослава с византийским войском у Доростола (Дристры). Лев Диакон представляет росов в высшей степени воинственным племенем:

«Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев (т.е. византийцев. — *Авт.*), и дрались, напрягая все силы» (Leo Diac. 140.16-20; цит. по: Лев Диакон. С. 74).

Вместе с тем он отказывает им в воинском искусстве, утверждая, что они сражаются лишь в пешем строю и совершенно не могут ездить верхом и потому непригодны для кавалерии. Кроме того, они пасуют под ударами техники: «Они не могли выдерживать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов» (Leo Diac. 148.2—5; цит. по: Лев Диакон. С. 77). Воинский опыт и стратегическое мастерство византийской армии противопоставляются звериным повадкам противников:

«Росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство» (Leo Diac. 141.3—6; цит. по: Лев Диакон. С. 74).

Лев Диакон знает поименно как русских князей, так и некоторых предводителей его войска. Он называет «Сфенкела, почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава, доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в том бою» (Leo Diac. 144.19-21; цит. по: Лев Диакон. С. 76). Сфендославом, в точной фонетической передаче имен в византийской традиции, назывался князь Святослав. Историк говорит о князе Игоре, напоминая, как «мидийским» (т.е. греческим, по нашей традиции) огнем «ромеи превратили на Евксинском [понте] в пепел огромный флот Ингора, отца Сфендослава» (Leo Diac. 144.5—8; цит. по: Лев Диакон. С. 76). Решающую роль в победе над русскими отводит «греческому огню» и другой, агиографический, памятник — «Житие Василия Нового» (конец X в.).

В описании решающей битвы русско-византийской войны 21 июня 971 г. (Сюзюмов. 1974) рассказывается о втором по значению среди росов — Икморе:

«Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глущи».

бокою фалангу и двинулись им навстречу. Выл между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после **Сфендослава** предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них...» (Leo Diaс. 148.23—149.7; цит. по: Лев Диакон. С. 78).

Много внимания Лев Диакон уделяет описанию обычаев росов и их верований:

«И вот, когда наступила ночь и **засиял** полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили **несколько грудных** младенцев, а также петухов, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Залмоксиса, то ли у соратников Ахилла» (Leo Diaс. 149.17—150.4; цит. по: Лев Диакон. С. 78).

Языческие верования русов описывают и другие источники. О сожжении ими покойников сообщают арабские авторы, об обычае жертвоприношения пленных у славян — **Длугош**, Титмар, Хельмольд. В византийской литературе о массовом заклинании женщин на могиле умершего славянина сообщают Маврикий и Лев VI, а также арабские авторы, Титмар и Бонифаций. Ритуальные удушения описывают Ибн Русте, Ибн ал-Хусаин, Ибн Фадлан, а убийство младенцев — **Псевдо-Кесарий** (VI в.). Хорошо известен славянский обычай топить петуха — символ смерти, О жертвоприношениях петухов во время плавания русов по пути «из варяг в греки» сообщает Константин Багрянородный в X в. (Константин. С. 48—49).

Лев Диакон объясняет происхождение имени *рос* в соответствии с библейской традицией:

«Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и **Marora**, князя Рос» (Leo Diaс. 150.14—19; цит. по: Лев Диакон. С. 79).

Таким образом, Лев Диакон соединяет классическую античную традицию, называя русских «скифами», «тавроскифами», «таврами», с апокалиптической.

Для сопоставления с материалом «Повести временных лет» и текстом русско-византийского договора 971 г. важно описание Львом Диаконем обстоятельств заключения этого соглашения:

«Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой

битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, [на поле] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей... Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «индийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в **Византий** (т.е. Константинополь. — *Авт.*), как было установлено прежде... Император... с радостью принял условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев» (Leo **Diac.** 155.6-156.14; цит. по: Лев Диакон. С. 81).

Описывая церемонию заключения договора, Лев Диакон представляет весьма живописный портрет князя Святослава:

«Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не **слишком** высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клоч волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами» (Leo **Diac.** 156.18-157.12; цит. по: Лев Диакон. С. 82).

Конец Святослава, убитого на обратном пути из Подунавья на Русь печенегами, также хорошо известен Льву Диакону, который завершает подробный рассказ о длительной русско-византийской войне и заключении в ее итоге договора описанием триумфа Иоанна Цимисхия в Константинополе.

Эпоха «великих битв» Византии последней трети X в. породила не только историографические повествования, но и стихотворные эпиграммы «на случай», посвященные тем или иным историческим событиям. Так, *Иоанн Кириот*, или *Геометр* (930 — ок. 990 гг.), монах, священник, автор гимнов, прославляющих Богородицу, св. Пантелеимона, отцов церкви и подвижников-аскетов, прославился стихами военно-политического содержа-

ния — на смерть Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, на набег **ивверов**, на мятеж болгар и т.п. Герой стихотворной похвалы Иоанна Геометра — император Никифор Фока — уподобляется солнцу, слава его подвигов доходит до Крита и Кипра, Тарса и Ан-тиохии.

Однако не только, даже не столько мощь и слава ромейского оружия составляет лейтмотив исторической лирики Иоанна Геометра, сколько постоянно нагнетаемое чувство опасности и страха перед лицом варварского мира — «скифских» племен, «росского всеоружия», устремившегося на Византию. Славянская лексика в сатирическом облике («лай») попадает в одну из эпиграмм Кириота.

Отзвук драматических событий последней трети X в. в истории русско-византийских отношений получил свое отражение не только в историографии и поэзии. Не так давно был издан по хранящейся в Эскуриальской библиотеке под Мадридом греческой рукописи XI в. **тактикон**, т.е. разрядный список или табель о рангах, в соответствии с которым должностные лица и сановники должны были занимать свои места на официальных приемах. «Эскуриальский **тактикон**» (Listes. 1972) датируется как раз временем правления Иоанна Цимисхия или, по другой датировке, началом царствования Василия II (с 979 г.) и отличается от других аналогичных памятников более раннего времени: «Тактикона Успенского» 842—843 гг., «Клиторология» Филофея 899 г. и «Тактикона Бенешевича» 934–944 гг. Этот источник сообщает новые сведения об административном устройстве Руси второй половины X в. и позволяет конкретизировать взаимоотношения Византии с Русью и выходцами из Руси в последней четверти X в.

В новоизданном памятнике впервые упоминается масса небольших военно-административных единиц — стратигий. Так, в Северном Причерноморье, помимо хорошо известной по другим источникам фемы Херсонеса (античный Херсонес, в современном Севастополе), впервые появляется в списке стратег Боспора. Создание этой фемы связывается с последствиями войны Иоанна Цимисхия с целью охраны пределов империи от возможных реальных вторжений русских сил. Фема (область) Боспора прекратила свое существование после взятия Херсона русскими в 989 г. и вновь была образована при Алексее I Комнине в конце XI в., что получило отражение в другом византийском источнике — у современника происходящих событий Мануила Страворомана.

В «Эскуриальском тактиконе» названы и начальники различных воинских подразделений (этерий) византийской армии. В числе новых значится этерия пехотинцев, под которой можно понимать дружину росов, которые служили в византийской армии как раз в пехоте. К тому же в «Книгах царств» Генесия (X в.) под 856 г. упоминаются пехотинцы из «этерии скифов из Таврики», что может также иметь отношение к формированию иноземного корпуса в Византии. Правда, под «тавроскифами» Генесия могут скрываться и хазары (Ahrweiler. 1971. Р. 45), если вообще данный пассаж Генесия не является интерполяцией XI в., так как в других источниках X в., не связанных с историографической традицией Продолжателя Феофана и Генесия, не оговаривается этническая принадлежность указываемых Генесием пехотинцев. Но два последних предположения трудно доказуемы.

Так или иначе, зная о частом привлечении в Византии иноземцев к службе в дворцовой страже и располагая точными данными о русских пехотинцах в составе византийских войск в 50–80-х годах X в., можно с достаточной степенью вероятности предположить, что в этерии пехотинцев, появившейся, согласно «Эскуриальскому тактикону», в 70-х годах X в., находились и выходцы с территории Руси.

4.4. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА РУСИ И ВИЗАНТИИ

Почти столетие спустя после Льва Диакона войны Святослава описал другой авторитетный византийский историк — *Иоанн Скилица*, родившийся после 1040 г. и умерший, вероятно, в первом десятилетии XII в. Выходец из малоазиатской семьи, Скилица был магистром, проедром, эпархом, имел довольно высокие придворные титулы, словом, был видной фигурой в византийской общественной иерархии. Его основное историографическое произведение — «Обозрение историй» («Σύνοψις ἱστορίων») примыкает хронологически к «Хронографии» Феофана, охватывая события с 811 по 1057 г. В книгах, посвященных правлению императоров **Никифора Фоки** и **Иоанна Цимисхия**, рассказывается и о ходе русско-византийской войны Святослава.

Скилица сообщает о византийском посольстве во главе с вельможей Калокиром к «правителю Росии Сфендославу» с целью вынудить его на военные действия против болгар: так в изображе-

нии историка начались балканские походы Святослава. Однако вскоре Святослав стал действовать вместе с болгарами против Византии; в поход «росы и их архиг Сфендослав» собрали триста восемь тысяч воинов. Войско Святослава было многонациональным: у Аркадиополя «варвары,— по словам Скилицы,— разделились на три части: в первой были болгары и росы, турки же и патцинаки (т.е. печенеги. — *Авт.*) выступали отдельно» (Scyl. 288.14—19). Свидетельствует историк и о наличии в армии Святослава сильной конницы, вопреки мнению Льва Диакона.

Среди полководцев росов особо выделяется Сфангел, известный из сочинения Льва Диакона как Сфенкел: «Сфангел, который возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Сфендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взшел на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями» (Scyl. 296.51-56). И в следующей битве, под Доростолом (Дристрой) он показывает чудеса доблести, однако гибнет, и росы терпят после этого сокрушительное поражение, несмотря на еще большую, по сравнению с началом кампании, их численность: войско Святослава насчитывало уже к этому времени триста тридцать тысяч.

В решающей же битве войско росов возглавлял уже другой воевода, также известный из «Истории» Льва Диакона, — Икмор:

«Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения» (Scyl. 304.85—91).

Скилица развивает тему подобия мира «варваров» — росов, или скифов миру зверей:

«Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей» (Scyl. 301.88-92).

Иоанн Скилица излагает свою версию заключения русско-византийского мира 971 г., приписывая инициативу проведения переговоров, в отличие от Льва Диакона, императору Иоанну Цимисхию, первому обратившемуся к Святославу:

«Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносивших страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Сфендославу посольство, предлагая ему единоборство и го-

вора, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властителем всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает больше жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою...» (Scyl. 307.76-308.87).

Но ситуация изменилась не в пользу Святослава:

«Сфендослав, использовав все средства и во всем потерпев неудачу, не имея уже никакой надежды, склонился к заключению договора. Он отправил к императору послов, прося залогов верности и принятия в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, — безопасно приходить по торговым делам. Император принял послов и согласился на все, о чем просили, произнес известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием. После заключения договора Сфендослав попросил о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, растались» (Scyl. 309.34—45).

Гибель Святослава на обратном пути из Византии на Русь представляется закономерным завершением конфликта.

Установившиеся мирные отношения между Византией и Русью сохранялись вплоть до начала 40-х годов XI в. На 1043 г. приходится последний поход Руси на Константинополь, описанный, помимо Скилицы, прежде всего очевидцем многих из изображенных им событий — византийским писателем, философом и политиком, эрудитом *Михаилом Пселлом* (1018 — после 1096/97 гг.). Его «Хронография», охватывая столетний период византийской истории (976—1075 гг.), как бы продолжает «Историю» Льва Диакона и завершается описанием правления Михаила VII. В изложении событий в начальных разделах «Хронографии» Пселл, вероятнее всего, пользовался источниками, которые были у него общими с Иоанном Скилицей, далее же идет повествование о событиях, непосредственным участником и свидетелем которых был сам Пселл.

Родившись в Константинополе в семье чиновника, Пселл получил прекрасное образование. При Михаиле V (1041-1042 гг.) он уже при дворе (императорский секретарь), а при Константине IX Мономахе (1042-1055 гг.) кривая его карьеры резко взметнулась вверх: он становится приближенным ученым-советником василевса, — эту роль Пселл отводит себе в «Хронографии» при описании правления почти всех последующих императоров. Вскоре он уже глава философской школы столичного «университета».

Сообразно с учеными устремлениями Пселла формировались и особенности его историзма. Так и в рассказе о последней русско-византийской войне он подчеркивает свое присутствие, причем рядом с императором, во время битвы.

«Неисчислимое, если так можно выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду (Мраморное море. — *Авт.*). Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город...

Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами. ...[Когда] власть перешла к безвестному Михаилу (Михаилу V, правившему пять месяцев в 1041-1042 гг. — *Авт.*), варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, проделав все втайне, собрали большой флот и готовы быстро двинуться на Михаила... Пока все это происходило и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий, власть же досталась Константину (IX. — *Авт.*), и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была беспричинная причина их похода на самодержца.

Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче статеров на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе, как на одном из кораблей... Когда послов не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями...

...Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота..., он торжественно возвестил **варварам** о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок...

И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильного душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, пока что спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения, сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли вперед...

В тот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уж наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но **большая** часть их обратилась в бегство...

И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море» (Mich. Psell. II.8.12–12.21; цит. по: Пселл. С. 95–97).

О причинах войны 1043 г. иначе рассказывает Иоанн Скилица, писавший чуть позже ученого историографа и риторика. Он повествует о какой-то ссоре между купцами на константинопольском рынке, в результате которой был убит знатный русский. В ответ на это князь Владимир Ярославич собрал союзное стотысячное войско и, отвергнув извинения прибывших послов от василевса Константина Мономаха, двинулся на Царьград (Scyl. 430.41—48). Другой византийский историк XI в. — *Михаил Атталиат* (1030/35—1085/1100 гг.) — указывает, что русское войско насчитывало четыреста военных судов (Mich. Attal. 20.11-13). Инициативу в начале переговоров уже у Константинополя Скилица также отдает византийцам: послы василевса, отправленные первыми к русским, узнали о требовании росов выплатить по три литры золота на каждого своего воина (Scyl. 431.68-70).

Поход Владимира Ярославича на Царьград в 1043 г. нашел отражение и в русских летописях, где предводителем войска назван Вышата: Владимир, согласно летописцу, также участвовал в походе, однако русский флот был разбит морским штормом (ПВЛ. 67). Выбравшиеся на берег воины во главе с Вышатой, по «Повести временных лет», были пленены византийцами, ослеплены и три года томились в неволе. Причина рассматриваемого военного конфликта определяется на основе совокупного рассмотрения всех, часто противоречащих друг другу источников (Литаврин. 1967. С. 71—86). Она кроется в изменении политического курса Константина IX Мономаха по отношению к варяго-русскому корпусу, в попытке его расформировать. Не случайно именно в этот момент уходит из Византии со своими норманнскими воинами Харальд Суровый Правитель (1015—1066 гг.) (позднее король Норвегии), находившийся на службе у византийских императоров с 1034 г. Константин, однако, его не отпускает, и Харальду приходится тайно бежать. В византийской литературе об этом, известном также по исландским сагам, эпизоде (см. часть V, гл. 5.2), а также о дальнейшей судьбе Харальда сообщает византийский автор наставительного трактата, не совсем точно называвшегося в науке «Стратегиконом», Кекавмен, живший во второй половине XI в.:

«Аралът при Мономахе захотел, отпросись, уйти в свою страну. Но не получил позволения — выход перед ним оказался запертым. Все же он тайно ушел и воцарился в своей стране вместо брата Юлава» (Кекавмен. С. 284-285).

Обострение отношений между **варяго-русскими** наемниками и императором отразилось и на отношении византийцев к Руси в целом: убийство в Константинополе «знатного скифа» — русского купца и стало, по словам как Скилицы, так и хрониста XII в. Иоанна Зонары (Zon. 631), предлогом войны. Вряд ли случайным совпадением может быть произошедшее в это же время, судя по актам Русского монастыря на Афоне, разорение пристани и складов Русика, как называлась эта обитель (Акты. № 3).

Однако вскоре после конфликта отношения Византии и Руси были восстановлены, а заключенный в 1046 г. мир был утвержден браком Всеволода Ярославича с дочерью императора, скорее всего, Марией.

4.5. РУССКИЙ ВОИНСКИЙ КОРПУС В ВИЗАНТИИ

Продолжала свою службу и наемная дружина варягов и росов. Упоминаний об ее участии в византийских войнах XI в. много. Это я кампания против сельджуков в Грузии в 1053 и 1074 гг., а также в Армении в 1057 и 1071 гг., битвы с печенегами на территории Фракии и Македонии в 1050 г., бои с сицилийскими норманнами в 1047 г., а затем у Отранто в 1064 г. Во многих случаях росы прямо названы участниками сражений. Они помогают византийским императорам, не раз защищая их во время мятежей, столь частых в византийской истории XI в.

Однако мы практически ничего не знаем о корпусе в XII в., что позволило сделать вывод о прекращении деятельности росов в Византии. И только анализ эволюции основного источника по истории варяго-русской дружины — афонских актов позволил пересмотреть это заключение. В четырех актах второй половины XI в. из архива Лавры св. Афанасия (Act. Laur. № 33, 38, 44, 48) перечисляются иностранные наемники, входившие в состав византийской армии, в том числе русские, варяги, кулпинги (колбяги), болгары и др.

В первом из наших хрисовулов — Act. Laur. № 33, датированном **1060** г., византийский император Константин X Дука подтверждает **решения** хрисовулов Константина VII Багрянородного (утерян) и Константина IX Мономаха (Act. Laur. № 31 от 1052 г.) относительно освобождения Лавры от постоя наемников на византийской службе. На первом месте в списке стоят варяги и русские (**Βαράγγων, Ῥώς** — Act. Laur. 33.81). Следующий до-

кумент (Act. Laur. № 38) от июля 1079 г. — хрисовул Никифора III Вотаниата, подтверждающий старые императорские распоряжения, в том числе дарение василевсом Романом III Аргиром в 1031 г. монастырю Мелана острова **των Νεῶν**, освобожденного от регулярных государственных налогов, среди которых — постой наемников. На первом месте опять стоят русские, варяги и кулпинги-колбяги [**Ρῶς, Φαράγγ(ων), Κουλίγγ(ων)**] — Act. Laur. № 38.29-30]. В хрисовулах Алексея I Комнина (Act. Laur. № 44 от марта 1082 г. и Act. Laur. № 48 от мая 1086 г.) подтверждаются дарения Льву Кефале имений с освобождением от всех «взысканий», включая постой наемников, среди которых на первом месте опять русские, варяги и кулпинги [**Ρῶς, Φαράγγ(ων), Κουλίγγων**] — Act. Laur. № 44.26; Act. Laur. № 48. 27-28].

Со времени исследования Васильевского представления об эволюции состава наемного корпуса византийской армии остаются в целом неизменными. Считается, что в результате притока в Византию англо-саксов после завоевания в 1066 г. Англии норманнами русские, игравшие важную роль в наемном корпусе византийской армии в **40–60-х** годах, уступают свое место с 70-х годов XI в. выходцам из Англии и Скандинавии (Васильевский. 1908. Т. I). Чтобы понять значение наших материалов, необходимо рассмотреть изменения формуляра документов, а затем их место среди других типов источников.

Наши документы — акты одного типа: это императорские хрисовулы, т.е. жалованные грамоты, юридически оформляющие или подтверждающие дарение определенных владений или предоставление некоторых владельческих прав и привилегий. Последние составляют содержание иммунитетных формул актов. Объем иммунитетных прав в них различен: он может касаться широты охвата объекта, относясь к податной, административной или судебной областям, может дифференцироваться и по степени интенсивности — от свободы от всех фискальных повинностей и права юрисдикции до условного освобождения от некоторых «взысканий» при обязательстве, например, платить регулярные налоги податным сборщикам. Наши акты неодинаковы в этом плане: например, сумма прав в Act. Laur. № 44 в целом больше, чем в остальных документах. Но сейчас важно, что интересующие нас материалы составляют часть экскюссионных формул. Экскюссия (сам термин в связи с постоем солдат употреблен в трех актах — кроме Act. Laur. № 33) рассматривается в уз-

ком смысле — как освобождение от нерегулярных, экстраординарных повинностей, в первую очередь — от обязанностей принимать в своих владениях различных чиновников. Поэтому естественно, что в формулярах наших актов прежде всего речь идет о постое наемников. Общность типа наших документов обусловлена и тем, что они являются актами подтвердительными. В некоторых случаях сохранились акты, на которые ссылаются наши грамоты, а также более поздние их подтверждения (Act. Laur. № 32, 33, 36). Итак, учитывая особенности типа наших источников и сферу отношений, выясняемых на основе их данных, можем сравнить их формуляры для выяснения тенденции развития экскузионных формул, содержащих сведения о русских и других народах Восточной Европы.

Даже чисто внешнее сопоставление формуляров рассматриваемых грамот позволяет установить расширение списка иноземцев. Если в Act. Laur. № 33 указаны варяги, русские, сарацины, франки, то в Act. Laur. № 38 — русские, варяги, кулпинги, инглины, немцы, болгары и сарацины. Сходные данные мы получим и из других императорских постановлений этого времени: в хрисовуле 1073 г. впервые упомянуты кулпинги; варяги, русские, сарацины, франки, кулпинги, болгары упомянуты в актах 1074 и 1079 гг. Наконец, в хрисовуле 1088 г. список увеличивается за счет аланов и авасгов.

Императорские хрисовулы данного периода вообще характеризуются обширностью и дробностью разделов, посвященных освобождению дарополучателей от повинностей. Лаврские акты, вышедшие из императорской канцелярии при Константине IX (Act. Laur. № 31 от 1052 г.), Михаиле VI (Act. Laur. № 32 от 1057 г.) и др., разительно отличаются от однотипных документов X в. Последние, будучи даже жалованными грамотами, не имеют развернутых иммунитетных формул. Более того, установившийся во второй половине XI в. тип формуляра наших актов сходит на нет с последнего десятилетия XI в.: сначала исчезли заключительные разделы, появляются небольшие отличия в формулировках, затем дробный формуляр перестает существовать и, наконец, преобразуется целиком стиль составления документа.

Эволюция особенностей самого источника, используемого для изучения изменений в составе наемного корпуса на византийской службе, имеет важное значение для наших выводов о русских и других интересующих нас народах в этом корпусе. Исчезновение подробных разделов об освобождении от податей,

а затем и изменения формулировок, языкового стиля документов с начала 90-х годов XI в., резкое отличие манеры письма и оформления актов, — всё ведет к тому, что с этого времени мы теряем важный источник по истории русского военного корпуса в Византии — императорские акты: документы XII в. не содержат сведений, в которые включалась бы интересующая нас информация. Выводы об иноземцах-наемниках в XII в. строятся уже на основании совершенно другого типа исторического источника — нарративных сочинений, памятников риторики и поэзии. Но в них сведений о русских вообще меньше, чем в XI в., что объясняется отсутствием прямых военных столкновений Византии и Руси. Более того, этнические определения в памятниках литературы, как правило, нечетки, и большое значение имеет традиционное употребление этнонимов. Последнее касается и сведений об иноземном корпусе: в беллетристике XII в. обозначение наемников сводится к общим местам, доходя до штампа, — «скифская» конница, аланская пехота, «британская» секироносная гвардия. Эти образы, повторяющиеся во многих источниках, и дали основание для заключения об изменившемся по сравнению с XI в. составе корпуса.

4.6. РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ВИЗАНТИЯ В XII-XIII ВВ.

Одним из ярких примеров не прекращавшихся в XII в. контактов между древнерусскими княжествами и Византией является посольство Мануила Комнина на Русь в 1165 г., описанное историком, императорским секретарем *Иоанном Киннамом* (после 1143 г. — начало XIII в.). Участник походов императора Мануила I (1143—1180 гг.), он был свидетелем многого из того, что сохранило его «Историческое повествование»; как императорский секретарь («грамматик») историк был осведомлен и о документах, протоколах, договорах, тексты которых хранила византийская императорская канцелярия.

Византийское посольство на Русь описано Киннамом в связи с событиями византино-венгеро-русских политических и династических взаимоотношений в середине 60-х годов XII в. Рассказ о посольстве Мануила Комнина включен Киннамом в следующий контекст: венгерский король Иштван (Стефан) III снова отнял г. Срем у Византии и поставил под угрозу нападения г. Зевгмин (Землин) (Cinn. 231.6—232.12). Эти события датиру-

ются 1165 г. Император Мануил I направляет Иштвану III грозное послание (Cinn. 231.8-21), но, несмотря на угрозы, Иштван не изменяет свою политику. Мануил тогда отчетливо представил себе неизбежность войны и вновь захотел возвести на престол Венгрии своего ставленника Иштвана IV (Cinn. 231.21—232.3). На Руси же в это время скрывался бежавший в 1164/65 г. из Византии Андроник Комнин — племянник василевса Иоанна II Комнина. Он, видимо, подозревался в покушении на узурпацию власти, и небезосновательно: позднее в 1183 г. он захватил императорскую власть, став василевсом Андроником I, но ненадолго. В 1185 г. его свергли. В это-то время и направляется посольство Мануила на Русь.

«А Мануил, который возводил свой род к **Комнинам**, прибыл к народу тавроскифов, чтобы напомнить их архонту о соглашениях, в [верности] которым он давал клятву василевсу, а также, чтобы укорить его за дружбу с Иерославом — правителем Галиции. Ибо Иерослав не только вообще нарушил союз с ромеями, но принял и удостоил милостью Андроника, о котором теперь мы расскажем подробнее, — бежавшего из тюрьмы во дворце, где содержался, я думаю, девять лет до того, как прийти к нему» (Cinn. 231.3-11).

Далее следует подробный рассказ о бегстве Андроника Комнина из константинопольской тюрьмы.

«Вот так Андроник, бежав из темницы, пришел к тавроскифам. Нам же следует вернуться к тому, о чем шла речь.

Тот Мануил пришел к Примиславу, как по названным [причинам], так и с целью привести оттуда вспомогательное войско для ромеев. Ему было предписано переговорить о помощи и с самим архонтом тавроскифской [страны] Росиславом. И он, действительно, добился цели. Чрезвычайно обрадованные, что такого [высокого] посла отправил к ним василевс, они обещали выполнить все, что угодно василевсу.

Василевс не обошел поэтому вниманием и Иерослава; различными условиями он возбудил его против Стефана, направив ему следующее [послание]: «Мы не уподобимся тебе в недружелюбии, которое ты без всякой нужды явил по отношению к нам, когда пренебрег словами и договорами, в которых ты клялся прежде. Я ставлю [тебя] перед лицом [твоего] бесчестия, [поскольку] ты сам рискуешь оказаться совершенно обесчещенным. Знай, что ты отдаешь замуж свою дочь за короля пеонцев — человека злонаправленного и ужасно ненадежного в помыслах, ибо он никогда и никак не внимал ни праву, ни истине. А человеку, чуждому как естеству, так и законам, я считаю, легко сделать все, во что бы он ни был вовлечен. Итак, да не женится Стефан на твоей дочери! Если же женится, то будет с ней связан не более, чем с распутницей. Ибо тот, кто так погрешил по отношению к нашей державе, не постыдившись недавно данные клятвы **обратить** в шутку,— подумай, как бесчеловечно поступит он **по отношению** к тебе!»

Выслушав эти слова с какой-то варварской простотой, Примислав тотчас же был убежден и на зятя стал коситься как на врага и согласился помогать всеми силами ромеям в войне против него.

Есть в тавроскифской стране город по имени Киама (Киев. — *Авт.*), который превосходит все другие города, воздвигнутые там, и является метрополией этого народа, так как сюда прибывает и архиерей из Византия (Константинополя. — *Авт.*). У города есть и другие привилегии старшинства. Так вот, правитель этой страны и сам стал союзником в войне против Стефана, решение о чем подтвердил клятвами» (Cinn. 232.3—11; 234.22–237.1).

Обращают на себя внимание упоминания русских князей. Ярослав — это галицкий князь Ярослав (1153—1187 гг.), сын князя Владимира Галицкого, сильный, могучий правитель разросшегося к тому времени княжества. Что касается русского князя **Примислава**, то существуют различные предположения, когда именно здесь имеет в виду Киннам. Можно считать, что так назван Первослав — по аналогии с сербским династом Первославом, упоминаемым Киннамом в другом месте (Cinn. 204.2) и названным там Примиславом. Тогда Первослав может быть отождествлен с Ярославом, согласившимся выставить вспомогательное войско (Cinn. 235.1). Из этих отождествлений делается вывод о дружественных отношениях между Византией и Галичем ок. 1165 г. вопреки распространенному суждению об ухудшении византино-галицких отношений при Ярославе. Правда, имея в виду возможность подобных идентификаций, необходимо учесть, что в византийских текстах имена русских князей передаются в очень искаженной форме, что не позволяет проводить обоснованных атрибуций на основе этих сопоставлений. Так, например, Иоанн Скилица сообщает: «Скончались архонты росов Несислав и Иерослав, и был избран править росами родственник скончавшихся Зинислав» (Scyl. 399. 13—14). Очевидно, что имена перепутаны при транслитерации и не поддаются определению. Как у Скилицы, так и в случае с Киннамом возможная порча текста не позволяет дать твердое предпочтение ни одному из предположений.

Наконец, упоминаемый Росислав — это великий князь киевский Ростислав Мстиславович (1161—1167 гг.). По сообщению Киннама (Cinn. 236.3), именно он клятвой подтвердил свое согласие оказать Византии помощь в действиях против Венгрии. Итак, отношения Киева с Византией, натянутые в начале правления Ростислава, впоследствии улучшились в результате посольства Мануила Комнина.

Отмечаемая Киннамом безыскусность, простота, бесхитростность росов — одно из общих мест описания «варварского» мира у византийцев. Идущие от античных времен представления

о чистоте человеческих отношений, идиллическом миролюбии и беззаботной веселости стали обычным элементом «этнического портрета» «варварского» мира в византийской литературе, историографии и риторике. В XII в. об этом пишут Никита Хониат в своих риторических сочинениях (Nicet. Chon. Orat. 196.18 и след.), Михаил Хониат (Mich. Chon. Hist. I. 99.31-100.3), выдающийся ритор и мемуарист Евстафий Солунский (Eust. Thess. 64.6 и след., 75.8 и след.).

Анализируя воззрения византийцев XII–XIII вв. на место Древней Руси в средневековом мире, можно установить несколько уровней оценки. Первым уровнем будет традиционная оппозиция ромеев и «варваров»: Русь, наследница «скифского» прошлого, не входящего в пределы империи, рассматривалась в рамках этой оппозиции у Киннама и Никиты Хониата. Причем, помимо нейтрально-технического значения понятия «варвар» (как не-эллин), обнаруживаются и оценочно-отрицательные: так Хониат и Никифор Васибеки придерживаются античного еврипидовского представления о жестокости «тавроскифов», убивающих чужестранцев, их нечестии и богоборстве; об Андронике I Комнине замечается, что страсть к кровавым зверствам он обрел во время странствований среди варваров, в том числе на Кавказе и Руси.

Однако, наряду с традиционным, окрашенным оттенками литературных античных реминисценций уровнем, в византийских памятниках отражен и другой вид воззрений: Русь оказывается важнейшим звеном христианского мира. «Христианнейшим» назван народ, борющийся с половецкими ордами; Русь и связанные с ней народы — оплот православия перед лицом латинского запада. Оппозиция «варвары» — «не варвары» обретает на этом уровне конфессиональный характер: «варвары» — «христиане». Хронологически в византийских источниках укрепление отмечаемого представления о Руси наблюдается с конца XII — начала XIII в. Участие иерархов Руси в церковных соборах, посольства и паломничества в Византию, деятельность Русского афонского монастыря — реальное подтверждение таких воззрений.

Наконец, третьим уровнем определения места Руси в структуре современного общества, по византийским источникам, оказывается прямое сопоставление внутренних общественно-политических систем Руси и Византии, замечаемое нашими авторами сходство процессов социального развития двух государств. Ви-

византийцы четко фиксируют наличие на Руси отдельных соперничающих княжеств; термины, обозначающие князей (ἡγεμῶν, οὐ...ἀρχικῶς προεδρεύοντες, 6 διέπων, δυναστής, τυτὶ'καρχος, ἀρχων — т.е. «игемон», «сидящие во главе», «властитель», «династ», «филарх», «архонт»), соответствуют титулам, применимым к правителям других европейских государств — Венгерскому и Чешскому королевствам, Болгарскому царству, южнославянским государствам. Более того, Никита Хониат повествует о разразившейся к началу XIII в. братоубийственной борьбе, в которой Роман Галицкий разбил «правителя Киева» Рюрика (Nicet. Chon. Hist. 523. 43-9). Еще раз вспоминает он об усобицах среди «тавроскифских» династов в связи с рассказом о борьбе между сыновьями Стефана Немани в Сербии. Политическая раздробленность и внутренняя борьба отмечаются, помимо «тавроскифов» и «далматов», у сельджуков, венгров и многих других народов, причем источником такого процесса, охватившего мир, считается государство ромеев:

«Так, пример братоубийства, показанный в царе-граде, сделался как бы образом, моделью или даже общим правилом для всех концов земли; так что не только персидские, тавроскифские, далматские, как теперь или несколько позже паннонские государи, но и владетельные лица разных других народов, обнажив мечи против единокровных родственников, наполнили свои отчества убийствами и мятежами» (Nicet. Chon. Hist. 532.14-20).

Таким образом, определение нескольких уровней отношения к Руси в византийских памятниках дает возможность выделить представления о сопоставимости общественно-политических процессов на Руси и в других государствах средневекового мира. Важное место феодальной Руси в структуре международных отношений в Европе XII — начала XIII в. подчеркнуто и византийскими авторами-современниками.

В историографии сложилось мнение об ослаблении русско-византийских контактов в XII в. (особенно к концу века): отсутствие прямых военных столкновений, внешнеполитическая опасность для каждой из сторон (кочевники и латиняне) обусловили, как будто бы, ослабление — вплоть до их исчезновения — связей, не зафиксированных источниками. Прекращает существование наемный корпус византийской армии, составленный из русских, вытесненных англичанами. Ничего не известно о Русском монастыре на Афоне с последней трети XII в. и т.д.

На первый взгляд, действительно материала о росах в рассматриваемых источниках не так много, нет и таких документов,

как русско-византийские договоры X в. Однако, если учесть те особенности византийских памятников, о которых говорилось выше, то данных из источников по интересующей нас теме можно получить значительно больше. Это, прежде всего, касается внешнеполитических, военных и посольских отношений.

Для выявления нового материала необходимо обратиться к тем свидетельствам, где нет прямого упоминания русских или тавроскифов: памятуя о византийской приверженности заменять термин описанием, можно понять значение многих важных для нас текстов. Так, анализ речи ритора Михаила — племянника (или близкого человека) солунского митрополита, показал, что за неопределенными намеками можно уловить отражение сложной военно-политической борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе в начале 50-х годов XIII в. Михаил сообщает, что после разгрома «даков» василевс двинулся на «гепидов»; перейдя Дунай, предал «Паннонию» огню, после чего сатрап «гепидов» бежал (Mich. Rhet. Thess. 142.7—14). Здесь речь идет о победе императора Мануила I над венгерским королем в 1151 г. после разгрома сербов. Далее говорится, что эхо этой победы дошло до сицилийцев и «тавроскифов», причем «северный» (архонт?) от «шума молвы тяжело повесил голову». Отождествление «тавроскифов» с русскими позволяет видеть в «северном» династе русского князя, возможно, Юрия Долгорукого — союзника Мануила; данные же речи в целом позволяют предположительно говорить о состоявшемся или готовившемся походе ок. 1152 г. византийских войск в северное Приазовье (может быть, против половцев или киевского князя Изяслава Мстиславича).

Подобным образом можно выявить некоторые свидетельства византийских источников о возможных посольствах русских в Византию. Так, Евстафий Солунский в похвальном слове Мануилу Комнину повествует о народах, некогда агрессивных, теперь же усмирённых: они приезжают в Византию, даже переселяются на жительство, — «агаряне» (турки), «скифы» (кочевники), «пеонцы» (венгры), обитающие за Истром (население Подунавья), и те, кого «овевает только северный ветер» (Eust. Thess. 200.65). Согласно географическим представлениям о делении зон земли в соответствии с направлениями различных ветров, народом, находящимся под северным ветром, являются «тавроскифы», т.е. русские. И Евстафий рассказывает о сильном впечатлении, произведенном Мануилом на иностранцев.

В другой речи Евстафия, написанной, вероятно, после 1173 г., ритор, восхваляя военные успехи императора, образно говорит о подчиненных и зависимых народах как элементах украшения царства Мануила. Упоминая поработанных далматов, пеонцев и скифов, он указывает и на северных, также покоренных, соседей их (FRB. Т.1. 94.30). Это может относиться и к Галицкому князю: о Владимире Галицком Киннам говорит как о союзнике Мануила, подвластном Византии, в начале 50-х годов (Cinn. 115.18—19). Евстафий в речи сообщает и о посольствах в Константинополь с самого края земли (FRB. Т. 1. 103.31 и след.). Эхо побед Мануила достигает «севера» (FRB. Т. 1. 103.31 и след.). В этих словах также скрыт намек на Русь.

Еще в одном слове к Мануилу, произнесенном между 1174 и 1178 гг., Евстафий в удивлении восклицает по поводу посольства к Мануилу архонта из «северных» по отношению к «Пеонии» (Венгрии) земель, ничуть не меньших ее (FRB. Т.1. 40.13—15). Речь опять-таки идет, вероятно, о Галицком княжестве. В этом акте панегирист видит признание верховной власти византийского василевса над другими правителями.

Наконец, среди народов, перечисленных в речи по поводу прибытия в столицу царственной невесты из «Франкии» (имеется в виду свадьба Алексея II, сына Мануила, с Анной-Агнессой, дочерью французского короля Людовика VII в 1179 г.), упомянуты и «северные народы», — в свете наших данных, русские (FRB. Т. 1. 81.9).

Намек на русское посольство можно предположить и во «Взятии Солуни» Евстафия, где сообщается о посланниках «германского филарха» (Филиппа II Французского), «аламанского властителя» (Фридриха I Барбароссы), «посланника Марка» (Конрада Монферратского), «угорского короля» (Белы III), а также другого сильного соседа последнего, — возможно, галицкого князя (Eust. Thess. Esp. 56.25-30).

Определенную информацию дает нам и речь Михаила Ритора — племянника (или близкого человека) митрополита Анхиала, где отражены внешнеполитические события империи в конце 50-х — начале 60-х годов. Описывая успехи Мануила в отношениях с Балдуином III Иерусалимским и др., ритор говорит о том, что «одна только молва устрашает северного», как и «внутреннего северного». Вероятно, здесь содержится намек на Венгрию и Русь, местоположение которых соответствует византийским представлениям о направлении сторон света (Mich. Rhet. Anch. 191.156—158).

Тот же смысл, возможно, имеет сообщение одного из стихов **продромовского** Манганского цикла о власти Мануила над «Бореем» (Prodgr. Mang. 342.7).

О посольстве «скифа» в Константинополь после свержения Андроника Комнина (1185 г.) сообщает Михаил Хониат (Mich. Chon. Т. I. 323.3). Поскольку земли Приазовья в этом **произведении** им называются «гиперборейскими», «киммерийскими», «скифской пустыней» (Mich. Chon. Т. I. 321.5 и след.), не исключено, что и здесь речь идет о Руси. «Север» и «Скифия» синонимичны для него «Тавроскифии» (Mich. Chon. Т. П. 141.14–23).

О посланнике из «северных климатов», о власти василевса над «северными климатами» сообщает Николай Месарит (см.: Биби-ков. 1981. С.77). А. Васильев видит здесь **Трапезунд**, но, как правило, в византийских источниках «северными климатами» называется Крым.

Однако во второй половине XII—**начале** XIII в. русско-византийские отношения не ограничивались, видимо, посольскими делами. Дело, возможно, доходило и до прямых военных столкновений. Так, по сообщению Николая Месарита, участники мятежа Иоанна Комнина 1201 г. требовали, чтобы ромеев не побеждали ни «скиф», ни «болгарин», ни «тавроскиф», ни другие «варвары». А. Гейзенберг видит в «тавроскифах» куманов, но, возможно, речь идет о русских, называемых обычно «тавроскифами». Во всяком случае, из речи Никиты Хониата мы знаем об участии «тавроскифов»-бродников в борьбе болгар против Византии (Nicet. Chon. Orat. 93.18 sq.).

Итак, если полученные сведения прибавить к уже известным и использовавшимся многочисленным данным о военных экспедициях, посольствах и брачных связях, русских паломниках и византийцах, отправлявшихся на Русь, актах упоминаемых в различных нарративных источниках, касающихся русско-византийских связей, то получится картина интенсивных взаимоотношений древнерусских княжеств с Византией на протяжении всего XII и начала XIII в. Конечно, необходима конкретизация и уточнение полученных данных, но можно сказать, что политические связи двух государств не ослабевали в XII в., как считалось ранее.

ГЛАВА 5. ЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ РУСИ И ВИЗАНТИИ

История русской церкви и ее связей с византийским православием известна в основном по древнерусским источникам. Греческие памятники содержат упоминания иерархов Руси; известны также некоторые сохранившиеся как в оригинале, так и в русском переводе произведения древнерусских митрополитов-греков.

Так, благодаря греческой надписи (легенде) на свинцовой печати рубежа X–XI вв. «Иоанн митрополит Росии» (Cognus. № 781) нам достоверно известно имя второго по счету киевского митрополита. Третьему пастырю Руси принадлежала, очевидно, еще одна сохранившаяся свинцовая митрополичья печать с именем Феопемпта («Господи, помози Феопемпту, митрополиту Росии»: Актовые печати. Т. I. С. 44), чье служение упоминается в летописи в 1039 г.

Преемнику Илариона на митрополичьей кафедре греку Ефрему (1054/55 — 1061/62 гг.) принадлежала свинцовая булла «протопродра (протосинкелла)», обозначая тем самым высший придворный ранг иерарха. Три известные греческие печати принадлежали следующему митрополиту Руси — греку Георгию (1062–ок. 1075 гг.), носившему титул синкелла («Господи, помози Георгию, митрополиту Росии и синкеллу»: Актовые печати. Т. I. С. 47). Авторству Георгия приписывается антилатинский трактат «Стязание с латиною» с перечислением 27 пунктов разногласий между православной и западной церковью. Текст памятника, атрибуция которого уже давно вызывает сомнения (Павлов. 1878. С. 48–58, 191–198), сохранился в единственном русском списке XV в. в переводе.

В отличие от сочинения митрополита Георгия, послание Льва, митрополита Переяславля Русского, к римлянам, или латинянам об опресноках дошло до нас и было, очевидно, написано на греческом языке. В древнейших греческих списках XIII–XIV вв. Послание озаглавлено: «Боголюбивейшего Льва, митрополита Преславы на Руси, о том, что не следует употреблять в службе опресноки». Согласно последним исследованиям (Поппэ. 1968. С. 95 и след.), Лев был митрополитом титулярной Переяславской митрополии в 60-х или 70-х годах XI в. Возможность существования в 60-х годах титулярной митрополии в Переяславле определяется по аналогии с известной в то же время подобной епархией в Чернигове: прямые свидетельства о Переяслав-

ской митрополии относятся лишь к **80–90-м** годам XI в. Деятельность Льва, также называемого в научной литературе **Леоном** или **Леонтием**, датируется временем либо до епископства Петра (упоминается в 1072 г.), либо между епископствами Петра и Ефрема (не позднее 1077/78 г.). Однако Поппэ считает, что Лев (Леонтий) уже в 1072 г. был титулярным митрополитом в Переяславле. Появление послания Льва датируется между **1054** и 1085 гг. (дата антилатинского полемического послания **Иоанна II**, митрополита киевского — см. ниже); при этом Поппэ (С. 101) предполагает, что послание было составлено именно в **Переяславле** на Руси.

Послание Льва представляет собой антилатинский полемический трактат в форме диалога, где на каждый кратко сформулированный аргумент оппонента приводятся развернутые опровержения автора памятника. Центральное место в послании отводится проблеме вида хлеба, употребляемого при евхаристии: в вину западной («латинской») церкви ставилось употребление пресного хлеба (опресноков) вместо квасного, использовавшегося при литургии греческой церковью. Этому вопросу уделено 12 из 19 пунктов полемики. Лишь один — последний, касается старого предмета спора двух церквей, основного их догматического расхождения, а именно — исключения из символа веры тезиса об исхождении св. Духа как от Отца, так «и от Сына», что свято сохранялось в оглашениях папской службы («filioque»). Как и во времена схизмы при патриархе Фотии в IX в., проблема filioque вновь становится главным пунктом греко-латинской полемики уже в конце **XI—начале XII** в. В истолковании спорного евангельского текста о «первом дне опресноков» Лев, следуя в определении хронологии пасхальной вечери за Петром Антиохийским, считает, что у евангелистов под ним подразумевался 10-й день первого месяца, начинающий как бы «предпраздник» Пасхи.

Наряду с главной темой послания — проблемой опресноков, в памятнике дискутируются проблемы субботнего поста, совершения полной литургии во время всего великого поста, безбрачия священников, употребления в пищу «удавленыны» и, наконец, учения об исхождении св. Духа (filioque). Возражения предполагаемого оппонента в послании Льва представляют собой, возможно, парафразу возражений папского легата кардинала Гумберта, составленных в июне 1054 г. в Константинополе в самый разгар греко-латинских противоречий. Поппэ (С. 99) предполагает, что перевод «Диалога» кардинала был знаком Льву. Посла-

ние носит риторический характер, словно было рассчитано на использование его текста при проведении публичных диспутов. А. Попов (С. 102) считает возможным проведение подобных дискуссий на Руси во второй половине XI в. Правда, аутентичными данными об этом мы не располагаем.

С **греко-латинской** полемикой об опресноках связано сочинение и другого киевского митрополита — Иоанна II Русского (до 1077/78—1089 гг.). Это послание антипапе Клименту III, датируемое периодом между 1085 и 1088 гг. (Павлов. 1878. С.169—186). В русском переводе сохранились его же «Правила церковные» — важнейший памятник церковно-правового содержания, являющийся главным источником по истории древнерусского канонического права (Памятники. С. 108—120). С **Иоанном II** раньше отождествляли упомянутого в одном из стихотворений Феодора Продрома дядю поэта (Theod. Prodr. № 59. 183—191). Однако более вероятно, что византийский поэт середины XII в. упоминает не известного киевского митрополита, а одного из иерархов, посланного на Русь и носившего имя Мануил. **Единственным** возможным (не без оговорок) иерархом на Руси с этим именем был первый смоленский епископ Мануил Грек, поставленный в 1136 г. и упоминаемый под 1147, 1156 и 1168 гг. (ПСРЛ. Т.2. Стб. 300, 341, 485, 528 и др.), если, конечно, все летописные свидетельства относятся к одному лицу, а не тезкам. Известны и митрополичьи печати с именем Иоанна (Актовые печати. Т. I. С.50—53), атрибуция которых Иоанну II, впрочем, нуждается в дополнительной аргументации. Свидетельство Феодора Продрома дополняет византийский именовослов русской церкви.

К началу — первой половине XII в. относятся греческие сигиллографические свидетельства о двух следующих митрополитах Руси. Это печати «проэдра Росии» Николая (до 1097 — после 1101 гг.) и «архипастыря Росии» Михаила (1130—1145/46 гг.).

Два типа печатей связаны с киевским митрополитом греком Никифором (1104—1121 гг.): один с надписью «Пресвятая, храни меня, Никифора Росии», другой — «Храни меня, Никифора, по твоему Промыслу архипастыря всея Росии, Сыне» (Актовые печати. Т. I. С. 48—49). Только в русских переводах сохранились его четыре послания, написанные, очевидно, по-гречески и адресованные Владимиру Мономаху (одно из них посвящено проблемам разделения церквей) и великому князю Ярославу Святополчичу (также полемическое «Написание на латыну... о ересях»).

Преемником Климента **Смолятича** на киевском церковном престоле был грек Константин I, рукоположенный в Константинополе в 1155 г. (ум. ок. 1159 г.), автор «Речи о жертвоприношении нераздельной Троице во время евхаристии» (PG. Т. 140. Col. 148-153).

Данные византийской сигиллографии указывают на **изменение** в титулатуре (и статусе?) митрополита Руси: на печати Иоанна IV (1163-1166 гг.) иерарх назван церковной главой **«всех Росов»** (**τῶν πάντων Ῥως**; Актовые печати. Т. I. С. 50-52, **55, 175**), а легенды двух моливдовулов и одного хрисовула Константина II (1167—1169 гг.) называют его митрополитом **«всех Руси»** (**τῆς πᾶσης Ῥωσίας**; Актовые печати. Т. I. С. 48-50, 175-176).

С активизацией русско-византийских церковных отношений в XII в. связаны и патриаршие послания из Константинополя на Русь. Лишь в русском переводе дошло до нас послание константинопольского патриарха Николая IV Музалона к епископу Нифонту Новгородскому от 1149 г. (Повесть о Нифонте. С.5).

Другое послание из Константинополя, дошедшее в русской версии, — «Грамота великого патриарха Луки ко князю **Ондрѣю** Ростовскому Боголюбскому», датируемая 1160 или 1168 г. Автор послания — известный константинопольский патриарх Лука Хрисоверг (1157-1169/70 гг.), в юрисдикции которого находилась тогда и русская церковь. Лука Хрисоверг известен как канонист, инициатор постановлений, ограничивающих брак между близкими родственниками, а также полемист, утвердивший Соборное постановление, касающееся острой в Византии середины XII в. догматической проблемы понимания евангельских слов «Отец мой более меня есть». Однако не менее значительна роль этого иерарха в истории русско-византийских церковных взаимоотношений. Один из важных ее эпизодов отражен в рассматриваемом послании, адресованном к великому князю владимирскому Андрею Юрьевичу (**1157—1174** гг.).

Патриарх сообщает о получении в Константинополе грамоты князя, доставленной послом (Пространная редакция называет имя посла: Яков Станиславич), и об оглашении ее на соборе. Патриарх хвалит Андрея за процветание веры в его государстве, о чем известно не только на основании данного послания, но и от княжеского епископа (Пространная редакция уточняет: Нестора), находившегося в то время в Константинополе и засвидетельствовавшего все описанное в послании перед собором и императором, в частности о росте и укреплении княжеского города

Владимира и большом церковном строительстве в нем. В своей грамоте князь просил, чтобы город Владимир и его княжество не подчинялись церковной юрисдикции ростовского и суздальского епископства, но имел бы свою собственную митрополичью кафедру: при этом князь предложил утвердить митрополитом Феодора. Патриарх отвечает отказом, так как на Руси могла быть только одна митрополия — в Киеве. Далее патриарх говорит о получении княжеских грамот, обвиняющих епископа ростовского, которого патриарх, в свою очередь, берет под защиту, говоря о его невиновности и настаивая на том, чтобы князь вновь принял епископа в своем городе. Заключается послание угрозами отлучения ослушавшихся воли патриарха. Пространная редакция подробнее излагает суть догматических расхождений епископа Феодора, ставленника Андрея Боголюбского, с бывшим ростовским епископом — подзащитным патриарха: Феодор считал, что не следует поститься в среды и пятницы, совпадающие с большими праздниками; патриарх обвинял также своего оппонента в отступлении от канонов и в вопросе о celibате.

Ряд особенностей языка документа (сочетание «град Володи-

.....
Πόλις...ἐν ἡ, ...
роки» и «тороци» — от греч. θώραξ — «броня», «оплот», как и транслитерации «пянтикостия» и «пресвитер», вместо соответствующих им слов «пятидесятница» и «старец») свидетельствует о существовании некогда греческого оригинала послания, текст которого оказал лексико-грамматическое влияние на язык древнерусского перевода.

Чисто церковно-канонические, на первый взгляд, проблемы, которым посвящено послание Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому, отражают важные события русско-византийских политических взаимоотношений середины XII в., а также определенные черты развития политической системы самого русского государства.

С одной стороны, послание обнаруживает давно проявлявшееся стремление князя к независимости русской церкви от Константинополя. Развитием политики Ярослава Мудрого, добившегося в XI в. поставления на митрополичью кафедру в Киеве русского иерарха, Илариона, являются действия Андрея Боголюбского, сместившего греческого епископа и выдвинувшего своего ставленника Феодора на самостоятельно образованную владимирскую кафедру, а также киевского князя Изяслава

Мстиславовича, при поддержке которого в середине XII в. митрополитом стал Климент Смолятич, поставленный собором русских епископов, минуя патриарха. С другой стороны, рассматриваемая грамота свидетельствует об активной политической борьбе **Владими́ро-Сузда́льского** княжества за общерусский приоритет своей земли, за превращение своей столицы в общерусский политический центр (Приселков. 1939. С.108). С этим связано и большое церковное строительство во Владимире, о котором идет речь в послании.

Из-за сложности русско-византийских политических и церковных взаимоотношений в середине XII в. Русь в этот период постоянно находится в поле зрения византийских церковных иерархов, что и отражают документы константинопольского патриархата. Послание Луки Хрисоверга не является единственным документом подобного рода. Византия упорно стремилась к усилению своей власти над церковью Руси, намереваясь через духовную сферу оказывать политическое влияние на русских князей.

В связи с поставлением русским митрополитом Климента Смолятича известно упомянутое выше послание константинопольского патриарха Николая IV Музалона, датируемое ок. 1149 г. (Regestes. № 1027); с церковными же проблемами связано и посольство митрополита Константина от византийского императора Мануила I Комнина к Юрию Долгорукому в Киев в середине 50-х годов (Dolger. 1925. Bd.2. № 1406). Русский митрополит (Константин) стал инициатором соборного постановления в Константинополе от 26 января **1156** г. по догматическому вопросу о жертве Христовой при патриархе Константине IV Хлиарене (Regestes. № 1038). Тот же патриарх, судя по Густынской летописи, был автором послания, утвердившего в сане митрополита Руси Константина (конец января — февраль **1156** г.). Наконец, два послания Луки Хрисоверга, предшествующие рассматриваемому документу, также связаны с событиями в русской церкви: это определения против еретика Мартина 1144—1145 гг. и 10 октября 1157 г. (Regestes. № 1046 и 1047) и известный по русским источникам, но, вероятно, существовавший и в греческом оригинале документ посольства ок. **1161** г. посла Андрея от Луки Хрисоверга из Константинополя к Андрею Боголюбскому, ходатайствовавшего о возвращении Нестору ростовской кафедры (Regestes. № 1050), с чем было связано издание тогда же особого сборника постановлений, оправдывающих Нестора перед об-

винениями Андрея (Regestes. № 1051). С патриархом Лукой Хрисовергом связаны и документ, осуждающий ересь Леон(т)а Ростовского (ок. 1162 г.: Regestes. № 1053), и утверждение решения Андрея Боголюбского об установлении праздника Спаса I августа (ок. 1163/64 г.: Regestes. № 1054), и патриаршее посольство к князю Ростиславу (1164/65 г.: Regestes. № 1056), и назначение ростовского епископа (ок. 1168/69 г.: Regestes. № 1084). Тексты большинства этих актов утрачены, но упоминания о них в летописях и ссылки на них свидетельствуют об интенсивности русско-византийских церковных контактов в этот период. Таким образом, рассматриваемое послание Луки Хрисоверга является не изолированным историческим памятником, но представляет собой звено в системе обмена документами в середине XII в. между русскими князьями и митрополитами, с одной стороны, и **василевсами** и константинопольскими патриархами, с другой.

Только благодаря греческой дипломатике нам известен еще один митрополит Руси, поименованный в Синодальном постановлении константинопольского патриархата от 24 марта 1171 г., грек Михаил (**Μιχαήλ Ῥωσίας**). Михаил II занимал митрополичий престол в 70-е годы XII в. (**Ανάλεκτα**. Р. 109. № 33). Сохранившаяся большая свинцовая печать «архипастыря всея Руси» (**ποιμενάρχης Ῥωσίας πάσης**; **Актовые печати**. Т. I. С. 48-49, 176) принадлежала Никифору II, возглавлявшему киевскую кафедру около двадцати лет — со времени до 1183 г. и до начала XIII в. (после 1198 г.). Именно Никифор был, скорее всего, тем «русским архипастырем», который, по свидетельству Никиты Хониата (Nicet. Chon. Hist. 522.25—42), побуждал русских князей к походу на половцев в 1201/02 г. Возможно, что он (или упомянутый выше Никифор I) был автором «Пастырского послания ко всем верующим».

После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. церковные связи Руси и Византии не прерывались: поставление киевских митрополитов оставалось делом вселенских патриархов, оказавшихся вместе с императорским двором в Никее. Никейский патриарх Герман II (1222—1240 гг.) направил в 1228 г. в Киев митрополиту Кириллу I (1224—1233 гг.) известное послание (дошедшее только в русской версии) о непоставлении рабов в священнический сан; в нем князьям запрещалось вмешиваться в церковную юрисдикцию, в частности в имущественные дела монастырей и приходов (РИБ. Т. VI. Ч. I. С. 79-84). В связи

с укреплением тем самым особой власти митрополита по отношению к епископам следует рассматривать и титул в легенде сохранившейся печати — «Кирилл монах милостью Божией архиепископ митрополии Росии» (Актовые печати. Т. I. С. 49, 176).

Также никейским патриархом был рукоположен и другой митрополит Руси — Кирилл И, возглавивший кафедру с 40-х годов XIII в. и ставший последним киевским владыкой (до 1281 г.). Именно с ним связывают авторство многочисленных произведений, сохранившихся в русских текстах. Это «Правило Кюрила, митрополита руськаго», «Поучения к попам», несколько статей в составе «Мерила праведного» и др.; ему же приписывается составление «Галицко-Волынской летописи», а главное, — переработка присланного из Болгарии «Номоканона» для создания «Кормчей книги» (Щапов. 1978. С. 146–152, 181–184).

Таким образом, в XII–XIII вв. очевидна активизация творческой деятельности поставленных из Византии киевских митрополитов, одни из которых известны лишь по летописным упоминаниям и греческим легендам печатей, большинство же из которых оставило яркий след в древнерусской книжности — полемической, догматической, канонической и даже в летописании.

Место русской церкви в структуре епархиальной организации Византии, юрисдикция которой распространялась на Русь с момента учреждения там митрополии, определялась специальными «Перечнями епископий» («Τάξις θρόνων» — «Notitia episcopatum»).

Русская митрополия впервые упоминается в подобном списке конца X в. (Notitiae. № 10. А. 333: 57.681 — τῇ Ρωσῖα), в одном из вариантов которого (С. 335:[59].70) имеется уточнение: (митрополия) «Киева Росии» (τῷ Κνέβῳ τῆς Ρωσῖας). В последующих списках Русь занимает различные места в классификации: 41-е в 80-х годах XI в. (Notitiae. № 11. 346. 145), 60-е в 80-х годах XII в. (Notitiae. № 12. 349), 62-е в конце того же столетия (Notitiae. № 13.759; Е — 61-е место), 60-е в XIII в. (Notitiae. № 15. 381). С конца XII в. в «Перечнях епископий» упоминаются также самостоятельные митрополии «Руси Преславы» (ἡ Ρωσῖα Πρεσθλάβα: Notitiae. № 12. 349.78; № 15. 381.78) и «Великой Росии» (Notitiae. № 13. 770.62). Образование титулярной Переяславской митрополии на Руси датируется второй половиной XI в. (Щапов. 1989. С. 59 и след.). «Великая Росия» могла включать в себя и многочисленные местные епископские кафедры Руси, образование первых из которых относится уже к 90-м годам X в.:

Новгородская, Белгородская, Черниговская, затем Переяславская, Полоцкая, Владимиро-Волынская, Перемышльская, Туровская, Юрьевская (в греческом тексте — «св. Георгия»), Ростовская, Смоленская, Галичская, Рязанская, Владимиро-Суздальская и другие епископии, перечисляемые в византийских «Перечнях епископий» XII–XIV вв. Эти свидетельства демонстрируют хорошее знание в Византии географической и административно-территориальной структуры Древней Руси.

ГЛАВА 6. ОБРАЗ РУСИ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ГЕОГРАФИЯ И НАСЕЛЕНИЕ В XII–XIII ВВ.

Материалы византийских памятников XII–XIII вв. представляют особый интерес для истории Древнерусского государства, объединившего в своем составе более двух десятков различных народностей, с точки зрения его этнической дифференциации, так как в русских источниках большинства подобных данных нет. Но отмеченная традиционность географических представлений, стереотипы этнических характеристик, антикизированная терминология обуславливают необходимость установления исходных этнических и географических данных, используемых авторами для описания восточноевропейского региона.

Термин *Русь*, *русские* в византийской литературе употребляется нечасто (см. выше гл. 2). Исключение составляли официальные и полуофициальные документы: акты, послания, списки епархий и т.п. Например, лишь трижды встречается он у Никиты Хониата, один раз говорится о «Русской земле» в «исторических стихотворениях» Феодора Продрома, еще несколько случаев его использования — в эпиграммах, письмах. В целом во всех нарративных источниках XII — первой половины XIII в. известно едва ли больше десятка употребления термина *Русь*.

Однако в византийских источниках этого периода содержится немало сведений о территории Руси, ее областях, указываются топографические особенности южной границы русских княжеств, т.е. обнаруживается широкое знакомство с территориально-политической структурой Руси. Отметим вместе с тем, что подробные сведения о делении русских областей находятся в памятниках, относящихся к церковному устройству: именно кон-

стантинопольская церковь, прежде всего заинтересованная в распространении своего влияния на как можно большую территорию Руси, оказалась основным информатором по данному вопросу. Так, в перечне епископий «Великой России», составленном в середине XII в., перечисляются Белгород (6 Πελοργάδων), Новгород (6 Νευοργάδων), Чернигов (6 Τζερνιγόβων), Полоцк (6 Πολοτζίκων'), ... - Βλαδιμοίρου), ... Περισθλάβου), Суздаль (6 Σουσδαλί), Туров (6 Τουρόβου), Канев (6 Κάνεβε), Смоленск (τὸ Σμολίσκον), Галич (ἡ Γόλιτζα). По имени *Киавы/Киавы* (возможно, *Киова*) у Никиты Хониата и Киннама имеется в виду, несомненно, Киев. Наибольшее количество свидетельств византийских источников относится к Галицкой Руси — самой близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях империи видное место. Византийские авторы знают границы Галицкой земли: непосредственно соприкасаясь на западе с Венгерским королевством, на юге она доходила до отрогов Карпат. Галицкое княжество рассматривалось как одна из «топархий» («волостей») Руси, но вместе с тем, улавливаясь отношение византийцев к нему как к некоей самостоятельной территориальной и политической единице: во всяком случае, галицкий князь противопоставляется «владельцу» Киева — центра всей Руси.

Более сложным оказывается определение этнических характеристик, даваемых византийскими писателями народам Восточной Европы. Все «северные» народы, по мнению византийцев, принадлежат к «скифской общности». Так, этноним *росы* (русские) синонимичен, по Иоанну Цецу, имени «тавры», которые оказываются «скифским» племенем. Эта синонимия отражает традиционное у византийцев наименование русских античным термином «тавроскифы». Правда, в XII в. такая атрибуция — не единственная: современник Цеца Никифор Васиlaki под «Тавроскифией» имеет в виду землю, в которой находится, по всей видимости, Филиппополь (совр. Пловдив в Болгарии), а Иоанн Киннам «скифами около Тавра» называет половцев. Что касается Болгарии, то Цец дает подробную топографию пространства на юг от Дуная, определяя границы расположенных там областей — двух Мисий, Фракии и Македонии; сам же этноним у Цеца встречается в качестве синонима к «пеонцы» (не-венгры, населяющие, по Цецу, одну из упомянутых Мисий). Половцы в сочинениях византийского эрудита фигурируют под общим именем «скифы». Так, в рассказе о половецком набеге 1148 г. кочевни-

ски называются «придунайскими волками, частью скифов». То, что под приведенным выше названием «собственно скифы» — в отличие от «скифов вообще» — нашим автором имеются в виду половцы (куманы), говорит текст «скифского» приветствия в эпиглоге «Теогонии» Иоанна Цеца: «К русским я обращаюсь по их обычаю, говоря *σδρά[στῆ] βράτε, σέστριτζα* и *56(3ρα δέηη*, т.е. «здравствуй, брате, сестрица, добрый день!»

Таким образом, та «скифская» общность, которая выделяется Цецем в Причерноморском регионе, представляется им в языковом отношении чрезвычайно разнообразной. В самом деле, помимо половцев, русских, аланов здесь же Цецем локализируются и «киммерийцы». Они помещаются у Тавра скифов и Меотийского озера, т.е. в Крыму и Приазовье. По одной из реконструкций название киммерийцев восходит к фракийскому наименованию Черного моря: на фракийской языковой почве этноним *κιμμέριοι* (*kers-mar-*) мог иметь вид и значение *kir(s)-mar-io*, где *kers* — «черный» и *mar-/mor-* — «море». Причем в вопросе о киммерийцах сам этноним представляется единственным достоверным языковым показателем их этнической принадлежности.

С Меотидой — Азовским морем у Цеца ассоциируется целая ветвь «скифов». В экскурсе о «скифах» в «Историях» различаются три их ветви («этноты»): меотийские, кавказские (с ними связаны «узы» и «гунны») и оксианские. К последним, по Цецу, относятся «скифы», находящиеся за Гирканским (т.е. Каспийским) морем — в Сугдиаде, где протекает река Оксос. Однако, комментируя в «Историях» упоминаемые в одном из писем «оксианские рыбы», Цец локализует «оксиан» в Крыму и отождествляет их с хазарами: «Хазары, жители Сугдеи и Херсона, именуются оксианами по названию реки Оксос, которая течет в их земле». Эта неожиданная, казалось бы, атрибуция может быть объяснена тем, что Цец спутал Сугдею — город и порт в Крыму (Сурож русских летописей, совр. Судак) с Согдианой — областью Средней Азии, в которой и протекает река Оксос (совр. Аму-Дарья). Жителей именно среднеазиатского района Цец называет «оксианскими скифами» и сближает их с «восточными скифами» Геродота.

В рассмотренных представлениях причудливо контаминированы книжные ученые знания и непосредственные наблюдения, актуальные свидетельства. Источник этого — в особенностях мировосприятия византийцев, видящих и описывающих

мир сквозь призму литературной и ученой традиции, восходящей еще к античности. Так у Цеца античная карта накладывалась на географию современного ему мира.

Во-первых, Русь связывается в глазах византийцев с **соседа** ними народами — кавказцами, населением Крыма и Приазовья, тюркскими народностями, находившимися на этих землях, «скифской» общностью, которая **определяется** по географическому, а не этническому, историко-культурному и отчасти политическому принципам. Во-вторых, этнографические сведения византийских источников и данные языка **свидетельствуют** о большой этнической пестроте припонтийского региона. В-третьих, в наших источниках зафиксированы непосредственные наблюдения, возможно, данные личного общения авторов с русскими и другими народами; эти сведения тесно переплетены с книжным, античным знанием, в результате чего **складывается** противоречивая этнографическая картина юга Восточной Европы.

Наиболее сильной в византийской традиции оказывается актуализация античных географических представлений и этнических наименований, что приводит к неожиданному внешнему эффекту: население Руси обозначается (нередко в переносном смысле) многочисленными архаическими племенными названиями: *скифы, тавроскифы, тавры, киммерийцы, меоты, хазары* (для Крыма) и др. Такая «зашифрованность» актуальных описаний древними этническими терминами-«знаками» наблюдается и в других случаях. Так, в византийских источниках Галицкая земля, помимо указанного имени *Галица* (с вариантами), обозначается архаическим термином *галаты*. В «Исторических стихотворениях» **Феодора** Продрома неоднократно среди подвластных византийскому василевсу народов упоминаются галаты — часто рядом с далматами (сербами). В других случаях галаты фигурируют по соседству со «скифами» — куманами, называются вместе с италийцами и сербами. От этнонима производятся и наименования мест — Галатские долины.

Территория Руси подчас называется в соответствии с античной традицией Гиперборейской землей, и потому древние литературные свидетельства о гипербореях переносятся на русских, вводя в их восприятие комплекс античных представлений о легендарном северном народе. Тем самым традиционные, сложившиеся в Древней Греции представления о географических областях, климате, природных условиях, населении Восточной Ев-

роны прилагаются к ее описанию, в том числе и описанию Руси XII—XIII вв. В результате создается образ страны, во многом близкий античной Скифии или Киммерии. Обширность пространств к северу от Черного моря вошла в поговорку о «скифской пустыне»; климатические особенности этих областей будут непременно ассоциироваться со «скифским снегом», бурями, сыростью и дождями; Русь — наследница киммерийских областей — представляется страной, погруженной во мрак, солнце над которой светит считанные дни в году, а может быть, и вообще не появляется. Византийские писатели указывают и известные из памятников античного прошлого реки, озера, моря Скифии: «Узкое море», «Священное море», реки Эрида, Лагмос, Телам, Териодонт. Постоянными атрибутами тавроскифских областей являются Понт (Черное море), Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Меотиды (Азовское море), Гирканское море (Каспийское море), Танаис (Дон) и даже Сиака (Сиваш).

Еще более конкретные непосредственные свидетельства — о животном мире русских лесов и рек — имеют тоже легендарную или сказочную окраску. Наряду с рассказами об экзотическом пиршественном столе, украшенном вяленой рыбой, черной и красной икрой с Дона, сообщается об именовании жителями Сугдеи (Сурожа) и Херсона крымской рыбы «берзитикой», в чем отражено предание о хазарской Верзилии. Неоднократно упоминается о белых зайцах России, мех которых импортировался в Византию. Называется дикий обитатель тавроскифских земель зубр. Известен, очевидно, и морж, изделия из кости которого описывает Цец.

В то время как данные об областном делении Руси происходят в основном из церковной среды, материалы о животных, рыбах, речных и морских путях связаны с торговыми отношениями Руси и Византии. Узлом этих связей был Крым и Приазовье, где находились владения как Византийской империи, так и русских князей. Установлено, что в конце XII в. в землях Боспора Киммерийского действовал византийский податный сборщик (Каждан. 1963), а в Керчи был византийский наместник, т.е. Византия имела в Крыму свои территории, возможно близкие к крымским феодам более раннего периода. На протяжении всего рассматриваемого периода встречаются сообщения о функционировании крымских церковных епархий константинопольского патриархата — Сугдеи, Фуллы, Готии, Херсона, Хазарии, Боспора, Сугдофуллы.

Вместе с тем в памфлете «Тимарион» (XII в. См.: Timarion) сообщается о русских (?) купцах, спешащих в Солунь из Крыма, а по императорским актам второй половины XII в., итальянским купцам не гарантируются свобода и безопасность торговли в районе Крыма и Приазовья. К середине XIII в. уже сообщается о набегах и владениях «скифов», т.е. половцев или татар, в крымских городах. Крым и ~~соседние~~ с ним земли представляли собой своеобразную часть русской земли, где происходили непосредственные контакты русских с византийцами — церковные, торговые, **политические**.

ГЛАВА 7. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ **КУЛЬТУР**

За полутысячелетнюю историю контактов Византии и Руси несколько основных центров — перекрестков культур сыграли особую роль в осуществлении этих связей. Весь X век в истории русско-византийских отношений прошел под знаком обмена официальными посольствами. Греческие дипломаты приезжали в Киев для заключения русско-византийских договоров — с князем Игорем, затем в 955 г., наконец, в 60-е годы посол Калокир прибыл на Русь с поручением от императора Никифора Фоки. Из текстов сохранившихся договоров со всей очевидностью явствует, что в свою очередь и в Константинополе уже существовал русский купеческий квартал с довольно многочисленным населением. Древнерусская и византийская столицы, Киев и Константинополь, были главными центрами официальных политических контактов. В Киеве таким особым центром был, несомненно, митрополичий двор: учреждение русской митрополии константинопольского патриархата в Киеве между 996/97 и 998/99 гг. сказалось на усилении русско-греческих связей. Двадцать два из двадцати четырех известных до начала XIV в. митрополитов Руси были греками. Греками были и большинство епископов в почти двух десятках древнерусских епископий, а также настоятели монастырей и прочие иерархи.

Многие из них канонизированы русской **православной** церковью и прославляются как святые благоверные угодники, мученики, святители и чудотворцы: Иоаким Корсунянин Новгородский, Леонтий Ростовский, митрополит Феогност, Максим Грек.

С возникновением церковной организации на Руси связан и другой упомянутый выше важнейший центр русско-византийских культурных связей. Это Херсонес, или средневековый Херсон, | К рыму (в совр. Севастополе), называемый в русских летописях **Корсунем**. Именно там, по рассказам о св. князе Владимире, произошли основные события, непосредственно связанные с официальным крещением великого князя киевского. Именно **корсунянина** Анастаса предание называет первым «княжеским протопопом» в Десятинной церкви в Киеве. А новгородским **епископом** во времена князя Владимира назван тоже корсунянин Иоанн. Под **991** г. «Летопись новгородских владык» называет первым новгородским епископом, присланным патриархом **Фотием, Иоакима (Якима) Корсунянина, деятельность** которого относится к **996—999** гг.

О том, что Херсон является также важнейшим торговым **центром** в истории русско-греческих экономических связей, **свидетельствует** уже в середине X в. византийский император **Константин** Багрянородный. Причем и русские купцы регулярно приходили в Царьград по пути «из варяг в греки», и херсонские купцы знали путь на Русь, переправляясь через Днепр около **Крарийской** (Кичкасской) переправы. Роль Крыма в становлении и развитии связей греческой культуры с Русью хорошо понятна и объяснима: ведь именно здесь пересекались пути встречи цивилизаций со времен эллинско-скифских контактов. Здесь же состоялось и первое знакомство византийцев с Русью.

С установлением торговых путей связано оживление центра русско-греческих **связей** в Нижнем Подунавье. Судя по «Повести **временных лет**», во второй **половине** X в. в Переяславле на Дунае русско-греческая торговля была явлением повседневной экономической жизни.

Наконец, еще одним центром таких связей была Фессалоника, или Солунь в славянской традиции (совр. Салоники), куда на ярмарку спешили, как рассказывается в византийской сатире XII в. «Тимарион», купцы с северных берегов Эвксинского Понта.

Сведения о греческих купцах на Руси, в первую очередь в Киеве, мы постоянно встречаем на протяжении всего X — первой половины XII в., т.е. торговые связи не прерывались в течение всего древнерусского периода отечественной истории, несмотря на многочисленные военные и дипломатические конфликты. В рассказе «Киево-Печерского патерика» о

строительстве Успенского собора Киево-Печерской лавры сообщается о большом количестве греческих купцов, приехавших из Константинополя вместе со строителями собора. Русская летопись говорит о купцах — «гречниках», плававших в Киев в XII в., как и ранее в X в.

Многих греков на Руси мы встречаем и в XIII в. О греческом прорицателе Василии при великом князе Данииле сообщается под 1206 г. В 1211 г. пришел из Константинополя Добрыня **Ядрейкович**, привезя святыни гроба Господня в Новгород, где он стал новгородским архиепископом под именем Антония. В 1213 г. грек Мефодий основал Почаевский монастырь. Под 1226 г. сообщается о греке, отправленном псковичами в качестве посла из Пскова.

В ходе взаимных контактов формировались и развивались взаимные представления друг о друге — византийцев о Руси и русских о греках. Эти свидетельства, записанные историографами, летописцами, риторам и стихотворцами, составили тот фонд известий, который лег в основу как переводных, так и оригинальных памятников литературы и культуры вообще.

Крупнейшим центром взаимодействия цивилизаций средневековья был, конечно, Афон. Более тысячи лет существует то, что иногда называют монашеской республикой, обосновавшейся на склонах гористого полуострова Халкидика. Афон, или Святая гора, с последней трети X в. стал колыбелью возникших здесь нескольких десятков монастырей и скитов — греческих (Лавры св. Афанасия, Ватопедского, Ксиропотамского, Филофея, Ксенофонта и др.), грузинского — Иверского, сербского — Хиландарского, болгарского — Зографского, русского — Ксилурга («Древодела»), позже именованного св. **Пантелеимона**; Кутлумушский монастырь был, вероятно, основан в начале XIII в. крещеным сельджуком — потомком тюрка Кутлумуша. Сохранились старинные гравюры и рисунки афонских обителей, выполненные в XVIII в., но воспроизводящие древние архитектурные формы. Так, на зарисовке Русского монастыря, сделанной в 1744 г. Василием Григоровичем-Барским, воспроизведены его архитектурные памятники: высокая надвратная башня, каталикон — главный собор. А на гравюре А.Варина из Венской Национальной библиотеки хорошо видны все часовни, собор, трапезная Русского монастыря; здесь же — монастырская библиотека, известная своим рукописным собранием.

Библиотека и архив были важнейшей неотъемлемой частью афонских монастырей. Прежде всего в них хранились важные

для афонитов юридические документы: императорские грамоты, распоряжения святогорского «правительства», другие акты, регулировавшие нормы жизни на Афоне. Но библиотеки были не только местом хранения важных документов. Книжные собрания помогали творчеству литераторов, историков, публицистов, распространению средневековой культуры по всему свету. Когда в середине XI в. еднователь Киево-Печерской лавры **Литовний** Печерскийзнакомился на Афоне с монастырским уставом, то, вернувшись в Киев, он использовал афонский опыт для формулировок определения статуса первого монастыря Древней Руси.

Путь взаимодействия культур был двусторонним — как из Греции на Русь, так и обратно: в самой Византии была распространена древнерусская книжность, в чем нас снова убеждают материалы афонских архивов. Сохранилась опись 1142 г. имущества Русского монастыря, где дается скрупулезный перечень коего, что там находилось к тому времени, называются многочисленные иконы, изделия из золота, серебра, драгоценных камней, а также книги. В документе засвидетельствовано наличие русских книг и шедевров прикладного искусства. Перечислены золотая «русская епитрахиль», «русские шелка», в частности с образом Богородицы, капа и, наконец, русские рукописи — пять книг «Апостола», два патерика, пять псалтырей, книги сочинений Ефрема, Панкратия, пять часословов и много других. Судя по описи, библиотека только русских книг насчитывала 48 томов. Это немало, если для сравнения иметь в виду, что, скажем, в Москве даже значительно позже, к середине XVII в., на Печатном дворе насчитывалось всего 32 греческие книги (Фонкич. 1977. С. 105 и след.).

Афонские обители были и крупнейшими переводческими центрами средневековой литературы. Так, Хиландарский монастырь хранит старейший после оригинала список замечательного памятника славянской и древнерусской книжности — «Изборника Святослава» 1073 г. Южнославянский оригинал книги, переписанный для киевского князя — сына Ярослава Мудрого и хранящийся сейчас в Историческом музее в Москве, был создан в болгарском Преславе на основе византийского прототипа (Бибииков. 1996в. С. 320 и след.). Греческие списки прототипа книги сейчас можно обнаружить в рукописных собраниях Рима, Парижа, Оксфорда, Милана, на Патмосе, в Иерусалиме и Эскуриале. Ряд таких греческих кодексов находится и на Афоне:

два, XIII и XIV вв., — в Лавре св. Афанасия, по одному — в Иверском монастыре, Ватопеде, обителях Каракалла и Дионисия; один из списков XIV в. хранится и в Русском монастыре св. **Пантелеимона**.

Так сокровища византийской духовной культуры усваивались книжниками, переводчиками и писцами Древней Руси, становились уже самостоятельным элементом древнерусской образованности.

Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что в период серьезных испытаний в XIII в. — после завоевания Византии крестоносцами в 1204 г. и монголо-татарского нашествия на Русь — связи греков и Руси не прекращались.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Акр. — *Георгий Акрополит*. Летопись. СПб., 1863.

Актовые печати — *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. X–XV вв. М., 1970. Т. 1–2.

Акты — Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя **Пантелеимона**. Киев, 1873.

Анна — *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. Я.Н.Любарского. СПб., 1996.

ИВИ — *Стриттер И.* Известия византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен и переселения народов. СПб., 1771–1775. Т. 1–4.

Известия — *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884–1890. Т. 1–2.

Кекавмен — *Советы и рассказы Кекавмена* / Изд. и пер. Г.Г.Литаврина. М., 1972.

Кинн. — *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859.

Константин — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии / Г.Г.Литаврин, А.П.Новосельцев. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989; 1991.

Лев Диакон — *Лев Диакон*. История / Пер. М.М.Копыленко. М., 1988.

Н.Ври. — *Никифор Вриенний*. Исторические записки. СПб., 1856.

Н.Григ. — *Никифор Григора*. Римская империя. СПб., 1862.

Н.Хон. — *Никита Хониат*. История. СПб., 1860. Т. 1–2.

Памятники — *Бенешевич В.Н.* Сборник памятников по истории церковного права. СПб., 1915. Т. 1.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева; Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. 2-е изд. Подгот. М.Б.Свердлов. СПб., 1996.

Повесть о Нифонте — Повесть о Нифонте, епископе Новгородском // Памятники старинной русской литературы / Г.Кушелев-Безбодрок. СПб., 1862. Т.4.

Продолжатель Феофана — *Продолжатель Феофана*. Жизнеописание византийских царей / Пер. Я.Н.Любарского. М., 1992.

Прокопий. Гот. — *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1996. Т. 1-2.

Прокопий. Перс. — *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А.Чекаловой. М., 1993.

Пселл — *Михаил Пселл*. Хронография / Пер. Я.Н.Любарского. М., 1978.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

Свод — Свод древнейших письменных свидетельств о славянах / Г.Г.Литаврин, Л.А.Гиндин. М., 1991-1995. Т. I—II.

Феофан — *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения («Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1980.

Analecta — *Pitra J.B.* *Analecta sacra et classica*. Romae, 1891. Vol. 6(7).

Analecta B.-R. — *Regel W.* *Analecta Byzantino-Rossica*. SPb., 1891—1898.

Ἀνάλεκτα — *Papadopoulos-Kerameus A.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας SPb., 1897. Т.4.

Archives. — Archives de l'Athos. Paris, 1937-1994. Т. 1-18.

Act. Laur. — Actes de Laura (Archives de l'Athos). Paris, 1970.

Anna Comnena. — *Anna Comnene*. Alexiade. Paris, 1937-1945. Т. 1-3.

Banduri — *Banduri A.* *Imperium Orientale*. Paris, 1711.

Bibliotheca graeca — *Sathas K.* Bibliotheca graeca *medii aevi*. Venetiis; Parisiis, 1872-1894. Т. 1-7.

Cinn. — *Ioannes Cinnami* Epitome rerum. Bonnae, 1836.

Const. Cer. — *Constantinus Porphyrogenitus*. De cerimoniis *aulae* Byzantinae. Bonnae, 1829.

Const. DAI — *Constantinus Porphyrogenitus*. De administrando Imperio. Washington, 1967. Vol. 1 (text) — 2 (comm.).

Corpus — *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. Paris, 1963. T.V. P.1.

Corpus Paris. — Corpus Byzantinae Historiae. Parisiis, 1645—1711. Vol. 1-42.

Corpus univ. — Corpus universalis historiae praesertim Byzantinae. Parisiis, 1567.

CSHB Bonn — Corpus **Scriptorum** historiae Byzantinae. Bonnae, 1829-1897. Bd. 1-50.

Eust. Thess. — *Tafel F.* Eustathii Thessalonicensis opuscula. Amsterdam, 1964.

Eust. Thess. **Comm.** — Eustathii Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem. Lipsiae, 1827-1830. Vol. 1-4.

Eust. Thess. Esp. — *Kyriakidis S.* Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961.

FHG — *Müller C.* Fragmenta Historicorum graecorum. Bonnae, 1841-1870. T. 1-5.

FRB — *Regel W.* Fontes rerum byzantinorum. SPb.; Petropoli, 1892-1917. T.1. P. 1-2.

G.Acr. — Georgii Acropolitae. Lipsiae, 1903. Vol. 1-2

G.Torn. metr. — *Derrouzès J.* Georges et Démétrios Tornices. Lettres et discours. Paris, 1970.

Genes. — Iosephi Genesii rerum libri quattior. Berolini; Novi Eboraci, 1978.

Gregoras. — Nicephori Gregorae **Historia** Byzantina. Bonnae, 1829-1855. Vol. 1-3.

Herod. — Herodoti Historiae. Oxonii, 1933. Vol. 1-2.

Hiland. — *Mošin V., Sovre A.* Dodatki h grskim listinam Hilandarja. Ljubljana, 1948.

Juris ecclesiastici — *Pitra J.B.* Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta. Romae, 1864-1868.

Katz-Mause Krieg — *Hunger H.* Der byzantinische Katz-Mause **Krieg**. Graz; Wien; Köln, 1968.

Kleinchroniken — *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975-1979. T. 1-3.

Leo Diac. — Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. Paris, 1828.

Listes — *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines. Paris, 1972.

Maur. — Das Strategikon des Maurikios / G.T.Dennis. Wien, 1981.

Memoriae — *Stritter I.G.* Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum, Paludem Maeotide Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septentriones incolentium e scriptoribus historiae byzantinae erutae. Petropolii, 1771-1779. Vol. 1-5.

Menand. — Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt. Bonnae, 1829.

Mich. Attal. — Michael Attalioetae Historia. Bonnae, 1853.

Mich. Chon. — *Lampros Sp.* **Μιχαήλ ἈΚΟΙΩ6ΛΧΟΥ Χωνιάτου τα σωζόμενα. Ἀθήνησιν**, 1879. T. 1-2.

Mich. Glyc. — Michael Glycae Annales. Bonnae, 1836.

Mich. Psell. — *Michael Psellos*. Chronographie. Paris, 1926-1928. Vol. 1-2.

Mich. Rhet. Anch. — *Browning R.* A New Source on Byzantine Hungarian Relations in the XIIth Century // Balkan Studies. 1961. Vol. 2. P. 173-214.

Mich. Rhet. Thess. — FRB. P. 2.

MM — *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca **medii** aevi sacra et prof. ana. **Vindobonae**, 1860-1890. Vol. 1-6.

N. Bas. — *Garzya A.* Nicephorus Basilaca. Orationes et epistolae, **Lipsiae**, 1984.

N. Bry. — *Nicéphore Bryennios.* Histoire. **Bruxelles**, 1975.

N. Paphl. — Nicetae Paphlagonis Vita s. Ignatii, archiepiscopi Constantinopolitani // PG. 1862. T. 105. Col. 487-574.

Naumachica — *Dain A.* Naumachica. Paris, 1943.

Nicet. Chon. Hist. — Nicetae Choniatae Historia. **Berlin**, 1975. Vol. 1-2.

Nicet. Chon. Orat. — Nicetae Choniatae Orationes et epistolae. **Berolini** et **Novi Eboraci**, 1972.

Notitiae — *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.

NPB — *Mai A.* Nova patrum Bibliotheca. **Romae**, 1852-1857. Vol. 1-7.

PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Migne J.P. Paris, 1857-1864. Vol. 1-166.

Photius. Ep. — Photii epistolae. **Lipsiae**, 1983. Vol. 1.

Photius. Horn. — *Mango C.* The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. **Cambridge (Mass.)**, 1958.

Prisc. — см. Menand.

Procop. — Procopii Caesariensis Opera omnia. **Lipsiae**, 1963-1964. Vol. 1-4.

Prodr. Mang. — *Bernardinello S.* Theodori Prodromi De Manganis. **Padova**, 1972.

Ps.-Sym. — см. Theoph. Cont.

Recueil — *Miller E.* Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Grecs. Paris, 1875. Vol. 1.

Regestes — *Grumel V.* Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Paris, 1932-1947. Vol. 1. Fasc. 1-3.

SC — *Латышев В.В.* Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе собрал и издал с русским переводом В.В.Латышев. СПб., 1893-1900. Т. 1. Греческие писатели.

Script. vet. — *Mai A.* Scriptorum veterum nova collectio **Romae**. 1825-1838. Vol. 1-10.

Scyl. — *Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum. **Berlin**, 1973.

Spec. roman. — *Mai A.* Spicilegium romanum. **Romae**, 1839-1844. Vol. 1-6.

Sym. Mag. — см. Theoph. Cont.

Theod. Prodr. — *Hörandner W.* Theodori Prodromi Historische Gedichte. **Wien**, 1974.

Theoph. Cont.; Sym. Mag.; Ps.-Sym. — Theophanis Continuatus, *Ioannes Cameniata*, *Symeon Magister*, *Georgius Monachus*. **Bonnae**, 1838.

Theophan. — Theophanis Chronographia. **Lipsiae**, 1883. Vol. 1-2.

- Three Treat. — Three Byzantine Military Treaties / G.T. Dennis. Washington, 1985.
- Timarion — Pseudo-Luciano. Timarione. Napoli, 1974.
- Tzetz. Ep. — Leone P.A.M. Ioannis Tzetzae Epistulae. Leipzig, 1972.
- Tzetz. Hist. — Leone P.A.M. Ioannis Tzetzae **Historiae**. Napoli, 1968.
- Tzetz. Theol. — Hunger H. Zum Epilog der Theologie des Joannes Tzetzes // Byzantinische Zeitschrift, 1953. Bd. 46. S. 304-305.
- Zach. Jus. — *Zachariae a Lingenthal K.* Jus graeco-romanum. Lipsiae, 1856-1884. Vol. 1-7.
- Zon. — Ioannis Zonarae Epitome Historiarum. Bonnae, 1897.

ЛИТЕРАТУРА

- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 30-78.
- Барсов Т.В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.
- Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905.
- Бибииков М.В. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 92-110.
- Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1980 г. М., 1981. С. 5-151.
- Бибииков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996 (а).
- Бибииков М.В. К проблеме византийской агиографии // Византийские очерки. М., 1996 (б). С. 50-55.
- Бибииков М.В. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996 (в).
- Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1908-1930. Т. 1-4.
- Вернер И.К. К происхождению актов и склавенов // Советская археология. 1972. № 4. С. 102-115.
- Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1944.
- Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871.
- Иконников В.С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
- о. Иоанн [Экономцев]. Византия — Православие — Россия. М., 1992.
- История Византии. М., 1967. Т.1-3.
- Истрин В.М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // Изв. Отделения русского языка и словесности АН, 1916. Т. 21. Кн. 2. С. 215-236.

Каждан А.П. Византийский **податный** сборщик налогов на берегах **Коммерийского Боспора** в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93—101.

Каждан А.П. Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 235-236.

Карпозилос А. Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 112—118.

Карышковский П.О. К истории Балканских войн Святослава // Византийский временник. 1953. Т. 7. С. 224-243.

Кашианов С.М. Из истории русского средневекового источника. Астаны X—XVI вв. М., 1996.

Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических византийских писателей. Киев, 1899.

Культура Византии. М., 1984-1991. Т. 1-3.

Лавровский Н.А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.

Левченко М.В. Византия и славяне в VI—VII вв. // Вестник древней истории. 1938. № 4(5). С. 23-48.

Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.

Литаврин Г.Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 71—86.

Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. 1981. Т. 42. С. 35-48.

Литаврин Г.Г. Реплика на статью А.В.Назаренко // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 83-84.

Литаврин Г.Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии // Византийские очерки. М., 1991. С. 60—82.

Литаврин Г.Г. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 81-92.

Мишулин А.В. Древние славяне и судьба Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290-307.

Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 230-280.

Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. // *Byzantino-Slavica*. 1947. Т. 9. С. 55-85; 1950. Т. 11. С. 32-60.

Назаренко А.В. Когда же ездила княгиня Ольга в Константинополь? // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 66-83.

Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

- Паашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1966.
- Петрухин В.Я.* Легендарная история Руси и космологическая традиция // Механизмы культуры. М., 1990. С. 99—115.
- Пигулевская Н.В.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 42—48.
- Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Попов А.Е.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.
- Поптэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. 1968. Т. 28. С. 85—108.
- Приселков М.Д.* Русско-византийские отношения в IX–XII вв. // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 98—109.
- Расовский Д.А.* Половцы // *Seminarium Kondakovianum. Annales de l'Institut Kondakov.* 1935–1940. Т. 7–11.
- Рыбаков В.А.* Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 310–320.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. XII–XIII вв. М., 1982.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
- Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. Киев, 1913.
- Соловьев А.В.* Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 134–155.
- Сюзюмов М.Я.* Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика при датировке событий // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974.
- Тихомиров М.Н.* Происхождение названия «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. № 6—7. С. 60—80.
- Тихомиров М.Н.* О происхождении названия «Россия» // Вопр. истории. 1953. № 11. С. 93–96.
- Трубачев О.Н.* *Indoarica* в Северном Причерноморье // Вопр. языкознания. 1981. № 2. С. 3–21.
- Успенский П.* Восток христианский. История Афона. Киев, 1877. Т. 1—3.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1. Ч. 1–2; Л., 1927. Т. 2. Ч. 1; М., 1997. Т. 2. Ч. 1–2; М.; Л., 1948. Т. 3.
- Флоринский Т.* Афонские акты и фотографии с них в собраниях П.И. Севастьянова. СПб., 1880.
- Фонкич В.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977.
- Чичуров И.С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV—начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1981 г. М., 1983. С. 5–146.

Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991.

Шевченко И.И. Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 6-38.

Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-Russica // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 151-160.

Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XV вв. М., 1978.

Шапов Я.Л. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.

Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantine et les Russes au IXe siècles // Bulletin d'information et coordination. 1971. Vol. 5. P. 44-70.

Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur in byzantinischen Reich. München, 1977.

Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIII-e, IX-e, X-e siècles // Byzantion. 1954. Vol. 24. P. 479-492.

Cumont F. Anecdota Bruxellensia. Gent, 1894. I.

Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Volkskunde. Leipzig, 1912. Bd. 1-2.

Dolger F. Aus Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.

Dolger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; Berlin, 1924-1961. Bd. 1-4.

Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949.

Gregoire H. L'histoire et la légende d'Oleg prince de Kiev // La Nouvelle Clío. Bruxelles, 1952. Vol. 4. № 5-8. P. 280-287.

Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht. Thessalonike, 1994.

Markopoulos A. La vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1979. Bd. 28. P. 75-82.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903 (repr. N.Y., 1960).

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 1-2.

Müller L. Russen in Byzanz und Griechen im Rus'-Reich // Bulletin d'information et coordination. 1971. Vol. 5. P. 96-118.

Nystazopoulou M. La Chersonèse taurique à l'époque byzantine. Paris, 1960.

Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. London, 1971.

Ostrogorsky G. Byzanz und die Welt der Slawen. Darmstadt, 1974.

Regel V. Analecta Byzantino-Russica. SPb., 1891-1898.

Sevčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of *Toparcha Gothicus* // Bulletin d'information et coordination. 1971. Vol. V. P. 71-95.

Sevčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 121-127.

Shepard J., Franklin S. The Emergence of Russia. 750-1200. L.; N.Y., 1996.

Soloviev A.V. Histoire du monastère Russe au Mont-Athos // Byzantion. 1933. Vol. 8. P. 213-238.

Sorlin I. Les traites de Byzance avec la Russie au X-e siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1961. Vol. 2. № 3-4. P. 447-475.

Toynbee A.I. Constantine Porphyrogenete and His World. London, 1973.

Vasiliev A.A. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // Speculum. 1932. Vol. 7. № 3. P. 350-360.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946.

Vasiliev A.A. The Second Russian Attack on Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1951. Vol. 6. P. 161-225.

Vernadski G. Relations byzantino-russes au XII-e siècle // Byzantion. 1927-1929. Vol. 4. P. 272-279.

Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia // Byzantion. 1941. Vol. 15. P. 67-86.

СПРАВОЧНИКИ

The Oxford Dictionary of Byzantium / A.P.Kazhdan. Oxford, 1991.
Prosopographisches Lexikon der Palaeologen Zeit / T.Trapp. Wien, 1976-1994. Bd. 1-12.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ И ПОВТОРЕНИЯ

1. Что знают византийские источники о славянах V–VIII вв. и каким образом описывают их?
2. Каково соотношение реальной информации и литературной традиции в первых известиях о росах?
3. Как представляют себе византийские авторы христианизацию Руси?
4. Каковы обстоятельства заключения русско-византийских договоров X в. и каково соотношение в них византийского и русского права?
5. Каким предстаёт Древнерусское государство на страницах сочинений Константина VII Багрянородного?
6. Как освещают византийские источники балканские войны Святослава?
7. Что представлял собой и как изменялся варяжский корпус в Византии?
8. Как развивались отношения Византии и русских княжеств в XI–XIII вв.?
9. Каково было влияние Византии на становление русской церковной организации?
10. В каких областях и каким образом проявлялось византийское влияние в становлении древнерусской культуры?

ЧАСТЬ III

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

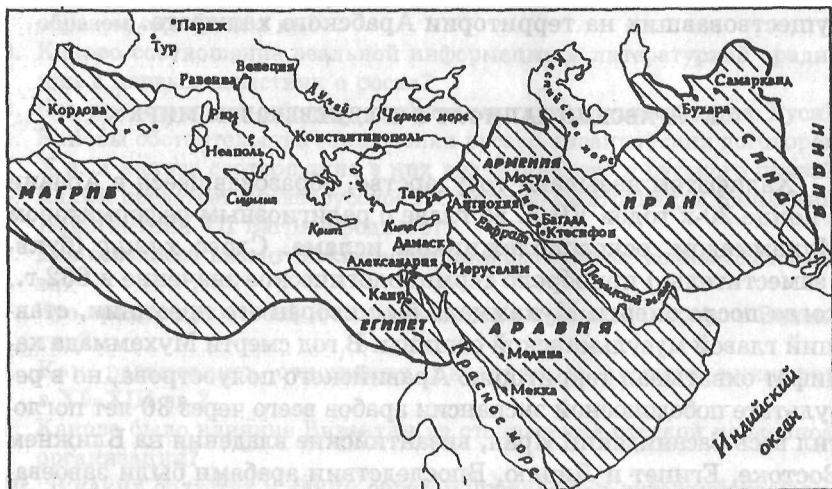
ВВЕДЕНИЕ

Одними из наиболее важных источников для изучения истории, исторической географии, этнографии Древней Руси и соседних народов Восточной Европы, особенно IX–X вв., являются сочинения, созданные на арабском, персидском и сирийском языках в пределах Арабского халифата. К этой большой группе источников примыкают и некоторые памятники на древнееврейском языке; все они относятся к истории Хазарского каганата, иудаизация которого вызывала интерес среди еврейских общин, существовавших на территории Арабского халифата.

1. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

Халифатом называют государство, образовавшееся в Аравии в конце 20-х годов VII в. во главе с религиозным реформатором Мухаммадом, основоположником ислама. Слово *халиф* (букв. «заместитель») приобрело терминологическое значение в 632 г., когда после смерти Мухаммада был избран его преемник, ставший главой мусульманской общины. В год смерти Мухаммада халифат охватывал территорию Аравийского полуострова, но в результате победоносной экспансии арабов всего через 30 лет поглотил весь Сасанидский Иран, византийские владения на Ближнем Востоке, Египет и Ливию. Впоследствии арабами были завоеваны и другие земли, так что к середине VIII в. халифат включал

в себя огромные пространства от Испании и Магриба на западе до Инда и среднего течения Сыр-Дарьи на востоке, от Дербента на севере до Египта и Аравии на юге. Политическим центром халифата до 750 г. был сирийский город Дамаск. В дальнейшем внешние границы халифата почти не менялись, но начался внутренний процесс обособления разноэтничных областей государства. В 750 г. опиравшуюся преимущественно на арабскую знать династию Омейядов сменили Аббасиды, выражавшие интересы и феодалов местного происхождения, в особенности иранских. Появились первые признаки политического распада халифата. В разных частях некогда единого государства укреплялись местные династии: в Испании — уцелевшие от аббасидского погрома Омейяды, в Тунисе и Египте — Фатимиды, в Сирии — Хамданиды, в Средней Азии и Иране — Саманиды, Бунды, Газневиды, в Армении — **Багратиды**. Халифы, местом пребывания которых при Аббасидах стал построенный ими Багдад, постепенно утрачивают политическое влияние. С 945 г., уступив светскую власть представителям иранской династии Бундов, багдадские халифы становятся прежде всего духовными главами мусульманского мира. Даже когда последний Аббасидский халиф ал-Мустасим (1242-1258 гг.) был убит взявшими Багдад монголами, идея духовного сюзеренитета халифа продолжала владеть умами мусульман и была использована правителем Египта, который для укрепления своей власти формально восстановил халифат (см. илл. 5).

Илл. 5. Арабский халифат в VIII в.

Сами арабы, покорившие более культурные и экономически развитые страны, чем Аравия, составляли незначительную долю населения халифата. Однако им удалось создать условия для плодотворного взаимодействия входивших в халифат народов, результатом которого стало рождение новой богатейшей культуры, имевшей ислам как идеологическую основу и арабский язык в качестве государственного (с 705 г.). Поэтому культура халифата, которую принято называть арабской, на самом деле опиралась не только на собственно арабские традиции, но в очень большой степени и на наследие греко-римской, арамейской, персидской, индийской цивилизаций. Постепенное обособление к (сточных провинций халифата, населенных в основном иранцами, привело к тому, что с X—XI вв. языком культуры и науки наряду с арабским стал также язык фарси (классический персидско-таджикский язык, или новоперсидский).

Одной из важных особенностей культуры халифата по сравнению с западноевропейской культурой того же времени является гораздо большее распространение светского, в том числе научного, знания среди образованных слоев общества. Поиск знаний и обладание ими являлись главнейшими ценностными установками средневековой мусульманской культуры, в которой отсутствовали какие-либо формальные (например, этноконфессиональные) ограничения на приобщение к ученым занятиям. Стремление выйти за пределы привычного кругозора находило опору в завете Мухаммада, которому приписывалось изречение «Ищите науку хотя бы в Китае». Организация путешествий с познавательными целями — как на государственном уровне, так и в порядке частной инициативы — была весьма распространенным явлением в арабском мире. Наиболее знаменитая экспедиция такого рода была предпринята в годы правления халифа ал-Васика (842—847 гг.). Халифу однажды приснилось, будто рухнула железная стена, за которой были заключены враждебные людям существа Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог), жившие, согласно коранической традиции, на крайнем северо-востоке земли. На поиски этой стены и сбора сведений о ее состоянии ал-Васик снарядил экспедицию во главе с Саддамом ат-Тарджуманом («переводчиком»), которая через Кавказ и Хазарию добралась до Центральной Азии.

При халифах Аббасидской династии была развернута интенсивная переводческая деятельность, масштабы и сама организация которой были совершенно беспрецедентны для того

времени. Ал-Ма'мун (813—833 гг.) учредил в Багдаде так называемый «Дом мудрости» (*Хизанатал-хикма* или *Байт ал-хикма*), где при специальной библиотеке трудилась коллегия переводчиков и штат ученых, переписчиков и переплетчиков. Неоднократно снаряжались археографические экспедиции в Византию за греческими рукописями. За сравнительно короткое время были переведены на арабский язык произведения почти всех основоположников греческой науки — Гиппократ (ок. 460—370 гг. до н.э.), Аристотеля (384—322 гг. до н.э.), Евклида (ок. 365—300 гг. до н.э.), Архимеда (287—212 гг. до н.э.), Птолемея (II в. н.э.) и многих других. Переводы осуществлялись и с других языков — сирийского, пехлеви (официального языка сасанидского Ирана, или среднеперсидского), латинского. Процесс освоения эллинистического наследия стимулировал развитие арабской науки, занимавшей передовые позиции в мире, по крайней мере, вплоть до эпохи крестовых походов.

2. ПЯТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В АРАБО-ПЕРСИДСКИЙ МИР

Сведения о народах Восточной Европы проникали в страны халифата различными путями. Одним из важнейших каналов информации о восточноевропейском регионе была Византия. Вторжения славян на территорию империи, продолжавшиеся с разной интенсивностью весь VI в., завершились в VII в. широкой славянской колонизацией Балканского полуострова. Немало славян поселилось и в малоазийских провинциях Византии, которые после завоевания арабами Сирии в 635-636 гг. оказались ареной длительной арабо-византийской войны. Именно там арабы впервые познакомились со славянами, поразившими их своей внешностью. Наиболее раннее упоминание «златокудрых саклабов» содержится в касыде (поэме) придворного панегириста *ал-Ахталя* (ок. 640—710 гг.), написанной в конце VII в. (Ахтал. С. 189; Свод. С. 509). Арабский этноним *ас-саклаб* (мн.ч. *ас-сакалиба*) восходит к греческому названию славян — *Σκλάβοι, Σκλάβηνοί*. Несмотря на то, что этническое содержание термина *ас-сакалиба* в некоторых арабо-персидских известиях о народах Восточной и Центральной Европы не всегда поддается однозначной трактовке, этимологически *ас-сакалиба* — это славяне.

Возможно, в Византии арабы впервые слышали и о русах. На греческий источник информации о русах указывает сама форма арабского слова *ар-рус/ар-русийа*, соответствующая греческому *Ῥῶς/Ῥωσία*. Отметивший это обстоятельство В.В.Бартольд, обратил внимание на то, что слово *ар-рус* не могло быть заимствовано арабами от тюркских народов, в языке которых звук [р] в начале слова не допускается (Бартольд. 1963. С. 817). Вместо с тем не исключено, что параллельным источником сведений о русах в арабском мире были сами купцы-русы, прибывавшие со своими товарами в страны халифата еще в IX в. Об этом говорит тот факт, что первое в арабской литературе упоминание имени русов встречается в описании пути купцов-русов из Восточной Европы в Багдад, которое принадлежит автору IX в. Ибн Хордадбеку (о нем подробнее см. ниже в гл. 5).

По-видимому, первые более или менее подробные сведения о народах Восточной и Центральной Европы проникли в арабо-персидскую историографию благодаря труду *ал-Джарми* (первая половина IX в.). О биографии и сочинении этого автора сохранилось единственное упоминание у писателя X в. *ал-Мас'уди* (см. гл. 9), который сообщает, что Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми находился в плену в Византии и был выкуплен в 845 г.:

«Был он человек с положением в пограничных областях, знакомый с жителями ар-Рума и их землей. У него есть сочинение с рассказами про ругов, их царей, должностных лиц у них, про тех, кто с ними соседит из государств бурджан, аваров, булгар, славян, хазар и других» (BGA. T. VIII. P. 190–191; АГЛ. С. 131).

Когда попал в плен *ал-Джарми* и сколько лет он провел в плену, неизвестно. Согласно *ал-Мас'уди*, вместе с Муслимом ал-Джарми в 845 г. были освобождены арабы, взятые греками в плен и 837 г., однако остается неясным, принадлежал ли сам ал-Джарми к их числу. Тем не менее не исключено, что ал-Джарми находился в Византии во время прибытия туда посольства русов в 838 г. и мог узнать об этом событии. К сожалению, сочинение ал-Джарми, о котором упоминает ал-Мас'уди, не сохранилось, но в том, что им пользовались более поздние арабские писатели — Ибн Хордадбек, ал-Мас'уди, — сомневаться не приходится.

В более поздний период (XII–XIII вв.) одним из важных источников сведений о Восточной Европе стали для арабов рассказы византийских мореплавателей и купцов о плаваниях к северным берегам Черного моря.

Другим регионом, через который в арабский мир проникала информация о восточноевропейских народах, был Кавказ, где

близ Дербента проходила северная граница халифата. Первое появление арабов под стенами Дербента относится к 642-643 гг., когда начались их столкновения с хазарами. **Арабо-хазарские** войны продолжались с переменным успехом вплоть до начала IX в. Их главной ареной был район Дербента и Закавказье, но в отдельных случаях военные действия переносились и далеко на Северный Кавказ. Неоднократно переходивший из рук в руки Дербент в 30-х годах VIII в. был в конце концов захвачен арабами и надолго стал форпостом арабского влияния в этом регионе. На Кавказе арабы получили много информации о каспийских походах русов и об их военных действиях на стороне тех или иных местных правителей.

Еще одним каналом поступления сведений о Восточной Европе в мусульманский мир была Средняя Азия. Завоевание арабами в начале VIII в. богатых среднеазиатских городов вывело их на торговые пути, которыми этот регион был издавна связан с народами Восточной Европы. Основных путей было два. Первый — сухопутный — шел из Хорезма через контролируемые кочевниками степи в Волжскую Булгарию. Второй — более безопасный — пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря и вел в Хазарию, державшую в своих руках торговлю с Восточной Европой. По-видимому, большая часть этнографических сведений о восточноевропейских народах, в том числе о славянах и русах, имеет среднеазиатско-каспийское происхождение.

Информацию о русах — воинах и купцах — мусульманские авторы могли собирать не только на северо-восточных границах халифата, но и на крайнем западе арабского государства, в Испании, завоеванной арабами в начале VIII в. Данные, восходящие — если не целиком, то отчасти — к испано-арабским источникам, касаются набегов русов на испанские города, а также функционирования мировых торговых путей, отдельные участки которых проходили по территории Древней Руси и Восточной Европы.

Начиная с XII в., когда в Черном море стали появляться итальянские торговые суда, сообщения итальянских мореплавателей сделались ценным источником сведений о городах Северного Причерноморья для тех арабских ученых, которые жили в западных областях халифата.

Наконец, уникальные сообщения по этнографии и исторической географии Восточной Европы оставили арабские путешественники, посетившие этот регион в домонгольское время — Ибн Фадлан (см.: гл. 7) в X в. и Абу Хамид ал-Гарнати (см.: гл. 13.3) в XII в.

3. ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Дошедшие до нас известия восточных авторов о Древней Руси и Восточной Европе сохранились в составе письменных памятников разных жанров. Основная масса интересующих нас сведений находится в сочинениях географического и исторического толка. Как географическая, так и историческая литература, и свою очередь, включает в себя произведения, имеющие те или иные жанровые особенности. Граница между сочинениями разных жанров в арабо-персидской литературе была весьма подвижной, вследствие чего в географических трудах можно найти немало данных исторического характера, а в исторических — **богатые** сведения по географии. Одни и те же авторы часто **выступали** и как историки, и как географы. Создавались и **произведения** синтетического характера, включавшие в себя данные по всем отраслям знания. В таких энциклопедических трудах сообщения, имеющие отношение к Древней Руси, бывают помещены, как правило, в главах по истории и географии.

3.1. РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Географическая литература, созданная в странах халифата, **занимает** совершенно особое место в истории географии как по богатству заключенного в ней материала, так и по разнообразию дошедших до нас произведений арабо-персидских авторов. По словам выдающегося знатока арабской географической литературы И.Ю.Крачковского, «кругозор арабов обнимал, в сущности, всю Европу за исключением крайнего севера, южную половину Азии, Северную Африку до 10° северной широты и берега восточной Африки до мыса Кирриентес около южного тропика» (**АГЛ**. С. 21). В отличие от западноевропейской средневековой географии, идеи которой в значительной степени питались Священным писанием, арабская география выросла на почве чисто практических потребностей государства и общества.

Создав в короткий срок огромную и населенную разными народами империю, арабы оказались лицом к лицу с проблемой эффективного управления государством. Только для одного упорядочения сбора налогов требовалось большое количество сведений о провинциях халифата, о занятиях их жителей, о путях сообщения и т.п. Чтобы должным образом заботиться об охране

границ государства, вести внешние войны или участвовать в **международной** торговле, надо было владеть знаниями о **различных** странах, как соседних, так и отдаленных. Не меньше, чем государственные чиновники, в сведениях географического характера нуждались и частные лица, для которых путешествия на дальние расстояния были привычным делом. Купцы по суше и по морю добирались до Индии и Китая, Кавказа и Поволжья, проникали в Центральную Африку и на Мадагаскар. Образованные люди совершали поездки из испанской Кордовы в среднеазиатскую Бухару, чтобы послушать знаменитых ученых. Паломники со всех концов халифата стекались в арабийский город Мекку — родину пророка Мухаммада. Выполнение строго регламентированных религиозных обязанностей, налагаемых на мусульманина, требовало немалых познаний в области астрономической географии. Нужно было уметь точно определять начало и конец поста, время пяти ежедневных молитв, знать координаты Мекки и любых иных населенных пунктов мира, где мог оказаться верующий. Последнее было необходимо для установления так называемой киблы — направления в сторону Мекки при молитве или при постройке мечети.

Средством удовлетворения всех этих общественных потребностей и служили географические произведения разных жанров, появившиеся — как самостоятельные сочинения — в конце VIII-IX в. В это время арабы познакомились с трудами Птолемея, доступными им, как полагают, в сирийских переводах. Их изучение сопровождалось переработками птолемеевских материалов, которые положили начало астрономическому направлению в арабской географии, опиравшемуся также на индийское и иранское наследие. За этим направлением закрепился в качестве названия греческий термин «география» (греч. **γεωγραφία**, араб. **джа-графийя**) или описательные наименования: «наука о долготах и широтах» (*‘илм ал-атвал ва-л-а’рад*) и «наука об определении положения городов» (*‘илм таквим ал-булдан*). Основным жанром астрономической географии были **зиджи** — таблицы координат населенных пунктов. Постройка в первой трети IX в. двух обсерваторий — в Багдаде и около Дамаска — позволила вести самостоятельные астрономические наблюдения и перепроверить данные античных географов. Арабские ученые ок. 827 г. довольно точно определили величину градуса земного меридиана (ошибка составляла менее 1 км). Поэтому для территории халифата данные зиджей весьма точны. За точку отсчета долгот по традиции,

исследованной от греков, принимались Канарские острова, которые назывались «Островами блаженных». Из греческой традиции было заимствовано и учение об окружающем ойкумену Океане, заливами которого являлись все моря, а также идея о делении обитаемой части земли на широтные зоны — *климаты* (греч. κλίμα, букв. — «наклонение»). Если само понятие климата пришло к арабам из греческой науки, то принятое среди ученых халифата представление о наличии семи климатов сформировалось под влиянием иранской традиции деления земли на семь широтных зон — *кишваров*.

Другое направление в географической литературе халифата пило представлено описательной географией, называвшейся «наукой о путях и странах» (*'илм ал-масалик ва-л-мамалик*) или «наукой о почтовых станциях» (*'илм ал-буруд*). Сочинения, созданные в рамках этого направления, отличались большим жанровым разнообразием. Для нас особый интерес представляют богатые маршрутными данными «книги путей и стран» (*Кутуб ал-масалик ва-л-мамалик*), получившие особенное распространение в X в. Часто их авторами были не ученые, а занимавшие высокие посты чиновники. В XI–XII вв. появились географические словари, а также содержащие описание всей вселенной космографии. Очень популярным жанром являлись рассказы о путешествиях. Они постепенно дифференцировались на сочинения с преобладанием реальных элементов, с одной стороны, и книги, описывающие всякие чудеса и диковинки — с другой. Последние образовали особый жанр «книг о чудесах» (*Кутуб ал-'аджа'иб*). I [произведения арабских географов IX–X вв. опубликованы в серийном издании «Библиотека арабских географов» («*Bibliotheca geographorum arabicorum*»), осуществленном в 1870–1894 гг. выдающимся голландским ориенталистом М.Я. де Гье (M.J. de Goeje).

Еще одну группу источников географического характера составляют карты. Первым арабским картографическим произведением, о котором мы имеем сравнительно достоверные сведения, является так называемая «ма'муновская карта». Она была создана учеными «Дома мудрости» для халифа ал-Ма'муна в первой половине IX в. и известна по описаниям видевших ее более поздних авторов (BGA. Т. VIII. Р. 33; АГЛ. С. 87). К сожалению, по этим весьма противоречивым описаниям трудно составить ясное представление о принципах построения «ма'муновской карты», что делает невозможным ее реконструкцию.

В X в. в рамках жанра «книг путей и стран» была разработана серия карт, получившая наименование «Атласа ислама». Это собрание карт сопровождало произведения целого ряда географов X в. Количество и тематика карт, а также их **порядок** в атласе были строго регламентированы. Атлас включал в себя одну общую карту мира (с центром в Мекке) и 20 карт с изображением областей халифата, в том числе **отдельные** карты для Средиземного и Каспийского морей. Карты «Атласа ислама» схематичны: градусная сетка отсутствует, моря и острова представлены в виде геометрически правильных кругов или эллипсов, береговые линии условны, а реки нанесены прямыми линиями. Как и подавляющее большинство арабских карт, карты «Атласа ислама» ориентированы на юг (МА. Bd. I. S. 14—24; bd. I. Н. 1). С «Атласом ислама» была связана одна линия арабской картографии. Другая представлена картами, продолжавшими птолемееву традицию. Древнейшими из дошедших до нас памятников арабской картографии этого направления являются карты ученого первой половины IX в. ал-Хоризми, в частности, его ориентированная на север карта с изображением Азовского моря (*ал-Батиха*). В середине XII в. ал-Идриси (см.: гл. 13.1), опираясь на наследие Птолемея, создал серию прямоугольных карт, в совокупности составлявших общую карту мира. Карты ал-Идриси отличаются большой подробностью и, в ряде случаев, довольно высокой точностью для своего времени (МА. Bd. I. Н. 2; И; VI).

3.2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА

Появление исторической литературы на арабском языке было тесно связано с распространением и утверждением ислама. Сказания о прошлом, опирающиеся на богатую иудео-христианскую традицию, составляют значительную часть текста Корана. Именно историческая концепция Корана позволила вписать историю арабов и созданного ими государства в контекст мировой истории. Доисламское историческое предание, основным содержанием которого была история аравийских племен, уступило место пониманию истории как воплощению божественного замысла во всемирном масштабе. Не отдельное племя, а вся мусульманская община стала главным объектом исторического знания.

Первые труды по истории на арабском языке были созданы I VIII в., но они не сохранились и известны лишь по упоминаниям в других источниках. В VIII в., после завоевания Ирана арабами, появились арабские версии официальной истории Сасанидов «Хвадай-намак». От первой половины IX в. до нас дошел уже целый ряд сочинений исторического характера: жизнеописание Мухаммада и сборник биографий его сподвижников (*асхабов*), груды об отдельных выдающихся событиях и военных походах. Дальнейшее развитие исторического знания привело к формированию нескольких основных жанровых направлений в историописании. Для историка Древней Руси наибольший интерес представляют произведения следующих жанров: 1) сочинения, посвященные истории арабских завоеваний и озаглавленные, как привило, «Книга походов» (*Китабал-магази*) или «Книга завоеваний стран» (*Китаб футухал-булдан*); 2) всеобщие истории; 3) региональные истории, в том числе истории отдельных городов халифата.

Как источник по истории Древней Руси и Восточной Европы арабо-персидская историческая литература изучена слабо. На русский язык переведены лишь отдельные фрагменты из различных исторических трудов, относящиеся к тем или иным регионам Восточной Европы. Поэтому при обращении к арабо-персидской историографии приходится прибегать либо к изданиям оригинальных текстов, либо к их переводам на европейские языки.

Особое место среди сочинений исторического жанра занимает историография на сирийском языке. Она древнее арабской и принадлежит иной культурной традиции — христианской (сирийцы исповедовали христианство в форме несторианства и яковитства). В I–VII вв. н.э. сирийцы были самым главным торговым народом Ближнего Востока. Благодаря широким торговым связям они распространились на огромной территории от Восточного Средиземноморья до Кавказа, Средней Азии, Индии и Китая. Поскольку Сирия в III в. утратила государственную самостоятельность, сирийцам приходилось развивать свою культуру, находясь в составе сначала Византии и Ирана, а с VII в. — Арабского халифата. Поэтому многие сирийцы, помимо родного языка, владели и другими — греческим, арабским или персидским — и иногда составляли свои сочинения параллельно на двух языках. В сирийских исторических сочинениях III–XIII вв. сохранился ценный материал о многих народах, населявших в то или иное время Восточную Европу, — гуннах, аварах, хазарах, булгарах, аланах.

3.3. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Отдельную группу источников по средневековой истории Древней Руси и Восточной Европы составляют памятники эпистолярного жанра на древнееврейском языке. К ним относятся документы так называемой еврейско-хазарской переписки X в., анонимное послание X в., известное в науке как **Кембриджский документ**, а также письмо, написанное в X в. членами иудейской общины Киева.

4. НАРРАТИВНЫЕ ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

При работе со средневековыми арабо-персидскими памятниками необходимо иметь в виду некоторые их характерные особенности. К таковым относится прежде всего включение фрагментов из сочинений предшественников, очень часто без указания на источник заимствования. Методологической основой такого подхода к составлению собственных произведений была убежденность в неизбежной ограниченности человеческого знания, в соответствии с которой на долю автора выпадала необходимость собрать как можно больше сведений по тому или иному вопросу, а суждение по поводу их истинности мог выносить только Аллах.

Сознательный отказ от критики источника приводил к сосуществованию в рамках одного сочинения нескольких противоречащих друг другу версий, а также к формированию традиционных сюжетов, общих для целого ряда произведений. Например, рассказы об «острове русов» или о трех группах русов повторялись с различными вариациями многими арабо-персидскими авторами X–XVII вв. У подобной практики были и свои положительные стороны: иногда в поздних по времени произведениях можно обнаружить пространные выписки из более ранних сочинений, которые либо совсем не дошли до нас, либо сохранились в сокращенных редакциях. Именно таким образом уцелели фрагменты трудов некоторых писателей IX–X вв. Вот почему то или иное сообщение арабо-персидских источников о Древней Руси следует анализировать не изолированно, а в рамках традиции его бытования в средневековой историографии. В связи с этим данные о Древней Руси и Восточной Европе у арабо-персидских авторов рассматриваются нами по двум направлениям:

с одной стороны, разбираются традиционные сюжеты, встречающиеся у целого ряда авторов, с другой — дается обзор наиболее значительных трудов, представляющих своего рода историко-географические энциклопедии.

Одной из важных проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователю восточных источников, является прочтение и отождествление встречающихся в них этнонимов, топонимов и иных названий. В арабском языке насчитывается 34 фонемы, из них 28 согласных и всего три пары гласных (а, и, у), различающихся по долготе и краткости. Многие согласные имеют сходное начертание и отличаются друг от друга лишь количеством диакритических точек при них. Из гласных на письме обозначаются только долгие, а специальные значки огласовок для передачи кратких гласных, как правило, не ставятся. Таким же по характеру являлось письмо, свойственное и некоторым другим языкам семитской группы, в частности древнееврейскому и арамейскому, одним из диалектов которого является сирийский язык. Классический персидский язык (фарси), хотя и относится к иранским языкам, но с IX в. пользовался арабским алфавитом. Указанные выше особенности арабской, арамейской и древнееврейской систем письма весьма ограничивают их возможности для адекватной передачи иноязычных собственных имен и терминов. Поэтому при работе с переводами арабо-персидских, сирийских и древнееврейских памятников на европейские языки следует иметь в виду, что предлагаемое в них чтение этнонимов, топонимов, антропонимов и терминов во многих случаях является версией переводчика. Кроме того, существует несколько систем передачи арабских, персидских, арамейских и древнееврейских букв латинскими и русскими, что только увеличивает разноречие в транскрипции названий. В связи с этим необходимо обращаться по возможности к современным критическим изданиям источников, содержащим не только исторический, но и филологический комментарий.

Летосчисление в мусульманской литературе ведется от года переселения (*хиджра* — букв. «выселение», «эмиграция») основоположника ислама Мухаммада и его сторонников из Мекки в Медину, имевшему место в 622 г. от Р.Х. Такой порядок летосчисления установил халиф 'Умар (634—644 гг.). За отправную точку был принят первый день мухаррама (первого месяца года у мусульман) 622 г., что соответствует 16 июля 622 г. по христианской эре. Необходимо помнить, что летосчисление

по хиджре основывается на лунном календаре с длиной года в 354 дня, поэтому для перевода дат по хиджре на европейский солнечный календарь недостаточно механически вычесть 622 года из той или иной даты по христианскому летосчислению. Для этих целей существуют специальные таблицы, к помощи которых следует прибегать при чтении мусульманских источников в оригинале. В переводах источников на европейские языки даты по хиджре даются, как правило, с указанием соответствующей даты по христианскому календарю. В настоящем **пос**обии даты приводятся, за редким исключением, по **европейско**му летосчислению.

5. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ДРЕВНЕЙ РНСИ

Первые опыты собирания восточных источников в России были связаны с именем графа Н.П.Румянцева (1754—1826 гг.), любителя русской истории и обладателя большой рукописной коллекции. В начале XIX в. вокруг Румянцева сложился кружок видных ученых-археографов и источниковедов, занимавшихся исследованием русских и иноязычных источников по истории России.

У истоков научного изучения арабо-персидских источников по истории Древней Руси и Восточной Европы стоял выдающийся русский востоковед и нумизмат академик Х.М. (Х.Д.) Френ (Ch.M.Frahn, 1782-1851 гг.). В 1822 г. он опубликовал (с переводом на латинский язык) комментированную подборку арабских известий о хазарах и башкирах, а годом позже выпустил на немецком языке ставший классическим труд, посвященный сочинению побывавшего на Волге арабского путешественника Ибн Фадлана (см.: Ибн Фадлан/Френ). Работа Френа наглядно продемонстрировала, какие ценные сведения по истории Древней Руси и народов восточноевропейского региона можно найти в арабских источниках. В дальнейшем монографическое изучение сведений о Древней Руси и Восточной Европе, содержащихся в сочинениях того или иного мусульманского автора, стало одним из основных направлений восточного источниковедения в России.

Вторым направлением надолго стало составление сводов данных о Древней Руси и народах Восточной Европы из мусульманских источников. Такие своды поначалу не могли претендовать

им исчерпывающий охват материала уже хотя бы потому, что научное изучение восточных источников по древнерусской истории только разворачивалось. Поэтому авторы сводов, как правило, ставили перед собой ограниченные цели — проводили сбор сведений, касающихся какого-нибудь одного восточноевропейского региона или народа, или обследовали источники только определенного периода времени (преимущественно ранние, IX–XI вв.).

Вскоре после появления труда Френа австрийский востоковед и дипломат Й.Хаммер-Пургшталь (**J.Hammer-Purgstall**, 1774–1856 гг.) по заказу Румянцева выпустил в свет в Санкт-Петербурге работу «О происхождении Руси» — первое собрание фрагментов арабских, персидских и турецких источников, имеющих отношение к ранней истории Руси (см.: Хаммер). Публикация включала в себя 18 отрывков из источников, их перевод на французский язык, иногда сопровождающийся комментарием.

Зарождающийся научный интерес к изучению восточных источников по древнерусской истории получил в 1828 г. довольно неожиданное воплощение. Французский ориенталист М. д'Оссон (**M.C. d'Ohsson**) собрал сведения восточных авторов IX–X вв. о Кавказе и южной России, но сделал это в чрезвычайно оригинальной форме. Он изложил сообщения арабских писателей в виде путевого дневника придуманного им самим персонажа — некоего купца по имени Абу-л-Касим (см.: d'Ohsson. 1828). Понимается, научное изучение источников в рамках подобного жанра было невозможно, однако литературные достоинства работы д'Оссона в какой-то мере оправдывают его предприятие, пусть и выходящее за рамки науки, но служащее делу ее популяризации.

Немало способствовал изучению восточных источников по истории Древней Руси работавший в Петербурге востоковед-иранист из Франции Ф.-Б.Шармуа (**F.B.Charmoy**, 1793–1869 гг.). В 1829 г. он издал французский перевод отрывков из поэмы «Искандер-наме» персидского поэта XII в. Низами, излагающих легенду о походе Искандера, прототипом которого был Александр Македонский, против русов. В 1834 г. были опубликованы (на французском языке) университетская речь Шармуа о пользе изучения восточных языков для исследований по русской истории, а также работа, посвященная рассмотрению сведений о славянах из сочинений арабского ученого X в. ал-Мас'уди и некоторых других мусульманских авторов.

В 1869 г. профессор Петербургского университета семитолог Д.А.Хвольсон (1819–1911 гг.) опубликовал комментированный

перевод восточноевропейских известий автора начала X в. Ибн Русте, имя которого он неверно прочел как Ибн Даста (см.: Ибн Русте).

В 1870 г. русский востоковед А.Я.Гаркави (1839-1919 гг.) опубликовал свод восточных данных о славянах и русах по X в. в: чительно (см.: Сказания). Он впервые свел воедино в русском переводе все доступные ему ранние восточные свидетельства о славянах и русах. Гаркави также издал подборку сведений еврейских писателей о хазарах и Хазарии (см.: Гаркави. 1874). Собрания Гаркави не являются полными по охвату источников, поскольку во время их написания подлинники сочинений многих восточных авторов еще не были найдены, а другие произведения были известны лишь в поздних редакциях. Переводы Гаркави к настоящему времени уже устарели, но комментарии все еще сохраняют некоторое значение.

В 1878-1903 гг. историк и этнограф А.А.Куник (1814-1899 гг.) и востоковед В.Р.Розен (V.Rosen, 1849-1908 гг.) издали двухтомную работу об арабском дипломате и путешественнике X в. Ибрахиме ибн Йа'кубе, располагавшем ценными сведениями о славянских государствах своего времени (см.: Бакри/Розен). Текст Ибрахима ибн Йа'куба, дошедший до нас лишь в составе сочинений более поздних авторов, был опубликован по двум известным тогда рукописям испано-арабского энциклопедиста XI в. ал-Бакри и сопровождался переводом и комментариями. При обращении к публикации Куника и Розена следует иметь в виду, что впоследствии была открыта еще одна рукопись ал-Бакри, а также что сообщения Ибрахима ибн Йа'куба передает не один ал-Бакри, но и арабский космограф XIII в. ал-Казвини. Кунику принадлежат также исследования сообщений арабского историка XIII в. Ибн ал-Асира о походе русов на Каспий в 944 г. и о вторжении монголов в Европу в 1220-1224 гг. Розен, кроме того, детально исследовал сообщения христианского арабского писателя XI в. Йахьи Антиохийского о принятии христианства в Древней Руси (см.: Яхья).

Отдельное направление исследований было связано с именем академика-востоковеда Б.А.Дорна (B.Dorn, 1805-1881 гг.), который опубликовал собрание арабо-персидских известий о походах русов на Каспий в IX-XII вв. (см.: Дорн. 1875). Издание включало в себя некоторые неизвестные до тех пор отрывки из сочинений местных прикаспийских авторов, а также обширный этногеографический комментарий, выполненный при участии Ку-

пика. К настоящему времени почти весь материал источников, имеющийся в книге Дорна, доступен в более современных изданиях, однако какой-либо обобщающей работы по связям Древней Руси со странами каспийского региона больше не появилось.

В 1881 г. П.В.Марголиным был опубликован русский перевод записок еврейских путешественников XI–XII вв. — Эльдада, Вениамина Тудельского и Петахьи Регенсбургского, в сочинениях которых имеются некоторые данные о Восточной Европе (см.: Три путешественника).

Еще одна большая группа арабо-персидских источников разрабатывалась русским востоковедом, нумизматом и археологом В.Г.Тизенгаузенем (1825—1902 гг.). В 1884 г. он опубликовал собрание арабских материалов по истории Золотой Орды, куда вошли — в оригинале и в переводе — фрагменты из произведений авторов XIII–XV вв. (см.: Сборник. Т. I). Собранные, но не изданные Тизенгаузенем извлечения из персидских сочинений на ту же тему были впоследствии обработаны и опубликованы в 1941 г. А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным (см.: Сборник. Т. II). Работа Тизенгаузена до сих пор остается единственной в своем роде, хотя и в значительной мере устаревшей, особенно в том, что касается комментария к сведениям источников.

Изучением восточных источников по истории Древней Руси и Восточной Европы занимались и некоторые зарубежные ученые. Среди них следует прежде всего отметить немецкого ориенталиста Й.Маркварта (J.Marquart; Markwart, 1864—1930 гг.), труды которого по разным проблемам восточноевропейской истории сохраняют свое значение до сих пор (см.: Marquart. 1903; 1924).

В конце XIX — начале XX в. известный норвежский арабист Л.Сейппель (A.Seippel, 1851—1938 гг.) издал двухтомное собрание фрагментов арабо-персидских источников «о языческих народах из норманнов, варягов и русов» (см.: FA). Издание Сейппеля не сопровождалось ни переводами отрывков на какой-либо европейский язык, ни комментариями.

В 20-х годах вышел из печати фундаментальный шеститомный труд, посвященный арабской картографии, немецкого историка К.Миллера (K.Miller, 1844—1933 гг.; см.: MA).

В 30-х годах нашего столетия появились две публикации, посвященные анонимному персоязычному сочинению X в. «Худуд ал-'алам» («Пределы мира»). Выдающийся русский ориенталист академик В.В.Бартольд (1869–1930 гг.) выпустил его фототипическое издание в Ленинграде (см.: Худуд/Бартольд), а работавший

в Англии В.Ф.Минорский (V.Minorsky, 1877-1966 гг.) — перевод на английский язык с подробнейшими комментариями и предисловием Бартольда (см.: Hudud). Минорскому принадлежит также заслуга введения в научный оборот средневековых исторических сочинений Прикаспия, где содержатся и сведения, имеющие отношение к истории Древней Руси (см.: Минорский. 1963).

Достижения отечественных ученых в деле изучения древних еврейских источников по истории Восточной Европы были обобщены выдающимся русским семитологом П.К.Коковцовым, опубликовавшим в 1932 г. тексты еврейско-хазарской переписки X в., сопроводив их русским переводом и комментарием (см.: Переписка).

В 1932 г. выдающийся арабист академик И.Ю.Крачковский (1883–1951 гг.) выступил с инициативой издания свода арабских источников по истории народов СССР. В рамках этого проекта появились несколько публикаций, в том числе перевод записок Ибн Фадлана о путешествии на Волгу, выполненный А.П.Ковалевским (1895-1969 гг., см.: Ибн Фадлан. 1939; Ибн Фадлан).

Н.В.Пигулевской было начато изучение сирийских источников по истории народов Восточной Европы (Пигулевская. 1941, 1952). Впоследствии исследование сирийских памятников продолжил Р.А.Гусейнов (Гусейнов. 1986).

В послевоенные годы в Польше началось издание серии «Арабские источники по истории славянства» (см.: ZA) под редакцией видного ориенталиста Т.Левицкого (T.Lewicki). К настоящему времени опубликованы три тома (в четырех книгах), куда вошли фрагменты из трудов арабских авторов VII-X вв. Польскими учеными были изданы и касающиеся истории славян отрывки из источников на древнееврейском языке («Zródła hebrajskie do dziejów Słowian»). Благодаря подбору фрагментов относящихся ко всему славянству, в этих изданиях представлен материал и по Древней Руси, и отчасти по соседним с нею народам Восточной Европы. Каждый том содержит публикацию арабского текста того или иного автора, параллельный перевод на польский язык, комментарии и библиографию.

Крупным знатоком восточных источников по истории Древней Руси был Б.Н.Заходер (1898–1960 гг.). Результаты его исследований обобщены в посмертно опубликованном двухтомном труде «Каспийский свод сведений о Восточной Европе» (см.: Заходер. 1962; 1967). Заходер развивал идею о том, что в IX–X вв. в мусульманских странах, связанных с Восточной Европой по

средством Волжско-Каспийского пути, сформировался более или менее устойчивый комплекс сведений о данном регионе. Для реконструкции этого гипотетического свода известий, названного Заходером «Каспийским сводом», ученый составил выборку сообщений различных арабо-персидских авторов по отобранным им самим сюжетам. Несмотря на то, что подобная методика не сопровождалась текстологическим анализом памятников, труд Заходера, включающий в себя переводы фрагментов из большого количества восточных источников, до сих пор остается важным пособием для историка Древней Руси, особенно не востоковеда.

В 1965 г. вышли в свет новые переводы арабо-персидских источников IX—XVI вв. по истории славян и Древней Руси, выполненные А.П.Новосельцевым (1933—1995 гг.; см.: Новосельцев. 1965). Эта публикация наглядно продемонстрировала невозможность адекватного прочтения того или иного сообщения без анализа источника с точки зрения занимаемого им места в арабо-персидской историко-географической традиции. В дальнейшем Новосельцев посвятил несколько работ рассмотрению сведений различных арабо-персидских (Ибн Хордадбех, «Худуд ал-'алам») и древнееврейских источников IX—X вв. по истории Древней Руси и Восточной Европы (см.: Новосельцев. 1983; 1986; 1990).

В методическом отношении большое значение имеют работы В.М.Бейлиса в области арабского источниковедения, в частности сделанный им перевод относящихся к Руси фрагментов сочинения географа XII в. ал-Идриси. Исследования Бейлиса основываются на обращении к оригинальному тексту и содержат новые подходы к анализу источников информации того или иного автора (Бейлис. 1969; 1974; 1986; 1989).

В 1988 г. появился первый восточный выпуск «Свода древнейших источников по истории народов СССР». Он был подготовлен Т.М.Калининой и включал в себя фрагменты сочинений четырех арабских географов IX—начала X в., касающиеся Восточной Европы (см.: Сведения). Издание содержит сведения об авторе и его сочинении, публикацию арабского текста, русского перевода и подробный комментарий.

За последние два десятилетия на русский язык были переведены — полностью или частично — произведения целого ряда средневековых арабо-персидских и древнееврейских авторов. Некоторые из этих публикаций содержат материалы, представляющие интерес для историка Древней Руси. Они будут отмечены ниже, при характеристике самих источников.

6. ОСНОВНЫЕ ПОСОБИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

При работе со средневековыми источниками, вышедшими из мусульманского культурного круга, полезно обращаться к специальной литературе справочного характера. Универсальным пособием такого рода является многотомная «Энциклопедия ислама», помогающая ориентироваться как в реалиях истории и культуры исламских стран, так и в посвященной им необозримой библиографии, «Энциклопедия ислама», подготовленная крупными востоковедами из многих стран мира, издана на английском, немецком и французском языках. Первое издание энциклопедии вышло в свет в 1913—1934 гг. (Е1), а с 1954 г. осуществляется ее переиздание, переработанное с учетом современного уровня науки (Е1²). Статьи, написанные В.В.Бартольд для первого издания энциклопедии, имеются также в русском переводе (см.: Бартольд. 1963—1973). Комплексное представление об исламе как идеологической системе в ее прошлом и настоящем дает справочное издание «Ислам: Энциклопедический словарь». При углубленном изучении того или иного автора или произведения следует прибегать к двухтомному биобиблиографическому справочнику немецкого востоковеда К.Брокельмана (см.: Brockelmann) «История арабской литературы», опубликованному в 1898—1902 гг. в Германии (три дополнительных тома вышли в Лейдене в 1937—1942 гг.). Для изучения арабо-персидской географической литературы первостепенное значение имеет фундаментальный труд И.Ю.Крачковского «Арабская географическая литература» (см.: АГЛ).

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ О ФИЗИЧЕСКОЙ И ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ Восточной ЕВРОПЫ

Основные принципы землеописания ученые халифата заимствовали из античной географии. По греческой традиции, арабские географы считали населенной лишь одну четвертую часть северного полушария («обитаемая четверть»). Земли к югу от экватора рассматривались как необитаемые. Населенная часть земли под

разделялась на семь широтных зон-климатов, шедших с юга на север. Народы Восточной Европы по этой классификации оказывались в пределах шестого и седьмого климатов. Из элементов физической географии Восточной Европы лучше всего арабо-персидские ученые знали гидрографию региона — моря и реки, по которым пролегли основные торговые пути того времени.

От греков арабы унаследовали представление о том, что Земля была окружена Мировым океаном, называвшимся *Окружающим морем (ал-бахр ал-Мухит)*. Разные части этого Окружающего моря, его заливы, считались отдельными морями, соединенными друг с другом. К числу заливов не относилось только Каспийское море как изолированный водный бассейн (Lewicki. 1961. Р. 70—77). Описания Окружающего океана и его морей помещались, как правило, во вводных частях географических сочинений. Один из наиболее подробных рассказов об Окружающем море содержится в труде географа XIV в. Абу-л-Фиды. <)характеризовав моря, омывающие Африку, Абу-л-Фида' далее переходит к Евразии:

«Затем море простирается на северо-восток, пока не достигнет моря ас-Син и ал-Хинд (Индийский океан. — *Авт.*), затем поворачивает на восток, пока не поравняется с крайним восточным пределом Земли. Там [находится] страна ас-Син (Китай. — *Авт.*). Затем море отклоняется к востоку от [страны] ас-Син и идет в направлении севера, затем простирается на север, [протекая] к востоку от страны ас-Син, пока не выйдет за пределы страны ас-Син и не поравняется с преградой Йаджуджа и Маджуджа. Затем море поворачивает, окружая земли, состояние которых [нам] неизвестно, простирается на запад и оказывается к северу от Земли, равняется со страной ар-Рус, минует ее и поворачивает на запад и на юг, окружая Землю, и оказывается в западной части. [Далее] море простирается вдоль берегов, [населенных] различными неверными народами, и равняется со страной Румийа (Византия. — *Авт.*) на западе» [Абу-л-Фида'. Р. 20 (араб. текст)/24 (франц. пер.)].

Черное море считалось заливом, отходящим от восточной части Средиземного моря. Обычным наименованием Черного моря в арабо-персидской литературе было *Море Бунтус (бахр Бунтус)*, что являлось арабской передачей греческого названия моря — «Понт» (*Πόντος*). Довольно часто вследствие неправильной постановки диакритических знаков в слове *Бунтус* название Черного моря встречается в форме *бахр Нитас*. Другие названия Черного моря в арабской литературе производились либо от имен народов, обитавших вдоль черноморских берегов, либо от наименований приморских городов. Первым собственным арабским названием Черного моря было распространенное в IX и отчасти в X в. наименование *Хазарское море (бахр ал-хазар)*.

В X в. Черное море именовалось также *Русским* (*бахр ар-рус*). Из рек бассейна Черного моря арабы знали Дунай (*Данубис, Дону*), упоминаемый с IX в., благодаря знакомству с греческими источниками (греч. *Δανούβιος*). С Днестром арабы познакомились поздно; его название в восходящей к античной географии форме *Данабрис* (греч. *Δάναπρις*) впервые встречается в источнике середины XII в. (Идриси. С. 12, 909, 912, 913, 921, 957).

Арабское название Азовского моря — *бахр Майутис* — восходило к его греческому наименованию «Меотида» (*Μαιωτις*) и по традиции, унаследованной от античной географии, рассматривалось арабо-персидскими учеными как отдельное море или озеро, связанное с Черным. Впадающий в Азовское море Дон, известия о котором первоначально поступали в страны халифата через Хазарию, назывался античным именем *Танаис* (греч. *Τάναις*). Арабские географы имели смутное представление об истоках Дона, но его нижнее течение было знакомо им уже в IX в.

Каспийское море получило много названий, связанных с наименованиями прилегающих к этому морю стран, народов и городов. Арабская литература сохранила одно из древних названий Каспия — *Гирканское море* (греч. *Ύρκανία*), употреблявшееся в форме *Джурджанское море* по имени крупного торгового центра на юге Каспия. Другим распространенным у мусульман названием Каспийского моря было *Хазарское море*, закрепившееся за ним с X в. Существовало и много других наименований, имевших локальный характер, — *Дербентское* (*бахр ал-Баб*), *Табаристанское*, *Дейлемское*, *Ширванское* и др.

Балтийское море впервые упоминается в мусульманской историографии только в XI в. Среднеазиатский ученый-энциклопедист *ал-Бируни* (973–1048 гг.), описывая Окружающее море, говорит, что на севере, близ земли славян, от него отходит залив, называемый по имени одного из проживающих там народов *Варяжским морем* — *бахр Варанк* (Бируни. С. 121; АГЛ. С. 248). В XII в. ал-Идриси называет много стран и городов, лежащих вдоль его берегов, — *Булунийа* (Польша), *Зувада* (Швеция), *Финмарка* (Норвегия и Финляндия), *Табаст* (область финского племени хяме, др.-рус. *емь*), *Астланда* (Восточная Прибалтика) (Идриси. Р. 949–956; Идриси/Туулио. Р. 2–27). Однако сведения ал-Идриси о Прибалтике остались уникальными в арабо-персидской географии. По всей вероятности, это связано с тем, что ал-Идриси не привел названия моря. Весьма показательным, что даже хорошо знавший сочинение ал-Идриси *Абу-л-Фида* в своем опи-

сании Балтийского моря опирается исключительно на данные ал-Бируни:

«Рассказ о море Варанк. Я [нигде] не нахожу упоминания об этом море, кроме как в сочинениях Абу Райхана ал-Бируни и в книге ан-Насира, и я придерживаюсь мнения, высказанного ал-Бируни. Он говорит, что море Варанк отделяется от Окружающего моря на севере и простирается в южном направлении; его длина и ширина значительные. Варанк — это народ, [живущий] на его берегу» (Абу-л-Фида". Р. 35/42).

Как видно, Абу-л-Фида' называет еще одного автора, обладавшего какими-то сведениями о Балтийском море, — некоего ан-Насира. Под этим именем, как полагают, может подразумеваться персидский ученый-энциклопедист XIII в. *Насир ад-дин ат-Туси*, однако о том, какие данные он приводит о Прибалтике, ничего не известно.

Помимо перечисленных гидронимов, сравнительно легко поддающихся идентификации, у арабо-персидских географов фигурируют и такие, отождествление которых вызывает немалые трудности. Дело в том, что существует принципиальная разница между географической номенклатурой средневекового писателя, у которого то или иное наименование может являться авторской умозрительной конструкцией, и современными топонимами, гидронимами и оронимами, каждый из которых точно соответствует какому-нибудь одному географическому объекту. Так, для Восточной Европы в арабо-персидской географии выделяются несколько названий, которые либо в принципе не могут быть отождествлены с каким-либо конкретным географическим объектом, либо такое отождествление будет весьма условным. Кроме того, географические названия, как и другие термины, историчны, что также нельзя игнорировать при работе со средневековыми источниками. Например, некоторые реки Восточной Европы в разное время носили различные наименования в арабо-персидской географии.

В первую очередь сказанное относится к характеристике крупнейшей водной магистрали Восточной Европы — реке *Атил*, которую в литературе принято без всяких оговорок отождествлять с Волгой. Между тем гидроним Атил, во-первых, охватывал не весь бассейн реальной Волги, а во-вторых, он мог включать в себя представления и об иных реках Восточной Европы.

Приведем для примера одно из описаний Атила в сочинении ал-Идриси:

«Река Атил берет начало на востоке, в области басджиртов, затем течет между [землями] баджнаков и болгар, являясь границей между ними. Она течет на запад, пока не пройдет позади болгар; затем снова отклоня-

ется на восток, пока не минует [области] русов, болгар, бургасов и хазар с тем, чтобы влиться в море ал-Хазар. Говорят, будто Атил разветвляется более чем на 70 рек, но главное русло реки впадает в море ал-Хазар. Рассказывают, что если воды этих рек объединить, то они образуют более полноводную реку, чем **Джейхун** или Балх (река Аму-Дарья. — *Авт.*). От этой реки отделяется рукав, [текущий] на запад до впадения в море Нитас» (Ид-рис. С. 834-835).

Чтобы разобраться в этом описании, следует проследить, как шло накопление знаний о реках нашего региона среди ученых Арабского халифата. Самые общие знания **арабо-персидских** географов о водных бассейнах Восточной Европы первоначально воплощались в представлении о существовании громадного Константинопольского «пролива» (*халидж*), который около Константинополя ответвлялся от Средиземного моря (*моря Рума*) и шел на север, разделяя земли славян, и впадал в Окружающий океан. На картах «Атласа ислама» Константинопольский пролив изображали в виде мощного водного потока, связывавшего на севере море Рума с Окружающим океаном. Река Атил на этих картах изображена впадающей в Хазарское море, которое представляет собой замкнутый водный бассейн (МА. Bd. I. Н. 1). Однако уже в IX в. арабские географы знали о том, что Черное и Каспийское моря были связаны друг с другом посредством впадающих в них рек (см. ниже в гл. 5 описание пути купцов-русов у Ибн Хордадбега). В X в. среди арабских географов распространяется представление о том, что Атил соединяется с Черным морем посредством рукава, ответвляющегося от реки близ Волжской **Булгарии** и текущего в Понт. На карте ал-Идриси в нижнем течении Атила изображены два рукава, один из которых впадает в Каспий, а другой — в Черное море. Таким образом, под нижним течением Атила арабские географы подразумевали не только реальную Волгу, но и участок Дона от излучины до устья.

Географическая традиция арабо-персидской литературы за основное русло верхнего Атила, как правило, принимала реку Каму. Ее истоки искали далеко на востоке, путая их с верховьями Иртыша. Что же касается реальной верхней Волги, то знания о ней воплотились в представлении о том, что какая-то часть течения Атила проходила по землям русов (Lewicki. 1961. Р. 78—79). В связи с этим в арабо-персидских сочинениях X в. упоминается гидроним *Русская река* (*нахр ар-рус*), обозначающий либо приток Атила (**Худуд/Бартольд. Л. 106**), либо весь Атил (**BGA. Т. II². Р. 13**).

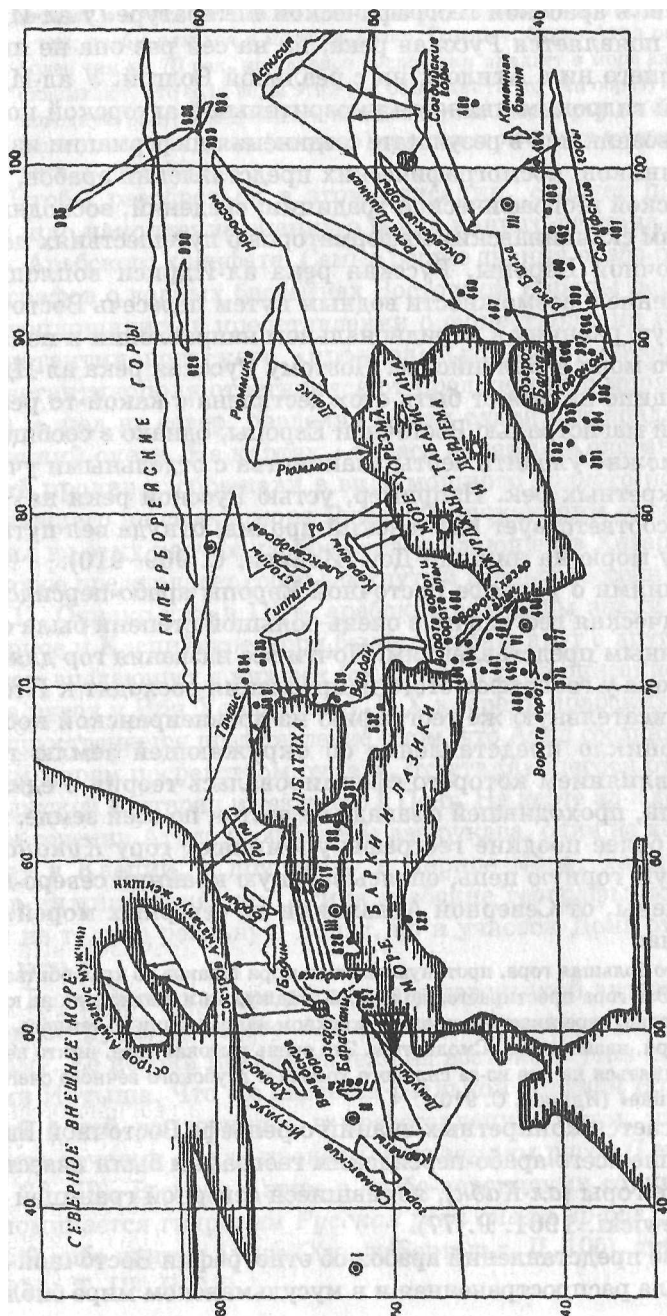
В XII в. в арабской географической литературе (у ал-Идриси) вновь появляется Русская река, но на сей раз она не имеет ничего общего ни с **Атилом**, ни с реальной Волгой. У ал-Идриси данный гидроним является умозрительной авторской конструкцией, возникшей в результате соединения информации из **разных** источников: космографических представлений арабов, **арабо-персидской** географической традиции, сведений, восходящих к рассказам скандинавских информаторов о путешествиях по рекам Восточной Европы. Русская река ал-Идриси воплощала представление о возможности водным путем пересечь Восточно-европейскую равнину в меридиональном направлении и попасть из Черного моря в Балтийское. Поэтому Русская река ал-Идриси в принципе не может быть отождествлена с какой-то реальной водной магистралью Восточной Европы, однако в сообщениях о ней можно уловить черты знакомства с отдельными участками конкретных рек. Например, устью Русской реки на Черном море соответствует Керченский пролив, откуда вел путь по Азовскому морю на нижний Дон (Идриси. С. 909—910).

Сведениями о рельефе Восточной Европы арабо-персидская **астрономическая** география в очень большой степени была обязана античным представлениям. Почти все названия гор для нашего региона у географов этого направления восходят к Птолемею. В описательную же географию из древнеиранской космогонии проникло представление об окружающей землю горе **Каф**, под влиянием которого сформировалась теория о единой горной цепи, проходившей с запада на восток по всей земле. Ал-Идриси и более поздние географы упоминают гору **Кукайя** — грандиозную горную цепь, опоясывающую крайний северо-восток ойкумены, от Северной Атлантики до северных морей Тихого океана:

«Это большая гора, протянувшаяся от моря **Мраков** до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны Йаджуджа и Маджуджа на крайнем востоке, пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым. Это очень высокая гора, никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине» (Идриси. С. 910).

Что касается конкретных знаний о рельефе Восточной Европы, то лучше всего арабо-персидским географам были известны Кавказские горы (**ал-Кабк**), являвшиеся северной границей халифата (Lewicki. 1961. Р. 77).

В основе представлений арабов об этнографии Восточной Европы лежала распространенная и в мусульманском мире библей-

ская концепция о разделении земли между сыновьями Ноя (араб. *Нух*). Согласно воззрениям арабских авторов, народы Восточной Европы — славяне, русы, хазары, булгары, тюрки — (• читались потомками Иафета (араб. *Иафас*).

ГЛАВА 2. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СОЧИНЕНИЯХ АРАБСКИХ АСТРОНОМОВ IX В.

Наиболее ранние географические сочинения на арабском языке, дошедшие до нас, относятся к жанру астрономической географии. Основоположником этого направления в арабской географии был ал-Хоризми.

Сведения о жизни *Мухаммада ибн Мусы ал-Хоризми* (иные написания — ал-Хорезми, ал-Хваризми, *al-Huwarizmi*, *al-Khwarazmi*) очень скудны. Его *нисба* (элемент собственного имени у арабов, обозначающий происхождение по племени, роду, городу, профессии или религии) говорит о том, что ученый был уроженцем среднеазиатского города Хорезма. Год его рождения точно неизвестен, по косвенным свидетельствам он приходится на 80-е годы VIII в. Дата смерти также определяется приблизительно — после 846 г. Ал-Хоризми много лет провел в Багдаде, близко стоял к знаменитому «Дому мудрости», был придворным астрологом у халифов. Ал-Хоризми написал труды по целому ряду дисциплин — математике, астрономии, географии и истории, — не все из которых дошли до наших дней. Латинские переводы математических сочинений ал-Хоризми были хорошо известны в Европе начиная с XII в. По наименованию произведения ал-Хоризми «*Книга ал-джабр*» («*Китаб ал-джабр*») получил свое название один из разделов математики — алгебра. Само имя ал-Хоризми — в его латинизированной форме **Algorithmus** — стало математическим термином «алгоритм».

Сведения о Восточной Европе содержатся в географическом сочинении ал-Хоризми «*Книга картины Земли*» («*Китаб сурат ал-ард*»). Ал-Хоризми работал над ним на закате своей жизни, между 836 и 847 гг. К настоящему времени известна единственная рукопись этого произведения, датированная 1037 г. и ныне хранящаяся в университетской библиотеке Страсбурга (см.: Хоризми; Сведения. С. 11-107).

Сочинение ал-Хоризми представляет собой собрание таблиц, в которых указаны, в порядке климатов, названия городов, гор, очертания береговых линий морей и островов, описание озер и течения рек. Название каждого географического объекта сопровождается указанием его координат в градусах и минутах. Наличие координат для каждого пункта позволяет рассматривать труд ал-Хоризми как руководство для составления карт или как текст к ним. Не случайно к рукописи сочинения приложены четыре карты, которые в схематичной форме — без долгот и широт — передают не дошедшие до нашего времени карты-оригиналы. Одна из сохранившихся карт содержит изображение Азовского моря (под названием *ал-Батиха*) с прилегающими территориями.

В значительной степени труд ал-Хоризми является переработкой «Географического руководства» Птолемея, **обогащенной** достижениями мусульманской географии. Современные ему сведения ал-Хоризми приводит в основном для стран **халифата** и тех территорий, с которыми арабы имели политические и **торговые** отношения, прежде всего — для областей Закавказья и Средней Азии. В описании же Восточной Европы значительную часть составляет птолемеевский материал (см. илл. 6).

Сведения о странах и народах Восточной Европы ал-Хоризми приводит в составе описания шестого и седьмого климатов, а **также** особого раздела о землях, лежащих к северу от седьмого **климата**. Ал-Хоризми сохранил птолемеевы наименования различных областей Восточной Европы, но переосмыслил их в свете современных ему данных. Как и Птолемей, ал-Хоризми называет две Сарматии, однако их разграничение он проводит по-иному, чем александрийский ученый. В пределах Европейской Сарматии ал-Хоризми поместил не алан, как Птолемей, а бурджан (дунайских болгар). Аланы же оказались у него в пределах птолемеевой Азиатской Сарматии (Хоризми. С. 104—105; Сведения. С. 48). Ал-Хоризми знал также Крымский полуостров (*Таукийа*; там же). Гидрография, орография и топонимика Восточной Европы в «Книге картины Земли» почти целиком восходит к Птолемею. Существенные расхождения с материалом античной географии касаются только описания и изображения Азовского моря. Согласно ал-Хоризми, Азовское море не было связано с Черным морем; вместе с тем Азовское море сообщалось с северными морями посредством двух безымянных рек (Хоризми. С. 154-157; Сведения. С. 52—53). Из народов Восточной Европы ал-Хоризми упоминает хазар, алан, бурджан. О славянах говорится как о жителях **‘Ир-**

манийи (Хоризми. С. 32, 104-105; Сведения. С. 40, 48), что соответствует «Великой Германии» Птолемея (*Γερμανία μεγάλη*).

Сочинение ал-Хоризми послужило основой для дальнейших переработок. Одна из них появилась в первой половине X в. и называлась «Книгой чудес семи климатов» («Китаб 'аджа'иб ал-калим ас-саб'а»). Об авторе этого произведения ничего не известно. Сам же он называл себя *Сухрабом*, т.е. «беднейшим из людей». Это прозвище, персидское по происхождению, исследователями прошлого века передавалось как Ибн Сарафийун или Ибн Сарацион. Сочинение Сухраба сохранилось в единственной рукописи XIV в. и было издано Мжигом в 1930 г. (см.: Сухраб; Сведения. С. 109-126).

Так же как и сочинение ал-Хоризми, книга Сухраба состоит из таблиц, где в порядке климатов приводятся названия различных географических объектов и их координаты. Однако сведения, взятые у ал-Хоризми, Сухраб подверг собственной переработке: он иначе расположил материал, предпослал своей книге введение, а самое главное — значительно расширил информацию ал-Хоризми за счет современных ему арабских источников. В частности, Сухраб вносит изменения в описание Азовского моря, называемого им по имени прибрежного города *Тирма*. По определению Сухраба, «водоем Тирма» начинался «при соприкосновении с морем» (Сухраб. С. 80; Сведения. С. 115).

Некоторые сведения о странах и народах Восточной Европы можно найти в произведениях выдающихся арабских астрономов ал-Фаргани и ал-Баттани.

О жизни ал-Фаргани почти ничего не известно. По данным его сочинения и скудным упоминаниям о деятельности ученого в арабской литературе можно заключить, что ал-Фаргани, происходивший из Ферганы в Средней Азии, жил в первой половине IX в. Основным трудом ал-Фаргани является сочинение по астрономии, дошедшее до нашего времени во множестве списков и под различными названиями, наиболее принятым из которых является «Книга о небесных движениях и свод науки о звездах» («Китаб ал-харакат ас-самавийа ва джавами' 'илм ан-нуджум»)¹.

¹ Труд ал-Фаргани пользовался большой популярностью не только на Востоке, но и на Западе. Его первые переводы на латинский язык были сделаны в XII в. Иоанном Севильским и Герардом Кремонским. Вплоть до XV в. латинские переводы сочинения Альфрагануса (Alfraganus — так называли ал-Фаргани в Европе) оставались самым распространенным арабским астрономическим произведением, известным европейским ученым.

Арабский текст труда ал-Фаргани был издан голландским математиком и арабистом Я.Голиусом (J.Golius) в Амстердаме еще в 1669 г. с параллельным латинским переводом (см.: Фаргани; Сведения. С. 127-139).

Книга ал-Фаргани представляет собой свод астрономических сведений, источники которых восходят преимущественно к греческой школе Птолемея. Сочинение состоит из тридцати разделов, повествующих о всевозможных астрономических явлениях. В девятом разделе дается описание семи климатов ойкумены. Их характеристику ал-Фаргани ведет не с запада на восток, как было принято в арабских географических сочинениях, а наоборот — с востока на запад, в чем усматривают элементы ирано-индийского влияния. В шестом климате ал-Фаргани упоминает страну хазар, в седьмом — страну славян (*ас-сакалиба*), а к северу от седьмого климата — страну алан (Фаргани. С. 38; Сведения, С. 130).

Еще один ранний арабский географ, *ал-Баттани*, родился ок. 858 г. в г. Харране, в семье сабиев — последователей древних месопотамских астральных культов. Сам ал-Баттани, хотя и носил прозвище *ас-Саби'*, считал себя мусульманином. Почти всю жизнь он прожил в сирийском городе Ракке, где занимался астрономическими наблюдениями в местной обсерватории. Умер ал-Баттани в 929 г. Ал-Баттани написал несколько астрономических трактатов, из которых уцелел только один — «Книга сабиевских астрономических таблиц» («*Китаб аз-зидж ас-Саби'*»; см.: Баттани; Сведения. С. 140—151). При создании этого труда ал-Баттани опирался на материалы своего старшего современника и земляка Сабита ибн Курра, произведение которого, в свою очередь, восходит к сирийским обработкам Птолемея и к книге ал-Хоризми. Сочинение ал-Баттани оказало большое влияние на развитие астрономии не только в мусульманских странах, но и в Европе, где результатами исследований ал-Баттани пользовались еще в XVIII в.²

Книга ал-Баттани содержит перечень координат для 273 географических объектов, которому автор предпослал обширное введение теоретического характера. Особый интерес в этом введе-

² В XII в. труд ал-Баттани был переведен на латинский, а в XIII в. — на испанский язык. Латинский перевод сочинения ал-Баттани не сохранился, а испанский дошел до наших дней и был издан в Тюбингене в 1978 г. (Los Canones de Albatenii / Hrsg. sowie mit Einleitung, Anmerkungen und Glossar versehen von G.Bossong. Tubingen, 1978).

нии представляет шестая глава, где дается описание земли в целом, причем особенно подробно характеризуются моря, в том числе Черное, Азовское, Каспийское (**Баттани**. С. 27; АГЛ. С. 103; **Сведения**. С. 144—145). В отличие от более ранних арабских географов, ал-Баттани неоднократно упоминает Дон под его античным названием Танаис (Там же).

Таким образом, в рамках арабской астрономической географии происходило творческое усвоение античных представлений о географии и этнографии Восточной Европы.

ГЛАВА 3. **РАННИЕ УПОМИНАНИЯ О СЛАВЯНАХ**

Первые упоминания о славянах (**ас-сакалиба**) в арабо-персидской историографии датированы VI—VII вв. Эти сообщения о славянах находятся в трудах авторов IX—X вв., источники которых восходят к утраченным персидским летописям, созданным в VI в., в период расцвета державы Сасанидов. Прежде всего следует назвать произведение основоположника жанра всеобщей истории ученого и богослова *ат-Табари* (839—923 гг.) «История пророков и царей» («Та'рих ар-русул ва-л-мулук»). Труд ат-Табари в полном виде не сохранился; до нас дошла его краткая редакция в 13 томах (см.: Табари³). Изложение событий в книге начинается с сотворения мира и доведено до 912 г.

В 60-х годах X в. саманидский вазир **Мухаммад Бал'ами** составил на персидском языке сокращенную обработку «Истории» ат-Табари, дополнив ее некоторыми данными по истории Средней Азии, Ирана и Закавказья (см.: **Бал'ами**⁴). Изложение у Бал'ами прерывается на 842 г. Версия Бал'ами ценна тем, что он был знаком с полной редакцией труда ат-Табари и потому мог сохранить сведения последнего, не дошедшие до нас в составе краткой редакции. Кроме Бал'ами, полной редакцией «Истории» ат-Табари, по-видимому, пользовались и более поздние писатели,

³ Имеются переводы на различные европейские языки отдельных фрагментов сочинения, в том числе на русский (*Ат-Табари Мухаммад. «История» ат-Табари: Избранные отрывки / Пер. с араб., предисл. В.И.Беляева. Ташкент, 1987*).

⁴ Переработка Бал'ами получила широкое распространение в мусульманском мире, о чем свидетельствует множество сохранившихся рукописей его труда, в том числе в переводах на другие языки — турецкий, урду, чагатайский. Имеется полный французский перевод сочинения (*Chronique de Abou-Djafar-Mohammed ben-Djarig ben Jezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou Ali-Mohammed Bel'ami par H.Zotenberg. P., 1867-1874. Т. 1-4*).

авторы сочинений по истории Прикаспия — *Ибн Исфендийар* (XIII в.) и *Амули* (XIV в.).

В доступном нам тексте краткой редакции «Истории» ат-Табари отсутствуют сведения о каких-либо событиях, связанных со славянами. Тем не менее сами славяне как один из населявших Европу народов были историку, безусловно, известны. Излагая родословную человечества, он называет славян среди других народов—потомков Ноя (Табари. *Сер. 1. Р. 223*). Исследование же сообщений о славянах в трудах арабо-персидских историков X—XIV вв., для которых сочинение ат-Табари являлось источником, позволяет предполагать, что в полной редакции «Истории» ат-Табари могло быть и больше данных о славянах. А.П.Новосельцев, например, возводит к ат-Табари известие Бал'ами о славянах в связи с событиями 30-х годов VII в., так же как и рассказ Ибн Исфендийара и Амули о персидском принце Джамасбе, брате Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), бежавшем через Дербент к хазарам и славянам (Новосельцев. 1965. С. 362).

Другие ранние упоминания этнонима *ас-сакалиба* применительно к населению Восточной Европы связаны с описанием арабо-хазарских войн на Кавказе в первой половине VIII в. Особенный интерес для нас представляет фрагмент о деятельности на Кавказе арабского полководца Марвана ибн Мухаммада [позднее — халиф Марван II (744—750 гг.)], совершившего поход в **глубь Хазарии**, в ходе которого он столкнулся со славянами.

Две наиболее полные версии рассказа об этом походе содержатся в сочинениях арабских историков *ал-Балазури* (ум. в 892 г.) и *ал-Куфи* (ум. в 926 г.). Ал-Балазури был автором исторического труда «Книга завоеваний стран» («Китаб футух ал-булдан»), повествующего об истории арабских завоеваний VII — первой половины IX в. Сочинение ал-Балазури дошло до нас в сокращенной редакции, выполненной, по-видимому, самим автором (см.: **Балазури; Балазури/Жузе**). Другим произведением подобного жанра был труд историка ал-Куфи «Книга завоеваний» («Китаб ал-футух»)⁵. Краткое сообщение о походе Марвана имеется и в «Истории» ат-Табари, но без упоминания о славянах.

⁵ Труд ал-Куфи, сохранившийся в единственной рукописи, долгое время был неизвестен даже специалистам-востоковедам. Сообщение ал-Куфи об арабо-хазарской войне 30-х годов VIII в. впервые ввел в научный оборот А.З.В.Тоган (A.Z.V.Togan; см.: *Ibn Fadlan*). Впоследствии появилось полное издание сочинения (Куфи), по тексту которого отрывки, посвященные Закавказью, переведены на русский язык (см.: *Куфи/Бунятов*).

В 733 г. Марван был назначен наместником двух кавказских провинций халифата — Армении и Азербайджана (иранского). В 737 г. арабы овладели тогдашней столицей **Хазарии** городом Самандаром (называвшимся арабами также ал-Байдой), который находился, по всей вероятности, на севере приморской части Дагестана. Правитель Хазарии обратился в бегство, преследуемый по пятам отрядами Марвана. По словам ал-Балазури, Марван **продвинулся** далеко в глубь Хазарии; ал-Куфи же сообщает о том, что арабы достигли земель, расположенных «за страной хазар». Оба автора говорят о том, что Марван совершил набег на *ас-сакалиба* (ал-Куфи добавляет, что нападению подверглись и другие «неверные», т. е. немусульмане, обитавшие по соседству) и взял в плен 20 тысяч семей. Согласно ал-Куфи, арабы двинулись дальше, пока не дошли до Славянской реки (**нахрас-сакалиба**). За этой рекой они разбили хазарское войско, вынудив хакана признать свое поражение и согласиться на принятие ислама (Балазури. С. 207; Ibn Fadlan. S. 296; Куфи/Буниятов. С. 51).

Вопросы о том, что подразумевают арабские авторы под **Славянской** рекой и теми славянами, с которыми столкнулся Марван, уже давно и оживленно обсуждаются в науке. До появления публикации А.З.В.Тогана исследователи могли опираться только на сообщение ал-Балазури, который говорит о столкновении Марвана со славянами, но не упоминает Славянскую реку. В.В.Бартольд и Й.Маркварт предполагали, что у ал-Балазури идет речь о славянах, проживавших на территории Хазарии (Marquart. 1903. S. 198-199; Бартольд. 1963. С. 870-871). Тоган решительно отказался считать *ас-сакалиба* ал-Балазури и ал-Куфи этническими славянами и видел в них тюрок и финно-угров. Соответственно, Славянская река ал-Куфи была отождествлена им с Волгой, по течению которой проживали эти этносы (Ibn Fadlan. S. 305). Впоследствии Славянскую реку с Волгой отождествляли Д.М.Данлоп и С.Г.Кляшторный (Dunlop. 1954. P. 82-84; Кляшторный. 1964. С. 16-18). На локализацию ими Славянской реки решающее влияние оказало убеждение в том, что топоним *ал-Байда* арабских источников якобы относился к хазарскому городу в низовьях Волги, на месте которого вырос Итиль. А.П.Новосельцев, вслед за Марквартом и Бартольдом, полагает, что под Славянской рекой, до которой дошел Марван, следует понимать Дон (Новосельцев. 1965. С. 369-371; он же. 1990. С. 186-187). К такому выводу его приводит не только анализ сообщения ал-Куфи, но и наличие упоминаний о «реке славян» у ранних араб-

ских географов Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха (о них см. гл. 5) сообщения которых позволяют довольно уверенно отождествить ее именно с Доном.

О славянах в связи с событиями на Кавказе в середине IX в. упоминает арабский историк и географ ал-Йа'куби (IX в.). Перу ал-Йа'куби принадлежит сочинение по всемирной истории — «История» («Та'рих»; см.: Йа'куби. Та'рих). В книге ал-Йа'куби, начинающейся с истории библейских патриархов, изложение доведено до 872 г. В одном из разделов сочинения ал-Йа'куби подробно останавливается на описании военных действий арабов I в Закавказье в начале 50-х годов IX в. Незадолго до этого халифские войска с трудом подавили оппозиционное народное движение хуррамитов (от перс. *хуррамдин* — «имеющий радостную, благую веру»), продолжавшееся в Западном Иране более 20 лет I (816—837 гг.). Разгром хуррамитов повлек за собой усиление репрессий в Закавказье, где выступления против власти халифата охватили Армению, Албанию (Северный Азербайджан) и Грузию. На усмирение непокорных подданных халиф направил полководца Бугу Старшего. Замирив Армению и Грузию, Буга вслед за этим обрушился на кавказских горцев, которые, по сообщению ал-Йа'куби, обратились за помощью к трем правителям — византийскому императору, владыке Хазарии и некоему *сахиб ас-сакалиба*, т. е. к правителю славян (Йа'куби. Та'рих. Т. II. С. 598–599). По мнению В.М.Бейлиса, не лишено вероятности, что речь идет о князе одного из восточнославянских племен (Бейлис. 1986. С. 141). Маркварт и Новосельцев считают возможным, что горцы просили помощи у киевского князя (Marquart. 1903. S. 200; Новосельцев. 1965. С. 372).

В параллель к сообщению ал-Йа'куби можно поставить данные арабского автора X в. *Ибн ан-Надима*, упоминающего о том, что «один из царей горы ал-Кабк» (т.е. Кавказа. — *ИХ*) направил посла к «царю русов» (Ибн ан-Надим. С. 20; Сказания. С. 240).

ГЛАВА 4. **Ранние** известия о рисах

У целого ряда арабо-персидских историков X–XV вв. этноним *ар-рус* (русы) фигурирует в рассказах о событиях, разыгравшихся на Кавказе в VI–VII вв. Писавший по-арабски иранский филолог и историк *ас-Са'алиби* (961–1038 гг.) в своем со-

чении «Лучшее из жизнеописаний персидских царей и известий о них» («Китаб ал-гурар ахбар ал-мулук ал-фарси ва-сий-прухум»), рассказывая о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены, среди враждебных персам северных народов упоминает наряду с турками и хазарами русов (Са'алиби. С. 611). Другой автор, прикаспийский историк *Захир ад-дин Мар'аши* (вторая половина XV в.), написавший «Историю Табаристана, Руйана и Мазандерана» («Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандаран»), также помещает русов в VI в. где-то к северу от Кавказа (Мар'аши. С. 38).

Данные сообщения, как полагают, могли опираться на реальные факты. VI век был временем широкой экспансии славянских племен. Славяне продвигались не только в юго-западном направлении, на Балканы, но также и на юго-восток, где они вместе с иранскими и тюркскими племенами — аланами, хазарами, булгарами — тревожили границы державы Сасанидов. С указанными событиями и связывают появление сообщений о славянах и русах VI в. в арабо-персидских источниках. А.П.Новосельцев предполагает, что под русами мог иметься в виду какой-то обитавший на Северном Кавказе народ иранской языковой группы, возможно связанный со славянами (Новосельцев. 1965. С. 364).

О народе *рос* (*hros*) или *рус* (*hrus*), обитавшем далеко к северу от Кавказа, пишет сирийский автор VI в. *Псевдо-Захария* (Захария. С. 215; Пигулевская. 1941. С. 166). Однако явно легендарный характер описания представителей этого народа («мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей»), а также упоминание их в одном ряду с амазонками, людьми-псами и другими народами-монстрами, обитающими на краю ойкумены, заставляет современных исследователей относить сообщение *Захарии* Ритора к области мифологии (Петрухин. 1995. С. 42–48).

Еще одно раннее упоминание о русах у арабо-персидских авторов связано с событиями 643 г. на Кавказе. В это время арабы, сокрушившие Сасанидскую империю и захватившие Закавказье, подступили к Дербенту. С правителем Дербента по имени Шахрбараз арабы заключили соглашение, по которому он освобождался от уплаты дани, взамен чего брал на себя обязательство охранять Дербентский проход от северных народов. В сохранившейся краткой редакции труда ат-Табари северные соседи Дербента не названы, речь идет просто о варварских народах. А вот

в обработке Бал'ами среди врагов Шахрбараза дважды упоминаются русы (Бал'ами. С. 336).

Данные Бал'ами, еще в прошлом веке привлекавшие внимание историков, до сих пор не имеют однозначного толкования. Одни исследователи считают его сообщение позднейшей вставкой, которую можно не принимать во внимание, другие рассматривают его как вполне достоверное. Новосельцев полагает, что рассказ о событиях 643 г. Бал'ами почерпнул из несохранившейся полной редакции сочинения ат-Табари; содержание же этнонима *ар-рус* у Бал'ами генетически связано с информацией о русах, имевшейся также у ас-Са'алиби и Захир ад-дина (Новосельцев. 1965. С. 362—365). Однако в связи с невозможностью проверить наличие у ат-Табари данных о русах сообщению Бал'ами можно дать и иное толкование. Для этого следует обратить внимание на то, в какое время Бал'ами составлял свою обработку. Он завершил работу над ней в 963 г., когда в Прикаспии еще была свежа память о разрушительных походах русов на Каспийском море в первой половине X в. В эпоху Бал'ами русы были самым могущественным народом Восточной Европы, поэтому упоминание их в числе опасных врагов арабов в VII в. могло только подчеркивать значение арабских завоеваний на Кавказе.

ГЛАВА 5. ПУТИ КУПЦОВ-РУСОВ И СЛАВЯН в БАГДАД И РЕЙ

Первое дошедшее до нас достоверное упоминание о русах в арабо-персидской литературе связано с описанием маршрута купцов-русов из Восточной Европы в Багдад и Константинополь. Это сообщение принадлежит автору IX в. Ибн Хордадбеку, одному из основоположников жанра «книг путей и стран».

Ибн Хордадбек, происходивший из знатной иранской семьи, родился ок. 820 г. Отец географа в начале IX в. являлся правителем Табаристана, области на южном берегу Каспийского моря. Ибн Хордадбек, получивший хорошее образование, был крупным чиновником: он занимал пост начальника почты в области Джибал, на северо-западе современного Ирана. Под конец жизни географ переехал в Багдад, где и умер приблизительно в 912 г. Ибн Хордадбек написал множество сочинений по географии, истории, филологии, кулинарии и музыке, ныне утра-

ченных. Сохранилась только «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»), очень популярная в IX–XVI вв. среди ученых халифата, которые обильно ее цитировали. В частности, ок. 922 г. **саманидский** вазир, ученый и меценат *ал-Джайхани* (конец IX — первая четверть X в.) написал не дошедший до нас труд под традиционным названием «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»), куда он включил значительную часть материалов Ибн Хордадбеха.

До наших дней дошли два списка и один фрагмент «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха, представляющие краткую и более **пространную** редакции сочинения. Однако у более поздних авторов есть ссылки на данные Ибн Хордадбеха, отсутствующие во всех сохранившихся рукописях его сочинения. Поэтому считается, что обе имеющиеся в нашем распоряжении редакции являются сокращенным вариантом «Книги путей и стран». Тексты обоих списков опубликованы (см.: BGA. T. VI; Ибн Хордадбех).

Важный вопрос о времени составления «Книги путей и стран», дебатруемый в науке еще с прошлого века, остается и по сей день дискуссионным. Судя по составу доступных нам списков, Ибн Хордадбех работал над своим сочинением на протяжении многих лет — с 40-х по конец 80-х годов IX в. и оставил две его версии, одна из которых — представленная списком краткой редакции — была создана в 40-х годах, а вторая — пространный вариант — в 80-х (Ибн Хордадбех. С. 16–30). Интересующее нас сообщение Ибн Хордадбеха о путях купцов-русов присутствует в обоих списках и, таким образом, может быть датировано самое позднее 40-ми годами IX в. В настоящее время некоторые ученые высказываются в пользу того, что это известие Ибн Хордадбеха относится к более раннему времени — 30-м годам IX в. (Pritsak. 1970. P. 242–243) или даже к началу IX в. (Noonan. 1987–1991. P. 214).

Сочинение Ибн Хордадбеха почти целиком посвящено характеристике известных автору путей, соединявших различные города и страны. Основную часть описания занимает перечисление дорожников, относящихся к территории халифата и сопредельных земель. Пространственным центром повествования является Багдад, откуда вели пути в Среднюю Азию, Индию и Китай, Северную Африку и Испанию, Византию и Закавказье, Аравию. Вслед за характеристикой маршрутов по Аравии говорится о торговом пути еврейских купцов, путешествовавших с то-

варами из мусульманской Испании до восточных областей халифата и далее до Индии и Китая. Затем помещен отрывок о путях **купцов-русов**, после чего вновь следует описание **сухопутных** маршрутов еврейских торговцев. Завершают книгу Ибн Хордабеха рассказы о диковинках разных стран и отчет о путешествии Саллама ат-Тарджумана к стене Йаджуджа и **Маджуджа**.

Купцов-русов Ибн Хордабех называет «видом» (**джинс**) славян. По его словам, купцы-русы доставляли меха «из самых отдаленных» районов страны славян к морю, именуемому им Румийским по арабскому названию Византии — *Рум*. Хотя в сочинении Ибн Хордабеха Румийским морем именуется только Средиземное, а Черное море называется Хазарским, все-таки большинство исследователей полагают, что маршрут купцов-русов пролегал именно по Черному морю. Купцы-русы двигались со своими товарами либо в Константинополь, либо в Багдад. В последнем случае их путь лежал через Хазарию, куда они попадали по «реке славян», название которой в рукописях сильно искажено и восстанавливается большинством исследователей как «Тан(а)ис» (Дон). Поднимаясь по Дону, а затем спускаясь вниз по Волге, купцы-русы попадали в Каспийское море, где высаживались с товарами «на любом берегу». Иногда купцы везли свои товары от Джурджана, города на южном побережье Каспия, до самого Багдада, пользуясь в пути услугами славянских евнухов, служивших им переводчиками. Согласно Ибн Хордабеху, купцы-русы утверждали, что они христиане и на территории халифата платили **джизью** — подушную подать с иноверцев в мусульманских государствах.

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (**джинс**) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владелец (*сахиб*) ар-Рума взимает с них десятину (*ушр*). Если они отправляются по Танису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец (*сахиб*) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов (ок. 3000 км. — *Авт.*). Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи (*хадам*). Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать (**джизью**)» (BGA. T. VI. P. 154; Ибн Хордабех. С. 124).

Ученые давно уже обратили внимание, что в дошедших до нас списках сочинения Ибн Хордабеха рассказ о купцах-русах производит впечатление вставки: перед ним и после него говорится о путях еврейских купцов из Европы в мусульманские стра-

ны и Китай (BGA. Т. VI. Р. 153-155; Ибн Хордадбех. С. 123-124). На этом основании некоторые исследователи ставят под сомнение достоверность сообщения Ибн Хордадбега о русах и рассматривают его как позднюю вставку, принадлежавшую переписчикам (Ибн Хордадбех. С. 39-42; Новосельцев. 1965. С. 382-383). Однако можно достаточно уверенно предполагать, что сообщение о купцах-русах присутствовало в полном тексте Ибн Хордадбега. К такому заключению приводит наличие параллельного варианта данного известия у другого географа, писавшего в начале X в., — *Ибн ал-Факиха*, сочинение которого дошло до нас также только в позднейшем сокращении.

Никаких биографических данных об Ибн ал-Факихе не сохранилось. Мы знаем лишь, что он был уроженцем города Хамадан в Иране и происходил из семьи законоведа. Время жизни и деятельности Ибн ал-Факиха устанавливается приблизительно, на основе тех данных, которые имеются в его сочинении, озаглавленном «Книга стран» (**«Китаб** ал-булдан») и составленном ок. 903 г. Произведение Ибн ал-Факиха опирается на широкий круг письменных и устных источников. Труд Ибн ал-Факиха сохранился только в сокращенном изложении некоего **‘Алийи** ибн Джа’фара аш-Шайзари (ок. 1022 г.), версия которого была издана в серии BGA (Т. V). В 1923 г. в иранском городе Мешхеде была обнаружена рукопись XIII в., содержащая иную редакцию второй части труда Ибн ал-Факиха, повествующую об Ираке, Иране, арабских государствах Средней Азии и владениях тюрок. Фрагмент о славянских купцах в **Мешхедской** рукописи дан в сокращенном виде.

Сопоставление книг Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха показало, что последний использовал многие данные Ибн Хордадбега, в том числе о торговых путях, проходивших по странам халифата. Сообщение Ибн Хордадбега о путях еврейских торговцев и купцов-русов Ибн ал-Факих также включил в свое сочинение, но в несколько измененном виде. Во-первых, Ибн ал-Факих говорит о славянских купцах, не выделяя из их массы купцов-русов, как это сделал Ибн Хордадбех. Во-вторых, Ибн ал-Факих в качестве остановки на пути купцов-славян называет еврейский город «Самкуш» (или **«Самкарш»**), под которым, как полагают, имеется в виду принадлежавшая хазарам Керчь. В-третьих, описывая маршруты движения славянских купцов в целом так же, как и Ибн Хордадбех, конечным пунктом их путешествия Ибн ал-Факих называет не Багдад, а город Рей в Иране.

«Славяне едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до Самкуша еврейского; далее они направляются в страну Славян или переходят из моря Славянского в ту реку, которую называют Славянская река, с тем, чтобы пройти в залив Хазарский, и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому, попадают в Джурджан и продают всё, что с собой привозят, и всё это попадает в Рей» (BGA. Т. V. Р. 270-271; Новосельцев. 1965. С. 385).

Помимо указанного общего сюжета, сочинения Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха содержат и некоторые другие сведения, относящиеся к Восточной Европе. В частности, в книге Ибн Хордадбега имеется специальный раздел, озаглавленный «Титулы владык земли». В этом разделе среди прочих приводится и титул, который носит «владыка славян (*ас-сакалиба*)» (BGA. Т. VI. Р. 17; Ибн Хордадбех. С. 61). В связи с тем, что в написании самого титула отсутствуют диакритические точки, была предложена конъектура, позволяющая читать слово как *кназ*, т. е. «князь». Кроме того, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих сообщают интересные данные о хазарских городах — ал-Байде, Баланджаре, Самандаре, Хамлидже (BGA. Т. V. Р. 290, 298; Т. VI. Р. 123-124; Ибн Хордадбех. С. 109).

ГЛАВА 6. «ОСТРОВ РУСОВ»

С начала X в. в арабо-персидской литературе отдельные сообщения о русах сменяются пространным рассказом о русах, живущих на острове, а также о взаимоотношениях русов со славянами и другими народами Восточной Европы. Рассказ об «острове русов» был очень популярен, его можно встретить у многих арабо-персидских авторов X—XVII вв. Анализ вариантов этого рассказа привел исследователей к выводу о том, что все они восходят к одному общему источнику, который был условно назван «Анонимной запиской». Считается, что «Анонимная записка» могла входить в состав не дошедших до нас полной редакции сочинения Ибн Хордадбега или труда ал-Джайхани.

Первым рассказ об острове русов сообщает *Ибн Русте*. Он жил и работал в иранском городе Исфахане в конце IX — начале X в. Единственный дошедший до нас — и то не полностью — труд Ибн Русте, озаглавленный «Дорогие ценности» («Ал-а'лак ан-нафиса»), был составлен им в 903—913 гг. в виде энциклопедии. Сохранившаяся часть сочинения представляет собой его седьмой том,

посвященный астрономии и географии (BGA. Т. VII). Изложение в книге Ибн Русте начинается с описания священных **городов** — Мекки и Медины, за которым следует характеристика морей, рек и климатов Земли. После этого автор переходит к описанию отдельных стран. В одном из разделов содержится описание восточноевропейских народов — хазар, бургасов, болгар, мадьяр, славян, русов, алан, государства Сарир на территории Дагестана (BGA. Т. VII. Р. 139-147).

О русах Ибн Русте сообщает, что они живут на острове, окруженном озером. Правитель русов носит титул **хакан** и выполняет функции судьи. Русы плохие наездники и передвигаются на кораблях, совершая набеги на другие народы. Они, в частности, нападают на славян, берут их в плен и везут на продажу в Хазарию и Волжскую Булгарию. Русы не занимаются земледелием, но живут добычей, привозимой из земли славян, а также торговлей мехами. В земле русов нет деревень, но зато много городов, где чужеземцев встречают гостеприимно.

«Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы. — *Авт.*) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до **того**, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян ... И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса ... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо ... И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которыми [они] и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает ... Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем как будто бы они их начальники ...» (BGA. Т. VII. Р. 145-147; Новосельцев. 1965. С. 397-399).

По словам Ибн Русте, русы, хотя и разделены на несколько племен, но по отношению к внешним врагам выступают единодушно. Между собой же они мало доверяют друг другу и не расстаются с оружием. Кроме этого, географ сообщает некоторые этнографические подробности о русах (одежда, погребальные обычаи).

Сходный рассказ об острове русов имеется в сочинении персидского историка XI в. *Гардизи* «Краса повествований» («Зайн

ал-ахбар»), составленном при дворе Газневидов (на территории современного Афганистана) в начале 50-х годов XI в. (см.: Гардизи). Рассказ Гардизи о русах находится в заключительной части его труда, представляющей собой географический и этнографический обзор, посвященный тюркским народам, к которым Гардизи относил в том числе славян и **русов**⁶.

Сообщение Гардизи о русах в основном совпадает с текстом Ибн Русте:

«Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море, и остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь **покрыт** лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она **погрузится** в землю по причине ее влажности. И есть у них царь, называемый **хакан-е рус**. Число жителей на этом острове 100 000. И эти люди **постоянно** нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, **отвозят** в Хазаран и Балкар и там продают. И у них нет посевов и пашен. И они пользуются обычно славянскими посевами ... Торгуют они **соболем** и белой и другими мехами. Носят чистые одежды и с рабами **обращаются** хорошо. И нет у них обыкновения, чтобы кто-либо оскорблял **чужеземца**. И если кто оскорбит, то половину имущества его отдают **потерпевшему**. И одежда людей русов и славян из льна ... На острове много **городов**... И царь их взымает с торговли десятину» (Гардизи/Бартольд. С. 39; Новосельцев. 1965. С. 399–400).

В отличие от Ибн Русте, Гардизи утверждает, что остров русов окружен не озером, а морем. Гардизи также приводит численность населения острова — 100 тысяч человек — и **сообщает**, что правитель острова получает десятину с торговых **операций**. Имеющиеся разночтения говорят о том, что Гардизи **пользовался** не трудом самого Ибн Русте, а имел какие-то общие с ним источники. По словам Гардизи, этими источниками были **труды** Ибн Хордабеха и ал-Джайхани.

Сообщения о славянах и русах, аналогичные данным Ибн Русте и Гардизи, сохранились в сокращенных вариантах у **целого** ряда других арабо-персидских ученых X–XVI вв. Среди **них** следует упомянуть *Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси* (X в.), автора шеститомной энциклопедии «Книга творения и **истории**» («Китаб ал-бад' ва-т-та'рих»; BGA. Т. VII; Мукаддаси; Мукаддаси/Сериков). Краткое изложение рассказа о славянах и **русах** помещено в географическом разделе четвертого тома **энциклопедии**. Ал-Мукаддаси, так же как и Ибн Русте, пишет о **том**,

⁶ Эта часть сочинения Гардизи была опубликована в 1897 г. В.В.Бартольдом (Гардизи/Бартольд) вместе с неполным переводом на русский язык (**отсутствует** перевод как раз интересующих нас фрагментов о славянах и русах). В **настоящее** время данные Гардизи о славянах и русах доступны в переводе на русский (Новосельцев. 1965. С. 399–400) и английский (Gardizi) языки.

что остров русов располагался на озере, но добавляет при этом, что остров представлял собой крепость. Кроме того, ал-Мукаддаси называет число жителей острова — 100 тысяч человек. Согласно ал-Мукаддаси, ближайшими соседями русов были славяне (Мукаддаси. Т. IV. С. 66; Новосельцев. 1965. С. 398-399).

В конце XI—начале XII в. материалы Ибн Русте — Гардизи использовал *ал-Марвази*, придворный врач Сельджукидов, автор сочинения «Природа животных» («Таба'и' ал-хайаван»), посвященного не только зоологии, но также географии и этнографии (см.: Марвази). Судя по тексту сообщения, ал-Марвази пользовался несколькими источниками. Так, он сначала говорит, что русы живут на острове в море, а через несколько строк пишет о том, что остров был окружен озером. В отличие от других вариантов рассказа об острове русов, у ал-Марвази имеется упоминание и о грабительских экспедициях русов на Каспий (Марвази. С. 23; Заходер. 1967. С. 146-147; Новосельцев. 1965. С. 400).

Из более поздних писателей заслуживает внимания египетский историк и географ *Ибн Ийас* (1448-1524 гг.). В начале XVI в. он завершил большой географический труд «Аромат цветов из диковинок округов» («Нашк ал-азхар фи гара'иб ал-актар»), для создания которого привлек ряд сочинений, впоследствии утраченных. Рассказ о русах у Ибн Ийаса приведен в двух вариантах. Один из них повторяет данные Ибн Русте — Гардизи и других авторов об острове русов (ФА. Т. I. Р. 113; Новосельцев. 1965. С. 401). Другой же имеет существенные отличия. В частности, Ибн Ийас говорит о том, что земля русов окружена горами; что у русов нет ни царя, ни законов; что они убивают всех чужестранцев, приходящих к ним:

«Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов. Между одним городом и другим большое расстояние. В ней большой народ из язычников. И нет у них закона и нет у них царя, которому бы они повиновались. В земле их золотой рудник. В их страну не входит никто из чужестранцев, так как его убивают. Земля их окружена горами, и выходят из этих гор источники проточной воды, впадающие в большое озеро. В середине высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю Мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая» (Новосельцев. 1965. С. 402).

Наконец, реминисценции рассказа об «острове русов», обогащенные новыми деталями, встречаются у арабских географов XIII—XIV вв. Ибн Са'ида (о нем см. гл. 13.2) и *ад-Димашки*. Оба автора связывают рассказы ранних арабо-персидских ученых об «острове русов» с сообщением ал-Идриси о городе Русийа, лока-

лизуемом в Керчи. И Ибн Са'ид, и ад-Димашки говорят не об одном, а о нескольких островах, населенных русами, помещают острова в Азовском море и считают город Русийа главным городом русов (Ибн Са'ид. С. 136; Димашки. С. 145).

Относительно источников сообщения об «острове русов» высказывались разные мнения. Й. Маркварт полагал, что рассказ об «острове русов» восходит к Муслиму ал-Джарми (Marquart. 1903. S. 467). К такому же мнению склонялся и В.В. Бартольд (Бартольд. 1963. С. 819). Однако попытка возвести сообщение об «острове русов» к утраченному труду ал-Джарми вызвала возражения со стороны ряда исследователей, которые связывают это известие с информацией о восточных славянах, проникавшей в арабский мир через Кавказ, Хазарию и Булгарию (Новосельцев. 1965. С. 392—393). Вряд ли этот вопрос может быть решен однозначно. Скорее, следует говорить о сложном составе сообщений об «острове русов», обусловленном использованием данных из разных источников. Несомненно одно — тот первоисточник, к которому восходят варианты рассказа об «острове русов», сложился в IX в. (возможно, уже в первой его половине) и отражал наиболее общие сведения о далеких северных землях и их обитателях.

Споры о местонахождении «острова русов» начались еще в прошлом веке и породили огромную историографию, на которую к тому же определенное влияние оказала полемика между норманистами и их оппонентами. Специалисты-востоковеды (Х.Д. Френ, Ф. Шармуа, В.Р. Розен, Ф. Вестберг, В.В. Бартольд, А.П. Новосельцев и другие) помещали его на севере Европы — в Скандинавии, в районе Новгорода, на Верхней Волге. К такому выводу их подталкивал не только анализ самих сообщений об «острове русов», но и вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе, указывающая на их северное происхождение. Иной точки зрения придерживались исследователи-невостоковеды (А.Д. Чертков, Е.Е. Голубинский, Г.В. Вернадский, Б.А. Рыбаков и др.), предлагавшие искать «остров русов» не на севере, а на юге Восточной Европы — в Киеве, в Тмутаракани, в Крыму, в дельте Дуная. Сторонники южной локализации, как правило, рассматривали данные об «острове русов» вне широкого контекста упоминаний о русах в арабо-персидских источниках IX—X вв., но при этом апеллировали к известиям авторов XIII—XIV вв. (Ибн Са'ид, ад-Димашки), говорящих о русах в Приазовье (историографию см.: Golden. 1982. P. 91-94).

Попытки отождествить «остров русов» с каким-либо конкретным географическим объектом на территории Восточной Европы пока не привели к успеху. Да и сама многочисленность иерсий его локализации свидетельствует об уязвимости подобной методики, когда тому или иному хорониму или топониму ранних арабо-персидских источников ищут однозначное соответствие на карте Восточной Европы. Скорее, рассказ об «острове русов» является результатом литературной обработки всех известных данных о русах, аккумулированных мусульманскими авторами из разных источников на протяжении IX в. На наличие в это время целого ряда источников информации о русах указывает то, что рассказ дошел до нас в виде нескольких версий, отличающихся у разных авторов отдельными деталями. Поэтому данный рассказ следует рассматривать не как сообщение о некоем конкретном острове (или полуострове — арабское слово *джазира* допускает и такой перевод), принадлежавшем русам, а как свод разнообразных известий о русах, не совпадающий с каким-то одним географическим объектом, хотя и включающий в себя сведения географического характера.

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЙ АРАБСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК по Восточной Европе: **Ибн Фадлан**

Наиболее оригинальным арабским источником о Восточной Европе X в. является знаменитая «Записка» («Рисале») *Ибн Фадлана*, посетившего Волжскую Булгарию в составе посольства багдадского халифа. Сама поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии, который, желая освободиться от власти хазар, решил искать помощи у халифа ал-Муктадира (908—932 гг.) и обещал принять ислам. Для этого в 921 г. он направил послов в Багдад, прибегнув к посредничеству Саманидов, поддерживавших устремления болгарского царя. Из Багдада в июне 921 г. отправилось ответное посольство, во главе которого стоял некий Сусан ар-Расси, а секретарем был не известный нам по другим источникам Ибн Фадлан. Посольство халифа — огромный караван в 5 тысяч человек и 3 тысячи лошадей, не считая верблюдов, — выступило из Багдада через Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв и Бухару. В Бухаре Ибн Фадлан встретился с вазиром Саманидов известным ученым ал-Джайхани. Далее посольство двигалось по Аму-Дарье до Хорезма, а затем через пла-

то Устюрт, земли гузов и башкир добралось до Волжской Булгарии в мае 922 г. О датах и маршруте обратного пути посольства ничего не известно, поскольку заключительная часть «Записки» Ибн Фадлана не сохранилась.

Отчет Ибн Фадлана об этом путешествии, представляющий собой непринужденный рассказ, изобилующий интересными этнографическими наблюдениями и не лишенный литературных достоинств, к счастью, не осел мертвым грузом в багдадских архивах. Его читали и переписывали — полностью и в извлечениях — образованные люди халифата. Сокращенный вариант рассказа Ибн Фадлана был включен в географический словарь Йакута и в таком виде впервые стал известен европейским ученым в XIX в. Работа Х.Д.Френа, посвященная анализу сообщений Ибн Фадлана из словаря Йакута, оставалась классической вплоть до 20-х годов нашего столетия, когда в Мешхеде эмигрировавший из России востоковед А.З.В.Тоган (А.З.Валидов) обнаружил рукопись с более полным текстом «Записки» и подготовил ее комментированное издание (см.: *Ibn Fadlan*). Книга Тогана содержала большое количество фактического материала, но страдала односторонностью выводов, связанных с пантюркистскими идеями ее автора. В 1937 г. фотокопия Мешхедской рукописи была передана в дар Академии наук СССР от правительства Ирана. На ее основе «Записку» исследовал и перевел А.П.Ковалевский (см.: *Ибн Фадлан/1939; Ибн Фадлан*)⁷.

Сообщения Ибн Фадлана касаются многих народов, населявших Восточную Европу в X в., — хазар, болгар, русов, башкир, гузов. Для историков Древней Руси особую ценность представляет то, что в Булгаре Ибн Фадлан наблюдал прибывших туда купцов-русов и оставил в своей «Записке» подробное описание их образа жизни, верований, погребального обряда, внешнего облика.

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видал [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим он [никогда] не расстается. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские.

⁷ Издание 1956 г. содержит существенно уточненный перевод, обстоятельный комментарий, а также переводы из сочинений более поздних писателей, знакомых с «Запиской» Ибн Фадлана, — *Ахмада Туси* (XII в.) и *Амина Рази* (XVI в.).

И от края ногтей иного из них [русов] до его шеи [имеется] собрание деревьев, изображений [картинок] и тому подобного. А что касается их женщин, то на [каждой] их груди прикреплена коробочка, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей. И у каждой коробочки — кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них мониста из золота и серебра ...» (Ибн Фадлан. С. 141).

Сведения Ибн Фадлана о русах всегда вызывали большой интерес у исследователей. Установлено, что описанные Ибн Фадланом обрядность и внешний вид русов выдают в них скандинавов, хотя и не лишены славянских и финских черт. Небезынтересным является также то, что Ибн Фадлан называет правителя Волжской Булгарии не иначе, как «царем славян» (*малик ас-сакалиба*; Ибн Фадлан. С. 121, 140—141). Такое наименование, как полагают, могло быть связано с расширительным толкованием Ибн Фадланом этнонима *ас-сакалиба* как всего населения Восточной Европы, что иногда встречается и в других арабских источниках.

К рассказам Ибн Фадлана, по мнению многих исследователей, восходят сведения более поздних арабо-персидских авторов о северных народах Восточной Европы — *вису*, *йура*, *варанк* (леотипные весь, югра, варяги; Заходер. 1967. С. 59—69).

Арабские путешественники попадали в Европу не только с востока, но и с запада — из мусульманской Испании. Одним из таких путешественников был *Ибрахим ибн Йа'куб*, испанский ученый и купец из города Тортосы. В 60-х годах X в. он посетил южную Германию, где был на аудиенции у императора Оттона I (962—973 гг.) в Магдебурге. Ибрахим ибн Йа'куб располагал обширными сведениями о славянских государствах — *Юльше*, Чехии, Болгарии, Руси. Из описаний путешествий Ибрахима ибн Йа'куба уцелели только отрывки, дошедшие до нас в составе произведений других авторов — испано-арабских географов XI в. ал-Бакри и ал-'Узри, а также арабского космографа XIII в. Закарийи ал-Казвини.

Все сохранившиеся в труде ал-Бакри фрагменты из сочинения Ибрахима ибн Йакуба были изданы еще в прошлом веке по двум известным в то время рукописям (см.: Бакри; Бакри/Розен). Впоследствии была открыта еще одна рукопись сочинения ал-Бакри, но она оказалась дефектной и не содержала как раз интересующего нас раздела о славянах (см.: Relacja).

Ибрахим ибн Йа'куб упоминает хазар, русов, печенегов и относит их к народам, говорившим по-славянски, так как они смешались со славянами [Relacja. P. 7 (араб. текст), 52].

В X в. среди ученых халифата сформировалась географическая школа, которая в современной европейской науке получила название «классической». В трудах представителей этой школы наиболее ранние сведения о Древней Руси приводятся в виде рассказа о трех группах русов.

Основателем «классической» школы географов считается среднеазиатский ученый *ал-Балхи* (первая половина X в.). Ок. 920 г. он написал **сочинение**, известное под разными названиями: «Картины климатов» («Сувар ал-акалим»), «Виды стран» («Аш-кал ал-билад») или «Упорядочение стран» («Таквим ал-булдан»). Оно состояло из собрания географических карт, сопровождавшихся кратким пояснительным текстом. Труд ал-Балхи в подлиннике не дошел до наших дней, однако послужил основой для произведений других ученых.

В начале 30-х годов X в. сочинение ал-Балхи обработал выходец из Южного Ирана *ал-Истахри* (первая половина X в.) — первый по времени представитель «классической» школы географов, сочинение которого дошло до нас. Вторую редакцию своей книги, по традиции озаглавленной «Книгой путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»), ал-Истахри составил ок. 950 г. (BGA. T. I). Она-то и получила наибольшее распространение в мусульманской историографии, где бытовала и в персидских переводах⁸.

Продолжателем ал-Истахри был уроженец города Насибина в Верхней Месопотамии *Ибн Хаукаль* (X в.). В середине X в. он объехал почти весь мусульманский мир от Испании до Индии, причем сделал это, по некоторым свидетельствам, в качестве политического агента сначала египетских Фатимидов, а затем багдадских Аббасидов и испанских Омейядов. Ибн Хаукаль побывал, в частности, на юге Каспия, где беседовал с беглецами из **Хазарии**, сообщившими ему сведения о русах и прочих народах Восточной Европы.

⁸ Труд ал-Истахри был впервые издан немецким ученым И. Мёллером (J. H. Möller) в 1839 г. по поздней и весьма несовершенной рукописи. Именно по этому изданию отрывки о народах Восточной Европы перевел А. Я. Гаркави (Сказания. С. 187–203), труд которого — в этой части — уже устарел. **Критический** текст сочинения ал-Истахри опубликован в серии BGA (T. I); есть издание персидской версии (Истахри/перс). Отдельные фрагменты сочинения неоднократно переводились на русский язык (Сведения арабских географов. Т. XXIX. С. 1–73; Новосельцев. 1965. С. 411–412).

Свое сочинение — «Книгу путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») — Ибн Хаукаль начал писать под впечатлением от встречи с ал-Истахри и задумал ее как исправленную переработку труда последнего. Однако работа над книгой, продолжавшаяся в течение 50–70-х годов X в., привела его к созданию вполне самостоятельного географического сочинения, хотя и включавшего многие материалы ал-Истахри⁹.

Согласно ал-Истахри и Ибн Хаукалю, русы подразделялись на три группы, каждая из которых имела отдельного правителя и свой ареал проживания. Правитель первой группы — ближайшей к Булгару — сидел в городе, называемом *Куйаба*. Резиденцией правителя второй группы русов был город *ас-С(а)лав*, а сама группа именовалась *ас-Славийа*. Правитель третьей группы русов — *ал-Арсанийа* — находился в городе *Арса*. Куйаба являлась оживленным торговым центром. В Арсу же не мог проникнуть ни один чужеземный купец из-за распространенного там обычая убивать иностранцев. Купцы Арсы сами вели торговлю, спускаясь по воде для продажи мехов и металлов (олова или свинца). Торговыми контрагентами русов являлись Хазария, Византия, Волжская Булгария.

«Русы. Их три группы (*джине*). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он (город. — *Авт.*) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая *ас-Славийа*, и [третья] группа их, называемая *ал-Арсанийа*, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители. — *Авт.*) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово ... Эти русы торгуют с Хазарами, Румом и Булгаром Великим ...» (BGA. Т. II². P. 397; Новосельцев. 1965. С. 412).

Рассказ о трех группах русов неоднократно рассматривался в литературе (Hrbek. 1957; Thulin. 1978; Петрухин. 1982; Коновалова. 1995). Некоторые авторы, проанализировавшие сообщение, говорят не о группах, а о трех «центрах» или «племенах» русов. Однако в источниках везде используются арабское слово *синф* или его персидский синоним *горух* («группа», «вид», «ка-

⁹ Сочинение Ибн Хаукаля издано полностью в серии BGA (Т. II). И! 1938–1939 гг. голландский ориенталист И. Крамерс (J.H. Kramers) опубликовал более полный текст книги Ибн Хаукаля по Стамбульской рукописи конца XI в., сопровождаемый также картами (BGA. Т. II²). Труд Ибн Хаукаля переведен на французский язык (Ibn Hawqal); отдельные фрагменты переведены на русский язык (Сведения арабских географов. Т. XXXVIII; Новосельцев. 1965. С. 412).

тегория»). Эти термины, по мнению А.П.Новосельцева, позволяют трактовать данные источников как указание на **существование** в разных частях Восточной Европы трех больших **территориальных объединений** во главе со своими правителями (Новосельцев. 1965. С. 414—415). Сведения о трех группах русов восходят, по всей вероятности, ко второй половине IX в. Локализация двух групп русов в районе Киева (Куйаба) и словен ильменских (Славийа) не вызывает особых разногласий. Что касается третьей группы — Арсанийа, — то ее отождествление остается спорным. Многочисленные версии локализации Арсы охватывают практически все области Восточной Европы, от Урала до Карпат и от Скандинавии до Тамани (библиографию см.: Новосельцев. 1965. С. 417-418; Коновалова. 1995. С. 147. Прим. 1). Большинство востоковедов высказываются в пользу северного расположения Арсы, предположительно в районе **Ростова—Белоозера**, где в IX в., по данным археологии, существовал **торгово-ремесленный центр** на месте Сарского городища.

Более поздние версии рассказа о трех группах русов, восходящие к сообщениям ал-Истахри и Ибн Хаукаля, можно найти в различных источниках на арабском и персидском языках.

Одно из самых замечательных средневековых географических произведений было создано в последней четверти X в. Это анонимный трактат *«Пределы мира от востока к западу»* (*«Худуд ал-'алам мин ал-маширик ила-л-магриб»*; см.: Худуд/Бартольд; Худуд/Сотуде; Hudud). Хотя это сочинение написано по-персидски, оно теснейшим образом связано с арабской традицией; высказывалось даже предположение о переводе его с **арабского языка** (АГЛ. С. 224). Единственная известная рукопись «Худуд ал-'алам» была открыта в 1892 г. в Бухаре русским востоковедом А.Г.Туманским, в связи с чем само произведение иногда называют «Анонимом Туманского».

Хотя автор «Худуд ал-'алам» неизвестен, установлено, что сочинение было написано ок. 982 г. по заказу эмира из **династии Феригунидов**, правителя области Гузган (или Гузганан) на **севере Афганистана**. Судя по составу **сведений**, вошедших в сочинение, его автор был книжным ученым и вряд ли выезжал далеко за пределы Гузгана. Основными источниками «Худуд ал-'алам» были арабские обработки **«Географического руководства»** Птолемея, утраченный труд ал-Джайхани, сочинения географов «классической» школы, прежде всего различные **обработки** сочинения ал-Истахри, труд Ибн Хордадбеха в **полной редакции**

В «Худуд ал-'алам» имеется несколько ссылок на неизвестную нам карту, которая, по-видимому, была подготовлена заранее, до составления самого сочинения.

«Худуд ал-'алам» — сравнительно небольшое по объему произведение. Оно состоит из предисловия, нескольких вводных глав, излагающих общегеографические вопросы, и 51 главы с описанием различных областей Земли, пять из которых Аноним располагал в южном полушарии, одну — на экваторе и 45 — в северном полушарии. К числу последних он относил области славян, русов, болгар, печенегов, хазар, алан, буртасов. Сведения персидского Анонима очень разнообразны: они касаются физической и этнической географии региона, а также некоторых событий политической истории населявших его народов. Вместе с тем «Худуд ал-'алам» — очень сложный для толкования источник, каждое сообщение которого нуждается в сопоставлении с данными предшественников. Детальное исследование сведений Анонима о русах, славянах и хазарах, проведенное Бартольдом, Мипорским и Новосельцевым, показало, что эти разделы сочинения дают относительно мало новой информации по сравнению с сообщениями более ранних авторов (историографию см.: Новосельцев. 1986. С. 94-103).

Однако в описании трех «групп» русов в «Худуд ал-'алам» содержатся подробности, отсутствующие в иных версиях рассказа о трех «группах» русов и дающие дополнительный материал для решения вопроса об их локализации. Согласно версии автора «Худуд ал-'алам», все три «группы» русов располагались и бассейне «Русской реки», являвшейся, по его представлениям, притоком **Атила** (Худуд/Бартольд. Л. 106). Данное утверждение отражает уверенность Анонима в том, что земли всех «групп» русов были связаны между собой водными путями, ведущими в конечном счете в бассейн Нижней Волги.

Некоторые фрагменты поздних сочинений с сообщениями о трех группах русов опубликованы в переводе на русский язык (Новосельцев. 1965. С. 413—414; Коновалова. 1995. С. 146). Детальный анализ варианта рассказа о трех группах русов, находящегося в сочинении географа XII в. ал-Идриси, показал, что сообщения поздних авторов не следует использовать для уточнения данных ал-Истахри — Ибн Хаукаля (Коновалова. 1995. С. 139-148).

Помимо рассказа о трех группах русов, в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукаля содержится много других сведений о Вос-

точной Европе. Они касаются в первую очередь описания торговых путей региона, а также этнографических данных о восточно-европейских народах: русах, волжских булгарах, бургасах, **хазарах**.

ГЛАВА 9. ЗАМОРСКИЕ ПОХОДЫ РИСОВ

Бассейн Каспийского моря входил в сферу экономических интересов русов, по крайней мере, с IX в. Тогда по Каспию **прохо**-**дил** важнейший путь, связывавший Восточную Европу со **стра**-**нами** Востока. Согласно сообщению Ибн Хордадбеха, этот **тор**-**говой** путь шел по Дону и Нижней Волге, Каспийскому морю до лежащего на его южном побережье города Джурджана (Горгана) и далее в Багдад. Данный маршрут описан Ибн Хордадбе-**хом** как путь купцов-русов, из чего можно заключить, что **они** играли видную роль в торговле на Каспии. О том, что в IX в. русские купцы поддерживали торговые отношения со многими **при**-**каспийскими** областями, говорит и указание Ибн Хордадбеха **на** то, что отправлявшиеся в путь по Каспию русы имели обыкновение высаживаться «на любом берегу» моря. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в трудах прикаспийских историков или лиц, бывавших в Прикаспии, сохранились уникальные, хотя и не простые для толкования, сведения о русах.

Среди арабских авторов X в. наиболее значительной фигурой был ученый-энциклопедист и путешественник *ал-Мас'уди* (ум. в 956 г.). Он родился в Багдаде в начале X в. и вел свое **проис**-**хождение** от одного из сподвижников Мухаммада по имени Мас'уд. Ал-Мас'уди получил прекрасное образование, но едва ли не большее значение для его научной деятельности имели многочислен-**ные** путешествия. Он объехал все страны халифата от Испании до Индии, а по некоторым сведениям, бывал в Китае и Малайском архипелаге. Для нас особенно ценно то, что ал-Мас'уди посетил южное побережье Каспийского моря. Там он мог собирать сведения о русах не из вторых рук, а от лиц, непосредственно знакомых с русскими купцами и воинами, плававшими по Каспию.

Ал-Мас'уди, отличавшийся широтой научных интересов, был очень плодовитым автором, но большинство его произведений известно нам лишь по названиям. В частности, не сохранились два самых крупных труда ал-Мас'уди — «Хроника» («Ахбар аз-заман») в тридцати томах и «Средняя книга» («ал-Китаб ал-аусат»). Приблизительное представление об их содержании можно **получить**

из сделанного самим ал-Мас'уди сокращения под заглавием «Промывальни золота и рудники самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир»; в литературе, особенно старой, иногда встречается неверный перевод названия — «Золотые луга»). Оно было написано ок. 947—948 гг. и переработано в 956—957 гг. Это сочинение является настоящей энциклопедией, содержащей сведения, главным образом, исторического плана, но включающей в себя также обширные главы географического характера (Мас'уди; Мас'уди/Пелла; Минорский. 1963. С. 189-216).

Еще одним дошедшим до нас полностью сочинением ал-Мас'уди является «Книга предупреждения и пересмотра» («Китаб ат-танбих ва-л-ишраф»), законченная им незадолго до смерти (BGA. Т. VIII). В этом произведении ал-Мас'уди обобщает результаты своей предшествующей деятельности, пересматривает отдельные вопросы, делает дополнения к тому, что написал ранее.

Ал-Мас'уди сообщает о том, что в Итиле на службе у хазарского царя находились русы и славяне, которые составляли часть хазарского войска (Мас'уди. Т. П. С. 12). О характере обязанностей, возлагавшихся хазарскими властями на воинов из русов и славян, было высказано предположение в связи с сообщением другого арабского автора — историка первой половины XI в. *Хилала ас-Саби*. Согласно Хилалу ас-Саби, в первой половине X в. в Дербенте обрушился мол, построенный как продолжение знаменитых стен города с целью защиты его от нападений хазар (Хилал ас-Саби. С. 217). Хазары же, не располагавшие собственным морским флотом (о чем имеется свидетельство ал-Мас'уди), сами никогда не совершали морских набегов. Поэтому В.В.Бартольд предположил, что с моря на Дербент нападали не хазары, а либо находившиеся у них на службе русы, либо одни русы, но действовавшие с согласия хазар (Бартольд. 1963. С. 685). Дербент, превратившийся после арабского завоевания в форпост арабского влияния на Северном Кавказе, в первой половине X в. являлся торговым соперником Итиля на Каспийском море, в связи с чем нападения на Дербент — кем бы они ни совершались — объективно отвечали интересам хазар.

Согласно ал-Мас'уди, после 300 г.х. (912/13 г.) около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание русов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии. Выйдя в Каспийское море, русы стали совершать

жестокие набеги на страны, лежащие вдоль его южного и западного побережий.

«... суда русов рассеялись по морю, и их отряды отправились в **Гилян**, **Дейлем**, **Табаристан**, **Абескун** на **гурганском** берегу, в область нефтяных источников и в **Азербайджан**, потому что главный город **Азербайджана** отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли [дома] ... При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда» (Мас'уди. Т. II. С. 20-21; Бартольд. 1963. С. 829).

По словам ал-Мас'уди, действия русов вызвали смятение у прикаспийских народов, дотоле видевших на Каспии одни торговые и рыболовецкие суда. В бассейне Каспия русы оставались «много месяцев», укрываясь на морских островах поблизости от Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было обусловлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в **Хазарии** мусульман, которых возмутили грабительские действия русов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего, купцы. Правитель **Хазарии** предупредил русов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами (Мас'уди. Т. II. С. 19-24; Бартольд. 1963. С. 829-830).

Другое сообщение о ранних походах русов на Каспий сохранилось в труде персоязычного прикаспийского историка Ибн Исфендийара «История Табаристана» («Тарих-и Табаристан»), написанной в 1216—1217 гг. (см.: Ибн Исфендийар). К данным Ибн Исфендийара восходят и известия двух более поздних местных историй, также написанных на персидском языке. Это уже упоминавшиеся сочинения Амули и Захир ад-дина Мар'аши.

Первая военная экспедиция русов на Каспий состоялась, по свидетельству Ибн Исфендийара, в годы правления 'Алида ал-Хасана ибн Зайда (864—884 гг.) и была направлена против принадлежавшего ему города Абаскуна на южном побережье Каспийского моря (Ибн Исфендийар. С. 266; Алиев. 1969. С. 317). Достоверность сообщения Ибн Исфендийара об этом набеге признается далеко не всеми исследователями и нередко ставится под сомнение на том основании, что такой осведомленный автор, как ал-Мас'уди, говорит о походе 912/913 г. как о первом появлении военных судов русов на Каспии (Новосельцев. 1983. С. 21). Од-

нако никакого противоречия между сообщениями Ибн Исфендий-ара и ал-Мас'уди могло и не быть. Ал-Мас'уди собирал сведения о походе русов спустя 20—30 лет после самого события, поэтому нельзя исключать, что его информаторы просто не знали об имевшем локальный характер набеге русов на Абаскун, произошедшем полвека назад или даже раньше.

Ибн Исфендийар сообщает еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X в. (большинство историков датируют их 909—912 гг.).

«В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Абаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Абаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили ... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округа Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море. Дойдя до Чашм-руда в Дейлемане, часть их вышла на берег, а часть осталась в море. Гилы ночью пришли на берег моря и сожгли корабли и убили тех, которые находились на берегу; другие, находившиеся в море, убежали. Поскольку царь Ширваншах получил об этом известие, он приказал устроить в море засаду и в конечном счете ни одного из них не оставил в живых, и так частое появление русов в этой стороне было приостановлено» (Ибн Исфендийар. С. 266; Алиев. 1969. С. 317-318).

О тех же событиях пишут Амули и Захир ад-дин (Амули. С. 76; Мар'аши. С. 302), но приводимые ими данные позволяют датировать поход временем вплоть до 914 г. Хронологические разногласия между известиями источников привели исследователей к различным заключениям. Одни считают, что в начале X в. состоялся только один поход русов на Каспий (Минорский. 1963. С. 198; Новосельцев. 1990. С. 212-213), другие же полагают, что было несколько походов (Дорн. 1875. С. 5; Бартольд. 1963. С. 829-832; Алиев. 1969. С. 321).

Подробный рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине 40-х годов X в., сохранился у историка *Ибн Мискавейха* (ум. в 1030 г.). Писавший по-арабски Ибн Мискавейх был персом и долгое время занимал влиятельное положение при дворе правителей из иранской династии Бундов, служа им в качестве секретаря, библиотекаря, казначея. По обычаю многих образованных людей того времени Ибн Мискавейх проявил себя в самых разных областях науки — медицине и алхимии, философии и истории. Перу Ибн Мискавейха принадлежит большой труд по всеобщей истории «Книга испытаний народов и осуществления заданий» («Китаб таджариб ал-умам ва та'акиб

ал-химама»; см.: Ибн Мискавейх; Ибн Мискавейх/Марголиус; Флоровский. 1927). Повествование в книге начинается с первого года хиджры и доведено до начала 80-х годов X в. События до начала X в. излагаются в основном по ат-Табари, а дальнейшее изложение построено на использовании современных Ибн Мискавейху источников. В частности, в рассказе о походе русов Ибн Мискавейх ссылается на свидетельства очевидцев событий.

Ибн Мискавейх сообщает, что в 332 г.х. (943/44 г.) отряд **русов** захватил богатый азербайджанский город Берда'а, расположенный близ реки Куры в армяно-грузинском приграничье. Русы быстро разбили стоявший в городе небольшой гарнизон правительской области Марзбана, который сам в это время воевал в Сирии. Зная город, русы заявили местным жителям, что готовы гарантировать их безопасность и свободу вероисповедания, если те **будут** подчиняться новым хозяевам Берда'а. Однако вылазки против захватчиков продолжались, поэтому русы истребили часть городского населения. Тем временем Марзбан подтянул к городу большое войско, но так и не смог выбить русов оттуда, хотя и изрядно **по**трепал их отряд. Вторжение **мосульского** князя в южную часть Азербайджана вынудило Марзбана перебросить на юг свои основные силы, оставив в Берда'а лишь небольшую часть войска. В **конц** концов русы, ослабленные распространившимся среди них **желудочным** заболеванием, а также постоянными стычками с **мусульманами**, решили оставить город. Ночью они вышли из крепости нагруженные добычей, добрались до своего лагеря на берегу **Куры**, где сели на ожидавшие их суда и отплыли на родину (Ибн Мискавейх. С. 62-66; Флоровский. 1927. С. 179-182).

О событиях в Берда'а рассказывают также армянский историк X в. *Мовсес (Моисей) Каганкатвац* (Каганкатвац С. 275-276), арабский историк XIII в. Ибн ал-Асир (Ибн ал-Асир Т. VIII. С. 309-310), сирийский историк XIII в. *Бар Гебрей*¹⁰ (Бар Гебрей. С. 180) и некоторые другие авторы. Сообщение *Мовсеса Каганкатваца* в некоторых деталях расходится с данными **Ибн Мискавейха** (он, в частности, пишет, что русы были **отравлены**), а сведения Ибн ал-Асира целиком восходят к данным Ибн Ми

¹⁰ Абу-л-Фарадж Григорийус Ибн ал-'Ибри ал-Малати (Бар Гебрей, Бар Эбрей, Barhebraeus, 1226-1286 гг.) — христианско-арабский и сирийский историк, автор двух сочинений по истории — светской (см.: Бар Гебрей) и церковной. Сирийскую версию светской истории Бар Гебрей впоследствии в переработанном виде перевел на арабский язык под заглавием «Сокращенная история династий» («**Та'рих мухтасар ад-дувал**»; *Ibn al-'Ibri. Ta'rih muhtasar ad-duval* / A.Salihani Beirut, 1890).

«кавейха». Бар Гебрей датирует поход 333 г.х. (944/45 г.), а вместо русов участниками похода называет славян, алан и лезгин.

Хотя в историографии до сих пор дискутируются отдельные вопросы, связанные с походом на Берда'а (маршрут, которым русы шли на Кавказ; состав участников похода; его точная дата), исследователи едины в том, что рассматриваемый поход коренным образом отличался от предыдущих экспедиций русов на Каспий. В Берда'а грабительская политика сменилась на завоевательную, когда русы стремились обосноваться в захваченном городе, поставив его под свою власть (историографию см.: Половой. 1961. С. 90-105).

Арабо-персидские авторы сообщают о походах русов не только на Каспий, но и в Испанию. Уже упоминавшийся выше арабский географ и историк IX в. ал-Йа'куби был автором географического труда «Книга стран» («Китаб ал-булдан»; см.: BGA. Т. VII; Йа'куби/Вьет; Йа'куби/Жузе). Сочинение, сохранившееся в единственной рукописи, было закончено им ок. 891 г. По своему характеру оно стоит ближе всего к книгам типа административно-географических справочников, но в отличие от них включает много личных наблюдений автора, побывавшего в ряде стран халифата, в том числе в Закавказье.

Исследования различных частей сочинения ал-Йа'куби показали, что он сообщает большое количество сведений, неизвестных по другим источникам. К числу таких сведений относится и фрагмент о набеге «огнепоклонников (*ал-маджус*), называемых *ар-рус*», на испанский город Севилью в 229/843-844 г. (ZA. Cz. I. S. 271). Разбору этого сообщения посвящена большая литература, начиная с Х.Д.Френа, первым обратившего внимание на данное известие (историографию см.: АГЛ. С. 153).

Упоминания о походах русов в *ал-Андалус* (Испанию) имеются и у Ибн Хаукаля. Его сообщения о набегам русов в Испанию особенно интересны, поскольку Ибн Хаукаль хорошо знал мусульманскую Испанию по личным впечатлениям. Считая византийцев главным врагом испанских *Омейядов*, Ибн Хаукаль пишет:

«И только иногда приходят к ним корабли русов, тюрок, славян и печенегов, а это колено (*джил*) из колен тюрок, соседящих с землей хазар и болгар. Они [все] опустошают области ал-Андалус, а иногда возвращаются ни с чем» (BGA. Т. II. Р. 78; Бейлис. 1969. С. 308).

По предположению В.М.Бейлиса, вполне возможно, что упоминаемые Ибн Хаукалем славяне, печенеги и тюрки действовали не самостоятельно, а под руководством русов. Русы же, нападавшие на испанские города, приходили не из Восточной Ев-

ропы. Скорее всего, до Испании доходили те отряды русов, которые служили наемниками в составе византийской армии и участвовали в средиземноморских морских экспедициях (Бейлис. 1969. С. 308).

О набегах русов и различных тюркских племен на Испанию пишет еще один автор X в. — ал-Мас'уди (Мас'уди. Т. I. С. 364-365; Т. П. С. 64).

ГЛАВА 10. ХАЗАРИЯ И ЕЕ ПАДЕНИЕ

Первостепенное значение для истории **Хазарии** и ее взаимоотношений с соседними народами имеют источники, написанные на древнееврейском языке. Древнееврейский язык к IX—X вв. был давно уже мертвым даже для самих евреев, рассеянных по всему миру, но он сохранял роль языка богослужения, а потому употреблялся в еврейских общинах, в том числе и в Хазарии I после принятия ее царем иудаизма. Благодаря этому часть документов, происходящих из разных стран, но содержащих сведения о Хазарии и сопредельных землях, была написана на древнееврейском языке.

Уникальным источником по истории Восточной Европы X в. является так называемая еврейско-хазарская переписка. К данной группе документов относятся два письма: одно было написано сановником испанских Омейядов Хасдаем ибн **Шафрутом** хазарскому царю Иосифу, другое представляет собой ответ **Иосифа** на вопросы Хасдая.

Хасдай ибн Шафрут, происходивший из знатного еврейского рода, занимал видные посты при дворе кордовского халифа Абдаррахмана III (912—961 гг.). Получив от еврейских купцов сведения о том, что где-то далеко на востоке есть государство, правитель которого исповедует иудаизм, Хасдай решил установить с ним контакты. С этой целью он — при посредничестве тех же еврейских купцов — направил письмо хазарскому царю. Спустя некоторое время Хасдай получил ответ от Иосифа возможно, последнего правителя Хазарии.

Письмо Хасдая дошло до наших дней в единственной редакции, а ответ *Иосифа* — в двух вариантах, кратком и пространным. В 1932 г. письмо Хасдая, обе редакции ответа Иосифа и другие сопутствующие переписке документы были изданы выдающимся русским семитологом П.К.Коковцовым на древне-

еврейском языке с русским переводом и обстоятельными комментариями (см.: Переписка). Исследователь считал, что письмо Хасдая ибн Шафрута дошло до нас в более или менее первоначальном виде. Что же касается ответа Иосифа, то Коковцов показал, что обе редакции письма Иосифа восходят к одному первоначальному тексту, причем основное ядро документа лучше сохранилось в пространной редакции, в то время как краткая носит следы книжного влияния (Переписка. С. XIV—XVI). Исследование Коковцова заметно поколебало позиции противников подлинности переписки. В современной историографии подлинность переписки не ставится под сомнение.

В своем письме Хасдай описал мусульманскую Испанию, поведал о том, какими путями он пытался связаться с Хазарией, и, наконец, задал хазарскому царю множество вопросов, главные из которых касались происхождения хазарского народа, причин и обстоятельств принятия хазарами иудаизма, политического строя и экономики страны, ее размеров, а также соседних с нею стран (Переписка. С. 51—71). В ответном послании Иосиф подробно изложил родословную хазар, историю их появления в Восточной Европе, обстоятельства принятия иудаизма правителями Хазарии, экономическое положение и социальное устройство государства и его границы; в заключении письма дано описание хазарской столицы города Итиля. Кроме ценных сведений о хазарах, письмо Иосифа содержит данные и о других народах Восточной Европы (Переписка. С. 72—103).

Два важных источника на древнееврейском языке происходят из Каирской генизы (хранилища старых рукописей при синагоге). Один из них принято называть Кембриджским документом, поскольку он был обнаружен в 1912 г. американским ученым С.Шехтером (S.Schechter) в библиотеке Кембриджского университета (по имени первооткрывателя источник иногда называют также «документом Шехтера»).

С момента его находки *Кембриджский документ* вызывал противоречивые оценки у исследователей. Первооткрыватель и издатель Кембриджского документа Шехтер считал его подлинным памятником X в. Вскоре этот источник был проанализирован Коковцовым, который издал его в составе своей книги о еврейско-хазарской переписке. Коковцов нашел в Кембриджском документе черты сходства с еврейским произведением X в. «Книгой Иосиппон» и с византийской литературой XI в., в связи с чем он датировал памятник XI в. (Переписка. С. XXVI—XXXVI).

Впоследствии Кембриджский документ был исследован по рукописи американским гебраистом Н.Голбом (N.Golb). Он предложил новый вариант прочтения текста, несколько отличающийся от уже опубликованных Шехтером и Коковцовым версий. Голб признал документ оригинальным произведением X в., которое, по его мнению, было создано в Константинополе неким евреем, бежавшим из **Хазарии** подданным царя Иосифа. Голб показал, что Кембриджский документ является сложным по составу произведением, для написания которого были использованы различные источники — хазарские и мусульманские (Документы. С. 117–119). А.П.Новосельцев также считает Кембриджский документ подлинным источником X в., автором которого мог быть крымский еврей или хазарин, бежавший после гибели Хазарии в Византию (Новосельцев. 1990. С. 217–218).

Хотя этот памятник дошел до наших дней в неполном виде, он очень богат по своему содержанию. В уцелевшей части анонимной рукописи говорится о переселении евреев в Хазарию и об истории обращения хазар в иудаизм (в иной версии, чем в **письме** Иосифа), о войнах отца Иосифа, царя Аарона, с аланами, русами, византийцами и другими народами. Для историков Древней Руси самым интересным является рассказ о войне между Хазарией, Византией и Русью, имевшей место в правление византийского императора Романа I Лакапина (920–944 гг.). В документе описан захват царем Руси по имени Х-л-гу (Олег) хазарского города **Самкерчи** (Тмутаракань), предпринятый им по наущению **византийцев**. Успешный поход хазарского полководца Песаха на Олега заставил последнего не только покориться хазарам, но и выступить против византийцев. После того как война с Византией закончилась полной неудачей, Олег бежал за море, в страну П-р-с (Персия), где и сгинул вместе со всем своим войском.

«И еще во дни царя Иосифа, моего господина, искали его поддержки, когда были преследования [евреев] во дни злодея Романуса. Когда это стало известно моему господину, он уничтожил многих необрезанных. Но злодей Романус послал большие дары Х-л-гу, царю Руси, подстрекнув его совершить злое дело. И пришел тот ночью к городу С-м-к-рии и захватил его обманным путем, так как не было там правителя, раб-Хашмоная. И стало это известно Бул-ш-ци, он же **Песах** **hmkp**, и пошел тот в гневе на города Романуса и перебил [всех] от мужчин до женщин. И захватил он три города и, кроме того, много селений. Оттуда он пошел к [городу] Шурун и воювал против него ... И вышли они из земли подобно червям ... Исаиля и умерло из них 90 человек ... И избавил [Песах хазар? — *Авт.*] от руки русов и поразил всех находившихся там мечом. И пошел он оттуда на Х-л-гу и воевал с ним [четыре] месяца, и Бог подчинил его Песаху, и он направился и нашел добычу, которую [Х-л-гу] захватил в С-м-к-риу. Тогда сказал [Х-л-гу],

что это Романус побудил меня сделать это. И сказал ему Песах: "Если это так, то иди войной на Романуса, как ты воевал со мной, и тогда я оставлю тебя в покое. Если же нет, то умру или буду жить, пока не отомщу за себя". И пошел тот и делал так против своей воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там его мужи, так как македоняне победили его огнем. Он бежал и устыдился возвращаться в свою землю и пошел морем в П-р-с и пал там он сам и войско его. И так попали русы под власть казар» (Документы. С. 134—142; Новосельцев. 1990. С. 216).

Что касается трактовки сообщений Кембриджского документа о личности и деятельности царя русов Х-л-гу, то она была и остается весьма спорной и до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. В Х-л-гу пытались видеть и некоего правителя «Тмутараканской Руси», и воеводу киевского князя Игоря или какого-то подвластного последнему князя, или самого Игоря (историографию см.: Новосельцев. 1990. С. 216—217). Сопоставление сведений Кембриджского документа с данными арабо-персидских источников о каспийских походах русов привело некоторых исследователей к выводу о том, что поход Х-л-гу идентичен либо набегу, описанному ал-Мас'уди (Документы. С. 167-169), либо походу на Берда'а (Якубовский. 1926. С. 89).

Из Каирской генизы происходит еще один документ, представляющий особый интерес для историков Древней Руси, — *письмо из иудейской общины Киева*, датируемое X в. (см.: Документы. С. 17-98).

Этот документ представляет собой рекомендательное письмо, составленное членами иудейской общины Киева для своего неудачливого единоверца, отправлявшегося с берегов Днепра в египетский город Фустат. Письма такого рода часто встречаются в собрании Каирской генизы. В письме говорится, что его податель, Мар Яаков бен Р. Ханукка, прежде никогда не нуждавшийся, из-за нападения на него разбойников впал в бедность, был арестован за неуплату долга, но впоследствии выкуплен братьями по вере. Далее в письме сказано, что его авторы посылают Яакова «по святым общинам», дабы он смог возместить средства, потраченные на его выкуп. В конце письма стоят имена его составителей. Наряду с традиционными иудейскими именами (Авраам, Исаак, Моисей и др.) там перечислены такие, как Киб-р, Сур-т-х, М-н-р, М-н-с и др. (Документы. С. 24—31). О. Прицак попытался дать толкование этим именам на основе чувашского языка — потомка языка волжских булгар, наиболее близкого хазарскому, — рассматривая их как хазарские (Документы. С. 53—61). Неоднородный этнический состав общины, по мнению

ученых, показывает, что эта община была скорее религиозной, чем этнической.

Многие арабские авторы X-XIII вв. сообщают о падении **Хазарии** под ударами русов. Их известия давно стали предметом пристального изучения и сопоставления с данными древнерусской летописи под 965 г. о походе Святослава на Восток.

Наиболее ранним является рассказ Ибн Хаукаля. Информацию о падении Хазарии географ получил от хазарских беженцев, с которыми он **сам** встречался в Южном Прикаспии в конце 60-х годов X в. Данные о походе русов имеются в трех местах сочинения Ибн Хаукаля. В одном из сообщений приведена точная дата похода — 358 г.х. (968/69 гг.). Согласно Ибн Хаукалю, русы сначала опустошили Булгар, а затем обрушились на города Хазарии — ее столицу Итиль, а также Самандар:

«Булгар — маленький городок, и нет у него большого числа округов. Он был известен как пристань для этих государств, и опустошили его русы, а [затем] пошли на Хазаран, Самандар и Атиль, [и случилось это] в 358 году. И отправились сразу после этого в страну ар-Руми и ал-Андалус, разделившись на две группы. Русы же — варварский народ, живущий в стороне булгар, между ними и славянами на реке Атиль» (BGA. Т. II², р. 14; Новосельцев. 1990. С. 221).

Ибн Хаукаль сообщает также, что, спасаясь от русов, многие жители Хазарии бежали в прикаспийские страны. Некоторым беженцам удалось вернуться в Итиль в 80-х годах X в. при поддержке ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Йазиди (981-991 гг.) (BGA. Т. II. Р. 286; Т. II². Р. 393, 397; Новосельцев. С. 221-222).

Другой арабский автор, *Шамс ад-дин ал-Мукаддаси (ал-Макдиси)* (947-1000 гг.) в своем труде «Лучшее разделение для познания климатов» («Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим»), составленном в 80-х годах X в., приводит данные, отличающиеся от сведений Ибн Хаукаля. Ссылаясь на дошедшие до него слухи, ал-Мукаддаси пишет:

«Я слышал, что ал-Ма'мун напал на хазар со стороны ал-Джурджанийн (Ургенч. — *Авт.*), покорил их и призвал к исламу. Еще потом я слышал, что войско, [пришедшее] из ар-Рума и называемое ар-Рус, напало на них и овладело их страной» (BGA. Т. III. Р. 361).

Как видно, ал-Мукаддаси говорит о том, что в разгроме Хазарии определенную роль сыграли не только русы, но и Хорезм. Правда, сообщение ал-Мукаддаси с трудом поддается датировке из-за того, что мы не знаем точные годы правления ал-Ма'муна ибн Мухаммада, эмира Северного (а с 995 г. — и Южного) Хорезма. Проанализировавший рассматриваемое известие ал-Мукад-

даси А.П.Новосельцев обратил внимание на то, что оно находится в составе общего описания **Хазарии**, где изложение часто ведется с нарушением хронологии (Новосельцев. 1990. С.227). Поэтому можно допустить, что и в сообщении ал-Мукаддаси имеет место хронологическая неувязка и данные о приходе русов следует отнести к их появлению на Волге в 60-х годах X в. Добавим, последнее тем более вероятно, что ал-Мукаддаси ссылается на то, что пишет на основании дошедших до него слухов, и, видимо, поэтому никак не датирует вторжения в Хазарию хорезмийцев и русов.

Наконец, в сочинениях историков **XI–XIII** вв. Ибн Мискавейха и Ибн ал-Асира говорится о нападении на Хазарию в 354/965 г. некоего племени турок, что побудило хазар обратиться в Хорезм и в обмен за помощь принять ислам (Ибн ал-Асир. Т. VIII. С. 418). Ибн Мискавейх говорит о принятии ислама всеми хазарами, за исключением царя (Ибн Мискавейх. Т. П. С. 209), а по утверждению Ибн ал-Асира, мусульманином стал также и хазарский царь.

В связи с сообщениями арабских источников в историографии обсуждаются следующие вопросы: сколько походов на Хазарию совершили русы; когда это произошло; что за народ скрывался за воевавшими с хазарами «турками», о которых говорят Ибн Мискавейх и Ибн ал-Асир. Что касается количества походов и их хронологии, то в литературе давно уже разрабатываются две точки зрения. Одни исследователи полагаются на сведения Ибн Хаукаля и считают, что кроме похода 965 г., отмеченного в Повести временных лет, был еще один — в 968/69 гг., который и привел к падению Хазарии (Калинина. 1976. С. 91–93; Новосельцев. 1990. С. 225–227). Другие пытаются доказать, что русы лишь однажды ходили на Хазарию — в 965 г., а датировка Ибн Хаукаля относится к тому времени, когда он собирал информацию о походе (Бартольд. 1963. С. 689, 849, 852; Ibn Fadlan. S. 319).

Под «турками», нападшими на Хазарию в 965 г., по мнению исследователей, могут скрываться русы (Бартольд. 1963. С. 847–852; Dunlop. 1954. P. 244; Калинина. 1976. С. 94) или гузы (Ibn Fadlan. S. 310; Новосельцев. 1990. С. 225–227).

Многие исследователи обращают внимание на активную политику Хорезма в Нижнем Поволжье в связи с русско-хазарской войной (Бартольд. 1963. С. 853; Ibn Fadlan. S. 319; Новосельцев. 1990. С. 230). Вмешательство Хорезма в конфликт на Нижней Волге было в значительной степени подготовлено его длительны-

ми и тесными связями с Хазарией. По крайней мере, с начала X в. состоявшая из хорезмийцев мусульманская гвардия играла важную роль при дворе хазарского царя (Мас'уди. Т. II. С. 10–12).

ГЛАВА И. КРЕЩЕНИЕ Руси

Сведения, содержащиеся у восточных авторов относительно принятия христианства на Руси, по своему характеру и происхождению распадаются на две группы.

Первую составляют сообщения арабских авторов XI–XIII вв. (Йахйа Антиохийский, Абу Шуджа' ар-Рудравари, Ибн ал-Асир, ал-Макин), информация которых восходит к сфере византийско-русских контактов (см.: Яхъя; Кримський, Кезма. 1927; Quellen).

Наиболее подробные данные о крещении Руси и предшествовавших этому событию обстоятельствах приводит арабо-христианский историк *Йахйа Антиохийский* (иные варианты написания имени: Йахъя, Яхъя, Яхъя; Jahia, Yahya), писавший ок. 1066 г. По его словам, мятеж Варды Фоки побудил византийского императора Василия II (976–1025 гг.) обратиться за помощью к своему тогдашнему врагу — правителю русов:

«И стало опасным дело его, и был им озабочен царь Василий по причине силы его (Варды Фоки. — *Авт.*) войск и победы его над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов также и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей в Хрисополь. И победили они Фоку, и завладел царь Василий приморскою областью, и захватил все суда, которые были в руках Фоки» (Яхъя. С. 21–22 (араб. текст), 23–24).

Сходное описание событий содержится в сочинении вазира халифа ал-Муктади (1075–1094 гг.) Абу Шуджа' ар-Рудравари, составленном в конце XI в. Правда, в изложении Абу Шуджа' некоторые детали русско-византийских отношений выглядят ина-

че, чем у Йахьи. Если Йахья утверждает, что требование о принятии христианства царем русов как о предварительном условии вступления в брак с сестрой императора было выдвинуто Василием, то Абу Шуджа' сообщает, что сначала царь русов выразил намерение породниться с императором и только отказ царевны выйти замуж за того, «кто отличается от нее в ее религии», привел к крещению правителя русов и всей Руси (Кримський, Кезма. 1927). Рассказ Абу Шуджа' в сокращенном виде излагает историк XIII в. Ибн ал-Асир (Яхъя. С. 200—202). Еще один живший в XIII в. автор, арабо-христианский историк ал-Макин, следует в изложении за Йахьей, хотя отдельные детали заимствует у Ибн ал-Асира (Яхъя. С. 199-200).

Наряду с указанной версией принятия христианства на Руси, нашедшей отражение также в древнерусских источниках, на Востоке бытовало и совершенно иное представление о важнейших событиях религиозной жизни Древней Руси. В сочинении уже упоминавшегося ал-Марвази и в трудах более поздних компиляторов — персидского писателя первой половины XIII в. *Мухаммада 'Ауфи*, турецкого историка XV в. *Шукрульыбн Шихаба* и других авторов — сообщение о принятии русами христианства является составной частью пространного рассказа о русах, с различной степенью полноты передаваемого разными авторами. Сведения этой группы источников уникальны — они имеются только у мусульманских авторов и не находят параллелей в памятниках, созданных в рамках иных культурных традиций.

По своему содержанию рассказ о русах состоит из следующих сюжетов. Сначала приводятся отдельные выдержки из рассказа об «острове русов» по версии Ибн Русте и Гардизи, однако и ал-Марвази, и 'Ауфи выбирают из него лишь те сведения, которые были существенны для них: описание места жительства русов на острове, их разбойных нападений на славян и другие народы и, наконец, принятого у русов порядка наследования, когда все имущество получали дочери, а сыновьям доставались одни мечи, которыми они должны были добывать себе средства к жизни. Все эти подробности составляли преамбулу, необходимую для того, чтобы было понятно, сколь пагубно отразилось на жизни русов принятие ими христианства в 300 г.х. (912/13 г.). Далее излагаются причины, побудившие русов отказаться от христианской веры и обратиться к исламу. С принятием христианства русы были вынуждены отказаться от нападений на другие народы, а поскольку иного способа добывать себе пропитание они не

знали, то их дела быстро пришли в расстройство. Поэтому побуждаемые желанием получить право вести войну за веру, русы стали склоняться к исламу. С этой целью русы отправили посольство к хорезмшаху; в состав посольства вошли четверо лиц из числа приближенных правителя русов, носившего титул *Булладмир*. Хорезмшах очень тепло принял русов и отправил на Русь одного из имамов, после чего все русы сделались **мусульманами**. Завершает рассказ о русах сообщение об их успешных нападениях на различные причерноморские и прикаспийские города (Марвази. С. 23; Заходер. 1967. С. 146-147; Бартольд. 1963. С. 806–809), о чем имеются свидетельства и целого ряда других источников (арабских и византийских). Подобный финал рассказа должен был продемонстрировать правильность сделанного русами религиозного выбора: став мусульманами, они якобы превзошли могуществом все народы.

Как видно, сообщение ал-Марвази и более поздних писателей о религии русов не является механической сводкой известий, заимствованных ими из различных источников, а, напротив, представляет собой связное повествование, в котором рассказывается о переходе русов из христианства в ислам как о закономерном событии, обусловленном внутренними потребностями древнерусского общества. Уже сам факт бытования подобного рассказа в мусульманской литературе говорит о том, что религиозная жизнь Древней Руси вызывала в странах ислама большой интерес, удовлетворению которого, собственно, и служило рассматриваемое сообщение.

Формирование как идейного, так и фактического содержания рассказа относится к концу X — первой половине XI в. Данные ал-Марвази и его последователей давно сопоставляются с известным рассказом «Повести временных лет» об «испытании вер», которое предшествовало принятию христианства на Руси. В частности, не ставится под сомнение зафиксированное в «Повести временных лет» под 987 г. известие об отправлении русского посольства в Волжскую Булгарию для ознакомления с практикой мусульманского вероисповедания. В качестве предположения высказывается мнение о том, что из Булгара русские послы могли отправиться и дальше на Восток — в Хорезм, с которым у волжских булгар были тесные связи и куда они сами нередко обращались по религиозным вопросам. Хорезм был хорошо известен и на Руси, о чем говорит описание в «Повести временных лет» пути из Руси «в Болгары и в Хвалисы», проходившего по

Волге и Каспийскому морю, называвшемся на Руси по имени Хорезма — «море Хвалиськое». Однако, каким бы ни был реальный маршрут русского посольства, сам факт направления послов в исламскую страну мог быть истолкован мусульманами как стремление русов принять ислам, что и отразилось в сообщении ал-Марвази и других авторов.

Титул правителя русов *Булдмир* рассматривается как переосмысление имени, которое носили древнерусские князья конца X — первой половины XI в., в частности Владимир Святославич, с чьим именем связано принятие христианства на Руси, а также Владимир Ярославич, возглавлявший неудачный поход на греков в 1043 г. В правителе же русов, отправившем посольство в Хорезм, следует, по всей вероятности, видеть самого Владимира Святослава. Упоминание киевского князя Владимира недвусмысленно свидетельствует о том, что информацию авторов X в. об «острове русов» ал-Марвази и его продолжатели вписали в новый исторический контекст и связывали ее с Киевом как центром религиозной жизни Древнерусского государства.

Местом сложения рассказа был, по всей вероятности, Хорезм. Высказывается предположение, что первоисточником ал-Марвази мог быть ныне утраченный труд по истории Хорезма среднеазиатского ученого ал-Бируни. Некоторые основания для подобного предположения, действительно, имеются, поскольку известно, что ал-Марвази вообще сильно зависит от ал-Бируни, а в сохранившихся сочинениях последнего находится ряд уникальных современных ему данных о народах Восточной Европы.

ГЛАВА 12. РУСЫ НА КАВКАЗЕ В X–XII ВВ.

В арабо-персидских источниках сохранилось довольно много известий о пребывании русов на Кавказе в X–XII вв. С одной стороны, речь идет о русских *наемниках-гулямах*, состоявших на службе у различных кавказских правителей, с другой — о походах русских отрядов на Кавказ и их участии в междоусобной борьбе местных правителей. Источники, содержащие сведения такого рода, в основном относятся к жанру местных историй различных прикаспийских областей.

Жанр региональной историографии в государствах Прикаспия появился не позднее XI в. Наиболее ранние сочинения, написанные по-арабски и посвященные истории Ширвана, Арра-

на и Дербента, в первоначальном виде не уцелели. Однако по материалам этих местных летописей в начале XII в. был составлен свод «История Дербента» («*Та'рих Баб ал-абваб*»). В конце XVI в. османы, оккупировавшие Закавказье, вывезли оттуда в Турцию множество рукописей, среди которых оказалась и «История Дербента». В XVII в. турецкий ученый Мюнаджжим-баши включил в сокращенном виде сведения из «Истории Дербента» в свое сочинение «Собрание известий о династиях» («*Джами ад-дувал*»), написанное на арабском языке (см.: Минорский. 1963. С. 21-26; 43-79).

Изложение событий в «Истории Дербента» начинается со второй половины VIII в. и доведено до 1075 г. В «Истории Дербента» приводится целый ряд известий об участии русов в событиях, разворачивавшихся на территории наиболее значительных государственных образований Восточного Закавказья — Дербента и Ширвана — в X–XI вв. Дербент в это время являлся крупнейшим торговым городом на Каспии, северным форпостом ислама, которым с 869 г. управляли Хашимиты — местная династия арабского происхождения. Особенностью социальной структуры города было наличие крупной торгово-ремесленной знати. Ее верхушка — так называемые *ра'исы* — обладала большим политическим влиянием, что только усугубляло проблемы дербентских эмиров, вовлеченных в частые войны с дагестанскими горцами и в особенности с соседним Ширваном. Претензии ширваншахов на Дербент основывались на том, что еще до прихода к власти Хашимитов город некоторое время находился во владении основателя ширванской династии Йазидидов Мухаммада ибн Халида. Вмешательство ширваншахов в дела Дербента заметно возросло в последней четверти X в., когда они для достижения своих целей старались спровоцировать внутренние беспорядки в городе, опираясь на политических конкурентов эмира — *ра'исов*.

Во второй половине 70-х годов X в. дербентские *ра'исы* настолько усилились, что заключили в темницу эмира Маймуна. Для того чтобы вернуть себе власть, Маймун обратился за помощью к русам. В 987 г. 18 русских кораблей подошли к Дербенту. Русы, высадившиеся с одного из кораблей, поспешили на помощь к эмиру, а остальные суда ушли на юг, и дальнейшая судьба их неизвестна. Эмир был вскоре освобожден и, опираясь на отряд русов, продолжил борьбу с *ра'исами*. В 989 г. она разгорелась с новой силой. На этот раз противостояние приняло ре-

лигиозный характер. Выступавший рупором ра'исов гиланский проповедник Муса ат-Тузи обвинил эмира в недостойном для исламского правителя поведении и потребовал от него, чтобы тот передал ему своих русских гулямов для обращения в ислам. Маймун отказался выполнить требование Мусы и вместе с русами ушел в соседний с Дербентом Табасаран. В течение последующих нескольких лет Маймун с переменным успехом вел войну с ширваншахом за обладание городом [Минорский. 1963. С. 21—22 (араб. текст), 68-69]. После 990 г. никаких известий о пребывании русов в Дербенте в «Истории Дербента» нет, что, по-видимому, объяснялось возросшим влиянием Ширвана в данном регионе.

Действия русов на Кавказе в первые десятилетия XI в. были во многом связаны с политикой княжившего в Тмутаракани Мстислава Владимировича. В 1022 г., согласно «Повести временных лет», он одержал победу над касогами, которые с тех пор стали поставлять воинов в войско Мстислава. Среди воинов тмутараканского князя «Повесть временных лет» упоминает и хазар, что может свидетельствовать о распространении влияния Мстислава на старые хазарские города Дагестана. Второй крупной политической силой на Северном Кавказе в то время были занимавшие центральную часть Предкавказья аланы, с которыми Мстислав поддерживал союзнические отношения.

В 1030-1031 гг. русы, действуя в союзе с аланами и горцами Дагестана, выступили против правителя Ширвана Минучихра (1027—1034 гг.), конфликтовавшего тогда с Дербентом из-за спорных земель. Союзники разгромили неподалеку от Баку войска ширваншаха. Затем отряды русов поднялись вверх по Куре, перешли на **Аракс** и добрались до Байлакана, где находился приверженец Минучихра — Аскуйа. Этот Аскуйа был сыном эмира Аррана Фадла и поднял мятеж против отца, который поддерживал своего другого сына Мусу. Муса и пригласил русов оказать ему помощь в борьбе с братом. При поддержке русов Муса взял Байлакан, полностью разорив город и убив брата (Минорский. 1963. С. 11 (араб. текст), 53-54). В местной кавказской традиции разгром Байлакана был приписан одним русам. Именно так говорит о взятии города поэт XII в. Мас'уд ибн Намдар (Мас'уд ибн Намдар. Л. 526¹).

После победы над ширваншахом и взятия Байлакана часть русов двинулась в Византию и оттуда ушла к себе домой. Другие отряды русов и их аланские союзники возвращались на ро-

дину через Северный Кавказ и были уничтожены людьми дербентского эмира Мансура. Поэтому в следующем 1032 г. русы и аланы выступили уже против Дербента, но были отбиты и вернулись ни с чем.

Некоторые сведения по истории Древней Руси содержатся в дагестанском историческом сочинении *«Дербент-наме»*. Это произведение дошло до нас в многочисленных списках на многих восточных языках (турецком, арабском, персидском, на дагестанских языках). Несмотря на длительную историю его изучения, до сих пор точно неизвестны ни автор, ни время появления сочинения, ни язык, на котором оно первоначально было написано. По заключению большинства исследователей, *«Дербент-наме»* было составлено в XVII в. дагестанцем Мухаммадом Аваби Акташи по заказу местного князя Чупан-бека. Хронологические рамки повествования в *«Дербент-наме»* (по всем спискам) охватывают конец V — середину XI в. Установлено, что в *«Дербент-наме»* вошло много сведений из сочинений арабских историков и географов IX–X вв. Наряду с ними для составления хроники были широко использованы источники местного происхождения, благодаря чему в *«Дербент-наме»* сохранились данные, неизвестные по другим памятникам (ДИС. С. 6–15).

Изложение в *«Дербент-наме»* связано главным образом с событиями, разворачивавшимися в Дагестане. Говорится о строительной деятельности Сасанидов в этом регионе, о войнах арабов с хазарами VII–VIII вв., об арабском владычестве в Дербенте в конце VII — начале IX в., о переходе Дербента под власть ширванских владетелей в IX в., о событиях городской жизни в X–XI вв. Для историков Древней Руси представляют интерес сообщения *«Дербент-наме»* о взаимоотношениях хазар и русов (ДИС. С. 17–24).

Еще одно дагестанское историческое сочинение — *«История Дагестана»* (*«Та'рих Дагестан»*) — повествует о событиях X–XIV вв. Это произведение сохранилось в большом количестве списков XVIII–XX вв. на арабском и, реже, на персидском языке. Основной текст *«Истории Дагестана»* был составлен муллой Мухаммадрафи в XIV в. и по мере дальнейших переписок подвергался изменениям и дополнениям (ДИС. С. 85–97). Наиболее древней частью *«Истории Дагестана»* считается помещенный в начале сочинения рассказ об Аварии IX–X вв., известной в арабской географической и исторической литературе того времени под названием Сарир. Именно в начальной части *«Истории*

Дагестана» приводится сообщение о совместной борьбе дагестанцев и русов против мусульман на Кавказе (ДИС. С. 101).

Наконец, данные, имеющие отношение к истории Древней Руси, содержатся в небольшом по объему сочинении под условным названием, данным ему издателями, «*История Ирхана*». Ирхан (Ирганай) — это древнее аварское селение, расположенное в Дагестане, на правом берегу Аварского Койсу. Рассказ об истории поселения сохранился в составе трех поздних рукописных сводов, причем в двух из них он вставлен в текст «Дербент-наме». «История Ирхана» написана на арабском языке, имя автора и время составления сочинения неизвестны (ДИС. С. 162—164). По своему содержанию «История Ирхана» представляет собой собрание местных легенд, отражающих историю Ирхана и близлежащих населенных пунктов в X—XIV вв., когда шел процесс исламизации Дагестана. Интересны сведения источника об этнической и религиозной принадлежности жителей аварских сел в то время. Наряду с мусульманскими поселениями существовали и христианские, и иудейские. Среди христианских «История Ирхана» называет, в частности, село Хадар, жители которого были «чистыми русами». Таким же являлся и этнический состав обитателей села Авар (об их религиозной ориентации ничего не сказано).

Сведения исторического характера содержатся и в некоторых поэтических произведениях прикаспийских авторов. Помимо уже упоминавшегося Мас'уда ибн Намдара, уникальные сообщения о русах приводит писавший по-персидски придворный поэт-панегирист ширваншахов *Хакани* (1120—1199 гг.). В трех одах, посвященных ширваншаху Ахситану I (1160—1196 гг.), Хакани рассказывает о вторжении русов во владения Ахситана ок. 1174 г. По его словам, 73 русских корабля поднялись по Куре до Лемберана. Возможно, русы координировали свои действия с кипчаками, которые в это же самое время захватили Дербент, после чего отправились на Шабаран. Ширваншах обратился за помощью к грузинскому царю Георгию III (ум. в 1184 г.), и совместными усилиями они одержали победу над русами и кипчаками (Дорн. 1875. С. 524-530).

Интересные сведения о взаимоотношениях Древней Руси с восточными народами имеются в поэме *Низами Гянджеви* (вторая половина XII в.) «Искандер-наме». Герой поэмы, Искандер, сильно отличается от своего прототипа — Александра Македонского, поскольку Низами создавал не историческую хрони-

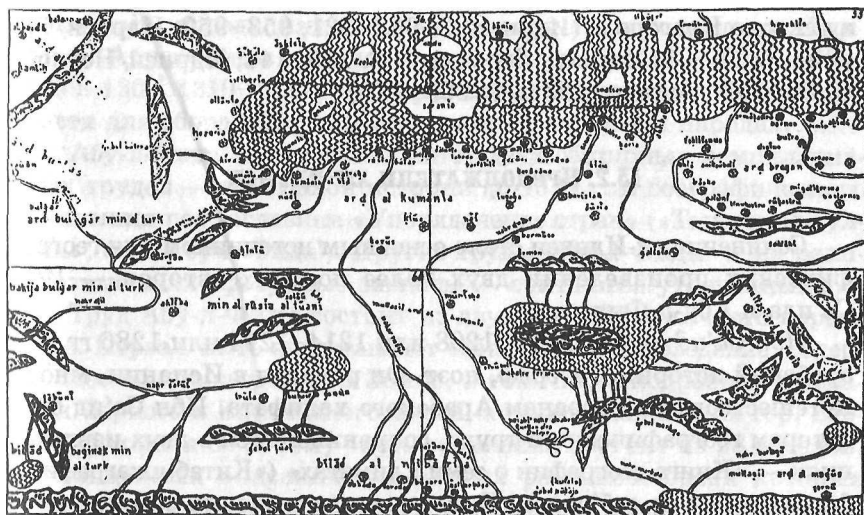
ку, а художественное произведение. Обращаться к «Искандер-наме» как к историческому источнику следует с большой осторожностью, ибо в нем переплетены данные, относящиеся к разному времени, к тому же включенные в поэтический текст. Эпизод о походе Искандера на Русь рассматривался многими учеными XIX–XX вв. (историографию см.: Джафаров. 1990. С. 47–68). Полагают, что данное сообщение Низами восходит к информации о походах русов на Каспий и в Закавказье в X–XI вв., а также к рассказам XII в. о событиях в степях Северного Причерноморья.

ГЛАВА 13. ДРЕВНЯЯ **РУСЬ** В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ XII–XIII вв.

13.1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ **АЛ-ИДРИСИ**

Наиболее крупным арабским географом XII в. был *ал-Идрис* (1100–1165 гг.), автор сочинения «Развлечение истомленного в странствии по областям» («Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак», 1154 г.), иногда именуемого просто «Географией» или «Книгой Рожера», по имени норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154 гг.), по заказу которого было написано это произведение (см.: Идриси; Идриси/Жобер; МА. Bd. I–II; VI). Труд ал-Идриси является сводом географических знаний, накопленных арабской наукой к середине XII в., и представляет собой описание всей ойкумены.

Ал-Идриси происходил из эмирского рода **Алидов—Идрисидов**, обосновавшегося на западе Арабского халифата, в Сеуте. Совершив ряд путешествий по странам Средиземноморья, главным образом Западного, ал-Идриси надолго остановился в Палермо, при дворе Рожера II. Покровительство Рожера открыло перед ал-Идриси широкие возможности для сбора сведений о разных странах, благодаря чему в его сочинение вошли не только данные арабских географов IX–XI вв., но и многочисленные сообщения современников — купцов, путешественников, паломников.

Илл. 7. Часть карты мира, составленной ал-Идриси в 1154 г. (четвертая—шестая секции VI—VII климатов)

Согласно толемеевой традиции, ал-Идриси поделил земную поверхность на семь широтных **зон**—**климатов**, каждый из которых, в свою очередь, делился на десять поперечных **частей**—**секций**. Описание земли в книге ведется по климатам, с юга на север, а в пределах климата — по секциям, с запада на восток. Каждой секции соответствует карта (см. илл. 7). Наряду с подробным рассказом о Северной Африке, Испании, Италии и Сицилии, в труде ал-Идриси содержится богатейший и порой уникальный для арабской географической литературы материал о странах Западной, Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы. В **четвертой—шестой секциях VI—VII климатов** приводится характеристика стран и народов Восточной Европы — Руси, Кумании, Волжской Булгарии.

В сообщениях ал-Идриси о Древней Руси переплетаются информация, исходящая от купцов и путешественников, и данные, почерпнутые географом из трудов своих предшественников, в особенности географов X в. Ибн **Хаукаля** и ал-Мас'уди. Обстоятельно охарактеризованы маршруты плавания вдоль берегов Северного Причерноморья, где ал-Идриси были известны многие города Крыма. Ал-Идриси первым среди арабских географов упоминает реку Днепр и называет целый ряд древнерусских городов **Поднепровья**, приводит данные о городах **Поднестровья**,

а также о Новгороде (Идриси. С. 892-921, 953-959; Идриси/Ту-улио. С. 16-31; Идриси/Левицкий. С. 140-144; Идриси/Недков. С. 69-107; Бейлис. 1984. С. 209-220).

13.2. ПРОДОЛЖАТЕЛИ АЛ-ИДРИСИ

Сочинение ал-Идриси стало основным источником для географических произведений двух более поздних авторов — Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды.

Ибн Са'ид ал-Магриби (1208 или 1214-1274 или 1286 гг.) — арабский историк, географ, поэт. Он родился в Испании, много путешествовал по странам Арабского халифата. Ибн Са'ид был автором географического труда, сохранившегося в двух извлечениях — «Книга географии о семи климатах» («Китаб джаграфийа фи-л-акалим ас-саб'а») и «Книга распространения земли в долготу и ширину» («Китаб баст ал-ард фи-т-тул ва-л-ард»; см.: Ибн Са'ид).

По своему содержанию и системе изложения географическое сочинение Ибн Са'ида тесно связано с традицией ал-Идриси. Заимствованные у него сведения о Восточной Европе Ибн Са'ид дополняет современными ему данными, полученными от купцов и путешественников. Кроме того, Ибн Са'ид отмечает географическую долготу и широту каждого крупного пункта. Особенно интересны сообщения Ибн Са'ида о славянах, под которыми он подразумевал исключительно западных славян, и о русах. Ибн Са'ид говорит о русах, живших по берегам Азовского моря и на его островах, отчего это море, по его словам, называлось Русским. Ибн Са'ид сообщает также о народах Северного Кавказа и Поволжья: каса (касогах), абхазах, аланах, кипчаках и других, сочетая сведения ал-Идриси, а иногда и географов X в. с данными (нередко ошибочными) близких к нему по времени информаторов, не называемых автором (Ибн Са'ид. С. 126—141).

С традицией ал-Идриси тесно связано географическое сочинение еще одного автора — арабского энциклопедиста, историка и географа *Абу-л-Фиды* (1273—1331 гг.). Ученые занятия не являлись основной сферой деятельности Абу-л-Фиды. Сирийский эмир, потомок Аййубидов, состоявший в родстве со знаменитым Салах ад-Дином (Саладин, 1174-1193 гг.), Абу-л-Фида' был прежде всего политическим деятелем и воином. В молодые годы он принимал участие в походах против крестоносцев, затем участвовал

в военных экспедициях под началом мамлюкских султанов. Близость Абу-л-Фида ко двору султана ан-Насира (1293—1294, 1299—1309, 1310—1341 гг.) открывала перед ним широкие возможности для сбора информации о разных странах и народах.

Абу-л-Фида' известен как автор двух обширных компилятивных трудов — всемирной истории до 1329 г. и географического сочинения под заглавием «Упорядочение стран» («Таквим ал-булдан»; см.: Абу-л-Фида'). Другие труды Абу-л-Фида — на религиозные и литературные сюжеты — считаются утраченными.

Труд Абу-л-Фида состоит из двух частей различного характера. Первая часть представляет собой обширное введение, содержащее общие сведения о Земле, в том числе подробные описания Черного и Каспийского морей, а также Кавказских гор. Вторая, большая по объему часть сочинения состоит из 28 отделов, посвященных описанию различных регионов, среди которых есть и характеристика «северных земель», куда, по классификации Абу-л-Фида, относились страны и народы Восточной Европы. Каждый из 28 отделов подразделяется на две части: описательную и табличную. В описательной части содержатся сведения о границах той или иной области, ее политическом устройстве, этническом составе населения, его обычаях и верованиях, об основных городах; бывают приведены и маршрутные данные. Кроме этого, данные о городах разных областей Абу-л-Фида' свел в таблицы, напоминающие по форме таблицы ал-Хоризми или ал-Баттани. Помимо географических координат и характеристики того или иного пункта, Абу-л-Фида' приводит и транслитерацию его наименования.

Сочинение Абу-л-Фида опирается на широкий круг источников, письменных и устных. Еще его издатель Ж.Т.Рено (J.T.Reinaud) отметил, что описание стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в «Упорядочении стран» составлено преимущественно по произведениям ал-Идриси и Ибн Са'ида (Абу-л-Фида'. С. СХХ). Впоследствии В.В.Бартольд пришел к заключению о том, что почти все сведения о Европе, которыми сочинение Абу-л-Фида отличается от труда ал-Идриси, были заимствованы у Ибн Са'ида (Бартольд. 1973. С. 105). Исследование сообщений Абу-л-Фида о Восточной Европе показывает, что сведениями предшественников он пользовался лишь для характеристики тех областей, о которых у него не было современной информации. В первую очередь, это касается внутренних районов Восточной Европы. Что же касается описания Северно-

го Причерноморья, то оно было составлено главным образом на основе данных, полученных от купцов и путешественников.

В частности, Абу-л-Фида' приводит подробные сведения о многих городах Северного Причерноморья — Акджа-Кермане (Белгород), Сару-Кермане (Херсонес), Киркри (Чуфут-Кале), Судаке, Сулгате (Солхат), Кафе, Карш (Керчь), Азаке (Азов), Тамани. Вот как охарактеризован, например, город Азов:

«Ал-Азак — знаменитый город, торговый порт; он расположен на равнине, близ впадения реки Тан (Дон. — *Авт.*) в море ал-Азак (Азовское море. — *Авт.*). А море ал-Азак известно в древних книгах как озеро Мани-таш (греч. Меотиды. — *Авт.*) Его вода, будучи слабо соленой, пригодна для питья прибывающих в город путников; в сильный мороз она замерзает. Городские здания построены из дерева. Между Азаком и [городом] ал-Кирим (Крым, он же Солхат. — *Авт.*) около 15 переходов; он расположен к юго-востоку от ал-Кирима» (Абу-л-Фида'. С. 217; Т. II. Р. 321).

Помимо данных о географическом положении того или иного города и его облике, Абу-л-Фида' иногда говорит и об этнической принадлежности его жителей и их вероисповедании. По его словам, Чуфут-Кале населяли асы (аланы), а Керчь — кипчаки; много мусульман было среди жителей Акджа-Кермана и Судака (Абу-л-Фида'. С. 213-217; Т. II. Р. 317-321).

13.3. ЗАПИСКИ АБУ ХАМИДА АЛ-ГАРНАТИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ по Восточной Европе

Сообщения о народах Восточной Европы оставил и Абу Хамид ал-Гарнати (1080-1169 гг.) — испано-арабский писатель, проповедник и путешественник, побывавший в разных странах Северной Африки, Ближнего Востока, Средней Азии и Европы. В 30–50-х годах XII в. он посетил Восточную и Центральную Европу, проехал через Кавказ. Около 20 лет ал-Гарнати прожил в Саксине — городе, находившемся, по всей вероятности, на месте разрушенного Итиля, бывал в Волжской Булгарии и на Кавказе, жил в Венгрии. В 1150 г. он совершил путешествие из Саксина в Венгрию, проследовав через Волжскую Булгарию и Русь. В 1153 г. ал-Гарнати проделал этот путь в обратном направлении и всю зиму гостил у «царя славян», передав ему письмо венгерского короля Гезы II (1141–1162 гг.).

Описание своих путешествий ал-Гарнати оставил в двух сочинениях: «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» («Му'риб ан ба'д 'аджа'иб ал-Магриб»; иное название по другой рукописи — «Выборка воспоминаний о чудесах стран» («Нухбат ал-азхан фи

'аджа'иб ал-булдан») и «Подарок умам и выборка из чудес» («Тухфат ал-албаб ва нухбат **ал-а'джаб**») ¹¹. Книги содержат, кроме наблюдений и сведений о путешествиях Абу Хамида ал-Гарнати, множество рассказов о диковинках в соответствии с распространенным в арабской средневековой литературе жанром *'аджа'иб*.

Данные Абу Хамида ал-Гарнати о Восточной Европе отличаются богатством и разнообразием. Подробно описаны те районы, где побывал ал-Гарнати, — Северный Кавказ, Нижняя Волга, Булгар, Киев, а также области, о которых ему рассказывали путешественники, — территории северных народов Вису, Йура и Ару (летописные весь, югра и Арская земля). В сочинениях ал-Гарнати приведено описание интересных деталей бытового характера — ловля рыбы с судов на Волге; меновая торговля, распространенная среди народов Европейского Севера; меховые деньги, имевшие хождение у славян.

Описание ал-Гарнати меновой торговли, которая практиковалась у народа Йура, послужило источником для аналогичных описаний в сочинениях более поздних арабских авторов — Закарийи ал-Казвини, Абу-л-Фиды, Ибн Баттуты.

«А за Вису на море **Мраков** есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что **Мраки** недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем — большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары» (Гарнати. Му'риб. С. 14-15; Гарнати. С. 32-33):

Абу Хамид ал-Гарнати не единственный восточный автор, общающийся о хождении меховых денег на территориях Восточной Европы. Об использовании русами в качестве денег шкурок

¹¹ Из двух сочинений Абу Хамида «Тухфат ал-албаб» пользовалось большей популярностью и дошло до наших дней во множестве рукописей, тогда как «Му'риб» — только в двух. В 1925 г. французский востоковед Г.Ферран (G.Ferrand) выпустил критическое издание «Тухфат ал-албаб» (см.: Гарнати. Тухфат). Исследование «Му'риб» началось значительно позже, ибо лишь в 1953 г. испанский востоковед С.Дублер (C.Dubler) опубликовал часть открытой им в Мадриде рукописи этого произведения (см.: Гарнати. Му'риб), дотоле известного только по упоминанию турецкого библиографа *Хаджежи Халифы* (1609—1657 гг.). Относящиеся к Восточной Европе сведения из обоих сочинений Абу Хамида изда ны в 1971 г. на русском языке (см.: Гарнати).

пушных животных имеются известия в поэме Низами «Искандер-наме», а также у персидских географов Наджиба Хамадани (XII в.) и Амина Рази (XVI в.). Однако данные Абу Хамида имеют особую ценность, так как он передает не чужие сведения, знакомые ему по слухам, а описывает собственные впечатления:

«Когда я прибыл в их (славян. — *Авт.*) страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева. Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее *джукн*. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары ... Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают» (Гарнати. Муриб. С. 22-23; Гарнати. С. 35-36).

Достоверность сообщений Абу Хамида долгое время вызывала сомнения у многих востоковедов. Однако по мере исследования сочинений путешественника стало ясно, что к рассказам Абу Хамида следует подходить как к непосредственным сведениям очевидца, даже фантастические детали повествования которого могут иметь определенную ценность.

13.4. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ **ЙАКУТА**

В начале XIII в. достижения арабо-персидской географии за все предшествующие столетия были сведены воедино в огромном по объему труде «Алфавитный перечень стран» («Китаб му'джам ал-булдан»). Его автор — *Йакутар-Руми* (ок. 1179-1229 гг.) — был выходцем из Малой Азии, вероятно, греком по происхождению. Ребенком он попал в плен (где и получил свое имя Йакут — «яхонт») и был куплен мусульманским купцом из сирийского города Хама. Благодаря своему хозяину, нуждавшемуся в грамотном приказчике, Йакут получил хорошее арабское образование. Всю жизнь он много путешествовал, сначала по торговым делам своего хозяина, а после смерти последнего самостоятельно. Профессиональные занятия Йакута — переписка и продажа книг —

способствовали его знакомству с богатыми библиотеками крупнейших культурных центров восточной части мусульманского мира: Багдада, Алеппо, Бухары, Мерва. Многие рукописные материалы, доступные Йакуту в этих библиотеках, вскоре погибли во время нашествия монголов. Самому Йакуту пришлось прервать занятия в библиотеках Мерва, города, где он хотел остаться навсегда и где в 1218 г. у него возникла идея составления географического словаря. Спасаясь от наступления монголов, разрушивших в начале 20-х годов XIII в. Бухару и Самарканд, Йакут спешно перебрался из Средней Азии в иракский город Мосул. Остаток своей жизни Йакут посвятил научным занятиям.

Йакут написал несколько десятков трудов по разным отраслям знания, из которых сохранились два словаря — географический и биографический. Географический словарь (см.: Йакут. Му'джам) представляет собой энциклопедию, где в алфавитном порядке дан материал обо всех известных ему географических объектах — морях, реках, озерах, горах, странах, городах и т.п. Собственно словарным статьям предшествуют авторское предисловие и пять вводных глав с изложением вопросов общегеографического, терминологического и исторического характера. Как правило, словарная статья по каждому объекту содержит чтение и этимологию его названия, географические координаты и описание. Некоторые статьи весьма обширны и занимают по 10—15 страниц. При составлении словаря Йакут не ограничился использованием только географических трудов, он широко привлекал исторические сочинения, записки путешественников, литературные произведения, в том числе поэтические, и, конечно, сообщения своих современников. Словарь Йакута не лишен общего для всей арабо-персидской географической литературы недостатка: смешения сведений, относящихся к разному времени. Правда, Йакут во многих случаях называет свои источники, что существенно помогает в определении степени достоверности его сообщений.

По материалам «Му'джам ал-булдан» Йакут подготовил справочное пособие — словарь географических омонимов «Книга об именах, общих по форме, но различных по обозначаемой местности» («Китаб ал-муштарик вад'ан ва-л-муфтарик сук'ан»; см.: Йакут. Китаб ал-муштакрик).

13.5. **РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ В СТЕПИ**

Важные сведения по истории Древней Руси содержатся в источниках, созданных в государстве малоазийских Сельджукидов.

Сельджуки — это объединение племен тюрок-огузов, получивших свое название по имени его полулегендарного предводителя Сельджука ибн Тугака, жившего в середине X в. В VIII-X вв. основная масса огузов кочевала на пространстве между восточным побережьем Каспийского моря и низовьями Сыр-Дарьи. С начала XI в. племена огузов, или сельджуков стали просачиваться на юг и постепенно расселились на территории современной Туркмении. После того как в 1040 г. при Денданакане они наголову разгромили армию Мас'уда Газневи (1030—1041 гг.), сельджуки хлынули на запад. Захватив к 70-м годам XI в. Иран, Ирак и страны Закавказья, они стали угрожать Византии. В 1071 г. при Манцикерте сельджуки нанесли сокрушительное поражение большой армии византийского императора Романа IV Диогена (1067—1071 гг.), в состав которой входили также армянские, грузинские и русские отряды. За короткое время сельджуки овладели Никеей, которая стала первым политическим центром сельджукского государства в Малой Азии — Румского султаната. С 1116 г. столица султаната была перенесена в город Конью, в связи с чем Румский султанат называют также Конийским. В начале XIII в. сельджукам удалось захватить важный черноморский порт — Синоп, через который осуществлялась торговля с городами Крыма. Поражение от монголов в 1243 г. при Кёсё Даге поставило Румский султанат под контроль монгольских ханов.

История Румского султаната отражена в хронике *Ибн Биби* (XIII в.). Подлинное имя автора хроники было Насир ад-дин Йахйя ибн Мухаммад, однако оно было вытеснено прозвищем по матери, и в литературе он известен как Ибн Биби (или Ибн ал-Виби). Ибн Биби, занимавший высокое положение в социальной иерархии — он был эмиром, — написал свою хронику по заказу монгольского государственного деятеля и историка 'Ала ад-дина Ата-Малика Джувейни (1226-1283 гг.). Хроника Ибн Биби была составлена в 1282-1285 гг. на персидском языке, игравшем наибольшую роль в культурной жизни турок Малой Азии, и охватывала период с 80-х годов XII в. по 80-е годы XIII в. (см.: Ибн Биби/перс.; Якубовский. 1927). В XV в., уже в османскую эпоху, хроника Ибн Биби была переработана и переведена на турецкий язык придворным панегиристом Языджи-огду Али, составившим по заказу султана историю малоазиатских Сельджукидов «Сельджук-наме» (или «Огуз-наме»; см.: Ибн Биби/тур.).

В хронике Ибн Биби сохранился неизвестный по иным источникам рассказ о захвате сельджуками в начале XIII в. крымско-

го торгового города Судак и ответных действиях, предпринятых половцами и русскими. Набег произошел во время правления султана Ала ад-дина Кейкобада (1219—1236 гг.). Возмущенный жалобами купцов, подвергавшихся нападениям и грабежам на таможенных заставах в Северном Причерноморье, султан отправил своего полководца Хусам ад-дина Чупана на Судак — крупный торговый центр Крыма. Перед лицом такой угрозы жители Судака запросили помощи у половецкого хана, а тот в свою очередь обратился за подмогой к русскому князю. Объединенное половецко-русское войско, насчитывавшее, по словам Ибн Биби, 10 тысяч всадников, потерпело поражение в бою с сельджуками, но, в конце концов, русскому князю удалось уладить дело миром, откупившись богатыми дарами (Якубовский. 1927. С. 54—58).

Набег сельджуков на Судак датируется по косвенным данным 1221-1222 гг. Судак, как и некоторые другие пункты крымского побережья, еще с XII в. принадлежал половцам, собиравшим дань с торговых оборотов города. Судак играл видную роль в транзитной торговле между странами Восточной Европы, Малой Азии и Ближнего Востока. Захват сельджуками в 1214 г. Синопа — стратегически важного порта на юге Причерноморья — позволил им контролировать торговые пути, соединявшие Русь и Половецкую степь с богатыми ближневосточными городами. Поэтому посылка войск в Крым, не имевшая в общем большого политического значения, была связана со стремлением сельджуков обеспечить нормальное функционирование международной торговой трассы, приносившей им ощутимые выгоды. Рассказ Ибн Биби хорошо раскрывает экономическую подоплеку событий в Судак в начале XIII в. и позволяет рассматривать русских и половцев как главных политических гарантов безопасной торговли в Восточной Европе в этот период.

13.6. ПРИХОД МОНГОЛОВ В ЕВРОПУ

Самым крупным арабским историком домонгольского времени был *Ибн ал-Асир* (1160-1234 гг.). Он происходил из ученой семьи, что помогло ему приобрести широкие связи в культурных кругах халифата. Известно, например, что он близко знал составителя знаменитого географического словаря Йакута, который завещал ему свою библиотеку. Ибн ал-Асир был автором нескольких произведений исторического жанра, но прославился благодаря сво-

ему сочинению «Совершенная книга по истории» («Китаб ал-камил фи-т-та'рих»; см.: Ибн ал-Асир; Ибн ал-Асир/Жузе; Сборник. Т. I). В нем излагаются события всеобщей истории с 622 по 1232 г.

Ибн ал-Асир подробно описывает поход в Восточную Европу монгольских полководцев Джеббе и Субудая в 1222—1223 гг. Кроме того, он сообщает много интересных деталей о населении городов Северного Причерноморья и о торговых связях Руси и Половецкой степи с Малой Азией и Ближним Востоком в начале XIII в. В частности, он упоминает о бегстве многих русских купцов в мусульманские страны после битвы на Калке в 1223 г. (Ибн ал-Асир. Т. XII. С. 160, 253-254; Сборник. Т. I. С. 26-28).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Абу-л-Фида' — *Geographie d'Aboulféda: Text arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique* par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840 (пер. на франц. язык: *Geographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements* par M. Reinaud. Paris, 1848. Т. II. Premier partie).

Абу Шуджа' — см.: Яхья; *Кримський, Кезма*. 1927; Quellen.

Амули — *Амули*. Та'рих-и Руйан. Тегеран, 1934 (перс. яз.).

'Ауфи — см.: *Бартольд*. 1963. С. 805-809; *Marquart*. 1924.

Ахтал — *Ал-Ахтал ат-Таглиби*. Диван / Вступит. статья, коммент. и указ. И.С. ал-Хави. Бейрут, 1975 (араб. яз.).

Бакри — *Das geographisches Wörterbuch des ... el-Bekri / F. Wüstenfeld*. Göttingen; Paris, 1876-1877. Bd. I-II.

Бакри/Розен — *Куника, Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Т. I; СПб., 1903. Т. II.

Балазури — *Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori / M.J. de Goeje*. Lugduni Batavorum, 1866.

Балазури/Жузе — *Баладзори*. Книга завоевания стран / Текст и пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.

Бал'ами — *Мухаммад Бал'ами*. Та'рих-и Табари. Тегеран, 1958. Т. I.

Бар Гебрей — *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum / P. Bedjan*. Parisiis, 1890.

Баттани — *Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum / Arabice ed., Latine versum, adnotationibus instructum a C.A. Nallino*. Mediolani, 1899-1907. P. 1-3.

Бируни — *The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology by Abu'l-Rayhan Muhammad Ibn Ahmad al-Biruni*. Written in Ghazna, 1029 A.D. Reproduced from Brit. Mus. Ms. Or. 8349. The Translation facing the Text by R.R. Wright. London, 1934.

Гардизи — *Kitab Zainu'l-Akhbar*, composed by Abu Said **Abu'l-Hayy** ad-Dahhak ibn **Mahmud** Gardizi / by M. **Nazim**. London, 1928.

Гардизи/Бартольд — *Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893-1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 23-62.

Гаркави — *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874.

Гарнати — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.

Гарнати. Му'риб — **Abu Hamid** el Granadino y su relacion de viaje por tierras eurasiaticas / C. Dubler. Madrid, 1953.

Гарнати. Тухфат — *Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati* / G. Ferrand // *Journal Asiatique*. 1925. Т. CCVII. P. 1-148, 193-304.

Димашки — *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui* / A.F. Mehren. SPb., 1866 (переизд.: Leipzig, 1923).

ДИС — *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Документы — *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Научн. ред., послесл. и коммент. **В.Я.** Петрухина. М.; Иерусалим, 1997.

Захария — *The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mytilene* / Ed. and transl. by T.J. Hamilton and E.W. Brooks. London, 1899.

Ибн ал-Асир — *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / C.J. Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851-1876. Vol. I-XIV.

Ибн ал-Асир/Жузе — *Ибн ал-Асир.* Тарих ал-Камил / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1940.

Ибн Биби/перс. — *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'apres l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi* / Texte persan publié d'apres le Ms. de Paris par M.Th. Houtsma. Leide, 1902.

Ибн Биби/тур. — *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'apres Ibn-Bibi* / Texte turc publié d'apres les Mss. de Leide et de Paris par M.Th. Houtsma. Leide, 1902.

Ибн Ийас — см.: *ФА. Т. I; Новосельцев.* 1965.

Ибн Исфендийар — *Ибн Исфендийар.* Та'рих-и Табаристан / Изд. 'Аббас Икбал. Тегеран, 1941 (перс. яз.).

Ибн Исфендийар/Броун — *Ibn Isfandiyar. An Abridged Translation of the History of Tabaristan* / Transl. by E. Browne. London, 1905.

Ибн Мискавейх — *The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi* / Arabic text ed. by H.F. Amedroz. Oxford, 1920-1921. Vol. I-II.

Ибн Мискавейх/Марголиус — *The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi* / Transl. from the Arabic by D.S. Margoliouth. Oxford, 1921. Vol. I-II.

Ибн ан-Надим — *Kitab al-Fihrist* / G. Flugel. Leipzig, 1871.

Ибн Русте — [Хвольсон Д.А.] Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869.

Ибн Са'ид — *Ibn Sa'id al-Magribi*. Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / Edition critica y notas del J. Vernet Gines. Tetuan, 1958.

Ибн Фадлан — Ковалевский АЛ. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

Ибн Фадлан/1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. [А.П. Ковалевского]; Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.

Ибн Фадлан/Френ — *Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit* / Text und Übersetzung von C.M. Frähn. SPb., 1823.

Ибн ал-Факих/Масе — *Ibn al-Faqih al-Hamadhani*. Abrégé du livre des pays / H. Masse. Damas, 1973.

Ибн Хордадбех — *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

Идриси — *Al-Idrisi*. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragraré studeant» / A. Bombaci et alt. Neapoli; Romae, 1970-1984. Fasc. I—IX.

Идриси/Жобер — *Géographie d'Edrisi* traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes par P.A. Jaubert. Paris, 1836-1840. T. I—II (переизд.: Amsterdam, 1975).

Идриси/Левицкий — *Lewicki T. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera»* geografa arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego. Krakow, 1945. Cz. 1.

Идриси/Недков — Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960.

Идриси/Туулио — *Du Nouveau sur Idrisi*. Sections VII 3, VII 4, VII 5 / O.J. Tuulio (Tallgren). Helsinki, 1936.

Истахри/перс. — *Masalik va Mamalik* by Abu Ishaq Ibrahim Istakhri: Anonymos Persian Translation from V—VI Century A.H. Teheran, 1961.

Йа'куби/Вьет — *Ya'kubi*. Les Pays / G. Wiet. Le Caire, 1937.

Йа'куби/Жузе — *Якуби*. История / Текст и пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.

Йа'куби. Та'рих — *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi historiae* / M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. T. I—II.

Йакут. Китаб ал-муштарик — *Jacut's Moschtarik, das ist: Lexicon geographischer Homonyme* / F. Wustenfeld. Göttingen, 1846.

Йакут. Му'джем — *Yacut's geographisches Wörterbuch* / F. Wustenfeld. Leipzig, 1866-1873. Bd. I—VI.

Каганкатвази — *Мовсес Каганкатвази*. История агван / Пер. К. Патканова. СПб., 1861.

Казвини — *Zakariya Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie* / F. Wustenfeld. Göttingen, 1848-1849. Bd. I—II.

Карта — Географическая карта мира ал-Хорезми по книге «Сурат ал-арз» / Введ. и интерпретация карты С. Разийи Джафри; вводное исследование. Ю.С. Мальцева; предисл. и ред. К.С. Айни. Душанбе; Сринагар, 1985.

Куфи — Kitabu'l Futuh by Abu Muhammad Ahmad ibn A'tham al-Kufi / Sayid Abdu'l Wahhab Bukhari. Hyderabad, 1974-1976. Vol. 1-8.

Куфи/Буниятов — *Ахмад ибн А'сам ал-Куфи*. Книга завоеваний / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1981.

Макин — Historia Saracenica ... Arabicae olim extracta a G. Elmacino ... et Latine reddita opera et studio Th. Erpenii. Lugduni Batavorum, 1625.

Мар'аши — *Shahir-eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masandaran* / B. Dorn. SPb., 1850.

Марвази — *Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text ... by V. Minorsky*. London, 1942.

Ма'уд ибн Намдар — *Ма'уд ибн Намдар*. Сборник рассказов, писем и стихов: Факсимиле текста / Предисл. и указ. В.М. Бейлиса. М., 1970 (Памятники письменности Востока. Т. XXX).

Ма'уди — *Magoudi*. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861-1877. Т. I-IX.

Масуди/Пелла — *Masudi*. Murudj al-dhahab / Ed. and tr. Ch. Pellat. Beirut, 1966-1989. Т. 1-2.

Мукаддаси — *Le Livre de la Creation et de l'histoire d'Abou-Zeid Ahmed ben Sahl el Balkhi / Publié et traduit ... par Cl. Huart*. Paris, 1899-1919. Т. I-VI.

Мукаддаси/Сериков — *Ал-Мукаддаси*. «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов»): ад-Дайлам и ар-Рихаб / Пер. с араб. (под ред. В.М. Бейлиса), введ., коммент., указ., карты, таблица Н.И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. С. 269-333.

Низами — *Низами Гянджеви*. Искандер-наме: Стихотворения и поэмы. Л., 1981.

Переписка — *Коковцов У.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Са'алиби — *Abou Mansur 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'alibi*. Histoire des Rois des Perses / Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. Paris., 1890.

Сборник — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских; М.:Л., 1941. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным.

Сведения — *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1988.

Сведения арабских географов — • *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX и X вв. по р.х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сбор-

ник матер. для изуч. местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Т. XXIX, отд. 1. С. 1-73 (ал-Истахри); 1902. Т. XXXI, отд. 1. С. 1-57 (Ибн ал-Факих); 1903. Т. XXXII, отд. 1. С. 1-63 (Ибн Хордадбех, Кудама, Ибн Русте, ал-Йа'куби); 1908. Т. XXXVIII, отд. 1. С. 1-130 (ал-Мукаддаси, ал-Мас'уди, Ибн Хаукал).

Свод — Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1995. Т. II (VII-IX вв.).

Сказания — *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII века до конца X века, по Р.Х.). СПб., 1870.

Сухраб — *Das Kitab 'aga'ib al-aqalim as-sab'a des Suhraib* / Hrsg. v. H. Mzik. Vienna, 1929.

Табари — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879-1890. Ser. I. Т. I-VI; 1881-1889. Ser. II. Т. I-III; 1879-1890. Ser. III. Т. I-IV.

Три путешественника — Три еврейских путешественника XI и XII ст.: Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахия Регенсбургский / Изд. П.В. Марголин. СПб., 1881.

Фаргани — *Muhammedis Farii Ketiri Ferganensis qui vulgo Alfraganus dicitur, Elementa Astronomica, arabice et latine* / Opera J. Golii. Amstelodami, 1669.

Хакани — *Khakani*. Diwan-i Khakani-yi Shirvani / 'Ali 'Abd al-Rasuli. Tehran, 1316/1898-1899.

Хаммер — *Hammer J.* Sur les origines Russes: Extraits de manuscrits orientaux. SPb., 1825.

Хилал ас-Саби — The historical remains of *Hilal al-Sabi*: First part of his Kitab al-Wuzara and fragments of his History 389-393 A.H. / H.F. Amédroz. Leyden, 1904.

Хоризми — *Das Kitab Surat al-ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi* / H.V. Mzik. Leipzig, 1926.

Худуд/Бартольд — *Худуд ал-'алам*: Рукопись Туманского / С введ. и указ. В.В. Бартольда. Л., 1930.

Худуд/Сотуде — *Худуд ал-'алам* / М. Сотуде. Тегеран, 1962.

Шукрулла — см.: Хаммер.

Яхья — *[Розен В.Р.]* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Издал, перевел и объяснил барон В.Р. Розен. СПб., 1883.

BGA — *Bibliotheca geographorum arabicorum* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870-1894. Т. I-VIII (1870. Т. I; 1927. Т. I² — ал-Истахри; 1878. Т. II; 1938-1939. Т. II² — Ибн Хаукаль; 1877. Т. III — ал-Мукаддаси; 1879. Т. IV — указатели, дополнения и исправления к томам I-III; 1885. Т. V — Ибн ал-Факих; 1889. Т. VI — Ибн Хордадбех; 1892. Т. VII — Ибн Русте, ал-Йа'куби; 1894. Т. VIII — ал-Мас'уди).

FA — *Seippel A. Rerum Normannicarum Fontes Arabici*. Christianiae-Osloae, 1896-1928. Т. I-II.

Hudud — *Hudud al-'Alam*. «The Regions of the World». A Persian Geography circa 372 A.H.—982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.

- Ibn Fadlan — *Togan A.Z.V.* Ibn Fadlan's *Reisebericht*. Leipzig, 1939.
- Ibn Hawqal — *Ibn Hawqal*. Configuration de la terre / Intr. et trad. par J.H. Kramers et G. Wiet. Beirut; Paris, 1964. T. I–II.
- Gardizi — *Martinez A.P.* Gardizi's Two Chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. T. II. P. 109-217.
- MA — *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Landerkarten. Stuttgart, 1926-1927. Bd. I–VI.
- Relacja — Relacja Ibrahima ibn Ja'kuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekri'ego / Wyd. T. Kowalski. Krakow, 1946.
- Quellen — *Kawerau P.* Arabische Quellen zur Christianisierung Ruslands. Wiesbaden, 1967.
- ŻA — *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów Słowianszczyzny. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1956-1985. Cz. 1-3.

ЛИТЕРАТУРА

- АГЛ — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.
- Алиев СМ. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II. С. 316-321.
- Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1; М., 1973. Т. VIII.
- Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутахара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II. С. 304-311.
- Бейлис В.М. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. III. С. 72-89.
- Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 208-228.
- Бейлис В.М. Арабские авторы IX — первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 г. М., 1986. С. 140-149.
- Бейлис В.М. К вопросу о конъектурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX–XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1989. Вып. 1. С. 52-66.
- Гусейнов Р.А. Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 г. М., 1986. С. 41-56.
- Джафаров Г. Русь и тюркский мир в «Искандер-наме» Низами // Советская тюркология. 1990. № 4. С. 47-68.
- Дорн Б.А. Каспий: О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. I; М., 1967. Т. II.

Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР, 1975 г. М., 1976. С. 90-101.

Калинина Т.М. Арабские источники VIII-IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991 г. М., 1994. С. 211-224.

Коновалова И.Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII-XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1992-1993 гг. М., 1995. С. 139-148.

Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т. I. С. 16-18.

Кримський А., Кезма Т. Оповідання арабського історика XI в. про Абу Шоджі Рудраверського про те, як охрестився Русь // Ювілейний збірник на пошану акад. Д.Багалія. Київ, 1927. С. 383-395.

Левицкий Т. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему средневековью // Сообщения польских ориенталистов. М., 1961. Вып. 2. С. 45-60.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963.

Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т. I. С. 19-27.

Новосельцев А.Л. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355-419.

Новосельцев А.П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 120-127.

Новосельцев А.П. Киевская Русь и страны Востока // Вопр. истории. 1983. № 5. С. 17-31.

Новосельцев А.П. «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С. 90-103.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петрухин В.Я. Три «центра» Руси: Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 143-158.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск; М., 1995.

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Пигулевская Н.В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д.Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 42-48.

Половой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // Византийский временник. 1961. Т. XX. С. 90-105.

Флоровский А.В. Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи X—XI вв. и его продолжателя // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. P. 175-186.

Якубовский А.Ю. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. =943/4 г. // *Византийский временник*. 1926. Т. XXIV. С. 63-92.

Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начате XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // *Византийский временник*. 1927. Т. 25. С. 53—76.

Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

Golden P.B. The Question of the Rus' Qaganate // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 77-97.

Golden P.B. Rus // The Enciclopaedia of Islam. New Ed. Leiden; London. Т. VIII. P. 619-629.

Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // *Archiv orientální*. 1957. Т. 25. № 4. P. 629-652.

Lewicki T. Znajomosc krajow i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // *Slavia antiqua*. 1961. Т. VIII. P. 61-120.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Marquart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert // *Ungarische Jahrbücher*. 1924. Bd. IV. H. 3-4. S. 261-334.

Noonan Th.S. When did Rus/Rus' merchants first visit Khazaria and Baghdad? // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1987-1991. Т. VII. P. 213-219.

Ohsson M.C. Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou Voyage d'Abou-el-Kasim. Paris, 1828.

Pritsak O. An Arabic Text on the Trade Route of the Corporation of Ar-Rus in the Second Half of the Ninth Century // *Folia Orientalia*. 1970. Т. 12. P. 241-259.

Thulin A. «The third tribe» of the Rus' // *Slavia antiqua*. 1978. Т. XXV. P. 99-139.

СПРАВОЧНИКИ

Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963-1973. Т. II-III, V-VIII.

Босworth К.Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. М., 1971.

Восточные источники по истории народов Восточной Европы, изданные в СССР // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 171-181.

Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.

Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Л., 1940; 2-е изд. М., 1961.

Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. Weimar; Berlin, 1898-1902. Bd. I-II; Leiden, 1937-1942. Supplementbände, I-III; Leiden, 1943-1949. Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd. I-II.

ЕІ — The Encyclopaedia of Islam. Leyden-London. (1908). 1913-1934.
ЕІ² — The Encyclopaedia of Islam. New Ed. Leiden; London.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ И ПОВТОРЕНИЯ

1. Каковы были основные пути проникновения сведений о Восточной Европе в страны халифата? Существовала ли связь между освоением торговых путей и накоплением информации о Древней Руси в культурных кругах халифата?
2. Каковы основные жанры арабо-персидских источников, содержащих сведения о Древней Руси и Восточной Европе?
3. Какие причины способствовали развитию географических знаний в странах халифата?
4. Как представляли себе арабо-персидские ученые гидронимию Восточной Европы?
5. Какие относящиеся к Древней Руси сюжеты были наиболее разработаны в **арабо-персидской** историографии?
6. Кто из арабских авторов сам посетил Восточную Европу? Каковы были маршруты их путешествий по Восточной Европе?
7. Сколько было каспийских походов русов по сведениям арабо-персидских авторов?
8. Какие наиболее важные для историка Древней Руси анонимные арабо-персидские произведения вы знаете?
9. Какое значение для исследования истории Древней Руси имеют источники на древнееврейском языке и каковы их основные жанры?
10. Какие арабские и турецкие источники повествуют о событиях на территории Восточной Европы в первой половине XIII в.?

ЧАСТЬ IV

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ВВЕДЕНИЕ

1. **ПОЧЕМУ** ИСТОРИКИ **РУСИ** ВАЖНО ЗНАТЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Смысл, который мы вкладываем в контексте нашей темы в термины «Западная Европа», «западноевропейский», требует разъяснения. Строго говоря, восточная граница Западной Европы проходит приблизительно по Рейну, так что Германия оказывается уже за ее пределами в составе Центральной Европы. К последней следовало бы отнести в таком случае также Польшу, Чехию и Венгрию (Словакия в средние века принадлежала Венгерскому королевству), применительно к которым, впрочем, немецкая наука пользуется особым термином «Ost-Mitteleuropa» (букв. «восток Центральной Европы»).

Ясно, что перед нами вполне естественная попытка поделить территорию Европы по культурно-конфессиональному принципу: в Западную и Центральную Европу попадают народы и государства, чья культурная жизнь в средние века строилась на основе латинской письменности. Учитывая, что исторические памятники, созданные именно на этой территории, и будут интересовать нас в части IV, казалось бы логичным воспользоваться термином «латинские» или «латиноязычные» источники. Однако в данном случае от него приходится отказаться по двум причинам. Во-первых, этот термин обнимал бы и существенную часть скандинавской историографии. Во-вторых, нельзя упускать

из виду и памятников на древненемецком, старофранцузском и древнеанглийском языках, появившихся достаточно рано, уже в XI в. (последние — с IX в.). Вот почему в дальнейшем мы предпочитаем говорить о *западноевропейских* источниках средневековья, сознавая условность такого словоупотребления. Подобная условность тем менее способна повести к недоразумению, что сама тема «Зарубежные источники о Древней Руси» предполагает в качестве точки отсчета Восточную Европу; при взгляде отсюда культурно-исторические различия между странами Западной, Центральной, «Восточно-Центральной» Европы, быть может, существенные для истории самих этих стран, не выглядят принципиально важными.

Западноевропейские источники, главным образом немецкие, являются непревзойденными не только по своему количеству, но и по древности (в последнем отношении с ними могут сравниться только памятники византийского происхождения). Так, «Вертинские анналы» (см.: гл. 1.1), написанные в IX в., содержат под 839 г. самое раннее упоминание этнонима *русь* (см.: гл. 1.5.), а в «**Раффельштеттенском** таможенном уставе» (см.: гл. 1.4), созданном между 904 и 906 гг., находим самое древнее известие о международной торговле русских купцов (в данном случае — на Среднем Дунае, на территории современной Австрии) — древнее, чем знаменитые договоры Руси с Византией 911 и 944 гг.

Однако дело не только в этом. Есть еще одно принципиальное обстоятельство, которое ставит западноевропейские источники (прежде всего сравнительно с источниками византийскими) в специфическое отношение к исторической традиции в самой Древней Руси. Это конфессиональный момент.

Древнерусские князья находились в теснейших связях с католическими странами (Польшей, Германией, Венгрией, Чехией, скандинавскими королевствами, Францией). Церковь смотрела на них с неодобрением, а ведь летописание, да и вся письменность, в сущности находились в руках духовенства. Киевский митрополит (практически все они были греками) Иоанн II (1077/78-1089 гг.) в своих церковных правилах писал: «Дщерь благоверного князя даяти замуж во ину страну, иде же служат опресноки¹ ... недостойно зело и неподобно правовер-

¹ Т.е. в католические страны, где при богослужении используются опресноки — пресный хлеб — в отличие от квасного, характерного для греко-православной церкви.

ным» (Прав. Иоан. II. Гл. 13. Стб. 7). Между тем почти всякий международный политический союз в средние века сопровождался заключением брачно-родственных связей. Едва ли найдется труд по истории Древней Руси, автор которого не украсил бы свое сочинение колоритным списком иностранных браков потомства киевского князя Ярослава Владимировича (Ярослава Мудрого) (1016-1018, 1019-1054 гг.) (см. ниже гл. 4). Однако в древнерусских источниках есть сведения (не всегда определенные) только о супруге Всеволода Ярославича и породнении Ярослава с польским князем Казимиром I, причем последние попали в летопись благодаря тому, что содержались в авторитетном для печерского летописца «Житии преп. Антония Печерского», одного из основателей Киево-Печерской обители.

Несомненно, древнерусский летописец часто знал много больше, чем считал нужным или возможным сказать своему читателю. Когда он вкладывает в уста князю Владимиру, будущему крестителю Руси, ответ латинским миссионерам, «немцам от Рима»: «Идите опять (т.е. назад. — *Авт.*), яко отцы наши сего не прияли суть» (ПВЛ. С. 39—40), — он явно имеет в виду попытку организовать на Руси католическое миссийное епископство, которая была предпринята в 961 г. в правление Владимировича отца, киевского князя Святослава, и его бабки, княгини Ольги (см.: гл. 2.1). Но о самой этой попытке в летописи нет ни слова. Изредка летописец как бы «проговаривается», но почти никогда это не бывает случайностью. Так, из «Анналов» Ламперта Херсфельдского (см.: гл. 5.1) известно о посольстве немецкого короля Генриха IV (1056—1106 гг.) к киевскому князю Святославу Ярославичу (1073-1076 гг.) в 1075 г. Довольно пространное описание встречи Святослава с немецкими послами совершенно неожиданно под тем же 1075 г. находим и в «Повести временных лет». В чем же дело? Объяснение в том, что Святослав, изгнавший с киевского стола своего старшего брата Изяслава, находился в неприязненных отношениях с «легитимистски» настроенной частью печерского монашества, к которой принадлежали преп. Феодосий Печерский и печерский летописец, чей труд впоследствии и лег в основу «Повести временных лет». Поэтому последний не упустил возможности поиронизировать над тем, как Святослав «величался» перед немецкими послами, «показывая им богатство свое», чтобы в конце, морализируя, сравнить князя с безрассудным иудейским царем Езеки-

ей (4 книга Царств, 20, 12—19), который хвастался своими со-
кровищами перед послами царя вавилонского, и заметить:
«...его же вся взята быша в Вавилон; тако и по сего (Святосла-
ва. — *Авт.*) смерти все имение рассыпая разнo (т.е. в разные
стороны. — *Авт.*)» (ПВЛ. С.85).

Часто факты, известные по древнерусским источникам, при-
обретают объемность и наполняются новым содержанием при при-
влечении западноевропейских данных. Так, целый ряд древне-
русских косвенных свидетельств указывают на то, что киев-
ский князь Изяслав Мстиславич (1146—1154 гг., с перерывами)
получил в крещении имя **Пантелеимон**: у него был шлем с изо-
бражением св. Пантелеимона; он основал в Новгороде монастырь
в честь этого святого; киевский митрополит Климент Смолятич,
ставленник Изяслава, был рукоположен 27 июля 1147 г., т.е.
в день памяти св. Пантелеимона; Изяслав справедливо считает-
ся владельцем найденных археологами свинцовых печатей с изо-
бражением св. Пантелеимона. В указанных обстоятельствах не
было бы ничего особенно примечательного (большинство древне-
русских князей домонгольского времени имели два имени — ди-
настическое, княжеское, языческое по происхождению, и кре-
щальное, христианское), если бы благодаря «Похвальному сло-
ву св. Пантелеймону», произнесенному в 20-е годы XII в. изве-
стным немецким проповедником и богословом Рупертом из Дой-
ца, не выяснилось, что мать Мстислава Владимировича, т.е.
первая жена Владимира Всеволодовича Мономаха (киевского
князя в 1113—1125 гг.) и бабка Изяслава Мстиславича, англо-
саксонская принцесса Гида (см.: гл. 5.2) поддерживала тесные
связи с монастырем св. Пантелеимона в Кельне. Поэтому имен-
но заступничеству св. Пантелеимона приписывали исцеление
Мстислава после тяжелого ранения, в память о чем один из Мсти-
славичей и был наречен в честь святого-целителя.

Итак, в силу умолчаний (подчас тенденциозных) в древнерус-
ских летописях, да и вследствие того, что само систематическое
летописание на Руси возникает только в 1060-е годы, почти
все, что мы знаем о внешней политике Руси в отношении стран
Западной (латинской) Европы (в несколько меньшей степени это
верно и применительно к торговым и культурным контактам),
может быть почерпнуто только из западноевропейских источни-
ков. Без них создать по возможности объективную картину
международных связей Руси попросту невозможно.

2. НЕСКОЛЬКО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Историк Руси прибегает к иностранным, в частности западноевропейским, источникам чаще всего как к некоторому вспомогательному средству, далеко не всегда задаваясь вопросом о достоверности или возможных иных интерпретациях интересующих его сведений. Это понятно: как правило, у него просто нет возможности добыть ответы на подобные вопросы, так как он не располагает специальной квалификацией медиевиста-западника. В самом деле, объективная оценка того или иного сообщения предполагает прежде всего его источниковедческое исследование, т.е. учет того, когда, кем, в связи с чем или с какой целью был создан памятник, из которого извлекается информация; насколько надежна его археографическая традиция; каково место этой информации в памятнике в целом и ее возможное происхождение. Кроме того, сплошь и рядом требуется проверка ее исторической вероятности путем сравнения с данными других источников; иногда без такого сравнения бывает невозможно даже ее удовлетворительное истолкование. Неудивительно, если задача зачастую оказывается непосильна историку-русисту. Вот почему при использовании западноевропейских данных о Древней Руси так сильна инерция историографической традиции, власть однажды высказанных взглядов, оценок, толкований. Имена, даты, факты кочуют из одного исторического труда в другой.

2.1. КТО ТЫ, «**РУССКИЙ** КОРОЛЬ РОМАН»? - или о ПОЛЬЗЕ КАЛЕНДАРЕЙ

Начнем с наиболее простого примера. В *синодике* (о том, что это такое, чуть ниже) *монастыря св. Петра в Эрфурте* (Erfurt в современной земле Тюрингия в Германии) есть запись: «Роман, король Руси (*rex Ruthenorum*). Он дал нам 30 марок (ок. 7 кг серебра. — *Авт.*)» (Necr. s. Petri. P. 19). Кто из Романов, довольно многочисленных среди древнерусских князей, имеется в виду? Ведь титул *rex* в латиноязычных источниках мог быть применен к любому из них, необязательно только к киевскому князю (см.: гл. 3.4). Но даже если ограничиться только киевскими князьями, все равно придется выбирать между Романом Ростиславичем, представителем смоленской ветви Мономашичей, эпизодически занимавшим киевский стол в 1170-х годах, и его

двоюродным племянником Романом Мстиславичем, князем галицко-волынским, который владел Киевом в 1203—1205 гг.

Чтобы решить задачу, надо знать, как устроен церковный синодик. Это список лиц, подлежавших поминовению во время богослужения. Большинство из них поминалось только раз в году, в день кончины, под которым их имена и были внесены в синодик. Одной из причин внесения в помянник той или иной церкви были пожертвования для нее, сделанные поминаемым, что имело место и в данном случае. Запись о «Романе, короле Руси» в синодике св. Петра сделана под «XIII календами июля», т.е. под 19 июня. День смерти в 1183 г. Романа Ростиславича неизвестен; молчат древнерусские источники и о дне гибели Романа Мстиславича в 1205 г. в сражении у Завихоста (на Висле близ польского города Сandomира) против малопольского князя Лешка Белого и его брата Конрада. Зато этот день обозначен в одном из польских рочников (анналов) как день памяти святых Гервазия и Протасия. Матвей Стрыйковский, известный польский историк второй половины XVI в., включил эти данные в свою хронику, расшифровав их как 14 октября; у Стрыйковского их позаимствовал В.Н.Татищев, из сочинения которого они вошли в современную историографию. Действительно, 14 октября — день кончины этих святых; но в большинстве календарей Западной церкви их память отмечается не в день преставления (гибели), а в день обретения и положения (погребения) мощей (между кончиной святого и обретением его мощей иногда проходил очень большой промежуток времени — вплоть до нескольких столетий), а именно — 19 июня. Таким образом, ответ найден: вкладчиком в эрфуртский монастырь св. Петра был галицко-волынский князь Роман Мстиславич.

2.2. РУГИ ИЛИ РУСЬ В «РАФФЕЛЬШТЕТТЕНСКОМ ТАМОЖЕННОМ ЗСТАВЕ»?

Следующий пример призван проиллюстрировать, насколько важно знать источник в целом, не ограничиваясь его непосредственно используемыми данными.

Практически одновременно в 80-е годы прошлого века два русских академика А.А.Куник и В.Г.Васильевский обратили внимание на чрезвычайно любопытный правовой памятник — таможенные правила, изданные в самом начале X в. для Баварской восточной марки (современные придунайские территории Авст-

рии), так называемый «**Раффельштеттенский** таможенный устав». Для древнерусской истории он бесконечно важен тем, что один из его разделов посвящен «славянам ... от ругов и богемов» (*de Rugis vel de Boemanis*), приходящим торговать в Восточную марку (*Tel. Raff. P. 64*). Подробный разговор об этом ценнейшем источнике еще впереди (см.: гл. 1.4), здесь же нас будет занимать только историографический спор вокруг интерпретации этнонима *руги* — один из характерных случаев источниковедческого недоразумения.

В целом ряде латиноязычных источников X–XI вв. этот этноним применяется бесспорно к руси (см.: гл. 2.1–2; 4.1.2), поэтому до некоторых пор историки не видели здесь никакой проблемы, считая, что рядом с чешскими купцами («богемами») названы древнерусские. Так было, пока в 1952 г. австрийский медиевист Э.Цёлльнер (*E. Zollner*) не попытался доказать, что под «ругами» составители устава подразумевали не далекую русь, а местное славянское население. Дело в том, что здесь, на Среднем Дунае, в середине V в. н.э. недолгое время существовало государственное образование германского племени ругов, разгромленное в 488 г. римским полководцем Одоакром. Несмотря на исчезновение самих ругов, название некогда населявшей ими территории как «страны ругов» (*Rugiland*), по мысли Цёлльнера, продолжало жить в языке окружающих народов; поэтому-то они и называли «ругами» славян, когда эти последние примерно в VI в. осели в стране «ругов».

Построению Цёлльнера нельзя отказать в логичности: почему с именем германских ругов не могло произойти то же, что случилось с именем кельтских бойев, которое в устах их германских соседей стало названием славянского населения бывшей страны бойев, т.е. названием чехов (нем *Böhmen*; *Boemani* в «Раффельштеттенском уставе»)? Однако ни сам Цёлльнер, ни его сторонники, обсуждая тему «ругов» в «Раффельштеттенском уставе», не взяли себе за труд ознакомиться с текстом источника в целом. Иначе они бы сразу заметили, что их идея находится в резком противоречии с содержанием памятника. Одним из основных принципов устава было разграничение между «баварами и славянами этой страны» (т.е. Баварской восточной марки) и иностранными купцами: первые освобождались от таможенных сборов, вторые платили их в полном объеме. «Ругов», как и чехов-«богемов», составители устава относят именно к числу приходящих иностранцев. Пределы «страны ругов» достаточно хорошо известны: она це-

ликом и полностью помещается в границах Восточной марки IX — начала X в. Следовательно, идея Цёлльнера оказывается порочной в самой своей основе: если бы «славяне от ругов» «Раффельштеттенского устава» были бы славянами из «страны ругов», то они освобождались бы от пошлин. Между тем это не так.

Есть и другие аргументы против гипотезы Цёлльнера и в пользу отождествления «ругов» с русью. Но для нашей цели сказано достаточно: обращаясь к сведениям о Древней Руси в том или ином западноевропейском источнике, историк обязан иметь четкое представление о его содержании в целом — иначе его могут поджидать неприятные сюрпризы.

2.3. Чего искали в Германии послы княгини Ольги? - или: ТЕКСТОЛОГИИ НИКОГДА НЕ БЫВАЕТ СПЛИШКОМ МНОГО

Обратимся к еще более сложному примеру, когда от исследователя требуется не только знание полного текста источника (из которого он непосредственно использует лишь малый фрагмент), но и умение дать источниковедческую оценку этому источнику, а при необходимости и этому фрагменту.

«Повесть временных лет» рисует княгиню Ольгу, супругу киевского князя Игоря и долголетнюю правительницу Руси (примерно с 945 г. по начало 960-х годов) решительной, коварной и мудрой. Одним из проявлений ее мудрости для летописца было ее крещение во время пребывания в Константинополе—Царьграде константинопольским патриархом (см.: часть II, гл. 4.1). «Аше бы лих закон греческий, то не бы баба твоя его пияла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек», — говорит летописец устами бояр Владимира Святославича (ПВЛ. С. 49).

Летописец, однако, умалчивает о другом: несколько спустя после возвращения из Царьграда Ольга в 959 г. отправила посольство в Германию к королю Оттону I (936—973 гг., император с 962 г.) с просьбой прислать на Русь немецкого епископа и священников (см.: гл. 2.1). Оттон велел рукоположить для Руси епископа по имени Адальберт, который и отправился в Киев в 961 г., но, ничего не добившись, вынужден был вернуться уже через год. Дома безместный епископ занялся историей, продолжив хронику своего лотарингского земляка Регинона Прюмского (Regino Prumiensis) (Prüm — монастырь несколько севернее немецкого города Трира); в этом-то «Продолжении хроники Регинона Прюмского» («Continuatio Chronici Reginonis Prumiensis») он и рассказал о только что упомянутых событиях (Cont. Reg. P. 170-172).

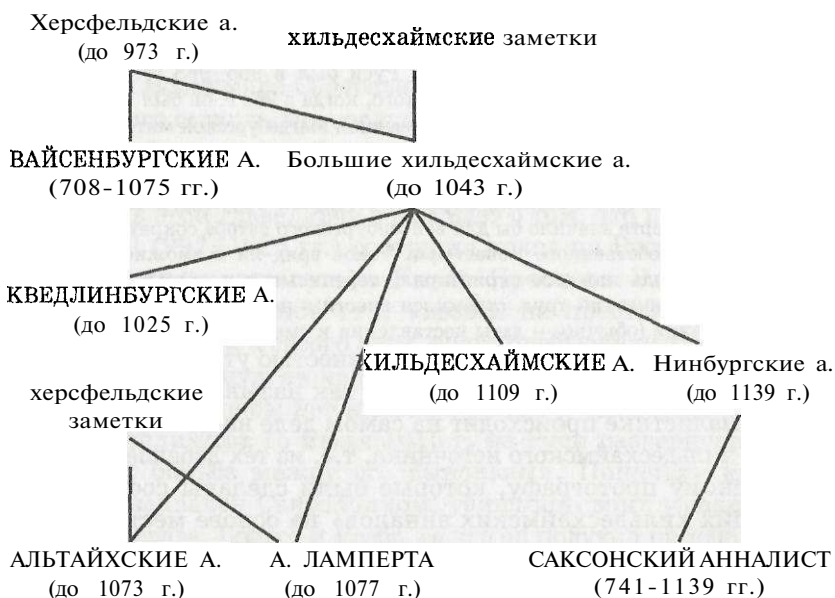
О поездке Адальберта знал еще в начале XIX в. А.Л.Шлёцер, и с тех пор вплоть до наших дней вокруг нее не утихает ученый спор. Одни с доверием отнеслись к рассказу «Продолжения Регинона», непосредственного свидетеля событий, другие же предпочитали думать, что русское посольство преследовало какие-то совершенно иные цели, а Оттон I, известный своим миссионерским рвением, решил навязать Руси своего епископа, которого в Киеве вовсе не ждали, чем, собственно, и объясняется его неудача. Тем самым история Адальберта приобретала подчеркнуто идеологизированный подтекст: она становилась первой в длинной череде попыток Западной церкви «восхитить нас (т.е. Русь, Русскую церковь. — *Авт.*) у греков» (по выражению известного русского церковного историка Е.Е.Голубинского). Оценивая эту двухсотлетнюю полемику, приходится не без недоумения отмечать, что никто из ее участников ни разу не обратился к источниковедческой стороне дела. А между тем ей здесь принадлежит решающая роль. Если даже допустить, что Адальберт, автор «Продолжения Регинона» и непосредственный исполнитель планов Оттона в отношении Руси, с целью дополнительного оправдания своей миссии мог приписать русским послам просьбу, которой они не высказывали, то как быть с другими немецкими источниками, также свидетельствующими о желании киевской княгини получить епископа из Германии? А такие источники есть. Это целый ряд немецких анналов, в своей древнейшей части (до 973 г. включительно) восходящих к утраченным в самостоятельном виде «Херсфельдским анналам» («*Annales Hersfeldenses*») (Hersfeld — монастырь в верховьях реки Везер, в нынешней земле Гессен, в Германии). Под 960 г. находим в них сообщение о «послах народа Руси (*gens Rusciae*)», уверявших Оттона I, что их народ хочет «отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру», и поэтому просивших немецкого короля послать с ними «кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины»; «и он послал к ним епископа Адальберта» (Ann. Hild. P. 21-22; Ann. Quedl. P. 70; Ann. Alt. P. 9; Lamp. P. 30 и др.). Следовательно, настаивать на том, что Адальберт сочинил свое «сообщение» о просьбе русской княгини, можно только при одном условии — если известие анналов херсфельдского корня является пересказом «Продолжения Регинона». Таким образом, ответ на важный для истории Руси вопрос зависит от решения чисто текстологической проблемы, на которую историки Руси даже не обращали внимания.

Зато она ставилась немецкими исследователями, хотя, естественно, вне всякой связи с известием о русском посольстве. К единому мнению они не пришли, но наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой херсфельдский анналист использовал труд Адальберта. «Что и требовалось доказать!» — скажут многие читатели, посчитав, что здесь можно поставить точку. И сильно ошибутся. Конформизм науке не показан, и большинство в ней редко бывает право.

Предположение о вторичности херсфельдской анналистики по отношению к «Продолжению Регинона» возможно лишь при условии, что последнее было завершено к тому времени, когда писал херсфельдский автор. Но именно это оказывается не только не доказанным, но и сомнительным. Когда же Адальберт работал над своим сочинением? Последней годовой статьей в нем является статья 967 г., в которой, говоря о сыне Оттона I, будущем германском императоре Оттоне II (973—983 гг.), автор замечает, что уже тогда Оттон-младший «заранее высказал многие признаки своих *будущих* (выделено нами. — *Авт.*) мудрости и милосердия». Ясно, что сказать так нельзя было до начала самостоятельного правления Оттона II, которое приходится на 973 г. Следовательно, труд Адальберта (он умер в 981 г.) был закончен после 973 г. и по этой причине вряд ли мог быть одним из источников «Херсфельдских анналов», писавшихся ок. 973—974 гг. Неужели никто ранее не сделал этого, в сущности, простого наблюдения? Не совсем так. Его можно найти в тоненькой брошюре-диссертации ничем более не известного Г.Изенбарта (H.Isenbarth), защищенной в Кильском университете в 1889 г. Но этот одинокий голос, как, увы, бывает, затерялся в дружном ученом хоре.

«Теперь-то тема, наконец, закрыта?» — быть может, спросит торопливый читатель. И снова ошибется. Все только начинается. Это сразу станет понятно, стоит только разделить два, вообще говоря, разных вопроса: вопрос о взаимоотношении «Херсфельдских анналов» и «Продолжения Регинона» от вопроса о происхождении информации о русском посольстве в анналах херсфельдской традиции. Ведь все равно необходимо удостовериться, а действительно ли известие о послах княгини Ольги входило в состав реконструируемых «Херсфельдских анналов»? Взглянем на стемму памятников, восходящих к «Херсфельдским анналам» (см. илл. 8: прописными буквами выделены названия реально существующих текстов; а.— анналы):

Илл. 8. Стемма памятников херсфельдской анналистической традиции

Из этой схемы, хотя она и является упрощенной, видно, что большинство анналов херсфельдского корня восходят к нему не прямо, а через посредство другого реконструируемого памятника — «Больших хильдесхаймских анналов» («*Annales Hildesheimenses maiores*») (Hildesheim — город и епископство в современной немецкой земле Нижняя Саксония, несколько южнее Ганновера) и только монастырские анналы Вайсенбурга («*Annales Weissenburgenses*») (Weissenburg — аббатство в Эльзасе, к северу от Страсбурга, в нынешней Франции) связаны с херсфельдским протографом непосредственно. И вот что замечательно: сведения о русском посольстве есть во всех памятниках херсфельдской традиции, кроме «Вайсенбургских анналов»! Напрашивается вывод: эти сведения происходят не из «Херсфельдских», а из «Больших хильдесхаймских анналов». Так оно, судя по всему, и есть.

Правда, вайсенбургский анналист, как легко заметить, сличая его текст с текстами других анналов, происходящих от «Херсфельдских», имел обыкновение заметно сокращать свой источник. В таком случае не мог ли

он сократить и сообщение о русских полах к Оттону I? К счастью, есть достаточно веские основания, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Адальберт после своего возвращения из Руси был в 966—968 гг. настоятелем Вайсенбургского монастыря. Более того, когда в 968 г. он был назначен первым предстоятелем только что образованной Магдебургской митрополии, Вайсенбург специальной грамотой Оттона I оказался «приписан» к магдебургской кафедре, т.е. Адальберт продолжал оставаться его прямым священноначальником. Таким образом, сократить сообщение о русском посольстве и миссии Адальберта значило бы для вайсенбургского автора сократить сведения об аббате собственного монастыря. Такое вряд ли возможно. Напротив, представитель каждого скриптория, переписывая и редактируя тот или иной исторический труд, стремился внести в него сведения местного происхождения (обычно — даты поставления и смерти местных аббатов).

Итак, можно с достаточной уверенностью утверждать, что информация о русских послых 959 г. в так называемой херсфельдской анналистике происходит на самом деле не из херсфельдского, а из хильдесхаймского источника, т.е. из тех добавлений к херсфельдскому протографу, которые были сделаны составителем «Больших хильдесхаймских анналов» на основе местных записей — известно, что их начали вести при кафедральном соборе в Хильдесхайме при епископе Отвине (954—984 гг.). Следовательно, херсфельдская анналистика и «Продолжение Регинона» — это независимые друг от друга источники о посольстве княгини Ольги в Германию. Предположение о фальсификате Адальберта теряет под собой всякую почву. Иными словами, киевская княгиня действительно просила немецкого короля прислать на Русь епископа и священников. Значение этого вывода для истории христианизации Руси трудно переоценить (см.: гл. 2.1).

2.4. БЫЛИ ЛИ ПРИЧИНЫ ЛИКОВАТЬ У ПОЛЬСКОГО КНЯЗЯ

БОЛЕСЛАВА - или о ВАЖНОСТИ «ВНУТРЕННЕЙ» ТЕКСТОЛОГИИ

Итак, мы убедились, насколько насущным при работе с «русскими» известиями западноевропейских источников бывает сравнительно-текстологическое рассмотрение этих источников и круга связанных с ними памятников, т.е. то, что можно было бы условно назвать «внешним» источниковедением (внешним по отношению к интересующему нас источнику или его фрагменту). Но не менее важно также источниковедение «внутреннее», не выходящее за пределы одного памятника и раскрывающее место анализируемого фрагмента в общей структуре источника.

Хроника мерзебургского епископа Титмара (Merseburg — город и епископство на востоке Саксонии, западнее современного Лейп-

цига), написанная во втором десятилетии XI в., содержит столь многочисленные и ценные сведения о событиях на Руси в конце княжения Владимира Святославича (978—1015 гг.) и в первые годы после его смерти, что заслуживает отдельного разговора (см.: гл. 3.3). Сейчас же нас будет занимать лишь одна из ее глав — гл. 65 книги VII, и даже еще уже — одно из сообщений, содержащихся в этой главе. Речь в нем идет о том, что польский князь Болеслав I (992—1025 гг.) совершил поход на Русь против только что вокняжившегося в Киеве Ярослава Владимировича (1016—1018, 1019—1054 гг.), «возвел на престол его (Ярослава. — *Авт.*) брата, а своего зятя, долго пребывавшего в изгнании, и радостный вернулся» на родину (*Thietm.* VII, 65. Р. 478).

В тексте вроде бы нет никаких загадок. Известно, что после смерти Владимира 15 июля 1015 г. на Руси развернулась междоусобная борьба между его сыновьями. Поначалу киевский стол был захвачен Святополком, убившим своих младших братьев Святослава, Бориса и Глеба, за что он получил прозвище «Окаянный». Осенью 1016 г. другой из его братьев, новгородский князь Ярослав Владимирович, изгнал Святополка из Киева, и тот бежал в Польшу к Болеславу — ведь Святополк был женат на дочери Болеслава. Летом 1018 г. Болеслав совершил поход на Киев, захватил его, и в столице Руси вновь временно вокняжился Святополк. Обо всем этом мы достаточно хорошо осведомлены из древнерусских источников (вот только о женитьбе Святополка на Болеславне они молчат). Казалось бы, все предельно ясно: поход Болеслава, упомянутый в главе VII, 65, — это и есть поход 1018 г.

Именно так и думали, и думают почти все исследователи. И все было бы прекрасно, если бы описание возвращения Болеслава из Киева, как оно представлено в «Повести временных лет», не столь разительно отличалось от описания Титмара. Оказавшись в Киеве, «рече Болеслав: "Разведите дружину мою по городам на покорм" ... Безумный же Святополк рече: "Еликоже (сколько ни есть. — *Авт.*) ляхов по городом, избивайте я (т.е. их. — *Авт.*)". И избиша ляхы, Болеслав же побеже из Кыева» (ПВЛ. С. 63). Едва ли паническое бегство уместно было назвать «радостным возвращением». Титмар не относился к числу почитателей воинственного польского князя, много досаждавшего его саксонской родине, и у него не было оснований представлять неудачи Болеслава победами. Кому же верить — немецкому хронисту, современнику событий, или летописцу, работавшему несколько десяти-

летий спустя? Нельзя ли предположить, что летописец, скажем, перенес на события 1018 г. описание более знакомой ему ситуации 1069 г., когда польский князь Болеслав II (1058—1079 гг.) помог вернуться на киевский стол другому своему русскому родственнику — князю Изяславу Ярославичу (1054—1078 гг. с перерывами) (см.: гл. 5.1), как думал, например, известный русский текстолог и историк летописания акад. А.А.Шахматов?

Ломая голову над этим противоречием и придирчиво глядяваясь через текстологическую лупу в рассказ летописи, никто из историков не попытался источниковедчески оценить сведения Титмара из главы VII, 65. А здесь многое лежит прямо на поверхности. Киевская кампания Болеслава 1018 г. подробно описана мерзебургским епископом в самом конце его сочинения, в последних главах книги VIII (главы 31—33), но в них мы не находим ни слова о возвращении Болеслава. Ничего удивительного: Киев был взят Болеславом 14 августа, а 1 декабря 1018 г. Титмара уже не было в живых. Немецкий хронист, скорее всего, попросту ничего не знал о финале киевского похода.

Но допустим чрезвычайно **моловероятное**: весть о возвращении польского князя чуть ли не с эстафетой все-таки успела достичь Мерзебурга и Титмар успел внести ее в главу VII, 65 (хотя почему-то не сделал этого там, где должен был сделать прежде всего, — в рассказе о походе на Киев). В таком случае придется признать одно из двух: либо известие о «радостном возвращении» Болеслава является позднейшей припиской, либо весь текст хроники, начиная с главы VII, 65, написан Титмаром после того, как он узнал о возвращении князя. Однако ни то, ни другое неверно.

Судить о ходе работы мерзебургского епископа над своим сочинением тем проще, что науке доступен авторский оригинал хроники — такое случается нечасто (правда, сама рукопись сильно пострадала во время бомбардировки Дрездена в 1945 г., но еще в 1905 г. было издано ее факсимиле). Обратившись к рукописи, легко увидеть: сообщение о «радостном возвращении» Болеслава, как и вся глава VII, 65, написано тем же почерком, что и окружающий текст (хроника написана девятью почерками, среди которых есть и авторский); никаких «швов», которые свидетельствовали бы о вставке, нет. Позднейшие приписки в хронике имеются и обнаруживаются без труда, так как сделаны рукою самого хрониста между строк, на полях, по выскобленному преды-

дущему тексту или, наконец, на специально для этой цели оставленных чистых листах.

Итак, мысль о приписке отпадает. Пойдем дальше. Даже беглого просмотра книг VII—VIII достаточно, чтобы убедиться: написаны они не разом, а постепенно в течение 1017—1018 гг. по мере того, как автор получал сведения об описываемых событиях. Например, изложив в главах VIII, 1—7 происшествия января—апреля 1018 г., Титмар прерывает хронологическое повествование, чтобы главы 8—17 заполнить слухами и рассказами о чудесах, простодушно пояснив, что ждет, пока «летучая молва доставит что-нибудь новое» для его пера. И действительно, начиная с главы 18 продолжается изложение текущих событий мая—июня 1018 г. Таким образом, не выдерживает критики и предположение, будто конец седьмой и вся восьмая книги написаны поздней осенью 1018 г.

В сущности, сказанного более чем достаточно для того, чтобы считать доказанным: Титмар не успел узнать о возвращении Болеслава из Киева. Но помнятуя о девизе: «Текстологии никогда не бывает слишком много», — не станем спешить закрывать тему и зададимся простым вопросом: откуда в таком случае хронист мог получить те подробные сведения, которыми он располагал о пребывании польского князя на Руси? Ответ на него дает сам Титмар. Он упоминает, что в войске Болеслава был вспомогательный саксонский отряд в 300 человек, который был отпущен на родину сразу же после того, как Святополк «с радостью стал принимать местных жителей, пришедших к нему с изъявлением покорности». Эти-то вернувшиеся домой намного раньше Болеслава земляки Титмара и могли стать его информантами. И тут самое время вернуться к вопросу о позднейших вставках в Титмаровой хронике.

Информацию, полученную от саксонского очевидца (очевидцев) киевского похода, хронист расположил не только единым блоком в конце книги VIII; часть ее, в которой говорится о Владимире Святославиче и его смерти, он вынес в главу 74 предыдущей книги VII, потому что о Владимире шла речь именно в главах VII, 72—73 (см. ниже гл. 3.2). И вот как раз эта-то глава VII, 74 и выказывает все признаки приписки! Во-первых, она сделана рукой самого Титмара, тогда как текст предыдущей и последующей глав написан другим почерком. Во-вторых, окончание главы VII, 74 не поместилось на странице и оказалось вне разграфленного поля — сначала в виде маргиналии, а затем было переписано под строкой. Это значит, что следующая страница была уже занята текстом главы VII, 75. Перед нами еще одно неоспоримое свидетельство того, то конец книги VII с сообщением о «радостном возвращении» Болеслава и рассказ о взятии Болеславом Киева в 1018 г. в книге VIII не могли быть записаны в одно время.

Подведем итоги и сделаем это с тем большим удовлетворением, что они дают нам право «реабилитировать» древнерусского летописца. Коль скоро противоречие между ним и саксонским хронистом исчезло, то тем самым исчезли и основания сомневать-

ся в том, что окончание киевского похода действительно не было «радостным» для польского князя. Кроме того, выясняется, что поход летом 1018 г. не был первым: в конце 1017—начале 1018 г. Болеслав уже успел совершить вылазку на Русь в поддержку своего зятя Святополка Владимировича. Добытые путем J источниковедческого анализа сведения ценны еще и потому, что уникальны — по другим источникам этот эпизод русско-польских взаимоотношений не прослеживается.

Как обычно, новые ответы рождают и новые вопросы. Если в главе VII, 74 имеется в виду не киевский поход 1018 г., то на какой «престол» «возвел» тогда Болеслав Святополка? Было бы, конечно, любопытно немедленно узнать и это. Мог ли то быть Туров, в котором княжил Святополк при жизни отца, или Берестье (ныне Брест), западный форпост Туровского удела Святополка? Ведь недаром именно в Берестье бежал Святополк в 1019 г. после окончательного поражения от Ярослава. И недаром к Берестью же ходил Ярослав в 1017 г. Свою трактовку событий мы изложим ниже (гл. 3.3).

2.5. **Ruzzia=Graecia?** - ИЛИ: ГДЕ КОНЧАЕТСЯ БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ?

К элементам «внутреннего» источниковедения относится и неперенное сопоставление анализируемой информации о Руси со всем комплексом идеологических убеждений автора, его политических пристрастий, географических представлений и т.п.

В только что проделанном нами источниковедческом разборе отрывка из исторического труда Титмара Мерзебургского определенную роль сыграл факт, что хронист принадлежал к тому лагерю восточносаксонской знати, который был резко враждебен польскому князю Болеславу I. Если мы имеем дело с полемическим сочинением, то от него трудно ожидать беспристрастных сведений об объекте полемики. Так, например, обращаясь к многотрудной судьбе русской княжны Евпраксии, дочери киевского князя Всеволода Ярославича (1078-1093 гг.), в 12-летнем возрасте отданной отцом замуж в Германию, где ее вторым супругом стал германский император Генрих IV (см.: гл. 5.3), историк должен с осторожностью относиться к слухам о нравственном падении императора (а оно-то якобы и стало причиной развода с ним Евпраксии), которые настойчиво распространялись сторонниками папы: это было время жестокой борьбы между империей и папством за инвеституру — право светских государей назначать епископов. Но далеко не всегда средневековые писатели бывают столь явно тенденциозны. И тогда в дело опять вступает источниковедение.

Одним из главнейших источников по истории прибалтийских (особенно скандинавских) народов² в X—XI вв. служит «История

² В церковном отношении скандинавские страны находились в это время в юрисдикции немецкой Гамбургской (Бременской) архиепископии.

гамбургских архиепископов», написанная в 1070-х годах бременским клириком Адамом (см.: гл. 4.1). Для историков Руси огромный интерес представляют (помимо всего прочего) географические описания Севера и Востока Европы в книге IV «Истории» Адама, в которых Русь (Ruzzia) не раз размещается им на восточном берегу Балтийского моря (кстати говоря, Адам — первый, кто употребляет название «Балтийское море» — *mare Balteum*):

«За Одером, как слышно, живут поморяне (западнославянское племя на южном берегу Балтики, между нижними течениями Одры и Вислы. — *Авт.*), а за ними раскинулась обширнейшая страна поляков, границы которой, говорят, смыкаются с королевством (*regnum*) Руси. Это последняя и самая большая страна винулов (так автор иногда именует славян. — *Авт.*), которая и полагает предел» Балтийскому морю (Adam Brem. IV, 13. Р. 241).

Описание вполне точное, и к Адаму не было бы никаких вопросов, если бы чуть раньше, в главе IV, 10, мы уже не успели прочесть, что Балтийское море называется так потому, что «наподобие пояса (лат. *balteus* значит "пояс". — *Авт.*) простирается по областям Скифии до самой Греции» (Adam. Brem. IV, 10. Р. 238). Да и из датского порта Шлезвиг, как утверждает Адам, «корабли обыкновенно отправляются в Славянию и в Швецию, и до самой Греции» (Adam. Brem. IV, 1. Р. 228), точно так же, как плывут они «в Грецию» от острова Борнхольма, «самого славного порта Дании» (Adam. Brem. IV, 16. Р. 243). Так что же все-таки лежит, по мнению Адама, на востоке Балтики — Русь или Греция (Византия)?

Самое простое было бы предположить, что Адам выступает здесь как бездумный компилятор. Но поступить так — значило бы лишить себя той информации, которую можно получить при правильном взгляде на источник. Действительно, в главе II, 22, содержащей описание славянского торгового города Волина (или, как именует его Адам, — Юмна) в устье Одры и его морских связей по Балтике, читаем: «От Юмна 14 дней плавания под парусами до Острограда (так датчане называли Русь. — *Авт.*) Руси, столицей которой является Киев (*Chive*), достойный соперник державного Константинополя, славнейшее украшение Греции» (Adam. Brem. II, 22. Р. 80). Оказывается, что для Адама Киев как столица Руси, а значит, и вся Русь является частью Греции! Это, разумеется, неожиданность, но она принципиально меняет дело, попросту снимая так смутившее нас противоречие. Более того, становится понятным, что за странные «греки» могли обитать в Волине согласно тому же Адаму Бременскому. Однако необходимо понять, каким образом под пером бременского кли-

рика возникло столь необычное (а если быть точным — уникальное) употребление термина «Греция».

Возможно, в глазах представителей Западной церкви Русь действительно могла в известном смысле быть частью Греции, т.е. восточнохристианского сообщества народов и государств, главой которого выглядели византийский император и константинопольский патриарх. Тогда следовало бы ожидать, что термин «Греция» в таком расширенном смысле будет свойствен не только Адаму, но и другим западноевропейским авторам. Однако это не так.

Другое решение — не оказали ли здесь свое влияние сведения о «пути из варяг в греки» — системе речных путей и волоков Восточной Европы, по которым из Балтики до Греции можно было в самом деле доплыть. От своих датских информантов, на которых не раз ссылается, Адам слышал, что на кораблях можно добраться как до Руси, так и до Греции. Но зная о том, что Русь расположена у восточной оконечности Балтийского моря, он вынужден был сделать вывод о тождестве Руси и Греции.

И все-таки для искушенного медиевиста в таком объяснении недостает одной крайне существенной вещи — явно поименованного авторитета. Средневековый человек (в том числе и писатель) мог быть сколь угодно практичным в будничной жизни, но его картина мира — совсем другое дело; она покоилась на традиции и авторитете. Это в полной мере относится и к географическим представлениям. Средневековому человеку было крайне трудно вообразить, что на земле есть уголок, о котором ничего не написано у Плиния, Солина, Орозия, Исидора и т.п. Рассказы же датских мореходов могли быть захватывающе интересны, но они не были авторитетны. Адам (как он сам прямо признается в главе IV, 20) искал и не находил в классической географической традиции упоминаний о Балтийском море, которое он, в полном соответствии с действительностью, считал заливом Северного океана. Вот почему он так «ухватился» за известие Марциана Капеллы³, что «Меотийские болота» (античное название Азовского моря) являются «заливом Северного океана». Результатом стало прямое отождествление Балтики и Меотиды со ссылкой на Марциана, фундаментальное для всей географической картины Адама Бременского.

³ Марциан Капелла (Martianus Capella), римский ученый-компилятор V в. н.э., автор энциклопедического сочинения «О свадьбе Филологии и Меркурия» («De nuptiis Philologiae et Mercurii»), весьма популярного в средневековье.

А картина эта поистине удивительна. Наряду с реальной топографией, где Русь замыкает Балтику с востока, возникает своеобразная «теневая» топография, в которой Меотиды как бы спроецированы на Балтийское море, а Греция — на Русь. Как следствие — северопричерноморская номенклатура (т.е. совокупность этнических и географических названий) античной науки (скифы, Рифейские горы, с которых якобы стекает Дон—Танаис, и т.п.) у Адама помещена на территории Швеции, а реальные финноязычные народы, обитавшие вдоль Балтийско-волжского-донского речного пути (Wizzi — весь, Mirri — меря и др.), между Балтикой и Грецией—Византией, оказываются «втиснуты» между Швецией и Русью. Прилагаемая карта-схема иллюстрирует это причудливое переплетение реальности и перетолкованной традиции (см. илл. 9).

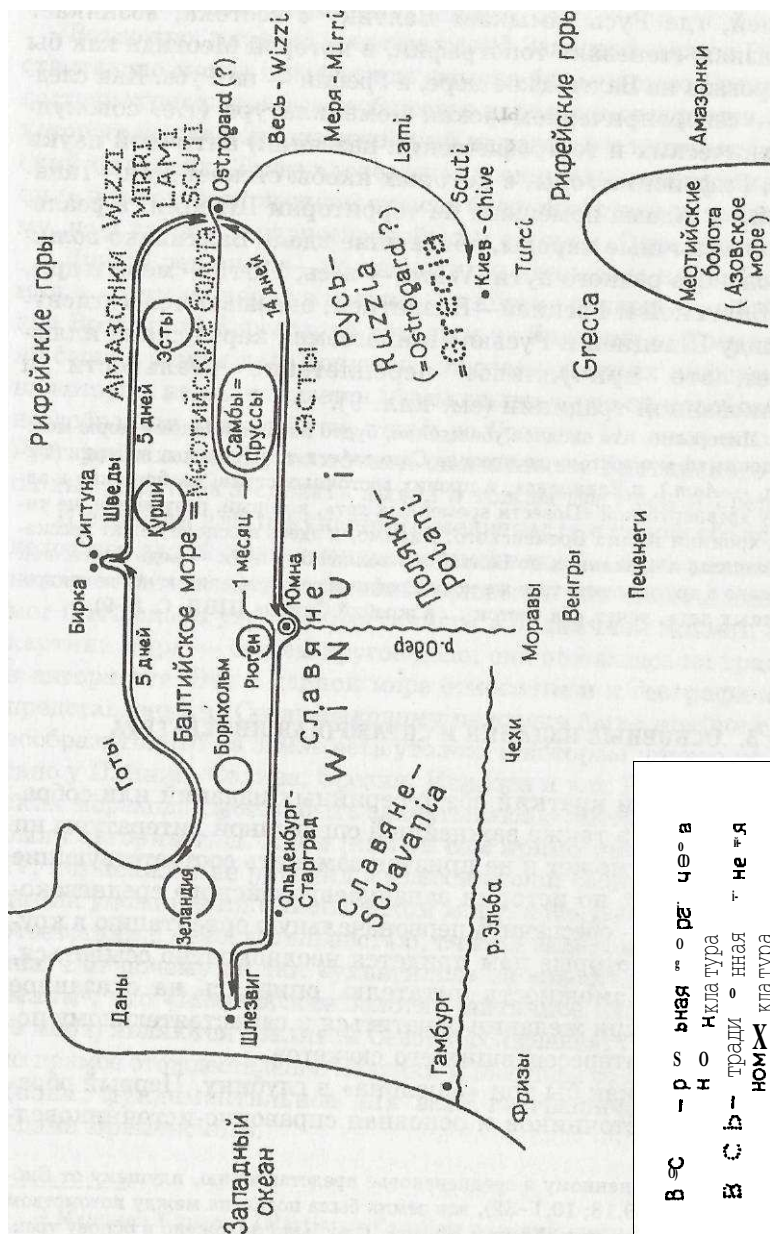
Интересно, что сходное убеждение, будто по Балтийскому морю можно доплыть «ко востоку до предела Симов⁴», т.е. «Персиды, и Сурии (Сирии. — *Авт.*), и Вавилона», и прочих восточных стран, свойственно и автору древнерусской «Повести временных лет», который, разумеется, не читал хроники Адама Бременского. Видимо, и здесь в основе лежат рассказы варягов о плаваниях по Балтийско-волжскому пути — ведь Волга, как сказано в другом месте того же космографического введения к «Повести временных лет», течет «на восток ... в жребий Симов» (ПВЛ. С. 8—9).

3. ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Предлагаемый краткий обзор серийных изданий или сборников источников, а также важнейшей справочной литературы ни в коем случае не может и не призван заменить соответствующие разделы в курсах по истории западноевропейского средневековья. Его задача — обеспечить первоначальную ориентацию в круге изданий, на которые нам придется неоднократно ссылаться, а также дать возможность читателю, опираясь на сказанное в этом пособии, при желании обратиться к самостоятельному исследованию заинтересовавших его сюжетов.

Обзор имеет как бы три «эшелона» в глубину. Первый образуют издания источников и основная справочно-источниковед-

⁴ По распространенному в средневековье представлению, идущему от Библии (см. кн. Бытия 9,18; 10,1—32), вся земля была поделена между потомством трех сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета. Оно было положено в основу трехчастной космографии, в которой Европа «отдавалась» народам, идущим от Иафета, Азия — роду Сима, а Африка — Хама.

В с - р с ыная - о рс че - а
 н о н кла тура
 в с б - тради - нная т не - я
 ном кла тура

В . . р ° о з в п та д е и о с Б р е м е н с к

ческая литература. Оба эти раздела, в свою очередь, членятся по жанровому принципу: издания нарративных (повествовательных) источников (исключая агиографию), агиография, памятники правового содержания, прочее. Эти рубрики второго «эшелона» не имеют номеров, а выделены полужирным шрифтом. Отдельными позициями в них даны также особо важные собрания текстов, например, *Monumenta Germaniae Historica*. Это — третий «эшелон».

3.1. ОСНОВНЫЕ СОБРАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Последующий список отнюдь не имеет исчерпывающего характера. Некоторые памятники изданы вне этих больших собраний, а некоторые до сих пор вообще не имеют современных изданий — например, весьма популярная как в средние века, так и позже энциклопедия Бартоломея Английского (*Bartholomaeus Anglicus*) «О свойствах вещей» («*De proprietatibus rerum*») (первая половина XIII в.).

Анналы и хроники

Monumenta Germaniae Historica (MGH), «Памятники истории Германии» — безусловно важнейшее (и не только для историка Руси) собрание высококачественных публикаций средневековых текстов самого разного характера, охватывающее период примерно от 500 до 1500 г. Фактически издание значительно шире своего названия и включает многие итальянские, французские, английские, чешские, польские, датские источники. Хотя его первый том увидел свет еще в 1826 г., оно продолжает выходить до сих пор за счет как новых памятников, так и усовершенствованных переизданий. Центром этой большой текстологической и издательской работы является специальный институт с тем же названием, существующий с 1819 г. и ныне располагающийся в Мюнхене.

Структура издания, состоящего из нескольких серий, со временем чрезвычайно усложнилась, и ориентация в ней бывает затруднительна. Нас интересует та часть MGH, которая называется *Scriptores* и включает в себя нарративные источники (MGH SS). Она в свою очередь распадается на 10 неравных по объему серий, из которых для нас важны пять.

Прежде всего это MGH SS (in folio) (в сокращении, как правило, просто MGH SS), т.е. издания форматом в газетный лист — первоначальная и неосновательно чаще всего используемая в отечественной историографии серия MGH SS. К настоящему времени она насчитывает 35 томов, которые, начиная с тома 31, выходят in quarto, т.е. форматом в половину газетного листа. Каждый из томов включает целый ряд, иногда очень большое количество памятников; содержание томов не расписано в каталогах, и потому найти нужный источник, не зная заранее, в каком именно томе он опубликован, весьма непросто. Правда, эту задачу может несколько облегчить указатель содержания первых 28 томов (*Indices eorum quae Monumentorum Germaniae Historicorum tomis hucusque editis continetur* / O. Holder-Egger, K. Zeumer. Hannover, 1890).

Уже с 60-х годов XIX в. параллельно с MGH SS (in folio) стала выходить другая серия — MGH SS rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi (MGH SS rer. Germ. или MGH SRG), т.е. издания отдельных памятников для учебных целей. Несмотря на скромное название, речь идет о текстологически вполне добротных публикациях, как правило, улучшенных по сравнению с изданиями в составе MGH SS (in folio). К настоящему времени в серии вышло 67 томов, которые, однако, не имеют нумерации, поэтому в библиотечных каталогах их следует искать по имени автора или названию памятника.

Еще одна серия — MGH SS rerum Germanicarum, Nova series (MGH SS rer. Germ. NS) — издается с 1922 г. и пока насчитывает 17 томов, каждый из которых посвящен, как правило, одному памятнику.

Многие важные для истории Древней Руси тексты изданы в разное время в составе двух, а то и всех трех серий. Так, уже известная нам хроника начала XI в. епископа мерзебургского Титмара (см.: Введение, 2.4) имеется в изданиях: Г.Перца (G.H. Pertz) — Т. 3 MGH SS (in folio) (Hannover, 1839); Ф.Курце (F. Kurze) — MGH SS rer. Germ. (Hannover, 1889) и Р.Хольцманна (R. Holtzmann) — MGH SS rer. Germ. NS (Berlin, 1935. Т. 9). Последнее является образцовым, и именно им надо пользоваться в научной работе.

И наконец, еще две серии, с которыми приходится иметь дело историку Руси. Это MGH SS qui vernacula lingua usi sunt, т.е. тексты, написанные не на латинском, а на немецком языке (верхненемецком или древнесаксонском — нижненемецком);

серия имеет также немецкое название: *Deutsche Chroniken* (MGH Dt. Chron.) (пока 9 томов).

Аналоги MGH в историографии других стран имеются везде, но почти нигде эти своды не достигают той степени текстологической основательности, которой отличаются публикации в MGH.

Еще в XVIII в. известным итальянским археографом Л. Муратори (L. Muratori) было создано 28-томное собрание итальянских средневековых исторических текстов: *Rerum Italicarum Scriptores* (Milano, 1723-1751). В текущем столетии предпринимаю то его обновленное переиздание, до сих пор продолжающееся [Muratori (2), реже RIS, Mur. SS и др.]. Итальянский институт по изучению средневековья в Риме с 1887 г. издает также другую монументальную серию: *Fonti per la storia d'Italia* (см.: Fonti).

Аналогичный свод французских средневековых источников был основан М.Буке (M. Bouquet) и завершен его последователями (см.: Bouquet).

Английская историография располагает 251-томным собранием *Rerum Britannicarum medii aevi scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages* / Rec. Master of the Rolls. London, 1858—1896 или часто просто *Rolls Series* (RS).

Для древнерусской истории важнее польский свод *Monumenta Poloniae Historica* (уже название выдает его ориентацию на MGH) или по-польски — *Pomniki dziejowe Polski* (MPH), изданный А.Белёвским (A. Belowski). С 1951 г. на новом текстологическом и археографическом уровне выходит второе издание — MPH, *Nova series* (MPH NS). Особенностью его является то, что, помимо собственно польских латиноязычных памятников, собрание включает и памятники зарубежные (например, на арабском языке или немецкие), в том числе и ценные для древнерусской истории. Так, именно в MPH NS содержится лучшее на нынешний день издание Послания к германскому королю Генриху II архиепископа Бруно (см.: гл. 3.2).

Венгерские источники интересующего нас времени собраны в двухтомнике *Scriptores rerum Hungaricarum* (см.: SRA).

Первые два тома шеститомника *Fontes rerum Bohemicarum* / J. Emler. Praeae, 1873—1874 объединяют чешскую анналистику XII—XIII вв., т.е. в сущности сочинения Козьмы Пражского и его продолжателей (см.: гл. 6.3). Можно, однако, пользоваться и чуть более ранними изданиями в 9 и 17 томах MGH SS (in

folio), а лучшее критическое издание Козьмы вышло в качестве второго тома MGH SS rer. Germ. NS (*Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag* / B. Bretholz. Berlin, 1923).

Прочее. Текстологически облегченным вариантом MGH служит корпус избранных источников по немецкой средневековой истории *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. Издание пока не завершено и в полном виде должно будет насчитывать 37 томов, как посвященных отдельным памятникам, так и тематических антологий. Его отличительной чертой является непереносимое наличие, параллельно с латинским оригиналом, немецкого перевода, подготовленного специально для этого издания.

Читателю, недостаточно ориентирующемуся в латинском тексте, для лучшего его понимания всегда полезно обратиться к квалифицированному переводу. Поэтому здесь уместно назвать также подготовленное на основе MGH собрание избранных переводов немецких средневековых источников, как правило, нарративных: *Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit* (всего 96 томов, большинство из которых претерпело несколько переизданий, часто радикально усовершенствованных).

Агиография (житийная литература)

Западноевропейская агиография как источник по древнерусской истории по своему значению, безусловно, далеко уступает текстам историографическим (хронистике и анналам), но ввиду чрезвычайной распространенности этого жанра в латинской средневековой литературе, не может быть обойдена вниманием. Многие агиографические источники изданы в составе серий, уже названных в параграфе об анналах и хрониках, хотя наиболее полным сводом латиноязычной житийной письменности являются «Деяния святых», начало изданию которых было положено еще Ж. Болландом⁵; его дело было продолжено Обществом болландистов (*Societas Bollandiana*): *Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur. Antwerpiae* (начиная с т. 50: *Bruxellarum*), 1643–1940 ff. (AS или AA SS). Издание до сих пор не завершено; к настоящему времени вышло 67 томов (до 10 ноября), име-

⁵ Жан Болланд (Jean Bolland[us]) (1596—1665 гг.), член Ордена иезуитов, основоположник научного исследования житийной литературы: его последователи именуют себя «болландистами».

ются репринты. Жития упорядочены в соответствии с календарными памятными святыми в Западной церкви, поэтому отсылки выглядят следующим образом: *Iulii*, t. 3 и т.п., что значит: том 3 из томов, относящихся к июлю, и далее — под соответствующим числом месяца.

Агиография обильно представлена также в латинской серии знаменитой «Патрологии» (PL) французского аббата Ж.-П. Миня (1800—1875 гг.), хотя ее содержание много шире, включая по возможности всю латинскую святоотеческую письменность II—XIII вв. Самостоятельного текстологического значения корпус Миня не имеет, так как воспроизводит уже существовавшие к тому времени издания. Ориентироваться в этой огромной массе материала невозможно без указателей: Т. 218 — указатель авторов и анонимных сочинений, Т. 219—221 — прочие разнообразные указатели; см. также: *Repertorium fontium historiae medii aevi* (о нем — Введение, 3.2). Roma, 1962. Т. 1. Р. 420-454.

Источники правового характера

К ним относятся законодательные акты, грамоты, вкладные записи, имущественные кадастры и т. п. Это крайне обширный и разнообразный круг памятников, обозреть который, хотя бы только в отношении серийных изданий, здесь совершенно невозможно. Историку Руси чаще всего приходится иметь дело с правовыми текстами немецкого происхождения.

Акты. Грамоты франкских и германских королей и императоров издаются в специально посвященной им серии MGH, *Diplomata* (MGH DD), распадающейся, как обычно, на несколько подсерий: грамоты франкских королей и императоров из династии Каролингов, грамоты восточнофранкских Каролингов и др. Из них назовем главную — грамоты германских королей и императоров: MGH DD *regum et imperatorum Germaniae* с параллельным немецким заглавием: MGH DD, *Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser*. К настоящему времени вышло 9 томов (некоторые из них распадаются на выпуски), охватывающих период от Конрада I (911-919 гг.) до Фридриха I Барбароссы (1152—1190 гг.) включительно с лакуной на Генрихе V (1106-1125 гг.).

Памятники законодательного характера собраны в серии MGH, *Leges* (MGH LL), среди многочисленных подсерий которой назовем в качестве примера собрание постановлений государст-

венной власти каролингского периода (так называемых капитуляриев) *MGH LL, Capitularia regum Francorum* (2 тома). Hannover, 1883–1897.

Имеются **сводные** собрания средневековых актов материалов и для других стран (часто объединенных с эпистолографией), являющиеся итогом научных изысканий, как правило, еще прошлого века. Например, применительно к Чехии — *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae* [для нашего периода важен том I, изданный Г.Фридрихом (G. Friedrich) в 1904 г.], для Венгрии — *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, издававшийся Д.Фейером (Gy. Fejer) с 1829 г., и т.п. Кое-где современная наука уже приступила к изданию новых собраний; ср., например, вышедший в 1992 г. первый том свода средневековых венгерских грамот (*Diplomata Hungariae antiquissima*), посвященный документам до 1131 г.

Систематического свода папских грамот средневековья пока не существует, но начало ему, кажется, положено изданием Австрийской академии наук: *Papsturkunden*, 896—1046. Bd. 1—2, вышедшим трудами Х.Циммерманна (H. Zimmermann) в 1984–1985 гг. Задача историка Руси, однако, несколько облегчается тем, что папские буллы, касающиеся Руси, в свое время собрал русский археограф А.И.Тургенев: *Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A.J. Turgenievio* (HRM). Многие из них касаются прибалтийских дел и вошли также в другое важное собрание, подготовленное Ф.Бунге (F. Bunge): *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten* (см.: LECUB).

Регесты. Стремясь облегчить обозрение обширного актового материала, и ввиду того, что большая его часть все еще остается неизданной, историки прибегают к регестам — кратким справкам о документах, в которых приведены археографические и прочие сведения о них, а также дан сжатый пересказ содержания.

Так, при отсутствии полного собрания папских булл за интересующий нас период, уже давно существуют своды регестов: *Regesta pontificum Romanorum* [до 1198 г.; изданы в 2-х томах Ф.Яффе (Ph. Jaffe); второе издание — в 1885–1889 гг.] и продолжение за 1198—1304 гг. под тем же названием, выпущенное А.Поттхастом (A. Potthast) (2 тома, 1874–1875). Другой пример: свода английских грамот за период до норманнского завоевания в 1066 г. нет, но зато есть сборник регестов за 1066—1154 гг. — *Regesta regum Anglo-Normannorum*. Oxford, 1913—1969. Т. I–IV.

Надо иметь в виду, что в немецкой историографии жанр регестов претерпел существенную эволюцию. В своды регестов стали включаться не только данные о реально существующих документах, но и сведения о событиях, которые в средние века обычно сопровождалось изданием актов (например, об имперских съездах, дипломатических посольствах, земельных пожалованиях и т.п.). В результате собрания регестов превратились в своеобразные справочники по истории в целом, снабженные указаниями на важнейшие источники и литературу по тому или иному вопросу. Это существенно повышает ценность такого свода, как «Регесты Германской империи» («*Regesta Imperii*»). Впервые они были изданы в 1831 г. Й.Бёмером, но впоследствии вышли в принципиально переработанном виде, хотя и с сохранением имени основателя — *Böhmer J.F. Regesta Imperii* — с подразделением по династиям. Скажем, регесты времени Оттона II (973—983 гг.) надо искать в разделе: Bd. II: Die Regesten des Kaiserreiches unter den Herrschern aus dem sachsischen Hause (919—1024). Abt. 2 (Otto II). Но это ценнейшее пособие пока имеет заметные хронологические пробелы — практически отсутствуют тома по Салической династии: о Генрихе III (1039-1056 гг.) и Генрихе V (1106-1125 гг.), о Генрихе IV (1056-1106 гг.) вышел только выпуск 1 (до 1065 г.). Это издание имеет тематические аналоги, например: *Lübke Ch. Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an)*. Berlin, 1984-1988. Т. 1-5 (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe I: Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 131, 133, 134, 152, 157).

Локальные немецкие серии

Собрания документов и регестов отдельных исторических областей, епископств, династий и т.п. практически необозримы, насчитывая многие сотни наименований. Дать представление о них здесь немислимо. Но заинтересовавшийся грамотами, имеющими отношение, например, к Магдебургской архиепископии, австрийской династии Бабенбергов (970-е—1246 гг.), баварским монастырям или чему-нибудь другому в этом роде, почти всегда может найти в систематическом каталоге хорошей научной библиотеки соответствующие издания: *Urkundenbuch des Erzstiftes Magdeburg* / F.Israel, W.Mollenberg. Magdeburg, 1937. Bd. 1, или *Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich* / H.Fichtenau, E.Zollner. Wien, 1950-1968. Bd. 1-4, или нужные

ему тома серии *Quellen und Erörterungen zur bayerischen Geschichte* (например, в 8-м томе — издание вкладной книги монастыря св. Эммерама в Регенсбурге: *Die Traditionen des Hochstiftes Regensburg und des Klosters St. Emmeram* / J. Widemann. München, 1943), или им подобные.

3.2. ГЛАВНЕЙШИЕ СПРАВОЧНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

Анналы и хроники

Здесь на первом месте, безусловно, следует назвать два пособия, но совершенно разного характера. Универсальным справочником, где под именем соответствующего автора или названием анонимного сочинения можно найти краткие сведения с указанием изданий и важнейшей литературы, служит: *Potthast A. Bibliotheca historica medii aevi: Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500*. Berlin, 1896 (2-е изд.). С 1962 г. Итальянский институт по изучению средневековья в Риме (*Istituto Storico Italiano per il medio evo*) издает сильно расширенный и усовершенствованный вариант этого пособия: *Repertorium fontium historiae medii aevi*; к настоящему времени вышло 7 томов, доведенных до буквы «М».

Связный источниковедческий очерк развития средневекового историописания в Германии и на прилегающих землях дан в классическом пособии В. Ваттенбаха, впервые вышедшем в 1858 г. и затем, постоянно перерабатываясь, выдержавшем шесть переизданий: *Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts*. Berlin, 1893-1894. Bd. 1-2 [6-е изд.; 1-й том переиздан Э. Дюммлером (*E. Dümmler*) 7-м изданием в 1904 г.]. Этот труд не потерял своего значения и по сей день, но чаще приходится обращаться к его переработке: *Wattenbach W., Holtzmann R. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter: Die Zeit der Sachsen und Salier* / F.-J. Schmale. Darmstadt, 1967-1971. Т. 1-3 (за период от начала X в. до 1125 г.), а применительно к более позднему периоду: *Wattenbach W., Schmale F.-J. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter: Vom Tode Kaiser Heinrichs V. bis zum Ende des Interregnums*. Darmstadt, 1976. Bd. 1 (запланирован выход 2-го тома).

Пособия такого рода есть отнюдь не во всех национальных историографиях, но в качестве примеров отметим французский

справочник А.Молинье [*Molinier A. Les sources de l'histoire de France: Des origines aux guerres d'Italie (1494).* Paris, 1901-1906. Т. 1—6]; английский — *Gransden A. Historical Writing in England c 550 to c 1307.* London, 1974; итальянский — *Balzani U. Le cronache italiane nel medio evo.* Milano, 1909 (3-е изд.); австрийский — *Lhotsky A. Quellenkunde zur mittelalterlichen Geschichte Österreichs.* Graz; Köln, 1963 (*Mitteilungen des Institute für österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 19*); польский — *Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480).* Wrocław, 1964. Следует, однако, иметь в виду, что и по подробности изложения, и по научному уровню это труды разные.

Чтобы получить общее представление о литературе того или иного периода средневековья, в контексте которой развивалось историописание, незаменимым остается труд: *Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters.* München, 1911-1931. Bd. 1-3.

Источниковедение средневекового историописания, как ни странным это может показаться, довольно активно развивается, так что не все в названных (или иных) пособиях уже отвечает современному состоянию науки. Чтобы следить за ним, необходимо обращаться к научным периодическим изданиям, количество которых в последнее время заметно выросло. Но для общей ориентации по-прежнему лучшим остается издаваемый институтом Monumenta Germaniae Historica в Мюнхене ежегодник (по два полутома в год) *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*, в котором половину объема занимают подробные аннотированные библиографические обзоры, систематизированные по тематическим рубрикам.

Агиография

Здесь достаточно ограничиться указанием на труд Общества болландистов *Bibliotheca hagiographica latina antiquae et mediae aetatis.* Bruxelles, 1898—1901. Т. 1—2, с дополнительным томом: Bruxelles, 1911 (*Subsidia hagiographica.* Т. 12). Сведения упорядочены по именам святых.

Право

Классическим справочником и учебником по средневековой западноевропейской дипломатике остается: *Bresslau H. Hand-*

buch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Bd. 1-2 (2-е изд. 1-го тома — 1912 г., 1-я половина 2-го тома — 1915 г., 3-е изд. 2-й половины 2-го тома — 1958—1960 гг.).

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О РУСИ: IX—НАЧАЛО X В.

1.1. «КОРОЛЬ ИХ ИМЕНУЕТСЯ ХАКАНОМ, А НАРОД НАЗЫВАЕТСЯ РОС...»: «БЕРТИНСКИЕ АННАЛЫ»

Самое древнее, но достаточно пространное, сообщение о Руси находим в источнике, который относится еще к общеимперской анналистической традиции единой Франкской державы (окончательно распавшейся после смерти в 840 г. императора Людовика Благочестивого, сына Карла Великого) — так называемых «*Бертинских анналов*» («*Annales Bertiniani*»). Название это условное и дано по месту находки основной рукописи в аббатстве св. Бертина (ныне Bertincourt на севере Франции). Созданы же были анналы (в той части, где находится известие о Руси) Пруденцием, придворным капелланом сначала императора Людовика I (814—840 гг.), а затем его сына, западнофранкского короля Карла Лысого (840—877 гг.). Таким образом анналист, вероятно, был очевидцем описанного им прибытия русских послов ко двору франкского императора.

В 839 г. к Людовику явилось посольство византийского императора Феофила (829—842 гг.), который

«прислал также ... некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король (rex) их, именуемый хаканом (chakanus), направил их к нему (Феофилу. — *Авт.*), как они уверяли, ради дружбы. Он (Феофил. — *Авт.*) просил..., чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цели] их прибытия, император узнал, что они из народа шведов (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет. Об этом он не замедлил ... сообщить Феофилу, а также о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его

(Феофила. — *Авт.*) очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить» (Anp. Bert., а. 839. Р. 30-31).

Так как северное побережье Франкской империи к тому времени уже не раз пострадало от опустошительных норманнских набегов, настороженность Людовика по отношению к людям норманнского племени не может вызвать удивления.

Приведенный текст давно служит предметом пристального внимания историков, находясь в самом центре ожесточенной полемики между «норманнистами» (считающими норманнов, по древнерусской терминологии — варягов, основателями Древнерусского государства) и «антинорманнистами», такую роль пришлых варягов отрицающими. И все же главные вопросы, связанные с толкованием этого известия, до сих пор остаются без определенно-го ответа.

Что за государственное образование возглавлял «хакан» «Рос»? Где оно располагалось? Само заимствование тюркского по происхождению термина *хакан*, казалось бы, указывает на юг Восточной Европы по соседству с Хазарским каганатом (ср. свидетельство Баварского географа: гл. 1.3), располагавшимся в междуречье Дона и Нижней Волги, возможно — на Киев. Такая точка зрения на местопребывание «хакана» «Рос» весьма распространена в науке. В то же время по данным современной археологии (которые все больше становятся пробным камнем для проверки исторических построений, касающихся IX–X вв., хотя далеко не всегда сами поддаются недвусмысленной интерпретации) достаточно представительные находки скандинавских древностей для первой половины IX в. есть только на Севере — в Приладожье и Приильменье; несколько позднее они появляются также в Смоленском Поднепровье и Ростово-Ярославском Поволжье. Вот почему некоторые историки предпочитают помещать «хакана» «Рос» в районе Ростова или даже близ балтийских берегов, в Ладоге. Налицо противоречие между письменными и археологическими источниками, порождающее и разноречивость в историографии. Противоречие это без преувеличения можно назвать принципиальным. Ведь от того, как тот или иной исследователь пытается разрешить его, зависит представление о географических, этнических, политических, культурных условиях, в которых начинало складываться Древнерусское государство. Проблема продолжает оставаться дискуссионной и по сути своей далеко выходит за рамки темы настоящего пособия. И все-таки в некоторые важные ее аспекты данные иностранных письменных ис-

точников могут внести определенную ясность — например, в вопросе о титуле *хакан*.

1.2. «ХАГАН НОРМАННОВ» В СПОРЕ ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ

Дело в том, что «Вертинские анналы» — не единственный памятник, свидетельствующий о том, что русские князья древнейшей поры титуловались хаканами. Весьма показательное высказывание на этот счет имеется и в *послании франкского императора и итальянского короля Людовика II* (844—875 гг.), направленном в 871 г. *византийскому императору Василию I* (867—886 гг.), которое дошло в составе «*Салернской хроники*» («*Chronicon Salernitanum*») X в.: «Хаганом (chaganus) мы называем государя (praelatus) авар, а не хазар (Gazani) или норманнов (Nortmanni)» (Chron. Salern. Cap. 107. P. 111).

Неудивительно, что франкскому императору известно подлинное самоназвание владыки авар: Аварский каганат на Среднем Дунае был разгромлен его прадедом Карлом Великим (768–814 гг.) на рубеже VIII–IX вв.

В русскую историографию сообщение «Салернской хроники» вошло в искаженном виде вследствие неудачной конъектуры Г.Перца (MGH SS. Т. 3): «Хаганом же мы не называем государя авар, а также хазар или норманнов». Такая странная неосведомленность франкского императора вызывала даже сомнения в достоверности источника. А причина всего лишь в том, что издатель правильному «nos» — «мы» в латинском оригинале ошибочно предпочел «pop» — «не». Эта ошибка исправлена только в последнем издании хроники У.Вестерберг.

Неудивительно также, что Людовика смутило именование «хаганом» «государя норманнов»: среди достаточно известных в Западной Европе скандинавских конунгов «хаганов» не было. Важно другое: из ответа Людовика ясно, что в византийской императорской канцелярии ок. 870 г., как и в 839 г., древнерусского князя продолжали именовать «хаганом», к тому же явно соотнося этот титул с титулом хазарского кагана. Мы не знаем, какой термин стоял в утраченном греческом оригинале послания Василия I на месте «Nortmanni» латинского текста. Но для тех, кто сомневается, что в данном случае имелись в виду не какие-либо иные, а именно восточноевропейские, «русские», норманны, укажем на свидетельство «*Венецианской хроники*» *Иоанна Диакона* (рубеж X–XI вв.) (Ioannis Diaconi Chronicon Venetum), в которой русь, напавшая на Константинополь в 860 г., названа «народом норманнов»:

«В это время народ норманнов (*Normannorum gentes*) на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народа, и так с триумфом возвратились **восвояси**» (Ioan. Diac. P. 116—117).

Заметим кстати, что этот рассказ в деталях заметно отличается от основанного на византийских источниках рассказа древнерусской «Повести временных лет», согласно которому «русский» флот состоял из двухсот кораблей, а поход окончился не «триумфом», а гибелью кораблей от бури (ср. часть II, гл. 2.1).

Равным образом и у известного писателя и дипломата X в. *Лиудпранда*, епископа кремонского, в качестве посла дважды побывавшего в Константинополе в 949 и 968 гг., в подробном рассказе о походе киевского князя Игоря на столицу Византийской империи в 941 г. читаем: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями, *ρουσιος* (ученый Лиудпранд имеет в виду греческое слово *ρουσιος* — «рыжий». — *Авт.*), мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке (*lingua Teutonum*) *nord* означает север, а *man* — человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (Liudpr. Antap. V, 15. P. 137—138).

Лиудпранд был не только ловким политиком, но и плодовитым, талантливым писателем. В частности, он оставил отчет о своем посольстве в Константинополь в 968 г. (Liudprandi episcopi Cremonensis Legatio Constantinopolitana), исполненный изыскательных выпадов против греков, но при том — неоценимый источник по внешней политике, дипломатической практике, церемониалам византийского двора. Процитированный фрагмент взят из другого, более раннего сочинения Лиудпранда, которое автор называл по-гречески «*Антаподосис*», т.е. «*Возмездие*» (Liudprandi Antapodosis). В нем отразились впечатления дипломата от посольства в Византию в 949 г. Пространное описание Лиудпрандом по припоминаниям греков-очевидцев недавнего нападения русского флота на столицу Византийской империи представляет собой интересную параллель к рассказам об этом событии в древнерусских и византийских источниках и позднее (хотя и в сокращении) неоднократно заимствовалось другими западноевропейскими авторами — например, французским хронистом начала XI в. Сигебертом из Жамблу (Sigebr. Gembl. P. 347; ср. гл. 5.1), откуда, в свою очередь, попало в ряд более поздних сочинений. Вот как выглядит у Лиудпранда продолжение приведенного нами выше фрагмента:

«Королем этого народа (Руси. — *Авт.*) был [некто] по имени Игорь (*Inger*), который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю. Император Роман (Роман I *Лакапин*. — *Авт.*), услышав об этом, терзался раздумьями, ибо весь его флот был отправлен против сарацин (арабов. — *Авт.*) и на защиту островов. После того как он провел немало бессонных ночей в раздумьях, а Игорь разорял все побережье, Роману сообщили, что у него есть только 15 полуполоманных хеландий (тип корабля. — *Авт.*), брошенных их владельцами вследствие их ветхости. Узнав об этом, он велел призвать к себе калафатов (это слово в оригинале написано по-гре-

чески. — *Авт.*), то есть корабельных плотников, и сказал им: "Поспешите и без промедления подготовьте оставшиеся хеландии, а огнемётные машины поставьте не только на носу, но и на корме, а сверх того — даже по бортам". Когда хеландии по его приказу были таким образом подготовлены, он посадил на них опытейших мужей и приказал им двинуться против короля Игоря. Наконец, они прибыли. Завидев их расположившихся в море, король Игорь повелел своему войску не убивать их, а взять живыми. И тогда милосердный и сострадательный Господь, который пожелал не просто защитить на плаву, сгорали даже посреди морских волн. В тот день не уцелел никто, кроме спасшихся бегством на берег. Однако корабли русских, будучи небольшими, отошли на мелководье, чего не могли сделать греческие хеландии из-за своей глубокой посадки. После этого Игорь в великом смятении ушел восвояси; победоносные же греки, ликуя, вернулись в Константинополь, ведя с собой многих оставшихся в живых [русских пленных], которых Роман повелел всех обезглавить в присутствии моего отчима (еще один возможный информант Лиудпранда — *Авт.*), посла короля Хуго (король Италии в 926–947 гг. — *Авт.*)» (Luidpr. Antap. V, 15. Р. 137–138).

Поскольку в киевском происхождении «норманнов» Людовика II, Иоанна Диакона и Лиудпранда сомневаться не приходится, связь титула «хакан» («хаган») с Киевом становится еще отчетливее. А ведь этот титул (в форме «каган») известен и древнерусским источникам! Так, например, он применен по отношению к киевским князьям Владимиру Святославичу Святому и его сыну Ярославу Мудрому в «Слове о законе и благодати» будущего киевского митрополита Илариона, написанном в середине XI столетия.

Все это еще более усугубляет то противоречие, на которое мы обратили внимание чуть выше, говоря о «Вертинских анналах».

1.3. «ХАЗАРЫ, РУСЬ, ЛУКОЛЯНЕ, ВЕНГРЫ»: НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В «БАВАРСКОМ ГЕОГРАФЕ»

«*Баварский географ*» («Geographus Bavarus») — памятник со сложной судьбой. Введенный в русскую науку (правда, только во французском переводе) еще Н.М.Карамзиным, он долгое время ошибочно датировался XI–XII вв., а его создание связывалось с одним из баварских скрипториев (обычно с монастырем св. Эммерама в Регенсбурге или с архиепископской кафедрой в Зальцбурге). И то, и другое оказалось неверным. Как было установлено уже в середине текущего столетия, записка (или по край-

ней мере ее единственный известный список) возникла в швабском монастыре Райхенау (Reichenau в верховьях Рейна — наряду с Санкт-Галленом, один из наиболее известных своей литературной деятельностью немецких монастырей), т.е. не на юго-востоке, а на юго-западе Германии; таким образом, перед нами не «Баварский», а «Швабский географ». Однако старое название успело прочно закрепиться, так что приходится пользоваться им, мысленно прибегая к кавычкам. Кроме того, выяснилось, что источник много древнее и возник еще во второй половине IX в.

В рукописи этот небольшой текст носит заглавие «*Описание городов и областей к северу от Дуная*» («*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*») и представляет собой перечень более полусотни племен и народов Центральной и Восточной Европы, в подавляющем большинстве славянских. Как правило, к этнонимам добавлены данные о количестве «городов» у соответствующего народа, например: «богема (Beheimare) (т.е. чехи. — *Авт.*) — 15 городов, у моравов (Marharii) — 11 городов» (Geogr. Bav. P. 13) и т. п. Эти данные совершенно неумеренно возрастают при удалении от границ Франкской державы, тем самым выдавая свою фантастичность (хотя в науке, особенно среди археологов, к ним часто относятся с излишним доверием). Как источнику «Баварскому географу» не было бы цены, если бы перечисленные в нем племенные названия лучше поддавались идентификации или был бы ясен принцип, порядок их перечисления. К сожалению, сплошь и рядом это не так. Скажем, цепочка этнонимов «нериваны (Nerivani), атторосы (Attorozi), эптарацицы (Eptaradici), виллеросы (Villerozi), сабросы (Zabrozi), атурецаны (Aturezani)» и т.д. (Geogr. Bav. P. 13) вся состоит из загадок. Какой находкой для славистов было бы сообщение «Баварского географа»: «Сериваны (Zerivani) — это королевство (*regnum*) столь велико, что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, свое начало» (Geogr. Bav. P. 13—14)! Но вот беда, никто не знает, кто такие «сериваны» и где их искать.

Ближе к концу находим и упоминание о руси — и, что характерно, опять рядом с хазарами (вспомним «Вертинские анналы» и русского «хагана» из переписки Людовика II и Василия I): «хазары (Caziri), 100 городов, русь (Ruzzi), ... луколяне (Lucolane), венгры (Ungare)» и проч. (Geogr. Bav. P. 14). Венгров, как видим, источник застает еще в степях Подонья или Северного Причерноморья (в места своего нынешнего обитания они переселились в конце IX в.). Но кто такие «луколяне»? Славянские обитатели какого-нибудь «Луколья» — Лукоморья?

Или это название — вариант этнонима «лучане», распространенного по всей Славянщине (ср. *лучан* в районе Луцка на Волыни или одноименное племя в Чехии)? Мы уже не говорим о том, что на месте отточия между *русью* и «*луколянами*» находим «*Forsderen liudi, Fresiti, Seravici*», по поводу которых комментаторы не могут сказать вообще ничего вразумительного. Кроме руси, хазар и венгров, в «Баварском географе» встречаются и другие восточноевропейские (восточнославянские) названия, известные также по древнерусским источникам, — *бужане* (*Busani* — на правобережье верхнего течения Западного Буга), *уличи* (?) (*Unlizi* — на Нижнем Днепре или в Поднестровье), — но в целом источник задает вопросов много больше, чем отвечает на них.

Один из таких вопросов — где, когда, в связи с чем был создан столь уникальный памятник? Без ответа на него останется непонятным происхождение информации о восточноевропейских народах, а значит — и степень ее достоверности.

В предположениях о регенсбургском или зальцбургском происхождении «Баварского географа» была своя логика. В самом деле, автор такого необычного текста должен был руководствоваться каким-то особым интересом к предмету. Поэтому и возникла мысль о Регенсбурге, который имел давние торговые связи с Восточной Европой (см.: гл. 6.1), или о Зальцбурге, где еще при Карле Великом была основана миссионерская архиепископия для соседних славян. После того как выяснилась связь памятника с монастырем Райхенау, эти заманчивые догадки пришлось оставить, но зато наметилась другая, еще более соблазнительная возможность. Дело в том, что, по всей вероятности, именно в Райхенау после конфликта с баварскими епископами пребывал в изгнании в начале 870-х годов один из славянских первоучителей — будущий моравский архиепископ Мефодий. Во всяком случае, имена святого Мефодия и его учеников внесены в числе здравствующей братии в так называемую «*Книгу побратимов*» («*Liber confraternitatum*») (род поминальника) *монастыря Райхенау* (даже дважды — по-латыни и по-гречески — в двух разных местах), причем латинские записи датируются именно 70-ми годами IX в.; брат Мефодия, св. Константин-Кирилл, также упомянут, но, как то и положено, уже в качестве покойного (*Lib. confr. Aug. P. 4 A1, 5 D4*). Как видим, место и время совпадают с тем, что мы знаем о месте и времени создания «Баварского географа».

Если так, то напрашивается вывод: сведения о далеких славянских (и не только славянских) племенах в Райхенау могли

быть получены от Мефодия и, таким образом, стать результатом целенаправленного сбора информации о славянах в ходе миссионерской деятельности славянских первоучителей в Моравии после 863 г. Достоинство этой гипотезы, кроме всего прочего, еще и в том, что она увязывает два синхронных и по сути тождественных процесса: кирилло-мефодиевскую миссию в Великоморавском государстве и так называемое «первое крещение» Руси из Константинополя ок. 867 г., о котором известно по византийским источникам (см. об этом часть II, гл. 3). Связь между ними была бы тем более естественна, что Киев и мораво-баварское Подунавье уже в IX в. оказались соединены активно функционировавшим торговым путем, который, по аналогии с известным «путем из варяг в греки», можно было бы условно назвать «путем из немец в хазары».

1.4. «ПУТЬ ИЗ НЕМЕЦ В ХАЗАРЫ»: «РАФФЕЛЬШТЕТТЕНСКИЙ ТАМОЖЕННЫЙ УСТАВ»

«Раффельштеттенский таможенный устав» («*Inquisitio de teloneis Raffelstettensis*») — памятник для своего времени уникальный: других таможенных документов такого рода в Европе IX–X вв. мы не находим. На территории Австрийского герцогства (с середины XII в. сменившего Баварскую восточную марку) подобные торгово-таможенные уставы известны снова только с 1190-х годов, и в них, что примечательно, также неизменно упоминается о торговле с Русью (см.: гл. 6.1). Устав был издан между 904 и 906 гг. по приказу последнего восточнофранкского короля из династии Каролингов (т.е. потомков Карла Великого) Людовика IV Дитяти (899–911 гг.) в местечке **Раффельштеттен** (Raffelstetten, на Дунае, близ совр. города Линц в Австрии, в настоящее время не существует). Но это никоим образом не торговый устав Раффельштеттена, как часто считают, а документ, регулировавший мытные (таможенные) порядки в Баварской восточной марке в целом, т.е. в Подунавье от нынешней немецко-австрийской границы на западе и приблизительно до совр. Вены на востоке. Памятник свидетельствует о цветущей внутренней и международной торговле на этих территориях накануне начала опустошительных венгерских набегов, терзавших Европу (особенно **Германию**) в течение всей первой половины X столетия.

Нас интересует глава VI устава (всего их 9):

«Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов или **богемов**, если расположатся для торговли где-либо на берегу Дуная ..., с каждого вьюка воска платят две меры стоимостью в один скот каждая; с груза одного носильщика — одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, то за каждую рабыню платят по одному тремиссу, столько же за жеребца, за раба — одну сайгу, столько же за кобылу» (*Telon. Raff. Cap. VI. P. 64*).

О том, что под «ругами», которые приходят на Дунай торговать вместе с «богемами»-чехами, следует понимать русь, уже шла речь выше (см.: Введение, 2.2). Действительно, в западноевропейских источниках X–XI вв. этот реликтовый этноним неоднократно употреблялся в отношении руси: в «Продолжении хроники Регинона» (см.: гл. 2.1), «Генеалогии Вельфов» (см.: гл. 2.2), в английских «Законах короля Эдуарда Исповедника» (см.: гл. 4.1.2) и др. Следовательно, перед нами свидетельство о торговле русских купцов на Среднем Дунае времен князя Олега. Ничуть не странно, что они названы рядом с чешскими купцами: и те, и другие приходили в Баварскую восточную марку из Праги, где русских торговцев видел в 965/966 г. испанский еврей Ибрахим Ибн Йа'куб (см. о нем и его «Записке» в части III, гл. 7). Восточные источники IX–X вв. (Ибн Хордадбех, переписка кордовского министра Хасдая Ибн Шафрута с хазарским каганом; см. о них в части III, гл. 5. 10) с большей или меньшей определенностью рисуют и общие контуры той трансевропейской торговой магистрали от арабской Испании до **Хазарии**, лишь частью которой был путь, связывавший Киев с баварским Подунавьем через Прагу, Краков, а затем Перемышль или (позднее) Владимир **Волынский**.

Русские и чешские купцы, согласно «**Раффельштеттенскому** уставу», торгуют рабами, воском и лошадьми. О вывозе из Руси коней древнерусские источники молчат, зато о том, что рабы («челядь») и воск (в больших количествах шедший на производство свечей, прежде всего церковных) были, наряду с мехами, преимущественными статьями древнерусского экспорта в раннее средневековье, они сообщают не раз. Характерно и то, что некоторые специфические черты денежного счета на территории Баварской восточной марки (насколько они вырисовываются из «**Раффельштеттенского** устава») оказываются производными от древнерусского. Это обстоятельство свидетельствует не только об интенсивности русско-баварских торговых связей. Ясно также, что то состояние русско-южнонемецкой торгов-

ли, которое фиксирует «Раффельштеттенский устав», конечно, не могло возникнуть в начале X в., оно — результат достаточно длительной истории и отсылает нас к предыдущему IX столетию. К такому же заключению приводят и наблюдения над формами имени *Русь* в латиноязычных источниках.

1.5. *Rhos, Rûzâra, Ruzzi* и др.: ВАРИАНТЫ ИМЕНИ *РУСЬ* В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ

В отличие от других языковых традиций (скажем, греческой или арабской) латинская поражает разнообразием форм названия *Русь*, которое обнаруживается уже при первых упоминаниях этого этнонима. Если византийские источники знают, в сущности, только один вариант основы — *Ῥῶς*/*Ῥουσ-*, то западноевропейские отличаются большой пестротой: *Rhos, Rûzâra, Ruzzi, Rugi, Ru(s)ci, Ru(s)zi, Ruteni* (все это, за исключением несклоняемого *Rhos*, формы **именит.** падежа множ. числа) и многие другие.

Вариант *Rhos* можно отбросить: он встречается только в «Вертинских анналах» (см.: гл. 1.1) (лингвисты называют такие слова «гапаксами» — от греч. ἁπαξ λεγόμενον «единожды упомянутое») и является транскрипцией греческого *Ῥῶς*, будучи заимствовано, очевидно, из сопроводительного послания императора Феофила. Отвлечемся также от «ученых» этнонимов *Rugi, Ruteni* (последнее — это название галльского племени на юге совр. Франции в районе Тулузы, встречающееся, например, в «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря): они — дань средневековой традиции давать современным народам созвучные «исторические», как правило, античные имена: даны превращались в даков, готы — в гетов и т.п. Форма *Rusi, Russia* (с одним или двумя *s*) встречаются редко и, судя по всему, происходит из романоязычного ареала (Франция, Италия). Все прочее разнообразие приходится на немецкие источники.

В средневековых немецких диалектах исконный германский *s* произносился шепеляво, примерно как русский *ш* или, в положении между гласными, как *ж*. Поэтому он не подходил для передачи славянского *s* в заимствованиях из славянских языков. Для этой цели обычно использовалась буква *z* (обозначавшая звуки вроде русских *с* или, в других позициях, *ц*). Именно эти трудности при передаче славянского *s* и отражаются в орфографической пестроте вариантов имени *Русь*: *Rusci/Ruci, Ruszi/Ruzi/Ruzzi*.

Исходя из совокупности донесенных немецкими источниками форм имени *Русь*, лингвист может сделать ряд выводов, небезынтересных и для историка.

Приведенный нами выше список вариантов имени *Русь* в западноевропейских источниках отнюдь не полон. В нем отсутствуют, например, формы, типичные для немецкоязычных текстов. Так, в памятниках на средневерхненемецком языке⁶ начиная уже с XII в. господствует форма *Riuzen*, где графема *iu* передает умлаут (т.е. изменение качества гласного под влиянием *i* или *j* в последующем слоге) от долгого *u*, иными словами — звук, соответствующий совр. немецкому *u*. Умлаут долгого *u* еще в средневерхненемецкую эпоху превратился в дифтонг *eu*, поэтому с XIII в. начинают попадаться формы типа *Reuzen*, которые затем и закрепляются в качестве нормы: еще в XVIII в. официальный титул «император всероссийский» звучал по-немецки как «Kaiser aller Reussen». Наличие умлаута говорит о том, что имя *Riuze* склонялось по типичной для средневерхненемецкой этнонимии словообразовательной модели с суффиксом *-jan*. В древнебаварском в этой позиции исчезает (ослабляется в *e*) еще в течение IX в., откуда с неизбежностью следует вывод, что имя *Русь* должно было быть заимствовано в южнонемецкие говоры не позднее IX столетия.

Таким образом, лингвистические наблюдения и хронология первых упоминаний о Руси в немецких источниках независимо друг от друга приводят нас к важному заключению: начало достаточно интенсивных контактов носителей имени *Русь* (ведь только при условии интенсивных контактов могло произойти заимствование этнонима в разговорный язык) с представителями южнонемецких диалектов приходится на IX в.

Это обстоятельство, весомое само по себе, важно также для правильного представления, что же такое *Русь* IX в. Например, оно заметно подрывает позиции тех историков Руси, которые, как уже упоминалось (гл. 1.1), ищут ее очаги IX столетия непременно только на севере Восточной Европы — будь то в Ладогe, Смоленском Верхнем Поднепровье или Ярославo-Ростовском Поволжье, т.е. в областях массового распространения скандинавских древностей IX—X вв.

Убедившись в немалой пользе, какую может принести для историка лингвистический взгляд на его источники, сделаем еще один шаг в этом направлении.

⁶Весь ареал немецких диалектов в языковом отношении делился на две большие зоны — нижненемецкую (север Германии) и верхненемецкую, южную. В истории последней выделяются в самых общих чертах три периода: древневерхненемецкий (до второй половины или конца XI в.), средневерхненемецкий (со второй половины или конца XI в. примерно до конца XV в.) и новеверхненемецкий; соответственно и в нижненемецком. Главным представителем нижненемецких диалектов в средневековье был древнесаксонский, южнонемецких — древнебаварский и древнешвабский (алеманнский) диалекты.

Известно, что, помимо уже упомянутой модели на *-jan* в древне- и средневерхненемецких диалектах были весьма популярны этнонимы с суффиксом *-ari* (в именит. падеже множ. числа — *âra*). В средневековой письменности, когда понятие литературной нормы еще только формировалось, сплошь и рядом один и тот же этноним выступал как в той, так и в другой формах: *Boemani* — «чехи» «Раффелынтеттенского таможенного устава» отражают модель на *-(j)an*, тогда как, скажем, в «Баварском географе» встречается вариант *Beheimare* — с формантом *-ari*. Ввиду этого, а также в связи с отмеченной нами активностью русско-южнонемецких контактов, возникает естественный вопрос: а нет ли в источниках и варианта имени *Русь*, оформленного по модели на *-ari*?

Правильно поставленный вопрос в науке — почти половина дела. Мало того, что искомый вариант действительно обнаруживается; куда важнее, что тем самым обнаруживаются и новые упоминания о Руси, ранее как таковые попросту не распознанные. А ведь среди них есть и относящиеся к IX в.!

Известие торгового устава австрийского герцога Леопольда V (1192 г.) о *Ruzarii* — регенсбургских купцах, торгующих с Русью и на Руси (подробнее об этом источнике см.: гл. 6.1), не новость для историков, но слово *Ruzarii* неизменно воспринималось ими как своеобразный *terminus technicus* — название одной из корпораций регенсбургского купечества. В результате по страницам отечественной историографии уже долго странствуют мифические «русарии» и даже «рузарии». На самом деле перед нами всего лишь латинизированная разновидность имени *русский* в средневерхненемецком языке. И это естественно: употребление этнонимов для обозначения купцов, ведущих торговлю с соответствующими странами, — практика, довольно широко распространенная.

В дарственной грамоте восточнофранкского короля Людовика II Немецкого (840—876 гг.) *Альтайхскому монастырю* (*Altaich* или *Niederaltaich* — на востоке Баварии, на Дунае, несколько выше города Пассау) на земли в Баварской восточной марке среди топографических ориентиров названо и местечко *Rûzâramarcha*. Вторая часть этого названия, *-marcha*, часто встречается в немецкой топонимии и обозначает «марку» — населенный пункт как центр мелкого территориального подразделения графского округа, что-то вроде более поздней сельской общины. Но *Rûzâra-* доставило этимологам много хлопот: в современных справочниках по исторической топонимии Германии и Ав-

стрии его толкования явно неудовлетворительны. Взглянуть на *Rûzâra*- как на этноним не догадывались, ибо о существовании такового не подозревали. Между тем перед нами именно «Русская марка» — одно из чрезвычайно многочисленных этнонимических местных названий, вроде *Walhen*-, *Sachsen*-, *Juden*- и т.п. + *-dorf*, *-mark*, т.е. «Итальянской», «Саксонской», «Еврейской деревни» или «марки». В этой связи любопытно само месторасположение *Rûzâramarcha*— на торной торговой дороге вдоль южного берега Дуная (под названием «*strata legitima*» — «законная», т. е. находящаяся под защитой государственной власти, «дорога», она упоминается и в «**Раффельштеттенском уставе**»: Tel. Raff. Cap.V. P.63), там, где начинается участок реки, опасный для судоходства, так называемая Грайнская быстрина. Вероятно, здесь купцы, приплывавшие по Дунаю с востока в Баварскую марку, вынуждены были перегружать свои товары с кораблей на возы. Коль скоро возникшее на этом месте поселение получило название именно «Русская марка», можно сделать вывод, что среди упомянутых купцов прибывавшие из Руси были либо наиболее многочисленны, либо примечательнее других. Заметим, что грамота Людовика II сохранилась в оригинале и датируется 863 г., хотя ясно, что «Русская марка» не возникла в 863 г. — фиксация в тексте подытоживает известный период ее существования.

Сказанное подводит нас к осознанию принципиально важного общего положения: историческая топонимия может стать весьма ценным источником особенно при изучении древнейшего периода межэтнических контактов. Источник этот тем более перспективен, что практически не изучен. Не изучен же он не в последнюю очередь потому, что в полной мере подобное изучение под силу только лингвисту. Но причина не только в этом: чаще всего топонимия выпадает из поля зрения историка, так как просто не входит в круг привычных для него традиционных источников. Из-за этого остаются втуне даже такие данные, для использования которых вовсе не требуется особой языковедческой квалификации. Приведем только один пример.

Мы помним, что «Раффельштеттенский таможенный устав» давал основание думать, что русские купцы приходили в Баварскую восточную марку через Прагу или во всяком случае — через Чехию. Но каким именно путем? Это можно было сделать в обход Чешского леса (Шумавы), отделяющего Чехию от долины Дуная (либо с запада, через Регенсбург или Пассау, либо с восто-

ка, через Моравию), а можно было двинуться напрямик с севера на юг через Шумаву (см. илл. 10).

О том, что русские купцы одно время приходили в Баварскую марку с востока по Дунаю, позволительно догадываться, исходя из локализации «Русской марки» в грамоте 863 г.: если бы они являлись с севера, то для торговли им незачем было бы перебираться на противоположный южный берег. Но с возникновением в конце IX в. венгерской опасности на Среднем Дунае этот путь, очевидно, должен был замереть, уступив место более северным маршрутам. Путь с запада маловероятен, так как непонятно, что могло заставить русских купцов, коль скоро они уже попали в баварскую столицу (Регенсбург), отправляться отсюда со своими товарами на восточную окраину Баварии. Следовательно, остается единственная логическая возможность — прямой путь из Праги вверх по Влтаве и далее через перевалы Чешского леса. Такие пути в самом деле засвидетельствованы источниками XII–XIII вв., но в данном случае для нас важнее, что русское присутствие на них отложилось в местной топонимии. Актовыми источниками (наиболее ранний из них — 30-х годов XII в.) удостоверяется существование здесь пограничной речки, носившей два конкурировавших названия — *Rûzische* или *Böhmische Muchel* (современная форма — *Mühl*), т.е. «Русская» или «Чешская Мюль». Перед нами красноречивая топонимическая иллюстрация к «славянам от рогов или богемов» «**Раффельштеттенского устава**».

ГЛАВА 2. **РҮСЬ** И ГЕРМАНИЯ **НАКАНУНЕ** КРЕЩЕНИЯ **РУСИ**

Древнерусская летопись в редакциях начала XII в. («Повесть временных лет») рисует крещение Руси как результат сознательного выбора веры киевским князем Владимиром Святославичем Святым (978—1015 гг.) и его женитьбы на византийской принцессе Анне, сестре правившего тогда императора Василия II (976—1025 гг.). Как убедительно показал А.А.Шахматов, летописное повествование имеет сложный характер, контактируя по меньшей мере два взаимоисключающих предания: о крещении Владимира в Киеве после проповеди греческого миссионера и о крещении при женитьбе на Анне после взятия византийского города Херсонеса (по-древнерусски — Корсуня) в Крыму. Эта текстологически уже достаточно сложная карти-

па фактически оказывается еще сложнее. Крещение Руси, как выясняется на основе западноевропейских и византийских источников, имело довольно длительную и политически непростую предысторию, о которой летописец, вероятно, кое-что знал, но предпочел ограничиться глухим намеком (см.: Введение, 1).

2.1. «АДАЛЬБЕРТ, ЕПИСКОП РЮСИ»: ЗАПАД И ЗАПАДНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИКЕ КИЕВСКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Крещению Владимира и всей Руси предшествовало обращение бабки Владимира — княгини Ольги, которая, по словам летописца, «первой вниде в цесарство небесное от Руси». Несмотря на то, что о крещении Ольги сообщают не только древнерусские, но и византийские (хроника Скилицы) и немецкие («Продолжение хроники Регинона») источники, вокруг его обстоятельств не затихает дискуссия. Хотя все источники единогласно утверждают, что киевская княгиня приняла крещение в Константинополе, ряд исследователей до сих пор вслед за Г.А.Острогорским склонны думать, что это произошло в Киеве. Нет единства и относительно даты поездки Ольги в Константинополь (здесь мнения разделились между 946 и 957 гг.; ясно лишь, что княгиня отправилась в столицу Византийской империи после смерти своего мужа киевского князя Игоря), и даже об их числе (одна или две поездки). Сохранилось подробное протокольное описание двух приемов Ольги императорским семейством Константина VII Багрянородного (см.: часть II, гл. 4.2), но из этого описания одни заключают, что княгиня была к тому времени уже христианкой, а другие, совершенно напротив — что она оставалась еще язычницей. Добавляют проблем сообщения современных событиям немецких источников о том, что в 959 г. киевская правительница отправила посольство к германскому королю Оттону I (936-973 гг., император с 962 г.) с просьбой прислать на Русь епископа и священников.

В «Продолжении хроники Регинона Прюмского», написанном, как обычно считают, между 962 и 967 гг., но, вероятнее всего, все-таки после 973 г. (см.: Введение, 2.3), читаем:

«В лето от Воплощения Господня 959-е. ... Послы Елены⁷, королевы ругов (Rugi), крестившейся в Константинополе при императоре констан-

⁷О том, что Ольга в крещении приняла христианское имя Елена, известно и из древнерусских источников. Так как Владимир Святой уподобляется в них

тинопольском Романе⁸, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников. ... 960. Король отпраздновал Рождество Господне⁹ во Франкфурте, где Либуций (*Libutius*) из обители святого Альбана (в Майнце. — *Авт.*) посвящается в епископы для народа ругов достопочтенным архиепископом Адальдагом (гамбургско-бременским. — *Авт.*). ... 961. Король отпраздновал Рождество Господне в Регенсбурге ... Либуций, отправлению которого в прошлом году помешали какие-то задержки, умер 15 февраля сего года. На должности его сменил, по совету и ходатайству архиепископа Вильгельма (майнцского. — *Авт.*) Адальберт из обители святого Максимиана (в Трире. — *Авт.*), [который,] хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его [епископом] для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался. ... 962. ... В этом же году Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его [спутников] были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся» (*Cont. Reg. P. 170-172*).

Известие о русском посольстве и миссии епископа Адальберта находим под 960 г. и в ряде анналов так называемой херсфельдской традиции (см.: Введение, 2.3) — например, в «Хильдесхаймских анналах»:

«К королю **Оттону** явились послы от народа Руси (*Ruscia*) с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали» (*Ann. Hild., a. 960. P. 21-22*).

императору Константину Великому (324—337 гг.), сделавшему христианство официальной религией Римской империи, то в имени бабки Владимировой — Елена — они видят переключку с именем матери Константина, крестившейся прежде сына, как Ольга — прежде своего внука Владимира. В действительности же Ольга была наречена, вероятнее всего, в честь Елены Лакапины, супруги царствовавшего тогда императора Константина VII Багрянородного. Такова была обычная практика политических крещений того времени: сам Владимир получил имя Василий в честь императора Василия II, так же как креститель Болгарии царь Борис I в 864/866 г. был наречен Михаилем в честь своего современника — императора Михаила III (847—867 гг.).

⁸ Западные авторы предпочитали именовать византийских императоров не «римскими» («ромейскими», как те сами себя титуловали), а «греческими» или, подобно «Продолжению Регинона», «константинопольскими». Это связано со спором о титуле императора между Западной и Восточной (Византийской, по ученой терминологии нового времени) империями.

⁹ По современному календарю — Рождество 959 г., так как в «Продолжении Регинона», как и у многих других западноевропейских авторов, год начинается с Рождества.

Это свидетельство не оставляет никаких сомнений в том, что под «ругами» в «Продолжении Регинона» имелась в виду именно Русь.

Говоря о миссии Адальберта на Русь, историки нередко ссылаются и на некоторые другие немецкие источники; все они так или иначе связаны с магдебургской архиепископской кафедрой (Адальберт в 968 г. стал первым архиепископом магдебургским). Но такая множественность обманчива: источники, упоминая о посвящении Адальберта в епископы для Руси, либо ничего не сообщают о русском посольстве [Титмар Мерзебургский (*Thietm.* II, 22. P. 64), грамота папы Иоанна XIII Адальберту при его оставлении на Магдебургскую архиепископию (*Dipl. Ioann. XIII*), «Деяния магдебургских архиепископов» XII в. (*Gesta Magdeb.* Cap. 9. P. 381) и др.], либо заимствуют свои сведения из «Продолжения **Регинона**» [**«Саксонский анналист»** (*Ann. Saxo.* P. 615; подробнее об этом источнике см.: гл. 4.2), «Магдебургские анналы» (*Ann. Magdeb.*, а. 959. P. 147; ср. гл. 7)], либо вообще являются поздними учеными подделками — например, так называемые «Анналы Корвеи Саксонской» (*«Annales Corbeiae Saxoniae»*)¹⁰, которые в отечественной историографии, вслед за А.-Л.Шлёцером, часто принимают всерьез.

С источниковедческой точки зрения сведения о посольстве Ольги к Оттону I уже проанализированы нами выше (см.: Введение, 2.3), где мы пришли к заключению, что информация анналов херсфельдского корня не зависит от «Продолжения Регинона», и потому не раз высказывавшиеся по тем или иным причинам сомнения в церковно-политических целях посольства несостоятельны. Это наблюдение вносит принципиальные коррективы в несколько «спрямленную» картину крещения Руси, предлагаемую летописью. Выясняется, что в середине X в., накануне официальной христианизации, Русь вела политику активного лавирования между Западной и Восточной церквями — точно так же, как столетием раньше в аналогичной ситуации вели себя Моравия и Болгария. Такая политика вполне понятна. Ведь принятие христианства на государственном уровне отнюдь не исчерпывалось крещением княжеского семейства и его окружения. Главным было создание в стране церковной организации, а это, в свою оче-

¹⁰ Не путать с подлинными «**Корвейскими** анналами» (*«Annales Corbeiensenses»*) XI в. **Корвейский** монастырь (Korvei) св. Вита в совр. Нижней Саксонии, дочерняя обитель известного франкского монастыря Корби (Corbie) на Сомме в совр. Северной Франции.

редь, было невозможно без включения в уже существующие церковно-юридические структуры, т.е. без подчинения тому или иному церковно-юридическому центру. В расчет могли **приниматься** только Рим или Константинополь. Таким образом, христианизация **на** своем первом этапе была задачей по преимуществу внешнеполитической. Но именно эта сторона дела меньше всего отразилась в древнерусской традиции.

Понятно, что и западные источники не дают ответов на все вопросы — например, на естественный вопрос, не раз **возникавший** у историков: насколько серьезны были намерения Ольги в отношении немецкого епископа? Не было ли посольство в Германию только средством оказать политическое давление на Византию? Может быть, в этом и заключалось «притворство» русских послов, на которое глухо намекает Адальберт (который, как можно считать установленным, и был автором «Продолжения хроники Рeginона») как на причину своей неудачи? Возможно. Но не исключено также, что прибывший с опозданием на полтора года немецкий епископ просто застал в Киеве радикально изменившуюся внутривосточную ситуацию: бразды правления перешли в руки возмужавшего Святослава Игоревича, который не проявлял интереса к крещению (по крайней мере, таким его рисует «Повесть временных лет»).

Все это — не более чем предположения, но безусловно ясно одно: в связи с планами крещения Русь стала участницей сложной общеевропейской политики. Киевская княгиня, недовольная результатами своего визита в Царьград [на просьбу византийского императора дать ему «воев в помощь», она, согласно летописи, саркастически отвечает: «Аще (если. — *Авт.*) ты тогда так же **Почай**: иши у мене в **Почаине**¹¹, яко же аз в Суду

С. 30)], направляет посольство к германскому королю. Тот приказывает рукоположить епископа для Руси, но не спешит отправлять «го, вместо этого пытаясь вступить в переговоры с Византией. Оттон I готовится к походу в Рим для императорской коронации (она состоялась в феврале 962 г.), и потому для него крайне важна лояльность византийского императора в столь принципиальном и щекотливом вопросе. Он понимает, что Константинополь рассматривает Киев как сферу своего влияния, и готов

¹¹ Почайна — днепровская затока в Киеве, где располагалась городская пристань.

¹² *Судъ* (вероятно, от др.-сканд. *sund* — «залив») — древнерусское название залива Золотой Рог, на берегу которого располагался Константинополь.

пожертвовать русской епархией в обмен на подобную лояльность. По новому византийский император Роман II (959—963 гг.) узнает о назначении немецкого епископа для Руси до прибытия послов Оттона, и его реакция оказывается решительной: в отношении с Германией уже к лету 960 г. наступает внезапный и резкий разрыв. В итоге Адальберт в 961 г. все-таки отправляется на Русь, но прибывает слишком поздно: отношения Киева (еще Ольги или уже Святослава) с новым императором улажены; во всяком случае, русский корпус, в котором было отказано Константину VII, участвует в первой же крупной военной акции его сына и преемника — отвоевании Крита у арабов в августе 960—марте 961 гг.

Очевидно, так или примерно так разворачивались события. Роман II сохранил и союз с Русью, заключенный еще в 944 г. при князе Игоре, и не пошел на уступки Оттону I в вопросе об императорском титуле, признание которого Византией Германии пришлось вырывать путем войны против греческих владений на юге Италии (в Апулии и Калабрии) в 968—971 гг.

Судя по всему, имя Романа II не раз звучало в Киеве во время пребывания там Адальберта; оно настолько прочно соединилось в памяти немецкого епископа с «русским эпизодом» его биографии, что, описывая спустя более двенадцати лет эти события, он и крещение Ольги в столице Византийской империи датировал правлением «константинопольского императора Романа». Воспринятое буквально, эти данные послужили для некоторых исследователей основанием полагать, будто Ольга и в самом деле крестилась при императоре Романа II во время предполагаемого ими второго посещения Константинополя в 960 г. (т.е. после 959, но до 961 г., когда прибывший в Киев Адальберт должен был узнать об этом как о свершившемся факте). Вообще говоря, такая гипотеза имеет право на существование. Ведь в древнерусской летописи имя императора, принимавшего княгиню, в разных рукописях разное: то правильное «Константин», то заведомо ошибочное (в 969 г. Ольга уже умерла) «Иоанн Цимисхий» (969—976 гг.). Следовательно, в первоначальном виде предания о крещении Ольги в Царьграде имени императора скорее всего не было, и ничто не мешает допустить, что, побывав в гостях у Константина VII Багрянородного, деятельная княгиня могла посетить и Романа II. И все же признать эту мысль удачной трудно. Во-первых, описание приема Ольги императором Константином, как заметил еще Г.А.Острогорский, предполагает, что она уже была крещена (впрочем, и у этой точки зрения есть противники). Во-вторых же (что нам представляется важнее), научная гипотеза должна быть максимально экономной: зачем без нужды «раздваивать» сведения о поездке княгини Ольги в Царьград или настаивать (вопреки всем источникам!), будто она крестилась в Киеве, до этой поездки? Не логичнее ли думать, что прибыла в Константинополь она еще язычницей, но на прием к императору попала уже крещеной? Это было бы так естественно. Да и сам рассказ «Продолжения Рeginона» представляет «Елену, королеву ругов», отправительницу посольства, уже христианкой. Приходится выбирать между двумя анахронизмами: либо Адальберт напутал с хронологией правления Ро-

мана II, либо, сообщая о крещении Ольги-Елены, без видимой причины опередил события. Первое предпочтительнее.

Адальберт молчит как об обстоятельствах своего пребывания в Киеве, так и пути туда и обратно. Единственное светлое пятнышко во мраке неизвестности — обмолвка в «Житии св. Адальберта-Войтеха», написанном в начале XI в. Бруно Кверфуртским (о котором у нас еще будет речь: гл. 3.1), что по пути на Русь Адальберт крестил Войтеха (Brun. vita s. Adalb. Cap. 4. P. 5). Либице, стольный город чешского князя Славника, отца Войтеха, находился несколько восточнее Праги. Значит, Адальберт двигался по уже известному нам торговому пути Регенсбург — Прага — Краков — Киев. Поэтому, быть может, не случайно о его поставлении и отправлении в «Продолжении **Регинона**» говорится именно в связи с пребыванием короля в Регенсбурге.

2.2. Внучка Оттона Великого — жена Киевского князя? Русско-немецкий союз при Ярополке Святославиче

В «Анналах» Ламперта Херсфельдского, автора 70-х годов XI в., читаем, что на Пасху 973 г. (23 марта) на немецком имперском съезде в Кведлинбурге среди прочих иностранных посольств присутствовало и русское (Ann. Lampr., a. 973. P. 32; о Ламперте см. подробнее в гл. 5.1). Поскольку херсфельдский протограф, легший в основу памятников херсфельдской традиции (см. стемму на илл. 8), как мы помним, доходил до 973 г. включительно, а сведений о русском посольстве в других анналах херсфельдского корня нет, ряд исследователей склонны усомниться в свидетельстве Ламперта. Они полагают, что писавший через столетие автор просто домыслил посольство из Руси. Исключить такую **возможность**, вообще говоря, нельзя, но чисто текстологически проблема не решается, так как текстологические аргументы есть и в пользу достоверности данных Ламперта. Поэтому решающее значение приобретает наличие или отсутствие других сведений о сношениях Руси и Германии в краткое княжение Ярополка Святославича (970/972-978 гг.)¹³. К счастью, такие сведения есть.

13 970 г. — это год **посажения** Ярополка в Киеве отцом киевским князем Святославом Игоревичем при отправлении в свой второй балканский поход; 972 г. — год гибели Святослава. Такая двоящаяся дата вокняжения Ярополка Святославича привела и к двум разным датировкам его убийства Владимиром (киевское княжение Ярополка, по всем древнерусским источникам, продолжалось 8 лет): то 978 г. (летописчик в составе «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова

Генеалогическое предание рода Вельфов, знаменитых соперников в XII—начале XIII в. династии Штауфенов, раньше других было зафиксировано письменно: первая родословная роспись, «Генеалогия Вельфов» («Genealogia Welforum»), относится еще к 1125/26 г.; чуть позже, в 60-х годах того же века, на ее основе возникла так называемая «Вайнгартенская история Вельфов» («Historia Welforum Weingartensis») (Weingarten — родовой монастырь Вельфов на их родине, в Швабии, в верховьях Дуная). В обоих названных памятниках при сообщении о женитьбе одного из представителей рода, графа Рудольфа, на Ите «из Энингена» (Ohningen — местечко и монастырь в Швабии, в верховьях Рейна, на западном берегу Боденского озера), дочери «знаменитейшего графа Куно», приводится экскурс о семействе самого этого графа «Куно из Энингена». Одной из причин его включения в родословие стало, без сомнения, желание придать последнему больше блеска, ибо женой графа Куно была якобы не кто иная, как «дочь императора Оттона Великого» («по имени Рихлинт», — добавляет «Вайнгартенская история»), т.е. уже хорошо известного нам Оттона I. У графа Куно упомянуты четверо сыновей и четверо дочерей, одна из которых была выдана «за короля Руси» (regi Rugorum) (Gen. Welf. Cap. 4. P. 76; Hist. Welf. Cap. 6. P. 12).

Историографическая судьба этого экскурса о графе Куно, его высокородной супруге и их потомстве поистине увлекательна. В русской науке он жил своей особой жизнью, никак не связанной с той его оценкой, которая сложилась в западноевропейском источниковедении. После того как известный русский генеалог Н.А.Баумгартен без особой аргументации отождествил «короля Руси» из родословия Вельфов с киевским князем Владимиром Святославичем, его точка зрения прочно закрепилась в трудах отечественных историков. По их мнению, мы имеем дело со вторым христианским браком крестителя Руси, заключенным после смерти в 1111/12 г. его первой жены, гречанки Анны, сестры византийского императора Василия II Болгаробойцы (976–1025 гг.). Таким образом, дочь графа «Куно из Энингена» и дочери Оттона I и была, по мнению Баумгартена и его последователей, той «мачехой» (poverca) Ярослава Владимировича, которая, согласно Титмару Мерзебургскому, попала в плен к поль-

Мниха), то 980 г. («Повесть временных лет»). Правильной, очевидно, следует признать первую из них.

скому князю Болеславу I, когда последний в 1018 г. захватил Киев (см.: гл. 3.3).

Выдвигая свою догадку, Баумгартен никак не учитывал (или не знал) того факта, что весь экскурс о графе Куно в родословии Вельфов в то время признавался генеалогической фикцией, примеры которых не так уж редки в средневековье. Дочь императора Оттона I по имени Рихлинт (как, кстати говоря, и сам граф Куно) по другим источникам неизвестна, да и вообще у историков не было «свободной» дочери Оттона для безвестного швабского графа. Обнаруживались также другие несообразности, которые и побуждали вынести столь суровый приговор. А затем, шаг за шагом, началась характерная история постепенной реабилитации источника от обвинений в сознательной фальсификации. Сначала выяснилось, что автор «Генеалогии Вельфов» не выдумывал, а черпал свои сведения о семействе графа Куно из родословных разысканий, предпринятых в связи с подтверждением в 1125 г. (вспомним дату создания «Генеалогии») германским императором Генрихом V (1106–1125 гг.) имущественных прав группы совладельцев одного из имений близ Энингена; все совладельцы оказались так или иначе потомками поименованных в экскурсе лиц. Кроме того, в «Книге побратимов» монастыря в Райхенау (с которой мы уже имели дело, говоря о «Баварском географе» — см.: гл. 1.3) обнаружилась запись X в. (!) с именами графа Куно и большей части его семейства (Lib. confr. Aug. Tab. 135), что, заметим, естественно, поскольку Энинген находился по соседству с Райхенау. Довершением стало открытие немецкого историка А. Вольфа, доказавшего в 1980 г., что загадочный граф «Куно из Энингена» — это хорошо известный швабский герцог Конрад (983–997 гг.) (Куно — сокращенная форма имени Конрад). Пытаясь идентифицировать «короля Руси», Вольф не нашел ничего лучшего, как просто сослаться на работы Баумгартена, «открытые» им для немецкой науки.

Однако предположение Баумгартена сталкивается с непреодолимыми хронологическими затруднениями. Дело в том, что по внутренней хронологии источника «русский» брак внучки Оттона I должен был приходиться на 70–80-е годы X в., а никак не на период, почти на полвека более поздний (между 1112 и 1115 гг.). Да и сам Куно в экскурсе (как и в записи из Райхенау) титулуется графом, а не герцогом, которым он стал только в 983 г. Вельфовский генеалог-панегирист, разумеется, не пре-

минул бы назвать Куно-Конрада именно герцогом, если бы знал, что тот таковым был. Остается думать, что он этого не знал, а просто сделал выписку из документа, составленного до 983 г. (таким документом, например, могла быть брачная грамота упомянутого графа Рудольфа и Иты, дочери графа Куно, всплывшая в ходе упомянутого разбирательства 1125 г.). А такая датировка приводит нас к важному выводу: под «королем Руси» «Генеалогии Вельфов» следует подразумевать не Владимира, а его старшего брата Ярополка Святославича.

Данные родословия Вельфов о «короле Руси» Ярополке Святославиче проливают свет и на сведения некоторых других западноевропейских источников о Руси, давно замеченные историками, но сами по себе недостаточно определенные, чтобы делать на их основе какие-либо твердые выводы. Мы имеем в виду агиографические памятники первой трети XI в., посвященные миссионерской деятельности в Восточной Европе миссийного архиепископа (т.е. **архиепископа**, действующего в земле язычников и не имеющего определённого диоцеза) Бруно Кверфуртского (см. о нем в гл. 3.1). Легендарные образы двух прославленных миссионеров конца X—начала XI в. Адальберта-Войтеха I [ражского и Бруно-Бонифация Кверфуртского (оба погибли во время проповеди среди пруссов: первый — в 997 г., второй — в 1009 г.) не только часто контаминировались между собой, но в силу своей популярности быстро стали центрами притяжения и концентрации агиографических преданий разного происхождения, в том числе и не имевших изначально никакого отношения к заглавным персонажам. В *«Житии блж. Ромуальда»* (*«Vita beati Romualdi»*)¹⁴, написанном ок. 1033 г. известным церковным деятелем *Петром Дамиани*¹⁵, довольно много внимания уделено и миссионерским трудам Бруно Кверфуртского, одного из наиболее известных учеников и последователей Ромуальда. Находим здесь и достаточно пространный рассказ о пребывании Бруно (у Петра он фигурирует под своим монашеским именем Бонифаций) на Руси.

Бонифаций отправляется для проповеди к «королю Руси» (*rex Russorum*); тот отвечает миссионеру, что уверует не преж-

¹⁴ Св. Ромуальд из Камальдоли (местность в Северной Италии), итальянский монах-пустынник рубежа XI—XII вв., основатель монашеской конгрегации камальдулов. (*Camaldulenses*).

¹⁵ Петр Дамиани (*Petrus Damianus*) (ум. 1073 г.), кардинал, авторитетный реформатор церкви, богослов и писатель.

де, чем Бонифаций, пройдя сквозь пламя, останется невредим. Святой совершает это чудо, и король и народ принимают крещение. «Брат же короля, живший рядом с ним, не хотел уверовать, а потому в отсутствие Бонифация был королем убит. Другой брат, который жил уже отдельно от короля, с самого начала, как только явился к нему блаженный муж, не пожелал слушать его увещаний, но гневаясь на него за обращение брата, держал его все время под стражей». Затем Бонифаций убит этим другим братом короля, после чего убийцу охватывает оцепенение, исчезающее лишь после того, как по настоянию короля он также принимает крещение (Vita b. Rom. Cap. 27. P. 57-60).

Общий легендарный характер рассказа не подлежит сомнению, но на него вряд ли можно «списать» и мотив трех братьев, правящих на Руси. Уж слишком живо житийная картина напоминает известную по летописи ситуацию при Ярополке Святославиче. Ярополк княжит в Киеве, его брат Олег — «рядом с ним» в Овруче, городе восточнославянского племени древлян, другой брат, Владимир, — «отдельно от короля» Ярополка — на севере Руси, в Новгороде; затем Олег погибает от руки «короля» Ярополка; в борьбе с Ярополком **Владимир** подчеркивает свое язычество, но вскоре крестится. Источниковедческий анализ рассказа о кончине св. Бруно-Бонифация в составе «Жития блж. Ромуальда» показывает, что она приурочена к Руси **недаром**. Конечно, Бруно Кверфуртский действительно побывал на Руси в 1008 г. (см.: гл. 3.1), но положение дел там в то время — расцвет единогодержавного правления Владимира Святославича — не имело ничего общего с описанным в житии. В жизнеописание Бруно-Бонифация оказались вплетены припоминания о неизвестных немецких миссионерах на Руси **70–80-х** годов X в.: на него, словно на мощный магнит, как бы «налипли» эпизоды их деятельности, которые иначе бесследно канули бы в Лету.

Характерно, что такая же контаминация восточноевропейской миссии Бруно и событий 970-х годов (только связанных с крещением не «короля Руси», а венгерского князя Гезы) свойственна и другому раннему памятнику о Бруно Кверфуртском — экскурсу в составе 3-й редакции (созданной также ок. 1030 г.) «Хроники» ангулемского клирика **Адемара Шабаннского** (Ademari Cabannensis chronicon) (Ангулем — город и епископство на юго-западе Франции, в исторической области Лимузен), хотя там миссионер гибнет от рук печенегов (в печенежской степи Бруно, как мы еще увидим, также бывал). Так как обращение Гезы и, вероятнее всего, произошедшее одновременно крещение его сына Иштвана (Стефана), будущего короля Иштвана I Святого (997–1038 гг.), было делом рук миссионеров

из Пассауской епархии¹⁶, то логично думать, что и немецкие миссионеры на Руси, память о которых сохранило «Житие **блаж. Ромуальда**» и которые оглашали Ярополка в связи с его предстоявшим браком на немецкой принцессе, также были из Пассау.

ГЛАВА 3. ВЛАДИМИР СВЯТОЙ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

3.1. «ПРАВИТЕЛЬ РУСИ, ВЕЛИКИЙ ВЛАСТЬЮ И БОГАТСТВОМ»: МИССИЙНЫЙ АРХИЕПИСКОП БРУНО КВЕРФУРТСКИЙ И ВЛАДИМИР

Выше уже встречалось имя миссийного архиепископа Бруно (в монашестве Бонифация) Кверфуртского (см.: гл. 2.1—2). Бруно-Бонифаций происходил из семейства графов Кверфуртских (Querfurt — город в Тюрингии) и был личностью во многих отношениях незаурядной. В 997 г. он стал капелланом юного императора Оттона III (983—1002 гг.), который называл его «своей душой». Убежденный сторонник универсалистских имперских идей полугрека Оттона III, Бруно так и не смог найти себе место в рамках новой внешней политики Генриха II (1002—1024 гг.), стержнем которой стало противоборство с Польшей Болеслава Храброго (992—1025 гг.). Почти непрерывная немецко-польская война разрушила планы Бруно создать и возглавить миссионерский центр на территории Польши, он пустился в стихийное миссионерство в самых опасных местах — среди «черных венгров» (Трансильвания), печенегов, пруссов; во время миссии к пруссам в 1009 г. он и погиб — согласно «Кведлинбургским анналам» (см. илл. 8), где-то «на **пограничье** Руси и Литвы» (*Rusciae et Lituae*) (Ann. **Quedl.**, а. 1009. Р. 80), т.е., вероятно, в земле ятвягов (это, кстати говоря, первое упоминание этнонима *литва*, тогда еще практически неизвестного и малопонятного, судя по тому, что Титмар Мерзебургский, используя сообщение «Кведлинбургских анналов», слова «и Литвы» опустил: *Thietm.* VI, 95. Р. 344). Бруно был не только страстным миссионером, но и писателем. Его перу принадлежат агиографические сочинения (в том числе «Житие св. Адальберта-Войтеха, епис-

¹⁶ Пассау (Passau) — город и епископство в Восточной Баварии, на Дунае.

копа Пражского», также погибшего во время миссии к печенегам в 997 г., кумира Бруно) и интересующее нас здесь *послание к германскому королю Генриху II*.

Послание служило своего рода оправданием перед королем за дружбу Бруно с польским князем Болеславом I (с помощью которого — если не по его поручению — миссионер и отправился к пруссам), но и обвинением Генриху за то, что в союзе с язычниками лютичами он воюет против христианина Болеслава: «Что общего между Христом и Велиалом?» — грозно вопрошает Бруно; здесь автор упоминает, между прочим, славянское языческое божество Сварожича (*Zuarasiz*), имя которого встречается и в древнерусских текстах. В то же время послание — **как** бы отчет Бруно в своей миссионерской деятельности. Поэтому упоминается в нем и о миссии к печенегам, и о посещении, по пути к ним, Киева. Написано послание из Польши, вероятно, осенью 1008 г.; к тому же году относится и пребывание миссионера на Руси. Послание дважды переводилось на русский язык в прошлом веке, но ни один из переводов не может быть признан вполне удовлетворительным, а комментарии в этих изданиях к настоящему времени совершенно устарели. Приводим «русский фрагмент» в нашем переводе.

«Верно, уж целый год исполнился месяцами и днями (язык Бруно не чужд литературных красот. — *Авт.*) с тех пор, как мы покинули венгров, где понапрасну провели много времени, и направились к печенегам (*Pezenegi*), жесточайшим из всех язычников. Государь Руси (*senior Ruzorum*), великий державой (*regnum*) и богатствами, в течение месяца удерживал меня против [моей] воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был уже [удерживать меня далее] и уstraшен неким обо мне, недостойном, видением, то с дружиной два дня провожал меня до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой. Спрыгнув с коня на землю!¹⁷ он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами (*maiores*) вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы — на другом. Обняв крест, который нес в руках, я возгласил честной гимн: "Петре, любишь ли меня? Паси агнцы моя!" (Ср. Иоанн 21, 15—17. — *Авт.*). По окончании респонсория (род церковного песнопения. — *Авт.*) государь прислал к нам [одного из] бояр с такими словами: "Я проводил тебя [до места], где кончат-

17 «*Salit de equo*» — «спрыгнув с коня»: конъектура вместе непонятого «*sedit de equo*», как читается в единственном сохранившемся списке. Если она верна, то это свидетельство очевидно о примерно сорокапятiletнем Владимире плохо согласуется с уверением Титмара Мерзебургского, что через семь лет князь скончался «глубоким стариком» (см.: гл. 3.2).

ся моя земля и начинается вражеская; именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни (Бруно было тогда около тридцати лет. — *Авт.*), ибо знаю, что завтра до третьего часа¹⁸ суждено тебе без пользы, без вины вкусить горечь смерти" (это и было страшным видением Владимиру о Бруно? — *Авт.*). Я отвечал: "Пусть Господь откроет тебе [врата] Рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!" Что же? Два дня мы шли беспрепятственно, на третий, в пятницу, трижды — утром, в полдень и в девятом часу — все мы со склоненными выями влекомы были на казнь, но столько же раз по чудесному знамению — такова была воля Господа и водителя нашего [святого] Петра — невредимы ускользали от встречавшихся нам врагов. В воскресенье, когда мы добрались до мест, более обитаемых, нас оставили в живых до срока, пока весь народ по зову гонцов не соберется на сходку. Итак, в девятом часу следующего воскресного дня нас зовут на сходку, бичуя, словно лошадей. Сбежалась бесчисленная толпа; с налитыми кровью глазами, они подняли страшный крик; тысячи обнаженных мечей и тысячи топоров, [занесенных] над нашими головами, грозили изрубить нас в куски. До ночи терзали нас, волоча в разные стороны, пока нас не вырвали из их рук старейшины (*maiores*) [той] земли, которые, будучи рассудительны, услышав наши речи, поняли, что мы с добром явились в их землю. Как то было угодно неисповедимому Господу и честнейшему Петру, пять месяцев провели мы среди этого народа, обойдя три его части, не заходя в четвертую, из которой к нам прибыли послы от старейшин (*meliores*). Обратив в христианство примерно тридцать душ, мы, по мановению Божию, устроили мир (с Русью. — *Авт.*), который, по их словам, никто кроме нас не смог бы устроить. "Сей мир, — говорили они, — тобою устроен. Если он будет прочен, то все мы, как ты учишь, охотно станем христианами; если же государь Руси изменит уговору, нам придется думать только о войне, а не о христианстве". С тем я и прибыл к государю Руси, который ради [успеха] Божьего [дела] одобрил это, отдав в заложники сына. Мы же посвятили в епископы [одного] из наших, которого затем государь вместе с сыном поместил в середине земли [печенегов]. И установился, к вящей славе Господа, Спасителя [нашего], христианский закон среди наихудших и жесточайших из всех обитающих на земле язычников» (*Ер. Brun. P. 98-100*).

Казалось бы, приведенный рассказ не слишком информативен для историка. Но не забудем, что перед нами строки, написанные человеком, всего лишь два—три месяца назад лично и многократно встречавшимся с Владимиром **Святым**, — здесь дорога буквально каждая мелочь, даже то, как князь «спрыгивает» (а не «сходит» или «слезает») с коня. Но и в остальном текст Бруно говорит отнюдь не мало.

О том, что «брань от печенег» сопровождала все княжение Владимира, можно было бы догадываться и по древнерусским источникам. Но, оказывается, в той постоянной войне были и паузы — довольно серьезные политические попытки примирения. На пер-

¹⁸ Т.е. утром, поскольку по римскому обычаю отсчет времени суток начинался с шести часов утра.

вый взгляд, печенежское епископство (о котором известно только со слов Бруно) не могло просуществовать сколько-нибудь долго, ведь в год смерти Владимира, в 1015 г., печенеги уже снова воевали на Руси. Но здесь от историка требуется известная аккуратность. В самом деле, Бруно говорит о «трех частях» печенежского народа и послах от четвертой. Речь идет, очевидно, о правобережных печенегах, так как о переправе через Днепр в послании ничего не сообщается. Эти данные хорошо согласуются с на полвека более ранними сведениями византийского императора и писателя Константина VII Багрянородного в его трактате «Об управлении империей» о четырех «округах» печенегов на левобережье Днепра и стольких же — на правобережье. Мир, заключенный Владимиром с правобережными печенегами, был, разумеется, вовсе необязателен для левобережных — а таковые тоже нападали на Русь (под 992 г. летопись сообщает: «Печенези приидоша по оной стороне, от Сулы», т.е. дело происходило на противоположном, по отношению к Киеву, левом берегу Днепра). Мы не знаем, откуда пришли печенеги в 1015 г., зато знаем, что Святополк, став в том же году киевским князем, наследовал союз с какими-то печенегами, которые сражались на его стороне в битвах против Ярослава Владимировича в 1016 и 1019 гг. (кстати, именно Святополка часто считают тем сыном Владимира, который был отдан в заложники печенегам, но это маловероятно: в заложники обычно отдавались малолетние сыновья, Святополку же в 1008 г. было тридцать лет и он уже имел собственный стол). Конечно, Святополковы печенеги могли быть теми же, которые нападали на Русь в 1013 г. вместе с поляками Болеслава I (об этом сообщает Титмар; см.: гл. 3.2), но и тогда все непросто. Ведь связи Болеслава с печенегами, весьма вероятно — также результат посредничества Бруно. Что же, печенежское епископство стало политическим инструментом в руках Болеслава? Едва ли, поскольку выражение Бруно, что новопосвященного епископа «вместе с сыном поместил в середине земли» печенегов именно Владимир, вроде бы предполагает его (епископа) подчинение киевскому митрополиту. Кроме того, для рукоположения епископа по церковным канонам требовалось сослужение не менее трех архиереев (т.е. еще двух, помимо Бруно), которых Бруно мог найти, конечно, только на Руси.

Чрезвычайно интересно уникальное известие Бруно о «крепчайшей и длиннейшей ограде» (sepes), которой Владимир из-за печенежской угрозы укрепил южные рубежи Руси. Летопись, прав-

да, сообщает о строительстве Владимиром «городов» вдоль пограничных со степью рек — Десны, Сулы, Стугны, Трубежа, но у Бруно, несомненно, речь идет о сплошном укреплении — очевидно, частоколе на земляном валу, подобном тому, которым в свое время Римская империя отгораживалась от «варваров».

Наконец, надо отметить и отношение миссионера к киевскому князю: он для Бруно не просто «великий державой и богатствами», а, совершенно очевидно, входит в круг тех образцовых правителей, которые, как и польский князь Болеслав, все делают «ради успеха Божьего дела», противостоя язычникам, а не вступая с ними в союзы против христиан, как германский король Генрих П. Никакой конфессиональной настороженности со стороны Бруно к Руси не чувствуется, хотя ни один древнерусский церковный иерарх им не упомянут (а встречаться с ними миссионеру заведомо случалось). Что это — черта имперски-экуменичной широты взглядов (уже отмеченной нами выше) или следствие того, что Бруно был подчеркнута лоялен к князю, к которому, видимо, имел дипломатические поручения от столь почитавшегося им Болеслава? Полагаем, вероятнее первое: Бруно ведь писал не к Болеславу, а к его оппоненту.

3.2. «ВЕЛИКИЙ И ЖЕСТОКИЙ РАСПУТНИК»: ВЛАДИМИР В ХРОНИКЕ ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО

Мерзебургский епископ Титмар был родственником и сверстником Бруно Кверфуртского, близко знал его, поскольку вместе с ним учился в школе при кафедральном соборе в Магдебурге. Благочестивый рассказ о ранних добродетелях будущего мученика, проявившихся уже в школьные годы, и сочувственное сообщение о гибели Бруно от рук язычников на границе Пруссии (Prusia) и Руси (Ruscia) (ср.: гл. 3.1) Титмар включил в свою «Хронику». Но государственно- и церковно-политические взгляды этих двух земляков и современников были совершенно различны. В отличие от Бруно Титмар принадлежал к тем кругам восточносаксонской знати, которые выступали резко против умозрительной универсалистско-имперской концепции Оттона III, вылившейся в политику уступок напористому польскому князю Болеславу I Храброму, и были непримиримыми врагами последнего. Как

нам предстоит убедиться, такая политическая позиция мерзебургского епископа и хрониста во многом сказалась и на том образе киевского князя Владимира Святославича, который довольно яркими красками он очертил в своей «Хронике» и который заметно разнится от того, что мы читаем о Владимире у Бруно.

Владимиру посвящены три главы (72—74) в конце книги VII «Хроники» Титмара Мерзебургского. Как и последующее описание уособицы Владимировичей (см.: гл. 3.3), эти уникальные сведения имеют первостепенное значение для историков Древней Руси — и не просто как детальное свидетельство современника событий (Титмар работал над хроникой в конце жизни, в 1012—1018 гг.). Дело еще и в том, что вторая половина правления Владимира (от завершения строительства Десятиной церкви в 996 г. и до смерти князя 15 июля 1015 г.) чрезвычайно скудно освещена древнерусскими источниками. Все, что известно об этом периоде из «Повести временных лет», исчерпывается, в сущности, несколькими краткими записями о кончине тех или иных представителей княжеского семейства. Сказанное, равно как и труднодоступность русского перевода соответствующих фрагментов (целиком хроника Титмара на русский язык никогда не переводилась; касающиеся Руси отрывки переводились и публиковались неоднократно, но эти переводы часто неточны и рассеяны по старым или редким изданиям), заставляет нас привести его здесь полностью.

«VII, 72. Продолжу рассказ и коснусь несправедливости, содеянной королем Руси Владимиром (rex **Ruscorum** Wlodemirus). Он взял жену из Греции по имени Елена, ранее просватанную за Оттона III, но коварным образом у него восхищенную. По ее настоянию он (Владимир. — *Авт.*) принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником и учинил большое насилие над изнеженными данайцами¹⁹. Имея троих сыновей, он дал в жены одному из них дочь нашего притеснителя герцога (dux) Болеслава (польского князя Болеслава I. — *Авт.*), вместе с которой поляками был прислан Рейнберн, епископ **колобжегский**²⁰. (Далее следует описание деятельности Рейнберна до его прибытия на Русь, которое мы здесь опускаем. — *Авт.*). Упомянутый король, узнав, что его сын по наущению Болеслава намерен тайно против него выступить, схватил того [епископа] вместе с этим [своим сы-

¹⁹ «Данайцами» (Danai) ученый хронист на античный манер, подражая гомеровской традиции, называет греков (византийцев).

²⁰ Колобжег (польск. Kolobrzeg, нем. Kolberg), город в польском Западном Поморье (балтийское побережье между устьями Одры и Вислы), а также одно из трех **епископств** (Краков, Вроцлав, Колобжег), образованных в Польше в 1000 г. при учреждении самостоятельной польской архиепископии в Гнезне (это было частью имперской программы Оттона III).

ном] и [его] женой и заключил каждого в отдельную темницу. В ней святой отец, прилежно восхваляя Господа, свершил втайне то, чего не мог открыто²¹: по слезам его и усердной молитве, исторгнутой из кающегося сердца, [как] по причастии, отпущены были ему грехи Высшим Священником; [душа] его, вырвавшись из узилища тела, ликуя, перешла в свободу вечной славы.

VII, 73. Имя названного короля несправедливо толкуют как «власть мира»²², ибо не тот вечно непостоянный мир зовется истинным, который царит меж нечестивыми и который дан детям сего века, но действительного мира вкусил лишь тот, кто, укротив в своей душе всякую страсть, снискал царствие небесное в награду за смирение, побеждающее невзгоды. Сей епископ, обретший в двоякой непорочности (телесной и духовной). — *Авт.*) прибежище на небесах, смеется над угрозами беззаконника, созерцающая пламя возмездия, терзающее этого распутника, так как, по свидетельству учителя нашего Павла, Господь наказует прелюбодеев (Послание к евреям 13,4. — *Авт.*). Болеслав же, узнав обо всем этом, не переставал мстить, чем только мог. После этого названный король умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю.

VII, 74. Упомянутый король носил венерин набедренник, усугублявший [его] врожденную склонность к блуду. Но Спаситель наш Христос, заповедав нам препоясывать чресла (Лука 12, 35. — *Авт.*), обильный источник губительных излишеств, разумел воздержание, а не какой-либо соблазн. Услышав от своих проповедников о горящем светильнике (Лука 12, 35. — *Авт.*), названный король смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни. Ибо написано: подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто (Лука 11,41. — *Авт.*). Он долго правил упомянутым королевством (*regnum*), умер глубоким стариком и похоронен в большом городе Киеве (Cuiewa) в церкви мученика Христова папы Климента рядом с упомянутой своей супругой — саркофаги их стоят посреди храма. Власть его делят между собой сыновья, и во всем подтверждается слово Христово, ибо, боюсь, последует то, чему предечено свершиться устами неживыми — ведь сказано: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет (Матфей 12, 35; Марк 3, 24; Лука 11, 17. — *Авт.*) и проч. Пусть же молится весь христианский мир, дабы отвратил Господь от той страны [свой] приговор» (*Thietm.* P. 486—490).

Выше (см.: Введение, 2.4) нами уже было исследован вопрос об источниках информации саксонского хрониста в этих главах; как выяснилось, глава VII, 74 была записана позже двух предыдущих и опиралась на сведения, полученные от саксонских уча-

²¹ Имеется в виду смерть Рейнберна в заключении, которую Титмар представляет как мученическую кончину. «Открыто» стать мучеником первому коллехгскому епископу не удалось в своей поморской епархии, откуда он был изгнан в результате языческого восстания.

²² Титмар, судя по всему, несколько знал по-славянски (большую часть населения его епархии составляли славяне) и любил приводить этимологии славянских имен, как правило, верные. Но здесь он ошибся: вторая часть древнерусского имени *Володимѣръ* происходит не от слав. *mĭrъ* «мир, покой», а от реликтовой основы *mĕr-* «слава», хорошо сохранившейся также в германском именослове и в нем. *Mdhre* «сказание», *Märchen* «сказка».

стников похода Болеслава Храброго на Киев летом 1018 г. (об **этом** походе см. подробно в гл. 3.3.2). Действительно, сообщение о том, что саркофаги Владимира и его византийской супруги стоят посредине Десятинной церкви (о захоронении князя именно в созданной им церкви Богородицы Десятинной известно и по древнерусским источникам), выдает присутствие очевидца. Более того, характерны даже имеющиеся кажущиеся неточности. Почему Десятинная церковь названа не ее настоящим именем, а церковью св. Климента? Это не ошибка. В Десятинной церкви покоились мощи св. Климента Римского, вывезенные Владимиром после своего крещения из Херсонеса²³, и поэтому киевляне, очевидно, называли главный храм тогдашнего Киева по его важнейшей святыне. Такое словоупотребление могло быть только просторечным — ни в одном другом источнике оно больше не засвидетельствовано. Следовательно, информант Титмара должен был побывать в Киеве, чтобы воспринять это народное наименование.

В двух предыдущих главах тоже есть ошибки, но они совсем иного рода. Титмар верно **считает жёну** Владимира гречанкой, но неверно называет ее имя — Елена вместо правильного Анна. Возмущенная интонация известия о браке киевского князя на византийской принцессе понятна: еще в 967 г. к ней, дочери покойного императора Романа II (или к ее старшей сестре, быть может, именем Елена), сватал своего сына Оттона, будущего императора Оттона II, германский император Оттон I, но получил категорический отказ византийского императора Никифора II Фоки.

Это стало причиной войны между Германией и Византией на юге Италии, вылившейся в компромисс — Оттон I был вынужден удовлетвориться племянницей императора Иоанна I Цимисхия, преемника Никифора. В династическом отношении разница между Феофаном и Анной (Еленой?) была огромна: первая была просто одной из родственниц правившего императора, вторая же являлась так называемой «порфирогенитой» — «багрянородной» (представительницей правившей Македонской династии, родившейся в «Багряной» палате царского дворца в период, когда ее отец был на императорском престоле). По византийским понятиям, брак **«порфирогениты»** с «вар-

²³ Св. Климент, римский папа в 90-е годы I в. Согласно легенде, сложившейся не ранее IV в., сослан императором Траяном в крымский город Херсонес, где и принял мученическую кончину. Его мощи были обретыены ок. 860 г. преп. Константином-Кириллом, будущим первоучителем славян, когда он пребывал в Херсонесе по пути в Хазарию. Часть мощей была позднее доставлена им в Рим, где и покоится поныне: другая часть (глава), вывезенная Владимиром из Херсонеса в Киев, утрачена при разгроме Десятинной церкви монголо-татарами в 1240 г. (см.: гл. 4.3.3).

варом» — будь то с «франком» Оттоном II или со «скифом» Владимиром — был немислим. Нарушение этой священной традиции в случае с Владимиром и Анной делало их супружество совершенно необычным для византийской матримониальной практики.

Можно представить себе негодование, царившее при европейских дворах при известии о скандальном браке Анны с киевским князем в 989 г. [как раз тогда, в свою очередь, собирался попытать счастья французский король Гуго **Капет** (987—996 гг.), планируя сватовство к Анне своего сына Роберта]. Никто не хотел входить в положение византийского императора Василия II (сына Романа II), который был просто вынужден отдать сестру по требованию Владимира и в обмен на военную поддержку последнего: шеститысячный русский корпус спас Македонскую династию от узурпатора **Варды Фоки** в битве при Авидосе (под Константинополем) весной 989 г., а уже вскоре сам Владимир слал угрозы императору из-за стен поверженного византийского Херсонеса, требуя обещанной невесты. Таким образом, упрек Титмара Владимиру в «насилии над изнеженными данайцами» справедлив, но в остальном хронист просто воспроизводит старый обидный слух, уже почти анекдот, путая Оттона II с Оттоном III.

Есть еще один интересный момент, выдающий различие источников информации Титмара в главах VII, 72—73, с одной стороны, и главе VII, 74 — с другой. И здесь, и там **подчеркнуто** женолюбие Владимира, но сделано это по-разному. В первых двух главах киевский князь предстает «великим и жестоким распутником», который, хотя и принял по настоянию жены христианство, однако «добрыми делами» его так и «не украсил»; за свое распутство князь терзаем адским «пламенем возмездия», а одним из его последних бесчинств незадолго до кончины стала, по Титмару, «несправедливость, содеянная» по отношению к несчастному епископу Рейнберну. В третьей же главе дело выглядит несколько иначе: да, Владимир имел «врожденную склонность к блуду» и даже, как можно понять Титмара, носил какой-то «венерин набедренник» (*lumbare venereum*), пытаясь поначалу наивно или цинично объяснить это христианской заповедью «препоясывать чресла»²⁴ (здесь хронист, кажется, снова переда-

²⁴ «Препоясанность чресел» в библейских текстах является всего лишь метафорическим выражением, обозначающим готовность к действию, подобно тому как и в русском языке «распоясанность» означает беспорядочность, несобранность. «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» — слова евангелиста Луки, на которые ссылается Титмар, — означают: постоянно будьте готовы к суду **Господню**.

ет слух — теперь уже местный, киевский, площадной), но в конце концов все-таки преобразился под воздействием речей «своих проповедников» и «смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни». Такая картина значительно ближе к летописному образу Владимира Святославича: «Повесть временных лет» также подчеркивает, что князь «бе женолюбец, аки прежде Соломан» (т.е. израильский царь Соломон) (ПВЛ. С. 37), но относит этот порок к языческому периоду его жизни, а главной чертой Владимира-христианина называет именно обильные милостыни или, говоря языком современности, — социальную благотворительность. Можно поэтому думать, что сведения, отразившиеся в главах VII, 72—73, происходят главным образом из польских источников (об этом говорит и форма имени Владимир у Титмара — *Wlodemirus*; ср. польск. *Włodzimierz*)²⁵, а в конечном итоге — из враждебного Владимиру окружения Святополка, находившегося в Польше начиная с зимы 1016—1017 гг., тогда как в главе VII, 74 хронист передал услышанное своим саксонским информантом непосредственно на улицах Киева и не скрывал своей симпатии к Руси, призывая молиться за ее спасение; от междоусобия.

Уникально свидетельство Титмара о женитьбе одного из сыновей Владимира (из последующего выяснится, что это именно Святополк) на дочери польского князя Болеслава I [в польской «Хронике Анонима Галла» (см.: гл. 3.3.2) есть только неопределенное указание на какие-то родственные связи Святополка и Болеслава], в свите которой (видимо, в роли духовника княжны) на Русь и прибыл тогда уже безместный поморский епископ Рейнберн. О времени заключения брака, к сожалению, ничего не говорится. И здесь, увы, мало помогает само по себе ценное сообщение того же Титмара в главе VI, 91 о неизвестном по русским источникам походе Болеслава в союзе с печенегами на Русь в 1013 г.: польский князь «напал на Русь и разорил большую часть этой страны. Когда же между его [воинами] и пришлыми печенегами случился раздор, он приказал этих последних всех перебить, хотя они и были с ним заодно» (*Thietm.* VI, 91. Р. 389). Хочется думать, что поход 1013 г. и был той местью Болеслава за заключение в Киеве его дочери и зятя, о которой пишет Титмар

²⁵ Восточнославянскому полногласию *волод-* в старославянском языке соответствует *влад-*, а в восточнолехитских диалектах западнославянских языков (т.е. в польском) — *wlod-*; в западнолехитских говорах (т.е. в языке полабских славян) мы бы имели *wald-*.

Главе VII, 73. Тогда брак пришлось бы отнести ко времени до 1013 г. (иногда считают, что переговоры о браке вел в 1008 г. Гирно Кверфуртский во время своего пребывания в Киеве; см.: т. I, 8.1). Но в науке существует также мнение, что брак Святополка и Болеславы, напротив, следовал за походом 1013 г., скрепит русско-польский мир (впрочем, тогда остается не вполне ясной причина нападения Болеслава на Русь).

Так или иначе, саксонский хронист снова приоткрывает перед нами суть происходившего на Руси в последние годы Владимирово княжения. По древнерусским источникам известно, с одной стороны, что Святополк в это время княжил в Турове²⁶, с другой — что в момент смерти Владимира он почему-то пребывал в Киеве (это и позволило ему занять киевский стол). Титмар объясняет такую странность: оказывается Святополк обвинялся в заговоре против киевского князя и находился в Киеве в заключении. Но тем самым он говорит и много больше того. «Повесть временных лет», не поясняя причин, сообщает под 1014 г., что и Ярослав Владимирович, имевший уделом Новгород, разорвал с отцом, отказавшись платить Киеву положенный годовой урок в 2000 гривен (ок. 100 кг серебра). Стало быть, в конце правления Владимира произошло что-то, что вызвало одновременное (или почти одновременное) возмущение обоих старших Владимировичей, т.е. потенциальных наследников киевского стола. Словам Титмара, будто Святополк действовал «по наущению Болеславиу», нельзя придавать большого значения: хронист был яростным ненавистником польского князя и имел обыкновение во всем усматривать его козни; кроме того, такое объяснение не подходит для случая с Ярославом. Складывается впечатление, что правы те исследователи, которые подозревают Владимира в желании оставить после своей смерти Киев одному из младших сыновей — своему любимцу Борису. Кажется, их мнение подтверждает и Титмар в главе VII, 73, сообщая, что Владимир, держа в заточении Святополка, «оставил все свое наследство двум сыновьям», т.е. Ярославу и кому-то еще — очевидно, Борису (летопись знает 12 сыновей Владимира, но Титмару известны только трое — Святополк, Ярослав и третий, не названный по име-

²⁶ Город на Припяти, в земле восточнославянского племени дреговичей: удел туровского князя простирался далеко на запад, включая и пограничную с Польшей Берестейскую землю. Вероятно, именно поэтому в жены Святополку и была избрана польская княжна.

ни — в полном соответствии с кругом реальных участников усобицы 1015-1019 гг.).

Данные Титмара о судьбе Святополка сразу после смерти Владимира расходятся с данными древнерусских источников: «Повести временных лет» и «Сказания о св. Борисе и Глебе». Согласно последним, Святополк сумел овладеть киевским столом, так как Борис с дружиной Владимира был в походе против печенегов, а Ярослав княжил в далеком Новгороде; первым делом он принялся истреблять младших братьев: Бориса, Глеба²⁷ и Святослава (ПВЛ. С. 58-61; Сказ. БГ. С. 28-44). Титмар же уверяет, будто Святополк бежал из темницы в Польшу к Болеславу, оставив в Киеве в заключении свою жену. Это свидетельство современника некоторым кажется предпочтительней, чем древнерусское предание, записанное много позже и несколько затемненное, вследствие агиографической стилизации²⁸. Но если Святополк бежал в Польшу не после битвы с Ярославом у Любеча осенью 1016 г. (как о том сообщают летопись и «Сказание»), а сразу же после смерти Владимира, и, вернувшись в Киев с помощью своего тестя Болеслава летом 1018 г., застал на киевском столе уже Ярослава Владимировича, то кто же тогда убил Бориса и Глеба? Выходит, что убийца — не Святополк Окаянный, а Ярослав Мудрый? Эта гипотеза в последние сорок лет получила довольно широкое хождение, к ее обоснованию пытались привлечь и некоторые другие источники (например, скандинавскую «Прядь об Эймунде»; см.: часть V, гл. 4.2). И все же надо признать, что столь интригующая версия вряд ли заслуживает своей громкой популярности. Если почитание святых братьев-княжичей началось уже при Ярославе, то как последнему удалось ввести в массовое заблуждение своих современников, многие из которых еще прекрасно помнили события 1015 г.? Но даже ограничиваясь только текстом Титмара: зачем и от кого было Святополку бежать из Киева, если ни Бориса, ни Ярослава в нем не было? Есть у гипотезы, обеляющей Святополка, и хронологические трудности.

²⁷ В правление Ярослава Владимировича Мудрого (1019—1054 гг.) началось церковное почитание Бориса и Глеба как невинных страстотерпцев, и не позднее 1072 г. они были официально причислены Восточной церковью к лику святых. Культ св. Бориса и Глеба, первых русских святых, был чрезвычайно популярен на Руси.

²⁸ Текстологи продолжают спорить о том, что первично: летописная повесть об убийстве св. Бориса и Глеба или упомянутое «Сказание». Но независимо от ответа на этот вопрос, надо признать, что и сама летописная повесть носит все признаки житийного жанра.

3.3. СЯТОПОЛК «ОКАЯННЫЙ» ИЛИ ЯРОСЛАВ «МУДРЫЙ»? УСОБИЦА ВЛАДИМИРОВИЧЕЙ

Продолжение рассказа о событиях на Руси после смерти Владимира мира Святославича — о походе Болеслава и Сятополка на Ярослава в 1018 г. — находится уже в самом конце «Хроники» Титмара, в главах VIII, 31—33, т.е. последних главах последней книги. Хронист диктовал их буквально накануне кончины (он умер 1 декабря 1018 г.). Это видно по обилию слуховых и зрительных ошибок писца в тексте, который автор уже не успел, как он то обычно делал, вычитать и выправить собственноручно. Но описания киевского похода 1018 г. предваряют сведения о военных действиях на русско-польском пограничье в 1017 г. На них нельзя не остановиться, ибо Титмар — снова единственный источник, который донес до нас сведения об этих событиях.

3.3.1. БЕРЕСТЕЙСКАЯ «ИНТЕРМЕДИЯ» 1017 Г.

В главе VII, 65, в контексте рассказа о польско-немецкой войне, Титмар сообщает о неудачной кампании Генриха II летом и ранней осенью 1017 г., после чего в октябре германский король соглашается на мирные переговоры с Болеславом Храбрым и только затем «узнаёт, что король Руси (*rex Ruszorum*), как и обещал ему через своего посла, напал на Болеслава, но, овладев [неким] городом, ничего более там не добился» (*Thietm.* VII, 65. P. 478). Выясняется, что Ярослав Владимирович как опытный политик (ему было уже около сорока лет), утвердившись в Киеве после первой схватки со Сятополком поздней осенью 1016 г., немедленно вошел в сношения с врагом своего врага Болеслава — германским королем Генрихом II, договорившись с ним о совместных действиях против Польши летом 1017 г. Тем самым, понятно, исключалась помощь со стороны польского князя своему родственнику Сятополку.

В «Повести временных лет» о войне 1017 г. нет ни слова, и только Новгородская I летопись (всегда немногословная, но тут, пожалуй, даже слишком) роняет в статье 1017 г.: «Ярослав иде К Берестию» (НПЛ. С. 15).

Впрочем, возможно, известие о походе к Берестью было и в «Повести»; в древнейшем Лаврентьевском списке ее здесь пропуск: «Ярослав иде (куда? — *Авт.*) и погоре церкви (в Киеве. — *Авт.*)» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142). В других списках, правда, читаем: «Ярослав иде в Киев», — но тогда возникает вопрос — откуда? Надо думать, что текст «Повести временных лет» в этом ме-

сте испорчен: в ее протографе первоначально стояло «(к) Берестию», а добавление «в Киев» является всего лишь неудачной попыткой исправить порочение «в Киев» является всего лишь неудачной попыткой исправить порочение. Комбинируя это свидетельство с данными Титмара, легко заключить, что Берестье и было тем городом, который Ярославу удалось взять, хотя развить свой успех он не сумел. Следовательно, бежав после поражения под Любечем, Святополк сумел закрепиться в Берестье, западном форпосте своего бывшего Туровского удела. Характерно, что, потерпев поражение от Ярослава в 1019 г., Святополк, согласно летописи, снова спасается бегством в Берестье.

Несмотря на общую неудачу совместных действий Ярослава Владимировича и Генриха II в 1017 г., они положили начало тому стабильному русско-немецкому союзу (одной из характерных примет внешней политики Ярослава Мудрого), который просуществовал, по крайней мере, четверть века (см.: гл. 4.2).

3.3.2. КИЕВСКИЙ ПОХОД БОЛЕСЛАВА И СВЯТОПОЛКА 1018 Г.

Нельзя сказать, чтобы «Хроника» Титмара была единственным источником наших знаний о походе польского князя Болеслава I на Киев летом 1018 г., после чего на киевском столе снова на короткое время оказался Святополк Владимирович. Сведения о нем сохранила как древнерусская, так и польская исторические традиции: «Повесть временных лет» и древнейшая польская «Хроника Анонима (или Мартина, как менее верно писалось в старой историографии) Галла» («*Galli Anonymi chronicon*»). Надо, однако, учитывать, что и та, и другая являются памятниками второго десятилетия XII в. (хотя «Повесть» в данном случае опиралась на летописный свод 60-х годов XI столетия). Как следствие, в обоих источниках рассказ демонстрирует явные черты устного эпического предания: конкретных деталей в нем мало, зато хватает общих слов (этот упрек относится главным образом к Анониму Галлу) или анекдотических подробностей, которые так украшают былинное повествование: о символическом ударе Болеслава своим мечом в Золотые ворота Киева и т.п.

Яркий образчик такого уничижительного для противника баснословия — следующий эпизод из «Хроники Галла Анонима».

В то время как Болеслав с войском спешно движется к Киеву, «случилось так, что король Руси (*Ruthenorum rex*) тогда, по простоте, [своейственной] этому народу, на лодке ловил удочкой рыбу, а ему вдруг сообщают о приближении короля Болеслава (анахронизм позднего источника: Болеслав I стал королем только в 1025 г., в самом конце своей жизни. — *Авт.*). Тот никак не мог этому поверить, но в конце концов убедившись, ибо к не-

му прибывали все новые и новые гонцы, пришел в ужас. Тогда он, поднеся ко рту большой и указательный пальцы, послунил, как принято у рыболовов, крючок и, говорят, произнес к стыду своего народа следующие слова: "Раз уж Болеслав прилежал не этому занятию (рыболовству. — *Авт.*), а его обычной забавой служили война и оружие, то **Бог** решил предать в его руки и этот город, и королевство (**regnum**) Руси, и сокровища". Промолвив это, он не долго медля обратился в бегство. Болеслав же, не встречая сопротивления, вступил в великий и богатый город и ударил обнаженным мечом в Золотые ворота» и т.д. (*Gall. I,7. P.21*).

К чести древнерусского летописца надо признать, что он нигде не допускает столь наивно-оскорбительных речей в адрес Болеслава. Да, в летопись попали обидные «укоры» Ярослава воеводы **Буды** Болеславу (ошечпринятый обычай «задирать» противника перед сражением): «Да то ти (тебе. — *Авт.*) прободем трескою (копьем. — *Авт.*) чрево твоё толстое (Болеслав был тучен. — *Авт.*)*. Но «от себя» и как бы «объективизируя» повествование летописец тут же прибавляет: «Бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на кони не могли седети, но бяше смыслен» (*ПВЛ. С. 63*).

В довольно пространном рассказе Анонима Галла хватает и просто ошибок, которые легко выявляются при сравнении с летописью и Титмаром. Так, неверно, будто Болеслав дошел до Киева, «не встречая сопротивления». Напротив, поход начался о битвы на берегах Западного Буга у города Воляня, в которой, правда, Ярослав потерпел катастрофическое поражение. Это сражение подробно описано и у Титмара, в польской же хронике припоминания о нем (опять-таки с литературно-эпическими преувеличениями) хотя и сохранились, но отнюдь не на своем месте, а в рассказе о возвращении Болеслава на родину после якобы десятилетнего пребывания в Киеве; кроме того, они легли в основу фантастически-красочного описания некоей победы **Болеслава** над анонимным «русским королем» в главе **I,10**. К слову и ради лучшего понимания стиля польской хронистки **XII–XIII** вв., отметим, что через сто лет после Анонима Галла другой польский хронист *Винцентий* (Викентий) *Кадлубек*, заимствуя в целом это описание в свою «*Польскую хронику*» (*Vincentii Kadlubek Chronicon Polonorum*), продолжает в свою очередь усугублять риторические выдумки предшественника, добавляя, будто после победы русского «короля вместе с первейшими из знати, словно свору собак, на веревке» подвели к Болеславу и т. п. (*Vinc. Kadl. II, 12. P. 279–281*).

Все это делает детальное и сухое повествование Титмара источником неоценимым. Приводим его здесь практически целиком.

«**VIII, 31**. Не следует умолчать и о достойном сожаления бедствии, постигшем Русь, ибо с нашей помощью Болеслав напал на нее с великим войском, нанеся ей большой урон. 22 июля (1018 г. — *Авт.*) названный гер-

цог, подойдя к некоей реке (Западному Бугу. — *Авт.*), приказал своим воинам разбить там лагерь и навести необходимые мосты. Король Руси (**re**: Ruscorum), расположившись со своими [воинами] близ той же [реки], с **не** терпением ожидал исхода предстоявшего по взаимному соглашению **сра**жения. Между тем поляки, дразня близкого врага, вызвали [его] на столкновение, [завершившееся] нечаянным успехом, так что охранявшие **реку** были отброшены. Узнав об этом, Болеслав ободрился и, приказав бывшим с ним немедленный сбор, стремительно, хотя и не без труда, переправился через реку. Вражеское войско, выстроившись напротив, тщетно старалось защитить отечество, ибо, уступив в первой стычке, оно не оказало больше серьезного сопротивления. Тогда пало там бесчисленное множество бегущих, победителей же — немного. Из наших погиб славный воин Херик ... С того дня Болеслав, [добившись] желанного успеха, преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с почестями и большими дарами.

VIII, 32. Тем временем Ярослав силой захватил какой-то город, принадлежавший тогда его брату, а жителей увел [в плен]. На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславу часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара. Хотя жители и защищали его, однако он быстро был сдан иноземному войску: оставленный своим обратившимся в бегство королем, он 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего господина (*senior*) Святополка (**Zentepulcus**)²⁹, благорасположение к которому (возможен также перевод: «милобердие которого». — *Авт.*), а также страх перед нашими обратили [к покорности] весь тот край. В соборе святой Софии, который в предыдущем году по несчастному случаю сгорел, прибывших (т.е. Болеслава и Святополка. — *Авт.*) с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием встретил архиепископ этого города. Там же была мачеха упомянутого короля, его жена и девять сестер; на одной из них, которой он и раньше добивался, незаконно, забыв о своей супруге³⁰, женился старый распутник Болеслав. Там ему были показаны немислимые сокровища, большую часть которых он раздал своим иноземным сторонникам, а кое-что отправил на родину. Среди вспомогательных сил у названного герцога с нашей стороны было триста человек, а также пятьсот венгров и тысяча печенегов. Все они были отпущены по домам, когда вышеупомянутый господин (Святополк. — *Авт.*) с радостью [стал принимать] местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности. В этом большом городе, являющемся столицей (*caput*) того королевства, имеется более четырехсот церквей и восемь рынков, народу же — неведомое множество; до сих пор ему, как и все-

²⁹ Выше мы уже отметили, что др.-русс. **Володимѣръ** выступает в хронике Титмара в полонизированной форме. То же самое можно сказать и об имени **Святополкъ**, которое Титмар пишет с носовым гласным, как и имя Свентеполка, сына польского князя **Мѣшка I** (*Suentepulcus*); между тем в древнерусском к началу XI в. носовых, которые в польском сохраняются до сих пор, уже не было. Показательно, что чехо-моравские имена в хронике фигурируют без носовых (*Zuetepulkus*). Отсюда вывод: информация о Руси, получаемая Титмаром, регулярно преломлялась через польское языковое посредство.

³⁰ Незадолго до киевского похода, 1 января 1018 г., Болеслав женился на **Оде**, дочери майсенского маркграфа Эккехарда, скрепляя тем самым свой союз с частью дружественной ему восточносаксонской знати.

му тому краю, силами спасавшихся бегством рабов, стекавшихся сюда со всех сторон, а более всего — [силами] стремительных данов [удавалось] противостоять весьма разорительным [набегам] печенегов, а также побеждать другие [народы].

VIII, 33. Гордый этим успехом, Болеслав послал к Ярославу (*Iarizlavus*) архиепископа названного города с просьбой вернуть его (Болеслава. — *Авт.*) дочь, обещая выдать его (Ярослава. — *Авт.*) жену, мачеху и сестер. Своего любимца аббата **Туни**³¹ он отправил затем с великими дарами к нашему императору, чтобы и далее заручиться его благосклонностью и поддержкой, уверяя, что все будет делать согласно его желаниям. В близкую Грецию он также отправил послов, обещая ее императору выгоды, если тот будет [ему] верным другом; в противном же случае — так он заявил — он станет неколебимым и неодолимым врагом [греков]. [Положимся] во всем на помощь и поддержку всемогущего Господа, да милосердно явит нам, в чем Его воля и что нам во благо» (*Thietm.* VIII, 31-33. Р. 528-532).

Прежде всего обращает на себя внимание описание самого **Киева** начала XI в. Надо ли говорить, что ничего подобного в других источниках (и даже более позднего времени) мы не имеем. ³¹Чувствуется, что город поразил Титмарова информанта, так что

невольно вспоминается оценка Киева в источнике 1070-х годов — хронике Адама Бременского (см. о ней во Введении, 2.5 и в гл. 4.1), где столица Руси названа ни много ни мало как «соперницей константинопольского скипетра» (*Adam Brem.* II, 22. Р. 254). Археологи, несмотря на все свои успехи в Киеве в течение последних десятилетий, недоуменно разводят руками перед свидетельством Титмара: им нечем подкрепить его слова о восьми (!) киевских рынках, не говоря уже о четырехстах (!) храмах — и это в 1018 г., через каких-либо тридцать лет после крещения! Подобные цифры многим историкам кажутся непомерно преувеличенными. Здесь, конечно же, не исключена возможность ошибки писца (латинское *quadringente* «четыреста» легко перепутать с *quadraginta* «сорок», — а мы помним, что текст последних глав не отредактирован хронистом), но надо иметь в виду, что именно в отношении числа церквей сходные данные есть и в других источниках. Так, в Лаврентьевской летописи читаем, что через сто лет в пожаре 1124 г. в Киеве сгорело около шестисот храмов (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293), — а ведь сгорели, конечно же, не все церкви; в поздней (XV в.) *«Польской хронике» Яна Длугоша* (*Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae Poloniae*) сообщается, что в современном хронисту Киеве можно было видеть развалины более

³¹ Туни — уменьшительная форма от имени Антоний. Имеется в виду Антоний, аббат монастыря в Мендзыжечи (*Mędzyszczyce* — Междуречье), на Нижней Обре (правом притоке Одры), одной из древнейших польских обителей. Антоний был учеником Бруно **Кверфуртского**.

трехсот храмов (т.е. речь идет, вероятно, об остатках только каменных церквей) (Dlug., а. 1008. Т.[1]. Р.261). Сведения о количестве церковных престолов информант Титмара (а он, видно, был человеком любознательным) без труда мог получить из окружения киевского митрополита.

Последнего Титмар именует «архиепископом», но придавать этому какое-то особое значение, как иногда делают историки (предполагая существование на Руси в это время именно архиепископства, а не митрополии), едва ли возможно. Дело в том, что в Западной церкви митрополитаната как самостоятельного института не было, и термины *metropolita*, *metropolitanus* (*episcopus*) употреблялись в ней только изредка и как синонимы титулу *archiepiscopus*; о разнице же, которая существовала между митрополитами и архиепископами в Восточной, греко-православной, церкви, хронист вполне мог и не знать. Имени митрополита, встречавшего победителей, въезжавших в город по древнерусскому обычаю в праздничный день (в данном случае — в канун праздника Успения Божьей Матери 15 августа), Титмар не называет, но им был, должно быть, Иоанн I, упоминаемый на киевской кафедре в первые годы правления Ярослава древнерусскими памятниками Борисо-Глебского цикла.

Если и Болеслав, и, как уверяет летопись, Святополк опирались на поддержку степняков-печенегов, то новгородский князь Ярослав, естественно, использовал наемных варягов. Но известие Титмара о «стремительных данах», оборонявших Киев «до сих пор», показывает, что наемный варяжский корпус существовал при Владимире и в Киеве. «Данами» в хронике Титмара, как и во многих других западноевропейских источниках, именуются скандинавы вообще, а не только собственно датчане.

Крайне любопытны сведения о женской половине княжеского семейства, о которой, как правило, молчат древнерусские источники. Так, они ничего не сообщают ни о втором браке Владимира Святославича («мачехе» Ярослава), ни о первом браке самого Ярослава (до женитьбы в 1019 г. на шведке Ингигерд — очевидно, первая супруга Ярослава не пережила катаклизма 1018 г.) (см. об этом также в гл. 4.1.1). Поражает обилие сестер Ярослава, из которых по летописи известны лишь три; видимо, одна или две из них были уже от второго брака Владимира (ср. сведения о женитьбе ок. 1038 г. на Владимировне двадцатидвухлетнего польского князя Казимира I; см.: гл. 4.2). Но особенно интересно известие, будто на одной из них «беззаконно ... же-

пилился старый распутник Болеслав», который и «раньше» ее «добивался». Этот факт известен и Анониму Галлу; польский хронист даже представляет оскорбительный отказ Ярослава выдать свою сестру за Болеслава главной причиной похода 1018 г., но при этом изображает Владимировну не женой, а наложницей польского князя, таким образом отомстившего за оскорбление. Так же излагают дело и некоторые списки «Повести временных лет», где сказано, что Болеслав «положи себе на ложи Передславу, дочь Володимерю, сестру Ярославлю», а, оставляя Киев, «пошлочи» ее с собою (см., например: ПСРЛ. Т.4. С. 108; Т.5. С. 132) (Передслава являлась сестрой Ярослава не только по отцу, но и по матери, будучи дочерью Владимира от Рогнеды, как и Ярослав). Почему же умалчивает об этом Титмар? Что могло помешать ему лишний раз подчеркнуть бесчинство Болеслава? Очевидно, дело было не так просто, как то изображают поздние польские и древнерусские источники, и статус Передславы как именно наложницы определился лишь после разрыва польского князя со Святополком. В Киеве же Болеслав разыгрывал представление о своем очередном (пятом по счету!) браке, ведя двусмысленную политику: для Генриха II он был (псевдо)лояльным вассалом, перед Константинополем выставлял себя хозяином Руси, а перед Святополком и киевлянами хотел выглядеть мерным союзником. Эти наблюдения делают понятными недоумения историков по поводу того, кем же мыслил себя польский князь в столице Руси? Уж не хотел ли он сам сесть на киевский стол, как сделал это в Праге в 1003 г.? Как всякая беспринципная политика, поведение Болеслава Храброго создает соблазн для прямо противоположных толкований. Но Титмар не оставляет сомнений в том, что сами киевляне (как и саксонский информант хрониста) считали своим князем не Болеслава, а Святополка, к которому и «приходили с изъявлением покорности».

Отметим еще один генеалогический штрих, показательный тем, что он подтверждает летописную версию о происхождении Святополка «от двух отцов» — Владимира и его брата Ярополка. Болеслав посылает митрополита в Новгород к Ярославу с предложением обменять свою дочь (тот, оказывается, заблаговременно спрятал ее на севере Руси — характерная черта неудачливого полководца, но предусмотрительного политика) на «жену, мачеху и сестер» Ярослава. Не странно ли? Ведь если бы Святополк считал себя Владимировичем, то это были бы также и его «мачеха и сестры». Приходится думать, что он так не считал.

И, наконец, несколько слов о международно-политическом аспекте похода 1018 г. Болеслав, оказывается, имел в своем войске иностранную подмогу — не только традиционных союзников печенегов (вспомним его поход на Русь в 1013 г.), но также венгров и каких-то немцев — очевидно, саксонцев, которых хронист именует «нашими» и которым приписывает даже особую роль при захвате Киева (вряд ли обоснованно). И в 1013 г. польский князь, как скрепя сердце вынужден признаться не любивший Болеслава Титмар, напал на Русь «с нашей помощью». Поскольку обе эти русско-польские войны, при Владимире и при Ярославе, следовали непосредственно за заключением польско-немецкого мира (в 1013 г. — в Мерзебурге, в 1018 г. — в Будишине—Баутцене), то невольно возникает подозрение, что немецкий отряд в польском войске состоял не просто (или не только) из саксонских наемников-добровольцев, но являлся официальной военной помощью Генриха II, обусловленной условиями Будишинского мира. О том же свидетельствует и посольство Болеслава к Генриху из захваченного Киева. Кстати говоря, триста копий по тем временам были довольно внушительной силой, коль скоро речь шла о панцирных воинах.

Такая ситуация стала причиной явно угадывающегося двойственного отношения Титмара к киевскому походу 1018 г. С одной стороны, он не без гордости подчеркивает роль, которую сыграли в нем саксонцы (возможно, она сильно преувеличена — ведь мы имеем дело с рассказом саксонского хрониста со слов саксонского воина), а также непривычную лояльность польского князя по отношению к германскому императору (Генрих II короновался императором в Риме в 1014 г.), с другой — он слишком сильно не любил Болеслава, чтобы сочувствовать его успеху, который откровенно именует «достойным сожаления бедствием», а финальная фраза (пусть Господь «явит, в чем Его воля и что нам во благо») недвусмысленно выдает прямо-таки растерянность мерзебургского епископа перед лицом условий Будишинского мира с Польшей. Русь явно рассматривалась Титмаром (и в этом он не был одинок, представляя интересы антипольской партии Генриха II последовательнее, чем сам Генрих II) как политический противовес слишком дерзкой внешней политике Болеслава Храброго. К такому же выводу приводят и наблюдения над употребляемой в хронике титулатурой.

3.4. *REX, SENIOR, DUX*: ТИТУЛАТУРА ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Титмар последовательно прилагает к Ярославу и Святополку разные титулы: первого он, как и Владимира, именует *rex* — «король», второго — *senior*, т.е. термином довольно неопределенного содержания (который в переводе мы передаем нейтральным «господин»): *senior* хронист мог назвать немецкого графа, монастырского старца, князя того или иного славянского полабского племени (ободритов, гаволян). Что стоит за этим различием?

Применение к древнерусским князьям, причем необязательно только киевским, титула *rex* — обычная практика западноевропейских латинских источников. Характерное исключение среди современников Титмара представляет собой лишь Бруно Кверфуртский, употребляющий, как мы помним, в своем послании к королю Генриху II (см.: гл. 3.1) по отношению к киевскому князю Владимиру Святославичу титул *senior*. Но терминология Бруно не показательна — ведь так же он титулует не только польского князя Болеслава Храброго, но и самого своего адриасата — германского короля Генриха. Учитывая, что и Титмар, и другие немецкие источники его времени регулярно титулуют нильских, чешских, полабских князей *dux* (титлом, принятым для немецких герцогов³²), некоторые историки усматривали в титуле *rex* признание могущества Руси. Такое мнение выглядит слишком прямолинейным. Несомненно, с титулом *rex* у Титмара ассоциируется некоторая сумма политической власти: намекая на политическую слабость итальянского короля Ардуина, он замечает, что тот «только по имени король». Но не этот момент был определяющим. Помимо Владимира и Ярослава, титул *rex* в хронике применяется к английским королям, венгерскому королю Иштвану (Стефану) I, скандинавским конунгам, причем не только известным королям объединенной Дании X—начала XI в. Харальду Синезубому и Свену Вилобородому, но и местным конунгам. Легко прийти к выводу, что *dux* (или, реже, *senior*) Титмар именует правителя, включенного в политико-юридическую систему Германской империи (полабские и чешские

³² В эпоху Титмара территория Германской империи делилась на ряд герцогств (нем. *Herzogtümer*), генетически восходивших к крупным племенным образованиям раннего средневековья: Саксонию, Баварию, Швабию, Франконию, Лотарингию. Впоследствии их число увеличилось.

князя, равно как и польские — по крайней мере, применительно к части своей территории — с точки зрения немецкой стороны были вассалами Империи), тогда как *rex* — напротив, находившегося вне этой системы. Таким образом, различие проведено не по принципу политического могущества, а по принципу суверенитета.

Необходимо отметить, что термин *regnum* — «королевство» уже не обнаруживает такой определенности. *Regnum* хронист мог назвать и Баварское герцогство, и владения польских или чешских князей, и даже более мелкую территорию, обладавшую некоторым этнополитическим единством (например, Силезскую землю).

Так почему же Титмар отказывает Святополку в титуле *rex*? Ввиду сказанного ясно, что это неспроста. Быть может, хронист сомневался в законности притязаний Святополка на престол (напомним, что Титмар, пусть и ошибочно, был уверен, что Святополк не участвовал в разделе державы после смерти Владимира)? Или дело в политических симпатиях саксонца Титмара к Ярославу как противнику Болеслава I Польского и, тем самым, в его глазах — союзнику Германии (ср. сказанное выше о месте Руси в политической концепции Титмара)? Или причина более формальная, и Святополк успел связать себя в отношении Болеслава какими-то обязательствами, ущемлявшими его суверенитет? Вопрос остается пока открытым и ждет своего исследователя.

ГЛАВА 4. **МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ЯРОСЛАВА МУДРОГО**

Период киевского княжения Ярослава Владимировича (или Ярослава Мудрого, — хотя источникам домонгольского времени это прозвище неизвестно), 1019–1054 гг. (особенно с 1036 г., когда после смерти брата Мстислава, князя черниговского, Ярослав становится единовластным правителем всей Руси), является временем несомненного политического расцвета Древнерусского государства. Его активная международная политика на всех направлениях — западноевропейском, византийском, скандинавском — не могла не найти отражения и в зарубежных источниках.

4.1. НОВГОРОДСКИЙ КНЯЗЬ В БОРЬБЕ ЗА КИЕВ

4.1.1. ЯРОСЛАВ И ДАТСКО-АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

КНУТА ВЕЛИКОГО

Одним из первых внешнеполитических шагов Ярослава, еще и пору борьбы его за киевский стол со Святополком, стал союз со шведским королем Олавом Шётконунгом (ок. 995—ок. 1020 гг.) и датским — Кнутом (1018—1035 гг.), который уже с 1016 г. был королем английским, а в 1028 г. к его державе была присоединена и Норвегия. По сути дела, эту тему следовало бы рассмотреть **выше**, вместе с русско-немецким союзом 1017 г. (см.: гл. 3.3.1). Но там шла речь о «русских» сведениях Титмара **Мерзебургского**, здесь же мы сталкиваемся совсем с другим кругом источников, ориентированным на англо-скандинавский **Север**: северные политические связи составили своего рода новгородское наследство в «политическом багаже» переместившегося на юг, в Киев, Ярослава. Главным из этих источников является, несомненно, *«Хроника архиепископов Гамбургской церкви»*, принадлежащая перу Адама Бременского (*Adami Bremensis Chronicon Hammaburgensis ecclesiae pontificum*).

По своей важности для древнерусской истории «Хроника» бременского каноника представляет собой памятник, сравнимый с «Хроникой» Титмара. Сохранился он в целом ряде редакций, отражающих этапы работы автора, который продолжал пополнять свой текст вплоть до конца жизни (умер Адам, судя по всему, в начале 1080-х годов). Это выразилось, в частности, в большом количестве добавлений на полях или даже отдельных клочках пергамена, так называемых схолий, которые были внесены в «Хронику», в места, соответствующие по смыслу, позднейшими редакторами. Кроме того — и это надо иметь в виду комментатору, — насколько можно судить, не все схолии принадлежат самому Адаму. Некоторых сведений бременского хрониста по географии и этнографии Восточной Европы мы уже касались (см.: Введение, 2.5), хотя блок такого рода информации в «Хронике» значительно богаче. Но есть у Адама Бременского и способные заинтересовать историка Руси сведения совсем иного характера. В диоцез гамбургско-бременских архиепископов в XI в. входили церкви скандинавских стран, поэтому история этих последних была для бременского хрониста предметом наипервейшей важности. Источником его сведений служили рассказы немецких **мис-**

сионеров и самих скандинавов, среди которых был также и датский король Свен Эстридсен (1047-1075/76 г.). Интерес скандинавов к вопросам родословия известен (это бросается в глаза всякому, знакомившемуся с сагами), поэтому неудивительно, что среди «русских» известий Адама немало именно генеалогических сюжетов.

Первый из них прочно вошел и в скандинавские родословия, и в древнеисландскую традицию норвежских королевских саг (прежде всего саг об Олаве Святом; см.: часть V, Введение, 2.3). Поэтому здесь ограничимся кратким его упоминанием: «Олав, христианнейший король шведов (*Sueonum*) (не путать с Олавом Святым, королем норвежским! — *Авт.*) взял в жены славянку из ободритов по имени Эстрид. От нее родились сын Иаков (впоследствии король Анунд-Якоб. — *Авт.*) и дочь Инград, вышедшая замуж за святого короля Руси Ярослава (*rex sanctus Gerzlef de Ruzzia*)» (Adam Brem. II, 39. P. 274). В скандинавской традиции имя жены Ярослава — Ингигерд, а четкая относительная хронология саг об Олаве Святом позволяет установить и дату брака — 1019 г. Это значит, что речь идет о втором браке к тому времени уже сорокалетнего князя (о первой его супруге, как мы помним, сообщает Титмар Мерзебургский, говоря о событиях 1018 г.; см.: гл. 3.3.2). Древнерусская летопись умалчивает о женитьбе Ярослава на Ингигерд, но зато подробно повествует о том, как Ярослав, бежавший в Новгород после поражения от польского князя Болеслава I летом 1018 г., нанимает многочисленное варяжское войско для продолжения борьбы со Святополком. Политический смысл брака, таким образом, совершенно ясен.

Форма имени Ярослава *Gerzlef* (как и в другом месте у Адама: см.: гл. 4.3)

указывает на использование им древнескандинавской традиции (ср. др.-исл. *Jarizleifr*: часть V, гл. 4). Но вот почему он именует Ярослава «святым»?

Ни вскоре после смерти, ни позднее Ярослав не был канонизирован церковью. Дело тут в своеобразном словоупотреблении Адама, который пользуется термином *sanctus* — «святой» в значении «благочестивый» или, как, любили выражаться по отношению к князьям древнерусские авторы, «христолюбивый» (калька с византийского эпитета императоров *χριστόφιλος*).

Но дипломатическая подготовка Ярослава к новому походу на Киев не ограничилась союзом со Швецией. Осторожный и рассудительный, он предпочел максимально обезопасить себя от возможного нового вмешательства Польши (ср.: гл. 3.3.2), — а так как другой его бывший союзник против Болеслава I германский король Генрих II (см.: гл. 3.3.1) еще в январе 1018 г. заключил с польским князем мир, то взор Ярослава остановил-

он на воинственном английском и датском короле Кнуте, флот ...**горога**, так же как и шведский, мог при необходимости создать (шильную угрозу для севера Польши (тем более учитывая шаткость власти польских князей в Поморье). Основания для такого суждения дает нам все тот же Адам Бременский. Обсуждая политику Кнута в только что завоеванной Англии, он пишет:

«Кнут завладел и королевством Этельреда (английский король Этельред И. — *Авт.*), и его женой по имени Имма (или Эмма, вторая жена Этельреда. — *Авт.*), сестрой нормандского графа Рикарда, которому ради мира Кнут отдал в жены свою сестру Маргарет. Потом, когда граф прогнал ее, Кнут отдал ее английскому герцогу Вольфу, а сестру этого Вольфа выдал за другого герцога — Гудвина, хитроумно рассчитывая [такими] браками снискать верность и англов, и нормандцев. И расчет его не обманул. Граф же Рикард, опасаясь гнева Кнута, отправился в Иерусалим и там умер, оставив в Нормандии сына Роберта; его сыном является нынешний Вильгельм, которого французы зовут Незаконнорожденным (знаменитый нормандский герцог Вильгельм Завоеватель, захвативший Англию в 1066 г. — *Авт.*)» (Adam Brem. II, 54. P. 292).

Этот генеалогический пассаж не представлял бы для нас никакого интереса, если бы к известию о браках сестры Кнута Адам не сделал собственноручного примечания:

«Кнут отдал свою сестру Эстред замуж за сына короля Руси (rex de Ruzzia)» (Adam Brem. II, 54, schol. 39. P. 292).

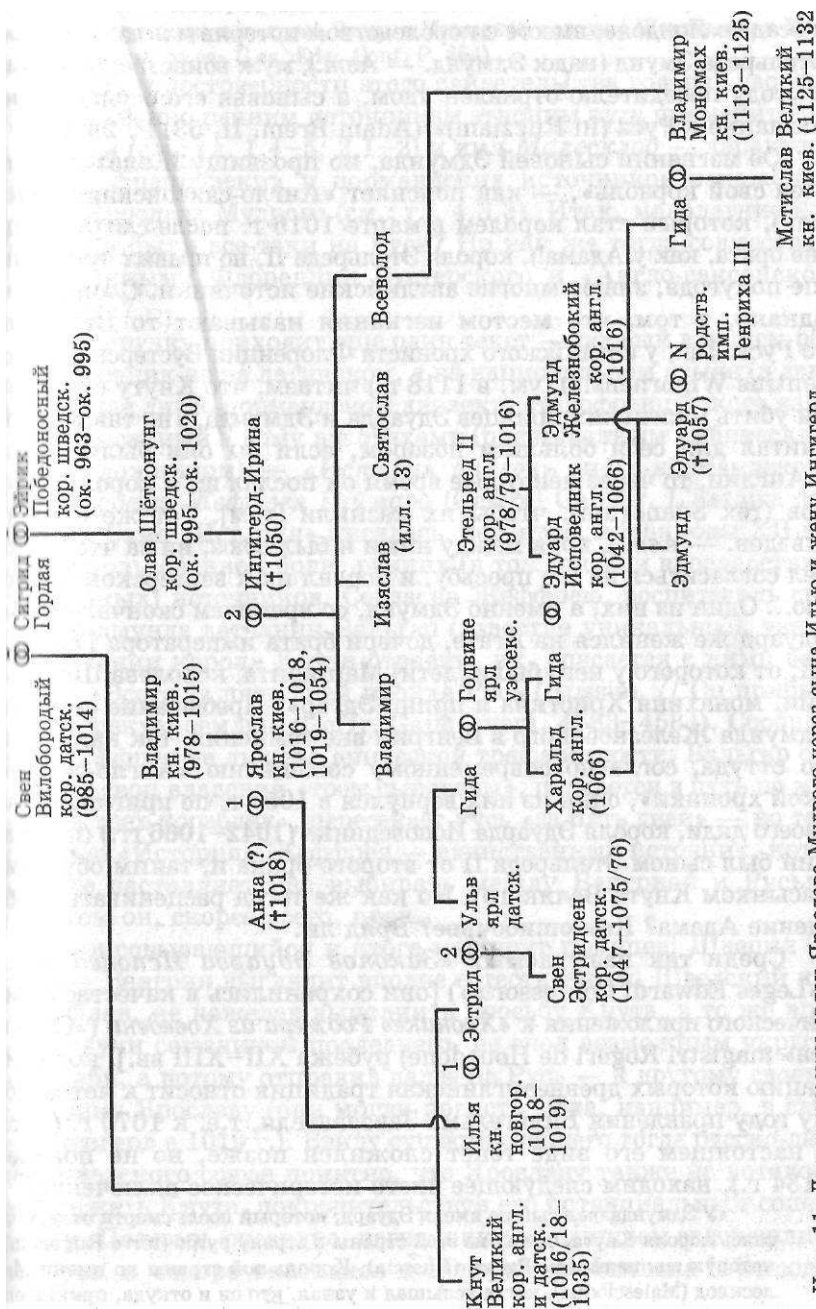
В приведенном родословии Адам не всегда точен. Так, он наивно приписал женитьбу на Маргарет и паломничество (не бегство!) в Иерусалим графу Нормандии Рикарду II (996—1026 гг.): и то, и другое было частью биографии его сына Роберта (1027—1035 гг.). Еще важнее, что хронист, как можно понять, не подозревал, что Маргарет и Эстрид — одно и то же лицо (двуименность, таким образом, отнюдь не была свойством только древнерусского княжеского ономастикона). Следовательно, у Адама речь идет о трех последовательных браках датской принцессы — явлении в среде средневековой знати вовсе не уникальном. Наиболее известным и продолжительным было замужество Эстрид за ярла Ульва («герцога Вольфа» Адама), наместника Кнута в Дании; от этого брака происходил в том числе и упомянутый выше датский король Свен Эстридсен. Как и брак английского ярла Годвине (у Адама — «герцога Гудвина») на сестре Ульва Гиде (среди его потомства также был король — последний англо-саксонский король Харальд, павший в 1066 г. в схватке с нормандцами Вильгельма Завоевателя), союз Ульва и Эстрид, на основании англо-саксонских и скандинавских источников, довольно точно датируется зимой 1019—1020 гг. Датировка кратковременного нормандского брака сестры Кнута сложна, но,

скорее всего, он относится ко времени сразу после смерти **ярла** Ульва — примерно к 1026 г. Однако независимо от этого **счита** замужество за «сына короля Руси» третьим по счету **ник** нельзя: во второй половине 1020-х годов на Руси попросту не **бы**ло княжича, подходившего в мужья Эстрид, которой было око*ло двадцати пяти лет и которая была матерью по меньшей **ме**ре троих детей. Старший из известных по «Повести временных! лет» Ярославичей, Владимир, был еще совершенным дитятей (он родился в 1020/21 г.). В таком случае русско-датский **матримо**-ниальный союз приходится датировать периодом между 1016 (когда Кнут становится английским королем) и 1019 (Эстрид выходит за Ульва) годами.

Этот результат предопределяет и кандидатуру с русской стороны — единственную, которую могут предложить древнерусские источники: Ильи Ярославича, новгородского князя, сына Ярослава Мудрого. Он упоминается в Новгородской I **летописи**, причем именно в связи с борьбой его отца за Киев в 1016—1019 гг.: уходя в Киев, Ярослав посадил в Новгороде сына Илью, но тот вскоре умер, за что Ярослав «разгневался» на бывшего (до посажения Ильи) новгородского посадника Константина Добрынича (видимо, считая его причастным к смерти сына) и «заточи и (его. — *Авт.*)» (НПЛ. С. 161, 470); в заточении **Кон**стантин и был казнен ок. 1021 г. Поскольку Константин еще посадничал в 1018 г., кратковременное княжение Ильи Ярославича в Новгороде приходится относить именно к 1019 г. Удивительное хронологическое единодушие двух абсолютно независимых друг от друга источников — немецкого и древнерусского! Более того, данные новгородского летописания объясняют и причину мимолетности первого брака **Эстрид—Маргарет**: после вокняжения и женитьбы Ильи Ярославич не прожил и года. По расчету возраста Ильи и Эстрид были примерно сверстниками; последняя родилась после 996 г., т.е. тогда же, когда и Илья — видимо, единственный сын от первого брака родившегося в 979 г. Ярослава (**см. илл. 11**).

4.1.2. **СЫНОВЬЯ ЭДМУНДА** ЖЕЛЕЗНОБОКОГО НА РНСИ?

Следующий сюжет из «Хроники» Адама Бременского служит своеобразным подтверждением и иллюстрацией только что полученному нами выводу о русско-датском союзе в начале правления Кнута Великого: «Три года воевал Кнут в Британии (**война** за Ан-

Илл. 11. Династические связи Ярослава Мудрого через сына Илью и жену Ингигерд

глию в 1014-1016 гг. — *Авт.*). Этельред, король ангов, погиб в осаде в Лондоне, вместе с королевством потеряв и жизнь ... Брат Этельреда Эмунд (надо: Эдмунд. — *Авт.*), муж воинственный, был в угоду победителю отравлен ядом, а сыновья его осуждены изгнание в Русь (in Ruzziam)» (Adam Brem. II, 53. P. 292).

Об изгнании сыновей Эдмунда, по прозвищу Железнобокий («за свой корабль», — как поясняет «Англо-саксонская хроника»), который стал королем в марте 1016 г. после смерти отца (не брата, как у Адама!), короля Этельреда II, но правил чуть ше полугода, знают многие английские источники. Сложность; однако, в том, что местом изгнания называют то Венгрию, то Русь. Так, у английского хрониста Флоренция Вустерского (Florentius Wigornensis) (ум. в 1118 г.) читаем, что Кнуту советовали убить маленьких принцев Эдуарда и Эдмунда, «но так как тот считал для себя большим позором, если бы они были убиты в Англии, то через некоторое время он послал их к королю шведов (rex Suanorum), чтобы их казнили [там]. Тот же (король) шведов. — *Авт.*), хотя между ними и был союз, ни за что не хотел согласиться на его просьбу, и послал их к венгерскому королю... Один из них, а именно Эдмунд, со временем скончался там, Эдуард же женился на Агате, дочери брата императора Генриха III, от которого у него были [дети] Маргарита, королева Шотландии, монахиня Христина и принц Эдгар». Пребывание сыновей Эдмунда Железнобокого в Венгрии вне сомнения, так как именно оттуда, согласно современному сообщению «Англо-саксонской хроники», один из них вернулся в 1057 г. по приглашению своего дяди, короля Эдуарда Исповедника (1042—1066 гг.) (последний был сыном Этельреда II от второго брака и, таким образом, пасынком Кнута Великого). Но как же тогда расценивать сообщение Адама? Как ошибочное? Вряд ли.

Среди так называемых «Законов Эдуарда Исповедника» («Leges Edwardi Confessoris») [они сохранились в качестве юридического приложения к «Хронике» Роджера из Ховедена («Chronica» magistri Rogeri de Houedone) рубежа XII—XIII вв.], кодификацию которых древнеанглийская традиция относит к четвертому году правления Вильгельма Завоевателя, т.е. к 1070 г. (хотя в настоящем его виде текст сложился позже, но не позднее 1134 г.), находим следующее чисто историческое включение:

«У Эдмунда был сын по имени Эдуард, который после смерти отца, опасаясь короля Кнута, бежал из этой страны в страну рогов (terra Rugorum), которую мы называем Русью (Russcia). Король той страны по имени Малесклад (Malesclodus), когда услышал и узнал, кто он и откуда, принял его

с почетом. И этот Эдуард женился там на жене из знатного рода, от которой у него были сын, принц Эдгар, и Маргарита, королева Шотландии, и Христина, сестра ее» (Leg. Edw. Conf. P. 664).

В пользу достоверности этого свидетельства говорят свойственный именно ранним источникам этноним *руги* применительно к Руси (см.: гл. 1.4-5; 2.1-2) и имя *Малесклод* — характерное для французских и нормандских источников искажение имени Ярослава Мудрого (см.: гл. 4.3.3). Итак, малолетние изгнанники были все-таки на Руси? Но как же тогда совместить это с данными Флоренция Вустерского и «Англо-саксонской хроники»?

На выручку приходит еще один текст — первый в нашем обзоре источник не на латинском, а на национальном языке (в данном случае англо-нормандском диалекте старофранцузского языка), написанный к тому же стихами (рифмованным ямбическим восьмисложником) — «История англов» англо-нормандского историографа *Жеффрея Гаймара* (Geffrei Gaimar. L'Estoire des Engles). Сама «История» писалась, вероятно, в 30-е годы XII в., но с использованием более ранних (в том числе и впоследствии утраченных) источников. Согласно Жеффрею, воспитатель сыновей Эдмунда датчанин Вальгар (известие уникальное), узнав о намерении короля Кнута отравить их, спасается с ними бегством: «Всего за пять дней пройдя Русь (Russie), // Он прибыл в Венгерскую землю» (Geffr. Gaim., vers. 4583—4584). Сообщение Жеффрея не лишено эпической трафаретности: Вальгар оставляет свои владения «трем сыновьям», пускается в путь по морю «на трех кораблях», пересекает Русь «за пять дней» — но тем не менее «История» Жеффрея — единственный источник, который не заставляет нас выбирать между Венгрией и Русью. И в этом он, скорее всего, прав.

Вырисовывающийся в итоге маршрут принцев: Швеция — Русь — Венгрия выглядит вполне естественным. Шведский король Олав, не пожелав выполнить просьбу Кнута, в то же время, будучи союзником последнего, не считал возможным укрыть их у себя, а потому отправил далее на Русь — к другому своему союзнику Ярославу (они могли попасть сюда, например, в свите Ингигерд в 1019 г.). Ввиду существовавшего тогда русско-датско-шведского союза понятно, что Ярославу также не хотелось раздражать Кнута, покровительствуя его потенциальным соперникам. Поэтому, очевидно, изгнанники не слишком задержались на Руси и вскоре оказались в Венгрии у Иштвана I. Отсюда,

между прочим, вытекает и *terminus ante quem* (наиболее поздняя возможная дата) для изгнания сыновей Эдмунда Железобоклого. Дело в том, что при шведском короле Анунде-Якобе (с 1022 г.) союз с Кнудом распался, уступив место антидатской коалиции с норвежским королем Олавом Харальдссоном Святым (1014—1028 гг.); ок. 1025 г. дошло уже до прямого военного конфликта (в этой ситуации и Русь оказалась в лагере противников Кнута Великого). Следовательно, шведским королем, о котором говорит Флоренций, мог быть только Олав Шётконунг, правление которого закончилось ок. 1020 г. Изложенная схема событий представляется нам наиболее вероятной, хотя надо помнить, что в самих источниках никаких данных о времени прибытия английских принцев из Руси в Венгрию нет.

4.2. РУСЬ и ГЕРМАНИЯ: ПРОТИВ МЕШКА II и ЗА КАЗИМИРА I

Сын и преемник польского короля (с 1025 г.) Болеслава I Храброго король Мешко II (1025—1034 гг., с перерывом) пытался было поначалу продолжить наступательную политику своего отца; как на западе, против Германии, так и на востоке — против Руси. Это обстоятельство вызвало возобновление русско-немецкого военного союза, начало которому было положено в 1017 г. (см.: гл. 3.3.1). Источников, которые бы прямо сообщали о договоре между киевским князем Ярославом Владимировичем и германским королем (с 1027 г. — императором) Конрадом II (1024—1039 гг.), нет, но разрозненных сведений в немецких памятниках, в сочетании с данными «Повести временных лет», достаточно, чтобы сложить из них содержательную мозаику. Польская историографическая традиция не уделяет Мешку II особого внимания (что психологически понятно — ведь в его правление произошел временный коллапс польской государственности) и в данном случае ее можно в расчет не принимать. Главным из немецких источников по теме является небольшое по объему, но ценное сочинение придворного капеллана³³ Конрада II Випона —

³³ Капеллана того времени не следует представлять себе просто придворным священником. Королевская (или императорская) капелла в персональном отношении совпадала с королевской канцелярией, и из ее состава, как правило, происходили кандидаты на замещение вакантных епископских кафедр. Таким был, например, в середине X в. известный нам миссийный епископ Руси Адальберт (см.: гл. 2.1).

в *«Известии о жизни и о смерти императора Конрада»* (Wiponis Vita Chuonradi imperatoris). Положение автора обеспечило ему хорошую освещенность, хотя по стилю и тону повествования чувствуется, что он был далек от политических проблем. Под 1032 г. Випон пишет:

«Умирая, ... герцог (dux) поляков Болеслав оставил двоих сыновей — Мёшка и Оттона. Мёшко преследовал своего брата Оттона и изгнал его на Русь (Ruzzia). Бедствуя, тот провел там некоторое время, после чего начал искать милости императора Конрада, чтобы с его содействием и помощью перннуть себе власть на родине. Согласившись сделать это, император решил, что сам он с войском двинется с одной стороны, а с другой — брат Мёшка Оттон» (Wip. vita Chuonr. Cap. 29. P. 48).

В результате такого двойного нападения Мешко бежит к чешскому герцогу Олдржиху (1012—1034 гг.). Об изгнании Оттона братом Мешком на Русь Випон сообщает мимоходом еще раз в другом месте, не прибавляя, однако, ничего принципиально нового.

Рассказ Випона страдает определенным схематизмом. В целом верно передавая суть событий, он умалчивает, например, что, помимо младшего Оттона, в борьбе с польским королем участвовал и другой его брат — старший Бесприм, которому-то в итоге Ц удалось на короткое время занять польский престол после бегства Мешка (Оттон же получил в удел, вероятно, Силезию); об этом находим подробные сведения в другом современном немецком источнике — «Хильдесхаймских анналах» (см. илл. 8) (старую гипотезу о тождестве Бесприма и Оттона надо, видимо, отбросить). Зато «Хильдесхаймские анналы» ничего не сообщают о ролях Руси в конфликте, хотя, в отличие от Випона, правильно «то датируют — не 1032, а 1031 годом. Не подлежит сомнению, что мы имеем дело с той же военной кампанией, о которой известно по «Повести временных лет», где в статье именно 1031 г. читаем, что киевский и черниговский князья Ярослав и Мстислав Владимировичи «идоста (форма двойственного числа. — Авт.) на них и заяста грады Червенские опять» (ПВЛ. С. 65): Червенские города были захвачены Болеславом после кампании 1018 г. Представить себе, будто поход на Червенские города в 1031 г. состоялся независимо от одновременного немецкого похода против Мешка, так же невозможно, как и то, что переговоры находившегося на Руси Оттона с Конрадом II шли без ведома Ярослава. Между тем со стороны Руси поход не был первым: в предыдущем ЮЮ г. Ярослав, согласно летописи, уже воевал в этих краях. Стало быть, снова упрощает дело Випон, говоря, что Оттон на Руси «бедствовал»: неполный (локальный) успех кампании 1030 г., на-

до думать, и подвиг Ярослава и Оттона на переговоры с Конрадом — ведь война последнего с Мешком шла уже с 1028 г.

В довольно обширной и разноречивой историографии о внешнеполитической ситуации Польши в правление Мешка II оказывается совершенно упущен еще один источник, возможно, восполняющий недостаток прямых сведений о русско-немецком союзе в начале 1030-х годов, написанной на древненижненемецком (или древнесаксонском) языке. Речь идет о «Саксонской всемирной хронике» XIII в., которая содержит уникальный генеалогический экскурс о маркграфах Саксонской северной марки³⁴ X-первой половины XI в.: «Бенно родил Дитриха, герцога и маркграфа, который был отцом Бернхарда; этот родил маркграфа Бернхарда, который родил маркграфа Вильгельма и ... некоего Оттона, мать которого была из Руси (van Rûzen)» (Sachs. Weltchr. Cap. 237. P. 199). Поскольку Дитрих, упомянутый в этом родословии, был отцом Оды, второй жены польского князя Мешка I отца Болеслава I, то относительно Оттона и его «матери из Руси» была высказана единственная догадка: русский брак маркграфа Бернхарда объясняется планами киевского князя Владимира Святославича поддержать Оду и ее сыновей, изгнанных Болеславом в Германию после смерти Мешка I в 992 г.; в этой связи напоминали и о «большой войне с Русью», которая угрожала Болеславу в 992 г., согласно «Хильдесхаймским анналам» (Ann. Hild., а. 992, P. 25). Однако такая внешне логичная интерпретация невозможна хронологически. Во-первых, приходится объединять двух названных в «Саксонской всемирной хронике» Бернхардов в одного, ставшего маркграфом на старости лет в 1009 г, и тем не менее прожившего еще до 1044 г. (эти даты хорошо известны по другим источникам). Во-вторых, Оттон известен и по «Анналам» Ламперта Херсфельдского (см. о них подробнее в гл. 5.1), где он упоминается под 1057 г., когда возглавил возмущение против малолетнего германского короля Генриха IV и сам выступил претендентом на престол. Оттон представлен в этом рассказе безрассудным юношей, а не шестидесятилетним стариком, каким он должен был бы быть, если бы его мать вышла замуж ок. 992 г. Итак, если полагаться на сведения «Саксонской всемирной хроники», то второй, русский, брак маркгра-

³⁴ Саксонская северная марка в пору расцвета (до восстания полабских славян 983 г.) занимала территорию к востоку от Эльбы в целом севернее Мардбурга.

И Бернхарда-младшего надо отнести к 1030-м годам. Но тогда возможно только одно оправдание такому матримониальному пишу: русско-немецкий договор о совместных действиях против Мешка II в 1031 г. В данной ситуации фигура маркграфа Саксонской северной марки как нельзя лучше подходила для брака с русской княжной по той причине, что одним из претендентов на удел в Польше (помимо Бесприма и Оттона, родных братьев Мешка II) был также Дитрих, внук изгнанной в 992 г. Оды и племянник Бернхарда; после победы над Мешком Дитрих получил Западное Поморье. Супругой Бернхарда могла стать либо Ярославна, либо дочь Владимира от второго брака, который не свидетелствован Титмаром Мерзебургским (см.: гл. 3.3.2).

В 1032 г. Мешку удалось вернуться на престол, хотя и ценой территориальных уступок Империи и отказа от королевского титула. Но в Польше зрела смута, которая со всей силой разразилась после насильственной смерти Мешка II в 1034 г. Конкретный ход событий ближайших последующих лет сплошь и рядом неясен, но несомненно, что Древнепольское государство переживает практически полный распад, утратив на севере Поморье, на западе — полабские марки, на юго-западе — Силезию, на востоке — Мазовию. В стране царил политический хаос, усугубленный повсеместными народными волнениями. В таком положении застал Польшу вернувшийся на родину из Венгрии Казимир I (1038–1058 гг.), сын Мешка II. Восстановление порядка было невозможно без мира с сильными соседями. Борьба с Германией и Русью сменяется союзом с ними же — обычная для политики того времени метаморфоза. Нас интересует, понятно, роль Руси в укреплении Казимира. Заручившись отказом польского князя от претензий на Червенские города, Ярослав Владимирович был готов помочь ему в восстановлении контроля над Мазовией.

Па эту тему, помимо древнерусских, есть сведения в немецких и польских источниках. Аноним Галл в данном случае, против своего обыкновения, немногословен, сообщая только о том, что Казимир «взял себе знатную (nobilis) супругу из Руси (Rusia), с большим приданым» (Gall. I, 19. P. 44); ни о дате брака, ни об имени и происхождении этой русской жены Казимира, ни о помощи со стороны Руси сведений у Галла нет. Винцентий Кадлубек же, черпая из «Хроники» Галла, уснащает ее подробностями, прославляющими подвиги Казимира, но не имеющими ничего общего с действительностью. По Кадлубку выходит, что Русь не только не помогала Казимиру, а даже выступила против

него, поддержав **мазовецкого** князя в союзе с какими-то **фан** стическими «даками» и «гетами». Зато польские «Анналы (ил по-польски — рочник) Краковского капитула» называют имя руской княжны — Добронега, отмечая ее смерть под 1087 г. (**Ann Crac.** Р. 51). В «Повести временных лет» известие о браке **Каз** мира помещено в статье 1043 г.: «В си же лето вдасть Яросла сестру свою за Казимира», — польский же князь в знак мира и **с** юза вернул захваченных еще в 1018 г. пленных: «... и вдасть **К** зимир за вено (выкуп за невесту. — *Авт.*) людии 8 сот, яже (к^с торых. — *Авт.*) бе полонил Болеслав, победив Ярослава» (**ПВЛ** С. 67). Если добавить к этому летописные сообщения о походе Ярослава в помощь Казимиру на мазовшан под 1041, **104** и 1047 гг., то картина получится существенно более полной. Но и здесь остается открытым вопрос о времени заключения русско-польского союза, так как летописная статья 1043 г. **нос** хронологически «сборный» характер, объединяя события личных годов. И тут на помощь приходит немецкий **источник**, к которому нам уже приходилось и еще не раз придется **обращать** ся — так называемый «Саксонский анналист» («*Annalista Saxo*»). в русскоязычной историографии иногда фигурирующий под **не** точным наименованием «Анналист Саксон».

«Саксонский анналист» — название условное, так как своего имени сам автор этой громадной анналистической **компиля** ции, доведенной до 1139 г., нигде не сообщает. В настоящее **вре** мя общее признание получила гипотеза, согласно которой это сочинение приписывается Арнольду, аббату монастыря в **Нинбур** ге (ум. в 1166 г.), перу которого принадлежали, вероятно, же «Деяния магдебургских архиепископов» (см.: гл. 2.1). **сонский анналист**» объединил в своем составе выписки (**част** буквальные) из чрезвычайно большого количества источников. Так, мы найдем у него уже знакомые нам сообщения о Руси и **и** Лиудпранда Кремонского (см.: гл. 1.2) и «Продолжения **Регино** на» (гл. 2.1), Титмара Мерзебургского (гл. 3.2), Адама **Бременско** го (его географических пассажей: см.: Введение, 2.5) и др. Но **ку** да важнее, что «Саксонский анналист» использовал **источники** до нас не дошедшие; особенно показателен его интерес к **генеа** **логии** саксонской знати, благодаря которому мы узнаем, в **част** ности, о женитьбе изгнанника Ярополка Изяславича на немк^к Кунигунде (см.: гл. 5.1).

К таким уникальным известиям «Саксонского анналиста» **от** носится и его сообщение под 1039 г.: «В это время Казимир, **сын**

поляцкого герцога (dux) Мешка, вернувшись на родину, был принят поляками, а в жены взял себе дочь короля Руси (dux ruscie), от которой имел двух сыновей — Владислава и Болеслава» (Ann. Saxo, a. 1039. P. 683). Здесь дана вводящая в заблуждение дата вокняжения Казимира, которую, с учетом известной даты рождения Болеслава (будущего короля Болеслава II), первого сына Казимира и Добронеги, следовало бы уточнить — 1038/39 г.

Отсюда, как это нередко бывает, неожиданно следуют выводы, важные для истории древнерусского летописания: объясняется ошибочная датировка «Повести временных лет» — 1043 г. Дело в том, что сведения, связанные с войной 1018 г. и судьбой захваченных тогда русских пленников, были почерпнуты «Повестью» из не сохранившегося в самостоятельном виде «Жития преп. Антония Печерского» — в последнем было много подробностей на этот счет, так как один из героев «Жития» киево-печерский монах преп. Моисей Угрин, был близок к княжне Передславе Владимировне (см. о ней в гл. 3.3.2) и сам оказался в числе пленников. Но относительная хронология «Жития» опережает реальную на пять лет, вследствие того что в указании на число лет, проведенных Моисеем в плену, «6-е лето» было ошибочно прочтено как «6 лет» (вот почему смерть Болеслава Храброго в летописи отнесена к 1030 г. вместо правильного **1025**). Если так, то датировка брака Владимировны с Казимиром I в «Повести временных лет» фактически верна: 1043 — 5 = 1038. Не исключаем, что и сообщение «Повести» о походе Ярослава к **Берестю** под 1022 г., подозрительно дублирующее известное нам сообщение Новгородской I летописи под 1017 г., имеет то же происхождение.

Тогда и первый поход Ярослава на мазовшан «в лодиях» в 1041 г. оказывается на своем месте — среди следствий русско-поляцкого договора 1038/39 г., так же как и поход на ятвягов зимой 1038—1039 гг. (ятвяги и пруссы были союзниками мазовского князя Моислава), о котором известно опять-таки из летописных источников. Более того, находит себе логичное объяснение и русское посольство в Германию, о котором под 1040 г. пишет все тот же «Саксонский анналист»: «Король в день св. Андреи (30 ноября. — *Авт.*) держал совет в **Альштедте** (одна из королевских резиденций в Тюрингии. — *Авт.*), где принял и понов из Руси (**Ruzorum**) с дарами» (Ann. Saxo, a. 1040. P. 684). Как точно, можно было бы думать, что посольство прибыло просто с поздравлениями новому королю — ведь принимал его сын Болеслава II Генрих III (1039-1056 гг., император с 1046 г.). Но, во-первых, для этой цели оно запоздало более чем на год. Во-вторых, хочется думать, что автор источника, которым в данном случае пользовался «Саксонский анналист», проявив неординарную заинтересованность в Руси и отметив два «русских сюжета» подряд, имел для того конкретную причину. И эту причину ло-

гично видеть в русско-немецком сотрудничестве в деле укрепления Казимира I. Ведь Казимир, матерью которого была Рихеза сестра императора Оттона III, вернулся в Польшу не только по договоренности с Империей, но и при ее военной поддержке: Аноним Галл говорит о пятистах копьях (много это или мало? вспомним саксонский отряд в триста воинов в польском войске в 1018 г.; см.: гл. 3.3.2).

Вскоре после 1038/39 г. союз Ярослава Мудрого и Казимира Восстановителя был дополнительно подкреплён ещё одним браком — Изяслава Ярославича, одного из старших сыновей киевского князя, и Гертруды, сестры Казимира. О нем мы, впрочем, знаем только по древнерусским источникам, но о самой Гертруде речь еще впереди, в связи с драматичной судьбой ее мужа и сына Ярополка (см.: гл. 5.1).

4.3. ЕЛИЗАВЕТА, АНАСТАСИЯ, АННА: БРАЧНАЯ ПОЛИТИКА ЯРОСЛАВА В 1040-Х ГОДАХ

Вот что читаем в «Хронике» уже хорошо знакомого нам Адама Бременского в примечании (схолии) к повествованию о норвежском короле Харальде Суровом Правителе (1046—1066 гг.) (см. о нем в части V, гл. 5.1):

«Вернувшись из Греции, Харальд взял в жены дочь короля Руси (re: Ruziae) Ярослава; другая досталась венгерскому королю Андрею, от которой родился Соломон (король Шаламон, 1063—1074 гг. — *Авт.*); третью французский король Генрих, она родила ему Филиппа (короля Филиппа) 1060-1108 гг. — *Авт.*)» (Adam Brem. III, 13, schol. 62. P. 340).

Каждый из этих трех браков имел, разумеется, и (или даже прежде всего) политическую сторону. Попытаемся восстановить ее, насколько то позволяют западноевропейские источники. За мужество Елизаветы Ярославны, состоявшееся, очевидно, ок. 1042-1044 гг., когда Харальд незадолго до своего приглашения на норвежский престол пребывал на Руси, освещено преимущественно памятниками скандинавского происхождения. Нас ждёт больше занимать судьба ее сестер.

4.3.1. 1042г.: КРИЗИС РУССКО-НЕМЕЦКОГО СОЮЗА

Постоянно возобновлявшийся союз Ярослава Владимировича с Германией, начавшийся при Генрихе II, успешно продолжая

... при Конраде II и, казалось, подхваченный Генрихом III, ... мог продолжаться бесконечно. По политическим меркам он и так проявил себя исключительно долговечным. Кризис наступил в конце 1042 г., а знаем мы о нем благодаря Ламперту Херфордскому (об этом анналисте подробнее см. в гл. 5.1). Вот что читаем в его «Анналах» под 1043 г.:

«Король отпраздновал Воплощение Господне (т.е. Рождество. — *Авт.*) в Госларе (одна из тюрингенских резиденций германских королей. — *Авт.*) ... Там среди послов из многих стран [были] и послы Руси (**Ruscorum**), отбывшие в печали, ибо получили ясный отказ по поводу дочери своего короля (**rex**), которую надеялись сосватать за короля Генриха» (Lamp., a. 1043. P. 44).

... пом посольстве сообщают под тем же 1043 г. и «Альтайхс- ... анналы» (см. илл. 8), в которых, однако, нет ни слова о его ... чих:

«Король провел Рождество Господне в Госларе... Послы Руси (**Ruzorum**) также (до этого шла речь о пребывании в Госларе чешского князя Брже-тислава I. — *Авт.*) привезли большие дары, но **в** обратный путь двинулись с еще большими» (Ann. Altah., a. 1043. P. 32).

Датировки посольства в обоих источниках следует относить и 1042 г., так как по распространенному в средневековье календарному обычаю Рождество считалось уже началом следующего года (ср. датировки в «Продолжении Регинона»: гл. 2.1). Генрих умер в 1038 г., когда умерла его первая супруга, дочь датского и английского короля Кнута Великого. Поэтому вполне вероятно, что брачные цели (среди прочих) преследовало уже русское посольство 1040 г., обсужденное нами выше (гл. 4.2). Но надо иметь в виду и другую возможность: на 1043 г. приходится крупное военное столкновение Руси с Византией — последний поход русского флота на Константинополь, своего рода эхо походов X в. и ушедшей в прошлое «былинно-героической» эпохи древнерусской истории. О причинах и целях антивизантийского выступления 1043 г. историки судят разнo, и их споры не место обсуждать здесь (см.: часть II, гл. 4.4). В любом случае поход вряд ли был спонтанной акцией, а значит — должен был иметь политическую подготовку. В рамках такой подготовки укрепление союза с Западной империей, традиционно имевшей в руках мощный рычаг военно-политического давления на Византию — угрозу византийским владениям в Южной Италии, выглядело бы логичным. Так или иначе, но Генрих III, больше озабоченный делами на западе, в Бургундии, Ярославне предпочел французенку Агнесу из Пуатье. Очевидно, Ярослав воспринял отказ как оскорбление. Его ответный политический удар был нанесен в Венгрии.

4.3.2. АНДРЕЙ I и АНАСТАСИЯ (?) ЯРОСЛАВНА: ПОВОРОТ В ВЕНГЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЯРОСЛАВА Мудрого

Данные венгерских источников о женитьбе венгерского короля Андрея (по-венгерски — Эндре) I (1046-1060 гг.) на русской княжне служат, в сущности, первым по-настоящему оглашенным и достоверным свидетельством о русско-венгерских политических отношениях; все более ранние известия — о русско-венгерском браке герцога Ласло (венгерская форма имени Владислав) Ласло, двоюродного брата короля Иштвана (Стефана) I, или о «русском герцогстве» Имре (Генриха), сына Иштвана, и др. — либо смутны, либо сомнительны.

Венгерская средневековая историографическая традиция в значительной своей части по структуре напоминает древнерусскую: ранние памятники (XI–XII вв.) в самостоятельном виде не сохранились, а как бы «вложены» каждый раз во все более поздние своды (выражаясь терминологией русского летописания) — дойдя до нашего времени в составе большой компиляции XIV в. — так называемого «*Венгерского хроникального свода*» XIV в. («*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*»), иногда именываемого «*Иллюстрированной*» или «*Венской хроникой*» («*Chronicon pictum Vindobonense*») по одному из своих изводов. Несклько сочинений стоят особняком, например «*Деяния венгров Шимона Кезаи*» (т.е. «из Кезы») (*Simonis de Keza Gesta Hungarorum*) (70-е годы XIII в.) и более ранние «*Деяния венгров Анонима*» — вероятно, нотариия (члена королевской канцелярии, секретаря) короля Бела III (1173—1196 гг.) («*Anonymi Gesta Hungarorum*»), в которых много места занимает избыточный табулистическими или анахронистическими подробностями рассказ о судьбе венгров до их переселения на Дунай (есть в нем и «сведения» о Руси, нами здесь опускаемые); однако применительно к более позднему периоду источник содержит и вполне достоверную информацию.

О русском браке Андрея I знают не все названные источники (например, о нем молчит Шимон Кезаи), к тому же ни один из них, в отличие от Адама Бременского, не называет имени отца княжны. Но зато и Шимон Кезаи, и свод XIV в. рисуют политическую предысторию этого союза. Племянники короля Иштвана братья Андрей, Бела и Левенте были изгнаны дядей из страны: Бела (будущий король Бела I) остался в Польше, женившись на сестре польского князя Казимира I, а Андрей и Левенте

привились дальше «на Русь (Ruthenia). Но так как там они не были приняты князем Владимира (Волынского. — *Авт.*) (dux Lodomeriae) из-за короля Петера (в своде XIV в. слов о короле Петере нет. — *Авт.*), то после этого двинулись в землю половчан (Comani)»; оттуда «через некоторое время», как добавлено в своде XIV в., они снова «вернулись на Русь (Ruscia)» (Sim. Kez. I. 177; Chron. Hung. saec. XIV. Cap. 80. P. 336). Судя по этому паузу, появление венгерских изгнанников на Волини (где в то время наместничал, вероятно, кто-то из Ярославичей — либо Изяслав, либо Святослав) приходится уже на период правления * Венгрии короля Петера (1038—1041, 1044—1046 гг.), ориентиром которого на Германию и пользовавшегося ее поддержкой. И по этому отказ, полученный Андреем и Левенте на Руси, вполне понятен ввиду того, что мы знаем о дружественности русско-немецких отношений ок. 1040 г. (см.: гл. 4.2; 4.3.1).

Но вскоре положение резко изменилось. Лояльная по отношению к Петеру политика Ярослава Владимировича сменяется поддержкой его соперника — мятежного антикороля Абы Шамуэля (Самуила) (1041—1044 гг.), также одного из племянников покойного Иштвана I. Думать так позволяет сообщение немецкой «*Регенсбургской хроники императоров*» («Kaiserchronik» или «Regensburger Geistlichen»), написанной между 1136 и 1147 гг. на древневерхненемецком языке анонимным регенсбургским монахом-стихотворцем. Его рассказ, в целом опирающийся на известные источники, в части, касающейся Шамуэля, совершенно оригинален и содержит уникальные сведения. Согласно «Хронике императоров», разбитый Петером в 1044 г. немецкой помощью Шамуэль «быстро собрался, // Взяв детей и жену, // Он бежал на Русь (ze den Riuzen)» (Regensb. Kaiserchr., vers. 16438—16440. P. 378). Судя по другим источникам, бегство не удалось, но важен сам факт. Как бы ни относиться к этой информации, дальнейшее развитие событий не подлежит сомнению: после поражения Шамуэля Русь поддержала и другого соперника Петера — Андрея. Венгерская знать «отправила торжественных послов на Русь (Ruscia) к Андрею и Левенте»; чтобы вручить им престол (Chron. Hung. saec. XIV. Cap. 81. P. 337), на котором в 1046 г. и водворяется Андрей, вызвав против себя неоднократные, но безуспешные походы германского императора Генриха III. Видимо, в 1046 г. или чуть ранее, когда обострился политический интерес Ярослава к фигуре Андрея, и состоялся брак.

Имени русской жены короля Андрея венгерские источники сохранили, но в польской хронике XV в. Яна Длугоша она именуется Анастасией (причем имя добавлено рукой самого хроста). В современной исторической литературе ее часто называют небывалым именем «Агмунда», но это — недоразумение, идущее от поздней венгерской хроники XV в. *Антонио Бонфини* (Antonius de Bonfinis), который не понял здесь свой источник — «Венгерскую хронику» *Яноша Туроци* (Ioannis de Thurocz Chronica Hungarorum)³⁵: название монастыря Адмонт (Agmund) в Штирии, в котором, по Туроци, Ярославна провела конец жизни, *Антонио Бонфини* принял за имя королевы (Thur. II, 54, 56; Ant. Bonfi II, 2, 227; II, 4, 36. P. 45, 75). Однако сама личность Анастасии (?) (сохраняя благоразумный скептицизм, не станем все-таки совершенно полагаться на довольно позднего автора) Ярославны лучше запечатлелась в венгерской традиции; ср., например, нелишний некоторого лиризма пассаж из «Деяний венгров *Анонима*»: Андрей часто проводил время в замке Комаром «по двум причинам: во-первых, он был удобен для королевской охоты, во-вторых, в тех местах любила жить его жена, потому что они были ближе к [ее] родине — а она была дочерью русского князя (du: Ruthenorum) и боялась, что германский император явится отом за кровь [короля] Петера» (Anon. Gesta Hung. P. 55—56). Оставляя на совести «Анонима» его слабость в географии (Комаром ходился на Дунае, близ устья реки Ваг, т.е. заметно ближе к немецкой границе, чем к русской), отметим игру судьбы: когда к концу правления Андрея политические декорации успели претерпеть еще одну радикальную смену и Андрей был свергнут братом Бейлой I (1060-1063 гг.), Анастасия с сыном Шаламоном, женатым на сестре германского короля Генриха IV (1056-1106 гг.), нашла убежище именно в Германии. А весь период правления Шаламона (1063-1074 гг., умер ок. 1087 г.) тому приходилось отстаивать трон в борьбе против сыновей Белы — Гезы и Ласло, искавших поддержки в том числе и на Руси (они были племянниками Гертруды, жены киевского князя Изяслава Ярославича). Анастасия же, по преданию, скончала свои дни в немецком монастыре Адмонт, неподалеку от венгерско-немецкой границы.

³⁵ Монументальные сводные хронографические труды XV в. Яноша Туроци (ок. 1435-1488/89 гг.) в Венгрии и Яна Длугоша (1415-1480 гг.) в Польше занимают примерно одно и то же место в национальных историографиях своих стран, подытоживая средневековый период и одновременно открывая историописание раннего нового времени.

4.3.3. ГЕНРИХ I и АННА ЯРОСЛАВНА

Второй брак французского короля Генриха I (1031-1060 гг.) с киевской княжне — собственно говоря, единственный связанный с далекой Русью сюжет, занимающий заметное место во французских средневековых текстах. Все остальное — будь то путанные сведения о Бруно Кверфуртском у печенегов в сочинении Адемар Шабаннского (см.: гл. 2.3) или сообщение *Альбрика* из *Гриффонтэн* (Albricus monachus Trium fontium) о походе галицкого польного князя Романа Мстиславича в Центральную Европу в 1205 г. (Albr. P. 885) — не более чем эпизоды. Общие упоминания о Руси во французском рыцарском эпосе нередки, но как исторический источник они не имеют большого значения.

Нет смысла пытаться представить всю совокупность чрезвычайно многочисленных и чаще всего лапидарных известий французских хроник и анналов о женитьбе Генриха на Анне. Иные из них любопытны разве что удивительной далекостью от сути дела или курьезными искажениями непривычных имен: Ярослав в них «переодет» в древнего римлянина Юлия Клодия (Julius Clodius) (или хуже того — в какого-нибудь Bullesclot), а «Anna Russa», «Анна Русская» превращается в «Anna Rufa» — «Анну Рыжую». Но и наиболее осведомленные не слишком многословны и молчат о причинах такого, что ни говори, довольно экзотического брака.

Сведений о французских брачных посольствах на Русь достаточно для того, чтобы сложилось впечатление, что их было даже два. Писавший в 1108—1109 гг. монах из монастыря св. Петра в Сансе (к юго-востоку от Парижа) *Кларий* в своей «Хронике» (*Clarii Chronicon sancti Petri Vivi Senonensis*) сообщает:

«В то время (речь идет о событиях ок. 1050 г. — *Авт.*) король Генрих послал Готье, епископа Мо (к северо-востоку от Парижа. — *Авт.*), и Гослена из Шони (на реке Уазе к северу от Суасона; в литературе Гослен часто по недоразумению именуется «Гослен де Шалиньяк». — *Авт.*) с другими к некоему королю в греческих краях (*quidam rex in finibus Greciae*) (вспомним «Грецию» — *Русь* Адама Бременского: Введение, 2.5. — *Авт.*), чтобы тот дал ему в жены свою дочь. Назад во Францию тот отправил их с большими дарами и с дочерью» (Clar. P. 506).

Своеобразный и весьма колоритный «отчет» одного из участников поездки в Киев сохранился в качестве глоссы на полях «*Псалтири Одальрика*» (Psautier d'Odalric), одного из клириков Реймской церкви (отсюда ее обычное название — «*Реймская*»³⁶

³⁶ Реймс — старинный город к востоку от Парижа: реймский архиепископ считался первым (примасом) во французской церкви.

гlossa»). Полного перевода этого замечательного источника НН русский язык, насколько нам известно, пока нет, поэтому при водим его здесь целиком:

«В лето по воплощении Слова (т.е. от Рождества Христова. — *Авт.*) 1049-е, когда Генрих, король французский, послал в Рабастию (*Rabastia*)³⁷ шалонского епископа Роже (Шалон-на-Марне в Шампани. — *Авт.*) за дочерью короля той страны, по имени Анна, на которой он должен был жениться, настоятель Одальрик просил того епископа, не соизволит ли тот узнать, в тех ли краях находится Херсонес, в котором, как пишут, находится святой Климент, и до сих пор ли отступает море в день его рождения и [к мощам] можно пройти пешком? Епископ исполнил это. От короля той страны Оресклава (*Oresclavus*) он узнал, что папа Юлий прибыл [некогда] в ту область, где покоился святой Климент, для борьбы с ересью, которая процветала в тех краях. Когда, сделав дело, папа из тех краев отправился было назад, явился ему ангел Господень и сказал: "Не уходи, ибо от Господа поведено тебе вернуться и перенести тело святого Климента, которое до сих пор лежит в море". Юлий [отвечал] ему: "Как я сделаю это, если море отступает только в день его рождения?" Ангел сказал ему: "знаком того, что Господь приказал тебе вернуться, и будет отступившее перед тобой море". Папа отправился туда и перенес тело святого Климента, положил его на берег и построил там церковь; затем, взяв от тела [часть] мощей, увез с собой в Рим. И случилось так, что в тот же день, в какой римский народ встречал с высочайшими почестями принесенные им мощи, могила, оставленная в море, поднялась вместе с дном над водами и сделался остров, на котором жители той земли построили церковь и монастырь. С тех пор к той церкви плавают на кораблях. Названный король Георгий Скав (*Georgius Scavus*)³⁸ рассказывал также шалонскому епископу, что в свое время он побывал [там] и привез оттуда с собой главы святых Климента и Фива, ученика его, и положил их в городе Киве (*Chion* — видимо, неправильно прочтенное *Chiou* оригинала. — *Авт.*), где они чтимы и поклоняемы. И даже показывал эти главы упомянутому епископу» (*Glossa Rem.* Р. 23).

Ясно, что значение этого текста выходит далеко за рамки узкой темы брака Генриха и Анны. О мощах св. Климента Римского, хранившихся в еве, в церкви Богородицы Десятиной, речь уже шла (см.: гл. 3.3.2). По Ипатьевской летописи мы знаем также, что то, действительно, была именно глава святого (используя эту святыню, рукополагали в 1147 г. киевского митрополита Климента Смолятича) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341). Но есть в рассказе Роже Шалонского и вещи удивительные. Пожалуй, он мог напутать и приписать Ярославу перенесение мощей св. Климента и Фива в Киев, тогда как фактически они были перенесены отцом Ярослава Владимиром Святым после своего крещения. Смущает другое: выясняется, что киевский князь незнаком с известным рассказом «Жития св. Константина-Кирилла», одного из славянских первоучителей, о том, что мощи св. Кли-

³⁷ Очевидно, искаженное «Russia» или т. п.; сохранившаяся запись датируется ХII в. и не является оригиналом.

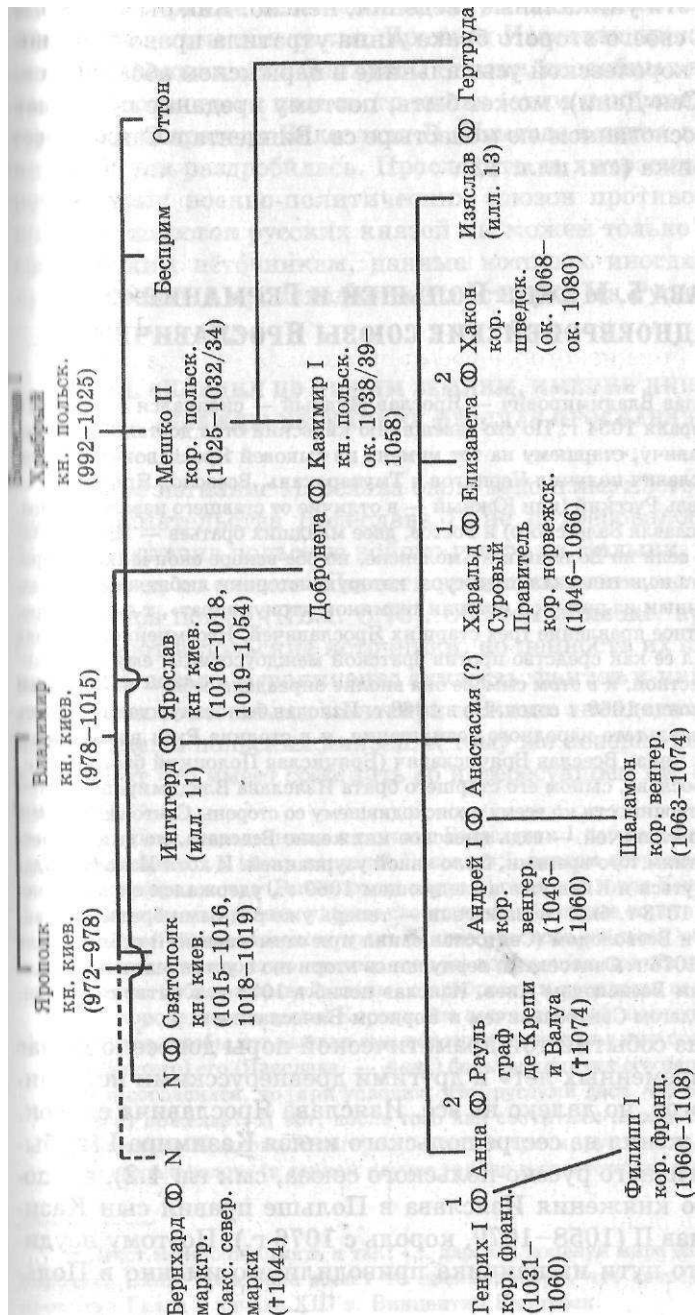
³⁸ Быть может, искаженное *Georgius Sclavus* т.е. «Славянин» — соблазнительная для иностранца этимология непонятого *Ярослав*: ведь христианским именем Ярослава Мудрого было именно *Георгий*.

Мита Римского были обреты в Херсонесе ок. 860 г. именно св. Константином, а вместо того излагает французскому послу совершенно апокрифическую историю о папе Юлии (337—352 гг.)! С мыслью, что в Киеве середины XI в. было неизвестно «Житие св. Константина-Кирилла», созданное и IX в. и принадлежащее к основным памятникам церковнославянской литературы, примириться очень трудно — но как иначе объяснить рассказ епископа Роже? Следует отметить, что убеждение в какой-то связи между почитаемым римским святым Климентом и Русью было довольно широко распространено в средневековой Западной Европе. Так, автор уже знакомой нам • Саксонской всемирной хроники» (см.: гл. 4.2), говоря о ссылке св. Климента, а затем и другого папы — Мартина I (649—653 гг.) в Херсонес, регулярно «исправляет» свой источник, заменяя «Херсонес» на «Русь» (to Rûzen). Кик видим, состав посольства Генриха на Русь по Кларию и по Реймской глоссе» не совпадает. Думается, однако, что делать в этом основании вывод о двух посольствах было бы поспешным. I, Автора «Реймской глоссы» интересовали, собственно, только мощи св. Климента, поэтому из всего посольства он мог упомянуть только человека, принесшего в Реймс сведения о них, — епископа соседнего Шалона. Кларий же вовсе не перечисляет всех участников посольства, что видно и из его замечания о «других», оставшихся неназванными. Таким образом, в обоих источниках речь идет, вполне возможно, об одном и том же посольстве. Другой вопрос — насколько можно положиться на дату посольства, сообщаемую глоссой: 1049 г.? Она хорошо согласуется с данными «Жития св. Литберта», епископа Камбрэ (на севере Франции) [«Vita sancti Lietberti Cameracensis»], источника вполне достоверного, о том, что бракосочетание Генриха I и Анны в Реймсе и рукоположение там же епископа Литберта происходили одновременно, т.е. в 1051 г. (вероятно, на Пасху или на Троицу, т.е. I марта или 19 мая); «Французским королевством правил [тогда] Генрих, муж сильный в битвах и достойный королевства, которым владел. До тех пор он еще не был женат (ошибка. — Авт.), и французская знать готовила ему [в жены] дочь короля Руси (rex Rusciorum)», — как пишет автор «Жития» монах из Камбрэ Рудольф, близко знавший Литберта (Vita s. Lietb. Cap. 11, 19. P. 60 1, 593). Вместе с тем есть также источники, противоречащие этой дате. Не так просто отвести данные грамоты ланского епископа Элинанна (Laon — город и епископство на севере Франции, к северо-западу от Реймса) от 3 декабря 1059 г., подписанной самим Генрихом I и датированной 29-м годом правления Генриха I 10-м годом жизни престолонаследника Филиппа. Отсюда следует, что Филипп должен был родиться до 3 декабря 1050 г., а брак с матерью — состояться не позднее февраля того же года, т.е.

наверняка в предыдущем 1049 г. Но тогда французское посольство на Русь не могло отправиться позднее 1048 г. Согласно этим противоречивым показаниям источников историкам пока удалось, и вопрос (хотя и частный) остается открытым.

Как и ее сестра Анастасия, Анна, кажется, отличалась **набожностью** (черта семейного воспитания?). Она основала аббатство св. Винцента (Викентия) в Санли (Senlis) под Парижем, а *папий Николай II* (1058—1061 гг.) в *послании к Анне* хвалил ее за **благочестие** и ревность к делам церкви (Ep. Nic. II Ann. P. 653–654). Но либо папа лукавил, либо судьба оказалась сильнее **воспитания**, готовя в жизни Анны драматический поворот. После **смерти** Генриха I она некоторое время принимала участие в делах государственного управления при малолетнем сыне короле **Филиппе I** (хотя не в качестве официальной регентши, как иногда **верждается**, — регентом был фландрский граф **Бодуэн**, **женатый** на сестре Генриха I), и ее имя, вместе с именем ее сына, **стало** ит под многими королевскими грамотами 1060-х годов, **причем** однажды даже кириллическими буквами. И вдруг Франция **скандализована** вестью о вторичном замужестве королевы — и за кого же? За могущественного графа Рауля де Крепи и Валуа, некогда возглавлявшего феодальную оппозицию против Генриха I. В *послании реймского архиепископа Гервасия* (по-французски — **Жерва**) *к папе Александру II* (1061–1073 гг.) читаем сетования первоиерарха французской церкви: «В королевстве нашем — немалая смута: наша королева вышла замуж за графа **Рудольфа**, что чрезвычайно огорчает нашего короля и более, **чем** стоило бы, беспокоит его опекунов» (в последних словах Гервасия как будто сквозит некоторое пренебрежение к **королеве**) (Ep. Gerv. P. 499). Но граф уже женат. Он расстается с первой женой, та пишет жалобы папе, папа объявляет новый союз **граф** незаконным, а затем и вовсе отлучает его от церкви. Но **Анна** снова появляется при королевском дворе только в 1074 г., **то есть** уже после смерти графа Рауля. Это позволяет думать, что ни «**общественное мнение**», ни даже папская анафема не произвели **ни** романтическую пару должного впечатления. Имя Анны пропадает из документов в 1075 г. Один из источников — сохранившиеся фрагменты «*Хроники монастыря Флери*» (отличавшегося интенсивностью историописания) (начало XII в.) («Chronici Floriacensis fragmenta») — сообщает: «После смерти короля **королева** Анна вышла замуж за графа Радульфа. Когда он умер, **она** вернулась на родину» (Fragm. Flor. P. 161). Можно ли вполне по

лагаться на эти уникальные сведения, неясно. Как бы то ни было, но из-за своего второго брака Анна утратила право быть погребенной в королевской усыпальнице в парижском аббатстве св. Дионисия (Сен-Дени); может быть, поэтому предание помещает ее могилу в основанном ею монастыре св. Винцента в Санли, к северу от Парижа (см. илл. 12).

ГЛАВА 5. МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СОЮЗЫ ЯРОСЛАВИЧЕЙ

Ярослав Владимирович — Ярослав Мудрый — скончался в ночь с 19 на 20 февраля 1054 г. По его завещанию киевский стол достался **Изяславу** Ярославичу, старшему на тот момент из сыновей Ярославовых, **Свято**слав Ярославич получил Чернигов и Тмутаракань, Всеволод Ярославич — Переяславль Русский (или Южный — в отличие от ставшего известным позже Переяславля Залесского) и Ростов, двое младших братьев — Игорь и Вячеслав — сели на Волыни и в Смоленске, но оба вскоре скончались. Образовалась та политическая структура, которую историки любят называть заимствованным из римской истории термином «триумvirат», т.е. своего рода совместное правление трех старших Ярославичей. Несомненно, **Ярослав** задумывал ее как средство против братской междоусобицы, ему столь хорошо известной, и в этом смысле она вполне оправдала себя — по меньшей мере, до конца 1060-х годов. Но в 1068 г. **Изяслав** был вынужден покинуть Киев в результате народного возмущения, и в столице Руси **вокняжились** полоцкий князь Всеслав Брячиславич (**Брячислав** Полоцкий был племянником **Ярослава**, сыном его старшего брата **Изяслава Владимировича**) при странной терпимости ко всему происходившему со стороны **Святослава** и **Всеволода** Ярославичей — ведь киевское княжение **Всеслава**, по династическим понятиям того времени, было явной узурпацией. И хотя **Изяславу** удалось вернуться в Киев уже в следующем 1069 г., удержался он в нем недолго и в 1073 г. был снова изгнан — теперь уже родными братьями **Святославом** и **Всеволодом** (**Святослав** занял при этом киевский стол). После смерти в 1076 г. **Святослава**, вернувшись вторично в уступленный ему **миролюбивым** Всеволодом Киев, **Изяслав** погиб в 1078 г. в битве с племенниками **Олегом Святославичем** и **Борисом Вячеславичем**.

Многое из событий той драматической поры донесено до нас в «Повести временных лет» и другими древнерусскими источниками — многое, но далеко не все. **Изяслава** **Ярославича** еще ок. 1040 г. отец женил на сестре польского князя **Казимира I** (то было время активного русско-польского союза, см.: гл. 4.2), а в пору киевского княжения **Изяслава** в Польше правил сын **Казимира** **Болеслав II** (1058—1079, король с 1076 г.). Поэтому неудивительно, что пути изгнанника приводили его именно в Поль-

и что прежде всего на Польшу были ориентированы его **внешние** (неполитические) связи. Братьям Изяслава приходилось искать себе союзников в Западной Европе, способных нейтрализовать **военств** польского князя (этим напоминавшего своего дедушку и прадеда Болеслава I). Некогда единая внешняя политика Руси раздробилась. Проследить за хитросплетением **перемежающихся** военно-политических союзов противоборствовавших группировок русских князей мы можем только по **западноевропейским** источникам, данные которых иногда позволяют лучше понять и происходившее собственно на Руси.

5.1. «БЛУДИЛ ПО ЧУЖИМ ЗЕМЛЯМ, ИМЕНА ЛИШЕН»: ДВАЖДЫ ИЗГНАННИК ИЗЯСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ

Первое изгнание Изяслава было недолгим; настоящего военного вмешательства Болеслава II не потребовалось, и 2 мая 1069 г., оставив польское войско где-то на Волыни, Изяслав вошел в Киев, по словам «Повести временных лет», «с Болеславом, мало ляхов поим» (ПВЛ. С.75). Об этом эпизоде, кроме «Повести», знают и польские источники, но ценность их сведений для историка весьма ограничена: скудость фактов в них компенсируется многословными панегирическими анекдотами из жизни **непобедимых** польских князей, к тому же неверно перетолкованными. Вот что имеет сообщить об интересующем нас сюжете Аноним Галл:

«Итак, король (как и в случае с Болеславом I, забегание вперед. — *Авт.*) Болеслав II ..., как и великий Болеслав I, врагом вступил в столицу Русского королевства (**Ruthenorum regnum**) главный город Киев (Kugow) и оставил памятный знак ударом своего меча в Золотые ворота. Еще он утвердил там на королевском троне одного русского из своей родни, которому и принадлежало королевство, всех же восставших против него устранил от власти. О блеск земной славы, о храбрость и твердость воинская, о величие королевской власти! Король, им поставленный, попросил щедрого Болеслава, чтобы тот выехал ему навстречу и даровал ему поцелуй мира, дабы [оттого] его (Изяслава. — *Авт.*) больше почитал его народ³⁹. Поляк хотя и согласился, но [при условии, что] русский даст, что он (Болеслав. — *Авт.*) пожелает. И вот, после того как сосчитали количество шагов коня Болеслава Щедрого от лагеря до места встречи, русский выложил столько же гривен золота (в данном случае гривна соответствует, вероятно, весу ок.

³⁹ Текст можно понимать и так: «... даровал поцелуй мира из уважения к его **Проду**». Наша трактовка имеет то преимущество, что совпадает с тем, как прочитал Галла в начале XIII в. Винцентий Кадлубек.

200 г. — *Авт.*). И тогда наконец, не сходя с коня, [Болеслав] с **улыбкой** дернул его за бороду и даровал ему куда как дорогой поцелуй». С тех пор Русь будто бы платит Польше «дань» (tribute) (Gall. I, 23. Р. 48-49).

Что можно почерпнуть из этого рассказа? Он **характеризует** больше его автора, чем события. Описанное Анонимом **прилюдное** целование, возможно, и было в действительности, но **суть** церемонии хронистом не понята: подергивание за бороду — не покровительственный жест победителя, а символическое **скрепление** договора, известное еще со времен викингов. Винцентий Кадлубек, не имея, что добавить по сути дела, не может, однако, **просто** оставить все, как есть; в результате комизм ситуации **возрастает**: «Схватив подошедшего короля за бороду, он треплет ее и многократно дергает, приговаривая: "Пусть трепещет эта голова, перед которой надлежит вострепетать вам". Дергая все сильнее снова и снова, он добавляет: "Вот муж, которого мы удостаиваем нашей милости"» (последняя фраза даже написана Винцентием стихами) (Vinc. Kadl. II, 18. Р. 291-292). Далее **следует** странствующий сюжет (восходящий еще к Геродоту) о мужьях, отправившихся на долголетнюю войну, и **истосковавшихся** женах, взявших себе в мужья рабов.

В приведенных рассказах все хорошо, кроме их достоверности: летопись буднично сообщает, как киевляне «избиваху **ляхи** отай (тайком. — *Авт.*)» (ПВЛ. С. 75). Так что у Болеслава, вероятно, не было большой охоты вмешиваться в русские дела, когда Изяслав в 1073 г. вторично явился к нему, несколько наивно полагаясь на прихваченную казну: «сим налему **вои** (добуду воинов. — *Авт.*)», — передает летописец намерения **князя** (ПВЛ. С.79). Болеслав деньги отобрал, а «**воев**» не дал, «показав» Изяславу «путь от себе», а попросту говоря, выдворив его. Польские авторы об этом поступке Болеслава «Щедрого» и «Смелого», естественно, умалчивают, но зато мытарства Изяслава с семьей во время его второго изгнания хорошо отражены в немецких и папских источниках.

Первым в их ряду надо по праву поставить пространное сообщение под 1075 г. в «*Анналах*» **Ламперта Херсфельдского**, в старой историографии именовавшегося **Ашаффенбургским** (Lamperti Hersfeldensis annales). С данными этого замечательного **памятника** нам уже не раз приходилось иметь дело выше (илл. 8; гл. 2.1—2; 4.3.1). Ламперт работал над своими «Анналами» в Херсфельдском монастыре в конце 70-х годов XI в., и для периода после 1040 г., а особенно — с конца 1060-х годов, они слу-

источником неоценимым, хотя и заметно тенденциозным:

И **испыхнувшим** в 1075 г. споре об инвеституре между королем Генрихом IV (1056-1106 гг., император с 1084 г.) и папой Григорием VII (1073-1085 гг.) анналист был противником Генриха. Впрочем, в занимающем нас фрагменте эта тенденциозность не Прослеживается:

Через несколько дней после Рождества 1074 г. в **Майнц** (на Рейне, при впадении в него Майна) к Генриху IV «явился король Руси (Ruzenogum tch) по имени Димитрий⁴⁰, привез ему неисчислимые сокровища — золотые и серебряные сосуды и чрезвычайно дорогие одежды — и просил помощи против своего брата (Святослава. — *Авт.*), который силою изгнал его из королевства (**regnum**) и сам, как свирепый тиран, завладел королевской властью. Для переговоров с тем о беззаконии, которое он совершил с брачем, и для того, чтобы убедить его впредь оставить незаконно захваченную власть, иначе ему вскоре придется испытать на себе власть и силу Германского королевства (Teutonicis **regni**), король немедленно отправил **Бурхард**ди, настоятеля Трирской церкви⁴¹. Бурхард потому представлялся подходящим для такого посольства, что тот, к которому его посылали, был женат на его сестре, да и сам Бурхард по этой причине настоятельнейшими просьбами добивался от короля пока не принимать в отношении того (Святослава. — *Авт.*) никакого более сурового решения. Короля Руси до возращения посольства король (Генрих. — *Авт.*) поручил заботам саксонского маркграфа Деди, в сопровождении которого тот и прибыл сюда» (Lamp., а. 1075. Р. 262).

Л вот финал, разыгравшийся уже в **Вормсе** (на Рейне, несколько выше Майнца) по возвращении Генриха IV из очередного похода против восставших саксов:

«Бурхард, настоятель Трирской церкви, посланный с королевским посольством к королю Руси, вернулся, привезя королю столько золота, серебра и драгоценных тканей, что и не припомнить, чтобы такое множество когда-либо прежде разом привозилось в Германское королевство. Такой ценой король Руси хотел купить одно — чтобы король (Генрих. — *Авт.*) не оказывал против него помощи его брату, изгнанному им из королевства. Право же, он вполне мог бы получить это и даром, ибо [Генрих], занятый внутренними домашними войнами, не имел никакой возможности вести войны внешние с народами столь **далекими**. Дар, дорогой и сам по себе, оказался тем более ценен, что был сделан в нужный момент. Ибо огромные расходы на последнюю войну (против саксов. — *Авт.*) опустошили королевскую казну, тогда как войско выражало сильное недовольство, настойчиво требуя платы за то только что завершившийся поход. Если бы его требования не были удовлетворены с королевской щедростью, то не приходилось

⁴⁰ Димитрий — крещальное имя Изяслава Ярославича, известное также по печатям и по тому, что основанный Изяславом семейный монастырь в Кие-
⁴¹ был посвящен именно св. Димитрию Солунскому.

⁴¹ Бурхард был настоятелем собора св. Симеона в Трире, а вовсе не трирским архиепископом, как можно понять Ламперта (praepositus ecclesiae Trevirensis) и как пишется в некоторых более поздних источниках. Эта ошибка вошла и в научную литературу.

сомневаться, что оно не было бы уже столь послушно, а ведь **оставшаяся** часть дела (саксонской войны. — *Авт.*), как следовало опасаться, была, без сомнения, большей». (Lamp., а. 1075. Р. 300).

Общая интонация рассказа **Ламперта** отмечена неприкрыто! иронией по отношению к Генриху IV (его неумеренные и нет полнимые угрозы в адрес Святослава, пустая казна в **результате** неразумной внутренней войны), но на изложении канвы **событий** это не сказывается. Любопытно отметить, что примерив в том же ключе выдержано и краткое сообщение французском хрониста начала XII в. *Сигеберта из Жамблу* (*Gembloux — monastère* близ Намюра, в нынешней Бельгии) (*Sigeberti Gemblajensis chronicon*):

«Так как двое братьев, королей Руси (*reges Russorum*), вступили в **борьбу** за королевство, один из них, лишенный участия в королевской власти настоячиво просил императора Генриха (Генрих IV тогда еще не был императором. — *Авт.*), которому [обещал] подчиниться сам и подчинить свое королевство, если с *его* помощью снова станет королем. Но все было **напрасно**: ведь тяжелейшая смута в Римской империи заставляла его (Генриха. — *Авт.*) больше заботиться о своем, чем добывать чужое. Ибо **саксы** возмущенные многими великими несправедливостями и беззакониями со стороны императора, восстали против него» (*Sigeb. Gembl.*, а. 1073⁴². Р. 362).

Нет сомнений, что мы имеем дело с тем же немецким посольством, о котором под 1075 г. идет речь и в «Повести временных лет», причем, по забавному совпадению, летописец не жалеет **мрачного** сарказма, описывая похвальбу Святослава **Ярославича** перед немецкими послами (ПВЛ. С. 85) (ср.: Введение, 1).

Итак, не получив ожидавшейся поддержки у польского князя Болеслава II, Изяслав Ярославич через Тюрингенскую **марку** маркграфа Деди направился к германскому королю. Попутно выясняются любопытные детали. Во-первых, реакция **Болеслава**, оказывается, вовсе не была столь импульсивной, как **можно** было бы подумать, читая древнерусскую летопись: Изяслав провел в Польше больше полутора лет, коль скоро, изгнанный в марте 1073 г., он прибыл к Генриху IV только в самом начале 1075 г. Следовательно, у Болеслава было достаточно времени, чтобы взвесить все за и против, и он предпочел союз со Святославом Ярославичем, соблазнившись русской военной помощью. В самом деле, в 1076 г. (или, возможно, уже в конце 1075 г.) русское войско во главе с молодыми князьями Олегом Святославичем и Владимиром Всеволодовичем Мономахом воюет на стороне Польши в Чехии против верного союзника Генриха IV чешского князя Братислава II (1061–1092 гг., король с 1085 г.).

⁴² Год указан ошибочно.

по которым (снова уточняя картину, рисуемую «Повестью временных лет»), становится очевидным, что далеко не все «именье»

Изяслава было отобрадено в Польше, раз его подношения могли произвести такое впечатление в Германии. Здесь что-то не так, и летописец представляет дело явно упрощенно, хотя, думается, и по своей вине. Недаром прочувствованные слова о судьбе Болеслава — «блудил по чужим землям, имения лишен» (ПВЛ.

85) — вложены им, печерским летописцем, в уста самого Изяслава. Последний в конце жизни был частым гостем в Печерском монастыре, и едва ли подлежит сомнению, что сведения о его зарубежных мытарствах восходят к его собственным рассказам. Князь мог, естественно, несколько сгущать краски. Неслучайно этот же миф об отобраденных сокровищах был им изложен и на другом конце Европы — папе Григорию VII.

Изяслав, безусловно, понимал, что на реальную военную помощь со стороны Генриха IV рассчитывать не приходится, что мог предоставить только польский князь. Но как изменить позицию Болеслава II? С германским королем польский князь в последние годы враждовал, оставалось обратиться еще к одному авторитету — римскому папе, с которым Болеслав как раз вел переговоры о предоставлении ему королевского титула (что и состоялось в 1076 г.). Уже из Германии, но не дожидаясь возвращения посольства Бурхарда, Изяслав отправил в Рим своего сына Ярополка со странным, казалось бы, предложением: признать Русь под покровительство папского престола (как в свое время Мешко I отдал под покровительство Рима Древнепольское государство) (ср., впрочем, убеждение Сигеберта из Жамблу, будто Изяслав обещал подчинить Русь Генриху IV). Но чем еще можно было соблазнить Григория VII? Расчет оказался верным. Григорий похвалил Изяслава и сделал выговор Болеславу. обо всем этом мы узнаем из двух посланий папы Григория VII — Изяславу Ярославичу и Болеславу II, датированных апрелем 1075 г.

«Григорий епископ, раб рабов Божиих, Димитрию, королю Руси (*rex Ruscorum*), и королеве, его супруге, желает здравствовать и шлет апостольское благословение. Сын ваш, посетив гробницы апостолов (Петра и Павла в Риме; обычный оборот папской канцелярии для обозначения визита к папе. — *Авт.*), явился к нам со смиренными мольбами, желая получить названное королевство из наших рук в качестве дара святого Петра и изъявив поименованному блаженному Петру, князю апостолов, надлежащую верность (речь идет, похоже, о какой-то формальной процедуре. — *Авт.*). Он уверил нас, что вы без сомнения согласитесь и одобрите эту его просьбу и не отмените ее, если дарение апостольской властью [обеспечит] вам благосклонность и защиту. В конце концов мы пошли навстречу этим

обетам и просьбам, которые кажутся нам справедливыми, учитывая как я
ше согласие, так и благочестие просившего, и от имени блаженного **Пет**
ра передали ему бразды правления вашим королевством, движимые тем на
мерением и милосердным желанием, дабы блаженный Петр охранил **ва**
ваше королевство и все ваше имение своим перед Богом заступничеством
и сподобил вас мирно, всечестно и славно владеть названным **королевст**
вом до конца вашей жизни, и по окончании этой войны испросил для
славу вечную у Царя вышнего» (Ер. Greg. VII Iz.). **гупе**

Из послания видно, что Ярополк, с одной стороны, **выст**
как представитель отца, а с другой — не имел от него определе
ных письменных полномочий и действовал по **обстоятельствам**.
так что при желании Изяслав мог дезавуировать его: правило, **обыч**
ное для дипломатии. В остальном послание выдержано в **выра**
жениях обтекаемых, и из него трудно уразуметь, что же **именно**
произошло весной 1075 г. в Риме. Это и понятно: для **конкрет**
ных переговоров с князем о том, «чего нет в письме», Григория
VII направил к нему своих послов, «один из которых является
вашим известным и верным другом» (следовательно, Изяслав не
впервые имел дело с Римом?). В конце письма польскому князю]
среди общих моральных наставлений вдруг читаем:

«... а среди прочего надобно вам соблюдать милосердие, против кото
рого (как бы нам ни было неприятно говорить об этом), вы, кажется, со
грешили, отняв деньги у короля Руси. Поэтому, сострадая вам (ибо за грех
положено наказание на судилище Христовом, как о том папа писал выше. —
Авт.), убедительнейше просим вас из любви к Богу и святому Петру: **ве**
лите вернуть все, что взято вами или вашими людьми, ибо знайте, что **по**
вере нашей незаконно похищающий добро чужого, если не исправится, имей
возможность исправиться, никогда не удостоится Царствия Христова **Бо**
жия» (Ер. Greg. VII Vol.).

Как отнесся польский князь к увещаниям папы, сказать
трудно. Открыто игнорировать их он, разумеется, не мог. Но его
участие в возвращении Изяслава в Киев весной 1077 г. могло **ведь**
объясняться и переменой политической ситуации — внезапной!
смертью Святослава в декабре 1076 г. (ирония судьбы: князь пал
не жертвой своих врагов, которых так опасался, а неудачной **хи**
рургии — «от резания желве», т.е. опухоли, как замечает лето
писец). Так или иначе, но в 1076 г. Изяслав, как можно думать,
уже снова находился в Польше, ибо именно к этому времени, ве
роятно, относится *надпись на покрове на раку св. Адальберта*
Войтеха, подаренном Изяславом Гнезненскому собору. Надпись
сохранилась в латинском переводе, хотя в оригинале, по неко
торым признакам, была сделана по церковно-славянски: «Молит
вами святого Димитрия даруй, Всемогуший, многая лета рабу Тво
ему Изяславу (Izaslaw), князю русскому (dux Russiae), во отпу

... грехов и взыскание Царствия небесного. Аминь. Во имя Господи, буди» (*Inscr. Iz.* Р. 327). Повторное освящение Гнезденского собора архиепископом Богумилом состоялось в 1076 г. С пребыванием Изяслава Ярославича в Германии связано одно событие, политическая подоплека которого станет ясна только из дальнейшего. Мы уже говорили о пристрастии «Саксонского анналиста» к генеалогии (см.: гл. 4.3.1). Чтобы лучше представлять себе, до какой степени детализации доходили средневековые родословцы и как разбегаются в подобных случаях глаза у историков, приведем нужный нам фрагмент, не слишком его сокращая. В связи с сообщением о смерти в 1062 г. тюрингенского маркграфа Вильгельма автор впадает в его генеалогию:

«Марку получил его (Вильгельма. — *Авт.*) брат Оттон из Орламюнде. У них, то есть у Вильгельма и Оттона, был брат Поппон, у которого был сын Ульрих, женившийся на сестре венгерского короля Владислава (Ласмо I Святой, 1077-1095 гг. — *Авт.*), которая родила ему Ульриха-младшего, который женился на дочери Людвига, пфальцграфа⁴³ Тюрингии... У Оттона же женой была Адела из Брабанта, из замка под названием Лувен, которая родила ему трех дочерей: Оду, Кунигунду и Адельхайду. Оду взял в жены маркграф Экберт-младший из Брауншвайга, она умерла бездетной. Кунигунда вышла за короля Руси (*rex Ruzorum*) и родила дочь, на которой женился кто-то из тюрингенской знати по имени Гюнтер и родил от нее графа Сищо (сокращенная форма имени Зигфрид или подобного. — *Авт.*). После его (мужа. — *Авт.*) смерти она вернулась на родину и вышла замуж за Куно, графа Байхлинген, сына герцога Оттона Нортхаймского (в 1060-х годах Оттон был некоторое время герцогом баварским. — *Авт.*), и родила ему четырех дочерей. После же его смерти ее третьим мужем стал Виперт-старший. Адельхайда же вышла за Адальберта, графа Балленштедта», и т.д. (*Ann. Saxo*, а. 1062. Р. 693).

После некоторых колебаний историки нашли правильное решение: «королем Руси» и мужем Кунигунды был Ярополк Изяславич. После смерти в 1067 г. Оттона Орламюндского Адела (Адельхайда) Брабантская вышла замуж за того самого Деди (вместе с ее рукой получившего и Тюрингенскую марку), который опекал Изяслава Ярославича. Но в чем же был расчет Изяслава, женившегося сына на падчерице маркграфа Деди? Или это был уже жест отчаяния? Ответ невозможно получить, не вникнув во внешнюю политику того времени, проводившуюся соперниками Изяслава на Руси — Святославом и Всеволодом Ярославичами. Прежде чем переходить к ней, познакомимся напоследок с па-

⁴³ Пфальцграф — феодальный титул, выросший из должности распорядителя королевскими земельными владениями и резиденциями-пфальцами (нем. Pfalz от лат. palatium — «дворец»).

мятником в своем роде исключительным, без которого круг и(точников, связанных с изгнанием Изяслава Ярославича, был (и далеко не полон.

Мы имеем в виду так называемый *молитвенник Гертруды* жены Изяслава (это единственный источник, сообщающий **ил** княгини). Молитвенник записан на листах, приплетенных к **пр** **надлежавшей** Гертруде «Псалтири» иллюминированной (т, снабженной миниатюрами) рукописи X в. трирского происхождения, и молитвенник не следует смешивать, как то иногда д(лают, с **этой** Гертрудиной или «Эгбертинской (по имени **трирс** го архиепископа X в. Эгберта) Псалтирью». Тексты молитв **пр** **надлежат**, вероятно, самой дочери Мешка II (который, по некд(торым сведениям, также отличался незаурядной образованное(тью) и обращены, помимо Христа и Богоматери, чаще **всег** к св. Петру (имя Ярополка в крещении) и св. Елене (**очевидно**, православным именем Гертруды было Елена)⁴⁴. **Княгиня** мо(лится за «нашего короля» (т.е., надо полагать, за своего **муз** князя Изяслава), но чаще — за Петра-Ярополка, которого **назы** вает своим «единственным сыном».

Кстати говоря, эти ее слова позволяют думать, что другой Изяславич **Святополк** (будущий киевский князь) не был сыном от Гертруды. Так **ј** Изяслав женился рано, а умер прежде жены, то неизбежен вывод: Свя(тполк был от наложницы (случай в княжеском семействе не такой уж **ј** кий). Впрочем, некоторые интонации молитв Гертруды также дают **пов** для догадок, что в семейной жизни Изяслава было не все гладко.

Молитвы за папу и императора (!) дают некоторое **основание**, тировать их временем изгнания Изяслава Ярославича (**впрочем** тексты в конце молитвенника — всего молитв около девяноста — явно относятся уже ко времени княжения Ярополка на Волыни в 1078-1086 гг.). О том же, кажется, говорят и **великолепные**

⁴⁴ Принцессы из стран католической Европы, выходя замуж в Византию или на Русь, принимали новое православное имя (во всяком случае, если их **преж-** нее имя не значилось в православных святцах); шведка Ингигерд (жена **Яросла-** ва Мудрого) оказывалась Ириной. Ириной же, как сейчас увидим, была наре(чена и **Кунигунда**, жена Ярополка. Часто православные имена русских **княгинь** иностранок устанавливаются лишь предположительно: англичанку Гиду, **первую** жену Владимира Мономаха, возможно, звали Анной. Судя по частому **обраще-** нию к св. Елене, полупольку-полунемку Гертруду на Руси величали Еленой (**ме-** нее вероятна гипотеза, приписывающая ей, на основе сомнительных **сфрагисти-** ческих материалов, имя Елизавета). Если невеста носила «нормальное» с точ(ки зрения Православной церкви христианское имя, то, вероятно, она **оставалась** при нем: так, первую супругу (ее происхождение неизвестно) **Святослава** Яров(славича, брата Изяслава, и на Руси продолжали называть Киликией (**искажен-** ное Кикилия, в латинизированном варианте — Цецилия).

миниатюры, которыми, как и «Псалтирь», снабжен также и мених; из них по меньшей мере две заслуживают упоминания в связи с нашей темой. Одна является словно прямой иллюстрацией к визиту Ярополка Изяславича в Рим: на ней Гертруда (у ее фигуры — кириллическая надпись «М[ате]р[ь] Гертруда[ча]») припадает к стопам начальника апостолов св. Петра (преемниками которого в качестве римских епископов, как известно, считаются римские папы), а Ярополк обращен к нему в просительном жесте; за спиной Ярополка — его жена Кунигунда Ирина. Другая миниатюра изображает Ярополка с его некой супругой, венчаемых Христом (сюжет, довольно распространенный); рядом с князем и княгиней, предстательствуя за них, стоят их святые покровители св. Петр и св. Ирина.

5.2. ОДА и ГИДА:

«ДУУМВИРАТ» СВЯТОСЛАВА И ВСЕВОЛОДА ЯРОСЛАВИЧЕЙ

Настала, наконец, пора обратиться к персоне Бурхарда Трирского и по возможности уточнить характер его родства со Святым Пивом — ведь Ламперт не называет ни происхождения Бурхарда, ни имени супруги Святославовой, ни времени ее замужества, — словом, ничего, что могло бы пролить свет на политический смысл брака. Но выручает очередной пространный генеалогический экскурс — на этот раз из *«Штаденских анналов» Альберта* (Annales Stadenses auctore Alberto), аббата монастыря в Штадене, на севере Германии, неподалеку от Гамбурга. Хотя «Штаденские анналы» — источник довольно поздний (Альберт работал над ними в середине XIII в.), но интересующие нас родословные сведения заслуживают доверия, ибо происходят из материалов судебного разбирательства по поводу имущественного спора между Штаденами и Ольденбургами в 1112 г. Обе тяжущиеся стороны были потомками некоей владетельной дамы Иды из Эльсдорфа, прямым предком которой, в свою очередь, явился не кто иной как пресловутый граф Куно из Энингена, занимавший так много места в нашем предыдущем изложении (см.: РЛ. 2.3).

«Эта Ида, знатная дама родом из Швабии (Куно! — *Авт.*), жила в имении Эльсдорф и обладала наследственным владением, которое до сих пор именуется владением Иды. Она была дочерью брата императора Генриха III, а также сестры папы Льва IX ... Она вышла замуж за Липпольда ... и родила Оду, [поначалу] монахиню в Ринтельне (в Саксонии, на реке Ве-

зер. — *Авт.*), которую она затем выкупила из монастыря ... и отдала за короля Руси (**rex Ruziae**), которому [та] родила сына Вартеслава (**Warteslaw**). По смерти короля Ода велела закопать в подходящих местах **бесчисленные** сокровища, сама же с сыном и частью богатств вернулась в Саксонию, а копавших приказала убить, чтобы они не проговорились». Здесь Ода **вторично** выходит замуж. «Вартеслав же, снова призванный на Русь, правил там вместо отца и [успел] еще при жизни своей отыскать сокровища, запрятанные матерью». Затем речь идет о двух последующих мужьях Иды и **потомстве** от них, среди которого был и «**Бурхард**, главный настоятель в Трире, который впоследствии был избран архиепископом (ошибка: см. выше. *Авт.*); он построил каменное здание в Эльсдорфе» (*Alb. ann. Stad.*, а. 1111 Р. 319).

Из изложенного в «Штаденских анналах» трудно понять, кем именно был «король Руси» — но это мы уже знаем от Лампера та Херсфельдского: Святослав, брат Изяслава Ярославича; куда важнее, что Альберт приводит подробные генеалогические сведения об Оде, жене Святослава, и ее единоутробном брате Бурхарде, защищавшем Святослава в 1075 г. перед королем Генрихом IV. Именно они разъясняют политическую сторону брачных союзов как Святослава, так и Ярополка Изяславича. Политический характер брака Оды очевиден — Святославу была **нужна** именно она, иначе незачем было ввязываться в сомнительную историю с расстриженной монахиней. О том же прямо **свидетельствует** другой текст — совсем недавно обнаруженные «**Санкт-Галленские анналы**» («*Annales Sancti Galli*»)⁴⁵, **предпринятое** в Галлене в начале XII в. продолжение хроники Херманна Райхенау: «Король Руси (**rex Rittulorum**)⁴⁶ в ту пору при посредничестве короля Генриха взял в жены дочь графа Люпальда и герцога Иды из Отерсберга (Отерсберг и Эльсдорф — два **соседа** владения Иды к северо-востоку от Бремена. — *Авт.*)» (*Ann. s. Gall.*, а. 1072). Ясно, что «посредничество» Генриха IV **предполагает** присутствие большой политики. Какой именно, нетрудно догадаться, учитывая датировку брака, имеющуюся в «**Санкт-Галленских анналах**», — ок. 1070 г. Святослав готовил «**переворот**» в Киеве (произошедший в 1073 г.), а для этого, **учитывая** опыт польской помощи Изяславу в 1069 г., было **необходимо** нейтрализовать польского князя Болеслава II. Германия вполне подходила на роль союзника черниговского князя, так :

⁴⁵ Санкт-Галлен (**Sankt-Gallen**), монастырь св. Галла в Швабии (ныне — в кантонах Цюрих и Тессин), один из наиболее известных в Европе средневековых центров литературной деятельности и историописания.

⁴⁶ Явная ошибка копииста (текст дошел в единственном списке XV в.): *сто Rutulorum*: палеографически путаница *u* и *it* легко возможна. Итак, перепечатали еще один вариант имени Руси, аналогичный варианту *Ruteni* (см.: гл. 1.5

... в 1070 г. ее отношения с Польшей становятся напряженными. Уже на 1073 г. Генрих IV вообще готовил поход против **Болеслава** (помешало внезапное саксонское восстание). Но определяющим стало родство Оды не только с Генрихом IV⁴⁷, а и с восставшими **саксонскими** маркграфами, хозяевами на польско-немецком **порубье**. Данные Альберта Штаденского позволяют установить, что Ода была двоюродной сестрой майсенского маркграфа **Альберта-младшего** и родной сестрой Удона II Штадена (в свое время усыновленного Идой из Эльсдорфа), тогда маркграфа Саксонской северной марки.

Извест установленный благодаря немецким источникам факт **чернигово-немецкого** союза в самом начале 1070-х годов проливает свет на многие события древнерусской истории.

Выясняется, что Святослав Ярославич был женат дважды. О древнерусских источниках об этом можно было только догадываться на основе парадной миниатюры из «Изборника» **Святослава** 1073 г., на которой изображено все семейство тогдашнего киевского князя: он сам, его жена и пятеро сыновей — но только уже взрослых (их имена на миниатюре надписаны: Глеб, Олег, Давыд, Роман), а один, Ярослав — совсем ребенок, стоит отдельно, рядом с матерью. Перед нами, несомненно, портрет Оды — дочери сына Ярослава Святославича (которого Альберт Штаденский ошибочно назвал «**Вартеславом**»). И на страницах древнерусской летописи Ярослав появляется только в 1096 г. — на двадцать лет позже своих братьев, возможно, и в самом деле вернувшись из **Германии**. История со спрятанными сокровищами слишком смахивает на деталь из арсенала эпических прикрас (ведь Альберт писал полтора века спустя после событий), но «вместо отцов» Ярослав Святославич действительно правил: он был черниговским князем в 1123—1127 гг., но потом его племянник Всеволод Ольгович вытеснил его из Чернигова в Муром, где Ярослав стал родоначальником муромо-рязанской княжеской династии, просуществовавшей до начала XVI в.

Далее, получает объяснение несколько непонятное поведение **Изяслава** Ярославича в 1071-1073 гг. Вернувшись в Киев в 1069 г., Изяслав первым делом изгоняет из Полоцка неудав-

⁴⁷ Над реконструкцией этого родства генеалогам пришлось немало потрудиться: Ида, мать Оды, была дочерью графа Людольфа Брауншвайгского, сына императрицы Гизелы, жены Конрада II, от предыдущего брака; следовательно, Людольф был, в самом деле, единоутробным братом императора Генриха III, а Ида — двоюродной сестрой Генриха IV.

шегося киевского князя Всеслава Брючиславича, но в 1071 г. **ожида**нно снова уступает Полоцк своему бывшему заклятому **г**у, а в 1073 г. Святослав, обращаясь к брату Всеволоду, даже **и** виняет Изяслава в союзе с Полоцком: «Изяслав сватится с славом, мысля на наю (т.е. против нас; «наю» — это винительный падеж двойственного числа местоимения «мы». — **Авг** (ПВЛ. С. 79). В изложении летописца политика Изяслава **выг**идит самоубийственной — теперь же **мы** понимаем, что киевскому князю, как и нам, было очевидно: черниговско-немецкий **с**юз, скрепленный новым браком Святослава Ярославича, в **п**равлен против него, и надо принимать контрмеры.

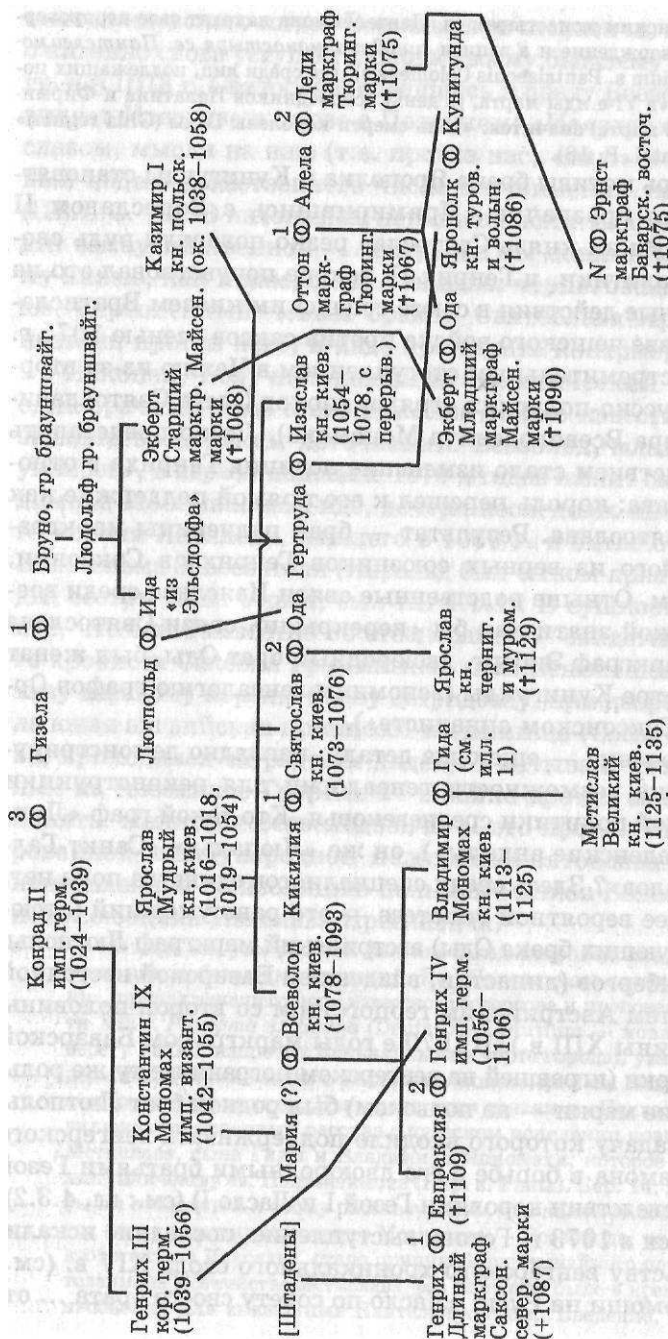
Наконец, получает должный политический контекст **е**в один брачный союз этого времени, также известный только западноевропейским источникам: Всеволод, младший из «**три умвиров**», в первой половине 1070-х годов женит своего сына **В**ладимира Мономаха на Гиде, дочери последнего **англо-саксонско**го короля Харальда, павшего в 1066 г. в битве с **нормандцами** Вильгельма Завоевателя (Харальд был сыном ярла Годвине и **Г**иды, сестры ярла Ульва; см.: гл. 4.1.1). В сущности, **единствен**ное, что было известно об этом браке, — свидетельство **датско**го хрониста Саксона Грамматика, приписывавшего его **иници**тиву датскому королю Свену Эстридсену, при дворе которого **жи**ла юная английская принцесса-изгнанница (Свен, сын ярла **У**льва, приходился ей родным дядей). Учитывая, что Свен был **о**дним из союзников Генриха **IV** в войне против саксов, **негрудно** понять: женитьба Всеволодовича — это проявление **скоордини**рованной международной политики Святослава и Всеволода направленной на изоляцию польского князя Болеслава II, **глав**ного союзника Изяслава Ярославича.

О Гиде как уже русской княгине западноевропейские источники **сохра**нили ряд любопытных сведений. Из «*Похвального слова св. Пантелеимо*ну», принадлежащего перу известного богослова и проповедника первой **по**ловины XII в. *Руперта из Дойца* (Deutz, лат. Diutium — монастырь на правом берегу Рейна, напротив Кёльна; ныне в черте города), узнаём, что она **по**йдерживала тесные связи с кёльнским монастырем св. **Пантелеимона**, **дела**ла в него щедрые вклады. Благодаря этим связям в «Похвальное слово» был включен пространный рассказ о чудесном исцелении новгородского **к**нязя Мстислава, сына Гиды и Владимира Мономаха, которое было **приписано** заступничеству св. **Пантелеимона** (Rup. s. Pantal. Cap. 14. P. 265—266). Как бы ни относиться к этому рассказу, ясно, что какое-то событие, **случивше**ся после рождения первенца Мстислава — Всеволода, но до рождения его второго сына Изяслава, стало причиной чрезвычайного почитания св. **Пан**телеимоа в семействе Мстислава, раз Изяславу было в крещении дано **сто**ль необычное для князей имя **Пантелеимон** (см.: Введение, 1). Тесные связи

И иды с кёльнским монастырем св. **Пантелеимона** находят свое неопровержимое подтверждение и в записи *синодика монастыря св. Пантелеимона* (*Necrologium s. Pantalaeonis Coloniensis*), где среди лиц, подлежащих поминовению «в VI-е иды марта, [в день] исповедников Палатина и Фирмилиа» (т.е. 10 марта) значится: «день смерти королевы Гиды (*Gida regina*)» (*Necr. s. Pantal. P. 18*).

И вот теперь мотивы брака Ярополка и Кунигунды становятся совершенно прозрачны. Примирившись с Болеславом II в 1075 г., киевский князь Святослав резко повернул руль своей внешней политики, и Генрих IV вскоре почувствовал это на себе: его военные действия в союзе с чешским князем Вратиславом II и во главе чешского войска против саксов осенью 1075 г. закончились стремительным отступлением в Чехию из-за вторжения туда русско-польских отрядов (поход Олега Святославича и Владимира Всеволодовича Мономаха). Легко представить себе, что следствием стало изменение позиции Генриха в отношении Изяслава: король перешел к его прямой поддержке как союзника Святослава. Результат — брак падчерицы маркграфа Деди, одного из верных союзников Генриха в Саксонии, с Изяславичем. Отныне родственные связи Изяслава среди восточносаксонской знати как бы «перекрыли» связи Святослава через Оду: маркграф Экберт, двоюродный брат Оды, был женат на родной сестре Кунигунды (вспомним генеалогию графов Орбигунде в «Саксонском анналисте»).

И в заключение — еще одна деталь, наглядно демонстрирующая большие возможности генеалогии для реконструкции международной политики средневековья. Кто такой граф «Липпольд» («Штаденские анналы»), он же «Люпальд» «Санкт-Галленских анналов»? Здесь среди специалистов единства пока нет, но по наиболее вероятной гипотезе — это рано умерший (отсюда два последующих брака Оды) австрийский маркграф Лютпольд из рода **Бабенбергов** (династии, владевшей Баварской восточной маркой, а затем Австрийским герцогством со второй половины X в. до середины XIII в.). В 1070-е годы маркграфом Баварской восточной марки (игравшей на венгерском пограничье ту же роль, что саксонские марки — на польском) был родной брат Лютпольда Эрнст, в задачу которого входило поддерживать венгерского короля **Шаламона** в борьбе с его двоюродными братьями Гезой и Ласло (впоследствии королями Гезой I и Ласло I) (см.: гл. 4.3.2), убитой в 1073 г. Готовя выступление, последние искали, по свидетельству венгерского хроникального свода XIV в. (см.: гл. 4.3.2), помощи на Руси: «Ласло по совету своего брата ... от-

и пошел на Русь (**Ruscia**) просить помощи у своих друзей, что-то, впрочем, против происков короля (Шаламона. — *Авт.*)» — и не нашли ее (Ласло «вернулся из Руси без помощи») (**Chron. Hung. saec. XIV. Cap. 111, 114-115. P. 377-378, 380-381**). Итого, что мы узнали в этом параграфе, ясно, почему: поддержать они просили у киевского князя Изяслава (венгерские герцоги Пили внуками польского короля Мешка II, на дочери которого был женат Изяслав), но натолкнулись на противодействие их опекунских Ярославичей, склонных, в силу своего союза с Генрихом IV, поддержать Шаламона, зятя германского короля. Положение дел усугублялось тем, что пограничная с Польшей и Венгрией Волынь в то время находилась в руках Всеволода Ярославича. Случайно ли, что маркграф Эрнст был женат на дочери маркграфини Деди от первого брака? И здесь выбор Изяславом невесты для сына Ярополка выглядит глубоко продуманным.

Как и выше, династические связи Ярославичей удобно представить в виде генеалогической схемы (см. илл. 13).

5.3. **ЕВПРАКСИЯ** ВСЕВОЛОДОВНА: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Особенно часто в качестве иллюстрации веса Руси в международных делах того времени используется заключенный в 1089 г. второй брак германского императора Генриха IV (король в 1056-1106 гг., император — с 1084 г.) с дочерью киевского князя Всеволода Ярославича (1078-1093 гг.) Евпраксией, в Германии получившей имя Адельхайды. Этот союз был мимолетным, и вся его короткая история, особенно ее финал, «погружена» в контекст ожесточенной борьбы, охватившей в те годы Германию: между папистами, в споре об инвеституре епископов поддерживавшими Рим, и сторонниками императора. Это сказывается на характере источников — довольно многочисленных, почти всегда полемических и ярко тенденциозных. В настоящем обзоре мы ограничимся лишь наиболее содержательными из них.

Краткие сообщения о женитьбе Генриха есть во многих сочинениях, например, в «*Аугсбургских анналах*» (*Annales Augustani*) под 1089 г.: «Император взял себе в жено Пракседу (*Praxedis* — так в немецких текстах часто называли Евпраксию. — *Авт.*), дочь короля Руси (*rex Rutenorum*)» (*Ann. a. 1089. P. 133*); или под той же датой в «*Анналах мона-*

стыря св. Иакова» в Люттихе (по-французски — Льеже) (*Annales s. Iacobi Leodiensis*): «Император Генрих женился на дочери короля Руси (rex **Ruthenorum**)» (*Ann. s. Iacob.*, а. 1089. Р. 639). Но из полемиического трактата 1091-1093 гг. анонимного херсфельдского автора, последовательного защитника права императора на инвеституру — «*Книги о сохранении церковного единства*» (*Liber de unitate ecclesiae conservanda*), узнаем и некоторые подробности. «Коронация (*ordinatio*) королевы Адельхайды» руками императорского антиархиепископа **магдебургского** Хартвига произошла, согласно этому источнику, вскоре после Рождества 1089 г. в Кёльне; следовательно, бракосочетание состоялось несколько раньше (ср. приводимое ниже известие **херсфрутольфа-Эккехарда**), но обручена она была уже в 1088 и в начале осени в качестве «нареченной» (*sponsa*) Генриха пребывала в монастыре в Кведлинбурге (к юго-западу от **Магдебурга**) под опекой аббатиссы Адельхайды, сестры императора (о херсфельдский аноним упоминает похода, в связи с **рассказом** об осаде Кведлинбурга противниками императора) (*Lib. de unit. Cap. 26, 35. P. 486, 528*).'

Охлаждение между супругами наступило быстро, **стрельно** принимая скандальные формы, и потому уже в 1093 г. стало отмечаться современниками. Наряду с анналистическими заметками («1094 [год]. Раздор между императором и супругой его Адельхайдой», — читаем в «*Корвайских анналах*» — «*Annales Corbeiensis*», ср. гл. 2.1: *Ann. Corb. P. 7*), пропагандистские полемисты с готовностью начинают яркими красками рисовать **пространственные** полотна, изображающие глубокое моральное падение Генриха IV. К конкретным деталям в этих рассказах необходимо относиться с осторожностью, но привести хотя бы некоторые из них как колоритное свидетельство эпохи стоит. В статьях 1093 «*Штаденских анналов*» Альберта (ср. гл. 5.2) и «*Анналов пастыря св. Дисибода*» (*Annales s. Disibodi*) (на левобере Рейна, неподалеку от Трира) 40-х годов XII в. отразился не **да**шедший в самостоятельном виде источник, так описывающий **историю** разрыва между Генрихом и Евпраксией (приводим текст по «*Анналам св. Дисибода*»):

«Конрад, сын императора Генриха (от первого брака. — *Авт.*) **восстал** против своего отца по следующей причине. Король Генрих возненавидел королеву Адельхайду, свою жену, да так, что ненависть была еще сильнее, чем страсть, с какой он ее прежде любил. Он подверг ее **заклЮчению** и с его позволения многие совершали над ней насилия. Как говорят, он **вп** в такое безумие, что даже упомянутого своего сына убеждал войти к :

Как тот отказался осквернить ложе отца, король, уговаривая его, принялся утверждать, будто он не его сын, а одного чужака, швабского герцога, на которого названный Конрад был чрезвычайно похож лицом. Королева же, после множества неслыханных оскорблений, нанесенных ей без пины, каким-то образом по милости Вожей освободившись бегством из заключения, в котором находилась, прибыла к могущественнейшей в то время госпоже по имени Матильда (герцогине Тосканской, одной из наиболее решительных сторонниц папы. — *Авт.*). Приняв королеву, она сопровождала ее к досточтимому мужу Урбану, занимавшему [тогда] апостольский престол (папе Урбану II, 1088–1099 гг. — *Авт.*). Припав к его ногам, обливаясь слезами, в сердечном сокрушении она жаловалась о всех бедах и несчастьях, которые перенесла. Господин же папа, узнав о бедствиях королевы, движимый милосердием и состраданием, собрал всеобщий собор, который снова (Генрих уже подвергался однажды отлучению при Григории VII. — *Авт.*) отлучил короля Генриха от церкви за недопустимые, безбожные и вовеки неслыханные дела, совершенные над собственной законной супругой. Королева же, как утверждают некоторые, вернулась в свою страну и, уйдя в монастырь, стала аббатиссой» (Ann. s. Disib., a. 1093. P. 14).

В связи с последними словами процитированного фрагмента надо заметить, что хотя имя отца Евпраксии ни в одном из немецких текстов не названо, но (несмотря на некоторые колебания среди исследователей) из сообщения «Повести временных лет» о пострижении в монахини Евпраксии, дочери Всеволода Ярославича, 6 декабря 1106 г. (ПВЛ. С. 119), т.е. через четыре месяца после смерти Генриха IV, можно сделать достаточно уверенный вывод, что обе Евпраксии были одним и тем же лицом.

В стихотворном «Житии герцогини Матильды», написанном в начале XII в. пресвитером *Донизоном* (Donizonis presbyteri Vita incipissae Mathildis), даже утверждается, будто Евпраксия действительно была похищена людьми Матильды Тосканской. Не желая говорить о беспутстве Генриха IV, автор ограничивается следующим:

«О королеве же Пракседе пусть поведают стихи:

Она боялась мужа, словно овца волчьей пасти,

Дрожала от страха и тайком искала защиты

У Матильды, умоляя вырвать ее у врага.

Новая Девора, видя, что настало время и случай,

Чтобы поразить сего Сисару⁴⁸, втайне отряд

Послала в Верону⁴⁹ — там пребывала королева.

Они приходят под видом частных лиц, объявляются (королеве. — *Авт.*) и радостно возвращаются:

Слуги короля отдают ее без шума и боя»

(Doniz. vita Math. Cap. 8, vers. 739-747. P. 80).

Более детальные сведения о судьбе Евпраксии Всеволодовны в Италии обнаруживаем в современной «Хронике» *Бернольда* (Bernoldi chronicon) (ум. в 1100 г.), монаха в швабских монас-

⁴⁸ Девора — древнееврейская пророчица, вдохновившая израильтян на по-

В над хананейским военачальником Сисарой (Книга Судей, 4).

⁴⁹ Вот, оказывается, где была заключена Евпраксия.

тырях св. Власия в Шварцвальде, а затем в Шафхаузене, **под** довательного сторонника папы:

«Супруга императора, уже в течение долгого времени жертва **мно**гства беззаконий, много лет содержавшаяся под стражей, дабы не скр в конце концов бежала к итальянскому герцогу Вельфу (мужу Мати Тосканской. — *Авт.*). Она поведала, что претерпела от своих столь **мно**гую столь великие и столь неслыханные злодейства, что не сомневалась — же у недругов она найдет сострадание. Хотя эта надежда ее не обман ибо герцог и его супруга Матильда приняли ее милостиво и относились к с почтением».

В начале апреля в швабском городе Констанце по инициативе **1** стного епископа собирается церковный собор.

«До Констанцкого собора дошла жалоба королевы Пракседы, ко давно скрылась от своего мужа у Вельфа, герцога Италии, и сетовала | столь многочисленные и столь неслыханные и грязные блудодеяния, **и** несенные ею от столь многих, что даже враги ее легко простили бы **и** бегство, и все собравшиеся на синод были подвигнуты состраданием к **не**

В марте следующего, 1095 г. в городе Пьяченца (в **Ломбард** на реке По) папа Урбан II собрал уже общий синод епископов **III** каш, Бургундии, Франции и юга Германии (на котором он **вл** вые обратился к Европе с призывом к Первому крестовому ходу).

«На этом синоде королева Пракседа, уже давно разлучившаяся с Генрих выступила перед господином папой и священным синодом с жало против своего мужа, от которого подверглась неслыханным грязным **I** додеяниям. Ее жалобу господин папа и священный синод приняли ве милостиво, ибо доподлинно узнали, что эти блудодеяния она не столько **и** вершила, сколько претерпела поневоле. Поэтому она была милосердно < вобождена от епитимьи, налагаемой за подобные непотребства, тем **i** что она нашла в себе смелость по собственной воле и публично **исповеда** свои грехи» (*Bern. chron.*, а. 1094. P. 457—458).

Снисходительность судей понятна: процесс вокруг Евпраксии **Во** володовны, по образному выражению автора «Жития **Матильды** стал тем «колом», которым израильтянка Иаиль насмерть **пор** зила спящего Сисару (Генриха IV).

Драматическая история конфликта Генриха IV и **Евпраксии** Адельхайды так увлекала историков, что совершенно заслони ла в их глазах тот известный факт, что в Германию **Всеволодо** на попала не как невеста германского императора, а как **жен** маркграфа Саксонской северной марки Генриха **Штаден** (1082—1087 гг.). «Саксонский анналист» (см.: гл. 4.2) под 1082 **i** сообщает:

«Удон-старший, саксонский маркграф (тот самый Удон II, который **бы** усыновлен Идой из Эльсдорфа: см.: гл. 5.2. — *Авт.*), умер в 4-е **ноны** ма (**11** мая. — *Авт.*)... Наследовал ему его сын маркграф Генрих. У него **бы** ла жена Евпраксия (Euprassia), дочь короля Руси (**rex** Rusciae), **катору**

ни пишем языке звали Адельхайдой и на которой потом женился император Генрих» (Ann. Saxo, a. 1082. P. 721).

V Альберта в его «Штаденских анналах» (см.: гл. 5.2), где в 1144 г. включена общая генеалогия рода Штаденов (в этом пресекшегося), находим краткую заметку: «Генрих Длинный, имея жену из Руси (Rusia), скончался без наследников» (Alb. Stad., a. 1144. P. 326). В «Хронике» Фрутольфа, монаха из монастыря в Михельсберге (близ Бамберга, в верховьях Майна) XII в., отредактированной и продолженной за первую четверть XII в. Эккехардом из Ауры (к северо-западу от Бамберга) (Frutolfichronicon cum Ekkehardi Uraugiensis continuatione), первом браке Евпраксии сообщается в связи с ее вторым замужеством: «1089 [год]. Император отпраздновал в Кёльне свадьбу и в жены вдову маркграфа Генриха (в редакции Фрутольфа ошибочно «Удона». — Авт.), дочь короля Руси (rex Rusconum)» (Frut. P. 104). Наконец, надо отметить и свидетельство «Хроники Розенфельдского монастыря» (близ Херсфельда) («Chronicon monasterii Rosenfeldensis»), памятника относительно позднего, плохо изученного и до сих пор научно-критически не оцененного; для нас, однако, важно, что свою информацию о Штампле составитель «Хроники» черпал из хорошо осведомленного источника, вероятно, середины XII в. Здесь находим любопытные подробности: «Она (Евпраксия. — Авт.) прибыла в эту страну с большой пышностью, с верблюдами, нагруженными драгоценными одеждами и камнями, а также бесчисленными боевыми сплши» (Chron. Rosenf. P. 125).

Брак Генриха IV с юной вдовой маркграфа Саксонской северной марки (I марки) похож на брак по страсти (вспомним приведенное выше сообщение «Анналов св. Дисибода») — и тем не менее историки постоянно пытаются обнаружить его политический подтекст. В то же время вопрос о несомненно политической направленности и матримониального союза между маркграфом Генрихом и Всеволодовой, по сути дела, даже не ставился. Между тем он представляет интерес для истории внешней политики Руси и, сверх того, дает повод для типологических обобщений. Точной даты первого замужества Евпраксии источники не сообщают, но легко догадаться, что переговоры о ней должны были вестись между 1083 и 1086 гг., поскольку Генрих стал маркграфом только в мае 1082 г., а уже в июне 1087 г. скончался. Если так, то заманчиво было бы связать этот брак с открытым конфликтом в 1085 г. между киевским князем Всеволодом Ярославичем и его пле-

мянником волынским и туровским князем **Ярополком Изяславичем** (о котором много говорилось выше; см.: гл. 5.1). **Ярополк**, в силу традиционных связей его отца с Польшей, был **поддан** **жан** польским князем Владиславом-Германом (1079—1102 (младшим братом Болеслава II), поэтому у Всеволода были основания искать себе союзника против Польши в Германии. В том случае сотрудничество с маркграфами Саксонской марки, направленное против Польши, превращается в своеобразную константу древнерусской внешней политики, по крайней мере трижды возобновляясь на протяжении полувека: в 1030-е годы (маркграф Бернхард: гл. 4.2), ок. 1070 г. (гл. 5.2) и, наконец, ок. 1085 г. Этот брак был тем более естествен, что посредницей при его заключении могла выступить пребывавшая тогда в Германии вдова Святослава Ярославича Ода, родная тетя Генриха Штадена.

ГЛАВА 6. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ РУСИ

До сих пор наше изложение было посвящено почти исключительно международным связям Руси, обусловленным внешнеполитическими интересами, тогда как международная торговля оставалась несколько в стороне. Это вполне объяснимо: после нее реже находила отражение в источниках. Среди них много памятников, занимают памятники правового характера. К таковым относится уже наиболее ранний из сообщаемых о Руси актов точников — «**Раффельштеттенский** таможенный устав» начала **X** в. (см.: Введение, 2.2, а также гл. 1.4). Если продолжить начат там разговор о внутриконтинентальной торговле Руси и с Русью, отделив ее как самостоятельный феномен от морской торговли в Балтике, то с памятниками, сопоставимыми с «**Раффельштеттенским уставом**», мы столкнемся снова только в конце XII в.

6.1. РЕГЕНСБУРГ КАК ЦЕНТР КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ с ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ

К 1191/92 г. относится *грамота штирийского герцога Оттокара IV*, подтверждающая таможенные порядки на рынке в городе Энс (Enns) (на Дунае, близ устья одноименной реки, **чуть**

Риффельштеттена), как они были установлены его отцом римским маркграфом Оттокар III. Одним из центральных положений этой грамоты является обязанность всех торговцев, проходящих Энс после Благовещения (25 марта), оставаться здесь в течение ярмарки (так называемый Marktzwang), которая происходила ежегодно в течение почти двух недель со вторника кануна Вознесения до кануна Троицына дня. Исключены были «возы, направляющиеся на Русь (Ruzia) и из Руси», которые, по уплате обычной проездной пошлины в 16 денариев при переезде моста через реку Энс, «не могли быть задерживаемы» (Ottok. IV. P. 13). Спустя несколько месяцев, в июле 1171 г., новым штирийским и австрийским герцогом Леопольдом V был издан другой документ — *торговые и таможенные привилегии регенсбургским купцам* на территории герцогства. Эти купцы, торгующие с Русью купцы, названные в грамоте *Ruzarii* (об этом термине в гл. 1.5), хотя и выделены в особую рубрику (§ 33), но в отношении въездных таможенных пошлин приравнены к прочим торгующим привозным товаром — например купцам из Кёльна: «*Ruzarii*, когда бы ни ехали, платят 2 талента (т.е. два фунта серебра. — *Авт.*), а по возвращении из Руполталанта; пусть заплатят 12 денариев, если пожелают куда-нибудь зайти [для торговли]» (Dipl. Leor. V. P. 118). Это условие характеризует *Ruzarii* как купцов, по преимуществу транзитных: заворачивать для торговли своим товаром в местечки на территории Австрийского герцогства они могли, но это расценивалось как исключение и облагалось обычной в таких случаях пошлиной (здесь привилегии кончались). Куда же так стремились из Руси эти транзитные *Ruzarii*? Источник не оставляет в этом отношении никаких сомнений — в Регенсбург. Собственно, и грамота Оттокара IV была издана «по прошению жителей Регенсбурга», господствующая роль которых в торговле на Энсе выражалась еще и в том, что в осмотре товаров и сборе пошлин там принимал участие уполномоченный регенсбургского купечества — «регенсбургский граф».

К этим двум свидетельствам теперь можно прибавить данные и одного памятника, полностью опубликованного только в 1877 г., — *торгового устава австрийского и штирийского герцогов Леопольда VI*; в нем упорядочиваются таможенные сборы на территории герцогства, но в первую очередь он имеет в виду города Нойштадта (в настоящее время — часть Вены) и рынок Инсбрука. Грамота дошла в копии XV в., в которой датировка не

сохранилась, поэтому приходится ограничиться **расплывчатой** «первая треть XIII в.», т.е. временем правления Леопольда V (1198–1230 гг.), хотя по косвенным данным документ был и дан, скорее всего, ближе к концу этого периода. Среди возов, **ищущих** рынок в Энсе, как и в грамоте Оттокара IV, упоминаются возы «из Венгрии или Руси»⁵⁰, которые, если их **владелец** хочет избежать обязанности участвовать в здешней ярмарке, облагаются проездной пошлиной в три фунта серебра (DM Leop. VI. P. 350). Обозначенная сумма многократно выше **аналогичной** пошлины на «возы из Руси» времен Оттокара III и Оттокара IV. В документе Леопольда VI (в котором пока еще **не** много непрямого — например, не вполне понятны термины обозначающие различные типы повозок, в зависимости от **которых** и рассчитывается пошлина) для нас интересно также и **то**, что возы из Руси объединены в одну группу с возами из Венгрии. Это, конечно, не случайно и, вероятно, отражает один из маршрутов их движения, что отчасти подтверждается и **венгерским** источником — *таможенными тарифами венгерского короля Имре (1196–1204 гг.) монастырю в Эстергоме* (лат. **pium**, на Дунае, несколько выше современного Будапешта 1198 г., в которых упоминаются торговцы из Руси, привозящим свой товар на возах и на вьючных лошадях, а также **торговцы** драгоценными мехами; они платят полмарки пошлины (Dipl. Henr. Strig. P. 143).

Перечисленные юридические памятники группируются на **рубеже XII–XIII вв.**, но это, конечно, отнюдь не означает, что именно тогда начинается (или возобновляется) торговля с Русью. Причина тому совсем иная — принципиальные изменения в **социальном** составе купеческого сословия. Если раньше торгов велась от имени и по поручению феодального сеньора (**светского** или церковного) юридически зависимыми от него лицами (**исключением** являлись только еврейские купцы, которые в источниках, например — в «**Раффельштеттенском** уставе», **называются** поэтому «законными торговцами», «mercatores legitimi», т.е. торговцами в собственном смысле слова), то во второй **половине XII в.** происходит сложение корпораций профессионального городского купечества, которые постепенно забирают в свои **руки**

⁵⁰ В сохранившейся копии здесь стоит явно ошибочное *Ruchia*, что, **палеографически** может быть результатом неправильного прочтения копиистом **либо** *Ruczja*, **либо** *Ruthia* оригинала; обе формы встречаются среди **латиноязычных** названий Руси в средневековых текстах.

...рибыльную международную торговлю. Эти перемены требовали правового закрепления, что и вызвало появление документов типа названных торгово-таможенных уставов. Что касается самой торговли с Русью, то она фиксируется и более ранними текстами, хотя, в силу их иной жанровой природы, не столь подробно.

Так, во *вкладной книге* (*liber traditionum*) *монастыря св. Эммерама* в Регенсбурге под 1179 г. обнаруживается запись о том, что некий «Хартвик..., проживающий в стране Руси (*Ruscia*), в городе под названием Киев (*Chiebe*)», передает монастырю причитающиеся ему от его регенсбургских должников 18 фунтов серебра (*Trad. s. Emraeg. P. 459*). Это свидетельство чрезвычайно показательное в нескольких отношениях. Во-первых, оно хорошо иллюстрирует только что сказанное о социальном составе ранней международной торговли: Хартвик назван в записи «человеческим» (*familiaris*) монастыря св. Эммерама. Таким образом, он был лично свободным, а принадлежал к «*familia*» св. Эммерама — лично зависимым от монастыря людям, которые занимались разными доходными для него промыслами, в том числе и дальней торговлей. В то же время мы видим, что эта зависимость носит уже довольно зыбкий характер — хотя Хартвик, возможно, и был фактором, представлявшим в Киеве монастырь св. Эммерама, но при том располагал достаточно большими собственными денежными средствами. Аккумуляция таких средств и позволяла Хартвику и ему подобным со временем выкупать себя из личной зависимости от сеньора (в данном случае — монастыря) и вливаться в состав городских купеческих корпораций. Во-вторых, снова оказывается, что к торговле с Русью причастны именно регенсбургское купечество. В-третьих, немаловажно, что Хартвик не просто наезжал в Киев по делам торговли, а постоянно жил там.

Возможно, что именно с таким лично несвободным статусом раннесредневекового купечества как-то связано и несколько странное сообщение известного энциклопедиста первой трети XIII в. *Гервасия Тильберийского*, англичанина по происхождению, но приближенного германского короля Оттона IV (1198—1212/15 гг.), которому и было посвящено сочинение Гервасия «*Императорские досуги*» (*Gervasii Tilberiensis Otia imperialia*). В географическом разделе этой пространной энциклопедии (до сих пор не имеющей научного издания), в главе о Паннонии читаем: «Польша с одной из сторон соседит с Русью (*Russia*), она же Рутения (*Ruthenia*) ... (следует цитата из римского поэта I в. н.э. Лукана, в которой упоминается античное племя рутенов в Южной Галлии. — *Авт.*). В ней народ русский, коснеющий в праздности, со страстью предающийся охоте и неумеренному чре-

воугодию, почти никогда не преступает границ своей страны. Если же **И** го-либо посетит желание путешествовать, то для исполнения его он **у** лаает своих рабов, которых у них множество, а по завершении **путеше** за труды им в награду даруется свобода. Вот почему те ходят, **выпра** вая помощь у чужеземцев, нагие и нищие, презиаемые всеми, как тианами, так и язычниками, не находя ни врага, ни грабителя, как это о них написано: "Неимуший путник поет песни даже завидев разб ника" (цитата из римского поэта Ювенала. — *Авт.*)» (*Gerv. Tilb. Otia. P. 7в*

Никакого удовлетворительного объяснения этому колоритному **расст** зу о любознательных, но ленивых русских, насколько нам известно, **пов** дано не было.

Наличие в древнерусских городах домонгольского **времени** постоянно действовавших факторий западного купечества **ни** сомнений, но достаточно внятные конкретные сведения о **ни** есть, в сущности, только применительно к Новгороду, где **(ни** роятно, с **1190-х** годов — опять тот же хронологический **рубеж** существовало немецкое купеческое подворье с церковью св. Петра, а с еще более раннего времени — подворье готландского **я** печества («Готский двор») с церковью св. Олава (см.: часть 1 гл. 6.3). Есть данные о немецкой купеческой церкви (а, **стали** быть, и подворье) в Смоленске в 20-х годах XIII в. Как **видим** не был исключением и Киев. По-видимому, латинских **церквей** (а они, повторяем, были именно купеческими и при них **распо** лагались торговые склады и гостиницы) в Киеве было **несколько**. Об этом можно догадываться по сообщению Новгородской **И** летописи под 1203 г. о разграблении Киева войсками князя **Рюрика** Ростиславича и его половецкими союзниками; когда «**гос** ти (т.е. купцы. — *Авт.*), иноземцы всякого языка, **затвори**ли ся в церквях, и вдаша им живот (оставили жизнь. — *Авт.*)» (НПЛ. С. 45). «Гости-иноземцы» «затворились», разумеется в своих, латинских, храмах; отсюда, кстати говоря, следует, что эти последние были укрепленными, т.е. представляли **собя** огороженные подворья.

Такая связь латинских храмов в древнерусских **городах** с присутствием в них западноевропейского или **скандинавского** купечества заставляет ближе присмотреться к тем сведениям о **ним** которые сами по себе никак не выдают торгового аспекта. Так, одним из приложений к «*Великой хронике*» англичанина **Мат** *вея Парижского* середины XIII в. является **сопроводительное** послание аббата бенедиктинского «монастыря святой Марии .. в Венгрии», данное им двум монахам-ирландцам «из **монасти** ря святой Марии на Руси (*Ruscia*)», которые бежали от татар и **ко** торых он отправлял на родину, в Ирландию (Matth. Paris. T. VI.

14) Точное местонахождение монастыря на Руси не указано, но по датировке послания январем 1242 г. можно предполагать, что он располагался в Киеве, разгромленном татарами в 1240 г. Очевидно, это тот же монастырь пресв. Богородицы в Киеве, который в первой половине 1220-х годов возглавил польский монашинец Гиацинт (Иакинф) (по-польски — Яцек), как о том говорится в его житии — «*Житии св. Гиацинта*» («*Vita s. Hyacinti*»), памятнике XIV в.: «св. Яцек ... в Киеве ... принял [под руку] монастырь (conventum) братьев-проповедников (т.е. монашинец). — *Авт.*) в честь Преславной Девы» («*Vita s. Hyacinti*», 85 г.). Упоминается он и в польской хронике Яна Длугоша в связи с изгнанием доминиканцев из Киева киевским князем Владимиром Рюриковичем (1223—1235 гг.) в 1233 г. (хроника Длугоша не всегда надежна): «...церковь св. Марии в Киеве, при которой у них (доминиканцев. — *Авт.*) был свой монастырь» (Dlug., а. 1233. [Т. 3]. Р.266). Как видно из текста «Жития св. Гиацинта», церковь св. Марии существовала в Киеве и до изгнания там доминиканцев, т.е. по своему происхождению была, очевидно, купеческой. В этом убеждает и булла папы Григория IX (1227—1241 гг.) от 1234 г. о том, что после изгнания монашинец духовное окормление проживавших в Киеве латинцев передается в руки сандомирского (Сандомир, польск. Sandomierz — город на Верхней Висле в относительной близости от польского пограничья) духовенства (Dipl. Greg. IX Sand.). Вскоре булла, которой папа в то же время брал под защиту польских католиков, адресованная некоему Ульриху, упоминает только духовных «братьев» последнего, но и его «латинцев сограждан в Киеве (Kiow)» с «семействами и имуществом» (Dipl. Greg. IX Ulr.), то ясно, что именно купечество составляла основную паству конвента св. Марии. Отметим здесь, кстати, внешние связи Сандомира с Русью, засвидетельствованные граница польского князя Казимира Справедливого от 1176 г. (то время Казимир владел уделом на Сандомирщине), в которой упоминаются возы с солью, прибывающие в Сандомир из Руси (Dipl. Kasim. II. Р. 12) — вероятно, из Галицкой земли, где, как известно, велась добыча соли.

Интересно, что в документах, аналогичных упомянутым условиям конца XII—первой трети XIII в., но изданных уже в начале XII <••> годы XIII столетия (например, таможенном и рыночном уставе австрийского герцога Фридриха Воинственного Нойбургского, пригороду Вены, от 1244 г.), сведений о Руси уже нет.

Это говорит, очевидно, о (временном) прекращении родной торговли Киева после разгрома его татарами в 124С и может служить одним из аргументов в продолжающемся «ре о степени экономического и политического упадка **горе** в это время.

Однако из наиболее ранних западноевропейских извест о торговле с Русью (помимо «Раффельштеттенского устава») (носит к рубежу XI-XII вв. и снова уводит нас в Регенсбу Оно содержится в «*Житии св. Мариана Ирландца*» («*Vita s. iani Scoti*»), написанном в 1180-е годы. Св. Мариан был осно~~вом~~ телем монастыря св. Иакова в Регенсбурге, ставшего **корнем** , целой сети дочерних монастырей в Центральной Европе, **при** лежавших ирландской монашеской конгрегации (это заста ет вспомнить о киевских монахах-ирландцах из послания **124** в хронике Матвея Парижского). Ко времени строительства носится и рассказанная житием история:

«Один из **братий** этой обители ... по имени Маврикий, в сопрово только мальчика, по бездорожью мира ведомый милосердием Святого , ха, прибыл к королю Руси (rex **Russiae**), получил от этого короля и от 1 мож богатейшего города Киева (Chios) на сто марок (ок. 20—25 кг серебра.¹ *Ает.*) драгоценных мехов и, погрузив их на повозки, благополучно добр ся с купцами до Регенсбурга. На эти деньги были закончены постройки I настыря и крыша собора» (*Vita s. Mar. Scoti. Cap. 4 [17]. P. 369 C*).

Исследователи по-разному датируют поездку Маврикия **на** . от 1089 г. до 1110-х годов; последняя датировка выглядит : почтительнее, но для нашей темы важнее подчеркнуть, что возки Маврикия двигались обратно в Регенсбург вместе с **к** ческим караваном.

Отдельного разговора заслуживала бы дальняя **торго** средневековых еврейских купцов, несомненно, **достигавша** и Руси, но сведения о ней имеются главным образом в **евре** ских же текстах (см. часть III, гл. 5). В западноевропейских : мятниках о международной торговле еврейских купцов речь **иде** многократно, хотя ее восточноевропейский аспект только **изред** ка угадывается. В качестве примера можно привести два **уц** минания (под 1180/81 и 1181/82 гг.) в *отчетах английского начейства* об «иудее Исааке из Руси (de Russia)», **кото** вместе с двумя другими еврейскими негодантантами внес в ка ну 10 марок, а через год еще 77 шиллингов и 9 пенсов «в **кач** стве налога, ибо о них известно, что они менялы» (это **ремесл** облагалось высокой пошлиной как очень доходное) (*Rotul. Hen II. Vol. 30. P. 134; Vol. 31. P. 143*).

6.2. РУСЬ И БАЛТИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Данные археологии убеждают, что так или иначе земли будущей Северной Руси принимала участие в международных торговых связях по Балтике с очень ранних пор — уже с конца VIII в. И сколько-нибудь определенные сведения о таком участии в письменных источниках появляются значительно позднее. В западноевропейских памятниках это связано с началом сложения во второй половине XII в. торгово-политического объединения немецких городов, впоследствии получившего название Ганзы (нем. *Hansa* или *Hanse*). Более ранние свидетельства отрывочны и недостаточно определены. Так, точный хронометраж морских маршрутов от датского порта Шлезвига, торгового города Любека в устье Одры или шведской Бирки до «Острогарда Русей» (*Ostrogard Ruzziae*) в «Хронике» Адама Бременского (Adam Brem. II, 22; IV, II; IV, 20, *schol.* 126. Р. 80, 240, 249) (см. о ней в Введении, 2.5, а также в гл. 4.1.1) заставляет думать о «надежности» этих путей (в своей основе, конечно же, торговых) с середины XI в., хотя само слово «торговля» Адамом прямо и не произнесено.

В загадочном «Острогарде» историки часто видят Новгород, но, скорее всего, это пункт неопределенной локализации, Русь вообще. О том же говорит и схолия 120 в самой хронике (правда принадлежащая не Адаму Бременскому, а его редактору рубежа XI–XII вв.): «Русь варварами-датчанами зовется Острогардом, потому что, расположенная на востоке, она, подобно орошенному саду, изобилует всеми благами» (Adam Brem. IV, II, *schol.* 120. Р. 24). Немецкий автор схолии почти правильно уловил этимологию названия (*ost* — «восток» + *gard* — «сад»); оно происходит от устоявшегося и превратившегося в своеобразный географический термин оборота в скандинавских языках: *austr i Gørðum* «на востоке в Гардах» (т.е. на Руси: «Гарды», «Гардарики» — скандинавские наименования Руси) (ср.: часть V, гл. 1).

Предпосылка для консолидации немецких городов, участвовавших в балтийской торговле, была создана в 1158 г. в результате присоединения называемого второго основания города Любека (ныне на западе балтийского побережья Германии) по повелению саксонского герцога Генриха Льва (1142–1180 гг.), одного из известнейших представителей семейства Вельфов, грозного соперника императора Фридриха I Барбароссы. Об этом сообщается в «Славянской хронике» Хельмольда из Бозау (к северо-западу от Любека) (*Helmholti presbyteri Bozoviensis Chronica Slavorum*), созданной в течение 60–70-х годов XII в. В хронике есть и другие упоминания о Руси, но они восходят к сочинению Адама Бременского, служившего

го главным источником для **Хельмольда**. В главе I, 86 читаем: «И [зослал герцог послов по городам и королевствам Севера — Да Швеции, Норвегии, Руси (**Rucia**), предлагая им мир, дабы они : ли свободный доступ в его город Любек» (Helm. I, 86. P. 169). Оригинал учредительной грамоты Генриха не сохранился, но ее нормы воспроизведены в *привилегии Любеку*, изданной *императором Фридрихом I Барбароссой* в 1188 г., которая разъясняет нам, что имел в виду Хельмольд, говоря о «свободном доступе» **иностранцев** в Любек: «Русские (**Rutheni**), готландцы, норвежцы и **другие** восточные народы⁵¹ пусть приходят в упомянутый город без налога и пошлины и свободно покидают [его]» (Dipl. Frid. I. P. 10). Это установление подтверждено и в 1220-х годах «*Любекским таможенным уставом*»: «В Любеке не платит пошлины никто из граждан Шверина (торговый город на немецком побережье Балтики. — *Авт.*), а также никто из русских (**Rutenus**), норвежцев, шведов, ... ни готландец, ни ливонец, равно как и никто из восточных народов» (Tel. Lub. P. 37).

К этому времени относятся и первые дошедшие до нас тексты договоров Новгорода и Смоленска с Готландом и **немецкими** городами. Некоторые из них сохранились не только в древнерусских списках, но и в списках на латинском и **нижнемецком** (древнесаксонском) языках.

Вскоре после дарования Любеку права беспошлинной торговли появляются сведения о торговле с Русью, связанные и с **другими** городами, причем сведения такого рода, что предполагают уже юридически оформленный статус этой торговли и ее участников. В *грамоте кёльнского архиепископа Райнальда вестфальскому городу Медебаху* от 1165 г., посвященной **введению** в последнем торгового права города Зоста (Soest на севере Вестфалии, в будущем один из наиболее активных ганзейских городов), среди установлений, касающихся гражданского права, **есть** и порядок оформления ссуд купцам, отправляющимся за границу: «Если кто-либо дает свои деньги кому-нибудь из своих **сограждан**, чтобы тот торговал на них к обоюдной выгоде в Дании, или на Руси (**Rucia**), или в другой стране, то должен иметь **веродосто-йных** сограждан, которые бы видели [это] и были бы **свидетелями** этой сделки» (Dipl. Rein. Cap. 15. P. 74—75). Русь, как **видим**, названа как страна, куда чаще и прежде всего ездят купцы из **Ме-**

⁵¹ В отличие от Хельмольда, говорящего о «королевствах *Севера*», грамота пользуется терминологией, восходящей к скандинавской: «**восточные народы**»;

и била для выгодной торговли; поскольку рядом упомянута Дания, то речь идет, понятно, о морской торговле по Балтике.

Однако такая определенность не всегда достижима. Так, и в «*Жития падерборнского (Paderborn — город и епископство и Вестфалии, несколько севернее Медебаха) епископа Майнверка*» («*Vita Meinweri episcopi Paderbornensis*») (XII в.) известно, что этот видный церковный иерарх (занимавший кафедру в 1009—1036 гг.), принимал активное участие в торговле дорогими мехами, в том числе и восточноевропейскими. Это видно из упоминания, наряду с куньими, лисьими и белчьиными мехами, соболей («собольей шубы» — «*zebelina tunica*» — стоимостью «в шесть талантов», т.е. в 12 марок — ок. 2,5 кг серебра) и из знакомства с технологией выделки каракуля (Vita Meinw. стр. 44, 56, 85, 86, 111. Р. 39, 44-45, 52, 58); само заимствование термина *соболь* указывает на Русь как на источник этих меховых поступлений. Вместе с тем сказать, каким именно путем восточноевропейские меха попадали в данном случае в Саксонию, не представляется возможным: это мог быть и морской маршрут вроде того, что описан у Адама Бременского (Русь — Шлезвиг, оттуда сушею до Гамбурга), и сухопутный — через Прагу и/или Регенсбург. Древнерусские соболя были, очевидно, достаточно широко известны в Европе и рассматривались как один из предметов роскоши. В *постановлениях Хеддингтонского (близ Нортгемптона) собора* 1188 г., принятых под председательством английского короля Генриха II (1154—1189 гг.), собиравшегося возглавить Третий крестовый поход, среди мер по борьбе за вящую группу гость нравов, кроме запрета на азартные игры, было и запрещение на роскошные одежды из соболей (*sabelina*); постановления дошли в составе уже известной нам (см.: гл. 4.1.2) «Хроники» Роджера из Ховедена (Rog. Houed. T.2. Р. 336-337).

ГЛАВА 7. **РУССКИЕ «СХИЗМАТИКИ»:** НОВАЯ **ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ** ПОЛИТИКА ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ

До начала XIII в. нет сведений о каких-либо политических последствиях конфессионального противостояния Западной и Восточной церквей, которое находило выражение главным образом во внутрицерковной полемике. Здесь не место говорить

о многочисленных древнерусских и византийских полемических сочинениях против «латинян», да и их (менее выразительны западные аналоги не могут интересовать нас, так как не являются источниками по истории Руси в собственном смысле слова. Обратим внимание только на некоторые примеры конфессионально обусловленных оценок Руси и русских в западноевропейских текстах.

*Послание краковского епископа Матфея к Бернарду Клервскому*⁵² (Matthaei Cracoviensis episcopi epistula ad S. Bernardum abbatem Clarendallensem) является ответом на запрос самого Бернарда, «возможно ли кому-либо ... искоренить нечестивые обычаи и церковные обычаи русских (Rutheni)» (Ер. Matth. Bern. P. 159). Написано оно в 40-е годы XII в. Послание довольно просто вследствие того, что «наполнено почти одними восклицаниями», как справедливо заметил русский археограф А.И.Тургенев; поэтому следуем его примеру и приводим лишь содержательные выдержки. По мнению автора послания, обращение русских — дело трудное и взяться за него было бы по силам только самому Бернарду. Далее следует характеристика русских:

«Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный ; дам, не блюдет правил православной (orthodoxa) (т.е. католической). — Авт., веры и установлений истинной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня (т.е. в евхаристии. — Авт.), но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов] а также в других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать — еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами : совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинскими ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге автор послания призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на ! си, которая — словно другой мир» (Ер. Matth. Bern. P. 159–160).

Крайне характерно, что Русь уже тогда, в середине XII в., задолго до «татарского ига» и зарождения пресловутой московской ксенофобии (к которым так охотно возводят разделение между Россией и прочей Европой), взгляду с Запада представлялась особым «другим миром». При всем том епископ Матфей не слишком вдаётся в вопрос, в чем же, собственно, заключается «еретическое

⁵² Св. Бернард Клервоский (1091—1153 гг.) — аббат монастыря в Клерво в Бургундии, знаменитый богослов, мистик, церковный реформатор, основатель Ордена цистерцианцев (по названию монастыря Бернарда в Cîteaux, по-латыни • Cisterciuni), вдохновитель Второго крестового похода 1147 г.

» русских. Его конкретные обвинения в искажении евхаристического таинства (в Восточной церкви, как известно, в нем используют квасной хлеб, тогда как в Западной — пресный) таинства брака сродни аналогичным упрекам православных в адюльтерах и голиков. Впрочем, в последнем случае автор послания, вероятно, имел в виду то, что на Руси браки с католиками не дописались (расторгались) и требовалось новое крещение католиков по православному обряду (перекрещивание) (т.е. католическое крещение считалось безблагодатным, недействительным). Это явление встречается и у других латинских авторов (например, в булле папы Гонория III от февраля 1222 г., цитируемой в послании), но вряд ли оно вполне оправдано. Как греческими, так и древнерусскими (см. ответы новгородского епископа Нифонта, епископа Матфея, на вопросы иеромонаха Кирика. — Вопросы истории. Гл. 10. С. 26—27) церковными установлениями при переходе католиков в православие требовалось только миропомазание.

• Известны древнерусские особые чины принятия в православие мусульман, иудеев и др., но применительно к «латинянам» такой чин не было. Смену имени католичками при заключении брака с русскими князьями (см. неоднократно выше) нельзя считать свидетельством перекрещивания, что вполне доказывает латинский молитвенник польки Гертруды, жены киевского князя Ярослава Ярославича, часть молитв в котором относится к началу периода волынского княжения ее сына Ярополка (Psalt. Gertr.: гл. 5.1. Ср., между прочим, и примеры смены имени при браках русских княжен с католиками; так, Евпраксия стала Адельбойгой: см.: гл. 5.3). Возможно, однако, что случаи перекрещивания все же имели место — скажем, вследствие личного неумеренного рвения отдельных священников — например, в Новгороде, где постоянно проживало значительное количество католиков и их контакты с местным населением были активны (известно, что новгородцы были иногда настолько индифферентны, что обращались то к православному, то к «латинскому» священнику. См. часть V, гл. 7.3).

Странно выглядит и утверждение автора послания, будто греки «отделились» не только от «Латинской», но и от «Греческой» церкви. Причину его можно было бы усмотреть в конфликте с Константинопольской патриархией вследствие поставления в июле 1147 г. без ее санкции в киевские митрополиты Григория Смолытича (по инициативе нового киевского князя Изяслава Мстиславича) — если бы тому не препятствовала датирован-

ка послания. Правда, есть основания предполагать какие церковные неурядицы между Царьградом и Киевом еще в ка-
це святительства митрополита Михаила I (1130–1145/46 гг.), **Ю**
торый отбыл в 1145 г. в Константинополь, а назад так и **не** :
нулся, ограничившись грозным «рукописанием» не вполне |
вестного содержания. Так или иначе, и здесь обвинения Мат
явно полемически заострены, и его мнение о русских как
тиках разделяли отнюдь не все его современники.

«с бесчисленным войском двинулся против пруссов, жесточайших
ров, проведя там длительное время. Против них, по неисповедимой воле **И**
жией, с огромным числом воинов выступили также и русские (**Rutheni**)
хотя и менее православные (**catholici**), но все же отмеченные именем хри
стиан. Все они, после тщательнейших приготовлений и оснащения, с уд
вительным благочестием с разных сторон вступили в землю язычников, и
земля содрогнулась от их вида; почти три месяца ходя [по Пруссии], он
опустошали все, предавали огню города и укрепления и сожгли также хри
с идолами близ города Мальхон, равно как и сам город» (*Ann. Magdeb.*,
a. 1147. P. 188–189).

Положение дел принципиально меняется после 1204 г., когда Константинополь оказался захвачен крестоносцами Четвертого крестового похода. Столица православной Византийской империи превратилась в центр империи Латинской, а цареградские патриархи перебрались в соседнюю Никею, ставшую столи-

III Икейской империи, преемницы Византии. Это вскоре привело к заметному росту роли папства в делах международной политики и к усилению конфессиональных различий как фактора политического. Папа Иннокентий III (1198—1216 гг.), так же и его преемники Гонорий III (1216—1227 гг.) и Григорий IX (1227—1241 гг.), прекрасно сознавали эту новую роль Рима в европейской политике и активно ее поддерживали. Уже в 1207 г. *иннокентий III* отправил *окружное послание* к Русской церкви и всему народу. Поскольку «страна греков и их церковь почти полностью вернулись к признанию апостольского престола (т.е. к римским папам. — *Авт.*) и подчиняются его распоряжениям, то представляется заблуждением, что часть (Русь и Русская церковь. — *Авт.*) не согласна с целым и что частное откололось от общего» (Encycl. *Инок. III.*). Видимо, *папа не* намеревался «исправить нечестивые обряды русских» в духе Бернарда Клервоского и краковского епископа Матфея и был готов довольствоваться немногим — признанием папского верховного авторитета, как признавали его тогда, скажем, православные цари Второго Болгарского царства (восстановленного в 1187 г.). О реакции на Руси на это послание ничего не известно, но на связи ее с *русскими* патриархами (откуда теперь получали поставленные киевские митрополиты) оно не повлияло. Зато идеей унии политическим инструментом активно заинтересовались

Дело в том, что после гибели в 1205 г. галицко-волынского князя Романа Мстиславича (см.: Введение, 2.1), оставшегося на руках своей вдовы Анны двух малолетних *сыновей* Даниила (впоследствии знаменитого Даниила Галицкого) и *Ильи*, в Галицкой земле началась затяжная смута, в результате которой в 1214 г. на галицком столе, по приглашению одного из партий влиятельного галицкого боярства, временно оказался не представитель династии Рюриковичей, а венгерский *князь* Кальман, сын короля Андрея II (1205—1235 гг.). И вот • читаем в этой связи в *послании Андрея II папе Иннокентию III*:

«Да будет известно вашему святейшеству, что вельможи и народ Галича нижайше молят нас, дабы мы сына нашего Кальмана поставили королем над ними, намеревающимися, подчинившись нашей власти, пребывать в единении и послушании святой Римской церкви, с тем, однако, чтобы им было дозволено ни в чем ином от своего обряда не отступать»; заключает король просьбой дать «архиепископу эстергомскому права апостольского наместника, чтобы он в силу их помазал названного сына наше-

го королем и взял с него клятву послушания святой Римской церкви» (1 Andr. II. P. 1).

А вот как выглядела эта мимолетная уния на практике по сведениям одной из русских летописей: «Король угорский посадил сына своего в Галиче, а епископа и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латинские на службу» (ПСРЛ. Т. 7. С. 11). Продолжалось это недолго, в Галиче началось восстание, в 1219 г., после упорной войны с венграми, там вокняжился пришедший из Новгорода Мстислав Мстиславич Удатный (1219-1228).

Об этом, между прочим, есть сведения и в западноевропейских источниках. Так, «Продолжение анналов монастыря в Мельке» (на Дунае, между Веной и Линцем), составленное в 1230-е годы в австрийском монастыре св. Креста (нем. Heiligenkreuz) («Annalium Mellicensium Continuatio Sancti crucensis»), кратко сообщает: «Андрей, король Венгрии, отправивший с войском на Русь (Ruscia), был ими немедленно обращен в бегство и погиб, потеряв немалую часть своего войска» (Cont. Sanctus, a. 1227. P. 627). Аналогичные известия есть и в других австрийских памятниках, например, в одном из «Клостернойбургских продолжений» («Continuatio Claustroneoburgensis») (Klosterneuburg — монастырь близ Вены) тех же «Мелькских анналов» (Cont. Claustr., a. 1227. P. 636).

Похожее в галицкой истории уже было. В 1188—1190 гг. во время смуты после смерти галицкого князя Ярослава Владимировича (которому в «Слове о полку Игореве» прилагается не вполне понятное прозвище «Осмомысл»), в Галиче уже наместничал венгерский королевич (тогда им был сам будущий Андрей II), но речи об унии не возникало. Новый дух времени выразился именно в попытке Андрея привлечь к делу папу ссылами на желание галичан будто бы «пребывать в единении с Римской церковью».

И впоследствии папы не оставляли попыток склонить русских князей к союзу с Римом. Такое предложение высказано, например, в послании папы Григория IX к владимиросудздалскому великому князю Юрию Всеволодовичу (1218-1238 гг.) от 18 июля 1231 г. (Ep. Greg. IX Georg. P. 33). Нельзя исключить, что политические интересы, действительно, могли побудить Юрия к каким-то маневрам в вопросе вероисповедания. В самом деле, к этому времени уже существовал еще один регион, где политика Руси (и в данном случае именно Руси Владимиро-Судздалской) сталкивалась с политикой папской — это Прибалтика. Часть прибалтийских языческих племен (финских еми и корелы на юге современной Финляндии и эстов к западу от Чудского озера, а также балтских латгалов, предков современных)

восточней, в низовьях Западной Двины) издавна, с XI в., состояла из более или менее определенных даннических отношений к Полоцкому городу (на Двине — к Полоцку). С учреждением в конце XII в. Ливонского епископства, построением в 1201 г. его центральной крепости Риги и образованием здесь в следующем 1202 г. Ливонского Ордена меченосцев (Ливонского ордена) началось вооруженное, хозяйственное и церковное освоение ими эстонских и латвийских земель. Это рано или поздно должно было привести Ливонский Орден к столкновению с Полоцком и Новгородом, а значит и с Владимиром, так как новгородский стол тогда занимали преимущественно князья из владимиро-суздальской ветви Рюриковичей. Дело еще более осложнялось тем, что в Северной Эстонии с 1219 г. действовали также датчане, а на юге Финляндии — шведы. Поскольку это наступление велось против населявших языческих, то оно было осенено авторитетом и санкцией христианства, которое постоянно выступало и как координирующая политическая сила.

Главным нарративным источником по русско-орденским отношениям этого времени является «Ливонская хроника» Генриха Латвийского (Heinrici Chronicon Livoniae), писавшаяся до 1225 г. В ней отражен процесс постепенной утраты Полоцком своего сюзеренитета над Нижним Подвиньем: по договору 1210 г. полоцкий князь Владимир признавал здешние завоевания крестоносцев, которые, со своей стороны, обязывались сократить выплату ливской дани Полоцку, но уже договор 1212 г. отменял эту данническую зависимость, хотя подтверждал, что русским купцам «открыт свободный путь по Двине». После мобилизации положения во Владимиро-Суздальском княжестве, пошатнувшегося после смерти Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176—1212 гг.), главным политическим противником Ордена стал новый владимирский великий князь Юрий Всеволодович. Генрих повествует о посольствах к нему со стороны эстонского и организованном Юрием походе 1223 г., когда Орден временно (хотя и на короткое время) утратил половину своих завоеваний в Эстонии.

Поэтому немудрено, что продолжали появляться папские грамоты (другой важнейший западноевропейский источник по истории борьбы Руси за сохранение своего влияния в Прибалтике) с призывами к русским князьям не чинить препятствий крестоносцам. Имеется даже такой любопытный документ, как послание папы Гонория III «ко всем русским королям» (reges Rus-

siae) от 17 января 1227 г., в котором папа, по какому-то разумению, изъявляет радость в связи с дошедшими до него донесениями о том, что они, русские князья, приглашают к себе своего легата, ибо «готовы совершенно отказаться от всех заблуждений, в которые впали» якобы «по недостатку проповедников» (Encycl. Honor. III, а. 1227). И все же опыт и здравый смысл побудили Гонория, прежде чем отправить легата, потребовать более внятного письменного подтверждения такого желания (надо ли говорить, что он его не дождался). Радость папы понятна: ведь еще недавно в своем *окружном послании* от 13 января 1221 г. он призывал к торговой блокаде Руси и корелы (к упаду от Ладожского озера) как «врагов веры» (Encycl. Honor. а. 1221). А в феврале 1222 г. им была направлена грозная *булла* *во всем судьям Ливонии*:

«От досточтимого брата нашего епископа ливонского дошло до нас, на жительство в Ливонию переселяются некоторые русские (Rutheni), которые, следуя отчасти (вспомним Матфея Краковского! — *Авт.*) греческим обрядам, как нечто порочное предают проклятию латинское крещение, посты и установленные посты (католической церкви. — *Авт.*) не соблюдают, а браки между новокрещенными [местными жителями] расторгают! Итак, дабы не возбудилась греческая схизма, если не будут пресечены и подобные бесчинства, а мы не предстали покровителями этого старого [латинства] в видоизмененном обличье, приказываем апостольской властью пресекать таковые бесчинства русских и, во избежание соблазна для новокрещенных, заставлять названных русских соблюдать латинские обряды, если из них, что они, упорствуя в греческих обрядах, отделяются от [своей] главы; то есть Римской церкви» (Encycl. Honor. III, а. 1222).

Явно пытаюсь лишить противника его главного идеологического козыря — лозунга христианизации язычников, новгородский князь Ярослав Всеволодович (брат Юрия и отец Александра Невского) в 1227 г., как сообщают древнерусские источники, ходил на емь и приказал крестить корелу, но ответом стало еще одно *послание*, на этот раз уже *папы Григория IX к римским властям*, от января 1229 г. с требованием прекратить торговлю с Русью стратегическими товарами того времени, т.е. оружием, конями, кораблями и даже продовольствием (Ер. Greg. IX Rig.; Новгород часто страдал от нехватки хлеба вследствие недородов, это запрещение касалось и той части готландского купечества, которая торговала с корелой и Русью (Encycl. Greg. IX). А в *послании Григория IX Ливонскому ордену* (1232 г.) рыцари призываются на борьбу с русскими, которые прямо именуются «врагами веры», вытесняющими вместе с язычниками «молодое насаждение церкви Божией» в Финляндии (Ер. Greg. IX Liv.

Ими перечислены здесь, разумеется, далеко не все актовые материалы первой половины XIII в., касающиеся прибалтийских и имеющие отношение к Руси. Источников значительно больше, хотя в умах историков все еще нет полной ясности по поводу роли и реальных целях папской политики в этой части Европы, о ее взаимосвязи с действиями Рима на юго-западе и в Галицко-Волынской земле. Но при всем том радикальное превращение русских из «менее православных», чем католики, христиан во «врагов веры» и еретиков-схизматиков **налицо**. Политика, выражением которой стали эти лозунги, получила свое развитие к середине XIII столетия, когда уния настоятельно предлагалась Руси как способ обеспечить себе поддержку в борьбе с монголо-татарами. На северо-востоке Руси Александр Ярославич Невский) и на юго-западе ее (Даниил Романович Галицкий) к этим предложениям отнеслись по-разному — рассказ о том уже выходит за хронологические рамки настоящего пособия.

В завершение хочется высказать одно предостережение: читатель не должен думать, что теперь он в общем и целом знаком с теми западноевропейскими источниками по истории Руси или с теми и со всеми наиболее важными сюжетами древнерусской истории, которые отразились в них. Это, конечно же, далеко не так. Причина такой неполноты не только в специфических целях учебного пособия (они требовали на наиболее подходящих примерах показать, как использование западноевропейских текстов при их надлежащей источниковедческой оценке и комбинации с древнерусскими и другими источниками позволяет становить связные исторические эпизоды) и его ограничении объема, но и в характере самих сведений о Руси и состоянии их изученности.

С первой половины XII в. в характере сведений о Руси в западноевропейских источниках происходит заметная и существенная перемена. Число их не делается меньше, но они мельчают, становятся более случайными, а как следствие — более смутными и трудом поддающимися интерпретации. Главная причина тому очевидна — это усилившееся дробление, регионализация международных связей Руси, связанные с политическим дроблением самого Древнерусского государства. На западе Киев, Волынь

(со стольным городом Владимиром Волынским) и особенно стремительно усиливавшееся Галицкое княжество, реже Полоцк, Чернигов или Владимиро-Суздальская Русь выступали как самостоятельные и разнонаправленные силы, преследовавшие собственные внешнеполитические интересы. Представить в рамках данного пособия всю эту пеструю картину, дробящуюся мозаикой в многочисленных западноевропейских источниках, — нечего и думать.

Далее, имеется большое количество известий, которые и поддаются убедительной интерпретации (или пока ее не получили) — и вовсе необязательно по причине краткости или неопределенности. Так, в «*Книге Бруно о саксонской войне*» («Brunonis Liber de bello Saxonico»), повествующей о борьбе восставших саксов против германского короля Генриха IV в 70–80-х годах XI в. с точки зрения современника событий и противника Генриха, есть довольно пространный рассказ (заимствованный, между прочим, и «Саксонским анналистом» см.: гл. 4.2) о том, как Генрих IV, с юных лет, по уверению автора, отличавшийся развращенностью и коварством, подозревая одного из своих приближенных, не нашел лучшего способа избавиться от него, чем «по какому-то выдуманному или настоящему делу послать его к королю Руси (rex Rusciae)». При этом он снабдил его грамотой, в которой, обращаясь к русскому князю, писал: «Знай, что свою дружбу ко мне ты лучше всего можешь доказать, если сделаешь так, чтобы этот мой посол никогда не вернулся в мое королевство — а подвергнешь ли ты его вечному заключению или смерти, безразлично». Благодаря счастливой случайности посол избегает грозившей ему участи, исполняет посольство и благополучно возвращается (Brun. bell. Sax. Cap. 13. P. 20–21). Многословное повествование носит все черты анекдота, и о том в какой мере в нем отразились те или иные реальные события и какие именно, остается только гадать.

Есть темы, которые получили освещение в западноевропейских источниках, но не затрагивались нами потому, что, взятые в своем полном объеме, они выходят за хронологические рамки пособия, т.е. по сути уже намечают контуры внешнеполитических отношений посломонгольского периода. Поясним сказанное примером. С 1230-х годов в западноевропейских (как и древнерусских) источниках появляются сведения о политическом сближении Даниила Романовича (тогда князя волынского) с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным

И Фридрих; герцог враждовал тогда с германским императором Фридрихом II (1212–1250 гг.), с которым поддерживал какие-то связи противник Даниила на Руси черниговский князь Михаил Всеволодович. Видимо, последний имеется в виду в *послании императора Фридриха II к чешскому королю Венцеславу* 10 июля 1235 г., в котором изложены провинности австрийского герцога перед императором; среди прочего, «он приказал отнять дары, отправленные нам с послами герцогом Руси (dux Rusciae)» (Ep. Frid. II Venc. P. 272). Даниил хотел идти «герцогови в помощь», как замечает галицко-волынський летописец, но не был пропущен венграми (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776–777). Этим же году он присутствовал на коронации венгерского короля Белы IV (1235–1272 гг.), о чем сохранился обстоятельный рассказ в «Венгерском хроникальном своде XIV в.» (см. о нем П. 1.3.2) (Chron. Hung. saec. XIV. P. 467). Но сколь бы ни были несомы как приведенные, так и другие данные на эту тему, они, в сущности, предваряют крупный блок сведений о борьбе Даниила Романовича (вернее, его сына Романа) за австрийское наследство, развернувшейся после гибели в 1246 г. последнего австрийского герцога из рода Бабенбергов; вне этого контекста рассматривать их не имеет смысла. Еще один, последний, штрих — к слову: Фридрих Воинственный вроде бы пал «в битве и единоборстве с неким русским королем (rex Rusciae), сравнившись с ним, но и сам получил от него смертельную рану и прожил только два дня; войско же его победило» (Ann. s. Pantal., a. 1246. P. 11); это сообщение читается в *«Анналах кёльнского монастыря св. Пантелеимона»* уже известного нам. Об этой же роковой для Фридриха войне «против трех королей: короля Венгрии, короля половцев (Gomanorum) и короля Руси» читаем и в других источниках — например, в *«Ламбахском (Lambach — монастырь в Австрии, к юго-западу от Линца) продолжении Мелькских анналов»* («Annalium Mellicensium Continuatione Lambacensis») (Cont. Lamb., a. 1246. P. 559) или в *«Анналах монастыря св. Руперта в Зальцбурге»* («Annales sancti Rudberti Salisburgenses»); здесь, правда, в качестве союзника «русского короля» выступает не «король половцев», а «король Пруссии (Bruscie)» (Ann. s. Rudb., a. 1246. P. 789). Но кто был этим «русским королем»? Загадка. И таких загадок, ждущих своих исследователей, по страницам западноевропейских источников рассеяно множество.

Источники

Вопрош. Кирик. — Вопрошание Кириково: Вопросы Кирика, (вы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. Ч. 1 / А.С.Павлов (Русская Историческая Библиотека. Т. 6).

Изб. 1073 — Изборник Святослава 1073 г. / Факсим. изд. под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.

Иларион — *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия / Составл., перев., коммент. М.Б.Свердлова. М.; Л., 1989-1990. [Ч. 1] IX—первая половина XII в.; [Ч. 2] Середина XII—середина XIII в.; [Ч. 3] Библиография⁵⁴.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII веков: Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1979.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/А.Н.Насонов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи Д.С.Лихачева; под ред. В.П.Адриановой-Перетц. 2-е изд., подгот. М.Б.Свердлов СПб., 1996. Сер.: Литературные памятники.

Прав. Иоан. II — Церковные правила митрополита Иоанна II // Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908, Ч. 1 / А.С.Павлов (Русская Историческая Библиотека. Т.6).

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л., 1928. Т. 1 (Лаврентьевская летопись); СПб., 1908. Т. 2 (Ипатьевская летопись); Т. 4. I Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915 (Новгородская IV летопись); Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. I (Софийская I летопись); 1-е изд. СПб., 1856. Т. 7 (Воскресенская летопись).

Сказ. БГ — Сказание и страсть и похвала святых мучеников Бориса и Глеба // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Д.И.Абрамович. Пг., 1916.

⁵³ В списке не повторяется та справочная литература, которая была названа во Введении. ⁵⁴ Некоторые источники, представленные в выпусках свода древнейших источников В.И.Матузовой и Н.И.Щавелевой, а также в сборнике М.Б.Свердлова, цитируются и нами, но каждый раз в собственном переводе, который в ряде случаев может существенно расходиться с предложенными в указанных работах.

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. Текст, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1990.

Adam Brem. — Adam Bremensis Chronicon **Hammaburgensis ecclesiae pontificum**; Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte / B.Schmeibner. 2. Aufl. Hannover; Leipzig, 1917 (MGH SS rer. Germ. [T. 1]).

Adem. Caban. — **Ademari** Cabannensis chronicon: Ademari de **Chabannes**. Chronique / **J.Chavanon**. Paris, 1897.

Alb. ann. Stad. — **Annales** Stadenses auctore Alberto / I.M.Lappenberg // MGH SS. Hannover, 1859. T. 16.

Albr. — Albrici monachi **Trium** fontium chronica / P.Scheffer-Boichorst // MGH SS. Hannover, 1874. T. 23.

Лпп. Altah. — Annales Altahenses maiores / L.B. ab Oefele. Hannover, 1891 (MGH SS rer. Germ. [T. 4]).

Лпп. Aug. — Annales Augustani / G.H.Pertz // MGH SS. Hannover, 1839. T. 3.

Лпп. Bert. — Annales Bertiniani: Annales de Saint-Bertin / **F.Grat**, **J.Vieillard**, P.Clemencet. Paris, 1964.

Лпп. Corb. — Annales **Corbeienses** / G.H.Pertz // MGH SS. Hannover, 1839. T. 3.

Ann. Crac. — Annales capituli Cracoviensis: Rocznik **Kapituły krakowskiej** / **Z.Kozłowska-Budkowa** // MPH NS. Warszawa, 1978. T. 5.

Ann. s. Disib. — Annales sancti Disibodi / G.Waitz // MGH SS. Hannover, 1861. T. 17.

Ann. s. Galli — Annales sancti **Galli** (continuatio Sangallensis chronici **Herimanni** Augiensis) / **A.Schütz** // MGH SS rer. Germ. NS. T. 18 (в **не-полн.**).

Ann. Hild. — Annales **Hildesheimenses** / G.Waitz. Hannover, 1878 (MGH SS rer. Germ. [T.8]).

Ann. s. Iacob. — Annales sancti **Iacobi** Leodiensis / G.H.Pertz // MGH SS. Hannover, 1859. T. 16.

Ann. Magd. — Annales Magdeburgenses / G.H.Pertz // MGH SS. Hannover, 1859. T. 16.

Ann. s. Pantal. — Annales sancti Pantaleonis Coloniensis / H.Cardanus // MGH SS. Hannover, 1872. T.22.

Ann. Quedl. — Annales **Quedlinburgenses** / G.H.Pertz // MGH SS. Hannover, 1839. T. 3.

Ann. s. Rudb. — Annales sancti Rudberti Salisburgenses / W.Wattenbach // MGH SS. Hannover, 1851. T.9.

Ann. Saxo — Annalista Saxo / G.Waitz // MGH SS. Hannover, 1844. T. 6.

Anon. Gesta Hung. — Anonymi Gesta Hungarorum: P. magistris, qui **Anonymus** dicitur, Gesta Hungarorum / **Ae. Jakubovich** // SRA. Budapest, 1937. Vol. 1.

Ant. Bonf. — **Antonius** de Bonfinis. **Rerum** Hungaricarum Decades / **L.Fögel**, **B.Ivanyi**, **L.Juhasz**. Lipsiae; Budapestini, 1936-1941. T. 1-4.

AQDGM — Ausgewählte **Q**uellen zur deutschen Geschichte des **M**ittelalters: Freiherr vom Stein-Gedachtnisausgabe / **B**egründet von **R. Bu**ner, fortgeführt von **F.-J. Schmale**. Berlin, 1955 ff.

Bern. — **Bernoldi** chronicon / G.H.Pertz // MGH SS. Hannover, 1841. T. 5.

Bouquet — Recueil des **H**istoriens des Gaules et de la France / **M. Bo**quet e.a. Paris, 1738-1904.

Brun. bell. Sax. — Brunonis Liber de bello Saxonico // Quellen t\ Geschichte Kaiser Heinrichs IV. / F.-J.Schmale. Darmstadt, 1963 (**AQDGM** Bd. 12).

Brun. vita s. **Adalb.** — Vita sancti Adalberti martyris auctore **Bruno** Querfurtensi: Sw. Wojciecha biskupa i **męczennika** żywot drugi / **J. Ka**wasińska // MPH NS. Warszawa, 1969. T.4. Pars 2.

Chron. Hung. saec. XIV — Chronici Hungarici compositio saecul\ XIV / **A.Domanovszky** // SRA. Budapest, 1937. Vol. 1.

Chron. Rosenf. — Chronica ecclesiae Rosenfeldensis seu **Hassefelden**sis // *Vogt J.* Monumenta inedita rerum **Germanicarum**, praecipue **Br**emensium. Bremen, 1740. T. 1.

Chron. Salern. — Chronicon Salernitanum / U.Westerbergh. Stockholm* 1956 (Studia Latina **Stockholmensia**. T.3).

Clar. — Clarius. Chronicon sancti Petri Vivi Senonensis / L.-M.Duru *n* Bibliotheque historique de l'Yonne. Auxerre, 1863. T.2.

Cont. Claust. — Annalium Mellicensium continuatio **Claustro**neoburgensis tertia / W.Wattenbach // MGH SS. Hannover, 1851. T.9. J

Cont. Lamb. — Annalium Mellicensium continuatio Lambacensis **W**.Wattenbach // MGH SS. Hannover, 1851. T.9.

Cont. Reg. — Continuatio chronici Reginonis abbatis Prumiensis // **Regi**nonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi Л F.Kurze. Hannover, 1890 (MGH SS rer Germ. [T.50]).

Cont. **Sancruc.** — Annalium Mellicensium continuatio **Sancrucensi** prima / W.Wattenbach // MGH SS. Hannover, 1851. T.9.

Cosm. — **Cosmae** Pragensis Chronicon Boemorum: Die Chronik der Bohmen des **Cosmas** von Prag / B.Bretholz unter Mitarb. von W.Weinberger, j Berlin, 1923 (MGH SS. rer. Germ. NS. T. 2); русский перевод: **Козьма Пражский**. Чешская хроника / Вступ. статья, перев. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1962.

Dipl. Frid. I Lub. — [Diploma Friderici I imperatoris civitati Lubicensi] // **LECUB. Reval**, 1853. T. 1. № 7.

Dipl. Greg. IX Sand. — [Diploma **Gregorii IX** papae ad ecclesiam **Sandomeriae**] // HRM. № 40.

Dipl. Greg. IX Ulr. — [Diploma Gregorii IX papae ad Ulricum] // HRM. № 39.

Dipl. Henr. Strig. — [Diploma Henrici Hungariae regis monasterio Strigoniensi] // Codex diplomaticus Hungariae / G.Fejer. Budapest, 1841. T. 7. № 76.

- Dipl. Ioann. XIII — [Diploma papae Ioannis XIII Adalberto archiepiscopo **Magdeburgensi**] // Papsturkunden, 896—1046 / **Bearb.** H. Zimmermann. Aufl. Wien, 1988. Bd. 1. № 190 (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 174).
- Dipl. Kasim. II — [Diploma Kasimiri II anno 1176] // Codex diplomaticus polonicus / L. Ryszczewski, A. Muczkowski. Warszawa, 1847. T. 1.
- Dipl. Leop. V — [Diploma Leopoldi V Austriae ducis **privilegium** feodum Ratiponensibus datum] // Urkundenbuch zur Geschichte der **Steirer** in Österreich / H. Fichtenau, E. Zollner. Wien, 1950. Bd. 1. (Publikationen des Institutes für österreichische Geschichtsforschung. Reihe).
- Dipl. Leop. VI — [Diploma Leopoldi VI Austriae ducis de **mutis et teloneis**] // **Knittler** H. Eine Markt- und Zollordnung Herzog Leopolds VI. // **Mon.** Wien, 1977. Bd. 85.
- Dipl. Lud. II Alt. — [Diploma Ludovici II Germanici regis monasterio **Althensi**] // Die Urkunden Ludwigs des Deutschen, Karlmanns und Ludwig des **Jüngeren** / P. Kehr // MGH DD **regum** Germaniae ex stirpe **Carolinorum**. Hannover, 1934. T. 1. № 109.
- Dipl. Ottok. IV — [Diploma Ottokari IV Stiriae ducis de iura nundiarum villae Anasensis] // Regensburger Urkundenbuch. **München**, 1912. Bd. 1 / J. Widemann. № 43 (Monumenta Boica. T. 53 [Nova Series. T. 7]).
- Dipl. Rein. — [Diploma **Reinaldi** archiepiscopi Coloniensis oppidanis in Medebach] // Urkundenbuch zur Landes- und **Rechtsgeschichte** des **Reichs** Westfalen / J. S. Seibertz. Arnberg, 1839. Bd. 1. № 55.
- Dipl. Suec. — Diplomatarium Suecicum: Svenskt Diplomatarium. **Stockholm**, 1829. T. 1 / J. Liljegen.
- Dlug. — Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni **Poloniae**. **Warszawa**, 1964. [T. 1] Lib. I—II; 1973. [T. 3] Lib. V—VI.
- Doniz. vita Math. — Vita Mathildis celeberrimae principis Italiae **carminescripta** a Donizone presbytero, qui in arce Canusina vixit / **L. Simeoni**. Bologna, 1931-1940 (Muratori [2]. T. 5. Pars 2).
- Encycl. Greg. IX — [Encyclicae Gregorii IX papae] // Dipl. Suec. № 253.
- Encycl. Honor. III a. 1221 — [Encyclicae Honorii III papae] // Dipl. Suec. № 206.
- Encycl. Honor. III a. 1222 — [Encyclicae Honorii III papae ad iudices in Livonia] // LECUB. Reval, 1853. T. 1. № 55.
- Encycl. Honor. III a. 1227 — [Encyclicae Honorii III papae ad universos Russiae reges] // LECUB. Reval, 1853. T. 1. № 95.
- Encycl. Innoc. III — [Encyclicae Innocentii III papae] // HRM. № 3.
- Ep. Andr. II — [Epistola Andreae II regis Hungariae ad Innocentium III papam] // Vetera Monumenta Historica Hungariae **Sacram** illustrantia / **A. Theiner**. Budapest, 1859. T. 1. № 1.
- Ep. Brun. — [Epistola **Brunonis** Querfurtensis ad Heinricum II regem] // List Brunona do króla Henryka / **J. Karwasinska** // MPH NS. Warszawa, 1973. T. 4. Pars 3.

Ep. Frid. II Venc. — [Epistola Friderici II imperatoris ad Venceslā II Boemorum regem] // MGH LL Constitutiones et acta publica imperum et regum / L.Weiland. Hannover, 1896. T. 2.

Ep. Gerv. — [Epistola Gervasii archiepiscopi Remensis ad Alexā II papam] // Bouquet. T. 11.

Ep. Greg. VII Bol. — [Epistola Gregorii VII papae ad Boleslavum II Poloniae ducem] // Das Register Gregors VII. / E.Caspar. Berlin, 1920. Bd. № II, 73 (MGH Epistolae selectae. T.2. Fasc. 1).

Ep. Greg. VII Iz. — [Epistola Gregorii VII papae ad Izaslavum (Demetrium) Russiae regem] // Das Register Gregors VII. / E. Caspar. Berlin 1920. Bd. 1. № II, 74 (MGH Epistolae selectae. T. 2. Fasc. 1).

Ep. Greg. IX Georg. — [Epistola Gregorii IX papae ad Georgium Russiae regem] // HRM. № 33.

Ep. Greg. IX Rig. — [Epistola Gregorii IX papae ad Rigae episcopum] // LECUB. Reval, 1857. T. 3. № 100a.

Ep. Greg. IX Liv. — [Epistola Gregorii IX papae ad Christi milites Livonia] // LECUB. Reval, 1853. T. 1. № 128.

Ep. Matth. Bern. — Matthaei Cracoviensis episcopi epistola ad sanctum Bernardum abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione // Шавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1990.

Ep. Nic. II Ann. — [Epistola Nicolai II papae ad Annam reginam] // Bouquet. T. 11.

Fonti — Fonti per la storia d'Italia pubblicati dall'Istituto storico Italiano per il medio evo.

Fragm. Flor. — Chronici Floriacensis fragmenta // Bouquet. T. 11.

Frut. — Frutolfi chronicon cum Ekkehardi Uraugiensis continuatione: Frutolfs und Ekkehards Chroniken und die anonyme Kaiserchronik / F.-J.Schmale, I.Schmale-Ott. Darmstadt, 1972 (AQDGM. Bd. 15).

Gall. — Galli Anonymi Cronicae et Gesta ducum sive principum Polonorum / K.Maleczyński // MPH NS. Krakow, 1952. T.2; русский перевод: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., перев. и примеч. Л.М.Поповой. М., 1961.

Geffr. Gaim. — Geffrei Gaimar. L'Estoire des Engles / A.Bell. Oxford, 1960.

Gen. Welf. — Genealogia Welforum / E.Konig // Schw. Chr. Stuttgart; Berlin, 1938. Bd.1.

Geogr. Bav. — Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii sive Geographus Bavarus // Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

Gerv. Tilb. Otia — Gervasii Tilberiensis Otia imperialia // Scriptores rerum Brunsvicensium / G.Leibnitz. Hannover, 1710. T.2.

Gesta Magd. — Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium | A. Schum // MGH SS. Hannover, 1883. T.14.

<lossa **Rem.** — Glossa Remensis ad Psalterium Odalrici // Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France: Départements. Paris, 1904. T.38. №15.

Heinr. — **Heinrici** chronicon Livoniae: *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / С.А.Аннинский. М.; Л., 1938 (здесь же и русский перевод).

Helm. — **Helmoldi** presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum: **Hel-moldi** Slavenchronik / **B.Schmeidler**. Hannover, 1937 (MGH SS rer. Germ. [2]); русский перевод: *Гельмольд*. Славянская хроника / Предисл., перекл. и примеч. Л.В.Разумовской. М., 1963.

Hist. Welf. — **Historia** Welforum Weingartensis / **E.Konig** // **Schw.** Stuttgart; Berlin, 1938. Bd.1.

IRM — **Historica** Russiae Monumenta / Ex antiquis exterarum gen-erum archivis et bibliothecis diprompta ab **A.I.Turgenievo**. SPb., 1841. T. 1.

Inscr. Iz. — [**Inscriptio** Izaslavi (Demetrii) Russiae regis in pallio m. ti Adalberti] // *Линниченко П.А.* Новооткрытое свидетельство о вре-мени вел. кн. Изяслава Ярославича // Археологические известия и за-писки, издаваемые Имп. Археологическим обществом. М., 1894. № 11.

Ioan. Diac. — **Ioannis** Diaconi Chronicon Venetum: La cronaca veneziana di diacono Giovanni // *Cronache veneziane antievissime* / **G.Monticolo**. Roma, 1890. T. 1 (Fonti. [T.9]).

Lamp. — **Lamperti** Hersfeldensis annales: **Lamperti monachi** Hersfeldensis opera / **O.Holder-Egger**. Hannover; Leipzig, 1894 (MGH SS rer. Germ. [T.38]).

LECUB — **Liv-, Esth- und Curlandisches** Urkundenbuch nebst Reges-ten / **F.G. von Bunge**. **Reval**, 1853. T. 1 (1093-1300).

Leg. Edw. Conf. — **Leges** Edwardi **Confessoris** // Die Gesetze der **Angel-sachsen** / **F.Liebermann**. Halle, 1903. Bd. 1.

Lib. confr. Aug. — **Liber** confraternitatum monasterii Augiensis: Das Brüderungsbuch der Abtei Reichenau / **J.Autenrieth**, **D.Geuenich**, **K.Schmid** // **MGH Libri memoriales et Necrologia**. NS. Hannover, 1979. T. 1.

Lib. de unit. — **Liber** de unitate ecclesiae conservanda // **Quellen zum Investiturstreit** / **I.Schmale-Ott**. Darmstadt, 1984. T.2 (**AQDGM**. Bd.12 b).

Liudpr. Antap. — **Liudprandi** episcopi Cremonensis Antapodosis // Die Werke Liudprands von Cremona / **J.Becker**. 3. **Aufl.** Hannover; Leipzig, 1915 (MGH SS rer. Germ. [T.41]).

Liudpr. Leg. — **Liudprandi** episcopi Cremonensis Relatio de legatione Constantinopolitana // Die Werke Liudprands von Cremona / **J.Becker**. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915 (MGH SS rer. Germ. [T. 41]).

Matth. Paris. — **Matthaei** Parisiensis monachi sancti Albani Chronica maiora / **H.R.Luard**. London, 1872-1883. Vol. 1-7 (RS. N 57).

MGH — **Monumenta** Germaniae Historica.

MGH DD — **Monumenta** Germaniae Historica, Diplomata.

MGH Dt. Chr. — **Monumenta** Germaniae Historica, Scriptores qui vernacula lingua usi sunt (Deutsche Chroniken).

MGH LL — **Monumenta** Germaniae Historica, Leges.

MGH SS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores (in folio),
MGH SS rer. Germ. — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum
Germanicarum in usum scholarum separatim editi.

MGH SS rer. Germ. NS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores
rerum Germanicarum, Nova series.

MIOG — Mitteilungen des Institute für österreichische Geschichtsforschung.

MPH — Monumenta Poloniae Historica: Pomniki dziejowe Polsk
Krakow, 1864-1893. T. 1-6.

MPH NS — Monumenta Poloniae Historica, Nova Series (или: Series II)

Muratori (2) — *Muratori* L. Rerum Italicarum Scriptores. Editio nova,
Città di Castello, 1900 ff.

Necr. s. Pantal. — Necrologium sancti Pantaleonis Coloniensis //
Rheinische Urbare: Sammlung von Urbaren und anderen Quellen zur
rheinischen Wirtschaftsgeschichte. Bonn, 1902. Bd. 1: Die Urbare von S. Pan-
taleon in Köln / B. Hilliger (Publikationen der Gesellschaft für Rheinische
Geschichtskunde. Bd. 20/1).

Necr. s. Petri — Necrologium sancti Petri Erfordensis: Excerpta
necrologio sancti Petri Erfordiae // *Schannat* J. F. Vindemiae litterariae
est veterum monumentorum ad Germaniam sacram praecipue spectan-
tium collectio secunda. Fuldae; Lipsiae, 1724.

PL — *Migne* J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina. Paris
1844-1865. T. 1-217.

RS — Rolls Series (Rerum Britannicarum mediæ aevi scriptores).

Psalt. Gertr. — Psalterium Gertrudis: Manuscriptum Gertrudae fili-
Miseconis II regis Poloniae / V. Meysztowicz // Antemurale: Dissertation
in X Intern. Congressu scientiarum Historicarum Romae a. MCMLV a sociis
Societatis Historicae Poloniae in exteris praesentatae. Romae, 1955. T. 2.

Regensb. Kaiserchr. — Kaiserchronik eines Regensburger Geistlichen /
E. Schröder // MGH Dt. Chron. Hannover, 1892. T. 1. Pars 1.

Rog. Houed. — Chronica magistri Rogeri de Houedone / W. Stubbs. London,
1868-1871. Vol. 1-4 (RS. № 51).

Rotul. Henr. II — Rotulum Henrici II regis Angliae: The Great Roll
of the Pipe for the Twenty-Seventh Year of the Reign of King Henry the
Second, A.D. 1180-1181 // The Publications of the Pipe Roll Society /
J. C. Round. London, 1909-1910. Vol. 30-31.

Rup. s. Pantal. — Ruperti abbatis Diutiensis sermo de sancto Pantaleone // *Coens* M. Un sermon inconnu de Rupert, abbé de Deutz, sur S. Pantaleon // *Analecta Bollandiana*. Bruxelles, 1937. T. 55.

Sachs. Weltchr. — Sachsische Weltchronik / L. Weiland // MGH
Chron. Hannover, 1877. T. 2.

Schw. Chr. — Schwabische Chroniken der Stauferzeit.

Sigeb. Gembl. — Sigeberti Gemblacensis chronicon / L. C. Bethmann //
MGH SS. Hannover, 1844. T. 6.

Sim. Kez. — Simonis de Keza Gesta **Hungarorum** / A.Domanovszky // **Л** Budapest, 1937. Vol. 1.

HRA — Scriptorum Rerum Hungaricarum tempore **ducum regumque** stiracis **Atipadianae gestarum** / E. Szentpetery. Budapest, 1937-1938. Vol. 1-2.

Pol. Lub. — Telonea Lubecensia // Codex diplomaticus Lubecensis: **Lubeckisches Urkundenbuch**. 1. Abt.: Urkundenbuch der Stadt Lubeck. Lubeck, 1843. T. 1. № 32.

IVL Raff. — Inquisitio de teloneis Raffelstettensis // **Назарен-
• • / ф** Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, переводы, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

Thietm. — Thietmari episcopi Merseburgensis **chronicon**: Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier **Überarbeitung** / H. Holtzmann. 3. Aufl. Berlin, 1935 (MGH SS rer. **Germ.** NS. T. 9).

Thur. — **Johannes de Thúrocz**. Chronica Hungarorum. Budapest, 1986. T. 1: Textus / E. Galantai, J. Kristó (Bibliotheca **Scriptorum Medii Recentisque Aevi**. NS. T. 7).

Trad. s. **Emmer.** — **Liber traditionum** sancti Emmerami: Die Traditionen des Klosters Regensburg und des Klosters S. **Emmeram** / J. Widemann. München, 1943 (Quellen und Erörterungen zur **bayerischen** Geschichte. Neue Folge. Bd. 8).

Vinc. **Kadl.** — Magistri Vincentii Chronicon Polonorum / A. Bielowski // **MPH. Lwów**, 1872. T. 2.

Vita s. **Няц.** — De vita et miraculis sancti Jachonis O.F.P. / L. Cwikliński // **MPH. Lwow**, 1884. T. 4.

Vita s. Lietb. — Vita sancti Lietberti Cameracensis // **PL**. T. 146.

Vita s. Mar. — Vita sancti Mariani Scoti / **J. Gamansius** // **AS**. Februarii T. 2. Paris, 1864.

Vita. Meinw. — Vita Meinwerki, episcopi Paderbornensis: Das Leben des Bischofs Meinwerk / H. Tenckhoff. Berlin, 1921 (MGH SS rer. **Germ.** [T. 59]).

Vita b. Rom. — Petri **Damiani** vita beati Romualdi / G. Tabacco. Roma, 1957 (Fonti. T. 94).

Wip. vita Chuonr. — Wiponis vita Chuonradi II imperatoris // Die Werke Wipos / H. Bresslau. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915 (MGH. SS rer. **Germ.** [T. 61]).

ЛИТЕРАТУРА

Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с **Регенсбургом** // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Июль. С. 121-150.

Головко А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. Киев, 1988.

Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

- Королюк В.Д.** Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.
- Линниченко И.А.** Взаимные отношения Руси и Польши до половны XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1.
- Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. М., 1994. С. 5–138.
- Пашуто В.Т.** Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Флоровский А.В.** Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVII вв.). Прага, 1935. Т. 1.
- Шушарин В.П.** Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 420–452.
- Balzer O.** Genealogia Piastow. Krakow, 1895.
- de Baumgarten N.** Généalogies et monnaies des Slaves russes du Xe au XIIIe siècle. Leipzig, 1927 (Orientalia Sinensia. Vol. 3, 1927).
- Block R.** Verwandtschaftliche Beziehungen des sachsischen Adels zum russischen Fürstenhaus im 11. Jahrhundert // Festschrift Albert Brackmann dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern. Weimar, 1941. S. 185–206.
- Braun F.** Russland und die Deutschen in alter Zeit // Germanica Festschrift für Eduard Sievers. Halle, 1925. S. 678–727.
- Ediger Th.** Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischer Kurie. Halle, 1911.
- Hellmann M.** Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa im Mittelalter: Gesammelte Aufsätze. Amsterdam, 1988.
- Lozinskij G.** La Russie dans la littérature française du moyen âge Revue des Etudes Slaves. Paris, 1929. T. 9. Fasc. 1–2. P. 71–88; Fasc. 3–4. P. 253–269.
- Lowmiański H.** Początki Polski. Warszawa, 1973. T. 5.
- Rhode G.** Die Ostgrenze Polens. Köln; Graz, 1955. Bd. I.
- Russen und Russland aus deutscher Sicht 9.–17. Jahrhundert M. Keller. München, 1985 (West-östliche Spiegelungen: Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht: Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte der deutsch-russischen Fremdenbilder unter Leitung von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 1).
- Sverdlov M.** Nachrichten über die Rus' in der deutschen historischen Überlieferung des 9.–13. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1975. Bd. 19/1. S. 167–182.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ И ПОВТОРЕНИЯ

1. Чем определяется ценность западноевропейских источников для истории Древней Руси?

Что дают наиболее ранние упоминания о Руси в западноевропейских источниках для понимания процессов, связанных со становлением Древнерусского государства?

Сравните историю проникновения христианства на Русь и ее крещения по древнерусским, византийским, восточным и западноевропейским источникам.

Поставьте образ крестителя Руси киевского князя Владимира Святославича в «Повести временных лет» и западноевропейских источниках.

Каковы главные этапы и основные направления внешнеполитических связей Руси периода правления Ярослава Мудрого?

Что принципиально нового дают западноевропейские источники сравнительно с «Повестью временных лет» относительно сыновей Ярослава Мудрого?

Какие новые темы и действующие лица появляются в западноевропейских источниках о Руси в XII в. сравнительно с предыдущим периодом?

Назовите важнейшие западноевропейские источники, характеризующие международную торговлю Древней Руси, и выделите их особенности по сравнению с источниками о политических связях.

Каковы главные направления международной торговли Руси по западным источникам?

1. В какой мере и с каких пор в западноевропейских источниках отразились конфессиональные различия между Русью и странами «латинской» Европы?

Часть V

СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ВВЕДЕНИЕ

1. СКАНДИНАВИЯ VIII–XIII вв. и ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Эпоха викингов¹ была наиболее ярким временем в истории скандинавских стран, когда большая часть мужского населения, по крайней мере в юности, отправлялась на поиски богатства и славы, а нередко и нового места жительства, в заморские страны, «Господи, спаси нас от чумы и нападений норманнов!», — молились английские монахи, и им вторили жители Германий и Франции. В своих странствиях викинги доходили до Испании (в 844 г. они захватили Севилью) и Италии, достигали Белого, Каспийского и Черного морей. Несколько раз они осаждали Париж и получали огромные деньги от французских королей в качестве откупа. В X в. от грабительских набегов они перешли к захвату земель и расселению на них, основав герцогство **Нормандия** во Франции и «область датского права» в Средней Англии. В IX–X вв. они освоили острова Атлантического океана: **Оркнейские, Фарёрские, Шетландские**, Исландию, Гренландию и даже попытались основать колонии в Северной Америке.

¹ Традиционная дата начала эпохи викингов — 793 г. (нападение викингов на монастырь св. Кутберта на о. Линдисфарн у восточного побережья Англии) — условна. В настоящее время дата начала эпохи викингов широко обсуждается. Предполагается, что ее можно отнести уже к 730-м годам. Завершается эпоха викингов во второй половине XI в. (принятая дата — 1066 г., гибель норвежского конунга Харальда Сурового Правителя в Англии в битве при Стамфорд-бридже).

Походы викингов были естественным результатом бурного социально-политического развития древнескандинавского общества I тыс. н.э. К началу эпохи викингов в Южной Ютландии, Средней Швеции (Свеаланде) и, возможно, в других регионах скандинавского мира возникают первые раннегосударственные образования — «дружинные» государства. Власть избираемого «короля» (в скандинавских источниках он называется *rex*, в скандинавских *konungr*) осуществляется с помощью дружины, которая выполняет, наряду с военными, все основные функции управления: сбор податей, административное управление, суд. Эти государства занимают небольшие территории и крайне неустойчивы — их существование зависит от военной мощи и удачи конунга и его дружины. Поэтому политическая карта Северной Европы VIII–X вв. непрерывно менялась. Однако к концу X в. выделяется и укрепляется несколько более крупных государственных образований, которые постепенно растут за счет прилегающих земель.

В Дании в правление Харальда Синезубого (ум. в 988 г.) формируется единое государство. Оно объединило земли на юге Ютландии, тяготевшие к крупнейшему центру международной торговли на путях из Северного моря в Балтийское и из Центральной Европы на Балтику — Хёдебю (*Hedeby*), и Северную Ютландию с богатыми островами Зеландия и Фюн, а также юг Скандинавского полуострова (Сконе). Одновременно происходит христианизация Дании — процесс, неизменно сопутствовавший образованию единых национальных государств. К началу XI в. Датское государство — наиболее могущественное в Северной Европе. Внук Харальда, Кнут Великий, становится верховным правителем Англии, а также на короткое время Норвегии. «Империя» Кнута просуществовала ок. 30 лет и распалась только после его смерти (1035 г.).

По крайней мере с первой половины IX в. начинается борьба за власть над Норвегией между конунгами Вестфольда на юге страны, принадлежащими к династии Инглингов, правивших также в Свеаланде, и ярлами Трёндалёга с центром в Хладире (на территории современного Тронхейма). Вестфольдский конунг Харальд Прекрасноволосый (ум. ок. 940 г.) делает, согласно сагам, первую попытку объединить страну. Его борьба с племенной знатью вызвала эмиграцию многих знатных семей, которые населили Оркнейские острова и Исландию. Однако процесс централизации Норвегии завершился только в середине XI в. В борьбе с хладирскими ярлами и Данией за власть над Норвегией пал

в битве у Свёльда конунг блав Трюггвасон (995–1000 гг.), потомок **Харальда Прекрасноволосого**. Через 15 лет власть **возвратилась** к вестфольдской династии: конунгом Норвегии стал **Оли Харальдссон (1014–1028 гг.)**. Его правление — важная глава в создании единого национального норвежского государства. Жестоко подавив сопротивление местной знати, Олав не только подчинил себе все племенные территории, но и ввел христианство, насильственно заставив креститься все население. Потест против его нововведений был настолько велик, что с помощью Кнута Великого норвежцы изгнали Олава. Вернувшись в 1030 г., он был убит в битве при Стикластадире к северу от Хейма. Лишь в 1036 г. в Норвегию возвращается сын Олава **нус**, выросший на Руси, в правление которого (1036–1047 гг.) государственный строй в Норвегии укрепился.

Источником процветания свеев, обитавших вокруг озера Ларен, была международная торговля Балтийского региона с точной Европой, а через нее со странами Арабского халифата и Индией. Крупнейшие центры **Свеаланда Хельгё (VI–VIII вв.)** и Бирка (VIII–X вв.) были средоточием ремесла и торговли. Культовый центр находился в Упсале (ныне: Старая Упсала), и потому она считалась резиденцией шведских конунгов Инглингов. Хотя в начале XI в. при конунге Олаве Шётконунге страна предстает как единое целое, борьба между Свеаландом и **Ётадом**, южной Швецией, населенной племенами гаутов, продолжалась вплоть до конца XI в.

С этого времени в крепнущих скандинавских государствах формируется аппарат государственного управления, устанавливается система налогового обложения, частью которого было формирование войска, создается церковная организация в виде ряда конвентов, сначала подчиненных Гамбург-Бременскому архиепископству, а затем вновь учреждаемым архиепископиям в самих скандинавских странах. Отдельные и разрозненные, хотя и многочисленные походы за море сменяются планомерной и целенаправленной экспансией Дании — в земли поморских славян и в Восточную Прибалтику, Швеции — в Финляндию, Карелию и Эстонию. Проповедь христианства среди языческих народов становится обоснованием завоевания этих земель.

Тесные связи Северной и Восточной Европы начались еще в бронзовом веке, но достигли расцвета в IX–XI вв., в эпоху викингов. Запад был естественным направлением движения норвежцев и датчан, шведы же устремлялись на восток (что, в

... не исключало участия шведов в западных походах, равно как и норвежцев и датчан в походах на восток), на просторы Восточной Европейской равнины, откуда открывались пути в богатейшие страны средневекового мира: Арабский халифат по Волге и Византию по Днепру.

Уже в VII в. скандинавы начинают проникать в глубь Восточной Европы через Финский залив — Неву — Ладожское озеро. В середине VIII в. возникает первое крупное торгово-ремесленное поселение у перехода из Ладожского озера в разветвленную речную систему — Ладога (др.-сканд. *Aldeigjuborg*; ныне: Стирая Ладога). Его появление знаменовало становление международного Балтийско-Волжского пути как продолжения на восток сложившейся к середине I тыс. системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. На протяжении VIII–IX вв. этот путь достигает Волжской Булгарии при слиянии Камы и Волги, Хазарского каганата в низовьях Волги и, наконец, Арабского халифата. Торговля со странами халифата имела огромное значение: приток серебра (серебряных монет) явился важнейшей предпосылкой экономического роста как скандинавских стран, так и Руси.

Балтийско-Волжский путь отмечен поселениями нового типа, которые не связаны с округой и население которых в основном занимается не сельским хозяйством, а ремесленной деятельностью и вовлекается в международную торговлю. Значительную часть жителей этих поселений составляют скандинавы. Наиболее важными были поселения на Городище около Новгорода (которого в то время еще не существовало), около дер. Тимерёвопод Ярославлем, на Сарском городище около Ростова. Эти центры консолидировали племенные территории. Здесь более интенсивно шли процессы социальной стратификации, приведшие во второй половине IX в. к возникновению раннегосударственного образования в Поволжье и Приильменье. Во главе него, согласно сказанию о призвании варягов в «Повести временных лет», встал — по приглашению местных вождей — предводитель одного из викингских отрядов по имени Рюрик, обосновавшийся, вероятно, в Ладоге или на Городище.

С начала IX в. складывается магистральный путь из Балтики в другой крупнейший центр средневекового мира — Византию. После объединения северного и среднеднепровского раннегосударственных образований — по преданию, оно произошло

в 882 г. и было осуществлено родичем Рюрика князем **Ольгом** — центр тяжести в международной балтийской торговле перемещается на юг, а столицей Руси становится Киев. **Скандинавы**, князья и их ближайшее окружение, образуют новую, **Янскую** элиту Древнерусского государства.

Консолидация Древнерусского государства в X в. резко **изменяет** характер деятельности в Восточной Европе **приходящих** сюда скандинавов. Лучшие воины Европы того времени, они становятся наемниками русских князей, выполняют дипломатические поручения, ведут международную торговлю. **Значительная** часть скандинавов оседает в древнерусских городах, постепенно ассимилируясь в славянской среде, остальные **возвращаются** домой, принося с собой сведения о Восточной Европе и **иные** культурные ценности (в том числе христианство), а также предметы вооружения, одежды, быта. Именно в это время **складывается** основной фонд сведений о Восточной Европе, который значительно позже — найдет отражение в сагах и **географических** сочинениях, поэзии и историографии.

Начиная с конца X — начала XI в. между Русью и скандинавскими странами устанавливаются межгосударственные **связи**. Они выражаются в дипломатических контактах, **обменах** посольствами и заключении договоров; в браках **представителей** русской, шведской, датской и норвежской правящих династий; в установлении союзнических отношений; в **интенсивной** торговле и т.д. Со времен Ярослава Мудрого (великий князь в 1016—1018, 1019—1054 гг.) Русь проводит **целенаправленную** внешнюю политику на Балтике, и ее отношения с той или **иной** скандинавской страной — то дружеские, то враждебные — **подчинены** задаче обеспечения своих интересов в северо-западном регионе и на Балтийском море.

2. ЖАНРЫ И ВИДЫ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Важнейшим фактором развития духовной жизни скандинавских стран XI—XIII вв. явилось освоение традиций **христианской** культуры во всем ее многообразии. Введение **христианства** в конце X в. в Дании, ок. 1000 г. в Норвегии и в **Швеции**, в 1000 г. в Исландии привело к сосуществованию двух **независимых** на первых порах и противостоящих друг другу **культур**, местной дописменной, основанной на языческих представлении-

- **интерпретациях**, и общеевропейской письменной христианской.
- **интенсивное** взаимодействие и взаимовлияние завершилось в I-II вв. не вытеснением народной дохристианской культуры, а ее **интеграцией** с культурой христианского средневековья, которая **интегрирует** и даже оттесняется на второй план.

Ключевую роль в культурном развитии скандинавских стран играет Исландия. Заселенная во второй половине IX — первой половине X вв. и оставшаяся до середины XIII в. неподвластной норманнским конунгам, Исландия сохранила общественный строй, верования и культуру, которые существовали в Норвегии до Харальда Прекрасноволосого. Разумеется, они изменялись, но медленно и чрезвычайно своеобразно. Исключительное положение Исландии имело результатом беспрецедентный расцвет культуры. В I и первую очередь словесности, которая вплоть до середины XIII в. существовала в устной форме. С этого времени, и особенно в XIII—XIV вв., происходит запись и переработка поэтического и прозаического наследия предшествующих веков, создается большое количество новых произведений.

Древнеисландская литература — одна из богатейших и самых своеобразных средневековых европейских национальных литератур. Она сохранила и донесла до нас архаические жанры древнегерманской поэзии, практически исчезнувшие у всех других германских народов (кроме Англии), создала новые поэтические и прозаические жанры словесности, не имеющие аналогов, и включилась в общеевропейское литературное творчество, как религиозное, так и светское. При этом, мало есть Произведений древнеисландской письменности, в которых в той или иной форме не была бы упомянута Русь или соседствовавшие с ней народы и земли. Поэтому в число древнескандинавских источников по истории Древней Руси входят практически все типы памятников древнескандинавской письменности: рунические надписи и скальдическая поэзия, все виды саг и историография, географическая и церковная литература. Некоторые информацию о Восточной Европе содержат и другие тексты, например, судебники, отмечающие случаи пребывания владельца имущества или наследника на Руси или в Византии. Однако мы стремимся обобщить наиболее обширные пласты информации и потому остановимся на важнейших группах источников.

2.1. РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

В конце I в. н.э. римский историк Корнелий Тацит писал о надписях у германцев: «Срубленную с плодового дерева вещь они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, вывешивают затем, как придется, на белоснежную ткань». Предполагают, что эти знаки были буквами специфического германского письма, которое возникло в I–II вв. н.э. Такое письмо было названо руническим от слова «руна» — буква германского алфавита (др.-исл. *run* — «скрытое, секретное знание; тайна; шепот; руна»). Считается, что оно возникло у германских племен, которые соприкоснулись с античным миром: в Северной Италии и Нижнем Подунавье и на основе латинского и греческого письма создали собственный алфавит (подробнее см.: Рунические надписи. С. 10–19).

Старший рунический алфавит, которым пользовались все германские племена, состоял из 24 знаков. Они, очевидно, имели наименования, позволявшие придавать символическое значение каждой руне. Так, например, первая руна алфавита *f* носила название *fé*, «скот, имущество», и ее начертание вне текста означало пожелание богатства и изобилия. Известно ок. 150 старшерунических надписей по преимуществу на предметах вооружения и украшениях, реже — на камнях. Древнейшие надписи найдены в Норвегии и Западной Украине (на наконечниках копий), в Румынии (на кольце). Однако большая их часть после III в. происходит из Северной Германии и с Ютландского полуострова. Содержание надписей ограничивается личным именем или магической формулой (заклинанием).

В VI–VIII вв. рунический алфавит в Скандинавии трансформируется, в нем постепенно сокращается количество знаков, достигая шестнадцати. Расширяется сфера применения младшее рунического письма: появляются мемориальные стелы, посвященные знатым скандинавам или — реже — отдельным событиям; надписи бытового характера и др. Видимо, функциональные различия порождают два графических варианта алфавита: полноветвистые руны (в литературе XIX и первой половины XX в. они назывались датскими, или обычными) используются в «парадных» надписях на стелах, коротковетвистые (ранее назывались шведско-норвежскими) — для бытового письма.

Наиболее распространенными памятниками IX–XI вв. являются рунические камни — мемориальные стелы, увековечива-

ная память о погибшем члене семьи, но не связанные с **захоронениями**. В X в. была выработана стереотипная формула **мемориальной** надписи, которая использовалась вплоть до XII в. Формула состояла из имени заказчика, распоряжения установить **памятник**, имени погибшего с указанием родства с заказчиком. Нередко сообщались сведения о человеке, в память о котором установлен камень, и об обстоятельствах его смерти. Многие надписи содержат обращение к Богу и/или Богоматери с **просьбой** помочь душе погибшего:

«Андретт и Кар, и Гэди (?), и Блэси, и Дьярв воздвигли этот камень по Гуннлейву, своему отцу. Он был убит на востоке с Ингваром. Бог да поможет их душам. Я, Альрик, высек руны. Он мог хорошо вести корабль» (Рунические надписи. № 62).

Цель, с которой заказывались рунические памятники, — **сохранить** память о погибшем члене рода и, возможно, подтвердить права его родственников на наследование имущества и статус, поскольку заказчики памятников были представителями (Пяти, крупными бондами, богатыми купцами.

Другая важнейшая сфера рунического письма начиная с XI в. — повседневная жизнь. В отдаленных районах Швеции оно сохранялось вплоть до XIX в. Как и древнерусские берестяные **грамоты**, надписи рунами на деревянных стержнях составили неотъемлемый элемент скандинавской культуры. Находки последних десятилетий показали, что руническая письменность была широко распространена во всех слоях общества и ею регулярно пользовались купцы и ремесленники, монахи, простые и **знатные** люди. При раскопках средневековой гавани города Берг (Норвегия) было найдено около 1000 стержней с письмами, **свадебными** хами, любовными записками.

Особая ценность рунических надписей как исторического **источника** состоит в том, что они **современны** событиям, которые в них упомянуты. Более того, в мемориальных надписях невозможно сознательное искажение фактов: неправильно переданный факт мог оскорбить дух умершего и навлечь его гнев на живых. Однако сложности в чтении текстов нередко делают интерпретации надписей гипотетичными, невозможно и датировать надпись точнее, чем в пределах 3-5 десятилетий.

О связях Руси и Скандинавии свидетельствуют две группы надписей. Первая насчитывает ок. 120 памятников из Швеции, Норвегии и Дании, в которых упоминаются поездки норманнов в **Восточную** Европу: в Восточную и Северо-Восточную Прибалтику, на Русь, в Византию. Вторая состоит из надписей на раз-

личных предметах, обнаруженных по преимуществу во время археологических раскопок древнерусских поселений. Эти предметы были привезены из Скандинавии или изготовлены скандинавами на месте.

Рунические надписи из скандинавских стран. Среди более чем 3500 надписей на мемориальных стелах около 120 отражают контакты с Восточной Европой или Византией (см. табл. 1). Их число в несколько раз превышает количество текстов, упоминающих западные связи скандинавов: Англия и Западный путь названы в них всего ок. 30 раз. Это количественное различие может отражать большее распространение рунической письменности в Швеции, которая традиционно поддерживала более тесные связи с востоком, нежели Норвегия и Дания, где обычай воздвигать стелы не был столь распространен. Однако даже в Дании число «западных» надписей меньше, чем «восточных».

Особую концентрацию «восточных» надписей обнаруживают три региона в Швеции: территория вокруг оз. Меларен в Средней Швеции (области Упланд, Сёдерманланд и Вестманланд), Южная Восточная Швеция (Эстерётланд и о. Эланд) и о. Готланд.

Табл.
«Восточные» надписи в скандинавских странах

Страна	Общее число надписей	Число «восточных» надписей	Число «восточных» надписей, %
Дания	ок. 620	5	0,8
Норвегия	602	2	0,3
Швеция	ок. 2500	113	4,5
Вестерётланд	ок. 260	5	1,9
Вестманланд	33	3	9,1
Гестрикланд		1	
о. Готланд	ок. 200	8	4,0
Сёдерманланд	ок. 390	41	10,5
Смоланд	170	1	0,5
Упланд	ок. 1190	47	3,9
о. Эланд	55	1	1,8
Эстерётланд	192	6	3,1

и я надписей представляет существенную ценность. Указания на поездки на Восток, сопровождаемые некоторыми подробностями о деятельности увековечиваемых лиц, дают свидетельства о политических и экономических связях между севером и востоком Европы. Топонимия и этнонимия надписей проливает свет на распространение в Скандинавии знаний о географии Восточной Европы.

Рунические надписи на территории Древней Руси. Памятники рунического письма, находимые на территории Древней Руси, существенно отличаются от памятников из скандинавских стран. Во-первых, здесь — за одним исключением — нет мемориальных стел, поскольку по обычаю их устанавливали возле «родного гнезда» погибшего. На единственной стеле, обнаруженной в Березань в устье Днепра, высечена надпись, но не родственниками, а компаньонами по плаванию в Византию: «Граница этого курган по Карлу, своему сотоварищу» (Рунические надписи, № 139). Во-вторых, с течением времени изменяются и география находок предметов с руническими надписями, и характер текстов.

Древнейшие предметы с руническими надписями обнаружены в Приладожье и Приильменье — областях наиболее раннего проникновения скандинавов в Восточную Европу. Они типичны для скандинавской письменной культуры и по типу предметов, на которые наносились надписи, и по графике рун, и по содержанию текстов. Наиболее ранний предмет найден в Старой Ладоге в слое первой половины IX в. Это деревянный стержень длиной 42 см, на выровненной стороне которого нанесена стилизованная надпись коротковетвистыми рунами. Текст допускает различные чтения. В Ладогe же и на Городище обнаружены три металлических пластинки-амулета, которые были изготовлены в разное время: между концом IX и концом X в., причем последний амулет, копия более раннего, сделан прямо на Городище.

К тому же времени, IX—X вв., относится большое количество отдельных знаков, идентичных скандинавским рунам, и ряд надписей на арабских серебряных монетах. Они в основном входят в состав кладов, зарытых скандинавскими воинами и торговцами, возвращавшимися с востока на север. Древнейший из таких кладов, найденный в Петергофе (начало IX в.), содержал 10 монет, на 20 из которых имелись граффити: личные имена — греческое «Захариас» и скандинавское «Убби»; слово, которое мож-

но прочесть как «полновесный»; ряд отдельных знаков, **тот же** **своих** по графике скандинавским рунам, а также арабские буквы и хазарские руны. Монеты из кладов X в. несут на себе отдельные руноподобные знаки и надписи «бог».

Ареал находок XI в. значительно шире: Новгород (как с частью рунического алфавита), Суздаль (форма для отливки и вески с вырезанной на ободке надписью), о. Березань. Однако надписи отличаются от собственно скандинавских: фраза на Рюриковской подвеске ближе древнерусскому синтаксису, нежели скандинавскому. Но руническое письмо, хотя и деградирует, все же не исчезает совсем. Даже в XII в. оно находит применение в юморах, видимо потомков варягов, живших на окраинах Древнерусского государства. В Галицком Звенигороде, на юго-западе Руси, некий человек вырезает рунами на каменном пряслице жемчужное имя Сигрид, сопровождая его двумя крестиками и двумя знаками f, символизирующими богатство. На русско-латвийском пограничье в укреплении, контролировавшем путь по Западной Двине, некто процарапывает на костях знаки, прочесть которые, видимо, невозможно, но которые несомненно восходят к руническому письму. Этот человек уже забыл значение конкретных рун, однако сохранил воспоминания о письме, которым пользовались его предки.

2.2. СКАЛЬДИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Древнейшие памятники словесности на древнескандинавских языках принадлежат скальдической поэзии (от др.-исл. *skáld* — «поэт, скальд»), получившей распространение в Норвегии и Исландии IX–XII вв. Принято считать, что скальдический стих уже вполне оформился к IX в. и до своего отмирания в конце XIII в. не претерпел сколько-нибудь существенных изменений.

Значительная часть скальдических стихов сохранилась в виде цитат в прозаических произведениях XII–XIV вв., по преимуществу в сагах. Стихотворные вставки, как правило, представляют собой не стихи целиком, а отдельные строфы, или висы (*vísur*). До момента записи скальдическая поэзия передавалась устно.

Основной вид скальдики — хвалебная песнь: драпа (*drápa*), разбитая на части своего рода припевом. Она может быть посвящена одному лицу или роду (генеалогическая хвалебная песнь). Другими видами скальдики

ни...ся нид (*níð*) — хулительная песнь и так называемые отдельные ви-
ны (*lausavísur*) — стихи самого разнообразного содержания.

Скальдическое стихосложение восходит к германскому аллитерацион-
ному стиху, но существенно развивает и усложняет его. В нем более стро-
го регламентируются аллитерации, число слогов в строке и строк в стро-
фе, вводятся внутренние рифмы. Наиболее распространенным размером был
также кветт, строфа которого состояла из четырех трехтактных двустушии,
соединенных тремя аллитерирующими слогами и внутренними рифмами.

Пьяной пены волны
пью из зуба зубра

Важнейшие стилистические элементы скальдического стиха — хейти
и кеннинги. Хейти — это поэтические синонимы. Например, к хейти «мо-
ря» относятся «волна», «пучина», «прибой», «залив», «устье», «река», «ру-
чей», «водопад», «пруд», «лука», «болото» и т.д. Кеннинги — это поэти-
ческие фигуры, где одно существительное заменяется двумя, второе из ко-
торых выступает определением к первому. Так, в «Младшей Эдде» приво-
дятся такие кеннинги моря: «земля кораблей», «земля кия, носа, борта
или шва корабля», «земля рыб и льдин», «дом песка, водорослей и шхер».
И приведенном двустушии присутствуют два кеннинга: «пена волны» — пи-
тье и «зуб зубра» — питьевой рог.

Содержание скальдических стихов было весьма ограниченным,
предопределялось требованиями жанра, а цель их сочинения
была тенденциозности в отборе отображаемых фактов. В хва-
лебных песнях воспевались действительно происходившие собы-
тия, но далеко не все, а лишь те, которые служили прославлению
героической личности, в честь которого они слагались. Созданные по свежим
сообщениям очевидцами или современниками событий, хвалебные пес-
ни обобщали имя и род прославляемого, рассказывали о выиг-
ранных им битвах, о его отваге и щедрости. В этом контексте упо-
минаются имена реально существовавших людей, названия кон-
кретных местностей.

Стихи скальдов признавались составителями саг вполне до-
стоверным историческим источником и часто цитировались для
подтверждения рассказываемого². В Прологе к «Кругу земному»
исландский историк и политический деятель Снорри Стурлусон
формулировал отношение авторов саг к скальдическим сти-
хам:

«В этой книге я велел записать древние рассказы о правителях, кото-
рые были в Северных Странах и говорили на датском языке, как я их слы-
шал от мудрых людей, а также некоторые из родословных, как они были
мне рассказаны. Кое-что взято из перечней, в которых конунги и другие
знатные люди перечисляют своих предков, а кое-что из древних стихов и пес-

² В родовые саги скальдические стихи включались чаще для украшения по-
ествования и развлечения слушателей. Они являются частью текста и должны
рассматриваться как один из элементов художественной структуры саги.

ней, которые исполнялись людям на забаву. То, что говорится в этих III нях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы знаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду I что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скандов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой... А песни скандов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно (Яжены и разумно истолкованы» (Круг земной. С. 9—10).

Достоверность скальдических стихов в глазах исландцев XII—XIII вв. вытекала из понимания ими скальдической поэзии как особого способа передачи информации и — одновременно — из их веры в магическую силу слова: лживое слово — I сгягательство на благополучие того, кому льстят.

Современные исследователи видят в скальдических стихах и точник саг, если стихи цитируются для подтверждения расоюзаваемого, и относятся к поэтическим вставкам с большим доверием, нежели к самим сагам. Это объясняется в первую очередь тем, что трудный стихотворный размер, своеобразный и рядок слов и сложный поэтический язык практически исключали возможность искажений, дополнений и переработок в процессе бытования стихов в устной традиции и в момент их письменной фиксации. Кроме того, в скальдических стихах не изображались типические ситуации и потому отсутствует сознательное шение фактов действительности.

Около 40 скальдических вис, принадлежащих 20 скальда IX—XII вв., сообщают о путешествиях (военных и мирных) скандинавских ярлов или конунгов в земли, лежащие за Балтийским морем, и/или содержат восточноевропейские топонимы.

О походах в Восточную Прибалтику говорит *Тьóðólfur из Халлинга* (Þjóðólfr of Hviní, вторая половина IX в.), создавший «I речень Инглингов» («Ynglingatal») — поэму, прославляющую некоего конунга Рёгнвальда и перечисляющую его предков из нации шведских и норвежских конунгов-Инглингов в 30 поколениях, начиная от Одина. *Глум Гейрасон* (Glúmr Geirason, 940—985 гг.) повествует о походах в Восточные земли и в маланд норвежского конунга *Харальда Серая Шкура* («Gráfeleg dardrapa»). В вие *Халльфреда Трудного Скальда* (Hallfrøð vandræðaskáld, ум. ок. 1007 г.) впервые упомянуто название Древней Руси *Gardar*. Дружинник и скальд Олава *Харальдссона* побывавший с ним на Руси и сложивший несколько хвалебных песней в его честь («Vikingavísur», «Erfidrápa» и др.), *Сьгванг*

Сигхватр Þórdarson, ок. 995—1045 гг.) оставил упоминания о походах юного Олава в Восточную Прибалтику, о его бегстве на Русь и пребывании там. Арнор Скальд Ярлов (Arnorr Þórdarson þarlaskáld, род. ок. 1012 г.) был скальдом сына Олава Харальдссона Магнуса и посвятил ему хвалебную песнь («Hrynhenda»), в которой рассказывается о возвращении Магнуса в Норвегию из ссылки и о деятельности на Руси ярла Рёгнвальда. Воспоминания о «точных» поездках норвежских конунгов вдохновляли скальдов и в XII в. Так, исландец Халлар-Стейн (Hallar-Steinn) в трех строфах поэмы «Rekstefja» говорит о пребывании на Руси конунга Олава Трюггвасона. Скальдические стихи слагали и некоторые из норвежских конунгов, находивших на Руси убежище: Олав Харальдссон посвятил вису Ингигерд, жене Ярослава Мудрого, Харальд Суровый Правитель сочинил Отдельные висы (Lausavísur) о «девушке в Гардах», которая «не хочет чувствовать склонность» к нему, — о Елизавете Ярославне, которая позднее вышла за него замуж.

В своей совокупности скальдические стихи, упоминающие походы на восток, дают ценную информацию о характере русско-скандинавских связей IX—XI вв. В «Круге земном» из приведенных 601 скальдической строфы 23 посвящены путешествиям на восток: их малое число, очевидно, является результатом того, что, как следует и из самих саг, скандинавы далеко не все время гадили сюда с целью грабежа и не всегда их поездки приводили к кровопролитным сражениям, о чем обычно слагали стихи скальды. Более того, только 6 строф (ок. 25%) говорят о нападении скандинавов на «восточные» земли (в «Круге земном» в целом ок. 75% вис посвящено военным действиям). Все эти стихи принадлежат скальдам IX — первой четверти XI в., а описываемые в них события происходили не позднее первого десятилетия XI в. Скальдические стихи, таким образом, позволяют рассматривать 1010-е годы как рубеж викингской активности на востоке. Лишь одна из 23 вис посвящена нападению на Русь — разрушению Альдейгьи (Ладоги) ярлом Эйриком, датированному 1017 г. Основным объектом грабительских походов до XI в. предостаточно в скальдических стихах восточноприбалтийские земли. «Мирные» висы, относящиеся к первой половине XI в., напротив, содержат сведения только о Руси, что указывает на мирные отношения преимуществу отношения между Русью и Скандинавией в данное время. Более того, скальдические стихи, посвященные жившим на Руси норвежским конунгам, отчасти подтверждают, что

в конце X — первой половине XI в. отношения Руси и скандинавских стран перестают быть результатом деятельности отдельных лиц, а приобретают характер межгосударственных **связей**

2.3. ИСЛАНДСКИЕ СЛГИ

Древнеисландское слово *saga* (от глагола *segja* — «сказать») означает прозаический рассказ (письменный или устный) о каком-либо событии. В научной литературе соби-
раемый термин «сага» служит для обозначения нескольких **групп** прозаических повествовательных произведений, которые, за-
ключением, были созданы в Исландии и не имеют **аналогов** за пределами Скандинавии. Временем начала записи **саг** считается середина XII в. Подавляющее большинство из них **было** создано и записано во второй половине XII–XIII в., но **сохранилось** в значительно более поздних рукописях.

В середине XIX в. началась продолжающаяся и поныне дискуссия о **происхождении** и характере саги или, иначе, о соотношении устной и **письменной** традиции в генезисе **саг**. Выдвинуты две основные теории: «**устной** прозы» и «**книжной** прозы». Представители первого **направления** (Финнур Йонссон, А.Хойслер, Г.Неккель, **К.Листель**) полагали, что **сага** представляла собой период высокоразвитой устной саги. Писец, записывавший саги, имел не больше творческой свободы, чем любой из **предшественников** рассказчиков. Сказители **саг**, как и скальды, были **полупрофессионалами** и, как и скальды, имели свой репертуар. Устная сага выучивалась и **изучалась**. Странники теории «книжной прозы» (Э.Могк, **С.Нордаль**, **Эйнар Олафур Свейнссон**, издатели серии *Íslensk fornrit*) считали, что сага — **литературное** произведение, создававшееся по законам литературного **творчества**. Они не отрицали полностью использование устной традиции, но **полагали**, что автор собирал эту традицию, обрабатывал, организовывал, **критически** способствовал ее к собственным целям и создавал сагу, которая носит **отпечаток** этой работы и личности автора.

К 1960-м годам установилось известное равновесие между **сторонниками** обеих теорий, признавших сложность и отсутствие единообразия в **происхождении** различных видов **саг**. Работы шведского ученого **Л.Лённрута** открыли, что и западноевропейская средневековая литература оказала **не** маловажное влияние на сюжетику, образность, иногда стиль повествования. «Автор [саги], без сомнения, мог использовать и использовал **письменные** источники, дополнительные устные источники, свое собственное **воображение** и, кроме всего прочего, свои собственные слова, но его искусство и, по-видимому, рамки его рассказа были заданы ему традицией. **Вдохновляющая** идея саги в конечном счете — устная», — писал крупнейший **сведский** исследователь Т.Андерссон, выражая наиболее распространенную ныне точку **зрения** (Andersson. 1964. P. 119).

Современные исследователи, основываясь на **тематико-хронологическом** принципе, выделяют **королевские саги**, или **саги**

выраженных конунгах (*Konungasggur*), посвященные истории Исландии с древнейших времен до конца XIII в.; **родовые саги**, **или саги об исландцах** (*Íslendingasögur*), описывающие историю исландских родов с момента заселения Исландии в конце VIII в. и до середины XI в.; **саги о древних временах** (*Fornaldarsögur*), включающие несколько групп **саг**, отличающихся или менее широким использованием фольклорных, эпических сюжетов и мотивов: собственно саги о древних временах — **повествования** о событиях в Скандинавии до конца IX в., саги **о викингах** — рассказы о викингах X–XI вв. и др.; **саги о епископах** (*Biskupasögur*), жизнеописания исландских епископов; **комические саги** о событиях в Исландии XII–XIII вв., известный под названием «Сага о Стурлунгах» («*Sturlunga saga*»)³.

Все виды **саг** объединяют некоторые общие особенности композиции, повествовательной формы и, конечно, мировосприятия, и в то же время каждый их вид самостоятелен, самобытен и имеет собственные истоки. Так, королевские саги сближаются исландско-норвежской историографией XII–XIII вв.; саги о древних временах восходят к героико-эпической сюжетике древних германцев. Учет видового деления **саг** в историческом исследовании необходим, ибо характер имеющихся в них сведений и достоверность информации во многом определяются их видовой спецификой.

Саги содержат большой объем информации о Восточной Европе и, в частности, о Древней Руси. Это сведения о политических, торговых и культурных связях Руси и скандинавских стран. Пребывание на Руси скандинавских купцов и воинов создавало благоприятные условия для переноса информации в Скандинавию. На существование устных рассказов участников событий указывают сами саги.

«И по прошествии двух зим плывет Свейн из Швеции. А **Кетиль** остался там, и он слышал, как рассказывали, что Свейн провел зиму в Гардах, а весной собрался оттуда и в разгар лета уплыл из Гардарики, и о нем знали только то, что он поплыл по реке. А Кетиль поплыл в Исландию к своим родичам и остался там навсегда и первым рассказал об этом» (Y.s. 46–47).

3 Сагами называется также переводная (или стилизованная под переводную) литература того времени: рыцарские саги (*Riddarasögur*) — прозаические переложения рыцарских романов либо аналогичные им поздние собственно скандинавские саги; «Сага о Карле Великом» («*Karlamagnús saga*») — переработка французских *chansons de geste*; жизнеописания святых (*Heilagra manna sögur*); переводы исторической и псевдоисторической литературы типа «Мировой саги» («*Veraldar saga*»), «Саги о римлянах» («*Rómverja saga*») и др.

Возможно, в передаче информации о Руси в Скандинавию рали роль и двусторонние политические, экономические и КJ турные контакты. Однако вопрос о «поставщиках» в Исланд информации о Руси до конца не решен.

В силу кажущейся объективности саг их известия нередко] принимаются как достоверные и широко привлекаются в ио рических исследованиях. Между тем специфика саговой литв] туры делает необходимым учет в историческом исследовании] лого ряда факторов (Гуревич. 1972).

Во-первых, саги отличает синтез правды и вымысла, пр чем понимание того, что такое историческая правда, у сост вителей саг было принципиально иным, нежели в наше врем Во-вторых, как и большинство традиционных жанров сред вековой словесности, саги строятся с широчайшим использо нием стереотипов, которыми пронизано все повествование от ! ровосприятия до языка и которые создают особый мир саги. этому нередко сообщение саги оказывается не более чем сюа ным или стилистическим стереотипом. Однако само возникн вение стереотипов, особенно ситуативных (сюжетных), предп лагает наличие некоей исторической основы, породившей Еще более красноречивы и перспективны для исследован отклонения от стереотипных схем. В-третьих, на характ информации саг сказывается тенденциозность их составители и «государственная» в сагах, повествующих о современн событиях, и «бытовая» в сагах о прошлом, выражающая в стремлении прославить походы и возвеличить героя саги. Нк конец, большой хронологический разрыв между описыаемы ми событиями и временем фиксации саг сказывается в том, сведения, не менее века бытовавшие в устной традиции, под вергались значительной трансформации и литературной обра! ботке. Это приводило, среди прочего, к модернизации в сагах более ранней истории.

Основанные на генеалогическом принципе, саги не содержат абсолютных дат. Временным стержнем, вокруг которого строит- ся повествование, является жизнь персонажа или правление i конунга, и потому время того или иного события определяется относительно его рождения, воцарения, смерти или какого-ли бо иного события. Иногда точкой отсчета является правление ко- ролей Англии, что дает возможность исследователям более точ- но установить хронологию собственно скандинавской истории. Попытки датировать события и в соответствии с христианским

числением (от Рождества Христова), как правило, давали противоречивые результаты.

«В то время, когда Ингвар умер, прошел от Рождества Христова 1041 год, и было ему 25 лет, когда он умер. Это было спустя девять лет после смерти конунга Олава Святого Харальдссона» (Y.s. 30). Автор «Саги об Ингваре Путешественнике» пытается совместить обе системы летоисчисления: свойственное ранним обществам измерение времени от общеизвестного события (в данном случае от смерти Олава Харальдссона, имевшей место в 1030 г.) и христианское летоисчисление. При этом даты смерти Ингвара не совпадают: в первом — 1039 г., во втором — 1041 г.

Перечисленные особенности саг исключают изолированное использование их фрагментов. Изучение исторической информации в них требует всестороннего учета как контекста всей саги, так и контекста саговой традиции в целом. При этом наибольшего интереса заслуживают те данные саг, которые подтверждаются тысячами на скальдов IX–XI вв.

Королевские саги (*Konungasögur*) — это вид саг, содержанием которых является история Норвегии, а точнее — история норвежских конунгов, причем каждая отдельная сага, как правило, посвящена правлению одного конунга (см. табл. 2). Они охватывают отрезок времени с IX по конец XIII в., но включают также легендарную предысторию норвежской правящей династии (подробнее см.: Королевские саги 1; Королевские саги 2).

Кроме того, к разряду королевских исследователи относят несколько саг, посвященных истории других североευропейских территорий. «Сага об оркнейцах» («*Orkneyinga saga*»), основанная им более ранней саге конца XII в. и переработанная ок. 1230 г., и «Сага о фарёрцах» («*Færeyinga saga*») начала XIII в., во многих отношениях близкая к сагам об исландцах, примыкают к королевским сагам, поскольку речь в них идет об отношениях обитателей этих островов с норвежскими конунгами. Сохранилось также несколько саг, освещающих датскую историю. «Сага о Йомсвикингах» («*Jómsvíkinga saga*»), близкая к сагам древних времен, посвящена истории Дании X в. Еще более близка одна с ними по содержанию *«Сага о Скьельдунгах» (*«*Skjöldunga saga*»⁴), известная по фрагменту на древнеисландском языке и по латиноязычному переложению XVII в. Она излагает историю примерно 20 поколений датских конунгов, от Скьельда, их легендарного предка, до Горма Старого (середина X в.).

⁴ Знак * перед названием саги обозначает, что ее текст не сохранился в оригинале и сага известна либо по ее поздним переработкам или переложениям, либо по ее упоминаниям в других источниках.

Таблиц

Западноскандинавская историография⁵

Название	Автор	Время возникновения	Примечание
а Норвежская история			
* Краткая история (возможно, перечень) норвежских конунгов	Сэмунд Сигфуссон Мудрый (1056—1133 гг.), священник в Одди (Исландия)	Нач. XII в.	На латинском языке. Предположительно: 0' Хальвдана Черного (или Харальда Прекрасноволосого) до Магнуса Доброго (сер. IX — сер. XI в.)
* Жизнеописание конунгов (* <i>Konunga ævi</i>), входящее в *Старшую книгу об исландцах	Ари Торгильссон Мудрый (1067/68 — 1148 гг.), исландский священник	Ок. 1120 г. (или раньше)	Предположительно: ок. 900 (или раньше) ок. 1120 гг.
Хрюггьярстюкки (Спинной хребет?) Hryggjarstykki	Эйрик Оддссон, священнослужитель в Тингейрарском монастыре (Исландия)	Ок. 1150 г.	Сага не сохранилась, за исключением фрагмента текста в сводах королевских саг
История Норвегии Historia Norwegiae	Предположительно: норвежский священник	Ок. 1170 г.	С древнейших времен до 1015 г. (вероятно, исходно — до 1177 г.)
История о древних норвежских королях Historia de antiquitate regum Norvagiensium	Теодрик, монах Нидархольмского монастыря (около Тронхейма в Норвегии)	1177—1180 гг.	От Харальда Прекрасноволосого (с 858 г.) до смерти Сигурда Крестовосца (ИЗО г.)

⁵ О датировках саг подробнее см.: Королевские саги 1. С. 14-40.

Название	Автор	Время возникновения	Примечание
Сага о Сперрире Sperreir saga	Карл Йонссон, исландец, аббат Тингейрарского монастыря	1185—1188 гг.	Сага охватывает события с 1177 по 1202 г.
Сборник норвежских конунгах Sögur af Noregs konungum sogum	Предположительно: норвежский клирик	Ок. 1190 г.	От Харальда Прекрасноволосого до 1150 г. (вероятно, исходно — от Хальвдана Черного до 1177 г.)
Сага об Олаве Третьем Ólafs saga Tryggvasonar	Одд Сноррасон (ум. в 1200 г.), монах Тингейрарского монастыря	Ок. 1190 г. — латинский оригинал. Ок. 1200 г. — исландский перевод	Сохранились две полные и фрагмент третьей редакции исландского перевода
Сага об Олаве Третьем Ólafs saga Tryggvasonar	Гуннлауг Лейвссон (ум. в 1218 или 1219 г.), монах Тингейрарского монастыря	До 1200 г.	Сага не сохранилась; фрагмент реконструирован по «Книге с Плоского острова»
Древнейшая сага об Олаве Святом Ólafs saga helga	Предположительно: монах Тингейрарского монастыря	Ок. 1200 г.	Сохранилось шесть фрагментов
Средняя сага об Олаве Святом	Неизвестен	Нач. XIII в.	Не сохранилась
Легендарная сага об Олаве Святом Ólafs saga helga	Неизвестен	Нач. XIII в.	

Название	Автор	Время возникновения	Примечания
*Жизнеописание Олава Святого	Стюрмир Карасон Мудрый (ум. в 1245 г.), исландский священник	1210—1225 гг.	Сохранились лишь части в последующих вариантах сая в том числе я «Книге с Пюкого острова»
Саги о баглерах Boðlunga sögur	Неизвестен	1210—1220 гг.	
Гнилая кожа Morkinskinna	Неизвестен	1220—1230 гг. (младшая редакция)	Старшая редакция (до 1200 г.) не сохранилась. События с 1038 по 1157 г. (возможно, по 1177 г.)
Красивая кожа Fagrskinna	Предположительно: исландец	Ок. 1220 г.	Написана в Норвегии. Охватывает время от Хальвдана Черного (перв. пол. IX в.) до 1177 г.
Отдельная сага об Олаве Святом Óláfs saga helga	Снорри Стурлусон (1179—1241 гг.), исландский хёвдинг	1220—1230 гг.	1
Круг земной (Хеймскрингла) Heimskringla	Снорри Стурлусон	Ок. 1230 г.	С древнейших времен до 1177 г.
Сага о Хаконе Хаконарсоне Hákonar saga Hákonarsonar	Стурла Тордарсон (1214—1284 гг.), первый исландский законоворитель	1264—1265 гг.	

Название	Автор	Время возникновения	Примечания
Сага Магнуса «Истории Законо- дателя» Magnus saga	Стурла Тордарсон	Ок. 1280 г.	
«Древняя сага об Олаве Трюггвасоне» «Finnlinga saga» «Olavasonar en saga»	Предположи- тельно: ислан- дец Берг Сок- касон	Ок. 1300 г.	
б) Датская история			
«Сага о Скъёльдун- ге» «Skjoldunga saga»	Предположи- тельно: ислан- дец из окру- жения еписко- па Скалхольта Палла Йонссо- на	до 1220 г. (возможно, 1180/1200 гг.)	Сохранился один фрагмент и переложение Арнгрима Йонссона. Ох- ват событий с древнейших времен до сер. X в.
«Сага о Йомсвикин- гах» «Jomsvikinga saga»	Предположи- тельно: ислан- дец	Возможно, ок. 1200 г.	
«Сага о Кнютлингах» «Knýtlinga saga»	Предположи- тельно: ислан- дец Олав Тор- дарсон Хви- таскальд (ум. в 1259 г.)	Сер. XIII в.	История дат- ских конунгов с XI до нач. XIII в.

Название	Автор	Время возникновения	Примечания
в) История других регионов, связанных с Норвегией			
Сага об оркнейцах Orkneyinga saga	Предположительно: исландец	Возможно, ок. 1230 г. (младшая редакция)	Старшая редакция, возможно, ок. 1190 г.) не сохранилась События с древнейших времен до 1230 г.
Сага о фарёрцах Færeyinga saga	Предположительно: исландец	Возможно, ок. 1220 г.	

«Сага о Кнютлингах» («Knytlinga saga»), основанная, вероятно, на несохранившейся саге о Кнуте Святом, рисует историю, ских конунгов с X до начала XIII в. Сага о шведских правителях видимо, не существовало⁶, или они не дошли до нас.

Королевские саги рассматриваются как часть исландско-норвежской (или западноскандинавской) историографии XII–XIII вв. наряду с латиноязычными хрониками.

Наиболее законченной и убедительной представляется периодизация развития королевских саг, предложенная Т. Аддерссоном. Он выделяет шесть основных стадий развития королевской саги: 1) ранние несохранившиеся перечни норвежских конунгов Сэмунда Мудрого и Ари Мудрого (начало XII в.); 2) так называемые «норвежские краткие обзоры» (ок. 1170–1190? гг.); 3) формирование собственно исландской королевской саги (ок. 1150–1200 гг.); 4) большие своды саг о норвежских конунгах «Гнилая кожа», «Красивая кожа», «Круг земной» (1220–1230 гг.); 5) королевские саги второй половины XIII в.; 6) поздние компиляции.

Зарождение королевских саг уверенно датируется временем ок. 1120 г. В 1122–1123 гг. было написано первое сохранившееся древнеисландское историографическое сочинение — «Книга

⁶ Единственная сага, излагающая историю легендарных шведских конунгов, предков конунгов норвежских, это «Сага об Инглингах» («Ynglinga saga») в «Круге земном» Снорри Стурлусона.

в «модях» (*«Íslendingabók»*), краткая история Исландии со времени ее населения до 1120 г. Ее автором был исландский священник Ари Торгильссон Мудрый (*Ari Þorgilsson inn fróði*, 1168—1148 гг.). Этому труду предшествовали два других: латиноязычный, принадлежал Сэмунду Сигфуссону Мудрому (*Ssemundr Sigfússon inn fróði*, 1056—1133 гг.), другой, древнеисландском языке, был создан также Ари и являлся первым вариантом «Книги об исландцах». В этой редакции присутствовали генеалогии (*ættartala*) и *«Жизнеописание конунгов» (*«Конунга ævi»), которые Ари позднее исключил из «Книги об исландцах». Однако *«Жизнеописание конунгов» сыграло большую роль как общий источник значительного числа произведений исландско-норвежской историографии конца XII — начала XIII в. Ко второму поколению королевских саг (ок. 1170—1190? гг.) Андерссон относит норвежские краткие обзоры — латиноязычную анонимную «Историю Норвегии» и «Историю о древних норвежских королях» монаха Теодрика, а также написанный на древненорвежском языке неизвестным автором «Обзор саг о норвежских конунгах».

На третьей стадии, в период, условно обозначенный 1150—1200 гг., были сочинены первые самостоятельные королевские саги: *«Хрюггярстюкки», многочисленные саги об Олаве Трюггвасоне и Олаве Святом, «Гнилая кожа» и др.

Западноскандинавская историография зародилась и получила развитие в клерикальной среде, причем наиболее видную роль сыграли монахи первого в Исландии монастыря — бенедиктинского Тингейрарского на северо-западе Исландии, основанного в 1133 г. И все же большинство сочинений исландско-норвежской историографии написано на народном, древнеисландском или древненорвежском языке. Это объясняется и особым характером исландской церкви, и задачами политической борьбы в Норвегии (необходимостью в доступной для народа форме обосновать права на власть), но в первую очередь развитостью и глубиной народной устной традиции в Исландии, выступавшей в ряду с у чаев чуть ли не единственным источником информации о норвежских конунгах и сохранившей, наряду с устными сагами о тех или иных конунгах, стихи исландских и норвежских скальдов IX—XI вв.

1220—1230 гг. — четвертая стадия развития королевской саги — период первых больших компендиумов о норвежских конунгах. К ним Андерссон причисляет «Гнилую кожу», «Красивую ко-

жу» и «Круг земной». Как можно заметить, исследователь включает «Гнилую кожу» и в более раннюю группу королевских саг. Действительно, в историографии существует мнение, что «Гнилая кожа» — оригинальное сочинение, т.е. без вставных коротких повествований и более поздних интерполяций (входящих в дошедшую до нас редакцию) она представляла собой самостоятельное произведение, основанное на устной традиции и стихах скальдов. В этом, видимо, и кроется ее, еще не исследованное в полной мере, отличие от «Красивой кожи» и «Круга земного».

Под сводами саг понимаются не случайные, механические единения разнообразного материала, а литературные произведения, подчиненные определенному авторскому замыслу и пользующие более раннюю саговую традицию. Сводов саг известно всего четыре. Это «Обзор саг о норвежских конунгах «Гнилая кожа», «Красивая кожа» и «Круг земной». Они посвящены истории Норвегии с древнейших времен до 1177 г. (т.е. года, с которого начинается изложение в написанной ранее сводов «Сага о Сверрире»), и в них четко выделяется (особенно в «Круге земном») 16 саг, точнее — 16 сюжетов (см. табл. 3).

Королевские саги второй половины XIII в. («официальная историография», по определению А. Хольтсмарк) создавались с использованием богатых, хорошо организованных архивных материалов из королевской канцелярии и показаний современников очевидцев. Уступая ранним сагам и сагам классического периода в стиле, они все же вписываются в рамки жанра.

Самостоятельные саги о норвежских конунгах создавались вплоть до конца XIII в. На рубеже XIII-XIV вв. была написана «Большая сага об Олаве Трюггвасоне», отчасти выпадающая из общего ряда королевских саг по той причине, что она почти не носит следов индивидуального авторства. Со второй половины XIII в. появляется ряд рукописей — компиляций более ранней саг. Самая знаменитая из них — «*Flateyjarbók*» — «Книга с Плоского острова» (1387—1394 гг.).

Итак, королевские саги в узком понимании этого термина представлены отдельными сагами — жизнеописаниями того или иного конунга; сводами саг, рисующими историю Норвегии на большом отрезке времени, и рукописями XIV-XV вв. — компиляциями, сохранившими более ранние саги. К королевским сагам также относятся краткие повествования, *пряди* (*þættir*, мн.ч. *от þáttir*), о норвежских правителях и их дружинниках или о знатных норвежцах. Действие прядей нередко

Таблица 3

сеты сводов королевских саг о истории Норвегии до 1177 г.⁷

Сюжет	Годы правления конунгов	Agrip	Msk.	Fask.	Hkr.
<i>Об Инглингах</i>					+
<i>О Хальвдане Черном</i>	827-858	+		+	+
<i>О Харальде Прекрасноволосом</i>	858-928	+		+	+
<i>О Хаконе Добром</i>	933-960	+		+	+
<i>О Харальде Серая Шкура</i>	960-975	+		+	+
<i>Об Олаве Трюггвасоне</i>	995-1000	+		+	+
<i>Об Олаве Святом</i>	1014-1028	+		+	+
<i>О Магнусе Добром</i>	1035-1046	+	+	+	+
<i>О Харальде Сигурдарсоне</i>	1046-1066	+	+	+	+
<i>Об Олаве Тихом</i>	1067-1093	+	+	+	+
<i>О Магнусе Босоногом</i>	1093-1103	+	+	+	+
<i>О сыновьях Магнуса Босоногого</i>	1103-1130	+	+	+	+
<i>О Магнусе Слепом и Харальде Гилли</i>	1130-1135 1135-1136		+	+	+
<i>О сыновьях Харальда Гилли</i>	1136-1161	+	+	+	+
		(до 1150)	(до 1157)		
<i>О Хаконе Широкоплечем</i>	1157-1162	?	?	+	+
<i>О Магнусе Эрлингсоне</i>	1163-1184	?	?	+	+
				(до 1177)	(до 1177)

⁷ Даты правления конунгов условны, как приблизительно и вся хронология истории Норвегии до 1000 г. Сюжеты, включающие «восточную» информацию, [даны курсивом].

происходит не только в Норвегии, но и в других странах, стности на Руси.

Повтор и различная обработка сюжетов являются **отде** ной чертой королевских **saǵ**, поскольку интересы церкви сударственной власти требовали зачастую новой **интерпрета** известного материала. Вероятно, объяснения другого **отличител** ного признака королевских **saǵ** — известности их авторов, — же следует искать в особых функциях королевских **saǵ**: они были просто рассказом о прошлом, решенным в значительной **И** ре художественными средствами, они писались во многих **и** чаях по заказу и использовались в политической борьбе **сво** времени.

Четыре отдельные саги являются хронологическим **прод** жением названных выше сводов, охватывая историю **Норвег** с 1177 по 1280 г., образуя тем самым еще четыре сюжета (табл. 4).

Таблица 4
Сюжеты королевских **saǵ** о истории Норвегии с 1177 по 1280 г.⁸

№ п/п	Сюжет	Годы правления конунгов	Fríssb.	Eirsp.	Flat.	Skhb.	Прочив рукописи
17	<i>О Сверрире</i>	1184-1202		+	+	+	AM 327,4*
18	О баглерах	1202-1217		+		+	P.Claussön
19	<i>О Хаконе Хаконарсоне</i>	1217-1263	+	+		+	SKB 8, perg., fol.
20	О Магнусе Исправителе Законов	1263-1280					AM 325 X, 4°

Таким образом, изложение истории Норвегии с **древнейших** времен по 1280 г. распадается в королевских сагах на 20 тов, разработанных с разной степенью полноты.

Подавляющее большинство королевских **saǵ** (16 сюжетов из 20, № 1, 3—13, 15—17 и 19) содержат восточноевропейскую **ин**-формацию.

⁸ Сюжеты, включающие «восточную» информацию, выделены курсивом.

Сюжеты об исландцах (*Islendingasögur*), или родовые саги — группа из 35–40 саг, описывающих историю исландских родов от зачатия в Исландии (870–930 гг.) до середины XI в. Столетие 1000 по 1030 г., время расцвета страны, даже принято называть «эпохой саг». Основное место действия родовых саг — Исландия, существование многих из них начинается в Норвегии еще до времени заселения, а многие описывают путешествия исландцев в другие скандинавские страны, на Британские острова, на Русь и Византию. К сагам об исландцах причисляются также и саги, в которых главными действующими лицами выступают исландцы, хотя и находящиеся в Норвегии. Впрочем, часто оказывается затруднительным отнести ту или иную прядь к родовым либо к королевским сагам.

Все саги об исландцах анонимны. Несколько фрагментов рукописей датируются XIII в., но самые ранние рукописи, содержащие полные или почти полные тексты саг, относятся к началу XIV в. Более того, ряд саг дошел до нас в бумажных списках XVI и даже XVII вв. Соответственно, качество текстов и их близость к оригиналу сильно варьируются. Датировка саг об исландцах — вопрос сложный и спорный. Большинство исследователей сходится на том, что значительная часть саг создана в XIII в. Возникло, что «Сага об Эгиле» написана между 1220 и 1240 гг. Есть также основания отнести «Сагу о Ньяле» к 1275–1290 гг. Датировка всех прочих саг не столь очевидна. Исследователи выделяют несколько групп саг по предположительному времени их возникновения: 1) в 1200–1230 гг., 2) в 1230–1280 гг., 3) в 1270–1290 гг., 4) вероятно, ок. 1300 г., переработанные из более ранних саг, 5) возникшие в XIV в. (см. табл. 5).

Сага о древних временах (*Fornaldarsögur*⁹, от *forn* *öld* — древнее/мифическое время) появились в конце XII в., бурное их развитие приходится на XIII и XIV вв., хотя отдельные сказания или сюжеты, на основе которых они возникли, существовали и раньше в устной традиции (подробнее см.: Викинские саги). Исследователи также называют эти саги мифологическими, легендарными, фантастическими, лживыми и др. Из всех перечисленных обозначений только последнее принадлежит их современнику.

⁹ Термин *fornaldarsögur* не встречается в древнеисландских текстах. Он был создан первым издателем этого вида саг К. Равном для характеристики публикуемых им саг.

Название	Время возникно вения	Примечание
а) Саги об исландцах		
Сага о битве на Вере- сковой Пустоши <i>Heiðarvíg saga</i>	1200— 1230	Вероятно, старейшая из сохра- нившихся родовых саг.
Сага о Бьёрне, герое из Хитдаля <i>Bjarnar saga</i> <i>Hítðælakappa</i>	1200— 1230	Принадлежит к подгруппе саг о скальдах. Вместе с «Сагой о Кормаке» относится к ранним сагам.
Сага о Кормаке <i>Kormáks saga</i>	1200— 1230	Принадлежит к подгруппе саг о скальдах. Вместе с «Сагой о Бьёрне» относится к ранним са- гам.
<i>Snorri Sturluson</i> (?) Сага об Эгиле Скал- лагримссоне <i>Snorri Sturluson</i> (?) <i>Egils saga Skalla-</i> <i>Grimssonar</i>	1220— 1240	Классическая родовая сага. Со- хранилась в трех редакциях XIV в. и позднее. Принадлежит к подгруппе саг о скальдах.
Сага о людях со Свет- лого Озера <i>Ljósvetninga saga</i>	1230— 1280	Вероятно, создана ок. 1260 г. Со- хранилась в двух редакциях XIV и XV вв. В саге много лите- ратурных заимствований и тра- диционных мотивов, хотя неко- торые персонажи имеют истори- ческие прототипы.
Сага о Гисли Сурссоне <i>Gísla saga Súrssonar</i>	1230— 1280	Существует в двух редакциях — 1 краткой и пространной. Первая считается более ранней.
Сага о людях из Ло- сосьей Долины <i>Laxdæla saga</i>	1230— 1280	Дошла в шести рукописях и фрагментах (старший — посл. четв. XIII в.). Автор использовал письменные источники.

¹⁰ В таблицу включены только те родовые саги и пряди об исландцах, которые содержат информацию о Восточной Европе.

Название	Датировка	Примечание
«Пьяле-ага» <i>Þýllu-aga</i>	1275—1290	Старшие рукописи и фрагменты рукописей датируются ок. 1300 г. Сохранилось ок. 20 средневековых рукописей саги и более поздние бумажные списки.
«Торде Пугало» <i>Þorðr vaga hreðu</i>	XIV в.	Небольшая постклассическая сага, практически не имеющая исторической основы
б) Пряди об исландцах		
Прядь об Аудуне с За- мках Фьордов <i>Þáttur þáttir vestfirzka</i>	Нач. XIII в.	В «Гнилой коже» и в «Книге с Плоского острова».
Прядь о Халльдоре <i>It þringsone Hallþórs þáttir Snorrasonar þinn viðari</i>	Нач. XIII в.	В «Гнилой коже» и в «Хульде».
Прядь о скальде Сигвате <i>Þáttur þáttir skalds</i>	Нач. XIII в.	Прядь не является единым текстом, а представляет собой ряд рассказов о скальде в «Отдельной саге об Олаве Святом» и в «Саге о Магнусе Добром».
Прядь о Торстейне Хальссоне <i>Þorsteins þáttir Síðu- Hallssonar</i>	Нач. XIII в.	В «Гнилой коже» и в «Книге с Плоского острова».
Прядь о Свади и Арноре Пос-Старухи <i>Þvinda þáttir ok Arnórs fcmlingarnefs</i>	Нач. XIII в.	Восходит к латинскому тексту Гуннлауга Лейвссона (ум. в 1218 или 1219 г.). В «Книге с Плоского острова».
Прядь о Торвальде Пу- тешественнике <i>Þorvalds þáttir víðförla</i>	Нач. XIII в.	Не исключена вероятность, что была сочинена Гуннлаугом Лейвссоном ок. 1200 г. В «Книге с Плоского острова».
Прядь о Хеминге Ас- лакссоне <i>Þemings þáttir Aslakssonar</i>	Кон. XIII в.	В «Книге Хаука» и в «Книге с Плоского острова».

Название	Время возникно- вания	Примечание 1
Прядь о Торлейве, Скальде Ярла Þorleifs þáttur jarlsskálds	Ок. 1300 г.	Первая часть — в «Книге с Плоского острова» (почерк XV в.), вторая часть — в «Книге Хаука» (почерк XIV в.)
Прядь о Торарине Не- вльвссоне Þóraríns þáttur Nefjólfs sonarinn síðari		В рукописи ок. 1400 г.

Согласно первой части «Саги о Стурлунгах», в 1119 г. на свадебном ре в Рейкьяхolare исполнялся ряд саг, среди которых была *«Сага о мунде Гриссоне» (типичная сага о древних временах). Именно эту сагу, по детельству «Саги о Стурлунгах», слушал умирающий от ран норвежский нунг Сверрир, «и он говорил, что такие лживые саги всего забавнее. О ко есть люди, которые могут возвести свой род к Хромунду Гриссону».

Как следует из самого названия данного вида саг, в осин его выделения лежит в первую очередь хронологический приз) По определению Равна, это «саги, рассказывающие о тех с тиях, которые произошли в северных странах, прежде в IX в. была заселена Исландия, или, другими словами, рам того времени, когда появляются достоверные рассказы» (Fas. 1. S. V). Исходя из сюжетики публикуемых саг, Равн различает са ги, основанные на древних северных сказаниях, саги, построен ные на рассказах исландцев о заморских приключениях, и «при украшенные сказания», т.е. саги, сюжет которых включает большое количество сказочно-фантастических элементов. Анализ структурных, художественных и лексико-стилистических особен ностей саг о древних временах показал, что они действительно имеют общие черты, в первую очередь четкую структуру пове стования, отличную от других видов саг.

В современном саговедении саги о древних временах (см. табл. 6) делят на несколько групп, исходя из их сюжетики (Schier. 1970. S. 72—78.). К первой группе относятся героические саги (или собственно саги о древних временах), сюжеты которых восходят к роическому эпосу германцев. Число этих саг невелико. Долго время они рассматривались как начальная стадия жанра исланд-ской саги в целом. В них рассказывается о судьбах знатных древ-негерманских или древнескандинавских родов в эпоху Великого

ция народов (IV–VI вв.). Таковы, например, «Сага о Хервёре и Хейдреке», повествующая о борьбе готов и гуннов, «Сага о Вёлсунгах», посвященная истории рода Нифлунгов (Нифlungs). Условно к этой группе может быть отнесено переложение древних эпических сказаний — «Сага о Тидреке Бернском». Вторую группу саг составляют *викинские саги (vikinga sağar)*, повествующие о странствиях героев в чужих странах в поисках славы, богатства и приключений. Время действия *И* обычно отнесено к эпохе викингов. Географический фон, на котором развиваются события саги, — территории, часто похищенные викингами: Британия, Франция, Италия, Византия, и др. Многие персонажи имеют реальные прототипы, а описанные эпизоды зачастую могут быть соотнесены с известными историческими событиями.

Наиболее многочисленна третья группа — *приключенческие саги (trvintyra sogur)* — рассказы о путешествиях, во время которых герои попадают как в реальные, так и вымышленные страны, где они встречаются с необычными, часто сверхъестественными существами и испытывают волшебные превращения. В сюжете саг доминируют сказочные мотивы.

Границы между этими группами саг, в особенности между второй и третьей, весьма зыбки. Некоторые саги (например, «Сага о Парпеле Кожаные Штаны») обладают чертами разных групп, что позволяет однозначно классифицировать их.

По своим художественным особенностям эти саги значительно отличаются от родовых и королевских. Все саги о древних временах анонимны. Это сближает их в первую очередь с сагами об исландцах, авторы которых неизвестны, и отличает от королевских саг, имена авторов которых в ряде случаев засвидетельствованы.

При кажущемся разнообразии повествований композиция большинства саг о древних временах строится по общей схеме: введение, обычно сообщающее генеалогию героев и описывающее отношения между ними; рассказ о юности героя; объяснение причин его отъезда из страны; рассказ о приключениях в чужой стране; заключительная часть, чаще всего описание успешного возвращения героя домой.

Содержание сводится к крайне ограниченному набору сюжетных мотивов, общих для фольклора разных стран: путешествия и отдаленные земли, военные походы, сватовство, битвы с великанами, оборотнями, драконами. Сюжетные особенности определяют образную систему саг о древних временах. Центральный

Название	Время составления	
Сага о Тидреке Бернском Piðreks saga af Bern	Ок. 1250 г.	
Сага о Вёлсунгах Völsunga saga	Не ранее сер. XIII в.	
Сага о Хервёре и конунге Хейдреке Hervarar saga ok Heiðreks konungs	XIII в.	Г(Б
Сага о Гаутреке Gautreks saga	XIII в.	П(В
Фрагмент о некоторых древних конунгах в мире данов и свеев Sögubrot af nokkrum fornkonungum í Dana ok Svíaveldi	XIII в.	Г
Сага о Рагнаре Кожаные Штаны Ragnars saga loðbrókar	Втор. пол. XIII в.	В (Г
Сага об Одде Стреле Qrvar-Odds saga	Втор. пол. XIII в.	В
Сага о Хальви и дружинниках Хальви Hálfs saga ok Hálfsrekka	Кон. XIII в.	В (Г
Сага о Хрольве Гаутрекссоне Hrólfs saga Gautrekssonar	Кон. XIII в.	П
Сага о Хальвдане, приемном сыне Брани Halfdanar saga Bronufóstra	Ок. 1300 г.	П
Сага о Стурлауге Трудолюбивом Sturlaugs saga starfsamma	Ок. 1300 г.	П
Сага о Торстейне, сыне викинга Þórsteins saga Víkingasonar	Ок. 1300 г.	П
Сага о Фристьофе Прекрасном (Friðþjófs saga Frækna)	Кон. XIII - нач. XIV в.	В
Сага об Асмунде Убийце Победителей Asmundar saga karabana	Кон. XIII - нач. XIV в.	Г(

¹¹ Время создания саг указано по кн.: Simek & Pálsson. 1987. Классификация саг принадлежит К.Шьеру (Schier. 1970). Условные обозначения: Г — героическая сага, В — викингская сага, П — приключенческая сага. Прочерк означает, что групповая принадлежность саги Широю не определена.

Название	Время составления	Группа
о Хальвдане Эйстейнссоне Halldan saga Eysteinsonar	Нач. XIV в.	П
о Госте норн Gests pattr	Нач. XIV в.	Г
о Ингваре Путешественнике Ingvar saga víðförla	Нач. XIV в.	—
о Финнбоги Сильном finnboga saga ramma	Нач. XIV в.	—
о Хрольве Пешеходе Hrólfr I Irolfs saga	Нач. XIV в.	Г
о Гриме Мохнатая Щека Grim saga loðinkinna	XIV в.	В(П)
о Кетиле Лососе Kettilinga hængs	XIV в.	В(П)
о Боси Bosi saga	XIV в.	П
о Эгиле Одноруком и Асмунде Берсерков Egill saga einhenda ok Asmundar hinn verkjabana	XIV в.	П
о Сёрли Sörli pattr	XIV в.	П(В)
о Хрольве Жердинке Hrólfr saga kraka	XIV в.	Г
о Ан, сгибающем лук An saga bogsveigis	XV в.	В(П)
о Хьялмтере и Элверс Hjalmpérs saga ok Olvers	XV в.	П
о Сёрли Сильном Sörli saga sterka	XV в.	—
о Иллуги, приемном сыне Грид Illuga saga Gríðarfóstra	XV в.	П
о Хромунде Гриппссоне Hrómundar saga Gripssonar	XV в.	В

персонаж большинства из них — конунг или сын конунга, известный викинг, нередко имеющий исторический прототип. Сложное переплетение реалистических и сказочно-фантастических элементов является одним из основных отличительных признаков этой группы саг, хотя оно присуще не только сагам о древних временах. Сверхъестественное выступает в сагах Я само собой разумеющееся, равноценное реальным событиям. Маршрут героев саг о древних временах, отправляющихся на Русь из Скандинавии, пролегает как по достоверно локализуемым местностям (Восточной Швеции, Восточной Прибалтике, Калининской области, Кольскому полуострову и др.), так и по вымышленным странам, населенным великанами, колдунами, песъеглавцами, амбулантами, циклопами, информация о которых черпалась как в собственной традиции, так и в античной и западноевропейской научной литературе. В то же время рассказы о событиях, вызвавших особый интерес, в частности, описания подготовки к битвам и самих морских и сухопутных сражений, обстоятельны, насыщены множеством правдоподобных деталей.

Несмотря на легендарно-фантастический характер саг о древних временах, в основе сюжета большинства из них выделяется историческое ядро, вокруг которого строится повествование. Так, в «Саге об Ингваре» — это поход хёвдинга Ингвара на восток, в «Саге об Одде Стреле» — путешествие Одда в Бьярмаланд. Некоторые многослойные произведения используют несколько исторических сюжетов разного времени как, например, походы гунов во главе с Атилой и деяния короля остготов Теодориха 9-го в «Саге о Тидреке Бернском».

В сагах о древних временах присутствует большое количество исторически достоверных реалий, в первую очередь личные имена, а также действительно существовавших топонимов. Все эти элементы создают условный квазиисторический фон, отражающий представления составителей саг об исторической обстановке, географической локализации и хронологической привязке сюжета произведения.

2.4. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Интерес к топографии мира и стремление систематизировать накопленные в эпоху походов викингов знания, объединить их со сведениями, почерпнутыми в западноевропейских ученых

чинециях, вызвали появление специализированной географической литературы (подробнее см.: Географические сочинения). Поэтому ойкумена викингов оказалась значительно обширнее, чем ойкумена западноевропейских ученых, основывавшихся преимущественно на античной географической литературе. Она охватывала земли от Китая и Индии на востоке и Северной Африки на юге, сведения о которых были почерпнуты в ученой литературе, до северо-восточного побережья Северной Америки на западе и Северной Двины на северо-востоке, с которыми скандинавы познакомились в эпоху викингов.

К числу географических сочинений принадлежит ок. 20 трактатов различного содержания. Наиболее важную группу составляют пространные описания Земли, ставящие целью дать связную картину всего обитаемого мира и показать в нем место скандинавских стран. Они имеются почти во всех рукописных собраниях естественнонаучного содержания XIII–XIV вв. Таких сочинений четыре. С разной степенью полноты и точности они обобщают как книжные знания, почерпнутые из трудов авторитетнейших писателей западноевропейского средневековья, так и многовековые практические наблюдения самих скандинавов.

Древнейшее из них, «Описание Земли I» (название дано издателями), содержится в нескольких рукописях, наиболее ранняя из которых датируется временем ок. 1300 г. Однако само сочинение составлено в последней четверти XII в., вероятно, между 1190 и 1199 гг. Составитель трактата проявляет особый интерес к церковной истории скандинавских стран, сведения о которых, как и их описание, основывается на местных источниках, возможно норвежского происхождения. Из исландских саг, посвященных открытию и заселению Гренландии («Сага об Эйрике Рыжем», «Сага о гренландцах»), почерпнуты сведения о дальних к западным пределам ойкумены викингов.

«Описание Земли I» дает лишь очень краткую характеристику Восточной Европы, в которой приводятся названия четырех городов Руси: Киева, Новгорода, Полоцка и Смоленска. Автор другого общего описания Земли, «Какие земли лежат в мире» (рукопись написана между 1320 и 1334 гг.), предлагает всеобъемлющее описание всего известного мира в традициях западноевропейской хорографии. Основной сферой его интересов являлись север и восток Европы. Он включает в свое сочинение многочисленные сведения о Скандинавии, Восточной Прибалтике и Ру-

си, неизвестные в Западной Европе. Наиболее подробно описание восточноевропейского региона, в котором он соединяет временную ему этнополитическую картину с миром героического эпоса, где действуют и сражаются готы, населявшие Северное Причерноморье в первые века нашей эры, и полчища гуннов, ушедших на запад в V в.

Особую группу географических источников образуют карты, представляющие параллель к описаниям Земли. Средневековые карты разительно отличались от современных. Они не имели широт и ординат и лишь условно обозначали каждую из третей Земли, отнюдь не стремясь к точности их очертаний. Как правило, карты представляли собой круг, а разделяющие трети Атлантическое и Средиземное море образовывали букву Т, поэтому их часто называют картами типа Т-О. Наименования стран, рек, городов на этих картах располагались столбцами в соответствующей 'трети'.

Среди нескольких известных карт, происходящих из средневековой Скандинавии, наиболее подробно и интересна для нас карта, сохранившаяся в рукописи GKS 1812, 4°. Листы этой рукописи, содержащие карту, датируются временем ок. 1250 г. Наряду с традиционной для западноевропейских карт информацией об Азии и Африке, она включает легенды (надписи), не имеющие аналогов, для Северной и Восточной Европы.

3. ИЗДАНИЕ СКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Привлечение скандинавских письменных памятников для освещения ранней истории Древнерусского государства имеет давнюю традицию, восходящую еще к историческим сочинениям XVII — начала XVIII в., как русским, так и шведским. Саги попадают в центр общественного интереса в скандинавских странах в XVI–XVII вв. в связи со сложными политическими отношениями между Швецией, Данией и Норвегией и ростом в них национального самосознания. Саги воспринимаются как источник, способный достоверно осветить древнейшую историю народов Скандинавии, оправдать территориальные претензии каждого из государств и подтвердить их право на национальную независимость.

Одновременно шло собирание древних рукописей и их первоначальное изучение. Датский антикварий Арне Магнуса

1 (30 гг.), стоявший во главе королевской библиотеки, совершил несколько поездок в Исландию, откуда он вывез более 10 рукописей, древнейшие из которых были потом датированы концом XIII — началом XIV в. Пополняемая затем многочисленными учеными Арнемагнеанская коллекция рукописей представляет собой крупнейшее в мире собрание древне-скандинавских манускриптов (2572) и документов (ок. 16 000) на древнеисландском, а также на латинском языках¹².

В XVIII в. под влиянием скептицизма, порожденного эпохой Просвещения, достоверность саг перестала восприниматься как очевидность. Первые попытки критики источников и научного редактирования текстов связаны с именем датского историка Ханса-Вальтера Лангебека и его ученика Якоба Лангебека, возглавившего в 1745 г. «Общество отечественной истории и языка». Лангебек начал издание источников по истории Дании — *Scriptores rerum Daniarum* (1772—1878 гг.), до сих пор не потерявшее значения, поскольку часть опубликованных в нем материалов не переиздавалась. Одновременно появляются первые публикации источников по истории Норвегии, также осуществленные датскими историками, и по истории Швеции.

Развитие источниковедения в XIX и начале XX в. определялось преимущественно задачами издания и исследования отдельных источников и их групп. Во всех скандинавских странах издаются серийные публикации различных видов источников, прежде всего саг, издаются отдельные рукописи различного содержания («*Hauksbók*», «*Flateyjarbók*»), своды однотипных источников (скальдической поэзии, рунических надписей и др.). Эта работа продолжается по настоящее время, будучи дополнена публикацией фототипических изданий наиболее важных рукописей, содержащих саги.

Рунические надписи Швеции, Дании, Норвегии опубликованы в самостоятельных для каждой страны сводах. В Дании в 1941—1942 гг. были изданы надписи всех типов (на камнях, на брактеатах, на монетах) с территории современной Дании, а также земель, принадлежавших ей в раннее средневековье: Сконе, Фалланд, Блекинге, о. Борнхольм (*Danmarks runeindskrifter*). Новые находки (до 1976 г.), как и некоторые неопубликованные

¹² По завещанию Арне Магнуссона коллекция находилась в библиотеке Копенгагенского университета. Ныне значительная часть рукописей передана в Арнемагнеанский институт в Рейкьявике (Исландия).

тексты, были без комментария приведены в книге Э. Мо, (Moltke). Издание шведских надписей (Sveriges runinskrifter) ло начато в 1900 г. и продолжается поныне. Оно распадается «областные» подсерии, обозначенные как тома (так, надписи Сёдерманланда в т. III, из Упланда — входят в т. IX, с о. ланд — в т. XI и т.д.). Новые находки ежегодно публик в журнале *Fornvännen*. Надписи из Норвегии были изд в 1941–1960 гг. (Norges innskrifter med de yngre runer), но не их публикация возобновилась в связи с обнаружением ок. 1 деревянных стержней с надписями при раскопках средневековой гавани города Берген.

Классическое издание всего корпуса *скандинавской поэмы* было осуществлено Финнуром Йоунссоном в 1908–1915 гг. j

Серийные издания *саг*, наряду с публикацией отдельных произведений, предпринимались многократно. Современным критическим изданием *саг* является серия *fslenzk fornrit* (193 ff. — IF), готовящаяся «Исландским обществом средневековых текстов» (*Hild fslenzka fornritafelag*). В ней опубликованы «Книга об исландцах», «Книга о взятии земли» (т. I), все родовые си ги, а также «Круг земной» Снорри Стурлуссона (тт. XXVI–XXVIII), «Сага об оркнейцах» (т. XXXIV) и два свода королевских *саг* «Обзор *саг* о норвежских конунгах» и «Красивая кожа» (т. XXIX), а также саги о датских конунгах (т. XXXV). Это а иболее авторитетное в настоящее время издание с тщательно под готовленными текстами по различным рукописям в нормализованной орфографии, подробными характеристиками памятников и кратким комментарием.

Древнеисландские тексты различного содержания издаются также «Арнемагнанской комиссией» (Копенгаген) в серии *Editiones Arnemagnæanæ* (EAM, выходит с 1938 г.). В ней опубликованы дипломы, переводы памятников западноевропейской литературы и богословия (сочинений Алкуина, папы Григория I) королевские («Большая сага об Олаве Трюггвасоне»), рыцарские саги, саги о древних временах, квазиисторические сочинения («Сага о троянцах») и др. Специально посвящен сагам о древних временах четырехтомник *Fornaldar sogur Norðurlanda* (1954 – Fsn.), подготовленный Гудни Йоунссоном.

Вместе с тем в этих сериях изданы далеко не все саги. Поэтому по-прежнему большое значение имеют более ранние публикации. Среди них существенное место занимает серия *Alt-nordische Saga-Bibliothek* (ASB), изданная в Галле в 1892

lit) гг. и содержащая саги о древних временах (в том числе «Сага о Гуде Стреле») и родовые саги. Особенно важно начатое в первой четверти XIX в. в Копенгагене самое крупное собрание исландских источников, насчитывавшее к своему завершению 10 томов — «Записки, издаваемые Обществом по изданию древнейшей литературы» (*Skrifter udgivet af Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*. København, 1880-1956 — SUGNL). В этой серии критически опубликовано по разным рукописям большое количество саг разных видов, часть из которых позднее не издавалась, в том числе «Сага об Ингваре Путешественнике», «Сага о гутах», «Сага о Тидреке Бернском» и др., а также саги о римлянах (римы) и сборники естественнонаучной литературы. Тщательно выполненное дипломатическое издание текстов с разборами по нескольким рукописям сопровождается обширными исследовательскими статьями. Комментарии к текстам отсутствуют. Существенно устарели, но подчас являются единственными изданиями саг их публикации в сериях «Королевского общества северных антиквариатов» в Копенгагене *Fornmanna sögur* (И тт., 1825-1837), *Scripta historica Islandorum* (1841 ff.). Особое значение имеет собрание саг о древних временах К. Равна *Forvalda sögur Norðrlanda* (3 тт., 1829-1930. — Fas.).

Для публикации саг большую роль играют фототипические издания важнейших рукописей, осуществляемые «Арнемагнеанской комиссией» (Копенгаген): *Corpus codicum Islandicorum aevi aevi* (20 тт., 1930-1956 — CCI), *Early Icelandic Manuscripts in Facsimile* (выходит с 1958 — EIM) и издаваемая «Обществом Арни Магнуссона в Исландии» серия *Islenszk Handrit*, выходящая с 1956 г. в двух частях: in folio (рукописи в лист) и in quarto (рукописи в четверть листа).

Подавляющее большинство *историографических сочинений* (кроме «Книги об исландцах» и «Книги о взятии земли», издававшихся неоднократно в крупных сериях) не имеет новейших критических изданий. Все латиноязычные памятники норвежской историографии («История Норвегии» и др.), равно как историографические сочинения на латинском языке, посвященные <главу, были изданы Г. Стормом с обширными исследованиями рукописной традиции и примечаниями к тексту (в первую очередь источниковедческого характера) в *Monumenta historica Norvegiae* (MHN). Он же опубликовал все исландские анналы, так же с источниковедческим предисловием, но практически без комментариев (*Islandske annaler*, 1888; репринт 1977. — IA). Един-

ственное критическое издание, состоящее из двух томов (т. текст, т. 2 — словарь), сочинения Саксона Грамматика было полнено в 1931 г. Существуют отдельные издания части датских хроник (включая труд Свена Аггесена), но многие из них являются только в серии, основанной Я. Лангебеком *Scriptores rerum Danicarum* (SRD). Шведские рифмованные хроники издавались многократно. Лучшим критическим изданием «Хроники Эрика» с обширным исследованием и комментариями является публикация С.Б. Янссона 1986 г.

Древнескандинавские географические сочинения были впервые выделены и опубликованы с исследовательскими статьями русским переводом и комментарием Е.А. Мельниковой (1986). Позднее они были независимо изданы Р. Зимеком в качестве вклада к обширному исследованию древнескандинавской космологии (*Simek R. Altnordische Kosmologie*. N.Y., 1990).

Памятники исландско-норвежской церковной литературы издавались неоднократно. Существуют отдельные критические издания «Норвежской книги проповедей», среди которых наиболее тщательно и на современном уровне выполнено издание 1972 г. Латиноязычные памятники, посвященные св. Олаву, изданы в *Monumenta historica Norwegiae* (1880).

Справочная литература чрезвычайно разнообразна. В первую очередь это многотомная энциклопедия *Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder*, насчитывающая 22 тома. В ней представлены обширные статьи, сопровождаемые библиографией по всем аспектам истории, культуры и искусства скандинавских стран до XVII в. Ее издание было завершено в 1978 г., и к настоящему времени по ряду вопросов, в том числе в характеристике письменных памятников, внесены существенные дополнения и изменения. Однотомный справочник *Medieval Scandinavia*, изданный в 1993 г., в значительно более сжатой форме отражает современные представления практически о том же круге предметов (кроме терминологии).

Монографические исследования различных сфер культуры и искусства вошли в сводное издание *Nordisk kultur* (30 томов, 1936—1947). Отдельные тома, подготовленные крупнейшими специалистами в соответствующих областях, посвящены литературе, языку, руническим надписям, топонимике, антропони-

одежде, оружию, музыке, религии и т.д. Многие из этих >• дований являются классическими и широко используются | настоящее время.

Результаты многолетних исследований памятников древне- скандинавской литературы обобщены в книге *Old Norse-Ice- I Literature*, изданной под редакцией К. Кловер и Дж. Лин-

Нряду с общими энциклопедиями, существует огромное I в частных справочников практически по всем возможным вопросам. К числу наиболее широко используемых справочни- ю по древнескандинавской литературе относится энциклопеди- ческий словарь Р. Зимека и Херманна Палссона (*Simek & Hermann Pálsson*). Специально саговой литературе посвящен справочник I Шира (Schier).

Древнескандинавский именослов представлен в двух основ- I < справочниках. Первый учитывает имена, встречающиеся толь- п >одовых сагах (*Guðni Jónsson. Islendinga sogur. Nafnskra. I Jónvík, 1949*). Второй охватывает весь известный корпус имен I исключением имен в рунических надписях (*Lind E.H. Norsk- Iandska Dopnamn. Uppsala, 1905-1915. H. 1-9. Supplement. Oslo, 1911*).

Топонимические справочники многочисленны. Среди них I научения русско-скандинавских связей наиболее важен спра- вочник Э. Метцентина (Metzenthin). Однако для характеристики I имов большое значение по-прежнему имеют работы О.Рю- | (*Rygh O. Norske gaardnavne. Oplysninger samlede til brug ved I ikelens revision. Kristiania; Oslo, 1889—1924. B. 1—18; Idem. Norske Elvenavne. Kristiania, 1906*).

Наконец, имеется множество библиографических справочни- ком по литературе, истории, археологии и культуре Скандина- вии раннего времени. Практически исчерпывающие библиогра- фии работ по отдельным жанрам и группам древнескандинавских I литератур публиковались в серии *Islandica*, издававшейся Fiske Collection в Колумбийском университете в Нью-Йорке с 1905 г. [см. тт. 1 (1905), 3 (1910), 5 (1912), 13 (1920), 23 (1933), 24 (1935), 'Mi' (1937), и том *Supplements* 1966]. С 1963 г. в Копенгагене из- дается библиографический справочник по древнескандинавской I литературе *BONIS* (*Bibliography of Old Norse-Icelandic Studies / H. Bekker-Nielsen, Th.D. Olsen et al. Copenhagen, 1966 ff.*). Ны- не он выходит в компьютерном варианте и доступен в сети In- ternet.

Древнескандинавские источники входят в русскую историю науку в XVIII в. Г.З. Байер и А.Л. Шлёцер высказали полярные оценки значения саг для изучения русской истории: от полного доверия к содержащимся в них сведениям (Байер) до полного отрицания их ценности как исторического источника (Шлёцер, позднее Н.М. Карамзин). Подлинный интерес к сагам возникает лишь в 1830–1840-е годы, когда начинается перевод и исследование исторического содержания некоторых саг, особенно подробно повествующих о Руси («Сага об Эймунде», «Сага об Ойве Трюггвасоне»). Одновременно начинается и дискуссия о ценности саг как источника по истории Древней Руси, в которой первый план выходит классификация саг в качестве определяющего момента в оценке их достоверности. Пробудившийся интерес к вновь открытым источникам по отечественной истории побудил правительство России заказать на средства, собранные на подписке, у датского «Королевского общества северных антиквариев» полный свод фрагментов древнескандинавских памятников содержащих сведения о Руси. Этот двухтомный труд *Antiquité russe d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves* (AR), осуществленный известным датским ученым К. Рагном, увидел свет в 1850—1852 гг. В него вошли фрагменты саг различных видов, географических трактатов, хроник, анналов, садебников. Тексты были опубликованы в оригинале и переводе на латинский язык, что давало русским ученым возможность пользоваться этим изданием. Несмотря на не критичность подход к текстам, вырванность фрагментов из контекста произведений, отсутствие источниковедческих характеристик памятников, издание Рагна сыграло большую роль в использовании древнескандинавских источников русскими историками, а также стимулировало работу по переводу более широкого круга текстов.

1870–1890-е годы были временем издания большого количества переводов саг и исследования исторической информации о Восточной Европе в некоторых из них. Труды А.Н. Веселовского, И.В. Шаровольского, Я.К. Грота заложили основы сагового источниковедения в России. В 1900 г. Ф.А. Браун (1862—1942 гг.), крупнейший отечественный скандинавист-филолог, внес предложение в Отделение русского языка и словесности Академии наук об издании многотомного свода древнескандинавских источников по истории Древней Руси, в котором были бы представ-

оригинальные тексты, переводы на русский язык, коммен-

По одобрении проекта Браун подготовил том рунических
ей, однако начавшаяся мировая война, а затем революция
препятствовали публикации тома, а при отъезде Брауна из Петербур-
его корректура была утеряна.

Лишь в конце 1920-х годов в рамках более широкого проек-
та издания древнейших источников по истории Руси (см. Пре-
дисловие) ученица Брауна Е.А. Рыдзевская приступила к созда-
нию аналогичного свода. Ею были отобраны рунические надпи-
сы, выполнены переводы фрагментов саг, хроник, анналов, на-
ряду с комментированием. Но ее смерть в блокадном Ленингра-
де прервала работу. Только в конце 1970-х годов ее материалы,
сохраненные И.П. Шаскольским и М.Б. Свердловым, были опу-
бликованы (Рыдзевская. 1978).

Новый этап в отечественной скандинавистике начался в по-
следнее время трудами М.И. Стеблин-Каменского. Осуще-
ствленные им самим и под его руководством переводы родовых
и королевских саг, мифологических и героических песней «Стар-
шей Эдды», «Младшей Эдды», скальдической поэзии и баллад
позволили древнескандинавскую литературу во всем ее много-
образии. Его переводческую деятельность продолжила плеяда его
учеников и последователей: О.А. Смирницкая, Ю.К. Кузьменко,
А.А. Гуревич.

Для историков Древней Руси эти переводы открыли новые пласты ин-
формации, осмысление которой, однако, было сопряжено с большими
трудностями. Стеблин-Каменский предложил новое более углубленное
представление о творчестве создателей саг и поэзии скальдов, резко про-
тивопоставив первых и вторых. Осознанное авторское начало в скальдике,
выразившееся в гипертрофии формы, сосуществовало в средневековой Ис-
ландии с «неосознанным авторством» создателей родовых саг. художе-
ственный вымысел, присутствующий в сагах, не был самоцелью авторов
и не осознавался ими как таковой, а был неотъемлемой частью художе-
ственного мышления (Стеблин-Каменский. 1984). Занимая промежуточное по-
ложение между фольклором и литературой, саги в качестве историческо-
го источника требуют особого подхода. В сагах стихийно наличествует ис-
торическая основа, хотя она устанавливается с трудом. Принципиально раз-
личны способы отражения действительности в различных видах саг, и по-
тому методы их исследования в исторических целях должны быть различ-
ны. Вместе с тем стихийность исторической правды, по мнению
Стеблин-Каменского, препятствовала тенденциозности повествования и обус-
ловливала его объективность (Стеблин-Каменский // Рыдзевская. 1978.
С. 18-28).

Огромное значение для обращения историков к сагам имели
исследования А.Я. Гуревича. Им отмечена свойственная саге
«микетность» повествования, стереотипность ситуаций, образов, опи-

саний. Особое внимание он уделяет принципам отображения действительности в королевских сагах и соотношению в правды и вымысла (Гуревич. 1972; Гуревич. 1979).

Одновременно интенсивно ведется изучение древнескандинавских текстов как источников информации о Древней Руси, в первую очередь в рамках свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы». Изданные к настоящему времени тома свода, посвященные древнескандинавским источникам, отражают их многообразие и посвящены руническим надписям (Е.А. Мельникова), королевским сагам (Т.Н. Джаксон — два тома), кингским сагам (Г.В. Глазырина), географическим сочинениям (Е.А. Мельникова). В дополнение к этим пяти томам были даны тематические подборки древнескандинавских текстов, минающих древнерусские города (Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и Карелию (Т.Н. Джаксон).

Попытки подготовки сводов древнескандинавских источников по средневековой истории славян предпринимались и в других странах. Наиболее серьезным, хотя и охватившим далеко не весь корпус источников, было издание Х. Лябуды (*Labuda H. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów słowiańszczyzny*. Warszawa, 1961). Подборка материалов С. Сёренсена (*Sorensen S. De russisk-nordiske forhold i vikingetiden*. Copenhagen, 1973) является хрестоматией для студентов и не содержит ни источниковедческой характеристики памятников, ни их комментария. Наконец, О. Приор (*Pritsak O. The Origin of Rus'*. Cambridge (Mass.), 1981. Vol.1. 03 Scandinavian Sources Other than the Sagas) издал наиболее полный свод выдержек из скандинавских источников (за исключением саг) по истории Руси. Однако крайне низкий источниковедческий уровень издания, огромное количество ошибок и неточностей в комментарии, произвольные неаргументированные интерпретации сообщений лишают это издание научной ценности.

ГЛАВА I. ВОСТОЧНАЯ ПОЛОВИНА МИРА ГЛАЗАМИ СКАНДИНАВОВ: ТОПОНИМИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С географией Восточной Европы скандинавские викинги знакомы были уже с первых своих поездок на восток: знание рек и :

щения, расположения поселений, нравов и обычаев обитавших на разных участках водных путей народов было жизненно необходимо для успеха экспедиций. Многочисленность же походов, а также длительное пребывание на Руси купцов и воинов, состоявавших в военных предприятиях русских князей, обогащало и закрепляло их знания, которые поступали обратно на север и в виде географического фона рассказов о деятельности варягов, и, возможно, в виде более систематических описаний — перечней (?) рек, городов и т.д. Поэтому в древнескандинавском обществе сложился довольно устойчивый круг представлений о Восточной Европе, нашедший отражение в многочисленных памятниках письменности от скальдической поэзии до историографии. Этот круг знаний, воплощавшийся в первую очередь в общеизвестных географических названиях (топонимах, гидронимах, этнонимах) был несравненно обширнее, нежели отложившиеся в традиции сведения о странах Западной Европы, включая Англию и Францию: в общих описаниях Земли (см. выше Введение. 2.4) приведено 59 наименований географических объектов в Восточной и Юго-Восточной Европе, тогда как для всей остальной Европы, кроме Скандинавии, — 66. Более того, среди восточноевропейских топонимов и этнонимов только 12 восходят к ученой западноевропейской литературе, для Западной же и Южной Европы — подавляющее большинство. Это свидетельствует об активном освоении скандинавами топографии Восточной Европы, при котором многие объекты получали древнескандинавские наименования, а местные названия приспособлялись к топонимическим моделям скандинавских языков и подчас переосмысливались (см. ниже табл. 7).

Уже ко времени сочинения первых скальдических стихов, упоминающих восточноевропейские реалии, и установления стел с руническими надписями Восточная Европа становится неотъемлемой частью ойкумены викингов. Однако в самом видении скандинавами географического пространства и членении мира обнаруживаются своеобразные черты, которые требуют объяснения.

1.1. «НА ВОСТОК» ИЗ **СУЗДАЛЯ** В НОВГОРОД: О СПЕЦИФИКЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ **ОРИЕНТАЦИОННОЙ** СИСТЕМЫ

В «Саге о Хаконе Хаконарсоне», написанной исландцем Стурлой Тордарсоном в 1264—1265 гг. и отличающейся докумен-

тальным характером, содержится следующий весьма примечательный текст:

«Этим летом отправились они в военный поход в Бьярмаланд, Андрес Скъальдарбанд и Ивар Утвик. У них было четыре корабля. И то было причиной их поездки, что ездили они в Бьярмаланд в торговую поездку за не сколько лет до этого, Андрес из Сьомелингар и Свейн Сигурдарсон, Эгмунд из Спангхейма и многие другие. У них было два корабля. И отправились они назад осенью, Андрес и Свейн; а они остались с другим кораблем, Хельги Богранссон и его корабельщики. Эгмунд из Спангхейма тоже остался и отправился он осенью на восток в Судрдаларики (Суздальское княжество. — *Авт.*) со своими слугами и товаром. А у халогаландцев случилось несогласие с конунгом бьярмов. И зимой напали на них бьярмы и убили всю команду. И когда Эгмунд узнал об этом, отправился он на восток в Хольмгардар (Новгородское княжество. — *Авт.*) и оттуда по восточному пути к морю; и не останавливался он, пока не прибыл в Йорсалир (Иерусалим. — *Авт.*) (Древнерусские города. С. 92—96).

Имея даже смутное представление о карте Восточной Европы, можно понять, что указанные в саге направления движения Эгмунда а никак не соответствуют реальным: из Бьярмаланда (с Белого моря) он едет на восток в Суздальское княжество, оттуда на восток в Новгородское княжество, а оттуда еще восточнее к морю и до Иерусалима.

Число таких примеров можно умножить. Так, о ярле Эйрике Хаконарсоне «Красивая кожа» сообщает, что из Альдейгьюборга (Ладоги) он двигался еще дальше на восток в Гардарик (на Русь); Снорри Стурлусон говорит, что Магнус Олавссон отправился с востока из Хольмгарда в Альдейгьюборг; согласив «Сага о Ньяле», Гуннар и Кольскегг после битвы у Ревеля пошли на восток к Эйсюсле (острову Сааремаа); «Сага о крещении» сообщает, что Торвальд Кодранссон и Стевнир Торгильссоны отправились из Норвегии по всему свету и вплоть до Йорсала хейма (Палестины), а оттуда — до Миклагарда (Константинского поля) и далее до Кенугарда (Киева) и еще восточнее по Непру (Днепру), и умер Торвальд недалеко от Паллтескьи (Полоцка); в «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» путь Ульвкеля из Ладозского озера в Норвегию определяется как путь «на север, в Норвегию».

Невольно возникает мысль о плохом знакомстве скандинавов с восточными землями и о малой достоверности известий саг о событиях, происходящих к востоку от Скандинавии. Картина может проясниться, если рассмотреть, как описываются в сагах путешествия в других направлениях, и в частности на запад,

«Сага об Олаве Трюгтвасоне», входящая в «Круг земной» Снорри Стурлусона, рассказывает о том, как Олав, попав в Англию

поплыл на север в Нортумбрию, на север в Скотланд, оттуда на юг к острову Мэн, затем в Бретланд (Уэльс). Оттуда он поплыл на запад в Валланд (Францию), затем хотел с запада (из Франции) попасть снова в Англию, но оказался на островах Сюллин-ди, к западу от Англии. Движение в пределах Англии описывается здесь без искажений, но из Уэльса во Францию Олав поплыл на запад, а из Франции в Англию — с запада. Указанные направления не просто неправильны, а прямо противоположны реальным. Франция воспринимается как западная страна не только Снорри Стурлусоном, но и анонимным автором другого известного свода королевских саг — «Красивой кожи». Так, повествуя о путешествии Сигурда Крестоносца, оба свода говорят, что Сигурд приплыл из Норвегии в Англию, а весной — отправился на запад во Францию.

Западным оказывается и дальнейшее движение Сигурда в Испанию (включающую в себя земли Португалии). Он приплывает в Лиссабон, по словам Снорри, «большой город Испании», где «разделяются Испания христианская и Испания языческая. Все области, что лежат к западу отсюда, — языческие». Несоответствие показаниям компаса очевидно, ибо к западу от Лиссабона — лишь воды Атлантического океана; земли же христиан и мусульман разделяла в то время река Тежу (Тахо), впадающая в Лиссабонскую бухту, и они находились соответственно к северу и к югу от нее. Южные земли были дальше от отправной точки на этом («западном») пути, т.е. оказывались, в представлении средневекового исландца, «западнее» северных.

Таких случаев много. И чтобы понять их, следует пристальнее присмотреться к древнескандинавской системе ориентации и пространстве (подробнее см.: Джаксон. 1994).

Анализируя ориентацию, как она отразилась в исландских родовых сагах, исследователи выделяют два ее типа — «ближнюю» и «дальнюю». «Ближняя» — это ориентация по странам света, основанная на визуальной оценке (как в открытом море, где наблюдение за небесными светилами является единственно возможным способом определения местонахождения и дальнейшего маршрута, так и в пределах ближайшей округи). Страны света здесь обозначены «правильно» или «приблизительно правильно». «Дальняя» — это ориентация при передвижении по суше и вдоль побережья (каковое никогда не являлось прямолинейным) между административными округами Исландии, четвертями, которые именовались по четырем странам света. Движе-

ние «на восток» (из любой географической точки Исландии) **нималось** как движение в Восточную четверть Исландии, «**на** (вер» — в Северную четверть и т.д. Направление при «дальней ориентации было выражено в терминах цели. Термины **направления** движения в такой системе использовались в «неправильном» (т.е. не соответствующем показаниям компаса) **значении**

В записанных в Исландии в конце XII–XIII в. сагах о порежских конунгах (где речь идет о событиях в Норвегии, о передвижениях вдоль норвежского побережья и о плаваниях из Норвегии в другие страны) можно проследить те же особенности ориентационной системы: термины стран света при «дальней» ориентации используются применительно не к линейным **направлениям**, а к четырем частям мира. Согласно королевским **сагам**, к северу от Норвегии лежит Финнмарк; к востоку — Швеция, Вендланд (земля вендов — прибалтийских славян), Гардария (Русь), восточноприбалтийские земли; к югу — Дания, Саксония и опять же Вендланд; к западу — Оркнейские острова, Ирландия, Англия, Франция, Испания, Африка. Двойственно **положение** Вендланда, вероятно, потому, что он лежит к югу от Скандинавского полуострова, рядом с «южной» Данией, но при этом венды традиционно входят в число «людей, живущих по **Восточному** пути» (см. ниже 1.2).

Тем самым в норвежской картине мира ойкумену **составляют** четыре области: северная (Норвегия и Финнмарк), южная (Дания, Саксония), западная (Атлантика) и восточная. **Источниками** засвидетельствованы и термины, обозначающие каждую из частей: *Austrhálfa* — «Восточная часть», *Suðrhálfa* — «Южная часть», *Vestr(h)dlfa* — «Западная часть» и *Norðr(h)álfa* — «Северная часть». Представление о том, какие страны относятся к этим областям, — весьма устойчивое. Движение из одной области в другую определяется в соответствии не с реальным (отвечающим показаниям компаса) направлением, а с принятым наименованием областей. Так, плавание из Швеции в Данию **обозначается** либо как движение на юг, потому что Дания лежит в «Южной области», либо как движение с востока, **поскольку** к «Восточной области» принадлежит Швеция.

Обращают на себя внимание еще две особенности. **Во-первых**, «ближняя» и «дальняя» ориентации взаимопересекаются и **переплетаются**, как, скажем, в приведенном выше примере из «Саги об Олаве Трюггвасоне», где конунг плывет на запад в Англию («дальняя» ориентация), перемещается вдоль всего ее **по-**

feri-жъя то на север, то на юг («ближняя»), а затем **отправляет** Ц на запад во Францию (снова «дальняя»). Во-вторых, единое **направление** относится как к странам, так и к отдельным городам и районам внутри этих стран. При описании движения «**неправильность**» усугубляется. Так, движение в пределах «восточной части» из одной точки в любую другую, почти всегда обозначается как движение «на восток» или «с востока» (как в приведенном тексте из «Саги о Хаконе Хаконарсоне»), что в значительном большинстве случаев является «неправильным» словопотреблением.

Таким образом, то, что представляется сегодняшним читателем ошибками, проистекающими из слабого знакомства скандинавов с восточноевропейскими землями, следует отнести к специфике древнескандинавской картины мира.

1.2. «ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ» И «ВОСТОЧНЫЙ ПЯТЬ»

«Конунг Эйрик желал стать верховным конунгом над всеми своими братьями, и конунг Харальд, его отец, тоже хотел, чтобы так было. Эйрик рано стал великим воином, за что и был он прозван Эйрик Кровавая Секира. Было ему тогда двенадцать лет, когда конунг Харальд дал ему пять боевых кораблей, и отправился он в военный поход, сначала в Аустрвег, а затем на юг в Данмарк, во Фрисланд и Саксланд, и пробыл он в этом походе четыре года. После этого отправился он на запад за море и воевал в Скотланде (Шотландии. — *Авт.*), и Бретланде, и Ирланде, и Валланде (Франции. — *Авт.*), и провел там другие четыре года. После этого отправился он на север в Финнмарк и вплоть до Бьярмаланда, и была у него там битва, и он победил» (Королевские саги 1. С. 76—77).

Повествуя о юношеских подвигах будущего норвежского конунга Эйрика Кровавая Секира (928—933 гг.), сага называет **земли**, где он воевал, во всех четырех сторонах света: Данию, Саксонию и Фризию — на юге, Шотландию, Англию, Ирландию и Францию — на западе, Финнмарк и Бьярмаланд — на севере, и Аустрвег. В последнем случае уточнения, что земли лежат к востоку от Норвегии, как мы видим, нет, но оно и не требуется, поскольку буквальное значение этого имени — «Восточный путь».

Древнеисландский топоним *Austrvegr* является производным от существительных м.р. ед.ч.: *austr* — «восток» и *vegr* — «путь». Однако значение топонима не равно сумме значений его составляющих. Если для существительного *vegr* — «путь» основными компонентами значения являются точка отправления, маршрут и конечная точка, то для композита *Austrvegr* важно

только отнесение земель к Восточной части мира (подробнее см.: Джаксон. 1976).

Согласно сагам, отправившись из Норвегии по «Восточному; пути», можно оказаться в Швеции, можно попасть в **Эйстланд** и Курланд, а можно дойти до владений конунга Вальдамара (т.е., попасть на Русь). Но далеко не всегда *Austrvegr* связан в сагах с движением — с поездками, плаваниями и проч.: в них есть мины *Austrvegs konungr* — «конунг Восточного пути» и *Austrvegmenn* — «жители Восточного пути». Совершенно очевидно, что *Austrvegr* уже не выступает обозначением пути.

Несмотря на потенциальную продуктивность словообразовательной модели «страна света + *vegr*», построенных по ней топонимов мы в сагах не находим. Видимо, исходной моделью была «страна света + *vegir/vegar* (мн. ч. от *vegr*)». Это можно заключить и из того, что *Austrvegr* сохранился в формах как множественного (*Austrvegir* — в более ранних памятниках), так и единственного числа, а три других слова зафиксированы лишь в форме множественного числа: *Vesturvegir* — в шведской рунической надписи, *Sudurvegir* — в ряде ранних саг, *Nordurvegar* — в эддической поэзии. Скорее всего, изначально данные названия являлись обозначениями (возможно, вполне конкретных) многочисленных путей (маршрутов) на восток, запад, юг и север. Однако постепенно корни *veg-* в их составе лишился своих основных семантических компонентов, и значения композитов на *-vegr* стали качественно иными. Так, *Nóregr* (от **Nordurvegr*) стал использоваться в качестве названия страны — Норвегии, а *Austrvegr* — обозначать земли по берегам Балтийского моря и за ним, что и позволило ему встать в один топонимический ряд с композитами *Austrlgnd* — «Восточные земли» и *Austrriki* — «Восточное государство».

Если взять всю совокупность памятников древнескандинавской письменности, то можно обнаружить, что как восточные воо принимались все земли по берегам Балтийского моря, который в древнескандинавской письменности носило название Восточного (*Austmarr*) или Более восточного моря (*Eystrasa.lt*), а так же земли в глубине Восточной Европы. На востоке оказывались Швеция (Свитьод), острова Борнхольм, Готланд, Сааремаа, земли прибалтийских славян (Вендланд, Пулиналанд), земли куршей (Курланд), эстов (Эйстланд), карел (Кириялаланд), финна (Финнланд), Русь (Гарды/Гардарики) с Ладогой (Альдейгьюборгом) и Новгородом (Хольмгардом), равно как и Константинополь (Миклагард) и Рим (Ром), куда ездили «Восточным путем».

Если же обратиться к отдельным скандинавским источникам (или группам источников), то делается очевидным, что топоним *Austrvegr* (и родственные ему) не были постоянны в своем значении в разные периоды времени (Джаксон. 1988).

Самая ранняя фиксация топонима *Austrvegr* (в форме множественного числа) — в висе из поэмы скальда второй половины IX в. Тьодольва из Хвинира. В форме единственного числа композит употребляется в пяти рунических надписях XI в. В четырех случаях (равно как и в висе) значение топонима не раскрывается, в пятом — в готландской надписи первой половины XI в. — содержится уточнение, с известными допущениями прочитываемое исследователями как «далеко в Лангабардаланде». Топоним *Austrlqnd* впервые встречается в висе скальда Глума Гейрасона (975 г.). Поэтический текст не дает возможности определить, в каком значении использовал скальд X в. интересующее нас наименование, но через строфу в той же поэме он употребил наречие *austr*, говоря о битве конунга Харальда Серая Шкуры с бьярмами на берегу реки Вины (Северной Двины), так что можно предположить, что «восток» скальд понимал весьма широко и к «Восточным землям» относил области севера Восточной Кировы (от Балтийского моря до Беломорья). Топонима *Austr-ikt* в этих источниках еще нет.

Таким образом, в самых ранних древнескандинавских письменных памятниках (IX–XI вв.) значение топонимов с корнем *aust-* настолько широко, что они могут относиться к любым территориям к востоку от Скандинавии. Совершенно очевидно, что в них отразилась весьма архаичная топонимия, сложившаяся несколькими веками ранее — на начальном этапе освоения скандинавами Восточной Европы.

В королевских сагах конца XII в. («Обзоре саг о норвежских конунгах», «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда и «Гнилой коже») представлена следующая стадия развития топонимии I корнем *aust-*: *Austrvegr*, равно как *Austrlqnd* и *Austrriki*, выступают в них в качестве наименования земель по пути «из варяг в греки». Так, в «Обзоре» говорится, что Харальд после гибели Олава Святого «бежал из страны и в Восточные пути», а затем пустился в обратную дорогу «из Гарда (Миклагарда — Константинополя) по Восточному пути». В «Гнилой коже» поездка Харальда из Миклагарда описывается так: «отправился он через Восточное государство в Хольмгард». Византия явно исключается здесь из числа земель, обозначаемых данными топонимами.

ми, Русь, напротив, в ряде случаев оказывается единственными их наполнением. Например, в «Саге об Олаве Трюггвасоне» мо наха Одда рассказывается о Висивальде, «конунге Восточного п_ти», а Снорри Стурлусон позднее назовет его «Висивальд с в_ктока из Гардарики»; в «Обзоре» говорится, что Ингигерд, доч Олава Шведского, взял в жены «Ярицлав, конунг Восточного пути», у Снорри в том же контексте читаем, что это был «конунг Ярицлейв с востока из Хольмгарда», а речь идет, как можно го* нять, о русском князе Ярославe Мудром; в «Обзоре» повествуется о поездке родовитых норвежцев за Магнусом, сыном Ола_ива, воспитывавшимся на Руси, «в Восточные пути к конунгу Яриц_илаву», и т.д.

Дальнейшее развитие топонимии с корнем *aust-* связано как с исторической ситуацией (прекращением функционирования пути «из варяг в греки», изменением характера русско-скандинавских отношений), так и с «литературной жизнью» топонимов. В сводах королевских саг первой трети XIII в. («Красивой коже» и «Круге земном» Снорри Стурлусона) и в географических сочинениях конца XII — начала XIV в. для обозначения Руси достаточно последовательно используется окончательно оформившийся к этому времени топоним *Garðaríki*, который «вытесняет на запад» «Восточный путь». *Austrríki* в них не используется. *Austrvegr* и *Austrlǫnd* начинают обозначать исключительно прибалтийские земли. «Восточный путь» названных сводов королевских саг — это земли юго-восточного побережья Балтийского моря. Он охватывает Виндланд (*Vindland*), Курланд (*Kurland*), Эйстланд (*Eistland*), Финнланд (*Finnland*) и Кирьялаланд (*Kirjálaland*).

1.3. НА БЕРЕГАХ ВОСТОЧНОГО МОРЯ

Восточноприбалтийские земли вошли в круг наиболее частв посещаемых скандинавами земель уже в первые века нашей эры.

«От этих трех людей (сыновей первых насельников о. Готланд. *Авт.*) впоследствии... население Готланда настолько размножилось, страна не могла всех прокормить. Тогда они выслали из страны по жреби каждого третьего мужчину, так что те могли сохранить и увезти с собой *Ж* что имели на поверхности земли. Они не хотели уезжать, но поплы к Торсборгу (на восточном побережье Готланда. — *Авт.*) и там поселили. Но жители той земли не захотели терпеть их и изгнали их. Тогда они

плыли на о. Форе (у северного побережья Готланда. — *Авт.*) и там поселились. Но и там они не смогли себя прокормить и поплыли на один остров близ Эстланда, который называется Дагё (о. Хийумаа. — *Авт.*), и поселились там и построили укрепление, остатки которого видны еще и теперь. Но и там они не могли себя прокормить и поплыли по реке, которая называется Дюна (Западная Двина. — *Авт.*), а по ней через Русаланд. Они плыли так долго, что приплыли в Гриккланд (Византию)» (Сага о гутах. С. 307).

Хотя «Сага о гутах» написана только ок. 1220 г., а сам рассказ является одним из вариантов переселенческих сказаний, он все же дает некоторое подтверждение в археологических материалах к. Переселение обычно относят к V–VI вв., именно в это время и к югу от Рижского залива увеличивается количество готландских древностей, появляются поселения, где жило большое число скандинавов: Гробини у Лиепаи (находки датируются 650–850 гг.), Апуоле на 40 км южнее Гробини, Вискаутен (Вишневое) на Куршской косе и др.

Особую роль играли земли на пути в Финский залив и Неву — западное и северное побережья Эстонии и острова Хийумаа и Сааремаа. Они лежали на пересечении балтийских путей и привлекли внимание скандинавов уже в V в. На о. Сааремаа (Кунигуста), на западном побережье Эстонии (Лихула) и на крайнем северо-западе (Прооза на территории Таллина) в каменных могильниках найдено большое количество готландских и среднешведских украшений, оружия, деталей одежды, некоторые погребения совершены по скандинавскому обряду (владение).

Находки в Прооза прямо связывают могильник с Хельгё на о. Меларен: предполагается, что часть населения Проозы была выходцами из Хельгё, тогда как какие-то группы эстов расселились в Свеаланде (где найдены эстские каменные могильники).

Обилие восточноприбалтийской топонимии в скандинавских письменных источниках, начиная со скальдической поэзии и рунических надписей, — также важный показатель ранних и интенсивных связей региона со Скандинавией. Более того, географическая номенклатура выявляет то, что не донесли до нас письменные источники и о чем не могут рассказать археологические находки.

Топонимия Восточной Прибалтики не только обширна, но и разнообразна. В ней присутствуют этнонимы и отэтнонимические названия земель (*semiskr* — *Samland*, *kúrir* — *Kúrland* и др.), названия рек (*Dúna* — Западная Двина, *Vindöy* — Вента?), островов (*Runö* — Рухну, *Dago* — Хийумаа, *Eysysla* — Сааремаа) и др. Наиболее широко представлены в ней западное и северное

побережья Эстонии, где скандинавам известны наряду с более < шим названием земли *Eistland* наименования и более мелких областей — Вирумаа (*Virland*) и Ляэнемаа (*Adalsysla*).

Одновременно рунические надписи дают еще одно свидетельство особого положения эстов во взаимоотношениях сеев с точной Прибалтикой. В них **насчитывается** 16 личных имен, разованных от этнонима «эст»: *Eistr* и *Eistulfr* и прозвище *Eit-fari* — «ездивший к эстам». Причем люди, носившие имена с **кор-**нем *Eist-*, — это и заказчики памятников, и те, в честь **кого** памятники установлены, т.е. именитые жители Средней Швеции. Появление у них **отэтнонимического** личного имени — свидетельство давних, вероятнее всего родственных контактов сеев и эстов, память о которых сохранялась в семейных преданиях.

Особый интерес представляют два территориальных названия образованных с помощью термина *sysla*: *Eysysla*, букв. «Островная сюсла» (о. Сааремаа) и *Adalsysla*, букв. «Основная сюсла», в сагах обычно — прибрежная материковая часть Эйтсланда, **лежа-**щая против о. Сааремаа, вероятно, Ляэнемаа¹³. Видимо, «главным» этот «район» был в том смысле, что он — материковый, в **про-**тивоположность «островному району», о. Сааремаа. Особенность **обоих** топонимов заключается в том, что они построены с участием древнескандинавского слова *sysla*, которое выступало как термин для обозначения небольшого административного округа, позднее епископии (особенно распространен композит *sýslumaðr*, «управляющий округом, назначаемый конунгом»). Как правило, этот термин не участвует в образовании географических **названий**. Поэтому его использование сразу в двух топонимах, называющих прилегающие области, наводит на мысль, что на каком-то **этапе** Сааремаа и Ляэнемаа (или их части), где отмечено наибольшее и самое раннее скопление скандинавских древностей в Эстонии, рассматривались скандинавами как шведские территории, **управ-**ляемые конунгами через их наместников (см. ниже 2.1).

1.4. В **ГЛУБЬ** ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Из Прибалтийских земель «Восточный путь» вел по Неве и Ладожскому озеру в **глубь** Восточной Европы. Уже с VI в. скандинавские погребения в ладье появляются в Западной Финляндии,

¹³ Иногда под ним понимают всю территорию современной Эстонии.

« VII в. скандинавы — охотники на пушного зверя — проникают на Карельский перешеек и на Ладожское озеро, где на одном из островов найдена временная охотничья стоянка. Возникновение в середине VIII в. Ладоги (ныне: Старая Ладога) как самого восточного пункта балтийских коммуникаций, а в середине IX в. поселения на Городище у истоков Волхова создало благоприятные условия для пребывания скандинавов, продвижение которых на Волгу, а затем и на Днепр стало регулярным.

Территория от устья Волхова до Ильменя оказалась, таким образом, зоной древнейших контактов скандинавов с местными финскими и новопришедшими славянскими народами, а также регионом, наиболее тесно связанным со скандинавским севером. Не случайно, что именно эта область оказалась лучше всего (после Прибалтики) известна скандинавским письменным источникам и именно в ней возникли древнейшие скандинавские топонимы.

Едва ли не самым ранним из них было обозначение первого и крупнейшего в регионе поселения — ладожского, которое в скальдических стихах называется *Aldeigja*, а в саговой традиции *Aldeigjuborg*. Исследователи единодушно в признании генетической связи между топонимами *Aldeigja* и *Ладога*, но вопрос об их происхождении и взаимозависимости решался в науке по-разному. Основной предмет дискуссии — что первично: название озера, реки или города. К настоящему времени доказано, что сначала возникло название реки, затем города и лишь потом озера. По общему мнению, название реки происходит из прибалтийско-финских языков: финск. **Alode-jogi (joki)* — «Нижняя река». Традиционно считается, что прибалтийско-финский оригинал был перенесен на торговый пункт — Ладогу — в русской передаче. Древнескандинавский топоним *Aldeigja* считается вторичным по отношению к др.-рус. *Ладога*. Однако соотношение начального слога в трех языках свидетельствует (как убедительно доказал финский славист И. Миккола), что исходным является сочетание *al-*, а не *la-*, ибо метатеза *al-* > *la-* может быть объяснена, тогда как обратный процесс невозможен (см. подробнее: Королевские саги 1. С. 194—195). Соответственно есть все основания утверждать, что скандинавский топоним *Aldeigja* (вероятнее всего, сначала, как имя реки, а затем — поселения) произошел из финского названия реки Ладоги (совр.: *Ладожки*), а уже из него (с метатезой *al-* > *la-*) — древнерусское *Ладога*.

Возникновение древнерусского названия *Ладога* не прямо от субстратного *Alode-jogi, а через посредство скандинавского *Aldeigja* требует исторического объяснения. Еще недавно можно было только предполагать, что если славянское имя произошло от скандинавского, то славянский поток достиг Ладоги уже после того, как в ней осели скандинавы. Новейшие логические данные проясняют картину. Анализ стратиграфии домостроительства и топографии Ладоги VIII–X вв. показывает, что первыми поселенцами в Ладоге в начале 750-х годов действительно были выходцы из Северной Европы, а появление в ней славян надо относить лишь к концу 760-х годов (Королевские саги 2. С. 194–195). Основанному ими поселению скандинавы дали свое название, образовав его от финского наименования *ки*, на которой это поселение находилось.

Другим древнейшим топонимом, встречающимся впервые в висте Халльфреда Трудного Скальда (996 г.), является название *Garðar* (Королевские саги 1. С. 152–153). В XI в. его широко употребляют создатели шведских (9 раз) и норвежских (1 раз) юридических памятников, скальды, позднее — составитель «Обзора саг о норвежских конунгах», а в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда и «Красивой коже» он встречается наряду с формой *Garðaríki* (основа р.п. мн.ч. + *riki*, «государство»). В подавляющем большинстве случаев топоним имеет форму множественного (*Gardar*), а не единственного (*Gardr*) числа (отметим, что формы множественного и единственного числа имеют разное значение). Из контекста скальдических стихов и надписей явствует, что им обозначается некая территория в Восточной Европе (обычное сочетание — «на востоке в Гардах»), а более позднее употребление его производного (в сагах, географических сочинениях и др.) *Garðaríki* не оставляет сомнения в том, что оно относится к Древней Руси.

Традиционно принято считать, что скандинавское *Garðaríki* означает «страна городов»: пораженные цветущими городами Руси, скандинавы, которые не имели городов, называли так страну. Однако, во-первых, к моменту появления скандинавов в Приладожье поселений городского типа там не было, первым же из них стала Ладога, основанная самими скандинавами. Во-вторых, предгородские поселения в Скандинавии VII–IX вв. существовали; это были крупные центры балтийской торговли, такие как Хедебю в Южной Ютландии, Хельгё в Средней Швеции и др. Наконец, в-третьих, древнескандинавское слово *gardr* не означало

• город» и никогда не употреблялось в названиях городов. Им обозначались хутора или небольшие поселения, обнесенные оградой, и потому оно часто использовалось в названиях хуторов и усадьб (Мельникова. 1977).

Ныне общепризнано, что древнейшей формой названия Руги является не *Garðaríki*, а *Garðar* (в форме множественного числа), но интерпретаций названия существует несколько. Согласно традиционной точке зрения, на значение слова *Gardar* могло повлиять родственное ему древнерусское слово *городъ/градъ* в значении «укрепленное поселение» (Джаксон. 1986). Другое объяснение исходит из топографических особенностей поселений в волховско-ильменском регионе. Вверх от Ладоги по реке Волхов и в низовьях рек, впадающих в оз. Ильмень, обнаружено не менее 20 укрепленных поселений, относящихся к эпохе появления Древнерусского государства. Они служили убежищем для населения близлежащей округи и, главное, были опорными и контрольными пунктами на водных дорогах. Зачастую они располагались на наиболее трудных участках водных магистралей, а их население занималось в основном обслуживанием проплывавших мимо караванов. Скандинавы, отправляясь из Ладоги по Волхову, встречали на своем пути цепочку укрепленных поселений, что и могло дать основания назвать ладожско-ильменский регион словом *Gardar*. Эта интерпретация топонима хорошо объясняет множественное число слова *Gardar*, указывающее на то, что когда-то оно обозначало территорию (Мельникова. 1977).

Слово *Gardar*, однако, не единственный «северный» скандинавский топоним с этим корнем. Рунические надписи, саги и другие источники знают и еще один — *Hólmgarðr*, которым они обозначают Новгород. Поскольку же город возник только в первой трети X в., первоначальное наименование относиться к нему не могло. Что же означал топоним? Значение корней остается дискуссионным. Сторонники интерпретации слова *gardr* как *городъ* полагают, что и первый корень *hólm-* также является отражением древнерусского слова, которое — в силу родства корней — достаточно очевидно: *холмъ*. Тем самым, по мнению одних исследователей, в момент своего возникновения слово *Хольмгард* представляло собой не что иное, как отражение древнейшего самоназвания некоего укрепленного поселения «Холм-города (крепости Холм)». Не исключена возможность, что «Холм-городом» называлось сначала (во второй половине IX в.) поселе-

н о

рей лов)

Са б

с ах

Г^о - 1

IMb

Б т ѝское ор

Б жнчесн

з ш

а ?)

Зап дна

Двна

В

imlan d

istlan d

is. n d

1

—

Ma
ад
alti uo

nd

land

land

s

shaf

jālaoc o t

jāldo o t

lsingj a b o t

*

Dyna

Dyna

14 Курсивом выделены а сопровождает предположи те и понимы, встреченные голК^о и Рунические надписи; Кс О^о

е спол ьз. в современ **ш**
ации ді :вн. ан динавк^о
о ро ую х ар кте о ти ку и и те
т ; ро. а вс а г и 2; Вик ип

POB ^
ну

Ж
X

Eysýssla
Sýslula

[†]Dagaip

M

kar

B|I

I

jarmar
ziarmi
eni

ХОРОНИМЫ

Бьялкаланд (?)

Бьярмаланд

Квенланд

Страна велика-
нов (?)

Тавейсталанд

alan

Tafei

∞ d

ialka land
maland
armaland
yventland
zisal

I a

Bjarn
n

Tafei: —

Геол
че

Фи-

ел

4
5

0
ndvi

B

а
ХОРОНИМЬ
Карелия
Новгородская
земля

о
иб-

Л адр е

Нов.
(пер о

р В о в
9 x e

á

md
arik
45 45

u

Hol

a
io,
rð

Hólf
1

лѣ

с

др ъ
ѡ ѡ

щеп ю ѡ
ѡс (ѡ
юни мѡ (ѡ

с а

ств

одѡ

лавѡ
ѡранѡ
ѡнѡ

Географи-
ческие
сочинения

‘Hlynskógar

— es

‘Kráku—

I

ustΓ d
rlynd

4us̄ rik

Gar ѡ
Ga—

Rússia
Ruussia
Ruussia
Rúzia^a
‘Schlavi^a

R R

I

1 1

<p>и е я</p>			<i>Rusci</i>	~		<i>Sclavi</i>
<p>ХОРОНИМЫ Киевское княжество Муромское княжество Страна славных готов (?)</p>			<p><i>Hreidgotaland</i></p>	<p><i>Kcenugardar</i> <i>Kcenugardar</i> <i>Moramar</i></p> <p><i>Reidgotaland</i></p>	<p><i>Hreidgota- land</i></p>	
<p>Суздальское княжество</p>			<p><i>Surdalir</i> <i>Surtsdalar</i> <i>Syrgisddlar</i> <i>Sudrdalariki</i> <i>Sydridalariki</i></p>			
<p>ОЙКОНИМЫ Витичев (?) Гадар (?) Гелиополь (?) Днепровский город (?) Киев Муром Полоцк РОСТОВ</p>	<p><i>†Vitaholmr</i></p>		<p><i>Kcenugardr</i></p> <p><i>Palteskja</i></p>	<p><i>'Heliopolis</i> <i>Danparstadir</i></p> <p><i>Kamugardr</i> <i>Kiu</i></p> <p><i>Palteskjuborg</i> <i>Palltceskia</i> <i>Rddstofa</i></p>	<p><i>†Gaðar</i></p> <p><i>Kænugarðr</i> <i>Kio</i> <i>Mdramar</i> <i>Palteskja</i></p> <p><i>Rostofa</i></p>	<p><i>Danparsta- dir</i></p> <p><i>Kcenugardr</i></p> <p><i>Pallteskja</i></p>

С юр
О узл
У стѣ

ГИДРОНИМЪ

р. Волга (?)

р. Днепр

р. Дрѣн (?)

р. Кама (?)

Ustaholmr

*A
P
y.*

*iforr
fstei.*

B

B lq

B enn

Ѡ:

*ġiar
iar*

Ѣ
Ѥ

1

Г 1

Географиче-
ские
сочинения

28kjw

n
c
z.

Sürs

ga

*Kumb

Гуны

Сарматы

Серки

Скифы

Татары

Тюрки

—

B 6 1

ω

da

суфи

экл.

Велз

Хол

ная

Om₁

m

И₁

Sarm

f ar

Sc

Tyr.

j

á

Blókumanna-

land

Grikkland

Girkland

kland

kjariki

æcia

irariki

taria

I

— ω

!

icithia

ærkland

ijóð hinn

la(kalda)

inaland

hinn

Sví

mik

alda)

Hún

Tyr.

1

!

inn

da)

Охон ас

Географические
сочинения

klagarðr

kl
is

p

otides

u
o

Varukv

is

Tan

nakvís

as

1

1

ГИДРОНИМЫ

Азовское море

(Meotida)

Нэптовское

Устье (лиман)

р До (Танаис)

1

сское
ржор

p

уие
ские

1

5

ние на территории нынешнего Городища под Новгородом, и лишь впоследствии, с переселением его обитателей на территорию будущего Славенского конца (именуемого в летописи «Холмом») куда был перенесен ими и привычный топоним, тем более что к этому могло располагать сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого мест. По мнению других исследователей, более вероятным и с лингвистической, и с археологической точек зрения является сохранение за словом *hólmr* его собственного значения — «остров, островок на реке, холм на залитой водой местности», и за топонимом *Hólmgarðr* — «поселение на возвышенных, окруженных водой местах». Именно так, на высоких мысах у впадения притоков располагались древнейшие поселения по Волхову и в Приильменье, в том числе Городище. Топоним мог относиться как к конкретному поселению — Городищу, так и к поселениям вдоль Волхова от Ладоги до Ильменя.

Таким образом, уже на раннем этапе своего проникновения и Приладожье и Приильменье скандинавы дали названия не только своим важнейшим поселениям, Ладоге и Городищу, но и всему региону, который они и в дальнейшем посещали особенно часто. Не случайно именно Новгород предстает в сагах столицей Руси, ее наиболее крупным и важным городом. И потому неудивительно, что позднее, когда стали складываться знания о других регионах Восточной Европы, название *Garðar* было распространено на всю территорию Древнерусского государства.

1.5. НА ПЯТИ «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

С начала IX в. отдельные отряды норманнов проходят Днепровским путем в Черное море, а к концу века, после возникновения единого Древнерусского государства, их число резко возрастает, и скандинавская знать, дружинники, отряды наемников и купцов появляются в самых разных местах Восточной Европы. Земли к югу от Ильменя представлены в древнескандинавских источниках несколько иначе, чем ладожско-ильменский регион. В первую очередь, мы не найдем здесь оригинальных, собственно скандинавских географических названий, хотя различные источники знают большое число городов, рек, местностей. Все они являются переработкой местных топонимов. Другая особенность заключается в случайности упоминаний топонимов в этом регионе. Среди них представлены и на-

звания городов, и небольших поселений, и днепровских **порогов**. Но многие встречаются только один раз и включены в текст, **о** видно, в силу каких-то особых обстоятельств, например, **раса** за очевидца.

Таково, вероятно, происхождение упоминания одного из известных сочинению императора Константина Багрянородного **порогов** (см.: часть гл. 2, особенно с. 97—98) в рунической надписи с о. Готланд: «Ярко **ок** **шенные** установлены эти камни: Хагбьярн [и его] брат **Хродвисл**, Эйст< [и] Эймунд вместе установили эти камни по Хравну к югу от Ровстей. Они добрались вплоть до Айфора. **Вифиль** вел [отряд]» (Рунические и писи. № 17). Из текста явствует, что заказчики камня находились в ходе вместе с погибшим братом и потому хорошо осведомлены о названых местах, где повернули вспять. Упомянутые лишь один раз, подобного **рс** названия всегда с трудом поддаются идентификации. Так, например, возможно с уверенностью говорить, действительно ли крепости Витичев и **У** **ть**, охранявшие переправы через Днепр южнее Киева, названы в **норве** **ской** рунической надписи: «Эгиль установил этот камень по **Тораль**, своему сыну. Он умер в Витахольме между Устахольмом и Гардами» (Рунические надписи. № 6). Основанная только на фонетическом сходстве первых основ с названиями Витичев и Устье, их идентификация не чем предположение, которое не может быть доказано или **опровергн**. Большая же часть топонимов представлена в перечнях в графических сочинениях:

«В том государстве есть [часть], которая называется Россия, мы **на** **ваем** ее Гардарики. Там такие главные города: Морамар, Ростова, **Сур** **лар**, Хольмгард, Сюрнес, **Гадар**, **Палтескья**, Кэнугард» (Географические чинения. С. 65).

В других сочинениях в список входит также **Смоле» (Smaleskia)**. Среди 9 названий городов в перечнях толь: Хольмгард — Новгород постоянно упоминается в других **исто** **никах**. Три других: Кэнугард — Киев, Сурдалар — **Сузд** **и** **Палтескья** — Полоцк, называются в нескольких **рассказах**. **тальные** присутствуют только в списках городов, причем **Сю** **нес** и **Гадар** однозначно идентифицировать невозможно.

Также и список рек в другом трактате, в котором переч: **лены** Днепр (*Nepr*), Нева (*Nyia*), Сейм (*Seimgol*), Западная на (*Dúna, Dyna*), Волга или Волхов (*Olkoga*), Северная Дв: (*Vina*), Кама (? *Kuma*), не имеет продолжения в **не-географиче** **ской** традиции. Из поименованных рек сагам известны только Западная и Северная Двина.

Вопрос о происхождении этих перечней не решен. **Очевидно**, что список городов должен восходить ко времени не позже первой половины XI в., после чего приток скандинавов на Русь **рез** **ко** сокращается. Но когда именно и каким образом он **сформиро** **вался**, как сохранился до времени записи, пока не **установлено**

Наконец, единственные широко употребительные топонимы — обозначения Киева и Константинополя, занимавших исключительное положение на «Восточном пути». В названиях этих двух городов, как и в названии *Hólmgarðr*, присутствует основа *garðr*: *Kænugarðr* и *Miklagarðr*, которая не встречается в обозначениях никаких других городов. Очевидно, что «северные» наименования на *-garðr* образовали топонимическую модель, которая была использована при знакомстве с другими городами, связанными единым путем. Новгород, Киев и Константинополь — три важнейших центра на пути из Скандинавии в Византию, и названия на *-garðr* отмечают начало, срединный пункт и конец пути «из варяг в греки».

В обозначении Киева, очевидно, использовано в качестве первой основы местное славянское наименование. Согласно наиболее аргументированной точке зрения, топоним *Kænugarðr* образован от *Кыянь-градъ* (< *Кыяне*, т.е. жители Киева). Топоним же *Miklagarðr*, от скандинавской основы — *mikill*, «большой, великий». Однако название «Великий город» могло возникнуть как непосредственная реакция скандинавов на величие этого древнего города, так и как калька его определений в Византии и на Руси.

Таким образом, освоение скандинавами пути «из варяг в греки» отразилось в древнескандинавской топонимии в появлении названий двух наиболее важных на этом пути городов и закреплении данных названий в традиционных знаниях о Восточной Европе. Однако эти наименования были образованы по топонимической модели, сформировавшейся в ладожско-ильменском регионе. Тем самым они дают основание датировать возникновение «северных» топонимов на *-garðr* временем до начала широкого проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье и интенсивного функционирования Днепровского пути, т.е. до второй половины IX в.

1.6. СОКРОВИЩА БЬЯРМЛАНДА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Ойкумена викингов не кончалась Древней Русью: многие купцы достигали Великого Булгара и торговали там мехами и рабами, отдельные отряды викингов проникали на Каспийское море и разоряли города Ширвана, добирались они и до Багдада.

Но то были разрозненные экспедиции в страны, мало знакомые скандинавам, и потому они не оставили сколько-нибудь существенных следов в древнескандинавской топонимии, кроме одного-двух обозначений, которые к тому же были чрезвычайно расплывчаты, как были расплывчаты и представления об этих землях. Они населялись в сагах (особенно в сагах о древних временах) фантастическими жителями и зверями, в них могли происходить самые невероятные события, они были далеки и опасны, и поездка туда была свидетельством особой отваги викинга.

Неточно локализованные в пространстве, обозначающие и топонимы могли переноситься с одной территории на другую, как, например, «перемещается» топоним Серкланд (*Serkland*, вероятно, от латинского *sericum*, «шелк», т.е. «Земля шелка», позднее осмысленный как «Земля сарацин») от Предкавказья до Северной Африки (Географические сочинения. С. 216). К числу таких топонимов, очевидно, принадлежит и основное в древнескандинавской литературе обозначение Русского Севера — Беломорья и Подвинья — *Bjarmaland*, «Земля бьярмов».

Сведения о севере Восточной Европы начали поступать в Скандинавию уже со второй половины IX в.: в конце этого столетия английский король Альфред Великий записывает рассказ норвежца Оттара о его плавании в страну бьярмов (др.-англ. *beoramas*). Плавания в Бьярмаланд, судя по рассказам саг, участились в X–XI вв., и географические трактаты уверенно пишут о нем как о самой дальней из земель, заселенных северными народами (Географические сочинения. С. 87, 89), отмечают, что бьярмы платят дань Руси (Там же. С. 159), а в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» описывается поездка норвежского купца из Бьярмаланда на Русь: в Суздальское княжество и Новгород, т.е. путь из Беломорья в центральные русские земли. Наконец, в ряде саг имеются развернутые повествования о походах в Бьярмаланд, включающие описания бьярмов, их обычаев и их религии.

Казалось бы, обилие источников должно позволить точно локализовать землю бьярмов и дать достоверное описание этого народа. Ничуть не бывало. Вопрос о том, что такое Бьярмаланд, обсуждался и обсуждается более столетия без окончательных результатов. Дело в том, что источники позволяют поместить Бьярмаланд в различные и далеко отстоящие области Русского Севера: от Кольского полуострова до Приладожья на юге и Прикамья на востоке. Иногда саги располагают его в низовьях Северной Дви-

III 15. Однако анализ рассказа Оттара свидетельствует о том, что он приплыл в район Кандалакшской губы или немного южнее, а на карте Олая Магнуса (1539 г.) Бьярмаланд обозначен на Кольском полуострове. Не помогает и вполне вероятная этимология этнонима *bjarmar* < др.-фин. *permt-, пермь* «Повести временных лет», которая и по археологическим данным, и по древнерусским источникам обитала значительно восточнее — по среднему и верхнему течению Камы (подробнее см.: Географические сочинения. С. 197–200; Королевские саги 1. С. 248–250).

Настораживает историков и описание Бьярмии как богатой страны, жители которой, достойные соперники викингов, владеют огромным количеством серебра и драгоценных украшений. Картина Русского Севера по археологическим данным действительно отличается от саговой: финские народы севера Восточной Европы вели промысловое хозяйство, почти не имели постоянных поселений; находки здесь серебряных монет крайне редки. Наконец, создаваемое сагами представление о чрезвычайно тесных связях Бьярмаланда со Скандинавией противоречит крайней скудости скандинавских древностей. В чем же дело?

С одной стороны, содержание топонима могло меняться по мере ознакомления скандинавов с севером. Изначально топоним *Бьярмаланд* мог служить для обозначения западной половины Беломорья между реками Онега и Стрельна (или Варзуга). Видимо, эту область имеют в виду и договорные грамоты Новгорода с великими князьями 1264 и 1304–1305 гг., когда называют между Заволочьем (в состав которого входило и нижнее течение Северной Двины) и Тре (Терским берегом, начинающимся к востоку от Варзуги) волость *Колоперемь/Голопърмь* во второй части названия которой (*-перемь*) можно усмотреть тот же корень, что и в «бьярмах» Оттара и скандинавских источников.

Исходное значение топонима *Бьярмаланд* претерпело изменения в результате участвовавших плаваний скандинавов в Белое море и их знакомства с Северной Двиной. Надо полагать, что в сагах название *Бьярмаланд* относится уже преимущественно к низовьям Северной Двины. Саги, как правило, описывают ес-

15 С рекой Виной связывают Бьярмаланд три сюжета: о битве Эйрика Крошавая Секира у реки Вины («Сага об Эгиле»); о битве Харальда Серая Шкура на берегу Вины (виса скальда Глума Гейрасона, «Красивая кожа» и «Круг земной» Чюрри Стурлусона); об ограблении капища бьярмийского божества Йомали на берегу Вины (со значительными вариациями представлено в «Круге земном» и ряде саг о древних временах — «Саге о Хальвй», «Саге о Боси», «Саге о Стурлауге», «Саге об Одде Стреле»).

тественный для норвежцев северный морской путь в Бьярмаланд, говоря о пути на север в Финнмарк и дальше вплоть до Бьярмаланда, называя в качестве промежуточных точек несколько «островов у северо-западного побережья Норвегии и у побережья Финнмарка. Обратный путь описывается в них как путь «с *вера»; героям саг приходится плыть «по Гандвику» (Белому морю); они попадают из Бьярмаланда «назад в Финнмарк» а оттуда в Норвегию

С другой стороны, неустойчивость локализации Бьярмаланда в скандинавских источниках, — вероятно, результат недостатка точно хорошего знакомства скандинавов с географией север и северо-востока Восточной Европы. Огромная и редко заселенная территория не могла быть освоена за время кратковременных и не слишком частых поездок (в сагах рассказывается примерно о 15 случаях). Пожалуй, единственным твердым ориентиром была Северная Двина. Как этноним, так и производный от него топоним легко могли получить расширительное и неопределенное значение, распространяясь на любые финноязычные народы севера и на всю территорию.

Невзирая на явный недостаток географических знаний о регионе, саги тем не менее необычайно подробно и красочно изображают его. Например, Снорри Стурлусон в «Круге земном» рассказывает о поездке норвежца Карли, приводя множество мелких деталей и подробностей:

«Плыли они летом чаще всего так, как позволяли их корабли... И когда они приплыли в Бьярмаланд, то остановились они в торговом месте. Ничалась там торговля. Все те люди, у кого было для этого имущество, приобрели там огромное богатство. Торир приобрел там много беличьего меха и бобрового, и собольего. И у Карли было огромное богатство, так что он купил много мехов. А когда там закончилась торговля, тогда поплыли они прочь по реке Вине. Было тогда объявлено, что мир с местными жителями закончился». Викинги решают напасть на бьярмов, но Торир предлагает воспользоваться обычаем бьярмов выносить в лес и засыпать землей часть наследства богатого человека. Торир приводит отряд к капищу бьярмов. «Они вышли на большую поляну, и на той поляне был высокий деревянный забор, с воротами в нем, которые были заперты. Шесть человек местных жителей должны были охранять каждую ночь этот забор». На дворе капища был насыпан «курган, в нем перемешаны золото, серебро и земля... А еще внутри ограды стоит бог бьярмов, который зовется Йомали». Как оказалось, в руках статуи Йомали была серебряная чаша, полная серебряных монет, а на шее драгоценное ожерелье. Набрав монет с землей из кургана, забрав чашу и срубив ожерелье, викинги бросились к кораблям, преследуемые разбуженными стражниками-бьярмами (Королевские саги 2. С. 75—77).

Некоторые из этих подробностей подтверждаются другими источниками. Действительно, основным предметом торговли сканди-

и шов с северными народами были меха, и торговля эта была весьма выгодной. Действительно, у финских народов существовало божество по имени Йомали: оно названо в одной из новгородских берестяных грамот, где приведено финское заклинание. Тем не менее описание статуи божества основано, видимо, на рассказе Адама Бременского об Упсальском языческом храме, а все почитование строится на традиционных мотивах и стереотипных мифах, изображающих подвиги викингов.

Рассказы о поездках в Бьярмию становятся в сагах одним из элементов героизации персонажа и оформляются в соответствии с художественной системой саги. Образ Бьярмии, имеющий в основе, конечно же, реальные сведения о ней, постепенно беллетризуется, приобретая в сагах о викингах сказочные черты. Перед нами оказывается описание не реальной земли, куда время от времени попадают наиболее предприимчивые викинги, а литературный образ далекой, опасной, но чрезвычайно богатой страны, поездка в которую придает викингу ореол героизма.

Разнообразие и обилие восточноевропейской топонимии в древнескандинавских источниках — бесспорное свидетельство очень близкого знакомства скандинавов с географией Восточной Европы. Вместе с тем структура и характер топонимии отражают неравномерность географических знаний и постепенность их накопления. Наиболее ранний пласт топонимов относится к ладожско-ильменскому региону, зоне древнейших скандинаво-финно-славянских контактов. Можно предполагать, что он сложился до середины — второй половины IX в. Второй круг топонимии связан с путем «из варяг в греки». Он формируется во второй половине IX–X в., но только названия городов по этому пути, Кэнугард и Миклагард, продолжают «северную» топонимическую традицию и органически входят в круг географических знаний скандинавов. Остальные — достаточно многочисленные — топонимы не образуют устойчивого комплекса, и их употребление в большинстве своем случайно. Наконец, земли на северо-востоке и юго-востоке от Древнерусского государства неопределенны и расплывчаты, их точная локализация невозможна, и в сагах формируются литературные образы отдаленных земель, насыщенные фантастическими и сказочными элементами.

ГЛАВА 2. В **ТУМАНЕ** СТОЛЕТИЙ: ИСТОРИЯ В ПРЕДАНИЯХ

Первые два века пребывания скандинавов в Восточной Европе (середина VIII — середина X в.) оставили яркий след в восточноевропейской топонимии скандинавов, но почти не отразились — как принято считать — в форме упоминаний каких-либо исторических событий, связанных с русско-скандинавскими контактами. Походы на Каспий X в., торговля в Булгаре с арабскими купцами, о чем мы знаем из арабских источников, бурные события второй половины IX в. в ладожско-ильменском регионе о которых мы узнаем из «Повести временных лет», не находят, как кажется на первый взгляд, прямого отражения ни в сагах, ни в других письменных памятниках Севера. Неужели два столетия едва ли не самой значительной эпохи в истории русско-скандинавских отношений были полностью забыты скандинавами?

Ответ на этот вопрос, судя по последним исследованиям, должен быть отрицательным. Тщательный анализ неясных упоминаний, мимоходом сделанных замечаний, происхождения некоторых сюжетов в сагах о древних временах показывает, что этими стоят воспоминания, подчас смутные и обрывочные, о древнейших связях северо- и восточноевропейского регионов.

2.1. О ВЛАДЕНИЯХ ШВЕДСКИХ КОНУНГОВ В АУСТРВЕГЕ

15 февраля 1018 г. в Упсале состоялся тинг, который должен был положить конец борьбе Олава Норвежского и Олава Шведского за пограничные территории. Как рассказывает Снорри Стурлусон, Бьёрн Окольный, присланный Олавом Харальдссоном, предложил Олаву Шётконунгу заключить мир и восстановить старую границу между Швецией и Норвегией. С теми же словами обратился к конунгу и ярл Рёгнвальд; он также добавил, что Олав Харальдссон хочет посвататься к дочери Олава, конунга свеев. На это последовал гневный ответ конунга.

«Тогда встал Торгнир. И когда он встал, встали все те бонды, что до этого сидели, и подались вперед все те, кто стояли в других местах, и хотели слышать, что скажет Торгнир. Сначала был большой шум от множества людей и [бряцания] оружия. А когда стало тихо, тогда Торгнир сказал: "Другие помыслы теперь у конунгов свеев, нежели были раньше. Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмундарсона, конунга Упсалы,

и говорил о нем, что, пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны, и покорил Финнланд и Кирьялаланд, Эйтланд и Курланд и много [земель] в Аустрлэнд. И можно видеть те земляные укрепления и другие великие постройки, которые он возвел, и не был он настолько высокомерен, чтобы не слушать людей, если у них была необходимость с ним поговорить. Торгнир, мой отец, долгое время находился у конунга Бьёрна. Ему был известен его обычай. При жизни Бьёрна государство его было очень сильным и не уменьшалось. Он был терпим к своим друзьям. А я помню конунга Эйрика Победоносного, и был я с ним во многих походах. Увеличил он государство сеев и смело защищал его. Нам было хорошо с ним держать совет. А конунг тот, который сейчас [у нас], не позволяет ни одному человеку осмелиться говорить с собой, кроме как о том, что он хочет чтобы произошло, и к этому он прилагает все силы, а свои земли, обязанные данью, теряет из-за отсутствия энергии и мужества. Он желает удержать под своей властью Норегсвелди, к чему раньше не стремился ни один из конунгов сеев, и делает тем недоброе многим людям. Таково теперь желание наше, бондов, чтобы ты заключил мир с Олавом Толстым, конунгом Норега, и отдал ему в жены свою дочь Ингигерд. А если ты хочешь вернуть под свою власть те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои родичи и предки, тогда все мы хотим следовать в этом за тобой"» (Королевские саги 2. С. 61–62, 73).

Речь Торгнира закончилась угрозой убить конунга, если он не поступит так, как того хотят бонды. В результате конунг согласился заключить мир с Норвегией и выдать дочь замуж за Олава Харальдссона.

По хронологии крупнейшего шведского археолога Б.Нермана, шведский конунг Эйрик умер в 882 г. в преклонном возрасте, и время, когда он был «в расцвете сил», приходится на начало его правления, т.е., по мнению Нермана, «Аустрвеги» Эйрик покорил в 850–860 гг. При рассмотрении этого сообщения вне общего контекста саг можно прийти к выводу — как и делалось в исторической литературе XIX — первой половины XX в., — что восточноприбалтийские земли были захвачены шведами в середине IX в., и вплоть до начала XI в. финны, карелы, эсты и курши были данниками шведских конунгов.

Однако в «Житии Святого Ансгария», написанном гамбургеро-временским архиепископом Римбертом ок. 870 г., говорится, что и середине IX в. племя куршей, находившееся под властью шведов, восстало и освободилось от их господства. Ок. 853 г. датчане предприняли попытку завоевать куршей, но потерпели поражение; тогда в землю куршей отправился с войском шведский король Олав, сидевший в Бирке; он осадил крепости Сэборг I Апуоле и сжег первую из них, после чего вновь подчинил седе куршей, наложив на них большую дань. Нерман датирует поход Олава 855 г. Сэборг отождествляют с городищем около го-

рода Гробини в земле куршей (недалеко от совр. Лиепай), а **Апуоле**, по общему мнению, находилось ок. пос. Шкуде (совр. **Скуодас**) в Литве (см.: Ловмянский. 1985. С. 117 и примеч. 3 на с. 117). Первое имеет явные следы пребывания в нем **готландцев**, второе — **свеев**. Оба они рассматриваются как скандинавские поселения в Восточной Прибалтике.

Из сообщений «Саги об Олаве» и «Жития Святого Ансгария» следует, что примерно в одно и то же время (50-е годы IX в.) **конунги** различных шведских династий (Олав — конунг Бирки, **Эрик** — **Упсалы**) покорили куршей. Более того, согласно **Снорри**, живший во второй половине VII в. Ивар Широкие Объятья также «завладел... всем Аустррики» (Королевские саги 1. С. 51, 55). Таким образом, согласно традиции, **восточноприбалтийские** земли многократно завоевывались шведами.

Возможное наличие шведских округов-*sýsla* в Эстонии (см. выше 1.3), равно как и скандинавских поселений на землях **северной** Латвии, как будто говорит о том, что какие-то **островки** скандинавского расселения здесь действительно существовали. Однако покорение этих земель нельзя рассматривать как их включение в состав древнешведского государства, ибо в **середине IX в.** его не существовало. Видимо, «завоевание» куршей и других народов Восточной Прибалтики шведами в VII–IX вв. выражалось лишь в «данях» — откупках от грабежей во **время** набегов викингов, может быть в периодической уплате дани, собираемой силой оружия (ср. сообщение «Повести временных лет» под 859 г. о том, что «имаху дань варязи из заморья на **чюди** и на словенех, на мери и на всех, кривичех»). При этом **многие** саги упоминают или рассказывают о сопротивлении, оказываемом местными жителями:

«... с конунгом **Олавом** (**Шётконунгом**. — *Авт.*) воевал народ, который зовется **земгалами**: они не платили некоторое время дани. Тогда Олав послал Анунда и Ингвара на трех кораблях получить дани. Они пристают к **земгалам** и созывают жителей этой земли на тинг, и потребовали от их **конунга** выплатить дань. Ингвар проявил там большое искусство в красноречии, так что конунгу и многим хёвдингам показалось, что нет у них другого **выхода**, кроме как заплатить дань, как требовалось. Только три хёвдинга, которые не хотели последовать решению конунга, упрекали его в уплате **дани** и собрали войско... Они сразились, и много людей было убито, прежде чем они обратили хёвдингов в бегство... Они взяли там много добычи, **выручили** всю дань и поехали со всем этим обратно к конунгу Олаву...» (Y.s. 10–11),

Даже если этот эпизод «Саги об Ингваре» не отражает реального события, а является стереотипным изображением первого победоносного похода юного викинга, тем более показательно, что

и повествование включается мотив сопротивления местных жителей, следовательно, явление это было распространенным и отложилось в повествовательной традиции.

На конец VIII — начало IX в. приходится большое число сообщений саг о поездках викингов по Аустрвегу, т.е. в Восточную Прибалтику (см. выше 1.2). В рассказах саг не проводится при этом четкой грани между грабительскими походами, торговыми поездками и поселением, что и естественно, поскольку сплошь и рядом один вид деятельности переходит в другой. Однако в повествованиях о событиях более поздних уже не говорится о долгом временном сборе скандинавами дани с восточноприбалтийских земель (эпизод из «Саги об Ингваре», возможно, созданный автором саги в соответствии с традиционным сюжетом и не отражающий реального события, — едва ли не единственное исключение; показательно, что он приурочен к правлению того самого Олава Шведского, которого Торгнир упрекал за «утрату» прибалтийских земель). И хотя вполне очевидно, что «восточные» известия в сагах отрывочны и случайны, молчание саг представляется весьма красноречивым и позволяет поставить под сомнение рассматриваемое здесь известие «Саги об Олаве Святом», согласно которому прибалтийские народы являлись постоянными данниками шведов с середины IX до начала XI в.

Лагман Торгнир обвиняет Олава Шведского в том, что ко времени его правления, т.е. к началу XI в., походы шведских конунгов в Восточную Прибалтику прекратились. Но это было вызвано отнюдь не только «нерадением» Олава, а глубокими внутренними изменениями в скандинавском обществе конца X — начала XI в. Был и другой фактор, сыгравший свою роль в том, что в начале XI в. шведский конунг теряет «земли, обязанные данью»: к этому времени население Восточной Прибалтики стало данниками древнерусских князей. Уже в 862 г., согласно летописи, чудь вместе со словенами «изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети» (ПВЛ. С. 13. Подробнее см.: Ловмянский. 1985. С. 113-118; Джаксон. 1991. С. 123-132; Мельникова, Петрухин, 1997).

2.2. КНЯЗЬ ИГОРЬ В СКАНДИНАВСКИХ ПРЕДАНИЯХ?

Считается общепринятым, что скандинавские источники не знают древнерусских князей до Владимира Святославича

(978—1015 гг.). Действительно, рунические надписи и скальческие висы X — начала XI в. не называют ни одного русского имени, а королевские саги рассказывают о скандинавах при дворах Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, о борьбе Ярослава с братьями («Прядь об Эймунде»), а также включают сюжет о трагически закончившемся сватовстве некоего конунга Висивальда (Всеволода) из Аустрвега к вдове шведского конунга Эйрика Победоносного Сигрид Гордой (Королевские саги 1. С. 210—211). Таким образом, королевские саги знают очень небольшое и хронологически ограниченное число русских зей, имена которых упоминаются в контексте ряда немногочисленных сюжетов.

Иное дело саги о древних временах. Они рассказывают о бытиях до конца IX в., а саги о викингах — по XI в., и в большинстве из них имеются эпизоды, в которых герои действуют на Руси. Называемые в этих сагах конунги Руси (так определяется в текстах их социальный статус) лишь крайне редко соотносимы с известными по русским источникам историческими лицами. Поэтому именованное русских конунгов в сагах о древних временах представлен двумя неравными группами: небольшим числом реальных исторических деятелей и большим количеством легендарных правителей.

Сведения о «русских конунгах» встречаются в двух возможных контекстах: в микроконтексте так называемых «точечных» упоминаний (генеалогические перечни, зачин саги, изолированные упоминания, не развернутые в пространные повествования) и в широком контексте, где персонаж является элементом сюжетно-образной системы произведения. В первом контексте используются почти исключительно имена исторически реальных лиц, для второго характерно привлечение легендарных персонажей (сюжеты нескольких саг, однако, построены вокруг имен реальных правителей).

Сюжеты, в которых действуют легендарные конунги, в значительной мере стереотипны. Почти все они связаны с матричными связями и службой в войске русского князя. Как воспринимались «русские» герои авторами саг: противопоставляли ли они своим, исконно скандинавским героям, по принципам свои—чужие или воспринимались как свои? В отличие от описания героев-скандинавов, в характеристике «русских» героев отсутствуют подробные генеалогические сведения, определяющие их принадлежность к какому-либо роду. При появлении же

В сюжете персонажей, связанных с конунгами Руси, нередко упоминаются их кровнородственные отношения со скандинавами. Так, например, в «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» ничего не сказано о происхождении самого конунга Хергейра, правившего в Альдейгьюборге (Ладоге), но о его супруге Исгерд говорится, что она была дочерью конунга из Гаутланда, а ее брат Сигмунд оказывается приемным сыном известного по другим сагам о древних временах Хеймира, приемного отца Брюнхильд Будладоттир. Отсутствие генеалогических сведений, разумеется, не является выражением противопоставления «русских» конунгов скандинавским, но тем не менее обособляет их.

Другой важный элемент — именослов «русских» конунгов. Выбор имен в древности не был случайным: выбирая имя для своего персонажа, автор рассчитывал на определенную реакцию слушателя или читателя. В сагах о древних временах отбор имен для персонажей подчинялся некоторой закономерности. Правители Ладоги и Ладужской округи носят широко распространенные во всех скандинавских странах имена: Хальвдан, Хергейр, Ингигерд, Исгерд, Скули («Сага о Хальвдане Эйстейнссоне»). Среди имен персонажей, не входящих в окружение главных героев-норманнов, преобладают имена вымышленные, не встречающиеся в других памятниках: Аргхюра, Хрифлинг, Гульлука, Флоки и др. Таким образом, именослов, по-видимому, определяет принадлежность героев к разным этническим группам, последовательно деля их на «своих» и «чужих». К «своим» принадлежат правители Ладоги, и их поведение определяется принятыми в древнескандинавском обществе культурно-этическими нормами. Рассказ о «чужих» и о мире, в котором они живут, строится на легендарно-мифологических сказаниях и сюжетах.

Вместе с тем имена ладожских правителей в сагах о древних временах, хотя и распространенные в Скандинавии, не известны в числе скандинавских антропонимов древнерусских князей. Единственное исключение составляет конунг Ингвар в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом». Он — конунг «на востоке в Гардах», правит в Альдейгьюборге и считается «мудрым человеком и большим хёвдингом». К его дочери Ингибьёрг сватается известный викинг Франмар, и Ингвар собирает тинг, чтобы его дочь на тинге выбрала себе мужа. Конунг Ингвар приходит на тинг «с большим войском и многочисленными советниками», назвавшийся другим именем викинг опознан Ингибьёрг, и на этом тинг завершается. После ряда попыток встретиться с Ингибьёрг Франмар

возвращается в Швецию и через некоторое время вместе с конунгом Стурлаугом приходит снова в Гардарики. «Когда они пришли в страну, пошли они по земле, совершая грабежи, сжигали и паля везде, куда бы они ни шли по стране. Убивают людей и скот». Ингвар собирает войско, завязывается трехдневное сражение, в котором он погибает от руки Стурлауга. Затем Стурлауг передает «во власть Франмара город Альдейгью и все то государство, которым владел конунг Ингвар, и дал ему титул конунга» и Ингибьёрг в жены (Викинские саги. С. 158—159, 164—165, 170—171).

Упоминания в рассказе об Ингваре ряда известных по сагам лиц, дают указания на хронологические рамки событийной канвы, которые хочет установить автор, — вторая половина IX—начало X в., период правления в Норвегии Харальда Прекрасноволосого. Не исключено поэтому, что «конунг из Гардов» Ингвар идентичен князю Игорю, пришедшему, согласно древнерусским источникам, в Киев с севера. Кроме совпадения имен (др.-сканд. *Yngvarr* > *Игорь*), в пользу этого отождествления говорит и то, что сага делает Ингвара конунгом Ладоги: именно оттуда (может быть, с Городища), вероятнее всего, двинулся по Днепровскому пути на юг летописный Игорь с Олегом.

А.А.Шахматов отмечал, что в городах Северной Руси были широко распространены предания о варяжских (скандинавских) князьях, в том числе в Ладоге о пребывании там Рюрика, по летописи отца Игоря. Вполне вероятно, что в Ладоге существовали какие-то предания и об Игоре-Ингваре, которые, благодаря тесным связям Средней Швеции и Ладоги, могли сохраниться на севере. На использование «Сагой о Стурлауге» древних преданий, значительно более ранних, нежели сама сага, говорит употребление архаических форм топонимов: *Aldeigja*, а не *Aldeigjuborg* и *Garðar* (см. выше 1.4). Особенно показательным то, что форма *Gardar* употреблена в характеристике Ингвара — конунг «на востоке в Гардах», тогда как в остальном тексте используется современное саге название *Garðaríki*. Выражение «на востоке в Гардах» (*austri Gørðum*) является устоявшейся формулой: не менее 10 раз мы находим ее, например, в шведских рунических надписях. Употребление подобной архаической формулы указывает на большую вероятность того, что она сохранилась в составе древнего предания о конунге Ингваре, отголоски которого вошли в «Сагу о Стурлауге» (Викинские саги. С. 188—189).

2.3. СМЕРТЬ ОТ КОНЯ

Когда речь заходит о русско-скандинавских связях в области словесности, то первое, что называют исследователи, — это сюжет смерти героя «от коня», точнее от укуса змеи, выползшей из черепа коня героя. В Древней Руси это повествование связано с именем киевского князя Олега и изложено как в «Повести временных лет», так и в Новгородской I летописи; в Скандинавии — с именем легендарного викинга Одда Стрелы, о котором рассказывается в «Саге об Одде Стреле», а также в ряде преданий, записанных в Норвегии в XVIII и XIX вв. (Рыдзевская. С. 185-193).

При том, что сюжет смерти от коня распространен во всей европейской средневековой литературе, его родство в древнерусской и древнескандинавской традициях уже давно не вызывает у исследователей сомнения. И в том, и в другом случаях герою предания волхвы (в древнерусском варианте) или колдунья (в древнескандинавском) предсказывают, что смерть ему принесет его конь:

«Бе бо **въпрашал** (Олег) **волѣхвов** и кудесник: "От чего ми есть умерети?" И рече ему кудесник один: "Княже! Конь, его же любиши и ездидиши на нем, от того ти умерети"» (ПВЛ. С. 20).

«Могу сказать тебе, Одд, что тебе хотелось бы знать то, что тебе предназначено прожить дольше, чем другим людям... Но как бы далеко ты не оказался, то умрешь ты здесь, в **Берурьёрди**. Здесь в конюшне стоит серый конь с гривой другого цвета: его череп станет твоей смертью» (Qgv. Odds s. 10).

Герой отправляет коня от себя (Олег) или убивает его, закапывая его тушу и заваливая погребение большими камнями, так что над конем оказывается курган (Одд). Прожив долгую и полную приключений жизнь и совершив немало походов (Олег — реальный на Византию, Одд — вымышленные по всей Европе, **завершающиеся** обретением власти на Руси), герой оказывается на том месте, где умер своей смертью (др.-рус.) или был погребен (др.-сканд.) конь.

«И прииде на место, идеже беша **лежаще** кости ого голы и лоб гол, и сседе С коня, и посмеяся рече: "От сего ли лба смърть было взята мне?" И выступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклону

[Одд возвращается из Руси на заброшенный хутор Берурьёрди и, осмотрев его, уходит], «и вокруг них была лишь заросшая осокой земля и небольшое возвышение впереди. И когда они быстро шли, ударился Одд ногой и нагнулся. "Что это было, обо что я ударился ногой?" Он дотронулся острием копья, и увидели все, что это был череп коня, и тотчас из него взвилась змея, бро-

его в ногу. И с того разбо-
лелся и умре. И плакашася
людие вси плачем вели-
ким, и несоша и погребоша
его на горе, идеже глаго-
леться Щековица; есть же
могила его и до сего дни,
словеть могыла Ольгова»
(Там же).

силась на Одда и ужалила его в ногу повыше лодыжки. Яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. От этого укуса так ослабел Одд, что им пришлось помогать ему идти к берегу, и когда он пришел туда, сказал он: "Вам следует теперь поехать и вырубить мне каменный гроб, а кто-то пусть останется здесь сидеть подле меня и запишет тот рассказ, который я сложду о деяниях своих и жизни". После этого принялся слагать рассказ, а они стали записывать на бересте, и как шел путь Одда, так шел рассказ [дуют виси]. И после этого умирает Одд» (Qr Odds s. 94-95).

Новгородская I летопись содержит существенно иной вариант сказания: «иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу. Дружина же скажут, яко идущу ему за море и уклюну змея в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозе» (НПЛ. С. 109). По А.А. Шахматову, этот текст читался в Начальном своде 1090-х годов, но он представляет собой распространение — на основе местных преданий — текста Древнейшего Киевского свода 1030-х годов, который Шахматов реконструирует так: «иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могыла его в Ладозе». Таким образом, согласно Шахматову, в Новгороде существовало предание об уходе Олега за море, где он умер от укуса змеи.

Этот, новгородский, вариант еще более сближает сюжет со скандинавским сказанием, поскольку сохраняет в целости дополнительный, но существенный элемент, утерянный киевским вариантом: уход героя-правителя из Руси и его возвращение на родину.

Отличия в сюжетах: настоятельное стремление Олега узнать свою судьбу, категорическое нежелание Одда выслушать прорицательницу, отсутствие предсказаний о походах Олега, предсказание странствий Одда не носят принципиального или сюжетообразующего характера. Как и другие, о которых речь пойдет ниже, они могут быть вызваны сокращением предания при его включении в летописный текст или другими факторами.

В то же время скандинавское сказание содержит ряд мотивов, существенных для цельности сюжета и его интерпретации, но не нашедших отражения в древнерусских вариантах. Все

ним связаны с образом коня¹⁶. В «Саге об Одде Стреле», в отличие от древнерусских вариантов, конь имеет имя, и имя достаточно характерное: Факси (*Faxi* < *fdkr*, «конь, жеребец»), встречающееся, например, в родовой «Саге о Хравнкеле годи Фрейры»: так Хравнкель называет коня, которого посвящает богу Фрейру. Очевидно, что в исходном варианте сказания конь Факси имел магическо-культовые коннотации.

К мифологическо-культовому ряду принадлежит мотив захоронения коня, также представленный только в скандинавском варианте. Он связывается с неоднократно упоминаемым в различных памятниках древнескандинавской литературы ритуалом жертвоприношения коня и перекликается с распространенным в Скандинавии и у скандинавов на Руси погребальным обрядом: захоронением воина с конем. В сказании об Одде захоронение убитого коня имеет не только ритуальный, но и магический смысл: не только предсказание действенной силы, отвратить от себя его действие. Не случайно, захоронив коня в глубокой (в два человеческих роста) яме, Одд и его молочный брат «стали заваливать по место такими большими камнями, какие у них хватило сил поднять, а промежутки между ними заделывали грязью и песком, пока не насыпали там курган». По исландским поверьям, отраженным в сагах, заваливают камнями и замуровывают погребения колдунов, людей, в которых вселился злой дух, и т.п., чтобы они не могли вставать по ночам и вредить живым. Закидав захоронение коня камнями, Одд пытается нейтрализовать злой дух, находящийся в коне и угрожающий ему в будущем. Справедливость интерпретации этого эпизода как магического действия подтверждается и текстом саги. Завершив работу, Одд (по тексту одной из рукописей) говорит: «Я думаю, что это будет работа троллей, если Факси выйдет оттуда, и еще, кажется мне, что и избегну того, что Факси принесет мне смерть». Этот мотив также утрачен древнерусским вариантом сказания.

¹⁶ Конь играет весьма существенную роль в индоевропейской мифологии, являясь атрибутом высших божеств, в том числе Одина (восьминогий конь Слейпнир) и, возможно, Фрейра. Поэтому в различных культах, включая скандинавские, практиковалось жертвоприношение коня и ритуальное съедение его мяса. Одновременно конь выступает в качестве хтонического существа, связанного с культами плодородия и смерти, с загробным миром, является проводником на «тот свет». Так, в скандинавской мифологии Хермод пересекает мост Гялларбру, ведущий в Хель (царство мертвых), на коне Одина Слейпнире. В ряде русских сказок у избушки Бабы-Яги выставлен шест с надетым на него конским черепом.

Что же потеряно в древнерусском сюжете? Оказались включенными в текст мотивы, наиболее тесно связанные с древнескандинавской мифологией, культовой практикой, поверьям. К ним принадлежат мотивы ритуально-магического захоронения коня, «отведения» проклятья.

Таким образом, вариант сюжета, представленный в «Слове о полку Игореве», значительно полнее и мотивированнее древнерусских вариантов. Более того, ряд мотивов, отсутствующих в русских текстах, теснейшим образом связан с древнескандинавской (и шире древнегерманской) мифологией, языческими культами и ритуалами.

Вместе с тем в рамках только скандинавской традиции совершенно невозможно объяснить, почему место действия, принадлежавшее возвращению героя на родину, отнесено в точную Европу, на Русь. Показательно также, что в Древней Руси сюжет не только был широко распространен, но и существовал в нескольких вариантах, тогда как фольклорные предания об Огде, записанные в XVIII и XIX вв., весьма близки повествованию саги.

Весьма вероятно поэтому, что сюжет смерти героя от укуса змеи, выползшей из черепа коня, зародился, хотя и в скандинавской среде, но на русской почве. Это, видимо, было одно из дружинных «варяжских» сказаний, которые отражали культурные и религиозные традиции скандинавов, но формировались в условиях древнерусской действительности. По мере ассимиляции варягов в восточнославянской среде специфически скандинавские элементы сказания, связанные с мифологическими представлениями и ритуалами, утрачивались и были забыты. Сам же сюжет, приуроченный к имени князя, знаменитого первым успешным походом на Царьград и известного из текста договора с Византией, получил широкое распространение и существовал в нескольких местных (киевский, локализуемый могилу Олега в Киеве, ладожский — в Ладого) вариантах. В Скандинавию сюжет поступил из Руси. Он был принесен теми скандинавами, которые возвращались на родину после службы в дружинах древнерусских князей и, оказавшись в среде, для которой мотивы отведения проклятия, борьбы со злыми духами и т.п. были понятны и актуальны, сохранился в целостном виде.

Древнейшая история Руси и русско-скандинавских связей находилась за пределами древнескандинавского историописания (историографии, королевских саг и др.). Однако историческая память о некоторых из этих далеких событий сохранилась, но сохранилась в специфической форме сказаний и исторических преданий, эпических сюжетов и мотивов. События далекого прошлого представлены в скандинавской традиции как эпическая история, и потому они находят отражение по преимуществу в сагах о древних временах — источнике, изучение которого только начинается, но, несомненно, принесет много открытий.

ГЛАВА 3. СКАНДИНАВ НА РУСИ: СЮЖЕТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Вся литература средневековья пронизана традиционными сюжетами, мотивами, образами, специфика которых была обусловлена «литературным этикетом» (по выражению Д.С.Лихачева), т.е. представлениями о том, как должно происходить то или иное событие, как надлежит вести себя человеку в тех или иных условиях, какими качествами обладает человек определенного социального статуса. Средневековый автор не мог изобразить человека или событие вне рамок традиционных стереотипов. Однако стереотип никогда не был и чисто литературным феноменом, а отражал в обобщенной форме действительно существовавшие реалии. Поэтому всякий стереотип имеет под собой историческую основу. Тем самым в литературном творчестве сталкивались две противоречивые тенденции: стремление к точному воспроизведению явлений действительности и одновременно к обобщенному, схематизированному изображению этих явлений по нормам литературного этикета.

Типизация прослеживается на трех основных уровнях литературного творчества. На мировоззренческом уровне создавался «этикет миропорядка», т.е. общие представления об обществе, его организации, его функционировании в их литературном преломлении, что предопределяло задачи и цели труда, обуславливало идеализацию одних персонажей и дегероизацию других, же-

сткий отбор изображаемых событий и их интерпретацию. ативный уровень был связан с «этикетом поведения», т.е. взглядами на то, как в «заданной» ситуации должны действовать герои, каковы должны быть взаимоотношения героев и т.п. Благодаря этому повествование насыщается традиционными сюжетами, которые разрабатываются с помощью стереотипных мотивов. Наконец, на стилистическом уровне в действие «этикет описания», т.е. сложившаяся система устойчивых формул и общих мест для описания схожих ситуаций.

Для такого традиционного жанра, как сага, литературный этикет имел огромное значение. Он диктовал отбор явлений действительности, которые только и могли быть отображены в сагах, характер (или интерпретацию) отдельных эпизодов, изображение персонажей, наконец, речевые формулы. Иерархически соподчиненная система стереотипов является конструктивной основой саги, и потому при использовании саг в качестве исторического источника первоочередная задача — выявление стереотипов всех уровней, с тем чтобы отличить изображение реального факта от изображения типической ситуации, выявить историческое явление, породившее тот или иной стереотип, и установить достоверность не только нестереотипных сообщений, но и конкретных деталей в стереотипном сюжете.

3.1. ВИКИНГ БЕЗ СРАХА И УПРЕКА

По разным причинам и в разное время на Руси, согласно королевским сагам, оказываются четыре норвежских (и только норвежских) конунга: Олав Трюггвасон (конунг в 995—1000 гг.), которого выкупает из рабства его дядя по матери Сигурд, приехавший в Эстланд собирать дань для русского князя, и привозит ко двору князя Владимира; Олав Харальдссон (1014-1028 гг.), бежавший из Норвегии от своих политических противников к князю Ярославу и княгине Ингигерд; Магнус Олавссон (1036—1047 гг.), оставленный в шестилетнем возрасте князю Ярославу его отцом, Олавом Харальдссоном, вернувшимся в Норвегию и погибшим там в 1030 г.; Харальд Сигурдарсон (1046-1066 гг.), который бежит из Норвегии после поражения Олава Харальдссона, и Русь заменяет ему на время дом и является отправным пунктом для всех его дальнейших странствий, куда он отправляет награбленные в Африке и Византии богатства.

Хотя обстоятельства появления на Руси норвежских конунгов **различны**, все они ищут здесь временное пристанище и обретают **ип**. Более того, согласно сагам, все четыре конунга оказываются в момент приезда окружены на Руси почетом и уважением. Им (кроме малолетнего Магнуса) предлагаются земельные владения **для** содержания войска. Они становятся воеводами (хёвдингами) и **возвышаются** на военной службе русскому князю, совершая **немало** победоносных кампаний. Все четыре конунга отправляются из Руси назад в свою страну с целью захватить или вернуть себе власть в Норвегии и в трех случаях достигают своей цели.

Казалось бы, каждое из этих событий индивидуально, и его описание выглядит правдоподобно. Однако при рассмотрении их в общем контексте **саг** можно видеть, что эпизоды созданы в соответствии с «этикетными» требованиями.

При различии деталей во всех четырех случаях выдерживается общая схема: норвежский конунг, являющийся на Русь не **<•** воинственными намерениями, оказывается встреченным здесь со всеми подобающими его статусу почестями, он любим князем и княгиней, он проявляет себя с лучшей стороны на службе русского князя, которая подготавливает его к дальнейшей борьбе за **власть** в Норвегии.

На первом уровне четко прослеживается общая установка: чтобы быть достойным своего высокого положения, норвежский конунг должен обладать определенным набором качеств и превосходить в этих качествах всех без исключения в своей стране и тем **более** вне ее. Достойный правитель должен обладать физической красотой, мужеством, силой, воинской доблестью, щедростью, быть наделен удачей. Стереотипны в значительной степени и их судьбы, несмотря на стремление автора **саг** следовать фактам действительности. Конунги проявляют свои героические качества в полной мере уже в детстве. **Харальд Прекрасноволосый**, став конунгом в 10 лет, уничтожает всех своих врагов; его сын Эйрик Кровавая Секира в 12 лет возглавляет поход по Восточному пути; Олав Харальдссон в 12 лет одерживает подряд три победы в Шведских шхерах, в Эстланде и Финланде. Показательно, что все юношеские подвиги конунгов совершаются за пределами самой Норвегии во время викингских походов или на службе у иноземного правителя (чаще всего английского). Они воцаряются в своей стране, преодолевая сопротивление бондов и местной знати. Гибнут они, как правило, в своей стране, а не за ее пределами.

Героизация конунга имеет оборотную сторону. Не только его противники, но и его друзья уступают ему в важнейших для характеристики конунга качествах: им недостает отваги или силы, щедрости или удачи. Их недостатки оттеняют достоинства конунга. Отсюда, например, проистекает частое в королевских сагах изображение Ярослава Мудрого **нерешительным** и **слабым** правителем, скупым господином (см. ниже 4.1).

Эпизоды пребывания норвежских конунгов на Руси **насыщены** и стереотипами ситуативного уровня. Яркий пример — **опи- сание** юношеских подвигов мальчиков Олава и Магнуса. **Первым** из них, узнав на торгу человека, убившего его воспитателя и продавшего его самого в рабство, отрубает ему голову топором — «и это считается славным ударом для такого юного человека», Второй на пиру наносит топором смертельный удар **дружиннику**, оскорбившему его, и конунг Яришлейв (Ярослав) одобряет его поступок. Мотив убийства оскорбителя на торжище и в **еще** большей степени — во время пира имеет чрезвычайно широкое распространение, особенно в героическом эпосе, уходя корнями в архаические ритуалы. Его использование в данных **эпизодах** — лишь трафаретная ситуативная характеристика героев повествования.

Лишены поэтому основания распространенные в исторической литературе попытки привлечь эти эпизоды для решения вопросов о древнерусском праве. Обращение историков к рассказам о юношеских подвигах Олава и Магнуса понятно. В первом случае дается яркая и, казалось бы, достоверная картина практического применения правовых норм:

После убийства Клеркона Олав и его дядя Сигурд рассказывают княгине Аллогии о происшедшем. Согласно Снорри, «она отвечала, глядя на мальчика, что нельзя убивать такого красивого мальчика, велела позвать к себе людей в полном вооружении. В Хольмгарде была такая великая неприкосновенность мира, что там были законы, что убить следует всякого, кто убьет неосужденного человека. Бросился весь народ, по обычаю своему и законам, бежать, куда скрылся мальчик. Говорили, что он во дворе княгини и что там отряд людей в полном вооружении. Сказали об этом конунгу. Пошел он туда со своей дружиной и не хотел, чтобы они бились. Устроил он тогда мир, а затем и соглашение. Назначил конунг виру, а княгиня заплатила» (Королевские саги 1. С. 155, 160).

Основываясь на сообщении саги, исследователи пришли к выводам, что при Владимире Святославиче «вира не была штрафом в пользу князя»: «за убийство человека, у которого не было кровных мстителей, требовало вознаграждения общество, к которому он принадлежал или в котором совершилось убийство, если

убийца был известен» (В.О. Ключевский); что князья боролись с институтом кровной мести и что «в годы правления князя Владимира сделано было несколько попыток реформ русского права» (А.А. Зимин); что княжеский суд в X в. был в значительной мере «условным», а народные общины обладали большой самостоятельностью «в отправлении судопроизводства» (И.Я. Фроянов). Лишь М.Б. Свердлов справедливо указал в этой связи, что нельзя строить выводы такого рода без учета жанровой специфики саг и детального источниковедческого анализа каждого сочинения (подробнее см.: Королевские саги 1. С. 194—198).

Рассказ об убийстве Клеркона существует в пяти редакциях, и значительной мере противоречащих одна другой. Так, в «Оборе саг о норвежских конунгах» месть Олава была сочтена справедливой и о выкупе там речи не идет; в редакции А «Саги об Олаве» монаха Олда убийство Клеркона не вызывает никаких последствий, а княгиня собирает тинг, чтобы найти челоиска, который, как предсказали прорицатели, должен принести «нет в Гарды, т.е. Олава (Королевские саги 1. С. 121—122, 127—128, 135—136).

Более того, рассказ об убийстве на пиру дружинника юным Магнусом (в своде королевских саг «Гнилая кожа») является трансформацией того же мотива. Если исходить из исторической реальности, то Магнусу в это время было около пяти лет (известие датируют концом 1029 г.).

«Часто забавлялся он в палате конунга и был ловок во многих играх и упражнениях, с большим проворством ходил он на руках по столам... Один дружинник, довольно пожилой, невзлюбил его и однажды, когда мальчик ходил по столам и подошел к этому дружиннику, то подставил тот ему руку и свалил его со стола и сказал, что не потерпит его нападений. Люди расценили это по-разному: высказывались некоторые за мальчика, а некоторые — за дружинника. И в тот же вечер, когда конунг ушел спать, мальчик вернулся в палату, и когда дружинники сидели там вновь и пили, тогда подошел Магнус к тому дружиннику и держал в руке маленький топор, и нанес дружиннику смертельный удар. Некоторые его товарищи хотели убить мальчика и отомстить так за того дружинника, а некоторые воспротивились и хотели испытать, как сильно конунг любит его. [Конунгу сообщили о происшедшем.] "Королевская работа, приемыш, — говорит он и рассмехался, — я заплачу за тебя виру". Затем договаривается конунг с родичами убитого и тотчас выплачивает виру. А Магнус находится в дружине конунга и воспитывается с большой любовью...» (Msk. 6; Рыдзевская. С. 44).

Взаимозависимость рассказов об Олаве и о Магнусе очевидна. Перед нами типичный случай заимствования и переноса сюжета из одного произведения в другое. Можно лишь гадать,

с каким из двух юных конунгов — Олавом или Магнусом — произошли (и произошли ли вообще?) описанные события. Вероятно, в рассказах об Олаве, более ранних, можно видеть источник сообщения «Гнилой кожи» о юном Магнусе, тем более что начальная часть «Гнилой кожи» носит литературный характер. Похожие сюжеты встречаются и в сагах об исландцах. Например, в «Саге об Эгиле» (1220-1240 гг.) рассказывается, как во время игры в мяч семилетнего Эгиля Скаллаграмссона побил более взрослый мальчик Грим Хеггасон. Эгиль бросился к своему психиатру, Торду Гранасону, и рассказал, что произошло. Торд сказал: «Я пойду с тобой, и мы ему отомстим». Торд дал Эгилу топор, который держал в руках (примечателен следующий далее комментарий: «Этим оружием в то время охотно пользовались»), Торд и Эгиль пошли туда, где играли мальчики, Эгиль подбежал к Гриму и всадил ему топор в голову. Затем Эгиль и Торд ушли к своим. Позднее сторонники Эгиля и убитого мальчика Грима бились между собой, и были убитые и раненые (Исландская сага. С. 131).

Традиционность мотива убийства юным героем (конунгом) своего обидчика, несмотря на кажущуюся историчность повествования, не позволяет делать никаких выводов о нормах русского права, и рассказ не может служить основанием для реконструкции каких-либо исторических реалий жизни на Руси.

3.2. СКОЛЬКО СТОИТ НАЕМНИК?

На протяжении всего X и первой половины XI в., судя по сообщениям древнерусских летописей, и великие киевские князья, и князья отдельных княжеств держали варяжские (скандинавские) дружины, которые часто использовались в походах в другие страны (Византию) и в междоусобной борьбе. Не раз летописи отмечают, что тот или иной князь «нанял» или «пригласил» из-за моря отряд скандинавов, но никогда (за исключением одного случая) не называют имен их предводителей, не сообщают подробностей их деятельности. Напротив, и в королевских, и в родовых сагах, которые изобилуют рассказами или упоминаниями о службе воинов на Руси, наемничество скандинавов нашло самое широкое отражение.

В подавляющем большинстве случаев саги кратко отмечают, что один из персонажей отправился на Русь (в Гарды, Гардари-

ни) и там служил конунгу: «Поехал тогда Бьёрн с купцами на посток в Гардарики к Вальдимуру конунгу (Владимиру Святославичу. Действие происходит в 1008—1010 гг. — *Авт.*); пробыл он там зиму, и было ему хорошо у конунга, понравился он знатым иудам, потому что всем был по душе его нрав и обычай» («Сага о Бьёрне, герое из Хитдаля». Цит. по: Рыдзевская. С. 75). С почестями принимает конунг Ярицлейв (Ярослав Мудрый) Харальда Сигурдарсона, будущего конунга Норвегии, «с его людьми. Харальд сделался предводителем над людьми конунга, которые охраняли страну» (Круг земной. С. 402). Еще более очевидны те же детали в рассказах о пребывании на Руси конунгов Олава Трюгвасона и Олава Харальдссона. Русские князья не только «хорошо принимают» их, но и предлагают им земли для управления и содержания собственной дружины, ставят их во главе своего войска. Таким образом, авторы саг полагают, что каждый из приезжающих на Русь скандинавов (кроме купцов), будь то простой викинг или конунг, служит русским князьям, возглавляя отдельный отряд или войско. Те же черты мы обнаруживаем и в рассказах о скандинавах в Англии, где они также принимаются с почетом и поступают на службу к английским королям.

Знаменитые на всю Европу, викинги славились как профессиональные воины. Не случайно с конца X в. они составляют привилегированную гвардию при византийском императоре. Поэтому в рассказах о службе викингов зарубежным правителям действительные факты облекаются в стереотипное описание, подчиняющееся общей установке на прославление персонажа саги. Викинг прибывает на Русь и неизменно хорошо (с почестями и уважением) встречен конунгом Руси, Владимиром или Ярославом. Он немедленно поступает на службу русского князя, причем не в качестве рядового дружинника, а предводителя отряда или всего княжеского войска. На этом поприще викинг проявляет выдающиеся способности, отражая нападения врагов, завоевывая новые земли, собирая дани. Иногда он получает богатые дары, с которыми возвращается назад. Именно в контексте героизирующей тенденции возникают такие клише, как обязательные почести, оказываемые скандинаву правителем страны, немедленное назначение на высокий пост, особенно высокое вознаграждение за службу.

Влияние этого стереотипа было чрезвычайно велико, и в тех случаях, когда деятельность варяга-наемника описывается сколь-

ко-нибудь подробно, многие детали, кажущиеся достоверными, оказываются данью литературному этикету.

Наиболее развернутое повествование о наемниках на Руси представлено в «Пряди об Эймунде» (сохранилась в составе «Саги об Олаве Святом» в единственной рукописи — «Книге с Плоского острова», 1387—1394 гг.). Прядь полностью посвящена пребыванию на Руси норвежца Эймунда Хрингссона в период борьбы Ярослав (в саге — Ярицлейва) со Святополком (Бурицлавом) за русский престол: предполагается, что Эймунд пришел на Русь в 1015–1016 гг. (Королевские саги 2. С. 87–119, 161–174). При всей кажущейся достоверности рассказа — не случайно именно «Эймундова сага» стала первым и наиболее часто используемым в отечественной историографии скандинавским источником в ней мы находим обилие мотивов и эпизодов, вызванных как стереотипом образа скандинава-наемника. Вместе с тем в ней содержится и немало достоверных реалий. Однако различение и других — сложная задача, требующая привлечения широкого сагового контекста.

Изображение викинга (и не только викинга-наемника) в сагах следует двум основным направлениям. Его образ идеализируется с помощью, с одной стороны, прославления его подчас гиперболизированных достоинств, а с другой стороны, противопоставления ему его окружения, как дружеского, так и враждебного. Враг должен обладать силой и жестокостью, чтобы быть достойным героя и чтобы победа над ним оказывалась подвигом доблести, силы или ума. Друг может обладать некоторыми достоинствами, но ни в коем случае не превосходить ими герса.

Первый способ героизации традиционно широко разработан автором пряди. Эймунд предстает бесстрашным, могучим и опытным воином, проявляет незаурядный ум, ловкость и находчивость. В этих качествах он значительно превосходит окружающих и в первую очередь своего главного протагониста — конунга Хольмгарда Ярицлейва (Ярослава Мудрого). Стремление подчеркнуть доблесть Эймунда порождает немалое число эпизодов, достоверность которых подчас невелика: таковы сцены советов Ярицлейва с Эймундом, описание подвигов Эймунда и т.п. (см. ниже гл. 4.2).

Не менее активно используется и второй путь героизации — изображение окружения Эймунда. Последовательно дегероизирующее описание Ярицлейва, наделенного автором саги недостатками, прямо противоположными достоинствам Эймунда (решитель-

и ЛЕНОСТЬ — слабоволие, твердость — непоследовательность, отпуга — осторожность, щедрость — скупость и др.), позволяет с максимальной яркостью продемонстрировать «героичность» варяга. При этом образ Ярицлейва оказывается резко противоречащим действительности при сопоставлении с древнерусскими источниками (подробнее см. ниже гл. 4.1).

Вместе с тем подчинение изображаемого сложившемуся стереотипу, влекущее за собой существенное искажение действительности, отнюдь не исключает сохранения в повествовании некоторых деталей или рассказов, находящихся подтверждение в других источниках и, очевидно, являющихся достоверными отголосками реальных событий. Наиболее красочной деталью такого рода является упоминание ранения Ярицлейва в ногу во время сражения с бьярмами¹⁷. Летописи не говорят о ранении Ярослава, но след сабельного удара был обнаружен на йоге при исследовании его скелета, и нет оснований предполагать, что рана была получена им при иных обстоятельствах, нежели описываемые сагой.

К числу традиционных способов героизации викинга-наемника принадлежит описание вознаграждения, получаемого им за службу. Таким вознаграждением обычно бывает особенно дорогой предмет: меч, плащ, кольцо или браслет. Ценность подарка материализует заслуги викинга, с одной стороны, служит формой приобщения героя к удаче и славе лица, сделавшего подарок, с другой.

Такой прием широко распространен в сагах, где постоянно упоминается, а подчас и подробно описывается полученная викингом награда. Автор пряди не составляет исключения и уделяет этой теме чрезвычайно большое внимание. Однако в пряди вознаграждение состоит не в «дарении» ценных предметов, а в выплате денег, причем формы и размер оплаты здесь определяют

¹⁷ В то же время привлечение Бурицлавом-Святополком бьярмов, финноязычных жителей Русского Севера, не только не подтверждается древнерусскими источниками, но и крайне маловероятно, поскольку в Новгороде, контролировавшем пути на север, находился Ярослав, а Святополк, бывший до смерти Владимиром князем туровским, имел устойчивые связи с Польшей и с печенегами, которых дважды привлекал в свое войско во время борьбы с Ярославом. Включение бьярмов в этот рассказ, очевидно, вызвано стремлением автора пряди обозначить обращение Бурицлава к диким народам, живущим на краях ойкумены (см. выше гл. 1.6): в первом случае он приводит с собой бьярмов — самых дальних обитателей мира на северо-востоке, во втором случае — «тюрьков», кочевников юга Восточной Европы, последнего из известных скандинавам по собственному опыту народов на юго-востоке.

ся в договорах Эймунда с Ярицлейвом и с Вартилавом (видим **и** Брячиславом Изяславичем). В текст включены четыре эпизода содержанием которых являются переговоры Эймунда с русскими князьями об условиях, на которых скандинавы готовы **слу**жить.

Подобных эпизодов мы не знаем в других сагах. В них обычно сообщается, что приходящие в страну викинги **встречаются** с ее правителем, предлагают ему свои услуги или он **приглашает** их послужить ему, викинги-наемники участвуют в боевых **дей**ствиях, совершают подвиги и в завершение получают **достойную** награду, как правило в виде ценного предмета и крайне редко в виде денег. Поэтому подробное изложение договоров (особенно в первом случае) о плате за службу в пряди не относится к **чис**лу сложившихся стереотипов. Более того, договоры являются **од**ним из двух композиционных стержней пряди, мотивирующий деятельность норвежского отряда. Другой, основной по значению, — борьба трех князей-братьев за главенство на Руси **ределяет** развитие действия как череды сражений. Поэтому в композиции пряди эти две темы переплетаются, и эпизоды, **по**священные сражениям и обсуждению оплаты, чередуются. Первый «цикл»: Эймунд приходит к Ярославу и предлагает **служи**ть ему, что сопровождается подробно изложенными **переговорами** об оплате; происходит первое сражение с Бурицлавом. Второй «цикл»: Ярицлейв задерживает оплату, Эймунд требует денег **но**, узнав о новом наступлении Бурицлава, князь заключает **до**говор еще на один срок; следует второе сражение с Бурицлавом, Третий «цикл»: Ярицлейв снова задерживает оплату и **закрыва**ет третий договор после получения сведений о **приближении** Бурицлава; следует убийство Бурицлава. Четвертый «цикл»: Ярицлейв отказывается выплатить варягам жалованье, и Эймунд с дружиной уходит к Вартилаву; Эймунд нанимается на **слух**бу к Вартилаву, договариваясь об оплате; противники готовятся к сражению, но в результате переговоров заключают мир, **по**сле окончания которого Эймунд становится «конунгом» Полоцка. Такая регулярность в смене эпизодов вызывает большие **сомне**ния в достоверности повторов, которые могут быть лишь **развитием** (вариациями) первого рассказа. Тем не менее и сам мотив, и его воплощение, особенно в первом эпизоде, требуют пристального **внимания** исследователей.

Что же мы узнаем о процедуре приема Ярицлейвом **норманнского** отряда на службу, опираясь прежде всего на первый

«эпизод? И насколько описываемые условия договора соотносятся с данными других источников, особенно древнерусских?

В первую очередь, прием на службу скандинавов (по крайней мере на Руси), по преданию, сопровождается заключением некоего соглашения, определяющего, с одной стороны, обязанности норманнов, с другой — получаемую ими плату. Их служба состоит в «охране государства», участии в военных действиях («быть впереди в... войске») и выполнении поручений князя. Традиционность этих обязанностей викингов-наемников отражается в формульности определений их деятельности на службе у зарубежных правителей (*athyllask* — «служить», *ganga a mala* — «пойти на службу», *gerask varnarmenn ríkis* — «стать защитником государства» и др.). Заключение договоров с варягами-наемниками в X — начале XI в. не отмечается в русских летописях, однако мы знаем по крайней мере об одном случае в IX в., когда подобный договор имел место — это «ряд», заключенный славянскими правителями с Рюриком. В нем, как и в договоре с Эймундом, оговорены обязанности князя-«наемника» (судить и рядить по праву, владеть и пр.) и условия содержания его и его дружины (Мельникова, Петрухин. 1995). Нет оснований полагать, что практика подобных договоров была утрачена в X в., когда наемничество скандинавов приобрело особенно большой размах.

Договор (соглашение) заключается на специально оговоренный срок — 12 месяцев. Во всех последующих эпизодах упоминается, что Эймунд обращается к Ярицлейву за платой по истечении года, а новый договор заключается на тот же срок. Как правило, в течение года скандинавские викинги находятся на службе иноземных правителей и по сведениям других саг. Очевидно, это было связано с возможностью морского плавания только в летнюю пору: именно тогда викинги могли приплыть в страну и отправиться из нее к другому правителю или на родину.

Предусмотренная договором оплата могла быть двух основных видов: содержания дружины и вознаграждения воинам. В первый входят предоставление им помещения для жилья, еды, одежды и снаряжения. В соответствии с ним Ярицлейв велит построить для варягов «каменный дом и хорошо убраться драгоценной тканью. И было им дано все, что надо, из самых лучших припасов» (Королевские саги 2. С. 108). Второй рассматривается норманнами как наиболее существенная часть, причем воз-

награждение, которое хотят получать варяги, должно иметь ; нежную и только денежную форму: «Нам денег (*fe*) надо, и **н** хотят мои люди трудиться за одну только пищу» (Королевский саги 2. С. 112). Более того, называя сумму платежа, Эймунд **ука** зывает ее в эйрирах (*eirir*) — весовых единицах, равных унции серебра (1/8 марки) или соответствующему количеству серебряных монет. Ярицлейв рассматривает это требование как трудно выполнимое, и оно становится предметом спора. Достигнутый **Эй** мундом и Ярицлейвом компромисс позволяет производить **вы** плату частично деньгами («золотом и серебром»; не исключено, однако, что формула включает и предметы из ценных металлов: кольца, браслеты, шейные гривны), а частично мехами в **количестве**, равноценном соответствующей сумме денег. Таким **обра** зом, в любом случае оплата варяжского отряда должна исчислять¹⁸ ся в денежном выражении.

Это сообщение может представлять чрезвычайную **ценности** для истории денежного обращения на Руси, поскольку свидетель¹⁹ ствует как будто о его развитости уже в самом начале XI в. **Од** нако прежде чем использовать данные пряди в исторических кон-струкциях, необходимо сначала получить ответ на чисто **источ-**никоведческий вопрос: представления какой эпохи отражены в данном эпизоде пряди? Относится ли указание на обязательную оплату наемников деньгами ко времени описываемых событий, т.е. началу XI в., или ко времени записи пряди в «Кни-ге с Плоского острова» (время составления пряди неизвестно), т.е. XIV в., когда денежные отношения в скандинавских стра-нах уже давно стали господствующими? Разрешить вопрос ис-ходя лишь из данного сообщения, невозможно. Очевидно, ана-лиз только всей совокупности условий «договора» позволит прийти к более или менее обоснованным выводам об **отражае-**мом в нем времени и, соответственно, о степени достоверности упомянутых реалий. Тем не менее показательна уже сама «де-нежная» терминология этого и аналогичных ему пассажей. Она представлена двумя из трех наиболее распространенных в сагах терминов: *fe* и *eyrir* (третий, *penningr*¹⁸, собственно «моне-та», — для эпохи викингов, как правило, английский **пенни** : немецкий денарий, но не арабский дирхем). Значение первого

¹⁸ Как и два других, он появляется уже в скальдической поэзии IX–X вв.; **IX–X вв.;** но получает особое распространение в XI в. в связи с притоком английских пен-ни и германских денариев, а в XII в. — и с расширением местной чеканки.

широко и неопределенно¹⁹, и полной уверенности в том, что оно обозначает здесь именно деньги (монеты), а не ценности вообще, нет, тем более что в одном контексте с ним упоминаются «золото и серебро». Второе, безусловно, является обозначением денежно-весовой единицы, а не монеты (совр. эре), что прямо и обозначено в тексте: *eyrir veginn silfrs*, «эйрир весового серебра». Расчет с помощью весового серебра существовал в Скандинавии вплоть до насыщения рынка монетой собственной чеканки, но прекратил свое существование задолго до XIV в. Выбор терминов, таким образом, показывает, что автор пряди пользовался терминологией, характерной для саг, повествующих о событиях эпохи викингов, и для самой эпохи викингов.

Обратимся теперь к принципу исчисления и распределения вознаграждения, как они описаны в пряди, и к его реальному размеру. Порядок оплаты, предложенный Эймундом, — по числу воинов в дружине («каждому нашему воину эйрир серебра, а каждому рулевому на корабле — еще, кроме того, половину эйрира»), традиционен как для скандинавского, так и для древнерусского общества X–XI вв. В 907 и 944 гг. Олег и Игорь, по «Повести временных лет», требуют выкупа от греков по числу своих воинов (ПВЛ. С. 17, 23). Так же — по количеству воинов — рассчитывается Ярослав с новгородцами после взятия Киева (НПЛ. С. 175).

Столь же обычной была и дифференциация оплаты воинов в зависимости от их положения в дружине. Эймунд различает «воинов» (*liðsmenn*) и рулевых (*skipstjórnarmenn*); последние должны получать в два раза больше, нежели первые. Ярослав после взятия Киева выплачивает смердам по 1 гривне, старостам же в десять раз больше.

Наконец, размер денежного вознаграждения, указанный и договоре, также представляется соответствующим аналогичным выплатам того времени. Эйрир серебра в XI в. в Скандинавии равен 1/8 марки (1 марка = 216 г серебра), т.е. 27 г и примерно соответствует 1/2 северорусской гривны, содержащей 51 г. Таким образом, дружинник Эймунда должен в соответствии с договором получить за год службы 1/2 северной гривны в золоте или серебре и столько же в мехах, т.е. годовая плата дружин-

¹⁹ Первое значение слова — «скот, крупный рогатый скот», откуда развиваются его значения «имущество» (состоящее не только из скота) и «деньги». В последнем значении слово широко употребляется в сагах и судебных актах.

ника Эймунда составляла 1 гривну и полностью соответствовала вознаграждению новгородского смерда, участвовавшего в походе на Киев. Идентичность суммы в двух абсолютно независимых источниках поразительна и убеждает в достоверности сообщения.

Как видим, практически все упомянутые в договоре Эймунда с Ярицлейвом реалии имеют точные соответствия в практике найма военных отрядов русскими князьями X — начала XI в. как она отражена в летописях. Вкупе с архаичной терминологией это дает основания считать, что описанные условия, на которых Эймунд служил на Руси, отнюдь не являются выдумкой человека, записавшего сагу в «Книге с Плоского острова», и даже не подробностями, вымышленными рассказчиками истории Эймунда в «век саг». Можно полагать, что условия договора, отраженные в пряди (очевидно, не текст договора, который представлен в форме диалога Эймунда и Ярицлейва, но его существо), восходят к рассказам участников похода Эймунда об их подвигах в Гардах. Важность подобной информации для участников похода и для их позднейшей аудитории — ведь викинги отправились с Эймундом именно за богатством и славой, — а затем и для последующих рассказчиков как способ героизации Эймунда обеспечивала ее сохранность при устной передаче.

Тем самым рассказ о договоре Эймунда с Ярицлейвом приобретает ценность достоверного источника и допускает некоторые исторические выводы. Во-первых, он является единственным свидетельством того, каким образом и на каких условиях варги принимались на службу русскими князьями. Во-вторых, он действительно подтверждает развитость денежных отношений Руси, но одновременно указывает и на возникновение затруднений с монетным серебром в начале XI в. (Ярицлейв не скут на одежду, припасы и пр., но отказывается платить всю требуемую сумму деньгами), о чем известно покладам арабских серебряных монет, приток которых на Русь (и в Скандинавию) заметно сокращается в конце X в. и иссякает в начале XI в. из-за: черпания серебряных рудников в халифате. Хотя арабские МОНЕТЫ обращались еще какое-то (и, возможно, довольно длительное время, их количество не удовлетворяло потребностей рынка, привело к появлению монетных гривен (серебряных слитков стандартной формы и веса). В литературе уже давно обсуждается вопрос, могли ли использоваться вместо денег (монет, слитков меха или кусочки кожи (о чем упоминают арабские писатели).

XII в.). Рассказ пряди недвусмысленно показывает, что ценные меха (Эймунд называет бобров и соболей) в начале XI в. на самом деле служили эквивалентом денег, и дает яркую иллюстрацию платежных операций в условиях дефицита монетной массы.

Обширная историческая информация о Руси, содержащаяся в саговой литературе, как мы видим, отнюдь не лежит на поверхности. Казалось бы вполне очевидные «сведения», например, о военном походе героя, на проверку оказываются стереотипными описаниями типических ситуаций, а яркий образ — слепком с традиционного персонажа. Однако в рамках этих стереотипов можно выделить достоверную информацию, подчас чрезвычайно ценную для истории Руси.

Повествования, не опирающиеся на ситуативные клише, воспринимаются как более надежные, и к ним особенно часто обращаются историки. Но и в них мы обнаруживаем сложное переплетение правды и вымысла, причем вымысла не в современном понимании слова, а **вымысла-интерпретации, вымысла-понимания**, с помощью которого автор саги «выявляет существо» **события**, раскрывает его содержание и наиболее вероятное, по его мнению, течение, а также упорядочивает события.

ГЛАВА 4. ЯРОСЛАВ **Мудрый** В СКАНДИНАВСКОЙ **ТРАДИЦИИ**

Ярослав Владимирович Мудрый — единственный русский князь, оставивший глубокий след в древнескандинавской литературе. Его знают саги и хроники, упоминают исландские анналы. В отличие от князя Владимира, также известного сагам, но в основном в качестве гостеприимного хозяина Олава Трюггвассона, оказывающего ему всяческие почести, Ярослав является вторым по значению персонажем многих сюжетов: героями в них, естественно, выступают скандинавы — норвежский конунг Олав Харальдссон и его сын Магнус, служивый варяг Эймунд Хрингссон, будущий конунг Норвегии Харальд Суровый Правитель и др. Причина этого в чрезвычайно активной политике

Ярослава на Балтике, отразившейся в его альянсах то с датским королем Кнудом Великим, то с норвежским конунгом Олавом ральдссоном и всегда со шведскими правителями, на дочери ного из которых, Ингигерд, он женился в 1019 г., и в широко привлечении норманнов на службу в своем войске. Многообразие и интенсивность контактов вели к постоянным обменам посольствами, к перемещениям больших контингентов воинов: к увеличению количества скандинавских купцов, для которых поездки в Новгород становились все более обычными. Русская информированность скандинавов о Руси и о самом Ярослав

4.1. БРАК ЯРОСЛАВА И ИНГИГЕРД: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

«Мы начнем повесть с того, что Ярицлейв конунг правил в Гадарики и Ингигерд княгиня, дочь Олава конунга Шведского, была мудрее всех женщин и хороша собой». Такими словами /крывается свод исландских королевских саг «Гнилая кожа». А в «Пряди об Эймунде» об Ингигерд сообщается, что «она была как нельзя более великодушна и щедра на деньги».

О том, как Ингигерд, дочь шведского конунга Олава рикссона (правившего с 995 по, вероятно, 1021 г.) и Астрид (вероятно, происходившей из балтийско-славянского племени вектов), стала женой русского князя Ярослава Владимировича Мудрого (великого князя киевского 1016—1018, 1019–1054 гг.), говорится в значительном числе древнескандинавских источников конца XII — первой трети XIII в.: в «Истории о древних норвежских королях» монаха Теодрика, в «Обзоре саг о норвежских конунгах», в «Легендарной саге об Олаве Святом», в «Гнилой коже», в «Красивой коже», в «Отдельной саге об Олаве Святом» и в «Саге об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона, а также в хронике бременского каноника Адама Бременского.

От источника к источнику мотив обрастает подробностями. Если монах Теодрик сообщает лишь, что Ярицлав «женился Ингигерте, к которой... сам [Олав] сватался, но не смог взять в жены», не раскрывая причин, по которым брак не состоялся, то автор «Обзора» достаточно лаконично, но уже формулирует теорию, которая будет позднее пространно изложена Снорри Стурлусоном: Ингигерд «была раньше обещана» Олаву Харальдсоном.

рильдссону, но «нарушил ее отец те обещания по причине гнева». Вопреки заключенному ранее договору, Олав Шведский выдал Ингигерд «за Ярицлава, конунга Аустрвега».

В «Легендарной саге» возникает еще одна тема, которая помечает развитие у Снорри, — предварительные переговоры между русским князем и шведским конунгом. Правда, если здесь речь идет о том, что «полетели послания между ними», то в «Круге земном» говорится о двух посольствах, направленных Ярославом в Швецию. В «Легендарной саге» также сообщается, что Олав отдает свою дочь в жены Ярицлейву «с большим богатством». Кажется бы, эта ремарка саги нигде более не находит развития. Но, когда Снорри Стурлусон рассказывает о том, что Ингигерд получает в качестве свадебного дара Альдейгьюборг (Ладогу) и то «княжество», которое к ней относится, он обозначает свадебный дар Ярицлейва термином *tilgjǫf*, известным по древнейшему норвежскому областному судебнику второй половины XII в. — «Законам Гулатинга», — нормы которого распространялись на юго-западную часть Норвегии. Условия, на которых невесте передавался *tilgjǫf*, были вполне традиционны: величина приданого, положенного шведской стороной за Ингигерд, должна была равняться стоимости Ладоги с прилегающими к ней землями (если таковая могла быть определена) или, что вероятнее, стоимости докодов, получаемых с данной территории. Таким образом, «большое богатство», принесенное с собой на Русь принцессой Ингигерд, в рассказе Снорри подразумевается (см.: Глазырина. 1994. С. 240–244).

Наиболее полно история брака Ярослава и Ингигерд излагается Снорри Стурлусоном. Брак Ярослава и Ингигерд был заключен в 1019 г.: эту дату называют исландские анналы; она же восстанавливается и по хронологии «Круга земного». Тем не менее датировки брака в литературе различны и достаточно произвольны. Основываясь на «Пряди об Эймунде», А.И. Ляшенко принимает 1016 г.; М.Б. Свердлов ссылается на Ляшенко, но называет 1015 г.; П.П. Толочко без какой-либо аргументации говорит о 1014 г. В работах Е.А.Рыдзевской принят 1020 г. А.В.Назаренко находит в тексте Снорри Стурлусона некоторые основания для такой датировки, хотя сам он придерживается 1019 г., каковой год и представляется единственно верным (см.: Королевские саги 2. С. 73–75, 153–161).

Особое внимание Снорри к этому событию обусловлено тем, что оно имеет прямое отношение к истории взаимоотношений Нор-

вегии и Швеции, в первую очередь решения пограничного конфликта, связанного с властью над западным Гаутландом. В дальнейшем Ингигерд упоминается им несколько раз как жена Ярослава и правительница Русского государства. В «объективизирующем» повествовании Снорри отображен «государственный» аспект события.

В ряде других саг, посвященных не Олаву Святому, а иным конунгам, в том числе в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в «Гнилой коже», в «Пряди об Эймунде» и некоторых других, тема брака Ярослава и Ингигерд распространяется: кроме сюжета о браке вводится второй сюжет — их супружеская жизнь. Этот сюжет представлен в сагах в виде упоминаний образующих его важнейших мотивов и в виде самостоятельных эпизодов. Один из них, содержащий практически все составляющие сюжет мотивы, открывает сборник саг «Гнилая кожа»:

«Мы начнем повесть с того, что Ярицлейв конунг правил в Гардарике и Ингигерд княгиня, дочь Олава конунга Шведского. Она была мудрее всех женщин и хороша собой. Говорится о том, что конунг тот Ярицлейв велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями и поместил в ней добрых молодых, испытанных в славных делах, утварь и боевую одежду выбрал для них такую, какой они уже раньше оказались достойными, и все находили, что и убранство палаты, и те, кто были в ней, подходят к тому, как она устроена. Она была обтнута парчой и ценными тканями. Сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на своем высоком месте. Он пригласил к себе многих почетных друзей своих и устроил пышный пир. И шла в палату княгиня в сопровождении прекрасных женщин, и встал конунг ей навстречу, и хорошо приветствовал ее, и сказал: "Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате такое богатое убранство?" Княгиня отвечала: "Господин, — говорит она, — в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или большая красота, и столько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах". Конунг рассердился на нее и сказал: "Обидны такие слова, — сказал он, — и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу" — и ударил ее по щеке. Она сказала: "И все-таки между вами больше разница, — говорит она, — чем я могу, как подобает, сказать словами". Ушла она разгневанная и говорит друзьям своим, что хочет уехать из его земли и больше не принимать от него такого позора. Друзья ее вступаются в это дело и просят ее успокоиться и смягчиться к конунгу. Она отвечала и сказала, что сначала конунг тот должен исправить это перед ней. Тогда сказали конунгу, что она хочет уехать, и просят друзья его, чтобы он уступил, и он так и делает, предлагает ей помириться и говорит, что сделает для нее то, чего она просит. А она отвечала и говорит, что согласна на это, и сразу же сказа»

ла: "Ты теперь должен, — говорит она, — послать корабль в Норвегию к Олаву конунгу. Я слышала, что у него есть молодой сын, незаконный, пригласи его сюда и воспитывай его, как отец, потому что правду говорят у вас, что тот ниже, кто воспитывает дитя другого". Конунг говорит: "Тебе будет то, чего ты просишь, — говорит он, — и мы можем быть этим довольны, хотя Олав конунг больше нас и не считаю я за унижение, если мы воспитаем его дитя". И посылает конунг корабль в Норвегию» (Msk. S. 1-3; Рыдзевская. С. 43-44).

Первый мотив, связанный с изображением в сагах брака Олава и Ингигерд, — любовь Ингигерд к Олаву Харальдссону, ее первому жениху. Авторы, в том числе Снорри, со свойственной сагам лаконичностью, когда речь идет о человеческих чувствах, отмечают, что Ингигерд «нравилось слушать», когда ей рассказывали об Олаве, и на вопрос посланца Олава, что бы она ответила сватам Олава, она говорит, что «не пожелала бы себе лучшего мужа». После того как на тинге Олав Шведский дал обещание примириться с Олавом Харальдссоном и выдать за него мужу Ингигерд, но стал медлить с выполнением обещания, Ингигерд «была озабочена и удручена... Она боялась, что скорее всего он не сдержит слова, которое дал конунгу Норвегии». Чувство Ингигерд к Олаву не остается секретом для окружающих. Принимая окончательное решение, ее отец произносит: «...как бы ты ни любила этого толстяка, тебе не бывать его женой, а ему твоим мужем. Я выдам тебя замуж за такого правителя, который достоин моей дружбы». И договаривается о ее браке с Ярославом, конунгом «с востока из Хольмгарда» («Круг земной». С. 210, 211, 228, 229). В дальнейшем повествовании, изображая Ингигерд уже в качестве жены Ярослава, Снорри ни одним намеком не дает понять, что чувства Ингигерд к Олаву сохранились.

Снорри представляет и Олава Харальдссона влюбленным в Ингигерд: узнав (от посланца Ингигерд), что шведский конунг не собирается выполнять свое обещание, Олав «страшно разгневался и не мог найти себе покоя. Прошло несколько дней, прежде чем с ним можно было разговаривать» («Круг земной». (I. 229). Но вскоре Олав женится на сводной сестре Ингигерд Астрид.

В других сагах предыстория брака Ярослава и Ингигерд занимает значительно меньше места. Фактически в них лишь констатируется сам факт заключения брака, внимание же авторов сосредоточено на «тайной любви» Олава и Ингигерд. Этот мотив порождает несколько эпизодов явно вымышленного содер-

жания, как, в частности, процитированный выше. По сообщению Снорри и авторов ряда других королевских саг, Магнус падает на Русь не самостоятельно, в качестве воспитанника Ярослава, а вместе с отцом, который, возвращаясь на родину, оставляет ребенка в безопасном месте. Именно эту версию приезда Магнуса на Русь предпочел Снорри, который знал и использовал «Гнилую кожу». Критичность Снорри к своим источникам хорошо известна, и, очевидно, у него были вполне убедительные основания отвергнуть мотивировку «Гнилой кожи», а вместе с ней и весь эпизод. Тем самым мотивировка приезда Магнуса к Ярославу в «Гнилой коже» (отсутствующая, как и весь эпизод, в других сводах саг, кроме заимствовавших этот текст практически без изменений «Книги с Плоского острова» на дополнительных листах и «Хульды»), оказывается не только недостоверной, но и совершенно очевидно производной от рассказа о ссоре Ярослава и Ингигерда.

Более того, в эту, как мы видим, недостоверную мотивировку, автор рассказа вплетает мелкие детали, столь же недостоверные, но подчеркивающие его основную мысль. Так, например, Ингигерд ставит условием примирения с Ярославом приглашение Магнуса, «потому что правду говорят у вас, что тот ниже кто воспитывает дитя другого», т.е. сознательное унижение Ярослава. Впрочем, ничего унижительного в этом предложении на самом деле не было: практика воспитания детей в чужих семьях была широко распространена в Скандинавии, причем, как правило, в качестве воспитателей выбирались люди богатые и знатные, равные по положению родственникам воспитанника, подчас и обладавшие более высоким статусом. Так, например при дворе Ательстана воспитывался сын Харальда Прекрасноволосого Хакон, что никоим образом не могло ущемлять достоинство могущественного английского короля. Не случайно Ингигерд ссылается на местный обычай («говорят у вас»), о существовании которого ничего не известно. Однако приглашение Ярослава придает художественную завершенность эпизоду.

Мотив «тайной любви» Ингигерд упоминается и в некоторых других сагах. Очевидно, что этот мотив был хорошо известен в Норвегии и Исландии как составителям саг, так и их слушателям, — для того чтобы оживить его в памяти слушателей, достаточно было и краткого намека. Почему же он оказался столь популярен в Скандинавии: из-за его исторической достоверности или по каким-то иным причинам?

Конечно, одной из причин было распространение в Скандинавии куртуазной литературы с ее темой «тайной любви». Французские романы о Тристане и Изольде, Бланшефлёр и др. не только пересказывались, но и стали объектом подражания, и по их мотивам было создано несколько саг с героями-скандинавами. Вероятно, еще большее влияние оказало формирование образа Ингигерд по типу «героических женщин» древнескандинавской литературы. Преломленный для характеристики женского персонажа, стереотип скандинавского конунга на Руси заставил поделить Ингигерд полным набором традиционных женских «героических» качеств, в которых она превосходит всех остальных женщин: Ингигерд красива, умна, находчива, решительна, способна к неординарным действиям, наконец, щедра. Героини древнескандинавского эпоса и саг, рисуемые подобным образом, всегда оказываются в центре сложной и трагической любовной истории, завершающейся, как правило, их гибелью: так она и Брюнхильд в сказании о Нифлунгах, героини «Саги о людях из Лососей Долины», «Саги о Гуннлауге Змеином языке» и др. Прототипы сагового образа Ингигерд толкали на создание трагической любовной истории, в которой она играла бы центральную роль. Неудавшееся сватовство Олава подсказывало героя этой истории.

Таким образом, на основе нескольких исторических фактов (сватовство Олава, брак Ингигерд с Ярославом, пребывание на Руси малолетнего сына Олава) возникает литературный мотив, в рамках которого создаются самостоятельные рассказы, включенные в саги.

Стереотип скандинавского конунга оказал воздействие и на сопоставительную характеристику Ингигерд и Ярицлейва, Эймунда и Ярицлейва²⁰. И в «Пряди об Эймунде», и в «Саге о Магнусе и Харальде Суровом Правителе» Ингигерд представлена в качестве мудрого спасителя и помощника русского князя. Она даст ему советы и в критические моменты принимает личное участие в разрешении конфликтов. Решительности и твердости Ин-

²⁰ Из самого противопоставления Эймунда Ярицлейву очевидно, что автор саги не воспринимает Ярослава как скандинава, хотя бы по происхождению. Также не связывают со скандинавским миром и Владимира авторы саг об Олаве Грогтвассоне. Оба конунга Гардарики совершенно отчетливо описываются в сагах как не-скандинавы, правители, принадлежащие к чужому, хотя и не чуждому миру. Поэтому неправомерны предпринимаемые временами попытки представить Владимира «русским викинггом», а Ярослава — сознательным наследником пом своих предков-скандинавов.

гигерд противостоят безволие и слабость Ярицлейва, ее ум и находчивости — его пассивность, ее щедрости — его скупость. Ее полное моральное превосходство признается и самим Ярославом: в «Гнилой коже» Ярицлейв примиряется с Ингигерд ценой согласия с унижающим его предложением пригласить Магнуся на воспитание.

Ярицлейв противопоставляется и Эймунду как носитель качеств, обратных достоинствам викинга. Сага последовательно наделяет Ярослава негативными чертами, которые проявляются в его взаимоотношениях с Эймундом и его дружинниками. В первую очередь, Ярицлейв избегает активного участия в борьбе с братьями. Он поручает своим скандинавским наемникам наиболее опасные акции, сам оставаясь в стороне. Вот Эймунд выясняет планы Ярицлейва при нападении Бурицлава: «Теперь надо подумать и решить — собирать ли войско, или вы хотите, господин, чтобы мы, норманны, одни защищали страну, а ты будешь сидеть спокойно...», — предлагает Эймунд, на что Ярицлейв отвечает: «Так и я хочу». Ярицлейв вероломен и не желает брать на себя ответственность. Фактически подстрекая Эймунда к убийству Бурицлава, своего брата, Ярицлейв, когда уже убийство совершено, «краснеет» и обвиняет Эймунда в «поспешном решении». Он нерешителен и нетверд духом. В критические минуты он советуется с Эймундом, полагаясь на его решения. Он боится расстаться с варягами, потому что «мы ведь теперь не можем обойтись без вашего разумения». Наконец, Ярицлейв отличается чрезвычайной скупостью: Эймунду приходится каждый раз чуть ли не угрозами добиваться выплаты жалованья, которое было оговорено при поступлении отряда на службу. Сага создает тем самым не отрицательный образ конунга (стереотип скандинавского конунга, наделяемого негативными характеристиками, в первую очередь предполагает отсутствие у него удачи, что ведет к поражениям в битвах, неурожайным годам и пр.), — а образ, черты которого оттеняют достоинства Эймунда. Единственное исключение в этом наборе характеристик — скупость Ярицлейва, которая не находит параллели в изображении Эймунда, поскольку он не является конунгом, но которая является противоположностью к обязательному качеству конунга — щедрости.

В то же время «Прядь об Эймунде» в общей характеристике Ярослава («Ярицлейв конунг не слыл щедрым, но был хорошим правителем и властным»), и в описании конкретных событий, на пример, первой битвы Ярицлейва с Бурицлавом, отступает от |

прототипа. Ярицлейв оказывается в первых рядах сражающихся и получает ранение в ногу.

Таким образом, представляется, что изображение Ярослава Мудрого в «Пряди об Эймунде» многослойно. С одной стороны, оно определяется художественными задачами саги. Героизация образа Эймунда, бесспорно, оказала решающее влияние на формирование образа Ярослава и обусловила последовательное противопоставление его образу Эймунда: наделение его чертами, которые с наибольшей яркостью оттеняли бы достоинства героя. И если даже Ярослав действительно обладал какими-то из приписываемых ему сагой негативных качеств, на что как будто указывают некоторые его поступки, упомянутые летописями, то сага подчеркивает и гиперболизирует их. С другой стороны, здесь же в саге присутствуют описания ситуаций, в которых Ярицлейв действует не в соответствии с заданными ему качествами, что корректирует его «литературную» характеристику и, возможно, открывает реальные черты его характера.

Саговый образ Ярослава, как можно видеть, формируется в Скандинавии не в соответствии с реальностью, а как литературный образ протагониста персонажей, изображаемых в соответствии со стереотипом «скандинав на Руси» — его жены Ингигерд, писемника Эймунда и др. Вряд ли стоит искать в великом князе Ярославе Владимировиче Мудром те черты, которыми наделяют его саги: они обусловлены «литературным этикетом» и имеют под собой традиционные мотивы, а не исторические сведения.

4.2. БЫЛ ЛИ ЯРОСЛАВ УБИЙЦЕЙ СВОЕГО БРАТА?

«Прядь об Эймунде» сообщает уникальные — и противоречащие русским летописям — сведения относительно борьбы Ярослава Мудрого за киевский стол после смерти Владимира Святославича в 1015 г. Согласно саге, Эймунд со своей дружиной приходит на Русь, потому что

«слышал о смерти Вальдмара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем двум. И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он — старший среди них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилава. Бурицлав держит Канугард, а это — лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех больше недоволен тот,

чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских» (Королевские саги 2. С. 92, 106).

Он нанимается на службу к Ярицлейву — Ярославу и участвует в борьбе между тремя братьями. Сага подробно описывает перипетии этой борьбы, в ходе которой варяги Эймунда два побеждают нападающего Бурицлава и на третий раз убивают его по наущению Ярослава. С Вартилавом, после перехода Эймунда на его сторону, заключается мир, в результате которого Ярослав остается конунгом Хольмгарда (Новгорода), Вартилав нугарда (Киева), а Эймунд получает Полоцк и «область, которая сюда принадлежит». Ожесточенная борьба братьев и гибель одного из них завершается, по саге, фактически ничем для Ярослава — он остается правителем того же княжества, улучшенным статусом Вартилава и очевидным выигрышем Эймунда, который из предводителя наемников становится правителем всего княжества, хотя и на правах лена («Если Эймунд конунг ставит после себя наследников, то будут они после него в том княжестве. Если же он не оставит после себя сына, то [оно] вернется к тем братьям. Эймунд конунг будет также держать у них обе стороны страны и во всем Гардарики». — Королевские саги 2 С. 104, 118).

Повествование саги, что естественно, привлекло внимание исследователей еще в начале XIX в. и многократно обсуждалось (дробно см.: Королевские саги 2. С. 161—174). Бурицлав традиционно отождествляется со Святополком, получившим в летописи прозвище Окаянный за совершенное по его приказу убийство братьев Бориса и Глеба Владимировичей. По смерти Владимира он, старший из братьев, становится киевским князем. В борьбе с Ярославом, претендующим на киевский стол, Святополк использует помощь своего тестя Болеслава — что, по мнению исследователей, послужило причиной замены его имени польского князя в форме, знакомой скандинавской литературе. В 1019 г. он бежит из Киева и погибает. Вартилав саги сматривается как полоцкий князь Брячислав Изяславич (ум. 1044 г.), племянник (а не брат) Ярослава. Преобразование Вартилава — Брячислава из племянника в брата, очевидно, произошло не из-за употребительного обращения князей друг к другу «брат» (как предполагал А.И. Ляшенко), а под влиянием традиционной в фольклоре триады братьев.

Казалось бы, и политическая ситуация, и основные действующие лица на первом этапе борьбы за киевский стол обозначены.

мы и саге правильно (с поправками имен). Однако мы уже видели выше, что в пряди чрезвычайно сильны литературные моменты: изображения в ней и Ярослава, и Ингигерд, и Эймунда подчиняются стереотипам, **которые** существенно искажают действительность.

Очевидной тенденциозностью отличается и прядь в целом: уже в ранних устных рассказах участников отряда Эймунда (на основе которых безусловно и сложилась сага) неизбежно смещались **ни центры**: скандинавских воинов интересовали не столько события на Руси, сколько их собственная деятельность и удачливость Эймунда, позволившая им «с богатством и славой» вернуться на родину. Отсюда проистекали и естественное внимание к одним **событиям** и игнорирование других — вне зависимости от их объективного значения, и преувеличение своей и Эймунда роли в этих событиях, и другие неточности в передаче истинного хода событий. В последующей традиции — до записи саги — **неточности** могли только усугубиться, поскольку рассказ подвергся воздействию сложившихся стереотипов, формул и т.п. И в конце, при составлении и записи пряди это воздействие **становилось** определяющим.

Общая установка на героизацию образа Эймунда, вероятно, и требовала существенного переосмысления рассказа. Достаточно обратиться к заключающему борьбу миру, в соответствии с которым Эймунд получает Полоцк. Правление в Полоцке **пришлого** варяжского князя во втором десятилетии XI в. невероятно, поскольку, согласно летописям, в сведениях которых в **данном** случае сомневаться не приходится, Полоцк с конца X в. **постоянно** находился под властью Изяслава, сына Владимира I Рогнеды (дочери действительно варяжского князя Полоцка), и его потомков. Никаких перерывов в их правлении летописи **не отмечают**. Поэтому передача Полоцка Эймунду в саге не имеет **под собой** никаких реальных оснований, кроме, возможно, смутных воспоминаний (как и вообще о событиях X в. См. выше гл. 2) о правлении там скандинавского конунга — Рогволода (Рёгнвальда). Совершенно очевидно, что составитель саги вымыслил **доисторично** венчающий отвагу Эймунда результат — получение «царства» и титула конунга (как его именует в конце пряди Ингигерд). Это повлекло за собой перераспределение русских княжеств: оставление Ярослава в Новгороде и водворение Бурицлава в Киеве, что, впрочем, могло иметь почву в воспоминаниях о том, что **Ярослав** после гибели Святополка не раз возвращался в Новго-

род. Но даже если такие воспоминания и повлияли на описание условий «мира», очевидно, что не они вызвали эпизод к жизни. Все это заставляет с особой осторожностью отнестись и к остальным сведениям пряди о происходившем на Руси.

Исследование пряди показывает, что она, в отличие от большинства королевских саг, имеет ярко выраженную литературную форму, использующую повторы, штампы и т.п. Примером этого — три нападения Бурицлава, три совета Эймунда, трехкратное заключение договора между Ярицлейвом и Эймундом, отказ Ярицлейва платить за службу варягам, два ложных слуха о смерти Бурицлава. Значительное количество эпизодов одет параллели в западноевропейской и византийской литературе. Особенно широко автор саги использует рассказы о военных хитростях — повествования о победах викингов, одержанных с помощью каких-либо уловок (захват города с помощью птиц, пожегших город; завлечение врага в ловушку и т.п.). Саги знают большое количество подобных рассказов, сюжеты некоторых из них традиционны и, вероятно, восходят еще к античности. Предполагается, что сюжеты о военных хитростях были заимствованы скандинавами в Византии и принесены на север, где они и вошли в повествовательный фонд (что, впрочем, не исключает возможности того, что некоторые из них использовались и в практике).

Что же представляет собой описание в саге борьбы Ярицлейва и Бурицлава? Оно, бесспорно, основывается на реальных фактах, однако закрепленные в традиции воспоминания об этих фактах подверглись мощному воздействию тенденции к героизации образа Эймунда, которая осуществлялась разнообразными способами, в том числе и с помощью включения многочисленных традиционных сюжетов «героического» характера, главным действующим лицом которых был Эймунд.

Сага изображает соперничество братьев как три последовательных сражения, каждое из которых заканчивается победой варягов, причем в последнем Бурицлав погибает от руки Эймунда. Между сражениями Бурицлав оказывается за пределами страны, где собирает войско и готовится к следующему нападению на брата. В этой общей канве событий проглядывают реальные обстоятельства событий 1015—1019 гг.: сражения Ярослава со Святополком в 1016 г. у Любеча, после которого Святополк бежал к своему тестю Болеславу I Храброму в Польшу; в 1018 г. на реке Буе, в которой победил Святополк и вынудил Ярослава оставить Ки

ви, и, наконец, в **1019** г. на реке Альте, закончившееся бегством Святополка и его смертью в пути.

Во всех трех случаях сага называет Бурицлава инициатором столкновений, именно он нападает (или собирается напасть) на Ярицлейва, который вынужден обороняться. Это противоречит активной роли Ярослава по летописи: именно Ярослав выступает с войском из Новгорода к Киеву в **1015** г. и начинает пятилетнюю войну с братом. Однако изображение Ярослава обороняющейся стороной прекрасно согласуется с основополагающими тенденциями саги. Во-первых, находит подтверждение пассивность Ярослава, которая оттеняет энергичность и удачливость Эймунда. Во-вторых, подобная ситуация позволяет представить Эймунда не только помощником и советчиком, но и спасителем Ярослава. Именно в ней в наибольшей степени раскрываются изобретательность и находчивость варяга. Наконец, приближающееся нападение Бурицлава заставляет Ярицлейва повторно заключать договор с Эймундом, увеличивая ему оплату. Тем самым нападения Бурицлава на Ярицлейва, а не наоборот, играют существенную роль в воплощении основных идей, которыми руководствовался автор саги.

Из описания трех столкновений Ярицлейва и Бурицлава лишь первое в целом соответствует отмеченному летописью сражению Ярослава и Святополка у Любеча в **1016** г. Можно отметить такие общие черты в описании сражения, как выступление против Ярослава брата-мятежника, наличие варягов в войске Ярослава, расположение противников на противоположных берегах реки, «стояние» в разбитых лагерях (четыре дня по пряди и три месяца по «Повести временных лет»), победа Ярослава.

Что касается второго и третьего сражений, то их описания — это фактически рассказы о военных хитростях, при помощи которых Эймунд помогает Ярицлейву победить Бурицлава. Так, в изображении подготовки ко второму сражению объединяются два сюжета: сооружение рва, чтобы не могла пройти конница, и выставление напоказ драгоценностей, чтобы завлечь противника. Оба сюжета хорошо известны и в древнеисландских сагах, и в викингской литературе. К тому же фонду рассказов относится и повествование о хитрости, примененной Эймундом, — подъему шатра, привязанного к склоненному, а затем распряmlенному дереву, — и давшей возможность убить Бурицлава.

Однако и в литературных сюжетах можно обнаружить следы отражения реальных событий. Так, во втором случае Буриц-

лав, бежавший после разгрома, отправляется в Бьярмаланд а затем приходит под стены города, где укрылся Ярицлей с большим войском, в котором участвует отряд бьярмов. В третьем сражении на стороне Бурицлава сражаются «тюрки и блокумен» (первое — собирательное обозначение южных кочевых народов, второе — вероятно, производное от *влахъ, валахъ*, «*влахи*»), поскольку зиму он провел в Тюркланде. По летописи известно, что в 1018 (а не в 1015) г. Святополк бежал к печенегам и, возвратясь на Русь в 1019 г., имел их в своем войске. Очевидно, автор саги знал об участии отдаленных, языческих народов в одном из походов Святополка, однако сведения до него дошли неточные, что естественно при длительности устной передачи. Более того, печенегов он не знает вообще, хотя ему известно о существовании кочевых народов далеко на юге — они в географической традиции обычно обозначаются названием *tyrkir*, «*тюрки*», а их земля *Tyrkland*. Участие неведомых и крайне опасных противников (не случайно автор описывает их характерным термином «злые народы», «злая рать», а также отмечает их язычество) увеличивало заслуги Эймунда, придавало дополнительный блеск его воинским подвигам. Поэтому автор саги приписывает сведения об участии «злых народов» и второму, и третьему столкновениям братьев, но пытается разнообразить их. В одном случае варварским народом, приглашенным Бурицлавом, автор называет знакомых ему бьярмов, в другом — тюрок и блокумен. И те, и другие, согласно распространенным географическим представлениям, живут на окраинах восточной половины мира и могут быть представлены как опасные враги.

Литературной переработке в той или иной степени подвергается большинство дошедших до автора сведений о действительных событиях, в том числе и о смерти Святополка. Рассказ об убийстве Бурицлава начинается мотивом «военной хитрости» — установкой приспособления для того, чтобы поднять походный шатер Бурицлава: Эймунд сгибает дерево и привязывает к нему флажок на шатре. Убийство при помощи согнутого дерева (дереьев) — мотив, восходящий к античности. Применительно к событиям на Руси он встречается у Саксона Грамматика и у Льва Диакона (смерть князя Игоря). Но на этом использование традиционных авантюрных сюжетов не заканчивается. Автор вводит мотив переодевания героя: Эймунд наряжается нищим, привязывает козлиную бороду и отправляется в лагерь Бурицлава (сюжет с аналогичным переодеванием представлен в «Пря-

ни о Торлейве Скальде Ярлов» и в «Саге о Хромунде Грипссоне»). Мотивировка эпизода в высшей степени условна: Эймунд и его спутники проголодались, и Эймунд проникает в лагерь, чтобы побыть еду. Создается впечатление, что автор не придает особого значения правдоподобности введения традиционного эпизода, для него важно лишь еще раз подчеркнуть отвагу и ловкость Эймунда. Далее, подробно рассказав о том, как Эймунд с товарищами проходят через лагерь врага и поднимают шатер Бурицлава, автор как бы спохватывается и объясняет: «А люди (Бурицлава) крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны». Исключение из действия помощников героя или его противника — традиционный мотив, и его использование автором саги ни в коей мере не зависит от реальной ситуации.

Наконец, Эймунд добирается до Бурицлава и убивает его и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава конунга, которую затем приносит и показывает Ярицлейву. Как и в предыдущих случаях, мотив убийства с отрубанием головы, в том июле и брата, равно как и демонстрация брату отрубленной головы, имеет многочисленные параллели и в древнескандинавской, и в европейской литературе. Более того, описание в пряди этой сцены чрезвычайно схоже с эпизодом из «Саги о Харальде Суровом» в «Круге земном». Согласно Снорри, викинг Хакон, охраняющий по поручению датского конунга Свена страну, убивает бывшего воспитанника и любимца Свена Асмунда, ставшего разбойником и грабителем:

«Затем Хакон поспешил к Свену конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон пошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнаете ли он ее. Конунг не отвечал, но губы покраснели. Затем Хакон удалился. Немного погодя конунг послал к нему своих людей и отпустил его прочь. "Скажите ему, что я не намерен причинять ему никакого зла, но я не могу поучиться за всех моих сородичей"» (Круг земной. С. 430).

«И идет Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. "Теперь посмотрите на голову, господин, — узнаете ли ее?" Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: "Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин..." Ярицлейв конунг отвечает: "Вы успешно решились и сделали это дело, близкое нам"» (Королевские саги 2. С. 100, 115).

Как Ярицлейв Эймунда, так и Свен подстрекает Хакона к убийству Асмунда, хотя и не дает такого приказа. Как и Яро-

слав, Свен фактически обвиняет убийцу в превышении полномочий, однако не карает его. Более того, мы видим здесь и тематические совпадения: и в том, и в другом случае убийца, демонстрируя голову, задает вопрос, узнает ли конунг голову убитого, конунг же, увидев голову, краснеет. Весьма вероятно, что этот эпизод в «Пряди об Эймунде» строится по образцу «Саги о Харальде Суровом Правителе» с использованием ее топики и фразеологии.

Как видим, весь эпизод убийства Бурицлава состоит из почки традиционных мотивов, а его кульминация является: реложением фрагмента более ранней и известной саги. В нем не просматривается никаких реалий, которые могли бы восходить к рассказам о действительных событиях. Не делает эпизод более правдоподобным и попытка отождествить Бурицлава не об Святополком, а с Борисом Владимировичем или усмотреть в образе Бурицлава контаминацию обоих. Представляется, что значительно вероятнее создание этого эпизода автором саги, который основывался на смутных воспоминаниях о смерти Святополка — Бурицлава после последнего сражения с Ярославом. Не зная никаких обстоятельств смерти противника Ярослава, он рассказал о ней единственно доступным ему образом — с помощью знакомых мотивов, которые позволяли ему и здесь возвысить своего героя, убившего столь грозного противника и обеспечившего власть и благополучие своему неблагоприятному господину.

Таким образом, прядь представляется произведением, в котором воспоминания о реальных фактах, содержащиеся в рассказах участников событий, воплощаются в повествовании с помощью традиционных сюжетов и мотивов и трансформируются рассказчиком так, чтобы образ Эймунда приобрел гиперболизированно героические черты. При этом сохраняется свойственная сагам стилистическая строгость, создающая внешнее впечатление объективности рассказа.

В двух разделах данной главы были рассмотрены те сюжеты, в которых образ Ярослава Мудрого был существенно видоизменен саговой традицией. При всей живости и кажущейся правдоподобности его изображения образ Ярослава оказывается подчинен литературным стереотипам и лишь в малой степени мс

... быть соотнесен с деятельностью и характером великого русского князя.

Совершенно иной образ Ярослава, решительного, активного, целеустремленного и изобретательного в проведении своей линии и в жителе Руси, действительно крупного политика, рисуют другие саги в эпизодах, которые не связаны с изображением ситуативных стереотипов. В них, как кажется, мы можем усмотреть Полю надежные отражения действительных событий и древнерусских реалий.

ГЛАВА 5. ЗАВЕРШЕНИЕ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

5.1. ЕЛИЗАВЕТА ЯРОСЛАВНА НОРВЕЖСКАЯ

Дочь русского князя Ярослава Мудрого Елизавета известна только по исландским сагам, где она носит имя Эллисив (*Ellisif*) или Элисабет (*Elisabeth*). В целом ряде королевских саг первой половины XIII в. (в «Гнилой коже», «Красивой коже», «Круге земном», «Саге о Кнютлингах»), а также (без упоминания имени невесты) в «Деяниях епископов гамбургской церкви» Адама Бременского содержатся сведения о браке Елизаветы и Харальда Сурового Правителя (норвежского конунга с 1046 по 1066 г.). История женитьбы Харальда и Елизаветы, как она описывается сагами, весьма романтична. Через год после битвы при Стикластадире (1030 г.), в которой погиб знаменитый норвежский конунг Олав Харальдссон, его сводный (по матери) брат Харальд Сигурдарсон отправился, как сообщает Снорри Стурлусон в «Круге земном»,

«на восток в Гардарики к конунгу **Ярицлейву**», т.е. на Русь к князю Ярославу Мудрому. Снорри далее рассказывает, что «конунг **Ярицлейв** хорошо принял Харальда и его людей. Сделался тогда Харальд хёвдингом над людьми конунга, охранявшими страну... Харальд оставался в Гардарики несколько зим и ездил по всему Аустрвегу. Затем отправился он в путь в Грик-ланд, и было у него много войска. Держал он тогда путь в Миклагард». (Круг земной. С.402-403).

Причина отъезда Харальда объясняется в «Гнилой коже» и в восходящей к ней «Саге о Харальде Сигурдарсоне Суровом Правителе» по рукописи XIV в. «Хульда». Здесь рассказывается о том, что «Харальд ездил по всему Аустрвегу и совершил много подви-

гов, и за это конунг его высоко ценил. У конунга Ярицлейва и кн^я гини Ингигерд была дочь, которую звали Элисабет, норманны ш^е зывают ее Эллив. Харальд завел разговор с конунгом, не зах^{от} чет ли тот отдать ему девушку в жены, говоря, что он извест^о родичами своими и предками, а также отчасти и своим поведени^е ем». Ярослав сказал, что «не может отдать дочь чужеземцу, у ко^г того нет государства для управления» и который недостаточ^н богат для выкупа невесты, но не отверг его предложения и об^е щал «сохранить ему почет до удобного времени». Именно пос^л этого разговора Харальд отправился в Константинополь и про^в там несколько лет на службе у византийского императора.

Вернувшись на Русь, Харальд забрал то золото, которое посылал из Миклагарда на хранение к Ярицлейву. Кроме т^е во всех сводах сообщается, что в ту зиму «Ярицлейв отдал ральду в жены свою дочь». Слова саги подтверждаются ссылкой на 4-ю строфу «Драпы Стува» (ок. 1067 г.) исландского скаль^д да Стува Слепого: «Воинственный конунг Эгда взял себе ту же^н ну, какую он хотел. Ему выпало много золота и дочь конунга», Ни имени конунга, ни имени его молодой жены, ни «восточных» топонимов в висе нет. Однако из «Пряди о Стуве» известно, чт^о он был дружинником конунга Харальда Сигурдарсона, так что именно Харальд, вероятно, скрывается под кеннингом «воинс^т венный конунг Эгда» О золоте, которое «выпало» Харальду, рассказывают и другие скальды, например, Тьодольв Арнарсо^н и Вальгард из Веллы. О том же браке сообщает и Адам Бремен^с кий: «Харольд, вернувшись из Греции, взял в жены дочь ко^р роля Руции Герцлефа» (Adam, lib. III, cap. 13, schol. 62).

Весной, сообщают саги со ссылкой на скальда Вальгарда : Веллы, Харальд отправился из Хольмгарда через Альдейгьюб^о р в Швецию. В исландских анналах читаем: «1044. Харальд [С^и гурдарсон] прибыл в Швецию» (IA, I — 17, III — 58, IV — 108, VIII — 317). На этом основании можно сделать вывод, что брач^н ый союз Харальда и Елизаветы был заключен зимой 1043/44;

Ни один источник, рассказывая об отъезде Харальда с Рус^и не говорит о том, что Елизавета уехала вместе с ним. Правда, в^ы вод, что Елизавета приехала в Норвегию, можно сделать, поско^л ку в «Гнилой коже», «Красивой коже», «Круге земном» и «Хул^д де» упомянуты две их дочери (Мария и Ингигерд, не известные как и Елизавета, русским источникам), но нигде не говорится что они были близнецами. В противном случае у Харал^д и Елизаветы, проводивших вместе, согласно сагам, одну вес^ь

между свадьбой и отплытием Харальда, могла бы быть лишь одна дочь. Подтверждается это и последующим известием *сэг*, что по прошествии многих лет, покидая Норвегию, Харальд взял с собой Елизавету, Марию и Ингигерд. Елизавету и дочерей, согласно «Кругу земному» и «Хульде», Харальд оставил на Оркнейских островах, а сам поплыл в Англию. В «тот же день и тот же час», когда в Англии погиб конунг Харальд, говорят саги, на Оркнейских островах умерла его дочь Мария. Елизавета и Ингигерд, перезимовав там, отправились весной с запада (Msk. 282; Fask. 278, 390; Hkr. III, 178-179, 197; Fms. VI, 404-405, 427-428). С этого момента Елизавета больше в сагах не упоминается.

Широко распространено убеждение, что после гибели Харальда Елизавета Ярославна вышла замуж за датского короля Свена Эстридссена. Однако датский исследователь Дж. Линд (см. также: *Наценко А.В.* О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // *Отечественная история.* 1994. № 4—5. С. 187) развенчал это заблуждение, основанное на неверном толковании известия Адама Бременского (Adam, lib. III, cap. 53, 54, schol. 84, 85).

5.2. Последний викингский поход в Восточную Европу

Среди многочисленных военных и торговых походов викингов в Восточную Европу скандинавским источникам наиболее известен поход конца 30-х—начала 40-х годов XI в., предпринятый шведами под предводительством хёвдинга по имени Ингвар. Он закончился трагически, и большая часть его участников погибла. Это последнее по времени упомянутое в сагах военное предпринятие викингов в Восточной Европе.

Сведения о походе Ингвара содержатся в трех видах источников. В рунических надписях, числом ок. 30, упоминаются погибшие в походе Ингвара воины и корабельщики (см. Рунические надписи. Passim). Все стелы расположены по берегам оз. Меларен, откуда, очевидно, и отправилась экспедиция Ингвара. Датировка памятников — середина XI в. — уточнена быть не может.

Наиболее подробный источник сведений о походе — «Сага об Ингваре Путешественнике», которая относится к группе викингских *сэг* и сохранилась в трех поздних рукописях: древнейшая датируется второй половиной XIV в. Однако сама сага, очевидно, сложилась значительно раньше. Предполагается, что она была первоначально написана на латинском языке во второй по-

ловине XII в., возможно, монахом Оддом Сноррасоном (ум. в 1200 г.), автором «Саги об Олаве Трюггвасоне», а затем переведена на древнеисландский язык. Основанная на рассказах «от» живых участников похода (Гарда-Кетиля и др., о чем говорится в самой саге), она состоит из трех частей: изложения происхождения и юности Ингвара, описания «восточного» похода Ингвара и рассказа об аналогичном походе его сына Свейна, дублирующего вторую часть, но с некоторыми дополнениями. Повествование об Ингваре насыщено сказочно-фантастическими мотивами и персонажами: драконами, великанами, чудовищами, с которыми сражаются в пути воины Ингвара. Эти мотивы вплетаются в повествование о походе и придают рассказу своеобразную форму; но в то же время сохраняются многие детали и подробности, которые, не будучи мотивированы в рамках фольклорных мотивов, могут восходить к непосредственным воспоминаниям участников похода.

Наконец, смерть Ингвара отмечается двумя из исландских annalов под 1041 г. В «Королевских анналах» (статьи о событиях XI в. внесены не ранее 1306 г.) записи о смерти Ингвара (на исландском языке) предшествует сообщение: «Убийство аббата Ательстана» (на латинском языке) (IA: IV-108). Очевидно, что в статье 1041 г. использованы два разных источника, второй из которых был местным. В «Анналах лагмана» (первая тетрадь, видимо, написана ок. 1362 г.) статья 1041 г. также имеет вторую запись: «Магнус Добрый стал владеть Данией» (IA: VII-250). Датировка интронизации Магнуса в Дании явно неверна: это событие произошло после смерти датского и английского короля Хардакнута в 1042 г.

В последние два десятилетия поход Ингвара, точнее маршрут, по которому он следовал, оказался в центре внимания ряда российских и шведских исследователей. Большинство из них, не занимаясь анализом источников, в первую очередь «Саги об Ингваре», а подчас и не используя их в совокупности, склонно отождествить его отряд с рузами, упоминаемыми в грузинских источниках в связи с событиями 1030–1040-х годов на Кавказе. Поэтому предполагается, что Ингвар спустился из Новгорода по Волге в Каспийское море, высадился на северокавказском побережье и совершил переход вверх по рекам в глубь Кавказского хребта. Сама по себе возможность преодоления Кавказских гор с этой стороны представляется маловероятной. Но гипотеза эта, кроме того, игнорирует и данные саги, кото-

ные, несмотря на фольклорные мотивы, требуют специального исследования.

Возмужав, Ингвар собирает отряд и получает от своего родича шведского короля Олава Шётконунга (умер, вероятно, в 1021 г.) 30 оснащенных кораблей, на которых отправляется на восток в Гардарики (на Русь) и, в соответствии со стереотипом (см. выше 3.2), принимается Яришлейвом «с великой честью». Ингвар проводит на Руси три года, и «ездит по всему Восточному государству». Узнав, что «три реки текут по Гардарики на восток, и самая большая та, которая находится посередине», он расспрашивает всех, куда течет эта река, и, не получив ответа, намеревается «выяснить, насколько длинна эта река» (Y.s. 12).

Цель, приписываемая Ингвару автором саги, совершенно необычна для мотивировки похода викинга и не имеет параллелей | сагах. Рунические надписи определяют ее иначе и значительно прозаичнее: «Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов» (Рунические надписи. № 32), т.е., как и других викингов, Ингвара привлекала на востоке возможность обогатиться. Вторая часть надписи указывает на многочисленные сражения, в которых участвовал его отряд. Очевидно, автор саги руководствовался какими-то особыми соображениями, предлагая крайне необычную цель похода Ингвара.

Далее Ингвар собирается в поход по этой «самой большой реке», протекающей по Гардарики. В повествовании о сборах в поход обнаруживаются чрезвычайно интересные подробности.

«Тогда Ингвар снарядился в путь из Гардарики и намеревался выяснить, насколько длинна эта река. Он попросил епископа освятить секиры и кремни. Называют четырех человек, поехавших с Ингваром: Хьяльмвиги и Соти, Кетиль, которого звали Гарда-Кетиль, он был исландец, и Вальдимар» (Y.s. 12).

При анализе рассказа о походе Ингвара необходимо обратить особое внимание на незначительные и, казалось бы, случайные детали, не имеющие сюжетообразующего значения. Первая — освящение епископом секир и кремней участников похода. Какое-либо участие епископа в подготовке похода викингов — вещь крайне необычная, ни разу не отмечаемая сагами. Это и естественно, потому что далеко не все викинги в начале XI в. были христианами. В XII же и XIII вв. благословение войска епископом перед экспедицией и даже участие епископа в самом походе было нормальным только в тех случаях, когда поход проходил под знаком крестоносного движения и направлялся в Восточную Прибалтику против языческих народов. Таким образом, либо автор саги переосмысливает поход Ингвара как поход против язычников, либо упоминание епископа — реалья, восходящая к рассказам о событии и чрезвычайно важная для понима-

ния характера похода. Первое предположение вряд ли подтверждается дальнейшим повествованием: хотя Ингвар встречается со многими языческими народами, но войну против Нí не ведет и попыток обращения их в христианство не предпринимает. Если же здесь сохранилось воспоминание о реальном бытии: благословении епископом участников похода и освящении их оружия, это может означать только то, что поход Ингвара был не частным, а официальным государственным предприятием.

Вторая такая деталь — имя *Вальдимар* в числе названных участников похода. Сага, как представляется, донесла имена реальных участников похода: по крайней мере одного из них, *Кетиль*, мы, вероятно, знаем по «Пряди об Эймунде», действие которой происходит примерно на 20 лет раньше. Вместе с Эймундом Кетиль находился на Руси и потом вернулся в Исландию, Спутник Ингвара, также Кетиль, имеет прозвище, означающее, что он ранее бывал на Руси, а потому есть основание отождествить обоих воинов. Имена же Соти и Хьяльмвиги являются распространенными скандинавскими именами. Лишь древнерусское по происхождению имя *Вальдимар* выпадает из этого ряда. Совершенно очевидно, что такое имя может носить только русский: имя *Владимир* было заимствовано в Дании лишь в середине XII в. и использовалось только в королевской семье. Отсюда следует, что из участников похода — причем, видимо, из числа наиболее известных, почему его имя и запомнилось, — оказывается русский по имени Владимир. Его имя вряд ли могло быть вставлено автором саги, поскольку оно не несет специальной смысловой нагрузки.

Сочетание двух моментов — официального характера похода и участия в нем русского по имени Владимир — заставляет обратиться к известиям о древнерусских военных экспедициях середины XI в. И действительно, в 1043 г. состоялось нападение русского войска на Константинополь, закончившееся гибелью значительной части воинов и пленением других (см. подробно! часть II, гл. 4.4). Это была государственная акция, предпринятая великим князем Ярославом Мудрым в связи с препятствиями в торговле, чинимыми византийскими властями (насколько можно понять сообщения византийских источников). Возглавил русское войско сын Ярослава новгородский князь Владимир. Надо отметить, что в связи с этим походом в летописях в последний раз упоминаются варяги-наемники, которые составили часть

русского войска²¹. Если предположить, что Ингвар со своим отрядом отправился не выяснять, куда течет самая большая река Гардарики, — подобная мотивировка, скорее всего, принадлежит к втору саги, — а принял участие в константинопольском походе Владимира Ярославича, то и участие епископа в отправлении войска, и имя Владимира находят естественное объяснение. Главенствующая роль Ингвара в саге вполне понятна с точки зрения автора: с одной стороны, Ингвар мог оставаться предводителем варяжского отряда, с другой — изображение его предводителем диктовалось стремлением создать стереотипный образ конунга на Руси (см. выше 3.1).

Между тем сага содержит и некоторые другие подробности, которые могут свидетельствовать в пользу нашего предположения. Одна из них — красочное описание «греческого огня», специального устройства, устанавливаемого византийцами на кораблях, для метания горючей смеси, которая поджигала корабли противника:

«...они увидели пять шевелящихся островов и поплыли к ним. Ингвар велел своим людям вооружиться... Вдруг один из островов подплыл к ним и начал забрасывать их градом камней; а они укрылись и стали стрелять. Но когда викинги (нападавшие на Ингвара. — *Авт.*) обнаружили, что им не уступают, принялись они раздувать огонь горном в разожженной печи, и было от этого много шума. Также там стояла медная труба, и из нее вылетало большое пламя на один из кораблей. Через некоторое время он загорелся, так что все превратилось в золу» (Y.s. 21).

«Греческий огонь» играл большую роль в морских победах византийцев и производил ошеломляющее впечатление на противника. Именно с помощью этого оружия было разгромлено войско князя Игоря в 941 г. Не раз встречались с ним и скандинавские наемники. Его описание в «Саге об Ингваре» — кстати, единственное в древнескандинавской литературе — основано, по всей вероятности, на впечатлениях очевидца. Однако трудно сказать, был ли очевидец участником похода Ингвара или какого-либо иного столкновения с византийцами. Данный эпизод не является сюжетобразующим, поэтому он мог быть легко включен в повествование на любом этапе его развития. Тем не менее присутствие в саге описания специфически византийской реалии вполне уместно, если речь действительно идет о походе на Ви-

²¹ В исторической литературе сложилось мнение, что варяжский отряд и войско Владимира возглавлял Харальд Суровый Правитель, незадолго до того вернувшийся из Византии на Русь. Однако никаких подтверждений тому в источниках найти не удастся, и Харальд вовлекается в этот контекст только потому, что именно он примерно в те же годы находился на Руси.

зантию. Более того, если описание восходит к рассказам участников данного похода, то оно исконно присутствовало в устных рассказах о нем. Если же оно было заимствовано автором саги из каких-то других источников и включено им в повествований, то вероятно, что автор связывал поездку Ингвара с Византией, отчего и внес в текст византийскую реалию.

Особую проблему составляет маршрут пути Ингвара. «Самая большая река» Руси, занимающая срединное положение между двумя другими реками, — характеристика субъективная, которая может относиться к ряду рек, текущих в южном направлении (см. выше 1.1). Названные в саге реки, по которым плыл **Ингвар**, и города, в которых он останавливался, по преимуществу вымышлены, а упоминание Красного моря как места впадения «самой большой реки», не имеет географического смысла, поскольку Красным морем в географической литературе называлась южная часть окружающего мир океана. Принципиально важным, вероятно, является не определение этой реки, а упоминание в заключительной части рассказа о возвращении викингов домой после смерти Ингвара:

«И после того как они проплыли некоторое время, [возникло] несогласие о том, каким путем плыть, и они разделились, потому что ни один **не** хотел следовать за другим. **Кетиль** знал правильное направление и пришел в Гарды (на Русь. — *Авт.*), а Вальдимар с одним кораблем достиг **Миклагарда**» (Y.s. 30-31).

Возможность попасть на корабле в Константинополь из заключительного пункта поездки уже сама по себе говорит о том, что отряд Ингвара — вне зависимости от цели поездки — достиг черноморского, а не каспийского бассейна. Трудно представить себе переход викингов с кораблями через Кавказские горы. Показательно и уже прямое упоминание о поездке Вальдимара в Константинополь, пускай и в ином, трансформированном контексте.

Единственным откровенным противоречием предложенному отождествлению дружины Ингвара и варягов Владимира Ярославича является расхождение в датах смерти Ингвара и похода на Константинополь. Записи анналов о смерти Ингвара восходят к какому-то источнику на древнеисландском языке — очевидно, к «Саге об **Ингваре**». И действительно, автор саги — в отличие от большинства других составителей **саг** — **приводит** дату смерти своего героя, причем в двух системах летосчисления: местной, по годам правления знаменитых конунгов, и общехристианской, от Рождества Христова.

«В то время, когда Ингвар умер, прошел от Рождества Христова 1041 год, и было ему 25 лет, когда он умер. Это было спустя девять лет после смерти конунга Олава Святого Харальдссона» (Y.s. 30).

Фактически здесь предлагается несколько различных дат. Очевидно, что анналы, также ведущие счет лет от Рождества Христова, заимствовали первую дату — 1041 г. Однако «Анналы лагмана» поставили вместе со смертью Ингвара, как указывалось выше, событие, которое датируется 1042 или 1043 гг. Что же касается второй даты, определяемой как «девять лет после смерти Олава Харальдссона», то она не соответствует первой, поскольку Олав Харальдссон умер в 1030 г. Если исходить из этого указания, то Ингвар должен был погибнуть в 1039 г. Наконец, если исходить из сообщения, что Ингвар умер 25 лет от роду, то он не мог выполнять поручения Олава Шётконунга в Земгалии, о поездке куда подробно рассказывается в первой части саги, и не мог получить от него корабли: Олав умер, вероятно, в 1021 г., когда Ингвару было не более 6—7 лет. Таким образом, датировку похода, которая основывается исключительно на приводимой дате смерти Ингвара, нельзя считать установленной, и она может колебаться по меньшей мере на несколько лет.

Вряд ли удастся когда-либо найти бесспорные доказательства участия Ингвара в походе Владимира Ярославича или, наоборот, самостоятельности его путешествия. Однако, как кажется, непосредственно не связанные с сюжетом детали, случайные упоминания, необъяснимое иначе появление в саге имени *Владимир* указывают на большую вероятность того, что именно Ингвар с его отрядом был последним варягом в русском войске.

5.3. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В ИСЛАНДСКОЙ САГЕ

К числу источников, содержащих сведения об Александре Ярославиче, относится исландская «Сага о Хаконе Хаконарсоне», написанная Стурлой Тордарсоном в 1264–1265 гг. и носящая, по мнению исследователей, вполне документальный характер. В саге рассказывается, что в Тронхейм к конунгу Хакону Старому «прибыли с востока из Гардарики послы конунга Александра из Хольмгарда». Это событие принято датировать 1251/52 г. Переговоры были связаны с нападениями норвежских сборщиков дани в Финнмарке на карел, являвшихся данниками Древнерусского государства. Послам было «также поручено, чтобы они по-

видали госпожу Кристин, дочь конунга Хакона, так как конунг Хольмгарда так повелел им, чтобы они спросили конунга Хакона, не отдаст ли он ту госпожу сыну конунга Александра». Сватовство, однако, продолжения не имело.

В.Т.Пашуто видит в этом сватовстве не только «желание русской дипломатии укрепить пограничные отношения», но также стремление Александра Невского «установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому», закреплённому подписанием в 1250 г. вечного мира между Швецией и Норвегией и бракосочетанием в 1251 г. дочери шведского правителя ярла Биргера Рикисы и Хакона, сына Хакона Старого. Действительно, если исходить из того, что князь Александр Ярославич проводил активную внешнюю политику, то в описанном сагой сватовстве можно усмотреть один из шагов князя на пути к укреплению (среди прочего, и путем династических браков) русских границ с владениями Швеции, Дании и Норвегии, что обеспечивало бы безопасность Новгородской Руси на северо-западе.

Причин, по которым брак все же не был заключен, выдвигается в литературе три. Одну из них формулирует сага («Пришли татары на государство конунга Хольмгарда, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда»), и именно ее разделяет большинство исследователей. Другая причина вытекает из понимания сватовства как дипломатического акта по преимуществу: «Когда же оказалось, что соглашение (относительно карел. — *Авт.*) может быть проведено и может оказаться достаточно прочным и без династического брака, Александр под благовидным предлогом отказался от сложного и дорогостоящего сватовства» (И.П.Шаскольский). И наконец, последнюю причину (хотя и не отвечающую источнику) формулирует шведский историк XVIII в. Олоф Далин, исходя из своего понимания логики межгосударственных связей: «в деле, до бракосочетания касавшемся», учтивыми словами было русским послам отказано, поскольку Хакон не хотел выдавать дочь за данника монголов.

По саге, русские послы прибыли в Норвегию (Тронхейм) зимой, в начале 1251 г. Они дождались весны и вместе с норвежским посольством отправились «в Бьёргун и так еще восточней», т.е. через Берген, а значит вокруг Скандинавского полуострова, и далее Восточным путем через Балтийское море в Хольмгард (Новгород). Плаванья из Норвегии начинались не ранее второй де-

сады апреля. Путь протяженностью ок. 4 тыс. км мог занять, с учетом навигационных особенностей того времени, до трех месяцев. Сага говорит, что летом (и это соответствует расчетам) послы прибыли в Хольмгард, «и принял их конунг хорошо».

Различные детали рассказа саги о русско-норвежских посольствах и переговорах не позволяют датировать их 1251 г. Этому противоречат показания русских источников, которые не знают такого существенного факта, как приход на русские земли татар в 1251 г. Далин дал иную дату интересующих нас событий — 1252 г. Сложно сказать, какими соображениями руководствовался при этом Далин. Но его поддержал Н.М.Карамзин, указавший, что именно в 1252 г. имело место вторжение татарских полков на Русь, о котором говорится в саге. Действительно, русские летописи упоминают о приходе в тот год на Русь из Орды так называемой Неврюевой рати, опустошившей ряд городов и областей. Отождествление с нею засвидетельствованного сагой факта появления татар во время пребывания посольства Хакона Старого в русских пределах и позволяет современным исследователям уверенно говорить о русско-норвежских контактах именно в 1252 г.

Однако датировка переговоров Александра Невского с норвежским королем 1252 годом не может быть признана корректной. Неврюева рать опустошила владения братьев Александра Невского Андрея и Ярослава в Низовской (т.е. Суздальской) земле, но не владения самого Александра. Новгород в 1252 г. от татар не пострадал, в раннем новгородском летописании даже не было известия о Неврюевой рати. Переговоры о браке сына Александра, а им мог быть только Василий, родившийся самое раннее ок. 1 января 1240 г., также едва ли могли иметь место в 1252 г. Василий к моменту отправления русского посольства в Норвегию был еще несовершеннолетним и не имел собственного удела, его брак с 18-летней Кристин не приводил бы к созданию семьи.

Единственным годом, события которого, описанные в русских источниках, находят соответствия в рассказе 271-й главы «Саги о Хаконе Хаконарсоне», является 1257. В тот год в княжества Северо-Восточной Руси пришли татары — сборщики налогов, и в Новгороде с тревогой ждали их появления. Василий в 1256 г. получил из рук отца новгородский стол, стал владельцем князем; в 1257 г. ему могло быть уже 16 лет. Поэтому сватовство к Кристин имело под собой реальную почву. Выясняется и причина расстройтва сватовства русского княжича к нор-

вежской принцессе. При появлении татар Василий выступил против своего отца, бежал в Псков, и Александр Невский **вынужден** был силой вывести сына из Пскова, отправить в **Суздальскую** землю и жестоко покарать окружение княжича, «кто **Василия** на зло повель». Естественно, в таких обстоятельствах **никакой** речи о браке Василия и Крестин быть уже не могло.

Отнесение указанных в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» переговоров между Александром Невским и норвежским королем **Хаконом** к 1257 г. позволяет объяснить и причину военных столкновений, имевших место в **Финнмарке**. Их следует рассматривать как часть общих действий, предпринятых Швецией и ее союзниками против Новгорода в 1256 г. Как известно, **новгородцы** в ответ на происки своих западных соседей обратились за **военной** поддержкой к Александру Невскому. Узнав об этом, шведы, финны и фактический правитель датской Виронии Дитрих фон Кивель прекратили строительство крепости на реке Нарове. Александр же Невский зимой 1256/57 г. предпринял успешный поход на подчинявшуюся Швеции емя. Очевидно, параллельно с этим Невский послал дипломатическую миссию к норвежскому королю, чтобы нейтрализовать союзную со Швецией Норвегию. В принципе, миссия имела успех, военные действия в Финнмарке были прекращены, но сын русского князя и дочь норвежского короля так и не стали мужем и женой (подробнее см.: *Джаксон Т.Н., Кучкин В.А.* Год 1251, 1252 ил*: 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 24—28).

ГЛАВА 6. «Он ПЛАВАЛ НА **Русь** С ДОРОГИМИ ТОВАРАМИ»

С рассказами о пребывании на Руси скандинавских конунгов и воинов, нанимавшихся на службу древнерусским князьям, могут конкурировать по количеству только упоминания торговых связей Руси со скандинавскими странами. Уже в рунических надписях многократно отмечаются торговые поездки в Гарды «с дорогими товарами». Более подробно рассказывают о скандинавских купцах саги, которые содержат ценнейшие сведения о торговле с Русью, ее организации и масштабах.

6.1. ТОРГОВАЯ ПОЕЗДКА ГУДЛЕЙКА ГАРДСКОГО в ГАРДАРИКИ

«Одного человека звали Гудлейк Гардский²². Он был родом из Агдй-ра. Он был великим мореходом и купцом, богатым человеком, и совершал торговые поездки в разные страны. Он часто плавал на восток в Гардарики, и был он по этой причине прозван Гудлейк Гардский. В ту весну Гудлейк снарядил свой корабль и собрался отправиться летом на восток в Гарды. Конунг Олав послал ему слово, что он хочет встретиться с ним. И когда Гудлейк приехал к нему, говорит ему конунг, что он хочет вступить с ним в товарищество, попросил его купить себе те ценные вещи, которые трудно достать там в стране. Гудлейк говорит, что все будет так, как прикажет конунг. Тогда конунг повелел выплатить ему столько денег, сколько ему казалось необходимым. Отправился Гудлейк летом в Аустрвег. Они стояли некоторое время у Готланда... Гудлейк отправился летом по Аустрвегу в Хольмгард и купил там драгоценные ткани, которые, он думал, пойдут конунгу на торжественные одежды, а также дорогие меха и роскошную столовую утварь» (Королевские саги 2. С. 60-61, 71—72).

Рассказ Снорри Стурлусона о плавании Гудлейка в Гардарики, датируемый 1017 г., органично вплетается в общее повествование: он составляет частицу истории пограничных конфликтов Олава Харальдсона (норвежского) и Олава Шётконунга (шведского). Узнав, какое добро везет из Гардарики Гудлейк, его убивает швед Торгаут Заячья Губа, чтобы передать богатства Олаву Шведскому («И это будет частью той подати, которую он должен получать с Норвегии»). В Шведских Шхерах Эйвинд Турий Рог убивает Торгаута и осенью вручает конунгу Олаву Харальдсону «его драгоценности».

Информация этого рассказа заслуживает самого пристального внимания. Во-первых, речь здесь идет о русско-норвежской торговле (как и в «Пряди о Хауке Длинные Чулки». См.: Королевские саги 1. С. 88-94), что очень существенно, поскольку в русских письменных источниках отсутствуют какие-либо сведения об отношениях с Норвегией вплоть до XIV в. (см. ниже 6.2).

Во-вторых, он позволяет установить предметы русско-норвежской торговли, а именно те товары, которые скандинавы покупали в Новгороде: это драгоценные ткани, дорогие меха, роскошная столовая утварь. Одной из главных целей торговых поездок скандинавов на Русь можно считать приобретение для конунгов

²² Прозвище «Гардский» (*gerzkr*), образованное от наименования Руси *Garðar*, носят в сагах купцы, плавающие на Русь. Кроме Гудлейка Гардского известен, например, Гилли Гардский, которого «называли самым богатым из торговых людей» («Сага о людях из Лаксадаля»).

и знати тканей византийского производства, поступление которых из Византии на Русь засвидетельствовано как археологическими, так и лингвистическими данными. Вывоз тканей из Византии русскими купцами регламентируется в договоре Руси с Византией 944 г. «Прядь о Хауке» отмечает присутствие на новгородском торгу грека, торгующего изделиями из драгоценных тканей. Кроме византийских тканей, на Русь поступали восточные ткани, привозимые купцами с юга и юго-востока из Булгара и также находимые на Скандинавском полуострове.

Весьма характерным предметом новгородского экспорта были меха. Как свидетельствуют письменные памятники IX–XIII вв., русские меха были хорошо известны в Византии, Германии, Франции, Англии, а также в Хорезме. Показателем масштабов меховой торговли Древней Руси может служить наличие в ряде европейских языков заимствованного из древнерусского языка слова *соболь*. Указание на то, что следует понимать под «роскошной столовой утварью», содержат, как кажется, материалы из раскопок в Новгороде. Это ближневосточная керамика иранского производства (из центров Рея, Кашана и др.), произведения византийского художественного ремесла, возможно, местная новгородская посуда.

В-третьих, приведенный текст содержит и еще одно важное свидетельство: по пути на Русь норвежские купцы «стояли некоторое время у Готланда». Ценность такой ремарки велика в свете той роли, какую Готланд играл на торговых путях Балтики. В раннем и позднем средневековье этот остров являлся средоточием балтийской и международной торговли, как бы промежуточным пунктом на торговых путях, пересекавших Балтийское море, на что указывают не только письменные источники, но археологические и особенно нумизматические материалы. В русских источниках самое раннее свидетельство торговых контактов Новгорода и Готланда содержится в Новгородской I летописи, где под 1030 г. сообщается, что «въ се же лето, идуще и-заморья Готь, потопа лодии 7, и сами истопоша и товаръ, а друзии вылеззоша, нъ нази» (НПЛ. С. 22). Исследователи склонны считать, что нашедшая отражение в источниках система взаимоотношений Новгорода с Готландом возникла еще в XI в.

Наконец, в тексте упомянуто «товарищество» (*félag*), в которое вступают Олав и Гудлейк. Это едва ли не древнейшее упоминание ранних купеческих объединений, сведения о которых присутствуют во многих источниках (см. ниже 6.4).

6.2. ДРЕВНЕЙШИЙ ДОГОВОР РУСИ И НОРВЕГИИ

Правовое оформление торговых отношений между Древней Русью и скандинавскими странами, по общему мнению, возникает в XII в., к концу которого (1191— 1192 гг.) относится первый сохранившийся договор между Новгородом и Готским берегом (г. Висбю на Готланде). В нем, однако, упоминается более ранний («старый») мир. Этот гипотетический договор (или договоры) не оставил следов в древнерусских письменных источниках. Однако в одной из исландских саг содержатся косвенные указания на то, что во времена Олава Харальдссона существовал торговый мир с Русью. Они вплетены в рассказ о торговой поездке на Русь двух братьев, Бьёрна и Карла. Поездка братьев состоялась во время пребывания в 1029—1036 гг. у Ярослава Мудрого Магнуса, сына Олава Харальдссона, и рассказ о ней составляет один из эпизодов повествования о жизни Магнуса на Руси и о его возвращении в Норвегию.

Пребывание Магнуса на Руси описано в ряде королевских саг, но с разной степенью подробности. Сокращенный вариант повествования, в котором отсутствует рассказ о поездке Бьёрна и Карла, представлен в «Саге об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона, поскольку в «Саге о Магнусе Добром» действие начинается с возвращения Магнуса в Норвегию. Пространная версия, описывающая в том числе и поездку братьев, отражена в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе», включенной в своды саг «Гнилая кожа» и «Книга с Плоского острова» (где сага написана на дополнительных листах второй половины XV в.), а также в отдельной «Саге о Магнусе Добром» и компиляции «Хульда» (XIV в.). Текст «Гнилой кожи», наиболее ранний, был использован в той или иной степени практически всеми последующими компиляторами, и рассказ о пребывании Магнуса на Руси в «Книге с Плоского острова» и в «Хульде» почти не отличается от «Гнилой кожи».

Этот рассказ состоит из четырех эпизодов. Первый объясняет причину приезда Магнуса на Русь в качестве воспитанника Ярослава и отражает древнескандинавскую литературную романтическую традицию о браке Ярослава и Ингигерд (см. выше 4.1). Второй эпизод рассказывает о пребывании малолетнего Магнуса на Руси (согласно виле Арнора Скальда Ярлов, Магнус вернулся в Норвегию в возрасте 11 лет) и состоит из ряда традиционных «героических» мотивов (см. выше 3.1). Третий эпизод со-

держит интересующий нас рассказ о поездке на Русь братьев Бьёрна и Карла (Msk. 3-5; лагуна восполняется по Flat. III 253–256; также Fms. VI, 7–10). Четвертый — освещает события, непосредственно предшествующие и обусловившие возвращение Магнуса в Норвегию: приезд знатных норвежцев с приглашением Магнуса на трон и их отъезд в Норвегию. Собственно поездка Бьёрна и Карла рассматривается составителем «Гнилой кожи» как исходный момент подготовки возвращения Магнуса: имени они становятся главными сторонниками юного претендента на трон и уговаривают норвежцев отправиться на Русь за Магнусом. Таким образом, третий и четвертый эпизоды тесно связаны по содержанию. Отличает их от предшествующих эпизодов отсутствие стереотипов, сюжетных мотивов и образов, традиционных как для саг вообще, так и для рассказов о пребывании скандинавов на Руси. Только из этих эпизодов, видимо, содержащих, по его мнению, достоверную информацию, отобрал материал Снорри Стурлусон, использовавший при составлении «Круга земного» «Гнилую кожу»: он включил (в сильно сокращенном виде) рассказ о поездке норвежского посольства на Русь.

Третий эпизод, повествующий о поездке Бьёрна и Карла, занимает в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» особую главу. Ее название «О немирье между конунгами Свейном и Ярицлейвом» описывает, однако, не непосредственные события, изображаемые в главе, как это обычно для саг, а ту политическую ситуацию, в которой происходят изображаемые события. Действительно, вражда Ярослава к сыну Кнута Великого Свейну, назначенному правителем Норвегии после смерти Олава Харальдссона, упоминается неоднократно и является своеобразным лейтмотивом главы.

Глава открывается характеристикой ситуации: «Вот нет мира между Свейном сыном Альвивы и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв думает, что норвежцы предали святого конунга Олава, и в течение некоторого времени между ними не было торгового мира (*caupfríðr*)». Далее рассказывается, что, невзирая на то, что «ныне эта поездка не может быть названа безопасной, потому что между Свейном и конунгом Ярицлейвом несогласие и нет мира между ними», братья Бьёрн и Карл отправляются в торговую поездку в Аустрвег (*i Austrveg caupferð*). Прибыв в «большой торговый город», они оказываются под угрозой нападения местных жителей, опознавших в них

норвежцев, и вынуждены отправиться к Ярославу, который сначала намеревается казнить их, как ранее других норвежцев, но затем освобождает их по просьбе Магнуса, оставляет у себя на зиму и весной отправляет в Норвегию. Так, определенная в начале главы ситуация «отсутствия мира» вообще и «отсутствия торгового мира» в частности детализируется в конкретном развитии сюжета (Msk. 5—7).

Согласно тексту саги, отсутствие торгового мира обусловлено враждой Ярослава и Свейна, в условиях которой Ярослав, очевидно, запретил торговлю с норвежцами. Местные жители нападают на купцов, лишь узнав, что купцы прибыли из Норвегии. Как следует из рассказа об их пребывании в «большом торговом городе» (Ладоге?), купцы не имеют гарантий личной безопасности и могут подвергнуться безнаказанному нападению местных жителей, быть ранены или даже убиты ими, а их товары разграблены. Получить гарантию личной безопасности, равно как и разрешение на свободную торговлю Бьёрн и Карл могут лишь у Ярослава, верховного правителя Руси. Возможность подобной ситуации в отсутствие торгового мира подтверждается содержанием понятия *kaupfriðr*, «торговый мир». Оно встречается в нескольких сагах. Из их контекста следует, что торговый мир устанавливается конунгом или местным правителем, т.е. его введение является государственной акцией. Мир дается на определенный срок и может распространяться как на всех купцов, так и лишь на некоторых лиц. Давая торговый мир, конунг гарантирует личную безопасность купцов и сохранность их товаров, а также право торговать (в установленных местах?). Действие торгового мира может распространяться, видимо, либо на все государство, либо на определенную область, либо на торговый город.

Упоминание в саге резко враждебного отношения Ярослава к Свейну, наместнику в Норвегии главного врага Олава Харальдссона Кнута Великого, а также ко всем норвежцам из-за их «предательства» Олава, предполагает, что ранее, во время правления Олава, между Русью и Норвегией существовали дружественные отношения. Это подтверждается и тем, что Олав, спасаясь от Кнута, избрал местом убежища Русь Ярослава.

Указание на отсутствие торгового мира при Свейне (это единственный случай упоминания в сагах разрыва торговых отношений с Русью, хотя подобное, очевидно, случалось не раз: так, в 1188 г. новгородские власти запретили новгородским купцам ехать на Готланд, а скандинавские купцы были отпущены из Нов-

города «без мира» и без сопровождения, что ставило под угрозу их безопасность), как кажется, говорит о существовании такового в предшествующее время, т.е. во времена Олави (1014—1028 гг.) Более того, это и один из немногих случаев, когда торговые отношения предстают не как индивидуальное предприятие того или иного скандинава (таково обычное изображение торговых поездок на Русь в сагах), а как государственное дело.

Таким образом, представляется правомерным предположить, что во время правления Олава Харальдссона был заключен торговый мир с Русью, обеспечивавший свободную торговлю и безопасность норвежских купцов на Руси. Однако до 1022 г. Ярослав находился в дружественных отношениях с англо-датским правителем Кнутом Великим, главным противником Олава на Балтике, и шведским конунгом Олавом Шётконунгом, отцом Ингигерд, который также был с Олавом во вражде (см. 4.1). Вероятно, недружественны были отношения Олава Харальдссона и с Ярославом, поскольку в это время на Русь приходят норвежцы — противники Олава (в частности, Эймунд Хрингссон). Политическая ситуация резко меняется после смерти Олава Шётконунга и прихода к власти в Швеции Анунда-Якоба, который вступает в союз с Олавом Харальдссоном против Кнута. Лишь после этого Ярослав, постоянно находившийся в дружественных отношениях со Швецией, мог сменить свои политические ориентации и установить связи с Норвегией. Особенно важна была для Ярослава поддержка северных соседей в период обострения борьбы за киевский стол с Мстиславом в 1023—1024 гг.: не случайно в битве при Листвене на его стороне участвует отряд варягов, возглавляемый неким Якуном (Хаконом), которого ряд исследователей отождествляет с норвежским ярлом Хаконом из Хладира. Не было ли сближение Руси с Норвегией обусловлено именно потребностью Ярослава в военной поддержке, которую в тот момент Анунд-Якоб оказать ему не мог из-за внутривнутриполитических проблем в самой Швеции?

Открывшаяся возможность сближения с Русью была крайне важна и для Олава Харальдссона: традиционные торговые связи Норвегии с Англией были прерваны Кнутом, королем одновременно и Дании, и Англии. Единственным открытым для норвежских купцов путем был путь на восток в Балтийское море, и Новгород, крупнейший центр балтийской торговли, не мог I не рассматриваться как наиболее выгодный торговый партнер: 1

не случайно «Сага об Олаве Святом» содержит целый ряд упоминаний о торговых поездках норвежцев на Русь, в части из которых Олав принимает участие деньгами в качестве компаньона (*félagi*; см. ниже 6.4).

Можно предположить, таким образом, что «Сага о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» донесла до нас информацию о неизвестном по другим источникам торговом договоре, заключенном между 1024 и 1028 гг. Ярославом Мудрым и Олафом Харальдссоном.

6.3. ГОТСКИЙ ДВОР И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

В 1269 г. был составлен проект договора (сохранился на немецком языке) о правилах ведения торговли между новгородским князем Ярославом Ярославичем и представителями Любека, **важнейшего** ганзейского центра, и Готланда. В нем неоднократно упоминался Готский двор.

«Возчикам в Новгороде брать с каждой ладьи за перевозку в Новгороде с берега... в Готский двор — 10 кун... А придет кто-нибудь с острым оружием... в Готский двор и там ранит кого-нибудь или возьмет товар, а поймут его, то вести его на суд и судить по преступлению... А порубят ворота или тын, то судить по преступлению; и где был издавна тын вокруг двора, там, если старый тын вырвут, поставить новый и не захватывать больше. Где есть луга... у готов, ими владеть им там, где они обьявят» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 31). Чуть более поздний проект договора на латинском языке определяет владения Готского двора: «Готский двор с церковью и кладбищем св. **Олава**».

В середине XIII в., таким образом, в Новгороде существует подворье готландских (и, вероятно, не только готландских, но и всех скандинавских) купцов; оно находится поблизости от Волхова (плата за перегрузку товаров с ладей на двор меньше, чем установленная плата для другого торгового двора, Немецкого). Территория двора огорожена и обладает правом экстерриториальности. При дворе имеется церковь св. Олава и кладбище, кроме того, двор владеет угодьями (лугами). Перед нами картина сложившегося купеческого подворья, где останавливаются и хранят свои товары иноземные купцы, подворья, находящегося под особой юрисдикцией местных властей и защищенного специальными установлениями.

Существование Готского двора подтверждается и археологическими источниками. Его территория действительно находилась практически на берегу Волхова на Торговой стороне и за-

нимала довольно обширную площадь (исследована только **небольшая** часть ее из-за современной застройки). По археологическим данным, возникновение Готского двора относится к началу XII в.

При всем обилии сведений о торговле с Новгородом скандинавские источники не содержат упоминаний о Готском дворе. Однако церковь св. Олава им хорошо известна. Она названа уже в среднешведской рунической надписи 1070-х — 1090-х годов:

«Руна велела сделать [этот] памятник по Спяльбуду и по Свейну, и по Андветту, и по Рагнару, сыновьям своим и Хельги; и Сигрид по Спяльбуду, своему супругу. Он умер в Хольмгарде в церкви [святого] Олава. Эпир вырезал руны» (Рунические надписи. № 89).

С середины XII в. в Новгородской I летописи неоднократно упоминается в связи с пожарами варяжская божница.

Церковь оказывается также в центре двух рассказов о чудесах св. Олава: в одном — ее священник спасает Новгород от опустошительного пожара, вынеся из церкви изображение Олава, в другом — немой ремесленник-варяг обретает речь, заснув в церкви св. Олава и увидев святого во сне. Создание этих новелл о чудесах св. Олава было связано, очевидно, с основанием храма, патроном которого он являлся. Обе они — в отличие от других многочисленных рассказов о его чудесах — служат прославлению не только самого святого, но, в первую очередь, церкви, посвященной ему: чудеса происходят после обращения страждущего к священнослужителю, а не к святому. Распространение культа св. Олава в Новгороде происходит практически сразу после смерти Олава Харальдссона в 1030 г. (см. ниже 7.3), а вскоре после на Руси оказывается сводный брат и сторонник Олава, Харальд Суровый Правитель, пребывание которого в Новгороде не могло не усилить культа святого. Видимо, именно с Харальдом можно связывать основание церкви св. Олава в Новгороде и датировать это событие **1030-ми—началом** 1040-х годов.

Однако существование церкви еще не означало учреждения торгового двора. В XI–XII вв. купеческая церковь вместе с относящимися к ней постройками сама по себе представляла важнейший элемент на торговых коммуникациях Балтики. В ней отводилось место для хранения товаров. Являясь священным местом, она в какой-то мере оберегала купцов и их товары от нападений и грабежа. В надворных постройках купцы могли найти приют, а с помощью священнослужителей, длительное время находившихся в городе, они могли познакомиться с местной обстановкой. Церковь св. Олава, патрона заморской торговли, не-

сомненно служила купцам, приезжающим с Готланда и из других скандинавских стран, и в этом качестве могла являться предшественницей купеческого двора.

Вместе с тем есть свидетельства и того, что еще задолго до основания церкви в Новгороде существовало некое подворье, предназначенное для варягов. В Новгороде конца X — первой половины XI в. постоянно находился большой или меньший контингент скандинавов: дружинников новгородских князей и наместников великого киевского князя, новоприбывших искателей богатства и славы, торговых людей. Особенно широко, как мы знаем, привлекал их на свою службу Ярослав Мудрый. Но, как это ни парадоксально, археологические находки скандинавских вещей в Новгороде крайне немногочисленны (в отличие от Городища и Ладоги). Противоречие между материальными свидетельствами и данными письменных источников не находит иного объяснения, кроме предположения, что скандинавы не были рассредоточены по городу, а жили, по крайней мере большинство из них, в каком-то одном месте.

И действительно, под 1016 г. более кратко в «Повести временных лет» и более подробно в Новгородской I летописи рассказывается о бесчинствах варягов Ярослава в Новгороде и их избиении новгородцами на «Поромоне дворе». Название *Поромонь дворъ* наиболее удачно объясняется из древнескандинавского слова *farmenn* — мн. ч. от *farmaðr*, «путешественник, мореплаватель; купец, ведущий заморскую торговлю». Купеческие дворы в торговых центрах нередко назывались производным от него словом *farmannagarðr*, т.е. точным соответствием летописного наименования. Можно поэтому предполагать, что летописный Поромонь двор и был тем самым местом, где обитали варяжские наемники Ярослава и где останавливались приезжавшие скандинавские купцы. Заманчиво связать этот двор с «палатами», построенными Ярославом для Эймунда и его дружины примерно в это время (1015–1016 гг.), о чем рассказывается в «Пряди об Эймунде» (см. выше 3.2). По условиям договора, который Ярослав заключает с Эймундом при найме его на службу, Ярослав обязуется дать ему и его дружине дом, что позднее и делает: «Ярицлейв конунг велел выстроить им каменный дом и хорошо убраться драгоценной тканью» (Королевские саги 2. С. 94, 108). Возможно, воспоминания об этой палате отразились в вымышленном эпизоде ссоры Ярослава и Ингигерд в своде королевских саг «Гнилая кожа» (см. выше 4.1).

Таким образом, совокупность древнескандинавских, древнерусских, ганзейских источников позволяет более или менее уверенно реконструировать основные этапы истории скандинавского подворья в Новгороде: палаты, построенные Ярославом для своих дружинников-варягов ок. 1016 г., церковь св. Олава, основанная, вероятно, в 1030-х — начале 1040-х годов, Готский двор с особой юрисдикцией и разнообразными владениями в XII в.

6.4. «ГРАНИ СДЕЛАЛ ЭТОТ ХОЛМ ПО КАРЛУ, СВОЕМУ СОТОВАРИЩУ»

В приведенном в начале этой главы тексте рассказывается среди прочего о том, что, узнав о поездке Гудлейка в Гарды, «конунг Олав послал ему слово, что он хочет встретиться с ним. И когда Гудлейк приехал к нему, говорит ему конунг, что он хочет вступить с ним в товарищество, попросил его купить себе те ценные вещи, которые трудно достать там в стране... Тогда конунг повелел выплатить ему столько денег, сколько ему казалось необходимым». «Товарищество» обозначается здесь термином *félag*, а «сотоварищи» — термином *felagi*. Что же представляло собой это «товарищество» и какую роль оно играло в торговле с Русью?

Слово *félagi* имеет в древнескандинавских источниках (рунических надписях, сагах, судебниках) несколько значений: наиболее широкое — «друг, товарищ, приятель», и более узкое, при котором оно обозначает объединение имущества несколькими людьми на время викингского похода, соединяющее их более тесными узами, нежели внутридружинные связи, приближающимися к отношениям побратимства. Очевидно, в этом значении слово не являлось термином, так как оно могло использоваться как синоним к обозначениям дружины и вообще военного отряда. Однако дальнейшее развитие семантики слова привело к его терминологизации для обозначения товариществ купцов, и в сагах и судебныхниках оно представлено уже в этом значении.

О «вступлении в товарищество» при торговых поездках, в том числе на Русь, говорится во многих сагах. Собираясь поехать для торговли в какую-либо страну, двое или несколько человек договариваются о совместном обеспечении поездки: покупке корабля и его оснащении, приобретении товаров для торговли или внесении денег для закупки ценных предметов. Каждый из «сотоварищей» оплачивает определенную часть расходов. Достигнутая договоренность о «товариществе» не может быть ви-

доизменена: так, в «Саге об Одде Стреле» брат Одда отказывается взять его на корабль, потому что «товарищество» уже заключено. Соответственно внесенной части расходов (деньгами, товарами или кораблем) распределяется и прибыль после похода: «После этого Кьяртан купил половину корабля у Кальва, и они договорились делить все добро пополам», рассказывается в «Саге о людях из Лососьей Долины» (гл. 40). В «товариществе» участвуют обычно два-три человека, как правило, не связанные родственными узами, более того, это могут быть жители разных скандинавских стран. Не всегда все «сотоварищи» участвуют в поездке: один из них может лишь вложить в нее деньги или товары. «Товарищества» образовывались для ведения международной торговли, но на короткий срок — одну поездку.

Более четко имущественный и правовой статус «товарищества» определяется в древнейших судебныхниках Исландии («Серый гусь») и Норвегии («Законы Гулатинга»). Первый, записанный в конце XII в., посвящает ряд статей в разделе о наследстве имущественным отношениям, возникающим после смерти одного из компаньонов между его компаньонами и его родственниками.

«Если люди заключили товарищество здесь в стране (Исландии. — *Авт.*) и уехали, и один из них умер, то пусть он (оставшийся в живых. — *Авт.*) не делит совместного имущества до встречи с наследниками. Пусть он использует все имущество, как было договорено... Если они становятся сотоварищами за пределами страны, то пусть он (оставшийся в живых. — *Авт.*), если хочет, не оставляет дел неразделенными, но оценит имущество, как будто он родич умершего» (Gragas. Hafniae, 1867. S. 211–212).

«Наследством сотоварища называется, когда люди имеют общий кошель, и, [если] один умрет, то другой должен держать и владеть [имуществом], пока он жив, если оно не больше трех марок. А если больше, то он имеет половину, а половину конунг, если наследники не объявятся в течение трех лет» (Norges gamle lov. Christiania, 1846. B. 1. S. 50).

Положения судебныхников не только подтверждают описания саг, они существенно дополняют их. Во-первых, смерть одного из компаньонов не кладет конец деятельности второго, который до встречи с наследниками имеет право распоряжаться совместным имуществом, т.е. компаньоны являются доверенными лицами друг друга. Во-вторых, при отсутствии кровных родственников компаньоны становятся наследниками друг друга, приобретая право на все совместное имущество, как внесенное при образовании «товарищества», так и на полученную прибыль. Наряду с экономическими, компаньоны оказываются — в глазах общества — и в более тесных социальных отношениях. Об этом свидетельствует, в первую очередь, то, что они составляют единствен-

ную значительную по количеству категорию заказчиков **рунических** памятников, помимо родственников. Именно таким «сотоварищем» погибшего Карла был Грани, который установил в память камень с надписью на о. Березань (приведена в заголовке этого раздела): вероятно, оба совершали торговую поездку в Византию (Рунические надписи. № 139). О близости компаньонов свидетельствует и квалификация убийства «сотоварища» как *níðingsverk* — наиболее тяжкий вид преступления, к которому относятся убийство родича, предательское убийство, тайное убийство и т.п. Повинный в таком преступлении обычно приговаривался к изгнанию или объявлялся вне закона.

Упоминания об образовании «товариществ» при поездках на Русь, довольно многочисленные в сагах, освещают еще один аспект русско-скандинавской торговли. В XI в. она приобретает все более и более упорядоченный характер. Торговые договоры регламентируют ее ведение, гарантируют безопасность купцов и их товаров. Возникновение торговых дворов создает условия для регулярной торговли. Наконец, появление пусть еще примитивных купеческих объединений создает коллективную ответственность компаньонов во время торговых поездок, позволяет гарантировать купцу получение прибыли им самим или его наследниками, вовлекает в торговые отношения с Русью значительное количество людей, которые не могут или не хотят пускаться в опасные плаванья.

ГЛАВА 7. ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ИСТИННОЙ ВЕРЕ

Вопросы конфессиональные редко интересовали авторов саг. Но и в этом случае их внимание сосредоточивалось по преимуществу на положении христианства в самих скандинавских странах: его введении и распространении, причем, как правило, в связи с деятельностью того или иного конунга. Лишь после начала крестовых походов в Северо-Восточную Прибалтику для них стали актуальны отношения христианских и языческих народов, а вместе с ними и проблемы взаимодействия язычества и христианства. Им посвящаются специальные произведения (как, например, «Сага о крещении»), но чаще — новый смысл обретают традиционные сюжеты, которые начинают интерпретироваться с позиций миссионерства, и противопоставление **язычни-**

ков и христиан приобретает глубокое мировоззренческое значение.

В рассказах о христианизации скандинавских стран нередки упоминания об английских миссионерах, о принятии крещения викингами в Англии или во Франции, о встречах викингов с монахами или священнослужителями на Западе и Юге Европы. Отсутствие восточнохристианских реалий в сагах парадоксально противоречит сведениям древнерусских источников о варягах, принявших христианство в Византии во время военных или торговых походов: уже часть воинов Игоря в 944 г. **клянется** при заключении договора в церкви св. Ильи (в Киеве?). **Первыми** русскими святыми мучениками также становятся варяги — отец и сын, вернувшиеся в Киев из Византии. Влияние восточного христианства прослеживается и в археологическом материале, но почти исключительно в Средней Швеции. Может быть, и этом и кроется причина незнания авторов саг — жителей Исландии и Норвегии — с восточным путем проникновения христианства в Скандинавию.

Однако при обращении к архаичным и традиционным сюжетам, связанным с Восточной Европой, наблюдается обратная картина. Контакты с западным христианством предстают в сагах как отдельные эпизоды, хотя и довольно многочисленные, но не складывающиеся в какую-либо систему, а сами страны на Западном пути воспринимаются как исконно христианские. Русь, напротив, как и сами скандинавские страны, находится на перепутье между язычеством и христианством и во временном отношении (крещение, рубеж между двумя эпохами, происходило одновременно и на Руси, и в скандинавских странах), и в пространственном (финские народы на северо-западе отделяли христианскую Русь от христианской Скандинавии). Более того, как и другие события ранней истории, Восточной Европы (до конца X в.), крещение отдельных групп варягов отражается в сагах (за редкими исключениями) в виде смутных припоминаний (см. выше гл. 2).

7.1. Путь на восток — путь к христианству?

Согласно «Саге об Одде Стреле», ее главный герой — сын одного из представителей норвежской родовой знати — проводит отпущенный ему судьбой трехвековой срок, странствуя по све-

ту и совершая викингские подвиги. Одд становится в конце жизни правителем обширной территории, включающей в себя древнерусские княжества, земли Северной Руси и Восточной Прибалтики. Наряду с традиционной для древнеисландских саг темой жизни ради приобретения богатства и успеха, в саге можно проследить идею борьбы христианской церкви против язычества. Создавая сагу в период целенаправленной борьбы с язычеством, магией и колдовством, провозглашенной исландской церковью, анонимный автор последовательно ведет своего героя через многочисленные препятствия к истинной вере — вере в Создателя. В саге показаны этапы движения Одда к христианству. Воспитывавшийся с детства в доме, где традиционно поклонялись древнескандинавским языческим богам — Одину, Тору и Фрейру, Одд, вопреки наставлениям своих приемных родителей, не воспринял культа и полагался исключительно на свою силу и мощь.

Поклонение богам, однако, — это лишь одна сторона языческого мировоззрения. Другая, связанная с взаимоотношениями человека с природой и окружающим миром, включала магию, кудесничество, колдовство, ведовство в число обыденных явлений. Одд широко пользуется всеми теми магическими предметами (заколдованными стрелами, волшебной рубашкой и проч.), которые предоставляют ему благоволящие к нему сверхъестественные существа. Вместе с тем походы героя в Лаппланд, Бьярмаланд, Рисаланд (Страну великанов), Бьялкаланд и другие страны, как реально существовавшие, так и вымышленные, свидетельствуют о том, что препятствия, возникающие на пути Одда, создаются неземными магическими силами, и борьбу с ними следует рассматривать как символическое изображение борьбы с язычеством. Не случайно одним из первых подвигов героя, прославившим его, было разрушение языческого святилища бьярмов: из текста ясно, что Одд стремится не столько к приобретению добычи (как традиционно мотивируется этот эпизод в других сагах; см. выше 1.6), сколько к тому, чтобы как можно больше досадить бьярмам.

Идеи борьбы с языческим культом и верой в магию логически соединяются в тексте саги с мыслью о необходимости принятия христианства. Во время одного из походов по странам Западной Европы Одд и его единомышленники оказываются на Сицилии, где попадают в христианский храм и постигают правоту новой религии. Серия поступков Одда, последовавшая за

принятием истинной веры, характеризует героя как яркого христианина, разрушающего языческие храмы и жертвенники, поносящего и хулящего языческих богов, осуществляющего поход и Святую Землю и Грецию, совершающего месть за убитого на его глазах епископа.

Резким контрастом эпизодам, демонстрирующим победу истинной веры, выступает рассказ о походе Одда на Русь, фактически завершающий повествование о странствиях героя. Сага сообщает, что, уже будучи обращенным в истинную веру, герой женится на дочери конунга Хольмгарда — Новгорода и после его смерти становится номинальным властителем всей Руси. Однако в действительности Русью правит злейший враг Одда, викинг и колдун, а следовательно, язычник Эгмунд, наделенный от рождения сверхъестественными способностями. <? девятью десятками кораблей Одд выступает против многочисленного вражеского войска, собранного колдуном со всей Руси, но победа не приходит. Не смог Одд выиграть бой, и выйдя один на один с врагом. Силы противников равны. Язычник правит Русью, но в конце концов власть в стране переходит к христианину Одду и его потомкам.

Косвенное объяснение рассказа о языческом правлении на Руси мы находим здесь же в тексте. Одд, по хронологии саги, умирает через четыре года после начала правления в Норвегии Олава Трюггвасона, т.е. ок. 999 г. Княжение Одда на Руси, таким образом, отнесено автором текста к концу X в. Клирик, составивший произведение и, вероятно, имевший некоторое представление о времени принятия христианства на Руси, изобразил Русь времен Одда на переломе от язычества к христианству, образно осмыслив смену религий как борьбу двух героев.

7.2. ЯЗЫЧНИКИ И ХРИСТИАНЕ НА «ВОСТОЧНОМ ПЯТИ»

Образ «жителей Восточного пути» расплывчат, но имеет, наряду с этнической, конфессиональную характеристику. «Восточный путь» в целом предстает в сагах как языческий мир, хотя и отличный от северного царства языческого колдовства и магии — Бьярмаланда и Финнмарка. Язычество «жителей Восточного пути» проявляется в том, что там нередко встречаются люди, обладающие «духом фитона», т.е. способные к предвидению («и зовется это в книгах духом фитона, когда пророчество-

вали язычники», — говорится в саге). Вероятно, phitons andi - ошибочная передача латинского *spiritus pythonicus*, «пророческий дар», употреблявшегося в поздней латыни для обозначений мудрости и колдовства.

По «Саге об Олаве Трюггвасоне», старуха-пророчица, мать конунга Вальдамара (князя Владимира Святославича), предсказывает рождение Олава Трюггвасона (Олав родился в 968 г.) и его скорое прибытие в Гардарики (на Русь). Исследователи усматривают здесь сходство с библейскими пророчествами перед рождением Христа. Некие прорицатели («в это время было в Гардарики много прорицателей, тех, которые знали о многом») обнаруживают появление на Руси духов-хранителей юного Олава (он попал на Русь в 977 г.). Теми же провидческими способностями обладает и княгиня Аллогия — жена конунга Вальдамара. Вновь исследователи усматривают здесь заимствования из Библии (подробнее см.: Королевские саги 1. С. 185—188).

Саги сохранили литературный отклик на христианизацию Руси. Время Владимира Святославича (конунга Вальдамара) описывается авторами саг как время христианизации Руси. Саги отмечают участие варягов (норвежского конунга Олава Трюггвасона) в крещении Владимира. Христианство, как это зафиксировано в сагах, приходит на Русь из Византии: Олав привозит на Русь из Греции епископа Павла, который и обращает в христианство Вальдамара и его людей.

В двух редакциях «Саги об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда и в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» встречается рассказ об участии Олава в крещении конунга Вальдамара (князя Владимира Святославича) и всех людей в Гардарики (на Руси).

Олаву, по саге, было видение, из которого следовало, что конунга Вальдамара и княгиню, и «многих людей, которые верили в деревьям идолам», ждет мучение. «После этого велел Олав своему войску собираться в путь оттуда. "И хочу я теперь плыть в Гиркланд". Так он и делает, и дует ему попутный ветер, и приплыл он в Гиркланд. И встретил там славных проповедников и хорошо верующих, которые открыли ему имя господина Иисуса Христа. Обучился он теперь той вере, которая была ему ранее возведена во сне. Затем он встретил одного превосходного епископа и просил его дать ему святое крещение, которого он давно вожделем и которое позволило бы ему присоединиться к христианам, и было затем ему дано *prima signatio*. И затем просил он епископа отправиться с ним в Русию и провозгласить там имя Божие языческим народам. Епископ дал обещание, что приедет, если он поедет сам, поскольку тогда сам конунг будет меньше противиться и другие знатные хёвдинги, но будет оказывать ему помощь, чтобы успех был достигнут и Божье христианство стало сильнее. Затем уехал Олав прочь и назад в Русию, и был он теперь, как и раньше, очень хорошо принят. Находится он теперь там некоторое время. Он часто говорит ко-

нунгу и княгине, чтобы они поступили в соответствии с тем, что им подобает. И много прекраснее вера, когда веруешь в истинного Бога и творца своего, который сделал небо и землю, и все, что им сопутствует. Он говорит также, как мало приличествует тем людям, которые являются могущественными, заблуждаться в таком великом мраке, чтобы верить в тех богов, которые не могут оказать никакой помощи, и отдавать этому все время и силы. "Можете Вы также понять, благодаря Вашей мудрости, что истинно то, что мы провозглашаем. И я никогда не перестану проповедовать Вам истинную веру и слово **Божие**, чтобы Вы могли дать плоды для истинного Бога". И хотя конунг долго сопротивлялся и говорил против того, чтобы оставить свою веру и тех идолов, но все же понял он благодаря Божьей милости, что многое отличало ту веру, которая была у него, от той, которую проповедовал Олав. Также ему часто прекрасно напоминали, что все то было языческим заблуждением и суеверием, с чем они прежде имели дело, а христиане веруют лучше и прекраснее. И благодаря благотворным речам княгини, которые она произносила по этому поводу при помощи милости Божьей, согласился тогда конунг и все его мужи принять святое крещение и правую веру, и был там крещен весь народ» (Королевские саги 1. С. 129, 138-139, 143-144, 147-148, 170-172, 179-182).

Введение мотива крещения Руси принадлежит монаху Одду. Автор «Большой саги» следует за Оддом, несколько дополняя его (в частности, вводя рассказ о тинге в Гардах, на котором обсуждалось принятие христианства). Отношение к этому известию саги Одда в историографии было самым различным. Так, Н.Баумгартен принял, с оговорками, версию саги. Он не отрицал участия Олава в крещении Владимира, но и не находил данных для определения степени этого участия. А.Бугге полагал, что Олав не мог привезти из Греции епископа Павла и участвовать в крещении Руси, поскольку Владимир крестился в 988 г., когда Олав уже покинул Русь. Сновидение Олава **Бугге** считал легендой и сравнивал его с видением Иакова. Е.А.Рыдзевская рассматривает вторую поездку Олава на Русь и его участие в крещении Руси как совершенно недостоверный рассказ, который не имеет значения для истории крещения Руси. И.П.Шаскольский считает, что версия саги, принятая некоторыми историками, «не выдерживает серьезной критики». Ее отвергают также многие другие ученые. Подробнее см.: Королевские саги 1. С. 206-208.

По мнению Рыдзевской, Одд сделал Олава участником обращения Руси и посредником между Русью и Грецией в целях возвеличения своего героя; «в основе он использовал здесь, с одной стороны, исторические связи скандинавов с Византией и Русью, а с другой — предание о крещении Руси из Греции, которое было связано с именем Владимира и могло быть известно на скандинавском Севере».

Итак, древнескандинавская литература знает Византию как центр восточного христианства и исходную точку распространения его на Русь во время Владимира Святославича. Более того, вероятность некоторого посредничества скандинавских викингов тоже полностью исключить нельзя. Варяги, служившие в дружинах древнерусских князей и ездившие в Византию в качестве купцов и дипломатов, принимали христианство в Византии (как принял его два первых русских святых мученика — варяга, о которых рассказывает «Повесть временных лет»). Новообращенные христиане могли оказывать некоторое влияние на тот слой древнерусского общества, с которым они были теснее всего связаны, т.е. на княжескую и во-

енно-торговую среду. Однако установить их роль в обращении Владимир» Святославича невозможно.

Время Ярослава Мудрого (конунга Ярицлейва) воспринимается как христианское. Снорри Стурлусон рассказывает о предложении, сделанном Олаву Харальдссону конунгом **Ярицлейвом** и его женой Ингигерд в тот момент, когда Олав собрался отправиться назад в Норвегию, — остаться у них и взять в **управление** «то государство, которое зовется Вулгария, и это часть **Гар** дарики, и был народ в той стране языческий». Принято считать, что упоминание этой страны, не подвластной русскому правителю, достаточно фантастично; единственное, что мог предпринять Ярослав, — позволить Олаву отправиться в Волжскую Булгарию, важный центр торговли с Ближним и Средним Востоком. **«Язычество»** жителей Булгарии объясняется тем, что для авторов с любой нехристианин, в том числе и мусульманин, был **«язы** никой» (Королевские саги 2. С. 183, 200).

«Восточный путь» (в отличие от принявшей христианство Руси) остается языческим на протяжении всей отразившейся в сагах истории. В конце X в., по «Саге об Олаве Трюггвасоне», Олав жил при дворе конунга Вальдамара, «и была у него тогда большая жина, он воевал тогда с языческими народами и всегда побеждал, ездил он повсюду в Аустрвеге и подчинял там себе народ». К **10-м** годам XI в. относится известие «Саги об Олаве Харальдссоне» о том, как этот конунг встретил пророчицу в Аустрвеге «в языческой стране». Однако по преимуществу поездки по «Восточному пути» в **X—XI** вв. описываются как предприятия в поисках наживы.

Для XII в., напротив, всякий поход по «Восточному пути» есть поход против язычников. Так, в «Саге о Магнусе Эрлингссоне» по «Красивой коже» Вальдемар Датский свой неудачный поход на Норвегию в 1165 г. объясняет тем, что «не хочет грабить в крещеной стране и что в Аустрвеге достаточно земель, чтобы грабить и добывать себе богатства». По «Саге о Сверрире», конунг Эйрик Сигурдарсон отправляется в 1185 г. «в Аустрвег, чтобы грабить в языческих землях», при этом одним из его кораблей правит священник. А «Сага о **Кнютлингах**» сообщает, что ярл Эйрик Свейнссон в конце XII в. «шел войной по Аустрвегу и воевал против язычников, а всех крещеных людей отпускал с миром». Саги, как можно видеть, сохранили отголосок той эпохи, когда скандинавские завоевания на востоке носили форму крестовых походов и велись под лозунгом обращения язычников в католическую веру.

7.3. КУЛЬТ СВЯТОГО ОЛАВА В НОВГОРОДЕ

Основатель единого норвежского государства, христианизатор Норвегии и ее первый святой, ставший национальным патроном, Олав Харальдссон был известен на Руси, поскольку здесь он провел последний год жизни, бежав от восставших против него норвежских бондов, поддержанных датским королем Кнудом Великим. Из Руси он отправился в 1030 г. обратно в Норвегию, чтобы попытаться вернуть себе власть, но пал в битве при Стикласади́ре около Нидароса (совр. Тронхейм). Через год нидаросский епископ Гримкель объявил Олава святым (официальная канонизация папской курией состоялась в конце XII в.) и перенес его останки в город. Но даже местная канонизация требовала создания специальных текстов, посвященных Олаву: текста богослужения в день поминовения святого (древнейший текст мессы сохранился в англо-саксонской рукописи ок. 1050 г.), его жития и сборника совершенных им чудес. Древнейшее житие св. Олава до нас не дошло, но его редакция, существовавшая в середине XII в., сохранилась в «Древненорвежской книге проповедей». Оно стало также источником латиноязычного жития «Деяния святого Олава, короля и мученика» (*Acta Sancti Olavi regis et martyris*), принадлежащего норвежскому архиепископу Эйстейну Эрлендссону (1161—1188 гг.). Среди источников «Деяний» было и несохранившееся, однако упоминаемое в позднейшей литературе латинское сочинение *«*Translatio sancti Olavi*», написанное церковниками Нидароса вскоре после смерти Олава и посвященное знаменам, выявившим его святость, обретению и переносу его мощей в Ни́дарос. По мере формирования агиографической традиции постепенно происходит отбор и канонизация 20 сюжетов о чудесах св. Олава. Одновременно Олаву посвящают свои произведения несколько скальдов XI—XII вв.: Торарин Славослов (1030—1035 гг.), Сигват Тордарссон, бывший вместе с Олавом на Руси и участвовавший в битве при Стикласади́ре («Поминальная драпа», ок. 1040 г.), Эйнар Скуласон («Луч света», 1152 г.) и др.

Именно в этой, казалось бы тенденциозной, насыщенной агиографическими топосами и в очень незначительной степени отражающей действительность литературе мы находим свидетельства распространенности культа св. Олава в Новгороде. Первым и очень показательным моментом является локализация на Руси значительного количества чудес. Дело в том, что действие подавляющего большинства новелл о чудесах Олава приурочено

к Норвегии (из 20 канонических — 14), значительно реже чудо происходит в других скандинавских странах, однако и в них героями новелл являются норвежцы. Лишь единицами представлены чудеса, совершенные Олавом в Англии и Ирландии. Поэтому особое внимание привлекает группа из четырех чудес, где сюжет отнесен к Новгороду: два из канонического свода и два из памятников светской литературы.

Древнейший сюжет упоминается в поэме скальда Сигвата! «Еще сохраняются те волосы, которые росли на его (Олава) голове и вернули зрение Вальдмару в Гардах» (Королевские саги 2. С. 69, 83, 188–189)²³. Этот сюжет неизвестен по другим источникам и, конечно же, не поддается исторической интерпретации. Ценность упоминания состоит в другом: рассказ об оказании святым помощи русскому с локализацией действия на Руси (в Гардах) вряд ли мог возникнуть где-нибудь еще, кроме как на Руси, и уже в первое десятилетие после смерти и канонизации Олава он становится известен в Норвегии. Это означает, что в Новгороде находился постоянный контингент скандинавов, имевших теснейшие связи с Норвегией: на протяжении менее одного десятилетия они получили сведения о канонизации Олава, в их среде возник рассказ о совершенном им чуде, и этот рассказ оказался известен Сигвату. Одновременно появление такого рассказа свидетельствует о том, что святость Олава и его способность творить чудеса были восприняты и быстро усвоены скандинавскими поселенцами на Руси, т.е. свидетельствует о зарождении его культа.

Второй сюжет, разработанный уже в форме новеллы, сохранился в «Легендарной саге об Олаве Святом» (нач. XIII в.). В ней **речь** идет об исцелении мальчика от нарыва в горле, которого местная женщина по совету **Ингигерд** приводит к Олаву, находящемуся в то время на Руси (Королевские саги 2. С. 41, 44, 181–182). Это один из весьма немногих рассказов о «прижизненных» чудесах Олава. Особый интерес представляет то, что рассказчик подчеркивает, что о чудотворных способностях Олава не знает еще никто, кроме Ингигерд: «Ты пойдй, — сказала она, — к конунгу Олаву и попроси у него полезного совета». "Но люди не называют его лекарем". "А ты должна сказать, что слышала это. Если конунг положит медовые соты в рот человеку, то тому человеку станет

²³ Исцеление больных, в том числе возвращение зрения слепым и речи немым — одна из наиболее распространенных тем чудес Олава.

лучше"». Исцеление мальчика выявляет и обнаруживает дотоле скрытую от всех чудотворную силу будущего святого. Как и в первом сюжете, и вообще в большинстве чудес, герой новеллы непосредственно обращается к Олаву и получает от него помощь. Оба сюжета носят сугубо бытовой характер и направлены на прославление самого святого. Это обстоятельство существенно, особенно в сравнении с двумя «каноническими» чудесами.

Одно из них посвящено избавлению Новгорода от пожара, второе — исцелению немом варяга-ремесленника (Королевские саги 2. С. 127—129, 189—192). В обеих новеллах нет датирующих реалий, очевидно лишь, что они возникли до 1170 г., когда были включены в «*Passio et miraculi beati Olavi*». Кроме того, что действие обеих новелл происходит в Новгороде (в противоположность общему «в Гардах» двух предшествующих чудес), наиболее важным является то, что оба они выдвигают на первый план новгородскую церковь св. Олава (о времени ее возникновения см. выше 6.3) в качестве посредника между страждущим и святым. В первом случае на мольбу новгородцев спасти их от пожара священник церкви по имени Стефан выносит образ святого, который и останавливает пожар. Во втором Олав, явившийся во сне хозяйке дома, где остановился немой юноша, дает совет привести больного в церковь; в церкви юноша засыпает, и представший перед ним Олав исцеляет его. Особенно показательна вторая новелла: сам святой указывает на посвященную ему церковь как на максимально сакрализованное место. При том, что в сюжете чудес св. Олава место действия обычно не играет роли (лишь очень небольшое количество чудес выводит на первый план церковь, но они связаны с основанием церквей в честь святого, в частности в Стикластадире), это означает, что по происхождению новеллы являются «храмовыми» и своим возникновением обязаны клиру (и прихожанам) церкви св. Олава в Новгороде. Именно они были наиболее заинтересованы в прославлении не только святого, но и построенной в его честь церкви, и в привлечении прихожан. Связь сюжетов с церковью св. Олава, вероятно, была основной причиной, по которой нидаросский епископ Эйстейн, составитель «канонического» свода чудес, включил их в свое произведение: они демонстрировали распространенность почитания св. Олава во всех концах известного мира²⁴.

²⁴ Наряду с «русскими», Эйстейн включает и две из известных трех новелл о помощи св. Олава норманнам в Византии, причем и в этих двух случаях исполнение чуда связано с церковью, посвященной святому, — на этот раз в Константинополе. См. подробнее: Мельникова. 1996.

На создание данных новелл именно в Новгороде указывает и ряд местных реалий, которые вряд ли могли появиться в тексте, если бы он возник в Норвегии. Тут и характеристика оружия, которое изготовлял немой юноша-ремесленник, и употребление термина *varingus* в латиноязычном тексте, в котором корневое *-a-* соответствует не древнеисландскому слову *væringjar*, а древнерусскому *варягъ*. Все это указывает на то, что обе новеллы возникли в среде, хорошо знакомой с древнерусскими (новгородскими) реалиями.

Таким образом, само существование «русских» новелл о чудесах св. Олава, их содержание и упомянутые в них реалии свидетельствуют о том, что практически сразу после местной канонизации конунга весть об этом событии достигла скандинавских поселенцев в Новгороде, которые восприняли почитание Олава и стали создателями ряда повествований о совершенных им чудесах во время его пребывания на Руси (чудо, творимое «волосами Олава» у Сигвата, могло происходить как при жизни, так и после смерти Олава: в одной из канонических новелл источником чуда является прядь его волос, срезанная при перенесении его останков в Нидарос). Углублению почитания Олава и возникновению его культа в Новгороде, вероятно, способствовало пребывание на Руси его сводного брата и единомышленника Харальда Сурового Правителя (именно с Харальдом связывают и возникновение «византийских» чудес). Тогда же, возможно, была основана церковь св. Олава, в среде клира и прихожан которой сложились две «канонические» новеллы, призванные удостоверить, что церковь находится под особым покровительством святого.

Однако культ св. Олава был распространен в Новгороде не только среди скандинавов, но, очевидно, и в какой-то мере среди местных жителей. Косвенным указанием является то, что в трех из четырех новелл к помощи Олава обращаются местные жители, а не скандинавы. Но более значимое свидетельство мы находим в «Вопрошании» Кирика Новгородца (XII в.), где предусмотрено наказание для тех новгородцев, которые водили «к варяжскому попу дети на молитву». «Варяжский поп», очевидно, священнослужитель церкви св. Олава, а следовательно, и сама церковь и ее патрон св. Олав, судя по этому запрещению, пользовались определенной популярностью среди местных жителей.

Сложные и противоречивые процессы проникновения и становления христианства в Восточной Европе, в которых принимали участие и скандинавы, находят своеобразное отражение в скандинавских источниках. Они предстают перед нами не в виде упоминаний или рассказов о каких-либо фактах и явлениях. Неясные воспоминания о борьбе язычества и христианства на Руси и христианизаторской роли Византии воплотились в фольклорных эпических сюжетах, в противопоставлении христианских и языческих народов, живущих на Восточном пути. Участие скандинавов в этих процессах запечатлелось — в соответствии со стереотипным изображением скандинава на Руси — в рассказах о христианизации Руси скандинавами: Олавом Трюггвасоном, Торвальдом Кодранссоном («Прядь о Торвальде Путешественнике», ок. 1200 г.), основавшим монастырь вблизи Полоцка и умершим там. Наконец, в житийной литературе отобразились церковные связи двух регионов в период, когда расхождения между западной и восточной церквами еще не были очевидны для простых верующих.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Викинские саги — Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1996.

Географические сочинения — Мельникова Е.Л. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1986.

Древнерусские города — Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987.

Исландские саги / М.И. Стеблин-Каменский. М., 1956.

Исландские саги. Ирландский эпос / М.И. Стеблин-Каменский. М., 1973.

Корни Иггдрасиля / О.А. Смирницкая. М., 1996.

Королевские саги 1 — Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы. М., 1993.

Королевские саги 2 — *Джаксон ТЛ*. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы. М., 1904

Круг земной — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980

Младшая Эдда / Изд. подготовили О.А.Смирницкая и М.И.Стеблин Каменский. М., Л., 1970.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. Подгот. М.Б. Сverdlov. СПб., 1996.

Поэзия скальдов / Пер. С.В. Петрова. Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1979.

Рунические надписи — *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1977.

Сага о гутах / Пер. С.Д. Ковалевского // Средние века. М., 1975. Т. 38. С. 307-311.

Сага о Сверрире / Изд. подгот. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988.

Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна. Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1963.

Хроника Эрика / Пер. А.Желтухина. Под ред. А.А.Сванидзе. Выборг, 1996.

Acta — Acta Sancti *Olav*i regis et martyris // MHN. S. 125-144.

Adam — Adam Bremensis *Chronicon* Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler. 3 Aufl. Hannover; Leipzig, 1917.

Agrip — Agrip af Noregskonunga *sqgum* / Bjarni Einarsson // IF. 1984. B. XXIX. Bl. 3-54.

AR — Antiquite russes d'apres les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C.C. Rafn. Copenhagen, 1850-1852. T. 1-2.

ASB — *Altnordische Saga-Bibliotek*. Halle (Saale), 1892-1929. Bd. 1-18.

BAM — Bibliotheca *Arnarnagnæana* / *Arnarnagnæan* Commission. København, 1941 ff.

Biskupa *sqgur* / H. Helgason. København, 1948. B.1-2 (2 utg. — 1953. Vol. 1-3).

CCI — Corpus codicum Islandorum *medii ævi*. Copenhagen, 1930-1956. B. 1-20.

DR — Danmarks *runeskrifter* / L. Jacobsen, E. Moltke. København, 1941-1942. B. I-III.

EAM — Editiones *Arnarnagnæanæ* / *Arnarnagnæan* Commission. Ser. A; København, 1938-1970. Vol. 1-16; Ser. B: *København*, 1960-1987. Vol. 1-30.

EIM — Early Icelandic Manuscripts in Facsimile / Jon Helgason, A. Loth, E Springborg. Copenhagen, 1958-. Vol. 1-(20).

Eirsp. — *Eirspennill*. AM 47 fol. Noregs konunga *sqgur* / Finnur Jonsson. Kristiania, 1916.

- Erikskronikan / **S.B.F. Jansson**. Stockholm, 1986.
- Fas. — Fornaldarsögur **Norðurlanda** eptir gömlum handritum / **C.C. Rafn**. **Kaupmannahöfn**, 1829-1830. B. **I-II**.
- Fask. — Fagrskinna. Noregs **konunga tal** / **Bjarni Einarsson** // IF. 1984. B. XXIX. Bl. 55-364.
- Flat. — Flateyjarbok / **S. Nordal**. Akranes, 1944-1945. B. **I-IV**.
- Fms. — Fornmanna sögur eptir gömlum handritum / **Kgl. Norræna Fornfræða Félags**. Kaupmannahöfn, 1825-1837. B. **I-XII**.
- Frissb. — Codex Frisianus / **C.R. Unger**. Christiania, 1871.
- Fsn. — Fornaldar sögur **Norðurlanda** / **Guðni Jónsson**. Reykjavík, 1954. l. I-IV
- Guta lag och Guta saga / **H. Pipping**. København, 1905-1907 (**SUGNL. B. XXXIII**).
- Hb. — Hauksbók / **Eiríkur Jónsson** og **Finnur Jónsson**. København, 1892-1896.
- Heilagra manna sögur / **C.R. Unger**. Christiania, 1877. B. 1-2.
- Hkr. — **Snorri Sturluson**. **Heimskringla** / **Bjarni Aðalbarnarson** // IF. 1941-1951. B. XXVI-XXVIII.
- Homil. — Gamal norsk homilieboek. Cod. AM 619 4° / **G. Indrebø**. Oslo, 1931.
- Homiliu-bók. Islandska Homilier efter en handskrift från tolfte århundradet / **Th. Wisen**. Lund, 1972.
- IF — **Íslenzk** fornrit / **Hið íslenzka fornritafélag**. Reykjavík, 1933-. B. **I-IA** — Islandske annaler indtil 1578 / **G. Storm**. Christiania, 1888 (penp. — Oslo, 1977).
- Íslendingabók / **Jakob Benediktsson** // IF. 1969. B.1. Bl. 1-28.
- Knyt. — **Knýtlinga saga** // Sögur **Danakonunga** / **C. af Petersen** og **E. Olsen**. København, 1919-1925 (**SUGNL. B. XLVI**).
- Kristni s. — Kristni saga / **B. Kahle** // ASB. 1905. Bd. 11.
- Landnámabók / **Jakob Benediktsson** // IF. 1969. B.1. Bl. 29 ff.
- MHD — Monumenta historiae Danicae. København, 1871. B. 1-2.
- MHN — Monumenta historica **Norwegiae**. **Latinske** kilderskrifter til Norges historie i middelalderen / **G. Storm**. Kristiania, 1880.
- Msk. — **Morkinskinna** / **Finnur Jónsson**. København, 1932 (**SUGNL. B. LIII**).
- NGL — Norges gamle love indtil 1387. Christiania. 1846-1895. B. 1-5.
- NIS — **Kock E.A.** Den norsk-isländske skaldediktningen. Lund, 1946-1949. B. I-II.
- NlyR — Norges innskrifter med de yngre runer. B. **I-V** / **M. Olsen**, **S. Bugge**, **O. Rygh**, **I. Undset**. Oslo, 1941-1960; B. VI. H. 1-2 / **I. Sanness Jonsen**. Oslo, 1990.
- Ons. — Oldnordiske sagaer / **Kgl. Norræna Fornfræða Félags**. Kaupmannahöfn, 1826-1837. B. **I-XII**.
- Passio — Passio et miraculi beati **Olavi** edited from a twelfth-century manuscript in the library of Corpus Christi College. Oxford / **F. Metcalf**. Oxford, 1881.
- Saxo Grammaticus — Saxonis Gesta Danorum / **A. Olrik**, **H. Ræder**. Havnæ, 1931.

Skhb. — Det **Arnarnagnæanske** Haandskrift 81 a fol. (Skalholtbok **yngrsta**) / A. Kjør, L. Holm-Olsen. Kristiania (Oslo), 1910-1987.

Skj. — *Jónsson Finnur*. Den Norsk- Islandske **Skjaldedigtning**. A — Text efter **håndskrifterne**. København, 1912 (penp. — 1967). B. I: 800-1200, B. II 1200-1400; B — **Rettet text**. København, 1915 (penp. — 1973). B. I: 800-1200

Skjöld. — Skjöldunga saga i Arngrim Jonssons **udtog** / A. Olrik // **Aarbøger** for nordisk oldkyndighed og historie. København, 1894. R.II. B.9. S.83-164.

SMD — **Scriptores minores danicæ medii ævi** / M.Cl. Gertz. København, 1917-1922, B.1-2.

Snorra Edda — Edda Snorra **Sturlusonar** / Finnur Jónsson. Copenhagen, 1931.

SR — Sveriges runinskrifter / **Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien**. B. I. **Olands** runinskrifter. H.1-2 / S.Söderberg och E.Bräte. Stockholm, 1900-1906; B. II. Östergötlands runinskrifter. H.1-3 / E.Bräte. Stockholm, 1911-1918; B. III. Södermanlands runinskrifter. H.1-4 / E.Bräte, E.Wessen. Stockholm, 1924-1936; B. IV **Smålands** runinskrifter. H.1-2 / R.Kinander. Stockholm, 1935-1961; B. V. Västergötlands runinskrifter. H.1-4 / E.Svardstrom. Stockholm, 1940-1958; B. VI-IX. **Upplands** runinskrifter / E.Wessén, S.B.EJansson. B. VI. H. 1-2, B. VII. H. 1-3, B. VIII. H. 1-3, B. IX. H. 1-3. Stockholm, 1940-1958; B. XII. Gotlands runinskrifter. H. 1 / E.Wessén, S.B.EJansson. Stockholm, 1962; H. 2 / E.Svårdström. Stockholm, 1978; B.XIII. **Västmanlands** runinskrifter / S.B.EJansson. Stockholm, 1964; B. XV Gästriklands runinskrifter / S.B.F. Jansson. Stockholm, 1981.

SRD — **Scriptores rerum Danicarum medii ævi** / J. Langebek et al. **Hafniæ**, 1772-1878. B. 1-9.

SRS — **Scriptores rerum Suecicarum medii ævi** / E.M.Fant. Uppsala, 1828-1876. B.1-3 (penp. — B.1, Uppsala, 1968).

SUGNL — [Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København, 1880-1956. B. I-LXVIII.

Sven Aggesen. Brevis historia **regum** Daciae // SMD. B. I / M.Cl. Gertz. København, 1917-1918.

Sv.s. — Sverris saga / G. Indrebø. Kristiania, 1920.

Theodricus monachus — Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // MHN. S.1-68.

Y.s. — Yngvars saga **víðforla** / E. Olsen. København, 1912 (SUGNL. B. XXXIX).

Qrv. Odds s. — Qrvar-Odds saga / R.C. Boer. Leiden, 1888.

ЛИТЕРАТУРА

Глазырина Г.В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Snorra Sturluson о передаче Альдейгьюборга/Старой Ладogi скандинавам) // **Древнейшие** государства Восточной Европы, 1991 г. М., 1994. С. 240-244.

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М., 1979.

Джаксон Т.Н. «Восточный путь» исландских королевских саг // История СССР. 1976. № 5. С. 164-170.

Джаксон Т.Н. Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: о возникновении топонимов *Gardar* и *Hólmgarðar* // Скандинавский сборник. Таллинн, 1986. Вып. XXX. С. 85-96.

Джаксон Т.Н. Древнескандинавская топонимия с корнем *aust-* // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Вып. XXXI. С. 140-145.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей // Древнейшие государства на территории СССР, 1988-1989 гг. М., 1991. С. 5-169.

Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории, 1994 г. М., 1994. С. 54-66.

Ловмянский Х. Русь и норманны / Пер. с польск. М., 1985.

Мелетинский Е.А. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Мельникова Е.А. Восточноевропейские топонимы с корнем *garð-* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Таллинн, 1977. Вып. XXII. С. 199-210.

Мельникова Е.А. Скандинавские амулеты с руническими надписями из Старой Ладogi и Городища // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991 г. М., 1994. С. 231-239.

Мельникова Е.А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. М., 1996. Т. 56. С. 92-106.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Эволюция названия *русь* в процессе становления Древнерусского государства // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 24-38.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X-XI вв.: к истории названия *варяг* // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56-68.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Вопр. истории. 1995. № 2. С. 44-57.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чужь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и балтийского региона в первом тысячелетии н.э. // Балто-славянские исследования, 1988-1996. М., 1997. С. 40-50.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. IX-XIV вв. М., 1978 (Древнейшие государства на территории СССР, 1978 г.).

Славяне и скандинавы / Пер. с нем. М., 1986.

Смирницкий А.И. Шведские рунические надписи эпохи викингов // Труды МИФЛИ, 1939. Т. 5. С. 211-249.

Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л., 1967.

Стеблин-Каменский М.М. Древнескандинавская литература. М., 1979.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984.

Andersson Th.M. The Problem of Icelandic Saga Origins: A Historical Survey. New Haven; London, 1964.

Andersson Th.M. The Icelandic Family Saga: An Analytic Reading. Cambridge (Mass.), 1967.

Braun F.A. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X-XI Jahrhunderts // Festschrift **Eugen Mogk zum 70.** Geburtstag. Halle, 1924. S. 150-196.

Ellehoj S. **Studier** over den **ældste** norrøne historieskrivning. København, 1965 (Bibliotheca **Arnemagnæana**. Vol. XXVI).

Hallberg P. The Icelandic Saga / Tr. by E **Schach**. University of Nebraska Press. Lincoln, 1962.

Jackson T.N. The Role of **Oláfr Tryggvason** in the Conversion of Russia // Three Studies on Vikings and Christianization. Oslo, 1994. P 1-17.

Jones G. A History of the Vikings. 2nd ed. Oxford; N.Y., 1984.

Lönnroth L. European Sources of Icelandic Saga-Writing: An Essay Based on Previous Studies. Stockholm, 1965.

Mitchell St. Heroic Sagas and Ballads. Ithaca; London, 1991.

Nordal S. Sagalitteraturen // Nordisk kultur. Stockholm, 1953. B. VIII: Litteraturhistorie. Norge og Island. S. 180-273.

Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / C.J. Clover and J. Lindow. Ithaca; London, 1985.

Peters E Scaldic Verse as a Historical Source // Parergon. 1978. Vol. 2. E **29-37**. See *K. von. Skaldendichtung*. München, 1980.

Sørensen EM. **Fortælling** og **a?re**. Studier i **islændingesagaerne**. Oslo, 1992.

Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953.

Turville-Petre G. Scaldic Poetry. Oxford, 1976.

Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. Berlin, **1964-1967**. B. I-II. 2 Aufl.

Weibull L. Historisk-kritisk **metod** och medeltidsforskning. Lund, 1913.

СПРАВОЧНИКИ

Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København, 1956-1978. B. I-XXII.

Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. N.Y.; London, 1993.

Metzenthin E. Die Lander- und Volkernamen im altislandischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.

Schier KS Sagaliteratur. Stuttgart, 1970.

Simek R., Pálsson Hermann. Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ И ПОВТОРЕНИЯ

1. Каковы основные группы древнескандинавских источников по истории Восточной Европы? Как они соотносятся с источниками из других регионов средневекового мира?
2. В чем выражается и чем определяется специфика отражения действительности в исландских сагах разных видов?
3. Когда и как формируется круг географических знаний скандинавов о Восточной Европе?
4. Какова роль эпической и фольклорной традиций в изображении русско-скандинавских связей до конца X в.?
5. Что такое литературный стереотип в исландских сагах и как он влияет на отражение исторической действительности?
6. Каковы особенности изображения уобицы сыновей Владимира Святославича в «Пряди об **Эймунде**»?
7. Как развивалась и как регулировалась русско-скандинавская торговля в XI-XII вв.?
8. Каковы представления скандинавов о христианизации Руси и каково их участие в этом процессе?
9. Какими мотивами объясняются скандинавские браки представителей дома Рюриковичей?
10. Какие перемены претерпевают русско-скандинавские отношения с VIII по XIII в. и почему?

- Автохтонный** — коренной, возникший в процессе эволюции на данной территории
- Агиография** — литературный жанр: жизнеописания святых
- Аллюзия** — намек на известный факт или лицо
- Анналы** — погодные записи исторического характера
- Антропонимикон** — именослов
- Археография** — специальная историческая дисциплина, разрабатывающая теорию и методику издания письменных источников
- Булла** — папский, императорский, королевский акт; круглая металлическая печать, скрепляющая указанные акты
- Василевс** — титул византийского императора
- Викинг** (vikingr) — скандинав, участник морского грабительского похода
- Виса** (vísa) — строфа скальдической песни
- Ганза** (Hansa, Hanse) — объединение (лига) немецких и скандинавских торговых городов во второй половине XII–XV в.
- Гапакс** (απαξ λεγόμενον) — слово, встречающееся в определенной группе текстов один раз
- Гетеризм** — промискуитет, групповой брак, неупорядоченные половые отношения в ранних обществах
- Гидроним** — наименование рек, озер, морей и других водных объектов
- Гидронимия** — совокупность наименований водных объектов
- Гимнография** — жанр поэзии: гимны, торжественные, хвалебные песни
- Глосса** — примечание, пояснение непонятных слов и выражений на полях средневековой рукописи
- Годи** (goði) — языческий жрец, позднее правитель округа в средневековой Исландии
- Гомилия** (homilium) — проповедь, речь-беседа
- Гривна** — древнерусская денежная единица, равная (в Северной Руси) 51 г серебра
- Диоцез** — церковный округ
- Драпа** (drapa) — хвалебная песнь в средневековой Скандинавии
- Евхаристия** — причащение
- Иерарх** — высшее духовное лицо
- Имманентный** — внутренне свойственный, присущий чему-либо
- Иммунитет** — освобождение от повинностей
- Инвеститура** — юридический акт введения вассала во владение феодом; утверждение в духовном сане епископа, аббата, других иерархов церкви
- Индикт** — 15-летний цикл, лежащий в основе византийского летоисчисления
- Кадастр** — опись, свод данных о земельных владениях

Калька — дословный перевод
 Канонист — специалист по церковному праву
 Картулярий (*cartularium*) — государственное или королевское постановление (во Франции, Англии до XI в.)
 Кеннинг (*kenning*) — в скальдической поэзии: поэтическая фигура, заменяющая существительное
 Клирик — священнослужитель
 Компендиум — свод, обширное сочинение, включающее тексты различного содержания
 Компиляция — произведение, состоящее по преимуществу или целиком из текстов, заимствованных из других произведений
 Композит — сложное слово
 Конгрегация — монашеская община
 Контаминация — соединение понятий, текстов, сюжетов разного происхождения
 Конунг (*konungr*) — правитель большого территориального объединения в раннесредневековой Скандинавии
 Конфессия — вероисповедание
 Конфектура — вставка в текст, сделанная издателем
 Ксенофобия — навязчивый страх перед незнакомыми лицами
 Ктитор — человек, сделавший пожертвование на церковные нужды
 Лавра — православный мужской монастырь, непосредственно подчиняющийся патриархату
 Лагман (*lagmaðr*) — законоговоритель в скандинавских странах
 Литра — византийская денежная единица
 Логофет — византийская придворная должность
 Магистр оффикиев — византийская придворная должность
 Магистр церемоний — византийская придворная должность
 Маргиналия — запись на полях рукописи
 Марка — территория; населенный пункт, центр мелкого территориального подразделения графского округа
 Марка — древнескандинавская денежная единица, равная 216 г серебра
 Маркграф — в Германии: правитель марки
 Миссийный (архи)епископ — (архи)епископ, рукоположенный специально для проповеди христианства на определенной территории и не имеющий (архи)епископии
 Митрополия титулярная — номинально учрежденная митрополия
 Моливдовул — в Византии: свинцовая печать, привешенная к официальному документу
 Моноксила — лодка, выдолбленная из ствола дерева, однодеревка
 Нарратив — повествовательный текст
 Нид (*nið*) — хулительная песнь в средневековой Скандинавии
 Ономастика — область лингвистики, изучающая имена собственные
 Ономастикон — совокупность имен собственных

Опресноки — лепешки из пресного теста, употребляющиеся при богослужении в католической церкви

Ороним — наименование гор

Перипл — описание пути по морю вдоль побережья

Помянник — список лиц, подлежащих поминовению во время богослужения

Просопография — изучение личных имен

Протограф — рукопись, с которой сделаны копии

Пфальцграф — феодальный титул в Германии

Реалия — событие или предмет; действительно бывшее

Регесты — систематизированные описи документов

Реминисценция — смутное воспоминание, отголосок

Ритор — оратор; преподаватель

Риторика — наука об ораторском искусстве

Рочник (**ročnik**) — в Польше: летопись, хроника

Руническое письмо — специфическое письмо германских народов

Сигиллография — специальная историческая дисциплина, изучающая печати

Синкелл — византийская придворная должность

Синодик — список лиц, подлежащих поминовению во время богослужения

Скальд (scald) — древнескандинавский поэт

Скальдическая поэзия — особая форма древнескандинавской поэзии

Скрипторий — мастерская по переписыванию книг

Сфрагистика — специальная историческая дисциплина, изучающая печати

Схизматик — еретик

Схолия — примечание к тексту в средневековых рукописях

Тинг (ting) — в раннесредневековой Скандинавии: собрание свободного населения

Топоним — наименование географического объекта

Топонимия — совокупность наименований географического объекта

Тремисса — византийская монета

Фема — в Византии: административная область

Формуляр — установленная форма документа

Хакан (**хаган**, каган) — титул хазарского и ряда других правителей

Хёвдинг (**höfðingi**) — в раннесредневековой Скандинавии: представитель племенной знати

Хейти (heiti) — в скальдической поэзии: поэтический синоним

Хиджра — начальная дата мусульманского летоисчисления: 16 июля 622 г. от Р.Х. — год переселения Мухаммеда из Мекки в Медину

Хороним — наименование территории

Хрисовул — в Византии: императорская грамота

Хронография — жанр историографии: сводный обзор всеобщей истории от сотворения мира

Хтонический — относящийся к царству мертвых

Целибат — безбрачие; обязательное безбрачие католического духовенства

Эйрир (eyrir) — древнескандинавская денежная единица, равная 27 г серебра (1/8 марки)

Экскурс — отступление в повествовании

Экскуссия — в Византии: освобождение от нерегулярных повинностей

Эксерпт — выдержка из произведения

Экуменизм — теория всемирности христианской церкви

Эпиграфика — наука о надписях, выполненных на твердых предметах

Эпистолография — литературный жанр: письма, послания

Эпоним — тот, кто дает свое имя

Этерия — подразделение византийской армии

Этимология — область лингвистики, изучающая происхождение слов

Эсхатология — комплекс представлений о конечных судьбах мира и человека

Ярл (**jarl**) — в средневековой Скандинавии: представитель племенной знати; придворная должность

- Аарон (X в.), царь хазарский 228
- Аба **Шамуэль** (Самуил), кор. венгерский (1041-1044) 351
- 'Абдаррахман III** (912-961), халиф из династии испанских **Омейядов** 226
- Абу-л-Касим, выдуманный персонаж, купец 183
- Абу-л-Фида'** (1273-1331), арабский энциклопедист, историк и географ 189, 190, 191, 242-245
- Абу Шуджа'** ар-Рудравари (ум. 1095), арабский историк 232, 233
- Аваби Акташи, Мухаммед (XVII в.), дагестанский историк 238
- Август, имп. римский (27 до Н.Э.-14 н.э.) 43, 46, 74
- Агамемнон, мифический царь Микен 34, 59
- Агата (перв. пол. XI в.), венгерская принцесса, жена Эдуарда, сына кор. английского Эдмунда Железнобокого 340
- Агатархид Книдский** (II в. до н.э.), древнегреческий историк и географ 40
- Агафий Миринейский (ок. 530—ок. 582), византийский историк 53, 70, 75, 84
- Агбунов М.В.** 31
- Агмунда, см.: Анастасия
- Агнеса из Пуатье (ум. 1077), жена имп. германского Генриха III 349
- Агриппа, Марк Випсаний (63/64-12 до н.э.), римский полководец и географ 43, 45, 52
- Адальберт, миссийный еп. Руси, архиеп. **магдебургский (968-981)**, хронист 266-268, 270, 304 308, 342
- Адальберт-Войтех, еп. пражский (983-997), миссионер 308, 311, 313, 364
- Адальберт (ум. 1076), граф **балленштедтский**, муж **Адельхайды** Орламюндской 365
- Адальдаг, архиеп. **гамбургско-бременский** (937-988) 304
- Адам Бременский (ум. после 1080), немецкий хронист 275-277, 329, 335-338, 340, 346, **348**, 350, 353, 385, 386, 481, 508, 523-525
- Адела (Адельхайда) Брабантская (перв. пол. XI в.), жена маркграфа Оттона Орламюндского 365
- Адельхайда, см.: Евпраксия
- Адельхайда (ум. 1096), аббатисса монастыря в Кведлинбурге, сестра имп. германского Генриха IV 374
- Адельхайда (вт. пол. XI в.), дочь маркграфа Оттона Орламюндского 365
- Адемар **Шабаннский** (ум. 1034), французский хронист 312, 353
- Адриан, имп. римский (117-138) 46, 49
- Аид, бог царства мертвых в древнегреческой мифологии 21
- 'Ала'** ад-дин Кейкобад (1219-1236), сельджукский султан 249
- Александр Македонский (Искандер) (356-323 до н.э.), царь ма-

¹ Указатель составлен А.В.Мельниковой.

- кедонский, полководец 25, 26, 39, **40**, 183, 239, 240
- Ллександр, **имп.** византийский (912—913), соправитель Льва VI и Константина VII **113**
- Ллександр II, папа римский (1061—1073) 356
- Ллександр Ярославич Невский, кн. новгородский, киевский, вел. кн. владимирский (1249—1263) 394, 395, 531—534
- Алексей I Комнин, **имп.** византийский (1081—1118) 126, 133
- Алексей II Комнин, **имп.** византийский (1180—1183) 141
- 'Алий ибн Джа'фар аш-Шайзари (перв. пол. XI в.), арабский писатель, автор сокращения труда Ибн ал-Факиха 207
- Алкей (ок. 600 до н.э.), древнегреческий поэт 34
- Алкман (вт. пол. VII в. до н.э.), древнегреческий поэт 34
- Алкуин (730—804), английский теолог и ученый, сподвижник Карла Великого 446
- Аллогия, жена кн. Владимира Святославича в исландских сагах 496, 550
- Альбан, св., принял мученичество, вероятно, в сер. III в.
- Альберт Штаденский (ум. после 1265), немецкий анналист 367, 369, 374, 377
- Альбрик из Труафонтэн (ум. 1252), французский хронист 353
- Альвива (перв. пол. XI в.), наложница кор. датского и английско-го Кнута Великого 538
- Альд Мануций (1449—1515), итальянский книгопечатник 75
- Альрик (XI в.), резчик рунических камней **415**
- Альфред Великий, кор. Уэссекса (871—899) 478
- Амин Рази (XVI в.), персидский историк и географ 214, 246
- Аммиан Марцеллин (ок. **330—ок.** 395), римский историк 32, 51
- Амули (XIV в.), персидский историк 200, 222, 223
- Анакреонт (сер. VI в. до н.э.), древнегреческий поэт 26, 34
- Анаксимандр (ок. 611—546 до н.э.), древнегреческий философ 35
- Анастас Корсунянин (ум. после 1018), эконом киевской Десятинной церкви 157
- Анастасий I, **имп.** византийский (491—518) 117
- Анастасия (ошибочно Агмунда) (ум. после 1074), дочь кн. Ярослава Владимировича Мудрого, жена кор. венгерского Андрея I 5, 348, 352, 356
- Анахарсис (VI в. до н.э.), скифо-греческий философ 39
- Андретт (XI в.), швед, заказчик рунического камня 415
- Андретт (XI в.), швед, в честь которого установлен рунический камень 542
- Андерссон Т. 422, 431
- Андрей (Эндре) I, кор. венгерский (1046—1060) 5, 348, 350—352
- Андрей (Эндре) II, кор. венгерский (1205—1235) 391, 392
- Андрей Кесарийский, архиеп. Кесарии Каппадокийской (между 563 и 611), византийский писатель **100**
- Андрей Юрьевич **Боголюбский**, кн. владими́ро-суздальский (**1157—1174**) 146—149
- Андрей Ярославич (ум. 1264 или 1265), вел. кн. владимирский (1249—1252) 533
- Андрес** Скъяльдарбанд (ум. 1230), норвежец, персонаж «Саги о Хаконе **Хаконарсоне**» 454

- Андрес** из **Сьомелингар** (XIII в.), норвежец, персонаж «Саги о Хаконе Хаконарсоне» 454
- Андроник I** Комнин, имп. византийский (1182—1185, самостоятельно с 1183) 136, **138**, 142
- Анна** (ошибочно Елена) (ум. **1011**), жена кн. Владимира Святославича, дочь имп. византийского Василия II Болгаробойцы 110, 302, 309
- Анна** (?) (ум. 1018), первая жена кн. Ярослава Владимировича Мудрого 328, 330, 336
- Анна** (ум. после 1075), дочь кн. Ярослава Владимировича Мудрого, жена кор. французского Генриха I 5, 348, 353-356, 358
- Анна-Агнесса** (вт. пол. XII в.), дочь кор. французского Людовика VII, жена имп. византийского Алексея II Комнина 141
- Анна** (ум. после 1253), жена кн. Романа Мстиславича 391
- Аннинский С.А.** 8
- Антоний** (Туни) (**перв.** четв. XI в.), аббат, посол кн. польского Болеслава I Храброго 329
- Анохин В.А.** 30
- Антоний** (Добрыня Ядрейкович) (ум. 1232), архиеп. новгородский (1212-1229 с перерывами) 158
- Антоний Печерский** (ум. 1072/73), основатель Киево-Печерского монастыря 159, 261, 347
- Анунд-Якоб**, конунг Швеции (**1022—ок.** 1050) 336, 342, 484, 540
- Аполлонид** (II—I вв. до н.э.), греческий писатель 43
- Аппиан** (ок. **100—ок.** 170 н.э.), древнегреческий историк 32
- Апулей** (II в. н.э.), римский писатель 26
- Аралът**, см.: Харальд Сигурдарсон Суровый Правитель
- Арвейлер Э.** 92
- Ардуин**, кор. итальянский (1002-1015) 333
- Ари** Торгильссон Мудрый (1067/68-1148), исландский историк **426**, 430, 431
- Аристей** Проконнесский (VII в. до н.э.), легендарный древнегреческий писатель 34, 37
- Аристотель** (384-332 до н.э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист 40, 58, 88, 172
- Аристофан** (ок. **445—ок.** 386 до н.э.), греческий поэт 88
- Арифарн** (II в. до н.э.), царь фатев **42**
- Арктин** (VI в. до н.э.), древнегреческий поэт 34
- Арнгрим Йонссон** (1568-1648), исландский гуманист и ученый 429
- Арнольд** (ум. 1166), аббат м-ря в Нинбурге, немецкий анналист 346, 347
- Арнор Скальд Ярлов** (род. ок. 1012), исландский скальд 421, 537
- Арпоксай**, культурный герой в скифской мифологии 36, 37
- Арриан**, **Флавий** (ок. 95-175), римский государственный деятель и писатель 46
- Артемида**, богиня в древнегреческой мифологии 34
- Артемидор** Эфесский (ок. 100 до н.э.), древнегреческий политический деятель и географ 40, 41, 43
- Архимед** (ок. 287—212 до н.э.), древнегреческий математик и физик 172
- Аскольд** (IX в.), варяг, кн. киевский 108

Асқуйа (XI в.), сын Фадла, эмира Аррана 237
Асмунд (XI в.), племянник и воспитанник Свена Эстридсена 521
Астрид (кон. X-нач. XI в.), вендика (?), жена конунга шведского Олава Шётконунга 508
Астрид (перв. пол. XI в.), дочь конунга шведского Олава Шётконунга, жена конунга норвежского Олава Харальдссона Святого 511
Ательстан (895-939), кор. английский (925-939) 512
Ательстан (ум. 1041), аббат 526
Атилла (ум. 453), предводитель гуннов 52, 80, 442
'Ауфи Мухаммад (перв. пол. XIII в.), персидский литератор 233
Афанасий, легендарный изобретатель славянской письменности 103
Ахилл, герой гомеровского эпоса 34, 38, 59, 124
Ахмад **Туси** (вт. пол. XII в.), персидский географ 214
Ахситан I, ширваншах (1160—1196) 239
ал-Ахтал (ок. 640-710), арабский поэт 172
Байер Г.З. 6, 26, 450
ал-Бакри (ум. **1094**), испано-арабский энциклопедист, литератор и географ 184, **215**
ал-Балазури (ум. 892), арабский историк 200, 201
Бал'ами Мухаммад (ум. 974), саманидский учёный и государственный деятель 199, 200, 204
Балдуин III, кор. Иерусалимский (1143-1163) 141
ал-Балхи (ок. 850-934), арабский астроном и географ 216

Бандури А. 103, 108
Бар Гебрей (XIII в.), сирийский историк 224, 225
Бартоломей Английский (ум. после 1250), монах-францисканец, энциклопедист 279
Бартольд В.В. 8, 173, 185, 186, 188, 201, 212, 219, 221, 243
ал-Баттани (**ок.858–929**), арабский астроном 198, 243
Баумгартен Н.А. 309, 310, 551
Баян, хан аварский (видимо, 560-562) 85
Бейлис В.М. 187, 202, 225, 244
Бела I, кор. венгерский (1060-1063) 350, 352
Бела III, кор. венгерский (1173-1196) 141, 350
Бела IV, кор. венгерский (1235-1270) 397
Белёвский А. 281
Бенно (Бернхард) (X в.), маркграф Саксонской северной марки 344
Берг Соккасон (ум. после 1345), аббат монастыря в Твера, ученый и писатель 429
Бернард Клервоский (ум. 1153), богослов, проповедник, церковный реформатор 388, 390, 391
Бернольд (**ум.1100**), немецкий хронист 375
Бернхард Старший (ум. после 1009), сын маркграфа Дитриха, маркграф Саксонской северной марки 344
Бернхард Младший (ум. 1044), сын маркграфа **Бернхарда** Старшего, маркграф Саксонской северной марки 344, 345, 378
Бертъе-Делагард А.Л. 30
Берштейн С.Б. 60
Бесприм, сын кн. польского Болеслава I, кн. польский (1032-1033) 343, 345
Бёмер Й. 285

- Бибииков М.В. 78
- Биргер (нач. **1200-х–1266**), ярл, правитель Швеции (1248-1266) 532
- ал-Бируни** Абу Райхан (973-1048), среднеазиатский ученый-энциклопедист 190, 191, 235
- Бланшефлёр, героиня куртуазного романа **513**
- Блэси (XI в.), швед, заказчик рунического камня **415**
- Богумил**, архиеп. гнезненский (**1064?–1079**) 365
- Бодуэн (**Балдуин**) V (ум. 1067), граф фландрский 365
- Болеслав I Храбрый, кн. польский (992-1025, кор. с 1025) 271-274, 310, 313, 314, 316-318, 320, 322, 324-334, 336, 342, 344, 346, 347, 359, 516, 518
- Болеслав II Смелый (Щедрый) (ум. 1081), кн. польский (1058-1079, кор. с 1076) 272, 347, 358-360, 362, 363, 368-371, 378
- Болеслав IV Кудрявый, кн. краковский (1146-1173) 390
- Болланд Ж.** 75, 282
- Бонифаций, см.: Бруно-Бонифаций
- Боннель Э. 28
- Бонфини Антонио (XV в.), венгерский историк 352
- Борис I (ум. 907), царь болгарский (852-889) 104, 304
- Борис Владимирович (ум. 1015), кн. ростовский 271, 323, 324, 516, 522
- Борис Вячеславич (ум. 1078), сын кн. смоленского Вячеслава Ярославича 358
- Бозэций, Аниций Манлий Северин (ок. 480–524), позднеримский философ 6, 26
- Браун Ф.А. 7, 8, 60, 450, 451
- Бржетислав I**, кн. чешский (1034-1055) 349
- Брокельман К. 188
- Брун Ф.К.** 28
- Бруни Аретино (ок. 1370–1444), итальянский писатель 75
- Бруно (в монашестве Бонифаций) Кверфуртский (ум. 1009), миссийный архиеп. 124, 281, 308, 311-318, 323, 329, 333, **353**, 396
- Брюнхильд, дочь Будлы, героиня древнегерманского эпоса 487, 513
- Брячислав Изяславич (ум. 1044), кн. полоцкий 502, 516, 358 (см. также Вартилав)
- Буга Старший (IX в.), арабский полководец 202
- Бугге А. 551
- Буды (перв. пол. XI в.), воевода кн. Ярослава Владимировича Мудрого 327
- Буке М. 75, 281
- Бунге Ф.** 284
- Бурачков П.О. 30
- Бурицлав (кн. Святополк Владимирович ?) 500-502, 514-522
- Бурхард, настоятель собора св. Симеона в Трире, шурин кн. Святослава Ярославича 361, 363, 367, 368
- Бьёрн (IX в.), конунг Упсалы 483
- Бьёрн Герой Хитдаля (сер. XI в.), исландский викинг и скальд 499
- Бьёрн (XI в.), исландский торговец 537-539
- Бьёрн Окольный (XI в.), знатный норвежец 482
- Валериан, имп. римский (253–259) **51**
- Валерий Максим (перв. пол. I в. н.э.), римский писатель 26

Валидов А.З., см.: Тоган А.З.В.
Вальгар (перв. пол. XI в.), датчанин, воспитатель сыновей кор. английского Эдмунда Железнобокого 341

Вальгар из **Веллы** (XI в.), исландский скальд 524

Вальдамар, конунг Хольмгарда, см.: Владимир Святославич Святой

Вальдамар, русский, исцеленный волосами Олава Харальдссона Святого 554

Вальдемар I (**1131–1182**), кор. датский (1157–1182) 552

Вальдемар, Вальдимар, конунг Хольмгарда, см.: Владимир Святославич Святой

Вальдимар (Владимир Ярославич, кн. новгородский ?), участник похода Ингвара Путешественника 527–530

Варда Фока (ум. 989), византийский военачальник 116, 232, 321

Варин А. 158

Вартилав (Брячислав Изяславич, кн. полоцкий ?) 502, 515, 516
ал-Васик, халиф из династии **Аббасидов** (**842–847**) 171

Василий I Македонянин, имп. византийский (867–886) 70, 103, 104, 106–109, 290, 293

Василий II Болгаробойца, имп. византийский (976–1025) 109, 110, 113, 122, 126, 232, 302, 304, 309, 321

Василий Александрович (после 1239–1271), сын Александра Ярославича Невского 533, 534

Василий, грек-прорицатель (под 1206) **158**

Васильев А. 91, 142

Васильевский В.Г. 7, 76, 91, 92, 264

Василько Романович, кн. владимиро-волинский (1238–1269) 391

Велисарий (ок. 504–565), византийский полководец 81

Веллей Патеркул (род. ок. 20 до н.э.), римский историк 26

Вельф, герцог баварский (**1101–1120**), муж герцогини тосканской Матильды 376

Вениамин Тудельский (нач. XII в.—после 1173), еврейско-испанский путешественник 185

Венцеслав I, кор. чешский (1230–1253) 397

Вергилий Марон, Публий (70–19 до н.э.), римский поэт 26

Вернадский Г.В. 24, 60, 212

Веселовский А.Н. 450

Вестберг Ф. 212

Вестерберг У. 290

Вильгельм (ум. 1056), сын Бернхарда Младшего, маркграф Саксонской северной марки 344

Вильгельм, архиеп. майнцский (954–968) 304

Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии, кор. английский (**1066–1087**) 337, 340, 370

Вильгельм **Орламюндский** (ум. 1062), маркграф тюрингенский 365

Виноградов Ю.Г. 30

Виперт, маркграф лужицкий (1115–1124) 365

Випон (ум. ок. 1050), придворный капеллан имп. Конрада II, историограф 342, 343

Висивальд (Всеволод Владимирович, кн. владимиро-волинский ?) 460, 486

Витрувий (**вт. пол. I в. до н.э.**), римский архитектор 26

Вифиль (XI в.), готландец, предводитель отряда викингов 476

Владимир (ум. 1216), кн. полоцкий 393

- Владимир (Владимирко) Володаревич, кн. галицкий (1141—1153) 137, 141
- Владимир Всеволодович Мономах, кн. киевский (1113-1125) 145, 262, 362, 366, 370, 371
- Владимир Святославич Святой (Вальдамар, Вальдемар, Вальдимар), кн. киевский (978-1015) 103, 105, 108-110, 118, 157, 235, 266, 271, 273, 293, 302-304, 308, 309, 311, 312, 314-318, 320-323, 325, 328, 330-333, 344, 354, 458, 485, 486, 494, 496, 497, **499**, 507, 513, 515-517, 550-552
- Владимир Рюрикович (ум. 1239), кн. киевский (1223-1235) 383
- Владимир Ярославич (Вальдимар «Саги об Ингваре Путешественнике» ?), кн. новгородский (1034/36-1052) 131, 235, 338, 527-530
- Владислав-Герман (Владислав I), кн. польский (1079-1102) 347, 378
- Войтех, см.: Адальберт-Войтех
- Волин С.Л. 185
- Вольф, см.: Ульв
- Вольф А. 310
- Вольф И. 75
- Вратислав И, кн. чешский (1061—1092, кор. с 1085) 362, 371
- Всеволод Мстиславич (ум. 1138), кн. новгородский (1117-1136) 370, 390
- Всеволод Ольгович, кн. киевский (1139-1146) 369
- Всеволод Юрьевич большое Гнездо, вел. кн. владимирский (1176-1212) 393
- Всеволод Ярославич, кн. киевский (**1078—1093**) **5**, 132, 261, 358, 365, 370, **373**, 375, 377, 378
- Всеслав Брючиславич, кн. полоцкий (1044-1101) 358, 370
- Вячеслав Ярославич, кн. смоленский (1054-1057) 358
- Газе К.Б. 77
- Гаймар **Жеффри** (перв, пол. XII в.), англо-нормандский историограф 341
- Галл Аноним (Мартин) (перв. четв. XII в.), польский хронист 27, 322, 326, 327, 331, 345, 348, 359, 360
- Ган К. 7, 28, 76
- Гарда-Кетиль, см.: Кетиль, участник похода Ингвара Путешественника
- Гардизи (XI в.), персидский историк 209-211, 233
- Гаркави А.Я. 7, 184, 216
- ал-Гарнати, Абу Хамид (1080—1169), испано-арабский космограф и путешественник 174, 244-246
- Геза, кн. венгерский (ок. 970—997) 312
- Геза I, кор. венгерский (1074-1077), 352, 371
- Геза II, кор. венгерский (1141-1162) 244
- Гейзенберг А. 142
- Гекатей Милетский (рубеж VI—V вв. до н.э.), древнегреческий ученый, географ 35, 37, 38
- Гелланик Митиленский (V в. до н.э.), древнегреческий писатель 35, 38
- Геллий, Авл (род. ок. 130), римский писатель 26
- Гельмольд из Бозау, см.: Хельмольд из Бозау
- Генесий Иосиф (X в.), византийский писатель 70, 127
- Генрих II, кор. английский (1154-1189) 387

Генрих II, кор. германский (1002-1024, **имп.** с 1014) 281, 313, 314, **317**, 325, 326, 331-333, 336, 348

Генрих III, кор. германский (1039-1056, **имп.** с 1046) 285, 340, 347, 349, **351**, 367, 369

Генрих IV, кор. германский (1056-1106, **имп.** с 1084) 261, 274, 285, 344, 352, 360-363, 368-371, 373-377, 396

Генрих V, кор. германский (1106-1125, **имп.** с 1111) 283, 285, 310

Генрих I, кор. французский (1031-1060) 5, 348, 353-356

Генрих Латвийский (ум. в 1259), историограф Ливонского ордена 393

Генрих Лев (ум. **1195**), герцог саксонский (1142-1180) 385, 386

Генрих I Штаден, маркграф Саксонской северной марки (1082-1087) 376-378

Геометр, см.: Иоанн Кириот (Геометр)

Георгий III, царь грузинский (1156-1184) 239

Георгий, митрополит киевский (**1062—ок.** 1075) 143

Георгий Амартол (сер. IX в.), византийский хронист 70, 74, 102

Георгий Амастридский, еп. Амастриды в **Пафлагонии** (нач. IX в.) 13, 90, 91

Георгий Синкелл (ум. вскоре после 810), византийский писатель 70, 74, 75

Георгий Слав, см.: Ярослав Владимирович Мудрый

Георгий Торник (XII в.), митрополит 72

Георгий Торник (XII в.), ритор 72

Геракл, герой древнегреческих мифов 116

Герард Кремонский (1134-1187), переводчик арабской литературы на латинский язык 197

Гервазий, св., принял мученичество в 80 г. 264

Гервазий (вт. пол. XI в.), архиеп. реймский 356

Гервазий Тильберийский (ум. **1229** ?), англо-нормандский ученый и писатель 381

Герман II, патриарх никейский (1222-1240) **73**, **149**

Германарих (Эрманарих, Ерменрик, Эрменрик) (ум. 375), кор. остготов 51, 52

Геродот (ок. **485—ок.** 425 до н.э.), древнегреческий историк 10, 31, 32, 35-38, 42, **45**, 55, 56, 58, 61, 83, 88-100, 360

Гертруда (ум. **1108**), дочь кор. польского **Мйвшка II**, жена кн. Изяслава Ярославича **348**, 352, 366, 367, 389

Герцлеф, см.: Ярослав Владимирович Мудрый

Гесиод (ок. 700 до н.э.), древнегреческий поэт 34

Гиацинт, см.: Яцек Одровонж

Гида (перв. пол. XI в.), жена ярла Годвине 337, 370

Гида (ум. 1099 ?), дочь кор. английского Харальда, жена кн. Владимира Всеволодовича **Мономаха** 262, 366, 370, 371

Гиеромнемон (II в. до н.э.), афинский архонт 42

Гизела (ум. 1043), жена **имп.** германского Конрада II 369

Гизель И. (ок. 1600-1683), архимандрит Киево-Печерского монастыря, историк 5, 25

Гилли Гардский (X в.), исландский купец, персонаж «Саги о людях из Лососьей долины» 535

- Гиль Х.Х. 30
 Гиндин Л.А. 61
 Гиппарх (190—125 до н.э.), древнегреческий астроном 43, 47
 Гиппократ (ок. **460—ок.** 370 до н.э.), древнегреческий врач 172
 Глазырина Г.В. 452
 Глеб Владимирович (ум. 1015), кн. муромский 271, 324, 516
 Глеб Святославич, кн. новгородский (ок. 1068/69-1078) 369
 Глум Гейрасон (ок. 940-985), исландский скальд 420, 459, 479
 Гог (**Йаджудж**), предводитель мифического народа, библейский персонаж 13, 100, 124, 171, 189, 193, 206
Годвине (Гудвин) (ум. 1053), ярл Уэссекса 337, 370
 Голб Н. 228
 Голенко К.В. 30
 Голиус Я. 198
 Голомб **36.** 60
 Голубинский Е.Е. 212, 267
 Гомер (**IX—VIII** вв. до н.э.), древнегреческий поэт 4, 21, 28, 32, 33
 Гонорий III, папа римский (1216—1227) 389, 391, 393
 Гораций, Флакк Квинт (65—8 до н.э.), римский **поэт** 26
 Горм Старый (перв. **пол.—сер.** X в.), конунг Еллинг (Дания) 425
 Гослен из Шони (ошибочно: де Шалиньяк), член посольства кор. французского Генриха I на Русь ок. 1050 353
 Готье, еп. Мо, член посольства кор. французского Генриха I на Русь ок. 1050 353
Граков Б.Н. 30
 Грам Х. 445
 Грани (кон. XI в.), швед (?), установивший рунический камень на о. Березань 417
 Грегуар А. 91
 Греков Б.Д. 8
 Григорий I, папа римский (**590** 604) 446
 Григорий VII, папа римский (1073-1085) 361, 363, 364
 Григорий IX, папа римский (1227 1241) 383, 391, 392, 394
 Григорий (сер. X в.), священник княгини Ольги 120
 Григорович-Барский В. 158
 Грим Хеггасон (X в.), исландец, персонаж «Саги об **Эгиле**» 498
 Гримкель (ум. после 1046), еп. **ни-**даросский 553
 Грот Я.К. 450
 Гуго Капет, кор. французский (987-996) 321
 Гудвин, см.: Годвине
 Гудлейк Гардский (перв. пол. XI в.), норвежский купец 535, 536, 544
де Гье М.Я. 177
 Гумберт (сер. XI в.), кардинал 144
 Гуннар из Хлидаренди (ум. 990 или 992), исландец, герой «Саги о **Ньяле**» 454
Гуннлауг Лейвссон (ум. 1218/19), исландский монах, писатель 427, 437
 Гуннлейв (XI в.), швед, в честь которого установлен рунический камень 415
 Гуревич А.Я. 451
 Гуревич Е.А. 451
 Гусейнов **Р.А.** 186
 Гэди (XI в.), швед, заказчик рунического камня **415**
 Гюнтер (вт. пол. XI в.), граф шварцбургский, зять Кунигунды Орламюндской 365
 Дабрагез, ант 84
 Давыд Святославич, кн. черниговский (1115-1123) 369

- Далин О. 532, 533
- Дамаст (V в. до н.э.), древнегреческий историк 35
- Даниил Романович, кн. галицко-волинский (1238–1264) 391, 395–397
- Данлоп Д.М. 201
- Дарий I **Гистасп**, царь персидский (522–486 до н.э.) 24, 36
- Девора, пророчица (библ.) 375
- Деди (ум. 1075), маркграф тюрингенский 362, 365, 371, 373
- Деметрий Каллатийский (кон. III в. до н.э.), древнегреческий историк и географ 40, 41
- Демосфен (384–322 до н.э.), древнегреческий оратор 38
- ал-Джайхани (кон. IX–перв. четв. X в.), среднеазиатский географ, везир Саманидов 205, 208, 210, 213
- Джаксон Т.Н.** 452
- Джамасб (кон. V в.), царь персидский из династии Сасанидов 200
- ал-Джарми Муслим ибн Абу Муслим (перв. пол. IX в.), арабский географ и историк **173, 212**
- Джебе (XIII в.), монгольский полководец 250
- Джувейни, 'Ала ад-дин Ата-Малик (1226–1283), персидский историк, состоявший на службе у монголов 248
- ад-Димашки (1256–1327), арабский космограф **211, 212**
- Дмитрий, см.: Изяслав Ярославич
- Дмитрий Солунский (ум. 306) 361
- Дмитрий Торник (XII в.), византийский писатель 72
- Динарх (360–290 до н.э.), древнегреческий оратор 38
- Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н.э.), древнегреческий историк 32, 42
- Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (ум. 316), имп. римский (284–305) 49
- Дион Кассий (ок. 160–235), греческий историк 32, 88, 94
- Дион Хрисостом (ок. 40–120 н.э.), древнегреческий оратор и философ 46, 55, 56
- Диофант Александрийский (ок. 250), древнегреческий математик 40
- Дир (IX в.), варяг, кн. киевский 108
- Дитерих К. 78
- Дитрих (X в.), маркграф Саксонской северной марки 344, 345
- Дитрих фон Кивель (**сер. – вт.** пол. XIII в.), датский правитель Виронии 534
- Длугош Ян** (1415–1480), польский историк 27, 124, 329, 352, 383
- Добронега (Мария) (ум. 1087), дочь кн. Владимира Святославича, жена кн. польского Казимира I **346, 347**
- Добрыня Ядрейкович, см.: Антоний
- Доватур А.И. 31, 32
- Донизон (ум. после 1136), аббат североитальянского монастыря в Каноссе, писатель 75
- Дорн **Б.А.** 7, 184, 185
- Дублер С. 245
- Дуйчев И. 78
- Дьярв (XI в.), швед, заказчик рунического камня 415
- Дюммлер Э. 286
- Евклид (ок. 365–300 до н.э.), древнегреческий математик 172
- Евнаний** (ок. **345–ок.** 420), греческий христианский философ 94
- Евпраксия (Адельхайда, Пракседа) (ум. 1109), дочь кн. Всеволода Ярославича, жена имп. герман-

- ского Генриха IV 274, 373–377, 389
- Еврипид** (480–406 до н.э.), греческий драматург 33, 91
- Евсевий Кесарийский (ок. 260–340), христианский философ и писатель 51, 52, 70
- Евстафий Солунский (ок. 1115–ок. 1196/97), византийский писатель 71, 72, **75**, 101, 140, 141
- Евтропий (IV в.), римский историк 26
- Езекия, царь иудейский (725–697 до н.э.) 261
- Елена (ошибочно вм. Анна), жена кн. Владимира Святославича Святого 318, 320, 321
- Елена Лакапина (сер. X в.), жена имп. византийского Константина VII Багрянородного 304
- Елизавета (Эллисив, Элизабет) (ум. после 1066), дочь кн. Ярослава Владимировича Мудрого, жена конунга норвежского Харальда Сигурдарсона Сурового Правителя 5, 348, 421, 523–525
- Ельницкий Л.А. 30, 31
- Ерменрих, см.: Германарих
- Ефрем, митрополит киевский (1054/55–1061/62) 143, 144
- Ефрем, византийский писатель **159**
- Жебелев** С.А. 31, 32
- Жерве**, см.: Гervазий
- Забелин И.Е. 26
- Завадский Т. 60
- Залмоксис, легендарный скифский философ **124**
- Захир ад-дин, см.: Мар'аши Захир ад-дин
- Заходер** Б.Н. **188**, **189**, 213, 217, 236
- Зевс, верховный бог в древнегреческой мифологии 36
- Зимек Р. 448, 449
- Зимин А.А. 497
- Зинислав, искаженное имя русского князя **137**
- Злотарский В.Н. 78
- Зограф А.Н. 30, 40
- Зонара, см.: Иоанн Зонара
- Зопирион (**посл.** треть IV в. до н.э.), полководец Александра Македонского 39
- Зосим (вт. пол. V в.), византийский писатель и историк 52, 69
- Иаиль, израильтянка, убившая филистимского полководца Сисару (библ.) 376
- Иаков, праотец (библ.) 551
- Иаков Мних (вт. пол. XI в.), древнерусский писатель 308
- Иафет (Йафас), сын Ноя 195, 277
- Ибн ал-Асир (1160–1234), арабский историк 184, 224, 230, 232, 233, 249, 250
- Ибн Ахмад ал-Йазиди, см.: Мухаммад ибн Ахмад ал-Йазиди
- Ибн Баттута (XIV в.), арабский путешественник 245
- Ибн Биби, см.: Насир ад-дин Йахья ибн Мухаммад
- Ибн Даста, см.: Ибн Русте
- Ибн Ийас (**1448–1524**), египетский историк и географ **211**
- Ибн Исфендийар (нач. XIII в.), персидский историк 200, 222, 223
- Ибн Йа'куб (Якуб), Ибрахим (вт. пол. X в.), испано-еврейский учёный и путешественник **184**, 215, 296
- Ибн Мискавейх (ум. 1030), арабский историк 223, 224, 230
- Ибн ан-Надим (X в.), арабский библиограф 202
- Ибн Русте (ошибочно Ибн Даста) (кон. IX–нач. X в.), арабский географ 124, 184, 208–211, 233

Ибн Са'ид ал-Магриби (1208/14-1274/86), испано-арабский историк и географ 211, 212, 242, 243

Ибн Сарапийун, см.: Сухраб

Ибн Серапион, см.: Сухраб

Ибн Фадлан (X в.), арабский путешественник 124, 174, 182, 186, 213-215

Ибн ал-Факих ал-Хамадани (кон. IX—нач. X в.), арабский географ 202, 207, 208

Ибн Хаукаль (X в.), арабский географ и путешественник 216-219, 225, 230, 231, 241

Ибн Хордадбех (ок. 820—ок. 912/13), арабский географ 173, 187, 192, 202, 204-208, 210, 218, 220, 296

Ибн ал-Хусаин 124

Ибрахим ибн Йа'куб, см.: Ибн Йа'куб

Ивар Утвик (перв. пол. XIII в.), норвежец, персонаж «Саги о Хаконе **Хаконарсоне**» 454

Ивар Широкие Объятья (вт. пол. VII в.), конунг Упсалы из династии Инглингов 484

Игнатий (770/780—после 845), византийский агиограф 91, 92

Игнатий, патриарх константинопольский (847-858, 867-877) 93, 103, 104

Игорь (Ингор, Ингвар, легендарный конунг Ладоги ?) (ум. 944/45), кн. киевский 91, 96, 97, 99, 107, 111, 113, 115, 123, 124, 128, 156, 229, 291, 292, 303, 307, 392, 485, 488, 520, 529, 547

Игорь Ярославич (ум. 1060), кн. волынский, смоленский 358

Ида из Эльсдорфа (ум. в 1080-е), двоюродная сестра имп. германского Генриха IV, теща кн.

Святослава Ярославича 367—369, 376

ал-Идриси (1100—1165), арабский географ 178, 187, 190—193, 211, 219, 240-243

Иезекииль, пророк (библ.) 91, 100, 124

Иерослав, см.: Ярослав Владимирович Мудрый

Иерослав, см.: Ярослав Владимирович, **кн. галицкий**

Иерослав, искаженное имя русского князя 137

Изенбарт Г. 268

Изольда, героиня куртуазного романа 513

Изяслав Владимирович (ум. 1001), кн. полоцкий 358, **517**

Изяслав Мстиславич, кн. киевский (1146—1154 с перерывами) 140, 147, 148, 262, 370, 389, 390

Изяслав Ярославич, кн. киевский (1054—1078 с перерывами) 5, 261, 272, 351, 352, 358-366, 368-371, 373, 389

Икмор (вт. пол. X в.), воин в войске кн. Святослава Игоревича 123, 124

Иконников В.С. 77

Иларион, митрополит киевский (1051—до 1055) 143, 147, 292

Иловайский Д. И. 26

Илья Ярославич (ум. 1019), кн. новгородский 5, 338

Имма, см.: Эмма

Имре (Генрих), кор. венгерский (1196-1204) 380

Имре (Генрих) (ум. 1031), сын кор. венгерского Стефана I 350

Ингвар, легендарный конунг Ладоги (Игорь, кн. киевский?) 487, 488

Ингвар Путешественник (ум. 1041?), шведский викинг 425, 442, 484, 525-531

- Ингибьёрг, дочь Ингвара, легендарного конунга Ладоги 487, 488
- Ингигерд, дочь Ингвара, легендарного конунга Ладоги 487, 488
- Ингигерд-Ирина (Инград) (ум. 1050), дочь конунга шведского Олава Шётконунга, жена кн. Ярослава Владимировича Мудрого 330, 336, 341, 366, 421, 460, 483, 494, 508-515, 517, 524, 537, 540, 543, 552, 554
- Ингигерд (сер.-вт. пол XI в.), дочь Елизаветы Ярославны и конунга норвежского Харальда Сигурдарсона Сурового Правителя 524, 525
- Инглинги, династия шведских и норвежских конунгов 409, 420, 433
- Ингор, см.: Игорь, кн. киевский
- Иннокентий III, папа римский (1198-1216) 391
- Иоаким (Яким) Корсунянин, еп. новгородский (ок. 990-1030/31) 156, 157
- Иоанн I Цимисхий, имп. византийский (969-976) 109, 111, 113, 122, 125-128 307, 320
- Иоанн II **Комнин**, имп. византийский (1118-1143) **109, 136**, 142
- Иоанн XIII, папа римский (965-972) 305
- Иоанн I, митрополит киевский (упоминается в 1020-е) 73, 143, 330
- Иоанн II, митрополит киевский (до 1077/78-1089) 144, 145, 260
- Иоанн IV, митрополит киевский (1163-1166) 146
- Иоанн, еп. новгородский ? (до 1015) 157
- Иоанн (кон. XVI в.), копиист 111
- Иоанн Диакон (кон. **X-XI** в.), льянский хронист 290, 292
- Иоанн Диоген (XII в.), **византийский** писатель 72
- Иоанн Зонара (перв. пол. XII в.), византийский историк, юрист и агиограф 75, 107, ПО, ПН, 132
- Иоанн Кантакузин (ок. **1295** 1383), византийский писатель и император (1341-1354) 75
- Иоанн Киннам (после **1143-нач.** XIII в.), византийский историк 10, 70, 78, 135, 137, 138, 152
- Иоанн Кириот (Геометр) (**930-ок.** 990), византийский гимнограф 125, 126
- Иоанн Комнин (нач. XIII в.) 142
- Иоанн Куркуас (сер. X в.), византийский полководец **116**
- Иоанн Малала (ок. **490-ок.** 570), византийский писатель 53, 74, 83
- Иоанн Русский, см.: Иоанн I, митрополит киевский
- Иоанн Севильский (XII в.), переводчик арабской литературы на латинский язык 197
- Иоанн Сиропул (кон. XII в.), византийский писатель 72
- Иоанн Скилица (после **1040-после** 1100), византийский писатель 70, 107, ПО, 118, 127-129, 131, 132, 137
- Иоанн Цец (ок. **1110-ок.** **1185**), византийский ученый и поэт 75, 152-155
- Иоанн Эфесский (VI в.), патриарх антиохийский, сирийский писатель 84
- Иоанникий (вт. пол. XII в.), сын имп. византийского Иоанна II Комнина 109
- Иордан (VI в.), готский историк 52, 53, 61, 79

Иосиф (X в.), царь хазарский 226–228

Исгерд, жена легендарного конунга Ладоги Хергейра 487

Исидор (ок. 570—636), еп. севильский, писатель-энциклопедист 53, 276

Исидор (ок. 1380/90–1463), киевский митрополит-униат, кардинал, поздневизантийский писатель и гуманист 108

Искандер, см.: Александр Македонский

Исократ (436—338 до н.э.), древнегреческий оратор 38

ал-Истахри (перв. пол. X в.), арабский географ 216–219

Истрин В.М. 8

Ита (вт. пол. X в.), дочь герцога швабского Конрада 309, 311

Ифигения, героиня одноименной трагедии **Еврипида** 33, 34, 59

Иштван (Стефан) I Святой, кор. венгерский (997–1038) 312, 333, 341, 350, 351

Иштван (Стефан) III, кор. венгерский (1161, 1163–1172/73) 135, 136

Иштван (Стефан) IV, кор. венгерский (1162/63) 136

Йаджудж, см.: Гог

ал-**Иа'куби** (ум. 897 или 905), арабский историк и географ 202, 225

Йакут ар-Руми (ок. **1179–1229**), арабский учёный-энциклопедист 214, 246, 247, 249

Йафас, см.: Иафет

Йахья (Яхья) Антиохийский (ок. 980–ок. 1066), христианско-арабский историк 184, 232, 233

Йомали, божество бьярмийцев 479–481

Йорга Н. 78

Йоунссон Гудни 446

Йоунссон Финнур 422, 446

Кадлубек Винцентий (ок. **1160–1223**), польский хронист 327, 345, 359, 360

Каждая А.П. 78

ал-Казвини, Закарийя (ок. 1203—**1283**), арабский космограф 184, 215, 245

Казимир I Восстановитель, кн. польский (ок. 1038–1058) 5, 261, 330, 342, 345–348, 350, 358

Казимир II Справедливый, кн. польский (1177–1194) 383

Калинина Т.М. 187, 233, 234

Каллин Эфесский (VII в. до н.э.), древнегреческий поэт 34

Каллистов Д.П. 31

Калокир (X в.), византийский вельможа 127, **156**

Кальв Асгейрссон (перв. пол. XI в.), исландец, персонаж «Саги о людях из Лососей долины» 545

Кальман (перв. пол. XIII в.), сын кор. венгерского Андрея II 391

Кар (XI в.), швед, заказчик рунического камня 415

Карамзин Н.М. 24, 292, 450, 533

Карл Великий, кор. франкский (768–814, имп. с 800) 288, 294, 295

Карл Лысый, кор. западнофранкский (840–877, имп. с 875) 288, 290

Карл (кон. XI в.), швед (?), в память о котором установлен рунический камень на о. Березань 417, 544, 546

Карл (перв. пол. XI в.), исландский торговец 537–539

Карл Йонссон (вт. пол. XII в.), аббат монастыря в Тингейраре 427

Карли (XI в.). норвежец, персонаж «Саги об Олаве Святом» 480
Карышковский П.О. 30
Квинт Деллий (I в. до н.э.), древнегреческий писатель 42
Кедрин Георгий (XI-XII вв.), византийский историк 75
Кезаи **Шимон** (вт. пол. XIII в.), венгерский хронист 350
Кекавмен (вт. пол. XI в.), византийский писатель 131
Кетиль (Гарда-Кетиль) (перв. пол. XI в.), участник похода Ингвара Путешественника 423, 526-528, 530
Кирик Новгородец (перв. пол. XII в.), древнерусский церковный писатель 389, 556
Кирилл, см.: Константин-Кирилл
Кирилл I, митрополит киевский (1224-1233) 149, 150
Кирилл II, митрополит киевский (1240-е-1281) 150
Кларий, монах м-ря св. Петра в Сансе, хронист 353, 355
Клеркон, эст, персонаж «Саги об Олаве **Трюгвасоне**» 496, 497
Климент, еп. римский (90/92—101?) 319, 320
Климент III, антипапа (**1080—1100**) 145
Климент Смолятич (ум. после **1164**), митрополит киевский (1147-1155) 146, 148, 262, 354, 389
Кловер К. 449
Ключевский В.О. 24, 497
Кляшторный С.Г. 201
Книпович Т.Н. 30
Кнут Великий (ум. 1035), кор. датский (с 1019), английский (с 1016) и норвежский (с 1028) 5, 17, 335, 336, 338, 341, 342, 349, 409, 410, 508, 538-540, 553

Кнут Святой, кор. датский (1080-1086) 430
Ковалевский А.П. 186, 214
Козьма (1045—1125), чешский хронист 281
Коковцов П.К. 186, 226-228
Колаксай, культурный герой в скифской мифологии 36
Кольскегг (вт. пол. X в.), исландский викинг, персонаж «Саги о Ньяле» 454
Кондратьев С.П. 30
Коновалова И.Г. 219, 220, 221
Конрад I, кор. германский (**911—919**) 283
Конрад II, кор. германский (1024—1039, **имп.** с 1027) 342, 343, 347, 349, 369
Конрад (ум. 1247), кн. мазовецкий 264
Конрад (Куно), граф **Энинген**, герцог швабский (983-997) 309-311, 367
Конрад (вт. пол. XI в.), сын кор. германского Генриха IV 374, 375
Конрад Монферратский (XIII в.) 141
Константин I Великий (ок. 285—337), **имп.** римский (306-337) 106, 306
Константин VII Багрянородный, **имп.** византийский (913-959, в 920—944 в соправительстве с Романом I Лакапином) 10, 12, 14, 69, 70, 78, 88, 94-99, 102-104, 107, 113, 117, 118, 120, 121, 124, **132**, 157, 303, 304, 307, 316, 476
Константин VIII, **имп.** византийский (1025-1028) 110
Константин IX Мономах, **имп.** византийский (**1042—1055**) 5, 129, 130-132, 134
Константин X Дука, **имп.** византийский (1059-1067) 132

Константин IV Хлиарен, патри-
арх константинопольский
(1154-1157) 148

Константин I, митрополит киев-
ский (1155-1159) 146, 148

Константин II, митрополит киев-
ский (1167-1169) 146

Константин Добрынин (ум. ок.
1021), посадник новгородский
338

Константин-Кирилл (ум. 869), сла-
вянский просветитель 103, 294,
320, 354, 355

Константин Манасси (ум. 1187),
византийский историк 106

Константин Стилв (кон. XII-нач.
XIII в.), византийский писа-
тель 72

Кораблёв Б. 77

Котис, имя царей боспорских 23

Краммерс И.Х. 217

Крачковский И.Ю. 8, 175, 186,
188

Кречетов П.Н. 28

Кристин (1234-1262), дочь кор.
норвежского Хакона Хаконар-
сона 532, 533

Крузий (Краус) Мартин (XVI в.),
немецкий эллинист 75

Ксенофонт (ок. 430-после 355 до
н.э.), древнегреческий историк
и писатель 88

Кудрявцев О.В. 30

Кузьменко Ю.К. 451

Кукина **И.В.** 31

Кулаковский Ю.А. 29, 76

Кунигунда (Ирина) (вт. пол. XI в.),
дочь маркграфа Оттона Орла-
мюндского, жена кн. Ярополка
Изяславича 346, 365-367, 371

Куник А.А. 7, **184, 185, 264**

Куно, граф **Байхлинген** (1083—
1103) 365

Куно, граф Энинген, см.: Конрад,
герцог швабский

Кутлумуш, основатель монастыря
на Афоне ? **158**

Курц Э. 77

Курце Ф. 284

Курций Руф, **Квинт** (I или II в.),
римский историк 26

ал-Куфи (ум. 926), арабский исто-
рик 200, 201

Кьяртан Олавссон (сер. XI в.), ис-
ландец, персонаж «Саги о лю-
дах из Лососьей долины» 545

Лаббе Ф. 75

Ламперт Херсфельдский (ум. после
1077), немецкий анналист 261,
269, 308, 344, 349, 360-362,
367

Лангебек Я. 445, 448

Лаоник Халкокондил (ок. 1423—
ок. 1490), поздневизантийский
историк 75

Лалпо-Данилевский **А.С.** 28

Ласло (Владислав) I Святой, кор.
венгерский (1077-1095) 352,
365, 371, 373

Ласло (Владислав) Лысый (перв.
пол. XI в.), двоюродный брат
кор. венгерского Стефана I 350

Латышев В.В. 7, 8, 28, 29, 30, 31

Лев I, имп. византийский (457—
474) **117**

Лев II, имп. византийский (474)
117

Лев VI, имп. византийский (886-
912) 94, 107, 113-115, 124

Лев IX, папа римский (1049-1054)
367

Лев Диакон (вт. пол. X в.), визан-
тийский историк 13, 14, 70, 100,
101, 118, 122-125, 127-129,
520

Лев Кефала (XI в.), византиец 133

Лев (Леон, Леонтий) (1060-е или
1070-е), митрополит переяслав-
ский 73, 143, 144

- Лев Триполитанский (X в.), арабский полководец 115
- Левенте (сер. XI в.), брат королей венгерских Андрея I и Белы I 350, 351
- Левенте (сер. XI в.), сын кор. венгерского Белы I 352
- Леви Е.И. 30
- Левицкий Т. 186, 244
- Левкон** I (387-347 до н.э.), царь Боспора 38
- Левченко М.В. 78
- Леон, см.: Лев, митрополит переяславский
- Леон(т) (Леонтий), еп., затем архиеп. ростовский (1158-1183) 149
- Леонтий, еп. ростовский (1070-е) 156
- Леопольд V, герцог австрийский и штирийский (1191-1198) 299
- Леопольд VI, герцог австрийский и штирийский (1198-1230) 379, 380
- Лер-Сплавинский Т. 60
- Лешек Белый (ум. 1227), кн. маłopольский 264
- Лённрут Л. 422
- Либущий (ум. 961), миссийный еп. Руси 304
- Линд Дж. 525
- Линдоу Дж. 449
- Липоксай, культурный герой скифской мифологии 36, 37
- Липпольд, см.: **Лютпольд**
- Листель** К. 422
- Литаврин Г.Г. 61, 78, 118, 120, 121
- Литберт, еп. Камбрэ (вт. пол. XI в.) 355
- Лиудпранд (ум. 971/72), еп. кременский, писатель 99, 115, 291, 292, 346
- Лихачев Д.С. 493
- Ловмянский Г. 60
- Ломоносов М.В. 25
- Лопарёв Х.Н. 77
- Лука Хрисоверг, патриарх константинопольский (1157—1169/70) 73, 146-149
- Лукан, Марк Анней (39—65), римский поэт 381
- Лукиан из Самосаты (ок. 120—ок. 190), древнегреческий писатель 46
- Лызлов А. 5, 25
- Людвиг (ум. 1123), пфальцграф тюрингенский 365
- Людовик I Благочестивый, имп. франкский (814-840) 13, 288, 289
- Людовик II Немецкий, кор. восточнофранкский (840-876) 290, 292, 293, 299, 300
- Людовик IV Дитя, кор. восточнофранкский (899—911) 295
- Людовик VII, кор. французский (1137-1180) 141
- Людольф (ум. 1038), граф брауншвайгский 369
- Люпальд**, см.: Лютпольд
- Лютпольд (Липпольд, Люпальд) Бабенберг (ум. 1043), маркграф венгерской марки 367, 368, 371
- Лябуда Х. 452
- Лященко А.И. 509, 516
- Мабильон Ж. 75
- Маврикий, имп. византийский (582-602) 53, 84, 86-88, 124
- Маврикий, монах м-ря св. Иакова в Регенсбурге (кон. XI—нач. XII в.) 384
- Магнус Босоногий, кор. норвежский (1093-1103) 433
- Магнус Добрый (1024-1047), конунг норвежский (1036-1047) 410, 421, 426, 433, 454, 460, 494-498, 507, 512, 514, 526, 537-539

- Магнус Исправитель Законов (1238-1280), кор. норвежский (1263-1280) 434
- Магнус Слепой, кор. норвежский (1130-1135) 433
- Магнус Эрлингссон, кор. норвежский (1163/64-1184) 433
- Магнуссон Арне (1663-1730), датский антикварий 444, 445
- Магог (Маджудж), библейский персонаж 13, 100, 124, 171, 189, 193, 206
- Маджудж, см.: Магог
- Маймун (X в.), эмир Дербента 236, 239
- Майнверк, еп. падерборнский (1009-1036) 386
- ал-Макин (1205-1273), христианско-арабский историк 232, 233
- Максим Грек (ок.1475-1556), русский писатель 156
- Малесклюд, см.: Ярослав Владимирович Мудрый
- Малх (V-VI вв.), ранневизантийский историк 94
- ал-Ма'мун (813-833), халиф из династии Аббасидов 172, 177
- Ма'мун ибн Мухаммад (перв. пол. X в.), эмир Ургенча 230
- Манкиев А.И. 6
- Манси И. 76
- Мансур (перв. пол. XI в.), эмир Дербента 238
- Мануил I **Комнин**, имп. византийский (1143-1180) 135-137, 140-142, 148
- Мануил Грек, еп. смоленский (1136-после 1168) 145
- Мануил Стравороман (кон. XI в.), византийский писатель 126
- Мар Яков бен Р. Ханукка, податель «Киевского документа» 229
- Мар'аши Захир ад-дин (вт. пол. XV в.), персидский историк 203, 204, 206, 222, 223, 225
- ал-Марвази, Шараф аз-заман Тахир (**XI-перв.** пол. XII в.), арабский ученый-естествовед и врач 211, 233-235
- Марван II (744-750), халиф из династии Омейядов 200, 201
- Маргарет, см.: Эстрид, сестра кор. датского и английского Кнута Великого
- Маргарита (XI в.), королева шотландская 340, 341
- Марголин П.В. 185
- Марзбан (X в.), прикаспийский правитель из династии Музафиридов 224
- Марин Тирский (кон. I-II в.), древнегреческий географ 47
- Мария, см.: Добронега
- Мария (?) (**сер.-вт.** пол. XI в.), дочь имп. византийского Константина IX, жена кн. Всеволода Ярославича 132
- Мария (вт. пол. XI в.), дочь конунга норвежского Харальда Сурового Правителя и Елизаветы Ярославны 524, 525
- Маркварт Й. 185, 201, 202, 212
- Маркопулос А. 92
- Марти Ю.Ю. 29
- Мартин I, папа римский (649-653) 355
- Мартин (середина XII в.), еретик 148
- Мартин Галл см.: Галл Аноним
- Марциан (сер. III в.), римский полководец 51
- Марциан Капелла (V в.), римский писатель 276
- Мас'уд Газневи, султан из династии Газневидов (1030-1041) 248
- Мас'уд ибн Намдар (нач. XII в.), арабский литератор 237, 239
- ал-Мас'уди (ум. 956), арабский историк, географ и путешественник 115, 173, 183, 220-223, 226, 229, 241

- Матвей Парижский (ум. после 1259), английский хронист 382, 384
- Матильда (ум. 1115), герцогиня тосканская 375, 376
- Матузова В.И. 10
- Матфей, еп. краковский (сер. XII в.) 388-391, 394
- Медея, героиня греческого эпоса 33, 34
- Мела, см.: Помпоний Мела
- Мельникова Е.А. 448, 452
- Менандр Протектор (VI в.), византийский полководец и писатель 53, 84, 85, 94, 113
- Метцендин Э. 449
- Мефодий (ум. 885), славянский просветитель, архиеп. моравский 158, **294**, 295
- Мефодий (нач. 13 в.), основатель Почаевского м-ря 158
- Мёшко I, кн. польский (ок. 960—992) 328, **344**, **363**
- Мёшко II, кор. польский (1025—1034 с перерывом) 342-345, 347, 366, 373
- Мёллер И. 216
- Мжик Г. 197
- Миккола И. 463
- Миллер Г.Ф. 6
- Миллер К. 185
- Миллер Э. 77
- Мимнерм (ок. 600 до н.э.), древнегреческий поэт 34
- Минорский В.Ф. 186, 219
- Минучихр, правитель Ширвана (1027-1034) 237
- Минцлов Р.И. 76
- Минь Ж.-П. 77, 283
- Митридат VI Евпатор (132—63 до н.э.), царь понтийский 41—43
- Михаил III, имп. византийский (856-867) 103, 104, 106, 108, 109, 304
- Михаил V, имп. византийский (1041-1042) 129, 130
- Михаил VI, имп. византийский (1056-1057) 134
- Михаил VII Дука, имп. византийский (1071-1078) 73, 129
- Михаил I, митрополит киевский (1130-1145/46) 145, 390
- Михаил II, митрополит киевский (1171—до 1183) 149
- Михаил Атталиат (1030/1035—**1085/1100**), византийский историк 131
- Михаил Всеволодович, кн. черниговский, вел. кн. киевский (1238-1246) 397
- Михаил Глика (ум. ок.1204), византийский писатель 75, 110
- Михаил Италик (ум. ок. 1157), византийский писатель 72
- Михаил Пселл (**1018—после 1096/1097**), византийский писатель 69, 70, 129, 130
- Михаил (XIII в.), ритор, византийский писатель 140
- Михаил Ритор (Анхимальский) (XII в.), византийский писатель 72, 141
- Михаил Солунский (XII в.), византийский писатель 72
- Михаил Хониат (ок. 1138-1222), византийский писатель **72**, **138**, 142
- Мишулин А.В. 30, 61
- Мищенко Ф.Г.. **28**
- Мовсес Каганкатвацци (X в.), армянский историк 224, 227
- Могк Э. 422
- Моисей Угрин (перв. пол. XI в.), монах Киево-Печерского монастыря 347
- Моислав (1030-40-е), кн. мазовецкий 347
- Молинье А. 287
- Молтке Э. 446
- Монфокон Б. 75
- Моравчик Д. 78

- Мстислав Владимирович (ум. 1036), кн. **тмутараканский**, киевский **(1125–1132)**, 237, 262, 343, 370, 540
- Мстислав Мстиславич Удатный (ум. 1228), кн. новгородский, **галицкий** (1219–1227) 392
- ал-Мукаддаси, см.: Шамс ад-дин ал-Мукаддаси (ал-Макдиси)
- ал-Мукаддаси, Мутаххар ибн Тахир (X в.), арабский учёный и литератор 210, 211
- ал-Муктади (1075–1094), халиф из династии Аббасидов 232
- ал-Муктадир (908–932), халиф из династии Аббасидов **213**
- Муратори Л.А. 76, 281
- Муса ат-Тузи (X в.), проповедник из Гиляна 237
- ал-Мустасим (1242–1258), халиф из династии Аббасидов **170**
- Мухаммад (ок. 570–632), основатель ислама **169, 171, 176**, 179, 181, 220
- Мухаммад ибн Ахмад ал-Йазиди, ширваншах (981–991) 230
- Мухаммад ибн Халид (IX в.), основатель ширванской династии Йазидидов 236
- Мухаммадрафи (XIV в.), мулла, дагестанский историк 238
- Мюленгоф К. 28
- Мюнаджжим-баши** (XVII в.), турецкий историк и астроном 236
- Надеждин Н.И 28
- Наджиб Хамадани (XII в.), персидский географ 246
- Назаренко А.В. 121, 509
- ан-Насир, султан (1293–1341 с перерывами), 243
- Насир ад-дин Йахья ат-Туси (XIII в.), персидский ученый, энциклопедист 191
- Насир **ад-дин** Йахья ибн Мухаммад (Ибн Биби) (вт. пол. XII в.), персоязычный хронист Сельджукидов 248, 249
- Неккель Г. 422
- Непот, Корнелий (ок. **100–после** 32 до н.э.), римский писатель 26
- Нерман Б. 483
- Несислав (XII в.), искаженное имя русского князя 137
- Нестор, еп. ростовский (сер. XII в.) 146, 148
- Нестор (кон. **XI–нач.** XII в.), монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский летописец и агиограф 27
- Нибур Б.Г. 77
- Нидерле Л. 60
- Низами Гянджеви (1140/41–1202/3), персидский поэт 183, 239, 246
- Никита Пафлагон (**IX–X** вв.), византийский философ и писатель 93, 94
- Никита Хониат (ок. **1155–1217**), византийский ритор и писатель 71, 72, 75, 138, 139, 142, 152
- Никифор II Фока, имп. византийский (963–969) 118, 122, 126, 127, 156, 320
- Никифор III Вотаниат, имп. византийский (**1078–1081**) **133**
- Никифор I, патриарх константинопольский (806–815) 10, 70, 74, 109
- Никифор I, митрополит киевский (1104–1121) 145, 149
- Никифор II, митрополит киевский (до **1183–после** 1198) 149
- Никифор Васибеки (**1115–ок.** 1180), византийский писатель 72, 152
- Никифор Григора (нач. **1290-х–ок.** 1360), византийский учёный и философ 75, 96

Никифор Хрисоверг (кон. **ХII**–**нач.** **ХIII** в.), византийский ритор 72

Николай II, папа римский (**1058**–1061) 356

Николай IV Музалон, патриарх константинопольский, писатель (1147–1151) 73, 146, 148

Николай I, митрополит киевский (до **1097**–после 1101) 145

Николай Месарит (**1163/4**–после 1220), византийский церковный деятель, писатель 72, 142

Нистазопуло М. **92**

Нифонт, архиеп. новгородский (1131–1156) 146, 389

Новосельцев А.П. 30, 187, 200–204, 212, 218, 219, 228, 231

Ной (Нух), патриарх (библ.) 195, 200, 277

Нордаль С. 422

Нумериан, Марк Аврелий Нумерий, имп. римский (283–284) 49

Нух, см.: Ной

Овидий Назон, Публий (43 до н.э.–**18** н.э.), римский **поэт** 6, 10, 26, 31, 45, **46**, 55

Ода (перв. пол. **XI** в.), жена кн. польского Болеслава I 328

Ода (перв. пол. **XI** в.), жена кн. польского **Мйшка** I 344

Ода (вт. пол. **XI** в.), дочь маркграфа Оттона **Орламюндского**, жена Экберта Младшего 365

Ода (вт. пол. **XI** в.), жена кн. Святослава Ярославича 367–369, 371, 378

Одальрик, настоятель одной из церквей в Реймсе 353, 354

Одд Сноррасон (вт. пол. **XII** в.), монах монастыря в Тингейраре (Исландия) 427, 259, 460, 464, 497, 526, 550, 551

Одд Стрела, норвежец, герой одноименной саги 442, 489–492, 545, 548, 549

Одиссей, герой гомеровского эпоса 21, 34

Одоакр (V в.), римский полководец 265

Олав (сер. **IX** в.), конунг Бирки 483, 484

Олав Тихий, конунг норвежский (1067–1093) 433

Олав Тордарсон Хвитаскальд (ок. 1210–1259), исландский учёный и скальд 429

Олав Трюггвасон, конунг норвежский (995–1000) **410**, 421, 431, 433, 454, 455, 494, 496–499, 507, 513, 549–552, 557

Олав Харальдссон Толстый Святой (Юлав) (ум. 1030), конунг норвежский (1014–1028) 131, 336, 342, 382, 410, 420, 421, 425, 431, 433, 447, 448, 459, 460, 482, 483, 494, **495**, 499, 507, 508, 510, 511, 513, 523, 531, 535–542, 544, 552–557

Олав Эйрикссон Шётконунг (ум. 1024), конунг шведский (ок. 995–ок. 1020) 335, 336, 341, 342, 410, 460, 482, 484, 485, 508–511, 527, 531, 535, 540

Олай Магнус (1490–1557), шведский церковный деятель, дипломат, историк 479

Олдржих, кн. чешский (**1012**–**1034**) **343**

Олег (ум. после 911), кн. киевский **14**, **111**, 114, 115, 228, 229, 296, 412, 488–490, 492

Олег Святославич, кн. древлянский (970–ок. 975) 312

Олег Святославич, кн. черниговский (1094–1115) 358, 362, 369, 371

- Ольга (Эльга, Елена) (ум. 969), княгиня киевская (ок. **945—ок.** 960) 14, 117, **118**, 120-122, 261, 266, 270, 303, 304, 306-308
- Оресклав, см.: Ярослав Владимирович Мудрый
- Орест, герой древнегреческой мифологии 59
- Орешников А.В. 30
- Орозий, Павел (V в.), церковный деятель и писатель 51, 52, 276
- д'Оссон М. 183
- Острогорский Г.А. 303, 307
- Отвин, еп. хильдесхаймский (954/55-984) 270
- Оттар (Охтхере) (вт. пол. IX в.), норвежец из Халоголанда 478, 479
- Оттокар III, маркграф штирийский (**1129—1164**) **379**
- Оттокар IV, маркграф штирийский (1164-1192, герцог с 1180) 378-380
- Оттон I, кор. германский (936—973, имп. с 962) 215, 266-268, 270, 303-310, 320
- Оттон II, имп. германский (973—983) 268, 285, 320, 321
- Оттон III, имп. германский (983—1002) 313, 317, 318, 321, 328
- Оттон IV, кор. германский (1198-1212/15) 381
- Оттон (ум. 1057), сын Бернхарда Младшего, маркграфа Саксонской северной марки 344, 345
- Оттон (XI в.), сын кн. польского Болеслава I 343, 344
- Оттон Нортхаймский (ум. 1083), герцог баварский (1061—1070) 365
- Оттон **Орламюндский**, маркграф тюрингенской (1062-1067) 365
- Павел, апостол 319, 363
- Павел, еп., персонаж «Саги об Олаве Трюггвасоне» 550, 551
- Палак (кон. II—I в. до н.э.), скифский полководец 43
- Палл Йонссон (1155-1211), еп. Скалхольта 429
- Палссон Херманн 499
- Панкратий, писатель 159
- Пантелеимон**, св., принял мученичество в 305 г. 262, 370, 371
- Парисад I (ум. ок. 310 до н.э.), царь боспорский 42
- Патрокл (перв. пол. III в. до н.э.), древнегреческий полководец 40
- Пашуто В.Т. 9, 10, 30, 31, 532
- Первослав**, см.: Ярослав Владимирович, **кн. галицкий**
- Первослав, сербский династ **137**
- Перед** слава (Предслава) (ум. после 1018), дочь кн. Владимира Святославича Святого 331, 347
- Персон Христофоро, итальянский гуманист, эллинист 75
- Перц Г. 280, 290
- Песах (X в.), хазарский полководец 228, 229
- Петахья** Регенсбургский (XII в.), еврейский путешественник 185
- Петер, кор. венгерский (1038—1041, 1044-1046) 351, 352
- Пето Д. 12, 75
- Петр, апостол 314, 315, 363
- Петр I (1672-1725), имп. всероссийский (с 1721) 26
- Петр Антиохийский (ок. 995—1056), патриарх Антиохии, византийский писатель 144
- Петр, еп. переяславский (упомянут в 1072) 144
- Петр Дамиани (ум. 1073), церковный деятель, богослов и писатель **311**
- Петр Патрикий 94
- Петрухин В.Я. 205, 219
- Пигулевская Н.В. 188, 205

- Пилад, герой древнегреческой мифологии 59
- Пифей из Массалии (Марселя) (середина IV в. до н.э.), древнегреческий путешественник 40
- Платон (427-347 до н.э.), древнегреческий философ 88
- Плезя М. 61
- Плиний Старший, Гай (23/24-79 н.э.), римский ученый, государственный деятель и полководец 31, 43, 45, 49, 55, 60, 61, 79, 88, 276
- Погодин А.Л. 60
- Подосинов А.В. 31
- Полибий (ок. 205-123 до н.э.), древнегреческий историк 32, 41, 43
- Помпей, Гней (106-48 до н.э.), древнегреческий полководец 42
- Помпоний Мела (I в. н.э.), римский географ 31, 43, 44, 49, 55
- Помяловский И.В. 30
- Поппон, граф ваймарский (1102-1115) 365
- Поппэ А. 144, 145
- Посидоний Апамейский (ок. 128—ок. 45 до н.э.), древнегреческий историк и географ 41, 43
- Потоцкий И. 6, 27
- Поттхаст А. 284
- Пракседа, см.: Евпраксия
- Предслава, см.: Передслава
- Придик Е.М. 29
- Примислав, кн. русский (Ярослав Владимирович, кн. галицкий ?) 136, 137
- Приск Панийский (410/20—ок. 475), византийский историк и дипломат 52, 53, 69, 79, 80, 88, 94
- Притан (IV—III вв. до н.э.), сын царя боспорского Парисада I 42
- Прицак О. 229, 452
- Продолжатель Георгия Логофета (X в.), автор византийской хроники 70, 107
- Продолжатель Скилицы (X в.), автор византийской хроники 70
- Продолжатель Феофана (X в.), автор византийской хроники 70, 102-104, 107, 108, 115, 116, 118, 122, 127
- Прокопий Кесарийский (ок. 500—ок. 560), византийский историк 53, 70, 75, 80-84, 87, 88
- Прометей, герой древнегреческой мифологии 33, 34, 59, 81
- Протасий, св., принял мученичество ок. 80 г. 264
- Пруденций (ум. 861), франкский придворный историограф 288
- Псевдо-Захария (470-е—ок. 553), византийско-сирийский писатель 70, 92, 203
- Псевдо-Кесарий (сер. VI в.), византийский писатель 53, 83, 124
- Псевдо-Симеон (последняя треть X в.), византийский историк 70, 102, 115
- Псевдо-Скилак (IV в. до н.э.), древнегреческий писатель 38
- Псевдо-Скимн (IV в. до н.э.), древнегреческий географ 41
- Пти Л. 77
- Птолемей Клавдий (сер. II в. н.э.), древнегреческий астроном, математик и географ 31, 47, 55, 56, 60, 61, 79, 172, 176, 178, 193, 196, 197
- Равеннский аноним (ок. 700), автор «Космографии» 53, 54, 55, 61
- Равн К. 7, 438, 447, 450
- Рагнар (XI в.), швед, в честь которого установлен рунический камень 542

Радагайс (V в.), царь готов 52
 Райнальд, архиеп. кёльнский
 (1159-1164) 386
 Рауль (ум. 1073), граф де Крепи
 и Валуа 356
 Регель В. 77, 108
 Регинон **Прюмский** (ум. 915), не-
 мецкий хронист 266, 303
 Редер Д.Г. 30
 Рейнберн (ум. до 1015), еп. колоб-
жегский 318, 321, 322
 Реметалк, имя царей **боспорских** 23
 Рено Ж.Т. 243
Рескупорид, имя царей боспорских 23
 Рёгнвальд (IX в.), конунг из дина-
 стии Инглингов 420
 Рёгнвальд (перв. пол. XI в.), ярл
 Вестергётланда (Швеция) 421,
 482
 Рикард II, граф нормандский
 (996-1026) 337
 Рикиса (XIII в.), дочь ярла Бирге-
 ра 532
 Римберт, архиеп. гамбургско-бре-
 менский (865—888), агиограф
 483
 Рихеза (вт. пол. X в.), дочь имп. **От-**
тона II 348
 Рихлинт (**сер.—вт.** пол. X в.), дочь
 имп. Оттона I (?) 310
 Роберт I, кор. французский
 (996-1031) 321
 Роберт, граф нормандский (1027-
 1035) 337
 Рогволод (ум. 978), кн. полоцкий
 517
 Рогнеда (ум. **1000**), жена кн. Вла-
 димира Святославича Святого
 331
 Роджер из Ховедена (ум. 1201),
 английский хронист 340, 387
 Роже (сер. XI в.), еп. шалонский,
 член посольства французского
 кор. Генриха I на Русь ок.
 1050 354

Рожер II (ок. 1095-1154), кор. Си-
 цилии (1130-1154) 240
 Розен В.Р. 7, 184, 212, 217
 Роман I **Лакапин** (Романус), имп.
 византийский (920-944) 107,
 113, 228, 229, 291
 Роман II, имп. византийский
 (959-963) 95, 107, 110, 111,
 120, 122, 304, 306, 307, 320,
 321
 Роман III Аргир, имп. византий-
 ский (1028-1034) 106, 133
 Роман IV Диоген, имп. византий-
 ский (1067-1071) 248
 Роман Данилович (ум. после 1260),
 сын кн. галицкого Даниила Ро-
 мановича 397
 Роман Мстиславич, кн. галицко-
 вольнский, вел. кн. киевский
 (1203-1205) 139, 264, 353,
 391
 Роман Ростиславич, кн. киевский
 (1171-1180 с перерывом) 263,
 264
 Роман Святославич (ум. 1079), кн.
 тмутараканский 369
 Романус, см.: Роман I Лакапин
 Ромаскевич **А.А.** 185
 Росислав, см.: Ростислав Мстисла-
 вич
 Роспонд С. 60
 Ростислав Мстиславич (Росислав),
 кн. киевский (**1161—1167** с пе-
 рерывом) 136, 137, 149
 Ростовцев М.И. 7, 29
 Рош, кн. мифических народов Гог
 и **Marog** (в Септуагинте) 13, 91,
 100
 Рудольф (сер. X в.), граф из рода
 Вельфов 309, 311
 Рудольф (вт. пол. XI в.), монах из
 Камбрэ, агиограф 355
 Румянцев Н.П. 182, 183
 Руна (XI в.), заказница руническо-
 го камня 542

Руперт из Дойца (ум. 1129/31), немецкий богослов и писатель 262, 370

Рыбаков Б.А. 26, 60, 212

Рыдзевская Е.А. 8, 451, 509, 551

Рюг О. 449

Рюрик Ростиславич (ум. 1212), кн. киевский (неоднократно между 1180 и 1210) 139, 382

Рюрик (вт. пол. IX в.), варяжский кн. 12, 411, 412, 488, 503

ас-Са'алиби (961—1038), арабский филолог и историк 202, 204

ас-Саби', см. ал-Баттани

Сабит ибн Курра (834-901), арабский астроном, медик и историк 198

Савромат, имя царей боспорских 23

Саксон Грамматик (ок. 1150—ок. 1220), датский хронист 448, 520

Салах ад-Дин (1138-1193), египетский султан (с 1171) 242

Саллам ат-Тарджуман (сер. IX в.), арабский путешественник 171

Саллюстий (86—34 до н.э.), римский писатель 26

Самоквасов Д.Я. 26

Сатир (IV—III вв. до н.э.), сын боспорского царя Парисада I 42

Сафо (ок. 600 до н.э.), древнегреческая поэтесса 34

Сварожич, божество в славянской мифологии 314

Сваруна, славянин 84

Свейн (XI в.), сын Ингвара Путешественника 423, 526

Свейн (XI в.), швед, в честь которого установлен рунический камень 542

Свейн Альвивасон (ум. 1036), сын Кнута Великого, наместник в Норвегии (1030-1036) 538, 539

Свейн Сигурдарсон (XIII в.), норвежец, персонаж «Саги о Хако-не Хаконарсоне» 454

Свейнссон Эйнар Олавур 422

Свен Аггесен (вт. пол. XII в.), датский хронист 448

Свен Вилобородый, датский конунг (985-1014) 333

Свен Эстридссен, кор. датский (1047-1075/1076) 336, 337, 370, 521, 522, 525

Свердлов М.Б. 398, 451, 492, 509

Сверрир, норвежский конунг (1184-1202) 434, 438

Святополк Владимирович (Ярополчич) (ум. после 1019), кн. киевский (1015-1016, 1018-1019) 271, 273, 274, 316, 323-326, 328, 330, 331, 333-336, 500-502, 516-520, 522 (см. также Бурислав)

Святополк Изяславич, кн. киевский (1093-1113) 366, 368

Святослав Владимирович (ум. 1015), кн. древлянский 271, 324

Святослав Игоревич (Сфендослав), кн. киевский (ок. 960-972) 10, 97, 109, 111, 120, 122-125, 127-129, 230, 261, 306-308

Святослав Ярославич, кн. киевский (1073-1076) 159, 261, 351, 358, 361, 362, 364-366, 368-371, 378

Седов В.В. 60

Сейппель А. 185

Селевк Никатор (ок. 356—281 до н.э.), полководец Александра Македонского 40

Сельджук ибн Тутак (X—нач. XI в.), предводитель тюрок-огузов, основатель династии Сельджуков 250

Сенека Луций Анней (ок. 4—ок. 65 н.э.), римский писатель 6, 26

- Сергий Колива 72
 Сёренсен С. 452
 Сигват Тордарсон (ок. 995-1045),
 исландский скальд 420, 421,
 553, 554, 556
 Сигеберт из **Жамблу** (ум. 1112),
 французский хронист 291, 362,
 363
 Сигмунд, легендарный персонаж
 «Саги о Хальвдане Эйстейнссо-
 не» 487
 Сигрид (XI в.), жена Спяльбуда
 542
 Сигрид Гордая (вт. пол. X—нач.
 XI в.), жена конунга шведско-
 го Эйрика Победоносного 486
 Сигурд (вт. пол. X в.), норвежец, дя-
 дя Олава Трюгвассона 494, 496
 Сигурд Крестоносец, кор. норвеж-
 ский (1103-1130) 426, 455
 Сим, библейский персонаж 277
 Симеон Метафраст (вт. пол. X в.),
 византийский писатель 94
 Сисара, филистимский полково-
 дец (библ.) 375, 376
 Сищо (ум. **1160**), граф шварцбург-
 ский 365
 Скилак (VI в. до н.э.), древнегре-
 ческий мореплаватель и гео-
 граф 38
 Скилур (кон. II—I в. до н.э.), скиф-
 ский царь 43
 Скимн **Хиосский** (III—II в. до н.э.),
 древнегреческий поэт 41
 Скржинская М.В. 31
 Скули, ярл, легендарный персо-
 наж «Саги о Хальвдане Эй-
 стейнссоне» 487
 Скъэльд, легендарный основатель
 датской королевской династии
 Скъльдунгов 425
 Славник (ум. 981), кн. чешский
 308
Слейпнир, конь Одина 491
 Смирницкая О.А. 451
 Снорри Стурлусон (1178/9-1241),
 исландский писатель 419, 421,
 428, 430, 446, 454, 455, 460,
 479, 480, 482, 484, 496,
 508-512, 521, 523, 535, 537,
 538, 552
 Созонен (V в.), греческий писа-
 тель 51
 Сократ Схоластик (380—440), гре-
 ческий философ и писатель 51
 Солин, Гай Юлий (**перв.** пол. III в.),
 римский писатель 49, 276
 Соловьёв СМ. 24
 Соломон, царь израильский (ок.
 965-926 до н.э.) 322
 Соломон, см.: Шаламон
 Соломоник Э.И. 30, 31
 Соти (ум. 1041 ?), участник похо-
 да Ингвара Путешественника
 527, 528
 Спафарий-Милеску Н.Г. 75
 Спяльбуд (вт. пол. XI в.), швед,
 в честь которого установлен ру-
 нический камень 542
 Стасин (VII в. до н.э.), древнегре-
 ческий поэт 34
 Стеблин-Каменский М.И. 451
 Стевнин **Торгильссон** (вт. пол. X в.),
 исландец, персонаж «Саги
 о крещении» 454
 Стефан, соправитель имп. визан-
 тийских Романа I и Константи-
 на VII 113
 Стефан I, см.: Иштван I
 Стефан III, см.: Иштван III
 Стефан IV, см.: Иштван IV
 Стефан, священник церкви св.
 Олава в Новгороде 555
 Стефан Неманя (1113/14-1200),
 великий жупан сербский 139
 Сторм Г. 447
 Страбон (ок. 64/63 до н.э.—ок. 20
 н.э.), древнегреческий географ
 и историк 31, 39, 40, 42, 43, 45,
 57, 88

Стрыйковский Матвей (вт. пол. XVI в.), польский историк 264
Стув Слепой (сер. XI в.), исландский скальд 524

Стурла **Тордарсон** (1214-1284), исландский государственный деятель и писатель 428, 429, 453, 531

Стурлауг Трудолюбивый, герой **одноименной** саги 488

Стурмир Карасон Мудрый (ум. 1245), исландский писатель 425

Субудай (XIII в.), монгольский полководец 250

Суровецкий В. 60

Сусан ар-Расси (X в.), глава посольства халифа ал-Муктадир к волжским булгарам в **921–922** гг. 213

Сухраб (Ибн **Сарапийун**, Ибн Серапион) (перв. пол. X в.), арабский географ 197

Сфангел, см.: Сфенкел

Сфендослав, см.: Святослав Игоревич

Сфенкел (Сфангел) (Свенельд ?) (вт. пол. X в.), воевода кн. Святослава Игоревича 123, 128

Сэмунд Сигфуссон Мудрый (1056–1133), исландский историк и писатель 426, 430, 431

ат-Табари (838-923), арабский богослов и историк 199, 200, 203, 204, 224

Таргитай, культурный герой скифской мифологии 36

Татищев В.Н. 6, 24, 26, 75, 264

Тацит, Корнелий (ок. 55-116/20 н.э.), римский историк 6, 26, 32, 60, 61, 79

Теодорих Великий (Тидрек Бернский) (V в.), кор. остготов 442

Теодрик (кон. XII в.), монах, норвежский историограф 426, 431, 508

Терновский Ф.А. 77

Тиверий, Клавдий Нерон, имп. византийский (578-582) **85**

Тидрек Бернский, см.: Теодорих Великий

Тизенгаузен В.Г. 7, 185

Титмар, еп. мерзебургский (**1009–1018**), хронист 124, **270–274**, 280, 309. 314, 316-336, 345, 346

Тихомиров М.Н. 96

Тоант, мифический царь тавров 59

Тоган А.З.В. (Валидов А.З.) 200, 201, 214

Толочко П. П. 509

Толстой И.И. 30

Тор, бог в скандинавской мифологии 548

Торальд (XI в.), норвежец, в честь которого установлен рунический камень **476**

Торарин Славослов (XI в.), исландский скальд 553

Торвальд Кодранссон (вт. пол. X в.), исландец, персонаж «Саги о крещении» 454, 557

Торгаут Заячья Губа (нач. XI в.), шведский викинг 535

Торгнир, дед лагмана Торгнира 482

Торгнир, отец лагмана Торгнира 482

Торгнир (нач. XI в.), лагман в Упсале 482, 483, 485

Торд Гранасон (вт. пол. X в.), исландец, персонаж «Саги об Эгиле» 498

Торир Собака (XI в.), норвежец, персонаж «Саги о Харольдсоне» 480

Траян, имп. римский (**98–117**) 320

Требеллий **Поллион** (IV в.), римский историк 51

Тристан, герой куртуазных романов 513

- Туманский А.Г. 218
 Туни, см.: Антоний, аббат
 Тургенев А.И. 284, 388
 Тюдольв Арнарсон (XI в.), исландский скльд 524
 Тюдольв из Хвинира (вт. пол. IX в.), исландский скальд 420
 Тыменецкий К. 60
- Удальцов А.Д. 60
 Удон II Штаден, маркграф Саксонской северной марки (1057–1082) 369, 376
 ал-‘Узри (1003–1085), испано-арабский географ 215
 Укерт Ф.А. 28
 Ульв (Вольф) (ум. ок. 1025), ярл, наместник Кнута Великого в Дании 337, 338, 370
 Ульвкель, исландец, персонаж «Саги о Хльвдане Эйстейссоне» 454
 Ульрих (1230-е), представитель католического духовенства в Киеве 383
 Ульрих Орламюндский, маркграф каринтийский (1067–1070), зять кор. венгерского Ласло I 365
 Ульрих Орламюндский, граф ваймарский (1070–1112) 365
 ‘Умар, халиф (634–644), один из четырёх, т. наз. «праведных» халифов 181
 Урбан II, папа римский (1088–1099) 375, 376
 Успенский Ф.И. 77
- Фабрициус А. 76
 Фалл (985–1031), эмир Аррана 237
 Факси, конь Ода Стрелы 491
 Фанагор (VI в. до н.э.), легендарный основатель г. Фанагория 35
 ал-Фаргани (IX в.), среднеазиатский астроном и географ 197, 198
 Фармаковский Б.В. 30
 Фейер Д. 284
 Феогност, митрополит киевский и Всея Руси (1328–1353) 156
 Феодор Алексеевич, царь русский (1676–1682) 75
 Феодор (Феодорец) (ум. 1069), нареченный еп. владимирский 147
 Феодор Продром (перв. пол. XII в.), византийский писатель 72, 96, 101, 145, 151, 154
 Феодора (перв. пол. IX в.), жена имп. византийского Феофила I 106, 111
 Феодорит Киррский (перв. пол. V в.), византийский церковный писатель 52, 70
 Феодосий Печерский (ок. 1074), игумен Киево-Печерского м-ря 74, 261
 Феопемпт, митрополит киевский (упоминается в 1039) 143
 Феофан (сер. X в.), византийский патрикий 116
 Феофан Исповедник (ок. 760–818), византийский писатель 10, 70, 75, 78, 92
 Феофан Митиленский (I в. до н.э.), древнегреческий писатель 41
 Феофано (сер. X в.), жена Романа I Лакапина 110
 Феофано (вт. пол. X–XI вв.), племянница имп. византийского Иоанна I Цимисхия 320
 Феофил I, имп. византийский (829–842) 13, 106, 288, 297
 Феофилакт Симокатта (ок. 580–641), византийский писатель 70, 75, 88
 Ферран Г. 245
 Фетида, морская нимфа в греческой мифологии 34

- Фив (I в. н.э.)» ученик Климента, еп. римского 354
- Филин Ф.П. 60
- Филипп I, кор. французский (1060-1108) 348, 355, 356
- Филипп II, кор. французский (1180-1223) 141
- Филосторгий (ок. 368-440), византийский историк 51
- Филофей (вт. пол. IX в.), византийский писатель 126
- Флор, Анней (нач. II в.), римский историк и писатель 265
- Флоренций** Вустерский (ум. 1118), английский хронист 340-342
- Флоринский Н. 51
- Флорова Н.А. 30
- Флоровский А.В. 226
- Фотий, патриарх константинопольский (858-867, 877-886) 69, 92, 93, 103, 104, 144, 157
- Франмар, легендарный персонаж «Саги о Стурлауге Трудолюбивом» 487, 488
- Френ Х.М. (Х.Д.) 182, 183, 212, 214, 225
- Фридрих I Барбаросса, кор. германский (1152-1190, имп. с 1155) 141, 283, 385, 386
- Фридрих II Воинственный, герцог австрийский (1212-1250, имп. с 1235) 383, 396, 397
- Фридрих Г. 284
- Фролова Н.А. 30
- Фроянов И.Я. 497
- Фукидид** (ок. 460-ок. 400 до н.э.), древнегреческий историк 83
- Хагбьярн (XI в.), готландец, заказчик рунического камня 476
- Хаджи** Халифа (1609-1657), турецкий географ и библиограф 245
- Хакани (1120-1199), персидский поэт 239
- Хакон (XI в.), датский **викинг** 521
- Хакон Сигурдарсон Могучий, ярл Хладира (975-995) 540
- Хакон Добрый, конунг норвежский (933-960) 433, 512
- Хакон Хаконарсон, кор. норвежский (1217-1263) 434, 531-534
- Хакон Широкоплечий, кор. норвежский (1157-1162) 433
- Халлар-Стейн (XII в.), исландский скальд 421
- Хальфред Трудный Скальд (ум. ок. 1007), исландский скальд 420, 464
- Хальвдан Чёрный, конунг норвежский (827-858) 426, 427, 433
- Хальвдан Эйстейнссон, герой одноименной саги 487
- Хам, сын Ноя (библ.) 277
- Хаммер-Пургшталь И. 183
- Харальд, кор. английский (1066) 337, 370
- Харальд Гилли, кор. норвежский (1135-1138) 433
- Харальд Прекрасноволосый (ум. ок. 940), конунг норвежский 409, 411, 413, 426, 427, 433, 457, 488, 495, 512
- Харальд Серая Шкура, конунг норвежский (960-975) 420, 433, 459, 479
- Харальд (Аралът) Сигурдарсон Суровый Правитель, конунг норвежский (1046-1066) 5, 131, 348, 408, 421, 433, 459, 494, 499, 507, 523-525, 542, 556
- Харальд Синезубый (ум. ок. 988), конунг датский 333, 409
- Хардакнут, кор. датский (1035-1042), английский (1040-1042) 526
- Харольд, см.: Харальд Сигурдарсон Суровый Правитель
- Хартвиг, антиархиеп. магдебургский (1085-?), 374

- Хартвик**, немецкий купец в Киеве 381
- Хасан ибн Зайд Алид**, основатель государства 'Алидов на южном побережье Каспия (864—884) 222, 223
- Хасдай ибн Шафрут** (X в.), сановник испанских Омейядов 226, 227, 296
- ал-Хваризми, см.: ал-Хоризми
- Хвольсон Д.А.** 183
- Хеймир**, персонаж скандинавского героического эпоса 487
- Хельги** (XI в.), муж Руны, заказчицы рунического камня 542
- Хельги Бограннсон** (перв. пол. XIII в.), норвежец, персонаж «Саги о Хаконе Хаконарсоне» 454
- Хельмольд** из Бозау (Гельмольд) (ум. после 1177), немецкий хронист 124, 385, 386
- Хергейр**, легендарный конунг Ладоги 487
- Херик**, саксонский рыцарь, участник похода на Киев 1018 328
- Херманн** из Райхенау (перв. пол. XI в.), немецкий хронист 368
- Хермод**, один из богов скандинавского языческого пантеона 491
- Хилал ас-Саби** (ум. в 1056), арабский историк 221
- Х-л-гу** (Хелги) (сер. X в.), предводитель отряда русов 228, 229
- Хойслер А.** 422
- Хольтсмарк А.** 432
- Хольцманн Р.** 280
- ал-Хорезми, см.: ал-Хоризми
- ал-Хоризми (ал-Хваризми, ал-Хорезми), Мухаммад ибн Муса (ум. после 846/7), арабский математик, астроном, историк и географ 178, 195-197, 243
- Хосров I Ануширван** (531-579), персидский царь из династии Сасанидов 200, 203
- Хравн** (XI в.), готландец, в честь которого установлен рунический камень 476
- Хравнкель Годи Фрейра**, герой одноименной саги 491
- Христина** (сер. XI в.), дочь принца английского Эдуарда 340, 341
- Хродвисл** (XI в.), готландец, заказчик рунического камня 476
- Хромунд Грипссон**, исландец, герой одноименной саги 438
- Хуго**, кор. итальянский (926-947) 292
- Хусам ад-дин Чупан** (перв. пол. XIII в.), сельджукский полководец 251
- Хьяльмвиги** (ум. 1041 ?), участник похода Ингвара Путешественника 527, 528
- Цезарь, Гай Юлий** (100-44 до н.э.), римский государственный деятель и писатель 26, 106, 297
- Цёльнер Э.** 265, 266
- Циммерманн Х.** 284
- Цицерон, Марк Туллий** (106-43 до н.э.), римский оратор и государственный деятель 36
- Чертков А.Д.** 212
- Чичуров И.С.** 30, 78
- Чупан-бек** (XVII в.), дагестанский правитель 238
- Шаламон** (Соломон) (ум. ок. 1087), кор. венгерский (1063-1074) 348, 352, 371, 373
- Шамс ад-дин ал-Мукаддаси** (ал-Макдиси) (947-1000), арабский географ и путешественник 230, 231
- Шамуэль**, см.: Аба Шамуэль
- Шармуа Ф.-Б.** 183, 212
- Шаровольский И.В.** 450

Шаскольский И.П. 450, 451, 532, 551
Шафарик П.Й. 60, 61, 79
Шахматов А.А. 8, 272, 302, 488, 490
Шахрбараз (VII в.), правитель Дербента 203, 204
Шевченко И.И. 92
Шелов Д.Б. 30
Шехтер С. 227, 228
Шир К. 440, 449
Шишова И.А. 31, 32
Шкорпил В.В. 30
Шлёцер А.-Л. 6, 26, 267, 450
Шрайнер П. 108, 109
Штерн Э.Р. 30
Штриттер И. 6, 27, 75, 76
Шукрулла ибн **Шихаб** (ок. 1386—1489), турецкий историк 233

Шапов Я.Н. 9, 10, 30

Эвдокс **Книдский** (ок. 408—355 до н.э.), древнегреческий математик, астроном, географ 35
Эвмел (IV—III вв. до н.э.), сын царя боспорского Парисада I 42
Эвмел (VII в. до н.э.), древнегреческий поэт 34
Эгберт (X в.), архиеп. трирский 366
Эгиль (XI в.), норвежец, заказчик рунического камня 476
Эгиль Скаллаграмссон (ум. ок. 990), исландский скальд 498
Эгмунд, легендарный персонаж «Саги об Олле Стреле» 549
Эгмунд из Спангхейма, норвежец, персонаж «Саги о Хаконе Хаконарсоне» 454
Эдгар, сын принца английского Эдуарда 340, 341
Эдмунд (Эмунд) Железнобокий, кор. английский (1016) 340—342

Эдмунд (**перв.** пол. XI в.), сын кор. английского Эдмунда Железнобокого 340
Эдуард (ум. 1057), сын кор. английского Эдмунда Железнобокого 340, 341
Эдуард Исповедник, кор. английский (1042-1066) **340**
Эет, легендарный царь Колхиды 34
Эйвинд Турий Рог (X в.), норвежский викинг и скальд 535
Эймунд (XI в.), готландец, заказчик рунического камня **476**
Эймунд Хрингссон (кон. X—**перв.** пол. XI в.), норвежский викинг 324, 500, 502-507, 513-522, **528**, 540, 543
Эйнар Скуласон (перв. пол. XII в.), исландский скальд 553
Эйрик (вт. пол. X в.), ярл 421
Эйрик Кровавая Секира (ум. ок. 954), конунг норвежский 457, 479, 495
Эйрик Оддссон (сер. XIII в.), священнослужитель м-ря в **Тингейраре**, писатель 426
Эйрик Победоносный (ум. ок. 995), конунг шведский 483, 486
Эйрик Свейнссон, ярл 558
Эйрик, сын Сигурда (вт. пол. XII в.), норвежец 552
Эйрик Хаконарсон, ярл Хладира (1000-1014) 454
Эйрик Эмундарсон (ум. 882 ?), конунг Упсалы 482—484
Эйстейн (XI в.), готландец, заказчик рунического камня **476**
Эйстейн Эрлендссон, еп. нидаросский (1161-1188) 553, 555
Эйхвальд Э. 28
Экберт Старший брауншвайгский (ум. 1068), маркграф майсенской марки **372**
Экберт Младший, маркграф майсенский (1068-1090) 365, 369, 371

- Эккехард (ум. 1002), маркграф майсенский 328
- Эккехард (ум. после 1126), аббат монастыря в Ауре (Франкония), хронист 377
- Элиман (сер. XI в.), еп. ланский 355
- Элисабет, см.: Елизавета
- Эллисив, см.: Елизавета
- Эльга, см.: Ольга
- Эльдад (XI в.), еврейский путешественник 185
- Эмма (Имма), жена кор. английских Этельреда II, затем Кнута Великого 337
- Эпир (вт. пол. XI в.), резчик рунических камней 542
- Эратосфен (275-ок. 196/94 до н.э.), древнегреческий географ 40, 43, 47
- Эрнст Бабенберг, маркграф Баварской восточной марки (1055—1075) 371, 373
- Эстрид (перв. четв. XI в.), жена конунга шведского Олава Шётконунга 336
- Эстрид (Маргарет) (перв. пол. XI в.), сестра кор. датского и английского Кнута Великого 337, 338
- Эсхил (525—456 до н.э.), древнегреческий драматург 33
- Эсхин (389-ок. 314 до н.э.), древнегреческий оратор и политический деятель 38
- Этельред II Нерешительный, кор. английский (978/79-1016) 337, 340
- Эфор (405—330 до н.э.), древнегреческий историк 39, 40, 43, 55
- Ювенал, Децим Юлий (ок. 60—после 127), римский поэт 382
- Юлав, см.: Олав Харальдссон Святой
- Юлий I, папа римский (337-352) 354, 355
- Юлий Клодий, см.: Ярослав Владимирович Мудрый
- Юрий Владимирович Долгорукий, кн. ростово-суздальский, киевский (1150—1157 с перерывами) 140, 148
- Юрий Всеволодович, вел. кн. владимирский (1212—1238 с перерывами) 392-394
- Юстин I, имп. византийский (518-527) 117
- Юстин Трог (кон. I в. до н.э.), римский историк 6, 26
- Юстиниан I, имп. византийский (527-565) 81, 84, 117
- Юстиниан II, имп. византийский (685-695) 119
- Языджи-огду Али (XVB.), турецкий поэт, историк и переводчик 248
- Яйленко В.П. 30
- Яков Станиславич (вт. пол. XII в.), посол Андрея Боголюбского в Константинополь 146
- Якуб, см.: Ибн Йа'куб
- Якубовский А.Ю. 231, 251
- Якун (Хакон) (перв. пол. XI в.), варяг на службе кн. Ярослава Владимировича Мудрого 540
- Янин В.Л. 10
- Янош Турочи (ум. 1488/89), венгерский историк 352
- Янссон С.Б. 448
- Ярицлав, см.: кн. Ярослав Владимирович Мудрый
- Ярицлейв, см.: кн. Ярослав Владимирович Мудрый
- Ярополк Изяславич, кн. туровский и волынский (1078-1086) 346, 348, 363-367, 371, 373, 378, 389

- Ярополк Святославич**, кн. киевский ***(970/972–978)** 308, 311, 312, 331
- Ярослав Владимирович Мудрый** (Георгий Скав, Герцлеф, Иерослав, Малесклад, Оресклав, Юлий Клодий, **Ярицлав**, Ярицлейв), вел. кн. киевский (1016– 1018, 1019–1054) 5, 16, 17, 147, 159, 261, 271, 274, 292, 309, 316, 323–336, 338, 340– 343, 345–348, 351, 352, 354, 358, 366, 412, 421, 460, 486, 494, 496, 499, 500–524, 527, 528, 537–541, 543, 544, 552
- Ярослав Владимирович** (Иерослав, Первослав, Примислав), кн. галицкий (1153–1187) **136**, 137, 392
- Ярослав Всеволодович**, вел. кн. владимирский (1238–1246) 394
- Ярослав Святополчич** (ум. 1123), кн. волынский 145
- Ярослав Святославич** (ум. 1129), кн. черниговский, муромский 368, 369
- Ярослав Ярославич**, брат Александра Невского 533, 541
- Ясон**, герой древнегреческого эпоса 33
- Яффе Ф.** 284
- Яхья**, см.: Йахья
- Яцек** (Гиацинт) **Одровонж** (ум. 1257), польский доминиканец, миссионер 383

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования.	3
Библиография.	19
Часть I. Античные источники.	21
Введение.	21
1. Исторические судьбы Северного Причерноморья	21
1.1. Античный мир на берегах Черного моря . . .	21
1.2. Местные племена Северного Причерноморья .	23
1.3. Появление славян.	24
2. Виды источников	25
3. Историография изучения и основные публикации античных источников	25
Глава 1. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье.	32
1.1. Вводные замечания.	32
1.2. Хронологический обзор литературной традиции.	33
1.2.1. Куда плывал Одиссей? (Мифологический этап).	33
1.2.2. У истоков исторической и этногеографической науки.	35
1.2.3. «Скифский рассказ» Геродота.	36
1.2.4. Афины и Боспор в V–IV вв. до н.э.	37
1.2.5. Эллинистические источники.	39
1.2.6. Что знали о Восточной Европе римляне? . .	41
1.2.7. На закате античности (источники IV–V вв.)	49
1.2.8. Начало новой эпохи: раннесредневековые латинские источники (VI–VII вв.).	52
1.3. Общие особенности античных письменных источников.	54
Глава 2. Образ Восточной Европы в античности.	57
Глава 3. Были ли венеды славянами? Античные и раннесредневековые источники о славянах	59
Библиография.	62
Вопросы для контроля и повторения.	68
Часть II. Византийские источники.	69
Введение.	69
Глава 1. Кто были анты? Славяне и анты глазами византийцев. V–VII вв.	79

Глава 2. «Племя неведомое, племя бесчисленное... Племя от края земли». Имя Руси в византийской традиции IX — середины X в.	90
Глава 3. Когда была крещена Русь? Взгляд из Византии.	102
Глава 4. Война и мир в русско-византийских отношениях X — начала XIII в.	111
4.1. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в.	111
4.2. Княгиня Ольга в Константинополе.	117
4.3. Походы Святослава	122
4.4. Последняя война Руси и Византии.	127
4.5. Русский воинский корпус в Византии.	132
4.6. Русские княжества и Византия в XII-XIII вв.	135
Глава 5. Церковные связи Руси и Византии.	143
Глава 6. Образ Руси в византийской литературе: география и население в XII-XIII вв.	151
Глава 7. На перекрестке культур.	156
Библиография.	160
Вопросы для контроля и повторения.	168

Часть III. Восточные источники. 169

Введение.	169
1. Арабский халифат в средневековом мире	169
2. Пути проникновения сведений о Восточной Европе в арабо-персидский мир.	172
3. Основные жанры восточных источников	175
3.1. Развитие географической науки.	175
3.2. Произведения исторического жанра.	178
3.3. Эпистолярные памятники.	180
4. Нарративные восточные источники.	180
5. История изучения и издания восточных источников по истории восточных славян и Древней Руси.	182
6. Основные пособия по изучению средневековых восточных источников	188
Глава 1. Общие представления восточных авторов о физической и этнополитической географии Восточной Европы.	188
Глава 2. Восточная Европа в сочинениях арабских астрономов IX в.	195
Глава 3. Ранние упоминания о славянах.	199

Глава 4. Ранние известия о русах	202
Глава 5. Пути купцов-русов и славян в Багдад и Рей	204
Глава 6. «Остров русов».	208
Глава 7. Первый арабский путешественник по Восточной Европе: Ибн Фадлан.	213
Глава 8. Три «группы» русов.	216
Глава 9. Заморские походы русов.	220
Глава 10. Хазария и ее падение.	226
Глава 11. Крещение Руси.	232
Глава 12. Русы на Кавказе в X–XII вв.	235
Глава 13. Древняя Русь в системе средневековых государств XII–XIII вв.	240
13.1. Географическая энциклопедия ал-Идриси.	240
13.2. Продолжатели ал-Идриси.	242
13.3. Записки Абу Хамида ал-Гарнати о путешествиях по Восточной Европе	244
13.4. Географический словарь Йакута	246
13.5. Русская торговля в степи.	247
13.6. Приход монголов в Европу.	249
Библиография.	250
Вопросы для контроля и повторения.	258

Часть IV. Западноевропейские источники. 259

Введение	259
1. Почему историку Руси важно знать западноевропейские источники.	259
2. Несколько источниковедческих иллюстраций.	263
2.1. Кто ты, «русский король Роман»? — или о пользе календарей	263
2.2. Руги или русь в «Раффельштеттенском таможенном уставе»?	264
2.3. Чего искали в Германии послы княгини Ольги? — или: текстологии никогда не бывает слишком много.	266
2.4. Были ли причины ликовать у польского князя Болеслава — или о важности «внутренней» текстологии.	270
2.5. Ruzzia=Graecia? — или: где кончается Балтийское море?	274
3. Основные издания и справочная литература	277
3.1. Основные собрания источников	279

3.2. Главнейшие справочно-источниковедческие пособия.	286
Глава 1. Первые упоминания о Руси: IX—начало X в. . . .	288
1.1. «Король их именуется хаканом, а народ называется Рос... »: «Вертинские анналы» . . .	288
1.2. «Хаган норманнов» в споре двух императоров	290
1.3. «Хазары, русь, луколяне, венгры»: народы Восточной Европы в «Баварском географе» . . .	292
1.4. «Путь из немец в хазары»: « Раффельштеттенский таможенный устав».	295
1.5. <i>Rhos, Rûzâra, Ruzzi</i> и др.: варианты имени <i>Русь</i> в западноевропейских источниках или о пользе лингвистики для истории . . .	297
Глава 2. Русь и Германия накануне крещения Руси. . . .	302
2.1. «Адальберт, епископ Руси»: Запад и Западная церковь в политике киевской княгини Ольги.	303
2.2. Внучка Оттона Великого — жена киевского князя? Русско-немецкий союз при Ярополке Святославиче.	308
Глава 3. Владимир Святой в западноевропейских источниках.	313
3.1. «Правитель Руси, великий властью и богатством»: миссийный архиепископ Бруно Кверфуртский и Владимир.	313
3.2. «Великий и жестокий распутник»: Владимир в хронике Титмара Мерзебургского.	317
3.3. Святополк «Окаянный» или Ярослав «Мудрый»? Усобица Владимировичей.	325
3.3.1. Берестейская «интермедия» 1017 г.	325
3.3.2. Киевский поход Болеслава и Святополка 1018 г.	326
3.4. <i>Rex, senior, dux</i> : титулатура древнерусских князей в западноевропейских источниках . . .	333
Глава 4. Международная политика Ярослава Мудрого . . .	334
4.1. Новгородский князь в борьбе за Киев.	335
4.1.1. Ярослав и датско-английская держава Кнута Великого.	335
4.1.2. Сыновья Эдмунда Железнобокого на Руси ?	338
4.2. Русь и Германия: против Мешка II и за Казимира I.	342
4.3. Елизавета, Анастасия, Анна: брачная политика Ярослава в 1040-х годах	348

4.3.1. 1042 г.: кризис русско-немецкого союза . . .	348
4.3.2. Андрей I и Анастасия (?) Ярославна: поворот в венгерской политике Ярослава Мудрого.	350
4.3.3. Генрих I и Анна Ярославна.	353
Глава 5. Между Польшей и Германией: западноевро- пейские союзы Ярославичей.	358
5.1. «Блудил по чужим землям, имения лишен»: дважды изгнанник Изяслав Ярославич.	359
5.2. Ода и Гида: «дуумвират» Святослава и Всеволода Ярославичей.	367
5.3. Евпраксия Всеволодовна: взлет и падение . . .	373
Глава 6. Международная торговля Руси.	378
6.1. Регенсбург как центр континентальной торговли с Восточной Европой.	378
6.2. Русь и балтийская торговля.	385
Глава 7. Русские «схизматики»: новая восточно- европейская политика Западной церкви.	387
Библиография.	398
Вопросы для контроля и повторения.	406

Часть V. Скандинавские источники. 408

Введение. 408

1. Скандинавия VIII–XIII вв. и Восточная Европа	408
2. Жанры и виды древнескандинавских источников.	412
2.1. Рунические надписи.	414
2.2. Скальдическая поэзия.	418
2.3. Исландские саги.	422
2.4. Географическая литература.	442
3. Издание скандинавских источников и справочная литература	444

Глава 1. Восточная половина мира глазами скандинавов: топонимия в исторических исследованиях.	452
1.1. «На восток» из Суздаля в Новгород: о специфике древнескандинавской ориентационной системы.	453
1.2. «Восточная часть» и «Восточный путь» . . .	457
1.3. На берегах Восточного моря.	460
1.4. В глубь Восточной Европы.	462
1.5. На пути «из варяг в греки».	475

1.6. Сокровища Бьярмланда: литературный образ и исторические реалии.	477
Глава 2. В тумане столетий: история в преданиях.	482
2.1. О владениях шведских конунгов в Аустрвеге.	482
2.2. Князь Игорь в скандинавских преданиях? . . .	485
2.3. Смерть от коня.	489
Глава 3. Скандинав на Руси: сюжетные стереотипы и исторические реалии.	493
3.1. Викинг без страха и упрека.	494
3.2. Сколько стоит наемник?	498
Глава 4. Ярослав Мудрый в скандинавской традиции . . .	507
4.1. Брак Ярослава и Ингигерд: формирование литературной традиции.	508
4.2. Был ли Ярослав убийцей своего брата? . . .	515
Глава 5. Завершение эпохи викингов.	523
5.1. Елизавета Ярославна норвежская.	523
5.2. Последний викингский поход в Восточную Европу.	525
5.3. Александр Невский в исландской саге.	531
Глава 6. «Он плавал на Русь с дорогими товарами».	534
6.1. Торговая поездка Гудлейка Гардского в Гардарики.	535
6.2. Древнейший договор Руси и Норвегии.	537
6.3. Готский двор и его предшественники.	541
6.4. «Грани сделал этот холм по Карлу, своему сотоварищу».	544
Глава 7. От язычества к истинной вере.	546
7.1. Путь на восток — путь к христианству? . . .	547
7.2. Язычники и христиане на «Восточном пути».	549
7.3. Культ святого Олава в Новгороде.	553
Библиография.	557
Вопросы для контроля и повторения.	563
Словарь терминов.	564
Именной указатель.	598

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное
Д73 пособие для студентов вузов / М.В.Бибиков, Г.В.Глазырина,
Т.Н.Джаксон и др.; Под ред. Е.А.Мельниковой. —М.: Издательская
корпорация «Логос», 1999. — 608 с: ил.

ISBN 5-88439-088-2

Приводится обзор зарубежных источников о Древней Руси от античности до середины XIII в. Впервые в аналитическом виде представлены сведения, содержащиеся в разножанровых памятниках на греческом, арабском, древнескандинавском, латинском и других языках, о социальном и политическом строе, хозяйстве и торговле, культуре и верованиях, международных связях восточных славян и других народов Восточной Европы.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «История», ученых и специалистов в области гуманитарных наук и широких кругов читателей, интересующихся отечественной историей.

Учебное пособие

Бибиков Михаил Вадимович, Глазырина Галина Васильевна,
Джаксон Татьяна Николаевна, Коновалова Ирина Геннадиевна,
Мельникова Елена Александровна, Назаренко Александр Васильевич,
Подосинов Александр Васильевич

Древняя Русь в свете зарубежных источников

Учебное издание

**Редактор С.А.Левина
Оформление М.Ю.Молчанова
Компьютерная верстка П.Ю.Аборина**

ЛР № 071045 от 18.05.94

Подписано в печать 12.02.99. Гарнитура Школьная
Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 38,0. Усл. печ. л. 37,24. Тираж 5000 экз. Зак. 322

Издательская корпорация «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано в ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14